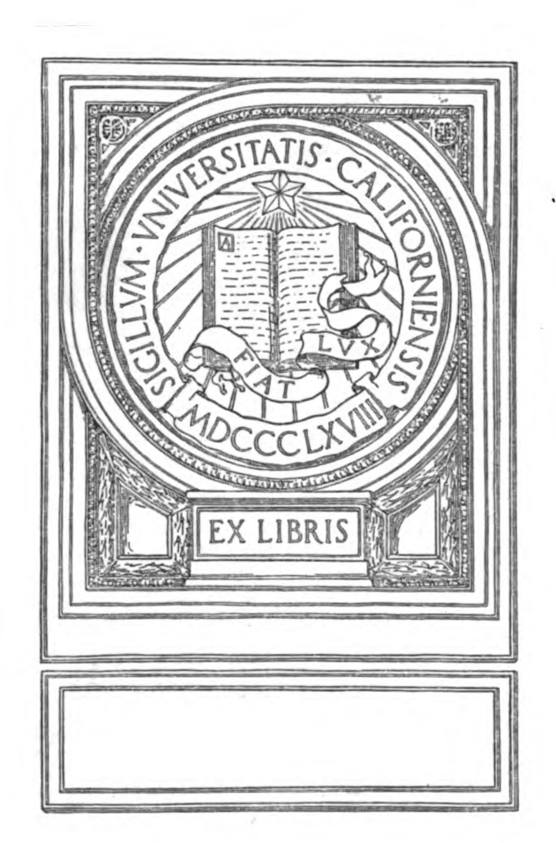

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

„МІРЪ БОЖІЙ".

(ТРИНАДЦАТЫЙ—XIII—ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 25 до 30 листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1904 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, въ прежнемъ составѣ сотрудниковъ и редакціи, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. Стихотворенія гг. Allegro, Бунина, Василевскаго, Вейнберга, Галиной, Ладыженскаго, Лукьянова, Маковскаго, Михаловскаго, Чюминой, Ѳедорова, и др.; «Изъ моихъ воспоминаній», Д. Ахшарумова; «Бунтъ», повѣсть М. Арцыбашева; «Поединокъ», повѣсть А. Куприна; «За океаномъ», повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ, Тана; «Дунечка», разск. О. Шапиръ; «Рынки», повѣсть С. Юшкевичъ; «Газетное человѣчество», разск. А. Яблоновскаго; «Природа», романъ А. М. Ѳедорова; очерки, разсказы и повѣсти гг. Л. Андреева, Баранова, Бунина, Вересаева, Потапенки, Сѣрошевскаго Телешова, О. Шапиръ, Ант. Чехова, Чирикова и др.—«Трудъ», романъ Ильзы Фрапанъ, перев. съ нѣмецкаго Э. Пименовой; «Іена или Седанъ», романъ А. Байерлейна, перев. съ нѣмец. Т. Богдановичъ; разсказы гг. Даниловскаго, Жеромскаго, Кагана, Киплинга, Реймонта, Шнитцлера и др.

Отдѣлъ II. Научныя статьи и сочиненія. I. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Основные моменты естествознанія во 2-ой половинѣ XIX вѣка», В. К. Агафонова; «Драгоцѣнные камни; ихъ происхожденіе и распространеніе», проф. К. Богдановича; «Значеніе электронной теоріи для пониманія природы», проф. Боргмана; «Роль органовъ въ самозащитѣ организмовъ», проф. А. Догеля; «На дальній сѣверъ» (въ экспедиціи барона Толя), Катинъ-Ярцева; «Астрономія въ 1903 году», К. Покровскаго; «Объ иммунитетѣ и сывороткахъ», П. Шмидта; статьи профессоровъ: академика И. Бородина, Левинсонъ-Лессинга, А. Павлова, академика А. Фаминцына и др. II. КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ: «А. Г. Щаповъ», В. Богучарскаго; «Французскіе босяки въ литературѣ и искусствѣ», Ев. Дегена; «Л. Толстой, Дж. Рёскинъ, В. Моррисъ и идея о всенародномъ искусствѣ», Ев. Дегена; «Алексѣй Толстой и поэзія шестидесятыхъ годовъ», Н. Котляревскаго; «М. Е. Салтыковъ (Щедринъ)», опытъ литературной характеристики, В. Кранихфельда; «Ибсенъ и его философскія драмы», М. Невѣдомскаго; «Изъ исторіи русской критики» (Н. Чернышевскій), П. Щеголева. III. ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ. «Русская эмиграція въ началѣ XIX в. (русскіе іезуиты кн. Гагаринъ, Печеринъ, и др.), В. Богучарскаго; «Очерки русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. II—«Монгольскій періодъ. Московскій періодъ», Н. Рожкова; «Исторія Ирландіи съ начала XIX в.», Е. Тарле; «Тьеръ и его новѣйшій историкъ», Е. Тарле. IV. СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ»: «Что такое деньги», А. Рыкачева; «Негритянскій вопросъ въ Америкѣ», Рубинова.

«Что такое общественный классъ?» М. Туганъ-Барановскаго. V. ФИЛОСОФІЯ. «О современномъ позитивизмѣ (Авенаріусъ, Махъ, Оствальдъ и др.)», проф. Г. Челпанова; «Современныя философскія исканія» (изъ міра пролетарской идеологіи)», Е. Лозинскаго. VI. ПУБЛИЦИСТИКА. «Наканунѣ земской реформы шестидесятыхъ годовъ», Ник. Іорданскаго; «Этапы аграрного вопроса и его современное положеніе на Западѣ», Е. Лозинскаго. VII. ПЕРЕВОДНЫЯ НАУЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. Въ отдѣлѣ III журнала съ особой нумераціей страницъ предполагается: «Исторія воздухоплаванія», съ многочисленными рисунками въ текстѣ, составленная подъ редакціей В. Агафонова.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Разборы выдающихся произведеній текущей литературы и на сценѣ. Въ этомъ отдѣлѣ участвуютъ: А. Б., Ѳ. Батюшковъ и Кранихфельдъ.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о событіяхъ и фактахъ русской текущей жизни. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, съѣздахъ, дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Изложеніе болѣе интересныхъ и выдающихся статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, особенностяхъ, культурныхъ явленіяхъ, выставкахъ, конгресахъ на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Содержаніе болѣе интересныхъ статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ журналахъ.

Научный фельетонъ. Выдающіеся вопросы и новости по естествознанію и техникѣ. Веденіе этого отдѣла продолжаетъ В. К. Агафоновъ, завѣдующій естественно-научнымъ отдѣломъ въ журналѣ.

Библіографическій отдѣлъ. Рецензіи и подробные критическіе разборы русскихъ и переводныхъ книгъ по изящной словесности, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для общеобразованныхъ читателей. **Новости иностранной литературы,** входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по иностраннымъ библіографическимъ изданіямъ, съ цѣлью знакомить читателей съ болѣе важными и интересными книгами, появляющимися за границей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . .	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода .	4 р.
За границу	5 »

Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ	3 р.
» апрѣлѣ	3 »
» августѣ	2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной платы.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Тип. Ѳ. Скороходова. Надеждин. 43.

„Міръ Божій", № 1, 1903 г.

Годъ XIII-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

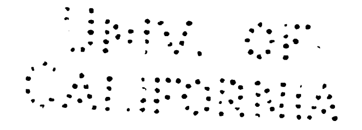
Дозволено цензурою 30-го декабря 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

Истекшій 1903 годъ навсегда останется памятнымъ въ исторіи Ирландіи. Кабинетъ Бальфура приступилъ къ такого рода аграрной реформѣ, которая, по мнѣнію ирландскихъ дѣятелей, способна серьезно удовлетворить часть требованій, предъявлявшихся ирландскимъ народомъ англійскому правительству за все долгое и невольное историческое сожительство двухъ націй. Надолго ли успокоитъ Ирландію эта уступка, покажетъ будущее, но нѣкоторые матеріалы къ тѣмъ или инымъ предположеніямъ въ этой области можетъ дать и непосредственное прошлое обѣихъ странъ. Наше общество всегда съ извѣстнымъ интересомъ относилось къ перипетіямъ англо-ирландской борьбы, и въ особенно острые ея моменты это далеко не безучастное отношеніе отражалось на столбцахъ газетъ 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ гг., пестрѣвшихъ телеграммами, корреспонденціями, перепечатками извѣстій объ Ирландіи и изъ Ирландіи. Отчасти подобный фактъ объясняется и тою тѣсною враждебною связью, которая искони существуетъ между великобританскою и русскою дипломатіями. Внутреннія затрудненія каждой изъ обѣихъ имперій представляютъ всегда жизненно-серьезный интересъ для противницы, которая сообразно съ размѣрами и важностью этихъ затрудненій можетъ обдумать и предпринять съ своей стороны тѣ или иные политическіе шаги. Но, несомнѣнно, нужно констатировать и иной источникъ интереса къ упорной борьбѣ, цѣлыя столѣтія съ интервалами свирѣпствующей между этими двумя сосѣдними островами. Дѣло въ томъ, что рѣдкая страница человѣческой исторіи заставляетъ такъ часто вспоминать слова нашего великаго писателя: «нѣтъ ничего неправдоподобнѣе дѣйствительности». Маленькое, голодающее, замученное племя, нищее, отупѣвшее отъ нужды и труда, цѣлыя столѣтія боролось и борется съ одною изъ величайшихъ и могущественнѣйшихъ державъ въ мірѣ, у которой больше земли и подданныхъ, чѣмъ было у римской имперіи въ эпоху ея высшаго процвѣтанія, которая, кромѣ того, сильна и огромными богатствами, и наукою, и всѣми благами тысячелѣтней пышнѣйшей культуры. Боролось не на жизнь, а на смерть,

выставляло новыхъ и новыхъ замѣчательныхъ представителей своей идеи, подвергалось періодически страшнѣйшимъ карамъ, теряло послѣднія крохи и лучшихъ своихъ дѣтей, и все-таки послѣ тяжелаго забытья, которое враги, а иногда и друзья, принимали за смерть, вдругъ поднималось снова, доказывало воочію, что оно не убито, а только избито, и снова писало кровью и освѣщало пожарами свой вѣчный неправдоподобно-дерзкій историческій вопросъ: «чья возьметъ?» Ирландская исторія иногда кажется какъ будто не частью дѣйствительности, а отрывкомъ изъ романтическаго произведенія, написаннаго такъ, какъ теперь уже, въ нашъ вѣкъ реализма, не пишутъ: съ чрезмѣрнымъ нагроможденіемъ труповъ, убійствъ, маловѣроятныхъ событій, фантастически-смѣлыхъ идей и еще болѣе смѣлыхъ дѣйствій, съ сухопутными и морскими приключеніями, съ удивительной свалкой героевъ, злодѣевъ, предателей и т. д., и т. д. Но когда знакомишься съ обстоятельными и несомнѣнными, идущими отъ разныхъ партій свѣдѣніями, когда убѣждаешься, что и партійные, и безпартійные, и оффиціальные, и неоффиціальные разсказы расходятся чаще всего только въ освѣщеніи событій, не оспаривая ихъ истинности, тогда, и только тогда, начинаешь понимать всю огромную важность изученія прошлаго этой страны для историка, для соціолога и для всякаго человѣка, интересующагося анализомъ движущихъ пружинъ историческаго процесса. И эта романтическая исторія, эта кажущаяся неестественной, но на самомъ дѣлѣ происходившая многовѣковая трагедія оказалась вдобавокъ самой реальной «политикой результатовъ», не хуже дѣятельности Людовика XI, Іоанна Калиты или Бисмарка, стоящихъ на другомъ полюсѣ отъ всякой исторической романтики, энтузіазма и пыла! Изъ трехъ своихъ главныхъ требованій—одного (полной религіозно-правовой эмансипаціи) ирландцы добились въ теченіе XIX-го столѣтія; при серьезномъ удовлетвореніи второго (аграрной реформы) мы, современники уиндгэмовскаго билля, теперь присутствуемъ, наконецъ, третье требованіе (полная автономія) менѣе, нежели когда-либо снимается съ ирландской программы: оно остается въ наслѣдіе будущему. Это соединеніе столь слабыхъ матеріальныхъ силъ съ грандіозными замыслами, съ серьезнѣйшими политическими дѣйствіями и съ достиженіемъ большихъ реальныхъ результатовъ едва ли не единственное въ своемъ родѣ во всемірной исторіи, по крайней мѣрѣ, въ исторіи національной борьбы. Для того философа, который ищетъ въ человѣкѣ и человѣчествѣ «великихъ возможностей», ирландская исторія есть чтеніе поучительное.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы постараемся на основаніи ограниченнаго (хронологически) матеріала,—событій послѣднихъ ста съ небольшимъ лѣтъ,—отмѣтить тѣ черты, которыя являются характерными и для всей предыдущей ирландской исторіи, и которыми, отчасти, объясняются и интенсивность борьбы, и серьезность достигнутыхъ поли-

тическихъ завоеваній. Исходной точкой новѣйшей ирландской исторіи является не французская революція, какъ для большинства западно-европейскихъ странъ, но возстаніе 1798 года съ его прелюдіями и послѣдствіями, т.-е. событіе, на которое французская революція повліяла лишь косвенно.

Съ него мы и начнемъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возстаніе 1798 года, его причины и слѣдствія *).

I.

Съ начала 90-хъ гг. XVIII-го столѣтія для всякаго освѣдомленнаго и безпристрастнаго наблюдателя было ясно, что въ Ирландіи надвигается кризисъ, и что этотъ кризисъ можетъ принять серьезные размѣры.

Но такъ какъ въ XVIII-мъ столѣтіи рядъ англійскихъ поколѣній не видѣлъ ни одного большого ирландскаго возстанія, то этимъ безпристрастнымъ наблюдателямъ вѣрили въ Англіи весьма неохотно и дол-

---

*) Нѣкоторыя общія работы для желающихъ детальнѣе ознакомиться съ событіями, излагаемыми въ этой (первой) главѣ: 1. *Francis Plowden.* An historical review of the State of Ireland from the invasion of that country under Henry II to its union with great Britain. London. 1803, iu 4⁰, Томъ I, стр. 408—630, весь II и весь III томы. 2) *W. E. H. Lecky.* A history of England in the eighteenth century. Lond. 1887; томъ VI стр. 307—610; томъ VII стр. 1—386. 397—400, 409—465; томъ VIII весь (1—552). 3) William *O'Konnor Morris* Ireland 1798—1898 (Lond. 1898). 4) *W A O'Konnor.* History of the irish people, томъ II. (Manchecter, годъ не обозначенъ). 5). The french invasion of Ireland in 98. Leaves of unwritten history. By *K. Gribayédoff.* New-York, 1890. 6) *Hassencamp.* Geschichte Irlands von der Reformation bis zu seiner Union mit England (Leipzig 1886). 7. *Hedewitsch.* Uebersicht der irlandischen Geschichte zu richtiger Einsicht in die entfernsten und höheren Ursachen der Rebellion 1798 efc. (Altona, 1806). 8) *Maxwell.* History of the irish rebellion in 1798. 9) *Barry O'Brien*, The autobiography of Theobald Wolfe Tone (1893), vols I—II. 10) *Froude*, The irish in England in XVIII century. 11) *Arthur Young.* Tour in Ireland with general observations on the present state of that Kingdom etc. Lond. 1780. (для экономич. исторіи весьма важно). 12) *Madden*, United irischmen, their lives and times (vols I—VI; Loud. 1842—48. Есть отдѣльное дополненное изданіе біографіи Эммета изъ этой коллекціи). 13) *Gordon.* History of Ireland (1806). Есть франц. изданіе. „Histoire d'Irlande" въ 3-хъ т. т. Paris 1808), томъ III. 14) *Th. Moore*, The life of Lord E. Fitzgerald, т.т. I—II (1831). 15) *George Lewis*: „Irish disturbances". 16) *Guillon*, La France et l'Irlande sous le directoire, Hoche et Humbert (Paris 1888). 17) Dictionary of national biography (томъ 47, стр. стр. 23 и сл., томъ 16, стр. 110 и слл. 18) *Lewis*, Histoire gouvernementale de l'Angleterre. 19) *Stanhope*, Life of the right hon. William Pitt (Lond. 1861), томы II и III. 20) *Мануйловъ*, Аренда земли въ Ирландіи. Москва 1895. (Литература, относящаяся къ слѣдующимъ главамъ будетъ въ нихъ указана).

*

го полагали, что они страдаютъ излишнимъ пессимизмомъ. Что въ Ирландіи давно неспокойно,—это знали и слышали всѣ, кто, вообще, хоть немного интересовался этой страной, но англичане въ теченіе ряда столѣтій уже къ этому привыкли и не совсѣмъ ясно представляли себѣ, что можетъ быть иначе. Рѣчь всегда (а особенно съ середины XVII-го столѣтія) шла только о размѣрахъ броженія, и вотъ въ эти то предсказываемые (напр., Фоксомъ и Уэстморлэндомъ) серьезные размѣры будущаго движенія долго не вѣрили. Дѣло въ томъ, что некомпетентнымъ людямъ (къ каковымъ принадлежали, кромѣ Вильяма Питта, и тогдашніе англійскіе министры, имѣвшіе весьма смутное понятіе объ Ирландіи) всякое большое возстаніе въ этой странѣ казалось послѣ 1782 года мало вѣроятною неблагодарностью: у ирландцевъ свой парламентъ въ Дублинѣ, изъ-за чего же возможна мало-мальски сильная революція, если они не окончательные измѣнники его величеству королю Георгу III? Такъ ставился вопросъ въ англійскихъ правящихъ кругахъ. Лучшая критика тогдашняго ирландскаго парламентаризма, какую только мы можемъ дать читателямъ, заключается въ самой общей характеристикѣ тогдашняго положенія дѣлъ въ Ирландіи, съ одной стороны, и простомъ изложеніи имѣвшихъ тамъ силу парламентскихъ порядковъ съ другой стороны.

Изъ $4^1/_2$ милліоновъ (съ небольшимъ) ирландскаго населенія въ концѣ XVIII вѣка, больше $3^1/_4$ милліоновъ было ирландцевъ-католиковъ, около пятисотъ тысячъ ирландцевъ-пресвитеріанъ и около трехъ четвертей милліона англичанъ (англиканской религіи). Положеніе массы основного ирландскаго населенія въ экономическомъ отношеніи было ужасно. Больше $^7/_8$ (по цифрѣ О'Коннора даже $^9/_{10}$) всей земли принадлежало сравнительно небольшой горсти англичанъ, а остальная ничтожная часть распредѣлялась между нѣсколькими богатыми ирландцами-пресвитеріанами и католиками. Англійскіе землевладѣльцы были не только пришлымъ элементомъ, но даже, въ значительной части, очень недавно пришедшимъ въ Ирландію: послѣ низверженія Іакова II Стюарта въ 1688 г., послѣ усмиренія яковитскаго возстанія въ Ирландіи въ 1689 г., имѣвшаго цѣлью поддержать короля католика, новое англійское правительство (Вильгельма III и Маріи) конфисковало массу земель (около милліона акровъ) и роздало ихъ членамъ англійской знати, которые до той поры не имѣли къ Ирландіи никакого отношенія. Это обстоятельство окончательно сдѣлало англичанъ. и дотого богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Ирландіи, господами почти всей почвы, пригодной для землепашества или скотоводства; оно же въ необычайной степени усилило такъ называемый абсентеизмъ (отсутствіе изъ страны землевладѣльцевъ), зло страшно отяготившее и безъ того нелегкое положеніе большинства народа. Дѣло въ томъ, что лендлорды весьма часто не пріѣзжали въ Ирландію иначе, какъ на мѣсяцъ—другой, для охоты и дачнаго времяпрепровожденія: въ этой совсѣмъ чужой и

неинтересной для очень многихъ изъ нихъ странѣ имъ жить было и скучно, и незачѣмъ. Колоссальныя земли свои они сдавали арендаторамъ на разные сроки и на неодинаковыхъ условіяхъ. Напримѣръ, тѣ, что получили въ 1689 г. конфискованныя у католиковъ земли, весьма скоро сбыли ихъ за хорошую цѣну въ вѣчную аренду; другіе отдавали въ пожизненную аренду или на 41 годъ, или на иные сроки. Но и этотъ первый арендаторъ (т.-е. снимавшій землю у лендлорда) тоже далеко не всегда заключалъ эту сдѣлку, чтобы жить лично въ арендованномъ помѣстьи, вести хозяйство, раздавать скотъ; аренда являлась для него весьма часто простой коммерческой аферой, вродѣ того, какъ въ городахъ существуетъ профессіональная скупка и перепродажа домовъ: онъ въ свою очередь сдавалъ арендованную землю, разбивъ ее на крупные участки. Эти вторые арендаторы, или посредники, иногда оставляли себѣ часть арендованной земли, а остальную часть, раздѣливъ на мелкіе участки, сдавали уже нищему крестьянскому населенію; иногда же сдавали все, не оставляя себѣ ничего для хозяйства, если находили это болѣе выгоднымъ. Итакъ, ферморъ, обрабатывавшій землю, долженъ былъ выработать прибыль и для второго, и для перваго арендаторовъ, и для лендлорда. Арендная плата была неодинакова для различныхъ мѣстъ и колебалась сообразно съ большею или меньшею доходностью земли. Въ общемъ, она не была выше арендной платы, бывшей въ употребленіи въ Англіи, но земля являлась несравненно менѣе доходной: никто не принималъ никакихъ мѣръ къ улучшенію почвы, къ введенію болѣе высокой сельскохозяйственной культуры Посредники, которые знали, что, все равно, недостатка въ фермерахъ у нихъ не будетъ, ибо нужно же тремъ милліонамъ безземельныхъ людей чѣмъ-нибудь питаться, и лендлорды, которымъ эти посредники аккуратно платили деньги, совершенно не были заинтересованы въ поддержаніи раціональнаго сельскаго хозяйства, а фермеры, бившіеся какъ рыба о ледъ, чтобы не умереть съ голоду на своемъ участкѣ, эксплуатировали землю примитивно, хищнически, зная къ тому же, что договорное право крайне запутано, что хотя они и числятся въ качествѣ долгосрочныхъ арендаторовъ, но каждый день можетъ оказаться, что второй посредникъ не вправѣ былъ вовсе съ нимъ заключать такой договоръ, или что въ договорѣ между вторымъ и первымъ посредникомъ что-то неладно, или что лендлордъ вознамѣрился и имѣетъ право нарушить договоръ съ первымъ посредникомъ,—а это разрушаетъ всѣ, такъ сказать, нисходящіе договоры. Конечно, могли быть и бывали въ такихъ случаяхъ судбища, но ирландскому фермеру не по карману было вынести издержки англійскаго судопроизводства; къ тому же договорное право, необыкновенно осложненное существованіемъ этихъ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ арендаторовъ, имѣло прямую тенденцію къ охранѣ правъ и преимуществъ верховной собственности на землю. Вотъ почему далеко не всѣ фермеры даже

по заключеніи долгосрочныхъ арендныхъ сдѣлокъ, могли чувствовать себя обезпеченными, и съ извинительною алчностью голодныхъ людей, сознающихъ, что ихъ могутъ сейчасъ отогнать отъ пищи, они хищнически торопились выбрать изъ истощенной земли все, что только возможно. Да и средствъ, и знаній необходимыхъ для сельскохозяйственныхъ усовершенствованій у нихъ не было. Еще пресвитеріане, жившіе большею частью на сѣверѣ, сидѣли нѣсколько крѣпче на своихъ участкахъ, благодаря ряду болѣе благопріятныхъ мѣстныхъ историческихъ условій, приведшихъ къ болѣе упрощенной арендной системѣ и къ менѣе развитому абсентеизму, но и имъ, въ большинствѣ случаевъ, приходилось тяжело. И у нихъ доходность земли была самая низкая, а земля истощалась. Да и чѣмъ вознаградилась бы затрата денегъ на улучшеніе сельскаго хозяйства, если бы лендлорды или посредники и не прочь были предпринять нѣчто подобное? Куда сбывать продукты? Во всей Ирландіи было два города съ среднимъ (по тогдашнему масштабу) населеніемъ и десятокъ слишнимъ маленькихъ глухихъ городковъ, населеніе которыхъ не могло ни въ какомъ случаѣ считаться достаточнымъ потребителемъ для земельной площади въ сотни квадратныхъ километровъ. Торговля и промышленность были слабы, и хотя періодами прогрессировали (напр., въ послѣднее двадцатилѣтіе XVIII-го вѣка), но очень туго, и реагировать на доходность земли въ смыслѣ повышенія арендной платы еще не могли. Если за свое будущее не могъ ручаться даже фермеръ, аккуратно платящій аренду, то въ случаѣ неисправности онъ ужъ совсѣмъ попадалъ во власть лендлорда или посредника и могъ быть тотчасъ согнанъ съ своего участка. А бывали годы, когда такой неисправности столь же трудно было избѣжать, какъ напримѣръ, не повалиться отъ сильнаго землетрясенія. Въ теченіе всего XVIII-го и первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка въ Ирландіи часто свирѣпствовали эпизоотіи, въ одинъ день иногда лишавшія фермера возможности работать на полѣ; земля, истощенная въ конецъ, годами давала скуднѣйшій урожай, даже и при удачно сложившихся климатическихъ условіяхъ, а потомъ являлись градъ, дождь некстати, засуха и т. д.: наконецъ, государственныя повинности взыскивались съ тою же безпощадностью, какъ и арендная плата, и вырывали изо рта крестьянской семьи послѣдній кусокъ. Особенно ненавистная «десятина», подать, взыскивавшаяся вопреки всякой логикѣ и справедливости, съ католическаго населенія въ пользу государственной англиканской церкви и ея священнослужителей, выводила изъ терпѣнія самыхъ забитыхъ и далекихъ отъ политики людей. Объ этомъ налогѣ и методахъ взысканія его еще будетъ у насъ рѣчь впереди, ибо онъ сыгралъ въ ирландской исторіи весьма видную роль. Вопіющая нелѣпость и несправедливость налога съ голоднаго католическаго населенія для содержанія живущихъ въ нѣгѣ и холѣ нѣсколькихъ сотъ англиканскихъ пасторовъ и ихъ начальства, нужныхъ только нич-

тожной части обитателей острова, бросались въ глаза даже и очень пристрастнымъ англичанамъ. Тѣмъ не менѣе, «десятина» процвѣтала и дѣятельно поддерживалась англійскими властями; мы увидимъ, къ чему привело и чѣмъ окончилось ея существованіе.

Изъ католическаго ирландскаго населенія лишь небольшая горсточка образовывала ничтожный количественно средній классъ; къ нему принадлежали немногіе болѣе или менѣе обезпеченные фермеры, владѣльцы ремесленныхъ мастерскихъ въ городахъ, мануфактурныхъ заведеній, хозяева рыбныхъ ловель, врачи и аптекари, частные ходатаи по дѣламъ; государственная служба въ мѣстныхъ учрежденіяхъ для католиковъ была закрыта, отъ высшихъ до низшихъ ея ступеней, что тяжело отзывалось на матеріальномъ положеніи этого немногочисленнаго и скуднаго средняго сословія. Католическое духовенство, близкое, за исключеніемъ епископовъ, къ крестьянамъ, по образу жизни, жило немногимъ лучше, нежели его паства. Полмилліона ирландскихъ пресвитеріанъ страдало отъ нужды, хоть обыкновенно и не въ такихъ размѣрахъ, какъ католики, отъ десятины, которая и съ нихъ взыскивалась въ пользу англиканскаго духовенства, столь же имъ чужого, какъ и католикамъ, отъ грубости и произвола властей. Богатый же кругъ англичанъ составлялъ замкнутую, гордую своимъ привилегированнымъ положеніемъ касту, которая не смѣшивалась съ аборигенами не только потому, что тѣ ее ненавидѣли, но и потому, что она сама ихъ презирала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялась. Презирала за нищету, за унизительное ихъ положеніе, боялась изъ-за протестующаго духа, который, казалось, совсѣмъ не къ лицу былъ этимъ жалкимъ нищимъ, и, однако, споконъ вѣковъ давалъ себя чувствовать самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Въ 80-хъ гг. XVIII-го вѣка, впрочемъ, это чувство боязни замѣтно ослабѣло у англичанъ: лендлордамъ, пасторамъ, чиновникамъ и офицерамъ, представлявшимъ въ Ирландіи если не весь англійскій элементъ, то самую замѣтную его категорію, начало казаться, будто ирландцы удовлетворены дублинскимъ парламентомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не мечтать о возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ утѣшительныхъ самообмановъ, которымъ такъ легко поддаться при сильномъ (и вполнѣ естественномъ желаніи) къ матеріальному своему комфорту прибавить еще и душевный. Господствующая раса въ большинствѣ и рѣшила, что она пріобрѣла, наконецъ, право на покой и чувство безопасности, что она заплатила за эти блага хорошую цѣну. Что же это была за цѣна?

II.

Въ началѣ 1780-хъ гг. Англія попала въ чрезвычайно тяжелое положеніе, благодаря неудачамъ и пораженіямъ на американскомъ материкѣ. Что политика относительно американскихъ колоній вообще, и

война съ ними въ частности, была фатальною ошибкой, это въ указанную эпоху могъ не сознавать развѣ только одинъ король, упрямство котораго среди качествъ его ума и сердца успѣшно конкурировало съ безнадежною ограниченностью. Но поправлять сдѣланныя оплошности было уже поздно; Франція примкнула къ американцамъ и угрожала высадкою въ Ирландіи; Америка была утрачена безвозвратно, и представлялось необходимымъ подумать уже о собственной безопасности. Тогда (съ 1778 г.) въ Ирландіи стали образовываться волонтерскія дружины, правда, исключительно изъ протестантовъ, но при полномъ сочувствіи со стороны католическаго населенія. Дѣло въ томъ, что эти дружины сразу обнаружили весьма сильный мѣстный патріотизмъ, и метрополія съ безпокойствомъ сообразила, что ирландскіе волонтеры какъ будто не противъ однихъ только французовъ снаряжаются. Сначала волонтеровъ было 40, потомъ 75, наконецъ, 125 тысячъ человѣкъ. Словомъ, это былъ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда Ирландія оказалась едва ли не сильнѣе Англіи, и подобное соотношеніе силъ, благодаря Флуду, Граттану и другимъ ирландскимъ дѣятелямъ 70—80 гг. XVIII-го столѣтія, было очень быстро учтено. Георгъ III, видя, что волонтеры имѣютъ за собою всю страну, что они прекрасно вооружены, что нѣтъ ни малѣйшей возможности силою ихъ успокоить, вслѣдствіе пребыванія почти всей англійской арміи въ Америкѣ, почелъ благовременнымъ даровать, милостью Божіею, полное самоуправленіе Ирландіи. Дублинскій парламентъ, чисто фиктивное учрежденіе, не имѣвшее ни малѣйшаго смысла и значенія, былъ преобразованъ въ духѣ автономіи. Это произошло въ 1782 г., при кликахъ ликованія, торжествахъ, когда вотировалась національная благодарность и патріоту Граттану, и волонтерамъ, и королю, и всѣмъ, кто имѣлъ хоть отдаленное отношеніе къ вновь октроированной ирландской конституціи. Эта конституція и была тою политическою декораціею, на фонѣ которой разыгралось возстаніе 1798 года. Весьма скоро новый парламентъ пересталъ возбуждать въ ирландцахъ иныя чувства, кромѣ сначала затаеннаго, а потомъ открыто прорывавшагося неудовольствія, и это раздраженіе явилось одной изъ серьезныхъ причинъ той кровавой междоусобицы, описаніе которой составляетъ тему этой главы. Чѣмъ же парламентъ 1782 года былъ плохъ для своей страны? Для оцѣнки всякого парламентскаго строя существуютъ два главныхъ критерія, ее обусловливаютъ отвѣты на два основныхъ вопроса: во-первыхъ, насколько велика фактическая власть парламента и, во-вторыхъ, насколько при данной системѣ пополненія парламентскаго собранія обезпечивается полное и вѣрное представительство существующихъ въ странѣ политическихъ тенденцій и общественныхъ настроеній и интересовъ. Есть и рядъ другихъ, второстепенныхъ критеріевъ, но мы будемъ имѣть въ виду только эти два, дѣлая бѣглый очеркъ ирландскихъ парламентскихъ порядковъ послѣ 1782 года. Что касается

до вліянія на исполнительную власть, то оно почти вовсе ускользало отъ вѣдѣнія ирландскаго парламента: ирландское министерство, вѣдавшее текущія дѣла страны, всецѣло зависѣло отъ лорда намѣстника (онъ же и командиръ расположенныхъ въ Ирландіи военныхъ силъ), а лордъ-намѣстникъ назначался главою англійскаго кабинета. Вслѣдствіе такого положенія вещей выходило слѣдующее курьезное обстоятельство: ирландскіе министры смѣнялись и вновь назначались въ зависимости отъ партійныхъ соотношеній, царившихъ не *въ ирландскомъ*, а *въ англійскомъ* парламентѣ, ибо отъ англійскаго парламента зависѣло англійское министерство, и слѣдовательно, всѣ «производныя» административныя величины, т.-е. также лордъ-намѣстникъ Ирландіи. Итакъ, на текущія дѣла Ирландіи, англійское правительство всегда могло имѣть и имѣло при господствѣ конституціи 1782 года самое активное вліяніе. Что же касается до чисто законодательныхъ вопросовъ, то въ теоріи ирландскій парламентъ былъ абсолютно независимъ отъ англійскаго, и вся связь обѣихъ странъ въ вопросахъ законодательства сводилась къ тому, что прошедшій черезъ нижнюю и верхнюю палаты законопроектъ нуждался еще въ подписи великобританскаго короля. Конечно, въ дѣлахъ внѣшней политики Ирландія должна была безпрекословно слѣдовать въ англійскомъ фарватерѣ, но весьма скоро обнаружилось, что и теоретическая ея самостоятельность во внутреннихъ вопросахъ также есть не болѣе, какъ невинная и безобидная фикція. Тутъ мы естественно переходимъ ко второму основному вопросу, рѣшеніе котораго необходимо для должной оцѣнки данной конституціи: какъ же пополнялся ирландскій парламентъ? Состоялъ онъ (по примѣру англійскаго) изъ двухъ палатъ: верхней и нижней. Члены ирландской палаты лордовъ назначались королемъ и санъ ихъ былъ пожизненнымъ и наслѣдственнымъ; конечно, это были исключительно люди, принадлежавшіе къ господствующей націи и церкви. Что же касается до нижней палаты, то ни одинъ католикъ не имѣлъ права ни выбирать въ нее, ни быть избираемымъ, то-есть изъ 4½ милліоновъ (приблизительно) людей, населявшихъ Ирландію, около 3½ милліоновъ были совершенно отстранены отъ какого бы то ни было участія въ управленіи. Но и изъ оставшейся небольшой части населенія, въ нижнюю палату попадало *всегда* только то большинство, которое не могло быть враждебнымъ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, ничего даже приблизительно похожаго на правильные и независимые выборы—не было и въ поминѣ. Всего членовъ было триста, и изъ нихъ двѣсти слишкомъ являлись отъ маленькихъ мѣстечекъ, то-есть, просто, назначались по единоличному усмотрѣнію владѣльцевъ этихъ мѣстечекъ, остальные сто, въ большинствѣ случаевъ, также не представляли собою избранниковъ даже той ничтожной англиканской или пресвитеріанской горсточки, которая по закону имѣла право голоса: всемогущее вліяніе лендлорда и тутъ слишкомъ часто оказывало свое огромное дѣйствіе. Все это вошло въ оби-

ходъ до такой степени, что, по свѣдѣніямъ какъ ирландскимъ, такъ и англійскимъ, существовала даже спеціальная такса за право отъ имени извѣстнаго мѣстечка назначить кого угодно членомъ парламента (или самому быть выбраннымъ), а также за пріобрѣтеніе этого права навсегда. Первое стоило, обыкновенно, около 2.000 фунтовъ стерлинговъ, а второе отъ 8 до 19 тысячъ. Итакъ, кто могъ попасть въ нижнюю палату? Почти исключительно сторонники англійскаго преобладанія, представлявшіе даже не всю ничтожную полноправную горсточку населенія, а только особенно угодную англійскимъ министрамъ категорію этой горсточки.

При подобныхъ порядкахъ избранія и, прежде всего, при безусловномъ устраненіи отъ выборовъ всего католическаго населенія, т.-е. подавляющаго большинства ирландской націи, толковать о дублинскомъ парламентѣ, какъ о представительствѣ Ирландіи можно было бы развѣ только въ видѣ ироніи. Радикально настроенные пресвитеріане и кое-кто изъ англичанъ-протестантовъ, съ самаго начала этой системы, съ 1782—1783—1784 гг., не переставали указывать на всѣ подобныя уродливости и ненормальности; волонтерскія общества (пріобрѣтшія явно политическій характеръ) требовали въ резолюціяхъ на своихъ собраніяхъ коренной парламентской реформы, но всѣ эти домогательства оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ же какъ аналогичное движеніе среди католиковъ. Вообще, 80-е годы XVIII-го вѣка были временемъ, когда прогрессивные элементы среди пресвитеріанъ (ирландскаго и шотландскаго происхожденія) и англичанъ (господствующей церкви) понемногу стали тѣснѣе, нежели прежде, сходиться съ католиками. Вдали уже выдвигался политическій идеалъ ближайшаго возстанія: независимая Ирландія и свободные ирландскіе обитатели безъ различія націи и вѣроисповѣданія. Ирландскимъ парламентомъ никто удовлетворенъ не былъ, кромѣ консервативной части англичанъ, населявшихъ Ирландію, и это раздраженіе все росло, по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что самъ парламентъ съ своей стороны весьма собою доволенъ: въ 1783 году онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ весьма умѣренный проектъ реформы, предложенный ему.

Этимъ самымъ дублинское собраніе ясно говорило, что оно хочетъ остаться фикціей и игрушкой въ рукахъ метрополіи и довольствоваться тою автономіею Ирландіи, которая была изображена на бумагѣ и, въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда могла обмануть всякого неопытнаго читателя бумажной конституціи. Голодающему населенію негдѣ было высказаться и некому было жаловаться; всѣ застарѣлыя обиды и неправды самымъ мирнымъ образомъ процвѣтали подъ покровомъ порядковъ, созданныхъ, чтобы поддерживать сильнаго противъ слабаго; никакой самостоятельной, выгодной Ирландіи и невыгодной Англіи, экономической политики этотъ дублинскій парламентъ не преслѣдовалъ

и не могъ преслѣдовать, и торгово-промышленный классъ (всѣхъ трехъ исповѣданій безъ различія) горько, но тщетно жаловался на то, что англичане пользуются Ирландіей, какъ рынкомъ сбыта, а сами всячески препятствуютъ ирландской конкуренціи у себя и въ колоніяхъ. Католики хотѣли эмансипаціи, превращенія ихъ изъ паріевъ, лишенныхъ всѣхъ правъ, въ гражданъ; пресвитеріане и часть англійскаго низшаго и средняго круга хотѣли болѣе раціональной экономической политики,—и всѣ они жаждали коренныхъ аграрныхъ реформъ и понимали, что ни аграрныя, ни правовыя, никакія иныя измѣненія, въ которыхъ прямо не заинтересованы англійское правительство и лендлорды, не мыслимы при наличности конституціи 1782 года.

III.

Періодически посѣщающій націю голодъ, по мнѣнію покойнаго Вирхова, есть явное доказательство ненормальности ея общественныхъ условій. Ирландская исторія даетъ много фактовъ въ подтвержденіе этихъ словъ; еще неоднократно мы будемъ имѣть случай отмѣтить, какъ голодъ, якобы неожиданно обрушиваясь на Ирландію, съ неумолимою настоятельностью заставлялъ сегодня вопить о томъ злѣ, о которомъ вчера говорили, а позавчера шептали. Такъ случилось и въ описываемое время. Въ 1784 году неурожай свирѣпствовалъ въ Ирландіи со всѣми своими страшными послѣдствіями, и снова началось было призатихшее аграрное движеніе, которое съ давнихъ поръ было грозою лендлордовъ; стали, наконецъ, носиться слухи о томъ, что снова появились «бѣлые парни».

«Бѣлые парни» впервые появились по однимъ источникамъ въ 1761 году, по другимъ нѣсколько ранѣе. Дѣло въ томъ, что отчаянное положеніе ирландскаго крестьянства не мало осложнялось существованіемъ въ странѣ колоссальныхъ пастбищъ. Площадь запашки была невелика, ибо лендлорды и снимавшіе у нихъ землю посредники часто весьма неохотно отдавали землю въ аренду мелкимъ фермерамъ: это было и нѣсколько хлопотливо, и чревато кое-какими безпокойствами и непріятностями. Болѣе удобнымъ представлялось сдать всѣ угодья подъ пастбище какимъ-нибудь 2—3 зажиточнымъ людямъ, либо самимъ заняться разведеніемъ скота; къ тому же земли, отданныя подъ пастбища, вслѣдствіе вопіюще несправедливаго закона, были совершенно изъяты отъ налога на содержаніе протестантскаго духовенства (десятины), и пахатныя мѣста всѣ подвергались этому обложенію. Тутъ законъ какъ бы говорилъ каждой своей строчкой, что богатыхъ людей онъ желаетъ окончательно избавить отъ самыхъ легкихъ для нихъ уплатъ, а бѣднымъ не намѣренъ давать пощады, что содержать англиканское духовенство обязаны не англикане-лендлорды, а нищіе католики. Кромѣ того, ограниченность площади запашки страшно удорожала хлѣбъ и

заставляла большинство ирландскаго народа питаться картофелемъ. Наконецъ, съ средины XVIII-го вѣка, англиканское духовенство, не довольствуясь жесточайшими мѣрами при взысканіи десятины, стало чаще и чаще отдавать эту десятину на откупъ, вродѣ того, какъ Золотая Орда отдавала русскую дань на откупъ бесерменскимъ купцамъ. Откупщики же, конечно, взыскивали съ населенія не только ту сумму, которую они взнесли духовенству, но и извѣстное вознагражденіе себѣ за хлопоты и безпокойства; положеніе фермеровъ становилось при этомъ еще болѣе отчаяннымъ. Конфисковался ихъ скотъ, отбирались орудія, уносились кухонныя принадлежности, и, если еще оставалась недоимка, нерѣдко фермеръ засаживался въ долговую тюрьму. Жаловаться, какъ мы уже сказали, было некому и послѣ дарованія Ирландіи «автономіи» въ 1782 г., а до того и подавно. Любопытно, что эксплуататоры ирландскаго фермера иногда (напр. въ 40—50 гг. XVIII-го вѣка) совсѣмъ какъ бы теряли голову отъ упоенія своею силою, отъ сознанія строжайшей законности своихъ дѣйствій, отъ увѣренности въ безпомощности своихъ грязныхъ, оборванныхъ и безграмотныхъ жертвъ.

И вотъ, всегда въ такіе-то безмятежные дни начинались непріятнѣйшіе инциденты, мгновенно портившіе весь ансамбль соціальной картины, выдержанной, казалось, въ самомъ опредѣленномъ стилѣ. То здѣсь, то тамъ, сегодня въ Лимерикѣ, завтра въ Килькенни, послѣзавтра въ третьемъ концѣ Ирландіи вдругъ находили трупъ управляющаго, или посредника, или самого лендлорда, пріѣхавшаго на охотничій сезонъ; по неизвѣстной причинѣ, въ разныхъ мѣстахъ начинались одновременные пожары; разными лицами получались угрожающія письма, и угрозы приводились въ исполненіе; угонялись огромныя стада, и на земляхъ, гдѣ они паслись, находили только труппы пастуховъ.

Съ 1761 года эти происшествія приписывались большею частью бѣлымъ парнямъ.

Бѣлыми парнями они называли себя потому, что носили кое-гдѣ, пока это считалось безопаснымъ, бѣлые значки на шляпахъ и бѣлыя рубахи. Они собирались по нѣскольку сотъ человѣкъ и, не нападая открыто, днемъ, чинили ночью судъ и расправу надъ особенно ненавидимыми въ округѣ людьми. Сначала, въ 60-хъ гг., они, впрочемъ, весьма рѣдко прибѣгали къ убійству, довольствуясь порчей и сожженіемъ имущества, угономъ скота, тѣлесными наказаніями и изуродованіями. Но въ 80—90-хъ гг. XVII-го вѣка участились и убійства. Представители этого движенія (принимавшіе кое-гдѣ, напр., въ пресвитеріанскихъ округахъ, и другія названія) карали не только непосредственныхъ притѣснителей крестьянства, но и своихъ же, крестьянъ, соглашавшихся, вопреки ихъ прокламаціямъ, платить десятину или наниматься въ батраки за цѣну ниже установленнаго въ прокламаціяхъ минимума и т. д. Бѣлыхъ парней очень боялись всѣ, и этотъ терроръ

оказывалъ весьма сильное и длительное дѣйствіе на всѣ аграрныя отношенія этой мѣстности, гдѣ возникали названныя тайныя группы (вербовавшіяся, большею частью, изъ крестьянской молодежи).

Иногда, въ моменты обостреннаго движенія, бѣлые парни вовсе и не скрывались, а бродили человѣкъ по 300, по 500 отъ деревни къ деревнѣ, зная, что при разбросанности англійскихъ гарнизоновъ не такъ-то скоро ихъ изловятъ и не такъ то легко рѣшатся на нихъ напасть. Конечно, фермерское населеніе всячески ихъ поддерживало, давало имъ пропитаніе, исправно платило особый налогъ для ихъ прокормленія, правильно собиравшійся. Весьма любопытна эволюція, происшедшая въ 60-хъ—80-хъ—90-хъ гг. съ отношеніями бѣлыхъ парней къ англійскому правительству. Сначала, въ 60-хъ годахъ, это движеніе не заключало въ себѣ ровно ничего враждебнаго собственно правительству: это былъ протестъ доведенныхъ до отчаянія и голодныхъ людей противъ своихъ эксплуататоровъ, противъ лендлордовъ, посредниковъ, управляющихъ и сборщиковъ десятины. Но англичанамъ невыгодно было изобразить начавшееся движеніе въ истинномъ его, свѣтѣ; дѣло въ томъ, что въ подраженіе бѣлымъ парнямъ католическихъ округовъ, возникло вполнѣ аналогичное явленіе въ округахъ, гдѣ фермеры были пресвитеріанами и даже англиканцами. Такъ, въ Эльстерѣ, ирландской провинціи, населенной, преимущественно, англійскимъ, а не ирландскимъ элементомъ, образовалось сообщество «дубовыхъ парней», которые поступали совершенно по программѣ своихъ католическихъ собратьевъ. Интересъ господствующей (лендлордской) партіи и англійскаго правительства, не желавшаго приступить къ реформамъ, требовалъ поскорѣе разъединить это движеніе, замаскировать истинную его чисто экономическую подкладку и придать ему совсѣмъ иную окраску. Лендлорды и чиновники стали открыто говорить о сношеніяхъ, будто бы существующихъ между бѣлыми парнями и Франціей, о планѣ отдѣлить Ирландію отъ Англіи и предать ее Франціи, о желаніи вырѣзать всѣхъ не-католиковъ. Ничего подобнаго и приблизительно не было въ намѣреніяхъ и желаніяхъ бѣлыхъ парней, но распускаемые англійскимъ правительствомъ слухи поселяли панику въ довольно широкихъ кругахъ общества и напередъ оправдывали любую степень административной энергіи въ борьбѣ съ бунтовщиками. Послѣ перваго появленія въ началѣ 60-хъ гг. «бѣлыхъ парней», въ 1765 году былъ изданъ законъ, по которому участники движенія подвергались смертной казни, а въ случаѣ ихъ ненахожденія взыскивалась огромная контрибуція со всѣхъ жителей той мѣстности, гдѣ совершено аграрное преступленіе. Послѣ 1765 года бѣлые парни стали исчезать, конечно, не вслѣдствіе этого закона, потому что и до его изданія пойманнымъ приходилось очень круто и, чаще всего, ихъ убивали. а съ другой стороны, и послѣ новаго закона ловились лишь очень немногіе, но во-первыхъ, прошло нѣсколько среднихъ и даже хорошихъ урожаевъ, во-вторыхъ напуган-

ные сборщики десятины, лендлорды и посредники нѣкоторое время избѣгали особенно жестокихъ вымогательствъ и изгнаній съ участковъ, да и страшное напряженіе, въ которомъ приходилось жить бѣлымъ парнямъ, не позволяло этой формѣ аграрной борьбы стать непрерывно длящеюся. Мѣстами и моментами это движеніе вспыхивало и въ 70-хъ гг., но агитація, поднятая Флудомъ и Граттаномъ въ пользу административной независимости, поддержанная съ 1778 года волонтерскими дружинами и увѣнчавшаяся въ 1782 г. относительнымъ успѣхомъ, на время прекратила аграрныя волненія и отвлекла вниманіе и чувство ирландцевъ въ сторону политической реформы. Подъемъ духа и удовлетвореніе, вызванные было неоцѣненною по достоинству конституціей 1782 года, исчезли весьма быстро; волонтерскія дружины уже къ 1784 году утратили прежнее значеніе, благодаря наступившему среди нихъ разладу въ тенденціяхъ и настроеніи: одни продолжали и послѣ неудачи 1783 года стоять за рѣшительную парламентскую реформу, другіе утомились и охладѣли къ этой идеѣ. Католическое населеніе увидѣло ясно, что всѣ его матеріальныя бѣды и моральныя униженія остаются въ полной силѣ и что совершенно попрежнему нѣтъ ни малѣйшей возможности законнымъ путемъ помочь горю: по уже охарактеризованному нами составу дублинскаго парламента можно было съ увѣренностью ожидать, что господствующій порядокъ вещей сохранится во всей неприкосновенности, пока это будетъ зависѣть отъ парламентскаго законодательства. Голодъ 1784 года обострилъ чувства озлобленія и отчаянія среди части крестьянскаго населенія, и опять, какъ сказано, появились на сцену бѣлые парни. Начались аграрные разбои, кое-гдѣ поджоги, ломанье и порча плетней и изгородей, угонъ и уродованіе скота, ночныя нападенія на объѣздчиковъ, управляющихъ и сторожей. Все еще это движеніе, какъ и въ первые пароксизмы (въ 1761—1765 гг.), не принимало явно-политическаго характера, но министерство Вильяма Питта, управлявшее судьбами Англіи и Ирландіи, сочло благоразумнымъ отнестись къ нему съ большою серьезностью. Дѣло въ томъ, что у Вильяма Питта, подобно многимъ талантливымъ государственнымъ людямъ Англіи, до и послѣ него, была способность до минимума доводить возможность какихъ-либо готовящихся серьезныхъ противоправительственныхъ волненій. Оставляя совершенно въ сторонѣ моральную оцѣнку дѣйствій и побужденій Вильяма Питта, необходимо признать, что онъ, дѣйствительно, владѣлъ политическимъ даромъ дѣлать уступки, сохраняя свое достоинство, разъединять враговъ, не показывая вида, что такова его главная цѣль, дѣлать своими маріонетками людей, прикидываясь ими побѣжденнымъ, злодѣйствовать чужими руками, сохраняя собственныя въ полной чистоплотности, наконецъ, никогда не смѣшивать капризовъ своего темперамента съ требованіями поддерживаемаго государственнаго принципа. Словомъ, у него были достаточныя умственныя способности, чтобы поступать такъ,

какъ хотѣли, но не умѣли поступать многіе другіе. Питтъ владѣлъ въ большой мѣрѣ тою государственною хитростью, которая такъ хорошо характеризована въ «Измаилъ-беѣ»: «Народъ—дитя, онъ не захочетъ дать, не покушайся вырвать, но украдь». Въ области политики, гдѣ показался (и кажется) совсѣмъ ко двору отзывъ о чужой неудачѣ: «это хуже, чѣмъ преступленіе, это ошибка!»—осуждать, вообще, и слова, и дѣла подобнаго образца съ моральной точки зрѣнія—занятіе довольно праздное, все равно, какъ съ пыломъ настаивать, напр., на томъ, что негры гораздо чернѣе скандинавовъ. Дѣло съ нравственностью тутъ обстоитъ слишкомъ просто и удобопонятно. Мы должны, слѣдовательно, минуя вопросъ о сочувствіи или несочувствіи Питта ирландскимъ страданіямъ, спросить себя: во-первыхъ, чего ему хотѣлось достигнуть въ ирландской политикѣ, во-вторыхъ какія средства онъ пустилъ въ ходъ для достиженія этихъ цѣлей, и въ-третьихъ, почему его предначертанія на этотъ разъ не удались. Конечно, ему, прежде всего, желательно было достигнуть полнаго успокоенія волнующагося острова, ибо и управленіе государственными дѣлами безъ этого успокоенія отягчалось, и во внѣшней политикѣ ирландское броженіе довольно чувствительно и далеко не въ пользу Англіи ложилось на чашку дипломатическихъ вѣсовъ. Въ 1784—1785 гг. опять появились бѣлые парни; одновременно съ этимъ началось манифестаціонное движеніе среди городскаго населенія въ Дублинѣ. Ирландскія мануфактуры и другія промышленныя заведенія давно уже требовали запретительнаго таможеннаго тарифа для иностранныхъ, въ томъ числѣ и англійскихъ, продуктовъ; ихъ представители (довольно вліятельные также въ дублинскомъ парламентѣ) давно жаловались, что англійская промышленность ихъ угнетаетъ, что конкуренція съ нею имъ не подъ силу. Они стали даже (до извѣстной степени демонстративно) сокращать производство и разсчитывать рабочихъ, говоря разсчитываемымъ, что вся бѣда въ нежеланіи англійскаго правительства наложить требуемыя пошлины на ввозъ въ Ирландію англійскихъ провенансовъ. Начались рабочія волненія на улицахъ Дублина все на той же почвѣ требованій новыхъ пошлинъ. Вильямъ Питтъ тотчасъ же понялъ, что подобныя причины могутъ весьма легко создать опасное сближеніе между недовольными элементами разныхъ религій и, даже, разныхъ классовъ, тогда какъ вѣроисповѣдная рознь и классовый антагонизмъ являлись едва ли не главными двумя поддержками англійскаго владычества. Онъ боялся одновременно происходившихъ аграрнаго и городского движеній и весьма хотѣлъ съ которымъ-нибудь изъ нихъ поскорѣе кончить. Въ Дублинѣ толпы народа ходили по улицамъ, иногда окружали и подвергали насмѣшкамъ, толчкамъ и побоямъ нелюбимыхъ чиновниковъ и членовъ парламента и всевозможнымъ издѣвательствамъ лицъ, извѣстныхъ своей оппозиціей желаннымъ запретительнымъ пошлинамъ, и всячески пока-

зывали, что они вполнѣ солидарны въ этомъ вопросѣ съ владѣльцами промышленныхъ предпріятій. Вильямъ Питтъ предложилъ законопроектъ, который почти уравнивалъ всѣ торговыя права Англіи и Ирландіи, къ несомнѣнной выгодѣ ирландцевъ. Но и въ Ирландіи, и въ Англіи этотъ проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію, и когда онъ въ ирландскомъ парламентѣ провалился, то пришлось его взять назадъ. Этотъ проектъ не налагалъ запретительныхъ пошлинъ на англійскіе товары, оттого онъ и не совсѣмъ понравился ирландскимъ купцамъ и промышленникамъ. Но провалился онъ въ дублинскомъ парламентѣ потому же, почему не понравился и въ Англіи: въ обоихъ этихъ мѣстахъ ирландскіе интересы стояли вообще на второмъ планѣ. Тѣмъ не менѣе, пока шла возня съ проектомъ, острый періодъ кризиса миновалъ, все вошло въ свою колею, и когда проектъ провалился, Питтъ уже мало этимъ былъ заинтересованъ. Съ городами на время пріутихло, и можно было уже не отвлекаясь продолжать борьбу противъ бѣлыхъ парней. Съ ними въ сдѣлки нельзя было и пытаться вступать, это значило бы пошатнуть весь тогдашній ирландскій соціальный строй, покоившійся на лендлордскомъ всемогуществѣ и привилегіяхъ англиканскаго духовенства. Изъ за одной только отмѣны подати «десятины» возстало бы, какъ одинъ человѣкъ, огромное большинство дублинскаго и, что было гораздо опаснѣе для министра, *англійскаго* парламента. Въ однѣ сутки кабинетъ былъ бы проваленъ самымъ безповоротнымъ образомъ. Питтъ махнулъ рукою на это осиное гнѣздо лендлордскихъ притѣсненій и фермерской нищеты и предоставилъ лорду-намѣстнику вѣшать бѣлыхъ парней и посылать военныя экзекуціи.

Католическое духовенство на этотъ разъ высказалось рѣшительно противъ аграрныхъ безпорядковъ, что также было чрезвычайно на руку Вильяму Питту. Епископъ Трой почелъ своимъ долгомъ даже обратиться къ паствѣ съ пастырскимъ посланіемъ *), въ которомъ обращалъ вниманіе бѣлыхъ парней на грозящія имъ за ихъ поведеніе вѣчныя муки въ иномъ мірѣ; лордъ-намѣстникъ горячо благодарилъ епископа за это вмѣшательство. Любопытно, что хотя ничего существеннаго для торговли и промышленности, въ концѣ концовъ, сдѣлано не было, ибо, какъ сказано, Питту помѣшали, тѣмъ не менѣе опять на нѣсколько лѣтъ относительное спокойствіе воцарилось въ странѣ; отчасти тутъ давалъ себя знать и вошедшій тогда въ силу покровительствовавшій хлѣбопашеству законъ Фостера, быстро расширившій площадь запашки, вслѣдствіе чего открывалась возможность прокормленія большаго количества фермерскихъ семействъ, нежели при

---

*) Pastoral Exortation of the right Reverend Dr. Troy the catholic Bishop of Ossory to his Flock (цѣликомъ напечатано въ собраніи документовъ къ III-му тому указаннаго сочиненія Plowden'а, стр. 51—52).

преобладаніи пастбищнаго землепользованія. Но, конечно, ни одна изъ страшныхъ соціальныхъ язвъ излечена не была. Вымогательства «десятины» приводили въ отчаяніе фермеровъ, которые и безъ этого налога въ пользу чужого духовенства, не сводили концовъ съ концами и чуть не ежемѣсячно могли ждать изгнанія съ арендуемаго участка. А когда прогонятъ, тогда либо кончай съ собой, либо кормись подаяніемъ, ожидая лучшаго оборота судьбы, либо отправляйся на большую дорогу, либо довольствуйся мелкими похищеніями. Впрочемъ, тогда за кражу даже небольшихъ цѣнностей (отъ 5 шиллинговъ) полагалась смертная казнь черезъ повѣшеніе, а потому для этого преступленія требовалась едва ли не такая же отвага, какъ для грабежа и убійства.

Что же дѣлалъ дублинскій парламентъ за все это время въ теченіе 80-хъ и начала 90-хъ гг. XVIII-го столѣтія? Ничего. Граттанъ и Флудъ произносили горячія рѣчи, иногда ссорились между собою, иногда дѣйствовали заодно, ихъ сочлены по парламенту слушали ихъ не безъ удовольствія (ораторскій даръ обоихъ очень цѣнился не только въ Ирландіи, но и въ Англіи), и ничего полезнаго для страны все-таки не вотировалось. Люди вродѣ Граттана и Флуда были одиноки, не имѣли нужной поддержки въ стѣнахъ палаты, а поддержка внѣ палаты принимала формы, отпугивавшія ихъ. Кромѣ того, эта поддержка, въ видѣ ли внезапныхъ появленій бѣлыхъ парней, или возникновенія уличныхъ безпорядковъ, была слаба, неорганизована, малосознательна.

Только далеко смотрѣвшихъ впередъ государственныхъ людей, какъ Вильяма Питта, могло безпокоить это неулаженное положеніе дѣлъ, неуравновѣшенное состояніе общественно-государственнаго механизма въ Ирландіи. Но чрезвычайныя осложненія во внѣшней политикѣ, вторая русско-турецкая война (1787—1791), съ паденіемъ Очакова и усиленіемъ русскаго вліянія, финансовая ликвидація послѣдствій войны противъ американскихъ колоній, наконецъ, вспыхнувшая французская революція властно отвлекали вниманіе Англіи отъ сосѣдняго острова. Сравнительное затишье, воцарившееся тамъ со второй половины 1780-хъ гг., также благопріятствовало этому забвенію ирландскихъ бѣдъ и нуждъ. Не забудемъ, что Ирландія была тогда почти всецѣло крестьянскою, земледѣльческою, негородскою страною, а при соціальномъ строѣ, основанномъ на чисто аграрныхъ отношеніяхъ, симптомы начинающагося болѣзненнаго кризиса всегда медленнѣе и труднѣе познаются, нежели при строѣ городскомъ, индустріальномъ. Съ другой стороны, давнишняя привычка къ тому, что въ Ирландіи, такъ сказать, полагается никогда не быть полному покою, заставляла совершенно равнодушно относиться къ проявлявшимся все же изрѣдка признакамъ глухого раздраженія. Наконецъ, успокаивающую роль игралъ и ирландскій парламентъ, находившій (голосами большинства членовъ), что все обстоитъ благополучно, и что мало-мальски серьезныя реформы излишни.

Такъ обстояло дѣло до начала 1790-хъ гг., когда на историческую авансцену въ Ирландіи выдвинулись люди, объединившіе разрозненныя оппозиціонныя силы, вдохнувшіе силу и увѣренность въ души даже самыхъ отчаявшихся, снова поставившіе предъ своей родиной огромныя цѣли и снова показавшіе Англіи воочію, какіе смертельные, непримиримые, сознательные и самоотверженные враги живутъ въ ближайшемъ отъ нея сосѣдствѣ. Для того, чтобы понять, какъ возникла организація «Объединенныхъ ирландцевъ», необходимо очертить личность Вольфа Тона и лорда Фицджеральда, а также характеръ той общественной среды, гдѣ они начали свою дѣятельность, а чтобы оцѣнить всѣ препятствія, съ которыми имъ пришлось на первыхъ же порахъ бороться, нужно предварительно упомянуть объ одномъ явленіи, широко развившемся именно въ моментъ выступленія этихъ людей на ихъ трудную работу.

IV.

У англійскаго правительства и до, и во время, и послѣ Вильяма Питта было принято за своего рода политическую аксіому, не требующую доказательствъ, слѣдующее правило: по мѣрѣ силъ и возможности слѣдуетъ стараться натравливать другъ на друга въ разныхъ сочетаніяхъ всѣ элементы, населяющіе Ирландію, такъ, чтобы католики, англиканцы и пресвитеріане постоянно враждовали между собою и чтобы численно слабѣйшіе, т.-е. англиканцы и пресвитеріане, вѣчно нуждались для охраны своей жизни, своихъ правъ и привилегій въ организованныхъ военныхъ силахъ, находящихся въ распоряженіи у правительства. Разсчету этому нельзя отказать въ продуманности. Англійское министерство всегда, а особенно въ 1780—1790 гг., сознавало, что ничего нельзя себѣ представить для англійскаго владычества опаснѣе, нежели союзъ и дружба между всѣми ирландскими гражданами безъ различія вѣроисповѣданій. Что такой союзъ вполнѣ возможенъ, что въ смыслѣ лояльности, вообще, ручаться можно развѣ только за лендлордовъ, и то не за всѣхъ, что даже и не изъ союза всѣхъ жителей Ирландіи, а просто изъ дружелюбныхъ сосѣдскихъ отношеній между ними для англійскаго владычества можетъ вдругъ возникнуть грозная опасность,—это въ Лондонѣ испытали въ 1778—1782 гг., въ тѣ ужасные годы, когда въ Новомъ Свѣтѣ американцы били англійскія войска, а въ Европѣ французы грозили высадкою, и ирландскіе протестанты, сформировавшись въ волонтерскія дружины, заставили дать Ирландіи «автономную» конституцію. Продолжься всѣ эти печальныя для Англіи условія, пришлось бы, пожалуй, дать ирландцамъ и настоящую автономію, а не ту призрачную, которой впопыхахъ и въ первый моментъ они обрадовались и удовлетворились. Но Граттанъ, Флудъ и

даже вожди волонтеровъ не владѣли великимъ политическимъ искусствомъ и умѣньемъ требовать до конца, тѣмъ искусствомъ, котораго такъ много оказалось черезъ сто лѣтъ, при несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ, напр., у Парнеля; когда же руководители ирландцевъ годъ—другой спустя захотѣли поправить ошибку, было уже поздно, соотношеніе силъ успѣло круто измѣниться.

Но англичане не забывали урока: они знали, что за протестантами волонтерами тогда стояло все католическое населеніе, которое готово было въ роковую минуту поддержать ихъ всѣми средствами и способами, и что именно это сдѣлало волонтеровъ столь страшными. По мѣрѣ того, какъ къ концу 1780-хъ гг. росло общее недовольство подкупленнымъ парламентскимъ большинствомъ, которое, собственно, было даже и не выбрано, а, просто, назначено англійскимъ правительствомъ и его прямыми сторонниками изъ лендлордовъ, кабинетъ Вильяма Питта все съ большимъ сочувствіемъ смотрѣлъ на новое движеніе, возникшее въ сѣверныхъ окраинахъ Ирландіи. Для того, чтобы достигнуть успокоенія страны путемъ умиротворительной политики, у Вильяма Питта не было достаточно силъ, какъ оказалось изъ неудачнаго опыта съ законопроектомъ о торговлѣ; но чтобы или прямымъ наущеніемъ, или попустительствомъ не давать потухнуть всегда тлѣвшему въ Ирландіи расовому и вѣроисповѣдному антагонизму,—на это средствъ въ рукахъ Вильяма Питта было многое множество. Даже можно было умыть руки и почти предоставить всему идти своимъ чередомъ, довольствуясь легкими и незамѣтными толчками. Что же это было за движеніе, столь кстати для англичанъ развившееся во второй половинѣ 1780-хъ гг.?

Началось все съ совершенныхъ пустяковъ еще въ началѣ 1780-хъ гг. Подралось въ мѣстности Эрмогѣ (на сѣверѣ) двое крестьянъ изъ двухъ сосѣднихъ деревень по какому то личному поводу; оба принадлежали къ пресвитеріанскому вѣроисповѣданію. Зритель драки, крестьянинъ католикъ принялъ въ ней живое участіе и, избивъ одну изъ сторонъ, снискалъ себѣ ненависть не только потерпѣвшаго, но и всей его деревни. Въ свою очередь, онъ получилъ поддержку своей деревни, состоявшей большею частью изъ католиковъ; вражда ширилась и распространялась весьма быстро между крестьянскимъ населеніемъ сѣвера.

Она не замедлила получить вѣроисповѣдную окраску, такъ какъ одна изъ сторонъ являлась въ видѣ сплоченной массы пресвитеріанъ, другая—въ видѣ такой же ассоціаціи католиковъ. То замирая, то возгораясь, эта борьба вспыхнула къ концу 1780-хъ гг. яркимъ пламенемъ; на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ соучастія англійскаго правительства. Нужно замѣтить, что, по одному изъ многочисленныхъ законовъ, дѣлавшихъ католиковъ паріями гражданскаго общества, никто изъ лицъ этой религіи не имѣлъ права обладать оружіемъ. Пресвитеріане, въ пылу вражды, пользуясь подобнымъ закономъ, повадились

*

(обыкновенно на разсвѣтѣ) производить облавы и обыски въ квартирахъ католиковъ, ища и отбирая оружіе. Съ наглостью насильниковъ, чувствовавшихъ за собою открытую поддержку лендлордовъ и молчаливую—англійскаго правительства, эти добровольцы вламывались въ глухой часъ зари разсвѣта въ лачуги фермеровъ-католиковъ, поднимали всю измоенную дневнымъ трудомъ семью, обыскивали всѣ углы, творили всевозможныя издѣвательства надъ жертвами, оскорбляли женщинъ и, въ случаѣ неудачнаго обыска, уходили, а найдя оружіе, волокли хозяина къ властямъ или избивали его сами до потери сознанія. Ихъ стали называть «предразсвѣтными парнями»—по времени, когда они являлись на обыски. Конечно, жалобы на нихъ властямъ были совершенно безполезны, и выяснилась рѣшительная необходимость самообороны. Католики стали объединяться въ союзъ «защитниковъ», (дефендеровъ) съ цѣлью на насилія отвѣчать организованнымъ отпоромъ. Тогда какъ-то такъ, якобы само собою произошло, что къ предразсвѣтнымъ парнямъ примкнули волонтерскія дружины (какъ уже сказано, состоявшія исключительно изъ пресвитеріанъ и протестантовъ), и эти, сыгравшіе нѣкогда (въ 1778—1782 гг.) оппозиціонную роль люди стали послушнымъ оружіемъ лендлордовъ и правительства, подъ вліяніемъ ловко разогрѣтаго въ нихъ постороннимъ усердіемъ вѣроисповѣднорасоваго фанатизма.

Все шло превосходно: крестьяне разныхъ религій дрались между собой, волонтеры занимались обысками, дублинскій парламентъ былъ послушенъ и тихъ. Но на этотъ разъ Вильямъ Питтъ разсчиталъ безъ хозяина, что и съ такими даже умами въ исторіи безпрестанно случается.

Онъ не принялъ въ разсчетъ, что не всѣ католики и не всѣ пресвитеріане принадлежатъ къ крестьянскому сословію, онъ зналъ, что средній классъ въ Ирландіи малочисленъ и матеріально слабъ, и поэтому почелъ его совершенною «quantité negligeable». Вотъ здѣсь то и коренилась ошибка Вильяма Питта. Образованная горсточка ирландцевъ безъ различія вѣроисповѣданій превосходно видѣла, кто остается въ главномъ выигрышѣ отъ дракъ дефендеровъ съ предразсвѣтными парнями и волонтерами, и, не выработавъ пока вполнѣ опредѣленной программы дѣйствій, твердо рѣшила всѣми силами отвлечь темные слои населенія отъ полезной для англичанъ междоусобицы и направить ихъ на настоящаго, общаго врага. Политическая проницательность, чудовищная энергія, дерзость, предпріимчивость, презрѣніе къ своей и чужой жизни отличали вождей этой горсточки. Они своими моральными силами восполняли численную скудость; ихъ уже невозможно было обмануть, какъ были обмануты ихъ отцы въ 1782 году; ихъ нельзя было и натравить другъ на друга, какъ крестьянъ; наконецъ, имъ трудно было воспрепятствовать силою въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ, ибо, какъ

справедливо ни бранили конституцію 1782 года, а все-таки она мѣшала лорду-намѣстнику разить непріятеля по вдохновенію. Они захотѣли открыть глаза ирландскому населенію и открыли; они признали нужнымъ организовать и сплотить всѣхъ безсознательныхъ и сознательныхъ враговъ Англіи, и сплотили; когда это было сдѣлано,—они сочли своевременнымъ зажечь возстаніе, и зажгли; оказавшись слабѣе, они должны были погибнуть, и погибли. Въ ихъ жизни было много страшнаго для нихъ и окружающихъ, потому что вся эта жизнь являлась строго логичнымъ проведеніемъ одной и той же идеи, а тѣ страницы всемірной исторіи, на которыхъ выводы начертаны непосредственно вслѣдъ за посылками, обыкновенно бываютъ обильно забрызганы кровью.

Трупы, кровь и пожары, убійства, пытки и висѣлицы, гніющая вода въ колодцахъ отъ накиданныхъ тѣлъ и развалины,—вотъ что явилось видимымъ, матеріальнымъ послѣдствіемъ всѣхъ усилій Вольфа Тона, лорда Фицжеральда и ихъ друзей. И однако, сто лѣтъ спустя, въ 1889 году, Гладстонъ по поводу Вольфа Тона писалъ: «одинъ изъ наиболѣе достойныхъ сожалѣнія фактовъ ирландской исторіи заключается въ томъ, что къ концу прошлаго (XVIII) столѣтія бунтовщики Ирландіи были во многихъ случаяхъ истиннымъ цвѣтомъ ея дѣтей (the very flower of her children)». Какъ же объяснить этотъ отзывъ въ устахъ англичанина, многократнаго министра, стараго политика и врага революцій? Разскажемъ, что дѣлали и сдѣлали эти люди, чтобы читатель могъ придти къ самостоятельному заключенію: соглашаться ли ему съ Гладстономъ, или нѣтъ.

V.

Теобальдъ-Вольфъ Тонъ родился въ 1763 году въ семьѣ одного дублинскаго хозяина каретной мастерской, протестанта. Съ молодыхъ лѣтъ въ немъ проявлялась одна удивительная черта: онъ любилъ мечтать до такой степени, что окружающая дѣйствительность совершенно его переставала интересовать,—т. е. не то, чтобы это только временами такъ бывало, нѣтъ, его мечты жили въ немъ постоянно, онѣ были одарены развитіемъ, отличались сложностью, захватывали его всецѣло и надолго. Герцогъ Аргайль (ненавидящій Вольфа Тона) совершенно справедливо, напримѣръ, удивляется такому обстоятельству: почему Тонъ до двадцати семи лѣтъ совершенно не обращалъ вниманія на Ирландію и ирландскія дѣла, а потомъ вдругъ разомъ отдался имъ душою и тѣломъ? Все дѣтство, отрочество, первая молодость прошли въ обстановкѣ, гдѣ можно было слышать и о бѣлыхъ парняхъ съ ихъ аграрными нападеніями, и о борьбѣ католиковъ-дефендеровъ съ предразсвѣтными парнями, и о другихъ явленіяхъ такого характера; го-

родскіе безпорядки въ Дублинѣ изъ-за вопроса о торговыхъ пошлинахъ развились на его глазахъ; парламентъ 1782 г. возникъ тоже когда онъ уже не былъ ребенкомъ.

И все это какъ-то проходило мимо, ничуть его не затрогивая, потому что ему было некогда: сначала онъ мечталъ стать солдатомъ и отправиться въ неизвѣстныя мѣста къ таинственнымъ враждебнымъ народамъ; потомъ онъ мечталъ основать колонію на одномъ изъ заброшенныхъ острововъ Тихаго океана и оттуда предпринимать отважныя экспедиціи противъ непріятелей—какихъ? онъ самъ хорошенько не зналъ, и называлъ впослѣдствіи Испанію; затѣмъ явились новые планы—службы въ Индіи и борьбы съ туземными державцами въ глубинѣ этой страны, тогда покрытой колоссальными, непроходимыми, тропическими лѣсами, лугами и озерами. Можетъ быть, вслѣдствіе принадлежности своей къ протестантской семьѣ, онъ въ дѣтствѣ и первой юности относился къ англійскому правительству не то вполнѣ нейтрально, не то даже дружелюбно; по крайней мѣрѣ, его мечты вовсе не исключали поступленія на англійскую военную службу, основанія колоніи при помощи Вильяма Питта (о чемъ онъ даже подавалъ проектъ англійскому министру) и тому подобныхъ комбинацій.

И непремѣнно въ этихъ мечтаніяхъ есть враги и война съ ними борьба и движеніе. Жизненная карьера Вольфа Тона сложилась слѣдующимъ образомъ: онъ учился сначала въ колледжѣ Тройцы, потомъ въ дублинскомъ университетѣ, спеціализовался на изученіи права, которое терпѣть не могъ и называлъ безнравственнымъ въ принципахъ и въ приложеніяхъ; въ адвокаты онъ готовился по желанію и просьбамъ отца и курсъ окончилъ хорошо только вслѣдствіе замѣчательныхъ способностей.

Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ полюбилъ одну молодую дѣвушку, и такъ какъ были препятствія со стороны ея родныхъ, онъ увезъ ее и обвѣнчался, а затѣмъ поселилъ ее въ семьѣ своего отца, самъ же отправился въ Лондонъ устраивать дальнѣйшее будущее. Въ Лондонѣ онъ провелъ два года (1787—1788 г. г.) одинъ, дѣлясь скуднымъ кускомъ хлѣба съ своимъ братомъ и какъ будто готовясь къ адвокатской практикѣ, а на самомъ дѣлѣ почти вовсе не заглядывая въ судебныя учрежденія и упорно работая надъ разными полуфантастичными проектами, изъ которыхъ ничего реальнаго не выходило. Въ самомъ концѣ 1788 года послѣдовало примиреніе съ нимъ семейства его жены, и онъ вернулся въ Дублинъ, гдѣ съ 1789 г. началъ заниматься практикой. Замѣчательнымъ свойствомъ обладалъ Вольфъ Тонъ: у него хорошо выходило даже такое дѣло, за которое онъ принимался съ отвращеніемъ. Природныя силы ума и удивительныя способности выручали. И занятіе адвокатурой, страшно его тяготившее тоже пошло у него такъ, что онъ сталъ зарабатывать довольно много.

Но уже спустя годъ практика стала ему совсѣмъ не въ моготу и онъ ее совершенно оставилъ. Средства къ существованію были теперь, послѣ примиренія съ тестемъ, совершенно достаточны для его семьи; онъ отдался всецѣло политикѣ, которая его до того времени совсѣмъ не интересовала. Почему такъ случилось, чѣмъ обусловилось это совершенно внезапное направленіе мысли Вольфа Тона,—мы не можемъ сказать въ полной точности. Начавшейся французской революціей и ея впечатлѣніями можно (какъ увидимъ) объяснить дальнѣйшія движенія ирландской политической мысли вообще и конечные идеалы Вольфа Тона въ частности; уже съ 1790 года вліяніе революціи несомнѣнно и сильно; тѣмъ не менѣе оно сказалось на Вольфѣ Тонѣ не сразу. Весною 1790 года онъ опубликовалъ памфлетъ, въ которомъ рѣзко критиковалъ систему управленія лорда-намѣстника Букингэма, въ январѣ того года подавшаго въ отставку. Его точка зрѣнія въ этомъ памфлетѣ—рѣзко оппозиціонная, но еще вполнѣ лойяльная относительно англійскаго владычества. (При свободѣ печати, уже тогда существовавшей въ Ирландіи, мыслима была бы въ прессѣ и иная точка зрѣнія). Парламентскіе виги сочли его въ первое время своимъ и сблизились съ нимъ. Однако, очень скоро уже обнаружилось, что имъ не по дорогѣ: Вольфъ Тонъ напечаталъ новый памфлетъ, въ которомъ весьма явственно сводилъ дѣло къ необходимости полной независимости отъ Англіи. Поводъ къ подобнымъ заключеніямъ былъ на этотъ разъ самый щекотливый для Англіи, ибо касался внѣшней политики. Произошло столкновеніе между англійскими и испанскими судами, сопровождавшееся оскорбленіемъ британскаго флага, и въ Лондонѣ заговорили о войнѣ съ Испаніей. Такъ какъ кредиты для войны должны были вотироваться по закону и въ англійскомъ, и въ ирландскомъ парламентахъ, то Вольфъ Тонъ, предупреждая событія, написалъ брошюру посвященную разсмотрѣнію вопроса: обязана ли Ирландія непремѣнно принимать активное участіе во внѣшнихъ столкновеніяхъ Англіи съ другими державами? По его мнѣнію, разъ Англія начинаетъ ссоры и, вообще, ведетъ сношенія съ иностранными землями безъ всякаго участія Ирландіи, то и столкновенія Англіи съ ними къ Ирландіи никакого отношенія имѣть не могутъ. Въ ссорѣ Испаніи съ англичанами Ирландія, говоритъ Вольфъ Тонъ, столь же мало принимала участія, «какъ если бы споръ возникъ между японскимъ императоромъ и корейскимъ королемъ», расплачиваться же за англійскія предпріятія ирландцамъ нѣтъ никакой нужды. Виги, изображавшіе въ дублинскомъ парламентѣ оппозицію, совершенно не вняли совѣтамъ Вольфа Тона и наравнѣ съ правительственнымъ большинствомъ вотировали кредитъ въ двѣсти тысячъ фунтовъ. Отношенія между ними и Вольфомъ Тономъ послѣ этого сильно охладѣли. Все еще онъ не становился на революціонную дорогу; онъ ждалъ, но въ ожиданіи все по

вышалъ и повышалъ свои требованія, все расширялъ свои политическіе идеалы. На парламентскую же оппозицію онъ весьма быстро усваивалъ тотъ взглядъ, окончательная формулировка котораго нѣсколько позже вылилась у него въ признаніи, что онъ «давно уже презираетъ такъ называемую оппозицію гораздо искреннѣе, нежели обыкновенныхъ проститутокъ», ибо проститутки не столь лицемѣрны. Въ это же время стала у него складываться та ненависть къ Англіи, которая, по его собственнымъ словамъ, настолько глубоко укоренилась въ его натурѣ, что стала «скорѣе инстинктомъ, нежели принципомъ».

Все яснѣе и яснѣе вырисовывается передъ нимъ главная цѣль всей остальной его жизни: полнѣйшее отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи, въ видѣ совершенно самостоятельнаго государства. И сообразно съ этимъ все напряженнѣе ищетъ его мысль средствъ и методовъ первоначальныхъ, подготовительныхъ дѣйствій, необходимыхъ для начала борьбы. Люди, одаренные сильно развитымъ воображеніемъ и быстро схватывающими все на лету способностями, часто страдаютъ отсутствіемъ усидчивости, умѣнья сосредоточиться. У Вольфа Тона эти недостатки были, но поглотившая его мысль дала ему и сосредоточенность, и усидчивость. При тѣхъ обстоятельствахъ, какія тогда его окружали, Вольфъ Тонъ сдержалъ свою природную порывистость и долго осматривалъ и зондировалъ почву, пока не приступилъ къ рѣшительному дѣлу. Нужно отмѣтить необыкновенную жизнерадостность, сказывающуюся въ любопытномъ дневникѣ, который остался послѣ Вольфа Тона. Этотъ человѣкъ былъ въ безпрерывной работѣ съ 1791 года до рокового ареста, подвергался страшнѣйшимъ опасностямъ, встрѣчалъ досадныя и тяжелыя препятствія, и за всѣ эти семь лѣтъ юморъ и хорошее расположеніе духа, съ интервалами, конечно, не покидали его. Очень ужъ онъ былъ увѣренъ въ торжествѣ своего дѣла, а Паскаль недаромъ сказалъ: «il y a plaisir d'être dans un vaisseau battu de l'orage, lorsqu'on est assuré qu'il ne perira point». Подлинныя бури еще не настали въ 1791 году, но Вольфъ Тонъ уже началъ снаряжать то судно, гдѣ ему и лорду Фицджеральду суждено было стать рулевыми и обоимъ погибнуть. Онъ быстро понялъ, что не только съ драками предразсвѣтныхъ парней и католиковъ-дефендеровъ, но и съ другими, менѣе острыми проявленіями расовой и вѣроисповѣдной вражды въ Ирландіи необходимо покончить какъ можно скорѣе. Пока англійское правительство имѣло поводъ и возможность прикидываться кроткою и огорченною всеобщей матерью, которая къ прискорбію своему никакъ не можетъ унять дерущихся дѣтей; пока пресвитеріанамъ и англиканцамъ внушалось, что католики собираются устроить Варѳоломѣевскую ночь, а католикамъ—что предразсвѣтные парни и волонтеры кое-какъ удерживаются только метрополіей отъ самыхъ худшихъ неистовствъ, до тѣхъ поръ ни одного серьезнаго шага противъ Англіи предпринять

нельзя было. Вольфъ Тонъ выдвинулъ точку зрѣнія, которая, какъ ему казалось, способна была привести къ намѣченной первоначальной цѣли: успокоить ирландскую междоусобицу. Въ его концепціи все населеніе Ирландіи, безъ различія расы и религіи, должно было смотрѣть на свой островъ, какъ на неотъемлемое общее достояніе, и, слѣдовательно, первой, самой насущной задачей должно стать объединеніе ирландцевъ. Тогда правительство останется со своими чиновниками, немногочисленными гарнизонами и лендлордами; остальные же обитатели Ирландіи обратятся въ одну враждебную массу. Блестящій и свѣжій примѣръ сѣверо-американскихъ колоній сильно подбодрялъ Вольфа Тона. Тамъ то же были религіозные раздоры, тоже далеко не сразу объединились разнородные элементы населенія, тоже вооруженный протестъ сначала казался дерзостью и сумасшествіемъ, и однако инсургенты добились рѣшительно всего, чего хотѣли. Вольфъ Тонъ между многимъ прочимъ былъ одаренъ также однимъ свойствомъ, полезнымъ для всѣхъ людей вообще, а для политическаго дѣятеля прямо безцѣннымъ: при всей своей пылкой фантазіи, при сильныхъ страстяхъ и увлеченіи идеею, онъ никогда не терялъ умственнаго хладнокровія, разсчитывая шансы удачи и неудачи, никогда не лишался способности переноситься мысленно на мѣсто врага, обсуждать дѣла съ вражеской точки зрѣнія такъ же обстоятельно, какъ свои собственныя. Онъ былъ поэтомъ въ главныхъ цѣляхъ и суровымъ прозаикомъ въ обдумываніи средствъ борьбы и только оттого этотъ нервный, высокій, худощавый, небрежно одѣтый человѣкъ со своимъ блѣднымъ, добродушнымъ лицомъ и проницательными глазами оказался столь страшнымъ для англичанъ противникомъ. Вольфъ Тонъ, напримѣръ, уже въ 1792 г., какъ явствуетъ изъ его дневника, на днѣ души своей хранилъ и питалъ мысль, что съ чего ни начинай и чѣмъ ни продолжай въ дѣлѣ насильственнаго расторженія связи между Англіей и Ирландіей, а безъ помощи Франціи, въ концѣ концовъ, не обойдешься. Но поставить эту мысль во главѣ угла всѣхъ своихъ соображеній въ 1791—1792 гг., когда рѣчь шла еще объ устраненіи междоусобныхъ раздоровъ въ Ирландіи, было съ точки зрѣнія Вольфа Тона такою нелѣпостью, за которую англійское правительство могло бы только его сердечно поблагодарить. Французское нашествіе, которое спустя пять, шесть лѣтъ было принято инсургентами самымъ дружественнымъ образомъ, въ началѣ 1790 г. еще являлось пугаломъ не только для протестантовъ, но и для части католиковъ. Еще не назрѣло время для начала возстанія, для военной борьбы, въ пылу которой все оцѣнивается исключительно со стратегической точки зрѣнія, еще только начиналась та медленная общественная раскачка, которая длилась, все усиливаясь, пять лѣтъ, пока не привела къ открытому бунту. Но Вольфъ Тонъ, приглядываясь къ окружавшей его политической атмо-

сферѣ, быстро замѣтилъ, какимъ цементомъ легче всего связать ирландцевъ: принципы гражданской и политической свободы и равноправности, выдвинутые французской революціей, и послужили связью, объединившей средній классъ ирландскаго населенія. Въ эти первые свои годы, до террора, французская революція завладѣвала умами средняго класса во всѣхъ странахъ съ необыкновенной быстротой. Энтузіазмъ къ великому движенію распространился въ Ирландіи сначала по тѣмъ округамъ, которые были населены преимущественно просвитеріанами и англиканцами, особенно въ Эльстерѣ.

Подобное явленіе весьма понятно: освободительныя и антицерковныя идеи революціи принимались протестантскимъ среднимъ классомъ всецѣло; положеніе протестантовъ средняго слоя, несмотря на кажущуюся ихъ полноправность, было весьма незавидно, ибо ни въ парламентъ безъ желанія и вліянія лендлордовъ они фактически попасть не могли, ни инымъ путемъ вліять на государственныя и, даже, мѣстныя дѣла также не имѣли возможности, что же касается до антикатолическихъ тенденцій революціи, то къ католицизму въ лучшемъ случаѣ они были совершенно равнодушны. Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ католическихъ округахъ: тамъ «паріи желали стать гражданами», люди, лишенные всѣхъ политическихъ и нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, стремились выйти изъ своего унизительнаго положенія, и уравнительные революціонные принципы быстро пріобрѣтали тамъ по меньшей мѣрѣ такихъ же горячихъ адептовъ, какъ среди tiers-état протестантскаго, но не такъ однородно было отношеніе къ революціонному антиклерикализму. Вѣдь католическое духовенство въ своей массѣ стояло въ рядахъ ирландской оппозиціи; несмотря на краснорѣчіе епископа Троя, они, подобно своей паствѣ, благожелательно относились къ бѣлымъ парнямъ и открыто поддерживали дефендеровъ въ ихъ оборонѣ отъ пресвитеріанскихъ предразсвѣтныхъ парней; во Франціи революція уничтожала церковную «десятину», въ Ирландіи тоже была «десятина», но какая?—взимавшаяся съ католиковъ въ пользу *англиканской*, а не католической церкви! Все это, разумѣется, нѣсколько мѣшало образованнымъ католикамъ, даже и не вѣрующимъ, легко усваивать революціонное отрицательное отношеніе къ католической церкви, да оно, въ концѣ концовъ, почти вовсе не вошло въ идейный обиходъ этого замѣчательнаго ирландскаго поколѣнія 1790-хъ гг. Такъ или иначе, но протестантскій Эльстеръ первый почувствовалъ на себѣ «французскую заразу», какъ выражались тогда охранительные круги тогдашней Англіи и континента. Въ іюлѣ 1791 г., во вторую годовщину взятія Бастиліи, волонтерскія дружины устроили въ Бельфастѣ огромную дружественную Франціи манифестацію; была предложена и принята резолюція съ требованіемъ уравненія правъ католиковъ и протестантовъ. Вице-король Ирландіи графъ Уестморлэндъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что, не-

смотря на стычки кое-какихъ волонтерскихъ дружинъ съ дефендерами, несмотря также на всѣ старанія отожествить волонтеровъ съ предразсвѣтными парнями, эта чисто протестантская ассоціація питаетъ къ католикамъ дружественныя чувства... «Союзъ ихъ (т.-е. католиковъ и пресвитеріанъ) былъ бы дѣйствительно ужасенъ. Этотъ союзъ еще не заключенъ, и я вѣрю и надѣюсь, что онъ никогда не состоится», писалъ въ одномъ частномъ письмѣ *) вице-король вскорѣ послѣ бельфастской манифестаціи.

Вольфу Тону суждено было разбить эту вѣру и надежду. Онъ тотчасъ же рѣшилъ воспользоваться проявившимся въ Бельфастѣ активнымъ настроеніемъ и поспѣшилъ туда. Въ сентябрѣ того же года (1791) онъ издалъ новый памфлетъ, въ которомъ осыпалъ упреками и насмѣшками царившую ирландскую конституцію, ставилъ категорическое требованіе полнѣйшей эмансипаціи католиковъ и, прежде всего, права для нихъ выбирать и быть выбираемыми въ парламентъ. Онъ прямо говорилъ о лукавой политикѣ англійскаго правительства, которое пугаетъ протестантовъ католиками и католиковъ протестантами для собственной выгоды, и доказывалъ, что всѣ эти искусственно поддерживаемые страхи неосновательны. Десять тысячъ экземпляровъ этого памфлета были быстро расхватаны, прочитывались и обсуждались (конституція, хоть и дурная, хоть и вполнѣ справедливо критикуемая въ памфлетѣ, тѣмъ не менѣе позволяла говорить о себѣ вслухъ, вполнѣ откровенно). Когда почва казалась достаточно подготовленною, Вольфъ Тонъ въ октябрѣ (1791 г.) предложилъ нѣкоторымъ единомышленникамъ въ Бельфастѣ основать особое общество для пропаганды объединенія; такая ассоціація была основана и названа «Обществомъ объединенныхъ ирландцевъ». Насколько зависитъ отъ человѣческой воли приблизить историческое событіе, настолько это сообщество приблизило взрывъ 1798 года. Къ его дѣятельности мы теперь и обратимся.

Евг. Тарле.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Lecky, op. cit., vol. VI, стр. 463.

* *

Еще вчера весь день подъ окнами въ каналѣ
Дышала, какъ больной, тяжелая вода,—
Морозъ пришелъ въ ночи, взглянулъ—и воды стали,
И отъ движенья нѣтъ слѣда.

Но что творится тамъ, подъ ледянымъ налетомъ,
Не смерти-ль это сонъ въ холодной мутной мглѣ?..
Нѣтъ, терпѣливо жди, за солнцеповоротомъ
Ждетъ воскресенье на землѣ.

Allegro.

СОНЕТЪ.

Не спрашивай, о чемъ волна морская
Поетъ, шумя на берегу нѣмомъ,
И отчего въ безмолвіи ночномъ
Звѣзда небесъ горитъ, не угасая.
Не спрашивай... Люби, не понимая,
Молись и жди... Въ невѣдѣньи земномъ—
Предчувствіе о вѣдѣньи иномъ,
Святая боль, отрада неземная.

И еслибъ вѣдалъ ты, о чемъ волна
На берегу поетъ неутомимо,
И отчего звѣздами ночь хранима,
И еслибъ зналъ, за что обречена
Душа твоя въ невѣдѣньи томиться,—
Не могъ бы ты ни вѣрить, ни молиться.

С. Маковскій.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

Глава I.

Кукуруза уродилась на славу. Ѳеня медленно шла по узкой дорогѣ между двухъ клочковъ своего поля и ея небольшая круглая фигура совсѣмъ пропадала среди высокихъ стеблей, плотныхъ и неподвижныхъ, какъ зеленыя копья. Даже безформенная ноша высоко лежавшая на ея плечахъ, была скрыта между широкими листьями, которые росли пучками вокругъ каждаго ствола, поднимаясь кверху, какъ огромный султанъ, и скрывая въ своей глубинѣ плотный и тяжелый початокъ. Ѳеня шла бодро, нѣсколько согнувъ спину подъ тяжестью и упруго колебля бедра на каждомъ шагу; ея правая рука, поднятая кверху, настойчиво поддерживала ношу, которая все норовила съѣхать внизъ. Это была груда кухонныхъ остатковъ, крѣпко завязанныхъ въ большой кусокъ сѣрой ряднины. Въ полумилѣ отъ Ѳениной фермы находилась земледѣльческая академія, и Ѳеня, промышлявшая откармливаніемъ свиней, каждое утро приносила оттуда цѣлыя охапки кухонныхъ обрѣзковъ и остатковъ для своихъ четвероногихъ питомцевъ. Директоръ академіи искренно завидовалъ Ѳенѣ, ибо свиноводство чрезвычайно выгодно въ Нью-Джерси, но подражать ей было внѣ его власти. Академія была еврейская и не могла имѣть ничего общаго со свиньями. Правда, нѣкоторые наиболѣе вольнодумные изъ еврейскихъ фермеровъ пробовали утверждать, что талмудъ въ сущности не запрещаетъ разводить свиней для продажи христіанамъ, но традиціонное отвращеніе къ нечистымъ животнымъ было слишкомъ сильно и даже самые отпѣтые вольнодумцы не рѣшались приложить свои взгляды на практикѣ и завести свиной хлѣвъ

Въ академіи ежедневно садились за столъ двѣсти человѣкъ и на заднемъ дворѣ постоянно накапливались горы картофельныхъ и капустныхъ обрѣзковъ, представлявшихъ цѣлый рудникъ для окрестныхъ польскихъ и русинскихъ фермеровъ. Ѳеня не

имѣла лошади и ей приходилось перетаскивать ноши на своихъ плечахъ. Она постоянно жадничала и набирала выше своей силы У ней было двѣнадцать свиней, и каждая лишняя горсть корму составляла разсчетъ въ ея хозяйственномъ оборотѣ. Иногда, если у нея было больше досуга, она совершала два путешествія въ академію, и въ этотъ день вся свиная орава не стоила ей ни одного цента.

Пройдя половину дороги, Ѳеня почувствовала, что узелъ начинаетъ съѣзжать куда то въ сторону. Тяжесть его какъ будто выросла и на лбу ея отъ напряженія выступили мелкія капли пота.

Немного подальше на самой дорогѣ стоялъ большой пень, который почему то былъ оставленъ нетронутымъ при первоначальной корчевкѣ. Ѳеня подошла къ пню, свалила свой узелъ на его иззубренный, но довольно широкій край и остановилась на минуту, чтобы перевести духъ.

У ней оставался дома грудной ребенокъ, но она накормила его передъ самымъ уходомъ и оставила подъ надзоромъ своей кумы, старой Шешлянтихи, которая доводилась ея мужу двоюродной теткой и часто приходила къ ней съ утра вмѣстѣ съ узломъ грязнаго бѣлья, взятаго для стирки у горожанъ въ Ноксвилѣ.

Ноксвиль былъ небольшой фабричный городокъ въ одной милѣ отъ Ѳениной фермы и даже иные изъ ея сосѣдей предпочитали посылать своихъ дѣвушекъ на городскія фабрики къ швейнымъ и вязальнымъ машинамъ и отдавать грязное бѣлье въ стирку на сторону.

Мужа Ѳени не было дома. Онъ былъ на лѣсной работѣ и возилъ въ городъ дрова на казенной лошади, принадлежавшей городскому попечительному комитету.

Легкій порывъ вѣтра пробѣжалъ въ листьяхъ кукурузы, но крѣпкіе зеленые стволы стояли по прежнему неподвижно.

«Ишь они какіе!» — невольно сказала Ѳеня, утирая рукавомъ потъ съ лица и любуясь на свою будущую жатву.—«Даетъ Господь на кормъ всякаго скота!.. Все равно русскіе овсы»...

«Каково то теперь уродились тверскіе овсы?» — невольно подумала она. Но мысль ея тотчасъ же вернулась къ собственному полю.

Ѳеня была родомъ изъ подъ Торжка и жила въ Америкѣ только четыре года, но это поле они съ мужемъ распахали и засѣяли собственными руками, и сердце ее стало приростать къ этой песчаной почвѣ, которая такъ походила на сѣверорусскія легкія земли, но хозяйство на которой сулило пахарю больше надежды впереди.

«Кормный хлѣбъ,» — думала Ѳеня, продолжая обозрѣвать свое поле—«одной зелени сколько, зерно, какъ горохъ, кочнемъ хоть гвозди забивай!»

«Слава тебѣ Господи!»—сказала она вслухъ.—«Зимою корову заведу, Тимошку молокомъ кормить».

Она совсѣмъ забыла про тверскіе овсы. Они явились съ мужемъ на заброшенную ферму, заросшую бурьяномъ и чертополохомъ и на третье лѣто успѣли придать ей цвѣтущій видъ. Земля и даже домъ еще не принадлежали имъ, но Ѳеня приладила вокругъ своего порога полное деревенское хозяйство и ощущала на этомъ чужомъ полѣ власть земли съ тою же покорною преданностью, какъ и на оскудѣломъ мужицкомъ надѣлѣ не черноземной полосы.

Ѳенино поле не было огорожено, ибо Ѳеня жалѣла деньги, нужныя на колючую желѣзную проволоку. Но немного подальше начинались обширные посѣвы Рабиновича, самаго богатаго изъ окрестныхъ фермеровъ. Предъ ними тянулись три ряда проволоки, тонкой, какъ снурокъ, но, благодаря искусному размѣщенію желѣзныхъ щетинъ, болѣе недоступной для коровъ и свиней, чѣмъ самый крѣпкій заборъ.

Кукуруза на полѣ Рабиновича была посажена раньше, чѣмъ у Ѳени, и уже дозрѣла. Не смотря на ранній часъ, еврейскій фермеръ уже копошился на своемъ участкѣ, занимаясь жатвой. Съ крѣпкимъ косаремъ въ рукѣ онъ переходилъ отъ стебля къ стеблю, подсѣкая ихъ подъ самый корень, и длинные ряды стволовъ, уже лежавшихъ на землѣ, свидѣтельствовали, что онъ вышелъ на работу еще до зари. Въ этомъ мѣстѣ участокъ Ѳени былъ такъ узокъ, что когда Рабиновичъ подошелъ къ изгороди, онъ очутился не болѣе, какъ въ пятнадцати шагахъ отъ Ѳени.

— Богъ помочь!—сказала Ѳеня, кладя руку на узелъ и собираясь снова взвалить его на плечи.

— И вамъ тозе!—сказалъ фермеръ, останавливаясь у изгороди. Какъ всѣ истинно прилежные работники, онъ всегда былъ радъ лишнему случаю перевести духъ.

— Кормъ тасцись?—спросилъ онъ по русски, но съ ужаснымъ еврейскимъ выговоромъ.—Свиньямъ?

Ѳеня утвердительно кивнула головой.

— Ницего!—сказалъ Рабиновичъ, хитро прищуривая лѣвый глазъ.—Ты разводись свиньи, а я кури!

Ноксвильскіе пески, какъ и большая часть земель въ приатлантическихъ штатахъ, мало годились для зерновыхъ хлѣбовъ и во всякомъ случаѣ не могли соперничать съ тучными пшеничными полями Небраски или Іовы. Фермеры разводили куръ, садили овощи и фрукты, воздѣлывали ягодникъ, особенно въ око-

лоткахъ, близкихъ къ такимъ огромнымъ рынкамъ, какъ Нью-Іоркъ или Филадельфія, или къ морскимъ курортамъ у Атлантикъ Сити, гдѣ были разбросаны тысячи богатыхъ виллъ, готовыхъ поглощать свѣжія яйца, виноградъ и землянику въ какомъ угодно количествѣ. Въ этихъ околоткахъ даже кукуруза разводилась исключительно на прокормъ скоту и птицѣ и для собственнаго пропитанія фермеры покупали пшеничную муку кульками, какъ фабричные рабочіе.

— У васъ куры, а у меня гуска!—сказала Ѳеня.

Ноксвиль былъ населенъ евреями, которые жарятъ мясо вмѣсто масла на гусиномъ жиру, и разведеніе гусей обѣщало еще болѣе вѣрные барыши, чѣмъ продажа яицъ на морской берегъ. Фабричный городокъ послѣ многихъ колебаній и перемѣнъ сталъ быстро расти и въ этомъ году въ немъ открывалась четвертая большая фабрика.

— У каждаго своя выдумка!—сентенціозно сказалъ Рабиновичъ.—Я весна на двохъ акрахъ орѣховъ садилъ. Янкель лавочникъ allen урозай купитъ.

Онъ подразумѣвалъ дешевые земляные орѣхи, которые разводятся на грядахъ, какъ картофель, и замѣняютъ въ Америкѣ сѣмячки.

— Прощайте вамъ!

Онъ повернулся къ Ѳенѣ спиной, собираясь опять приняться за свою кукурузу, и его сутуловатыя плечи, покрытыя желтой люстриновой курткой, особенно рельефно обрисовались на фонѣ темной зелени. Несмотря на семнадцать лѣтъ земледѣльческой жизни, Рабиновичъ сохранилъ въ полной неприкосновенности поджарую фигуру странствующаго коробейника и можно было только удивляться, какимъ образомъ его тонкія руки съ большими острыми локтями справляются такъ удачно съ косаремъ и заступомъ. Онъ какъ будто только что выскочилъ изъ самой гущи Гетто. Даже затылокъ его, узкій и длинный, съ картузомъ сдвинутымъ далеко назадъ, изъ-подъ котораго выбивались жидкіе и темнорусые локоны, годился болѣе для старьевщика, чѣмъ для земледѣльца. Глядя на этотъ затылокъ, Ѳеня невольно припомнила двухъ нѣмецкихъ фермеровъ, которые полчаса тому назадъ проѣхали мимо академіи въ тарантасѣ, ведя за собой большую черную корову. У нѣмцевъ были совсѣмъ другіе затылки, бритые и красные, крѣпкіе, какъ дерево, и широкіе, хоть молоти горохъ.

Тѣмъ не менѣе Рабиновичъ былъ богаче нѣмцевъ. Онъ былъ самымъ богатымъ фермеромъ въ околоткѣ, по крайней мѣрѣ между европейскими эмигрантами. Подъ одной кукурузой у него было тридцать акровъ хорошо расчищенной и унавоженной земли, дававшей ежегодно прекрасный урожай. Виноградникъ его занималъ

двадцать акровъ. На птичьемъ дворѣ, покрытомъ проволочной сѣткой, кормилось три сотни куръ, самыхъ разнообразныхъ породъ. Онъ разводилъ голубей и помидоры, сажалъ калифорнскія груши и земляные орѣхи, каждый годъ дѣлалъ опыты съ какой-нибудь новой отраслью животноводства или огородничества. Онъ умѣлъ извлекать доходъ даже изъ лѣсного участка, который ему достался почти совсѣмъ задаромъ, ибо въ Нью-Джерси нерасчищенная земля, поросшая корявымъ лѣсомъ, цѣнится въ десять разъ дешевле земли расчищенной и удобренной, вполнѣ пригодной для посѣва. Рабиновичъ раздѣлилъ свой лѣсъ на дѣлянки и вырубалъ ихъ ежегодно одну за другою, продавая дрова ноксвильскимъ жителямъ. Этотъ тщедушный старьевщикъ былъ необыкновенно дѣятеленъ и не могъ сидѣть безъ дѣла ни одной минуты. У него было нѣсколько тысячъ долларовъ въ банкѣ, но онъ не признавался въ ихъ существованіи и всегда утверждалъ, что онъ бѣднѣе своихъ сосѣдей, хотя ихъ земли были обременены закладными и слишкомъ часто переходили изъ рукъ въ руки.

Глава II.

Ѳеня тоже почувствовала, что достаточно отдохнула и, взваливъ узелъ на спину, торопливо пошла впередъ по тропинкѣ. Усадьба ея стояла на пригоркѣ. Деревянная изба обычнаго въ Нью-Джерси типа имѣла два этажа и ея высокая кровля, покрытая мелкимъ тесомъ и окрашенная въ зеленую краску, весело блестѣла на утреннемъ солнцѣ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщалась спальня и лежала кое-какая рухлядь. Въ нижнемъ хозяева варили пищу, ѣли и работали.

Ѳеня получила этотъ домъ въ аренду вмѣстѣ съ участкомъ. Они съ мужемъ только огородили дворъ, и пристроили нѣсколько сарайчиковъ и небольшихъ клѣтушекъ для разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Теперь усадьба выглядѣла очень домовито. Большая бѣлая гусыня, медленно расхаживавшая по двору съ выводкомъ подростающихъ гусенятъ, еще болѣе усиливала это впечатлѣніе зажиточности и всеобщаго благоденствія. Однако, на дѣлѣ благоденствіе Ѳени было не особенно велико. Правда, ей до смерти хотѣлось разбогатѣть и, быть можетъ, это упрямое желаніе, такъ сказать, просачивалось наружу и видоизмѣняло внѣшній видъ двора.

Въ большой комнатѣ у Ѳени не было даже стульевъ и ихъ замѣняли грубо сколоченныя лавки. Она и ея мужъ копили деньги отдѣльно другъ отъ друга и накопили по сотнѣ долларовъ, но на выплату за домъ и участокъ нужно было сдѣлать немедленный взносъ гораздо большаго размѣра. За два года и двѣсти долла-

ровъ были большимъ пріобрѣтеніемъ. Ѳеня отказывала себѣ и мужу въ лишнемъ кускѣ и бралась за самую тяжелую работу, лишь бы заработать лишній долларъ и такимъ образомъ приблизить возможность сдѣлаться хозяйкой и собственницей.

Тимошка лежалъ въ очень старой колясочкѣ на дворѣ у крыльца и гулилъ, т.-е. прикладывалъ кулачки къ губамъ и испускалъ негромкіе рокочущіе звуки, какъ воркующій голубь.

— А-гу, Тимошенька,—сказала Ѳеня, сбрасывая ношу на землю и нагибаясь къ младенцу.

Тимоша радостно засмѣялся и протянулъ къ матери руки, но она тотчасъ же отклонилась назадъ и пошла провѣдать своихъ свиней. Она ухаживала за ними, какъ за малыми дѣтьми, ибо они представляли ея главный живой капиталъ и къ осени должны были выручить, по крайней мѣрѣ, полтораста долларовъ.

Задавъ кормъ свиньямъ, Ѳеня опять подошла къ косясочкѣ и взяла ребенка на руки.

— А что, не плакалъ Тимошенька, мамо?—окликнула она старуху, которая мыла бѣлье въ деревянной лоханкѣ у колодца, растирая его на зубчатой доскѣ, похожей на жестяную терку. Въ Америкѣ было такъ много мелкихъ удобствъ, что нѣкоторыя изъ нихъ достались и на долю этихъ женщинъ. Даже колодезь былъ устроенъ въ видѣ гидравлическаго насоса, который глубоко уходилъ въ землю и вода бѣжала изъ крана послѣ двухъ-трехъ поворотовъ чугунной ручки.

— Не плакалъ Тимошенька, мамо?—повторила Ѳеня.

Шешлянтихѣ было больше шестидесяти лѣтъ и Ѳеня привыкла называть ее мамой, какъ и ея собственная невѣстка.

— Угу!—промычала старуха, не раскрывая рта. Она была чрезвычайно молчалива и отъ нея было трудно добиться отвѣта даже на самый прямой вопросъ. Именно изъ-за этой молчаливости у нея выходили недоразумѣнія съ невѣсткой.

— Вы меня, видно, и за человѣка не считаете, мамо?—однажды сказала ей прямо молодая женщина.—Вы, видно, гордая... Я вамъ и то и се, а вы бы хоть ругнулись въ отвѣтъ!

Ѳеня, впрочемъ, была увѣрена, что Тимоша не плакалъ въ ея отсутствіи. Онъ былъ замѣчательно здоровый и смирный ребенокъ и доставлялъ матери почти также мало хлопотъ, какъ пятилѣтній мальчикъ, который цѣлый день играетъ на улицѣ.

— А никто не приходилъ?—спросила опять Ѳеня.

Она была въ болтливомъ настроеніи и нуждалась въ отвѣтахъ такъ же мало, какъ дроздъ, который щебечетъ на вѣткѣ.

— Ага!—промычала старуха также неопредѣленно, подливая, свѣжей воды изъ подъ крана въ лоханку.

Ѳеня примостила ребенка у своей груди и прошла въ садъ.

Это громкое названіе она дала лѣвому углу своей усадьбы, гдѣ росло нѣсколько корявыхъ грушевыхъ и персиковыхъ деревьевъ, посаженныхъ еще при первоначальномъ устройствѣ фермы. Эти деревья приносили мелкіе и деревянистые плоды, но немного подальше, уже за чертой двороваго участка, они съ мужемъ развели небольшой виноградникъ, подобно всѣмъ окрестнымъ фермерамъ. Ѳеня мимоходомъ заглянула, какъ преуспѣвали ея лозы. Виноградъ вился по тычинамъ цѣпкими зелеными плетями. Мѣстами мелкія, только что завязывавшіяся ягоды уже висѣли гроздьями подъ широкими листьями, обѣщая обильный сборъ.

Ѳеня собиралась идти назадъ, но вдали послышалась пѣсня. Ѳеня остановилась, прислушиваясь къ словамъ. Ей пришло въ голову, что, быть можетъ, это ея мужъ везетъ въ Ноксвиль первый возъ дровъ, вырубленныхъ на дѣлянкѣ. Пѣсня выросла, но звуки и слова складывались въ нѣчто совсѣмъ другое, одинаково чуждое окружавшей американской природѣ, англо-саксонской культурѣ и славянской національной стихіи, которая забросила одинъ изъ своихъ отростковъ въ эти лѣсныя дебри. Пѣсня была замѣчательно красива. Она развивалась въ ясномъ воздухѣ, какъ безконечное кружево, волнуясь, трепеща и поднимаясь въ вышину. Въ ней слышалась тоска и сила и меланхолическая мечтательность. Голосъ, пѣвшій ее, былъ мягкій и высокій теноръ, какъ нельзя лучше подходившій къ этимъ лирическимъ звукамъ.

Черезъ минуту изъ за поворота лѣсной просѣки показалась маленькая лохматая лошадь, степенно тащившая большой возъ корявыхъ, мелко нарубленныхъ дровъ.

Рядомъ съ возомъ шелъ человѣкъ крупнаго роста и могучаго тѣлосложенія, съ большой головой, покрытой жесткими курчавыми волосами. Черты лица были ярко семитическаго типа, но въ осанкѣ и въ каждомъ движеніи сказывалась привычка къ тяжелому труду и большая, безсознательно увѣренная въ самой себѣ сила. Такъ выглядѣлъ, вѣроятно, Саулъ, который по словамъ лѣтописца, возвышался плечами надъ цѣлой толпой. Въ каждой рытвинѣ дороги, когда лошадка замедляла шагъ, человѣкъ подпиралъ возъ плечомъ и однимъ широкимъ движеніемъ, какъ будто перекатывалъ его впередъ вмѣстѣ съ лошадью. Въ общемъ, трудно было рѣшить, кто собственно больше передвигаетъ—возъ лошадка или ея хозяинъ.

Несмотря на постоянную заботу о возѣ и лошади, курчавый человѣкъ въ гораздо большей степени былъ поглощенъ своимъ пѣніемъ. Можно было только удивляться, какъ изъ такого могучаго тѣла выходитъ такой нѣжный и сладкій голосъ.

Слова пѣсни были сложены на древне-еврейскомъ языкѣ и

ихъ простая прелесть, для каждаго, кто могъ бы понять ихъ смыслъ, еще болѣе усилила бы очарованіе.

Когда Моисей бѣжалъ въ пустыню, онъ пасъ стадо
коровъ и овецъ,
Когда Іосифъ еще ходилъ на волѣ, онъ тоже пасъ
коровъ и овецъ.

Жестокіе братья его связали и продали его въ царскій дворецъ,
Но Богъ помогъ пастуху стать великимъ мудрецомъ
И онъ сталъ пасти весь египетскій народъ.

Царь Саулъ самъ ходилъ за плугомъ,
Богатырь Самсонъ сѣялъ на землю хлѣбъ,
Что же мнѣ стыдиться предъ братьями евреями,
Если я пастухъ, пахарь, дровосѣкъ?

Полоса моя мнѣ даруетъ пищу,
Солнце льетъ тепло, облако поитъ...
Кончивъ долгій трудъ, я засну спокойно
На широкомъ лонѣ матери земли.

Абрамъ Сицимскій происходилъ изъ еврейскихъ колонистовъ южной Россіи и съ дѣтства не зналъ и не любилъ никакого другого дѣла, кромѣ земли. Волна эмиграціи подхватила его еще юношей и перенесла въ Палестину, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ, настойчиво стараясь приспособиться къ новой природѣ и климату. Въ огромномъ и дюжемъ питомцѣ русской степи, какъ будто возродились полузабытыя духовныя черты древняго палестинскаго мужика, который умѣлъ заботиться только о своей нивѣ и точилѣ, о смоковницахъ и оливахъ, и простодушно оставлялъ торговлю хитрому финикійскому поморянину, который такъ искусно обсчитывалъ его при разсчетахъ за пшеницу и вино.

Сицимскій впрочемъ имѣлъ еще другую, интеллигентную сторону. Въ Палестинѣ онъ сдѣлался пламеннымъ сіонистомъ и проникся вѣрою въ близкое возрожденіе еврейскаго царства съ тѣмъ религіознымъ и политическимъ энтузіазмомъ, который до сихъ поръ таится въ нижнихъ слояхъ еврейскаго народа, отдѣляя ихъ отъ международныхъ банкировъ Вѣны и Парижа такою же глубокою пропастью, какою нѣкогда галилейскіе горцы и самарійскіе пахари были отдѣлены отъ іерусалимскихъ саддукеевъ и идумейскихъ тысяченачальниковъ.

Послѣ тяжелаго дневного труда, Сицимскій проводилъ свои вечера въ ожесточенномъ стараніи усвоить себѣ древне-еврейскій языкъ, который, повидимому, долженъ былъ явиться будущимъ языкомъ еврейскаго царства. Однако, раскаленные камни Палестины, исторически обнищалой и лишенной орошенія, въ концѣ

концовъ привели мечту Сицимскаго къ неожиданной развязкѣ... Черезъ десять лѣтъ, когда даже жена и десятилѣтній сынишка русскаго колониста настолько усвоили древній языкъ, что стали постоянно перемѣшивать его съ фразами польско-нѣмецкаго жаргона, пришла жестокая засуха, и сожгла поле, филоксера съѣла виноградникъ, а бедуины угнали двухъ лошадей.

— Божье попущеніе!—смиренно подумалъ Сицимскій, но земля была въ закладѣ у мелкаго банкира въ Яффѣ и платить проценты было нечѣмъ. Не прошло и года, какъ бѣдный сіонистъ остался безъ кола и двора и, почти самъ не зная какъ, перебрался въ Америку. Въ Ноксвилѣ онъ былъ только три мѣсяца и по примѣру бѣднѣйшихъ переселенцевъ старался заработать немного денегъ дровянымъ промысломъ, который оплачивался лучше всего.

Ноксвильскій околотокъ былъ мѣстомъ интереснаго соціологическаго опыта, какіе, впрочемъ, въ предѣлахъ Новаго Свѣта происходятъ почти на каждомъ шагу. Комитетъ еврейскихъ благотворителей, при помощи огромнаго капитала, пожертвованнаго извѣстнымъ еврейскимъ богачомъ, пытался приспособить часть еврейскихъ переселенцевъ къ земледѣлію. Дѣло, какъ водится, велось черезъ пень колоду. Колоніи выростали, какъ грибы, но исчезали еще быстрѣе. Капиталисты-благотворители корчили изъ себя аристократовъ и меньше всего заботились о нуждахъ колонистовъ. Чуть не половина затратъ уходила на администрацію. Даже самое мѣсто было выбрано неудачно, ибо ноксвильскія легкія земли требовали интенсивнаго хозяйства и большихъ затратъ капитала.

Злые языки говорили, что одному изъ благотворителей нужно было раздуть акціи желѣзной дороги, проходившей мимо Ноксвиля, и онъ поэтому скупилъ за безцѣнокъ огромную полосу корявыхъ кустарниковъ и потомъ не безъ выгоды перепродалъ ее комитету. Дѣйствительно, лѣсныя заросли въ Нью-Джерси до сихъ поръ были очень дешевы, и въ болѣе глухихъ углахъ можно было купить невоздѣланную землю по два доллара за акръ.

Какъ бы то ни было, еврейскіе земледѣльческіе поселки существовали уже болѣе двадцати лѣтъ. Колонисты получали отъ управленія избу, лошадь, плугъ, немного сѣмянъ и непривычными руками принимались воевать съ кустарникомъ, но черезъ два, три года проѣдались и разорялись въ пухъ и уходили, куда глаза глядятъ. На ихъ мѣсто, однако, постоянно являлись новые. Изъ огромнаго потока еврейской эмиграціи постоянно отдѣлялись небольшія струйки, которыя обѣгали большіе городскіе центры и стремились излиться на лоно природы, хотя бы въ корявыхъ кустарникахъ Нью-Джерси.

Уроженцы южно-русскихъ колоній, выходцы изъ румынскихъ селъ и патріархальныхъ литовскихъ мѣстечекъ, гдѣ козы пасутся прямо на улицѣ, задыхались въ раскаленной каменной пасти нью-іоркскаго Гетто и готовы были заложить душу и тѣло за глотокъ свѣжаго воздуха на ноксвильскихъ поляхъ.

Другіе являлись изъ неплодородной Палестины, какъ Сицимскій, или изъ Южной Америки, гдѣ дѣло колонизаціи обстояло хуже и откуда колонисты убѣгали толпами въ Соединенные Штаты.

Были такіе, которые по нѣскольку разъ разорялись на земледѣліи, уходили въ городъ и, накопивъ нѣсколько сотъ долларовъ каторжнымъ трудомъ у швейной машины или токарнаго станка, снова являлись на ферму.

Въ двадцать лѣтъ на фермахъ околотка смѣнились три или четыре поколѣнія фермеровъ. Въ концѣ концовъ, самые цѣпкіе выжили и приспособились къ земледѣлію. Къ двадцатипятилѣтнему юбилею еврейскаго земледѣлія въ Америкѣ, который аристократы-благотворители отпраздновали съ большой помпой въ прошломъ году въ Нью-Іоркѣ, околотокъ насчитывалъ около пятисотъ семей, которыя были болѣе или менѣе прочно связаны съ земледѣліемъ. Ноксвильскія фермы занимали центральное мѣсто, но именно здѣсь земледѣльческія дѣла шли хуже всего. Рядомъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ того же благотворительнаго комитета, развивался бойкій фабричный городокъ, интересы котораго быстро возрастали и выдвигались на первый планъ. Зато изъ пятидесяти первоначальныхъ фермъ уцѣлѣло только около половины; остальныя оставались пусты изъ года въ годъ и управленіе мало-по-малу стало сдавать ихъ польскимъ, русинскимъ и русскимъ выходцамъ, которые стягивались къ русско-еврейскому городу, ибо, по естественному ходу вещей, еврейскіе, польскіе и русскіе переселенцы въ Америкѣ разсматриваютъ другъ друга, какъ земляковъ, и сплошь и рядомъ селятся вмѣстѣ.

Ѳенѣ, впрочемъ, некогда было думать о судьбахъ соціологическаго опыта въ Ноксвилѣ. Она сама представляла не менѣе интересный опытъ, глубоко живучій и примѣнявшійся къ новымъ условіямъ гораздо лучше большинства еврейскихъ фермеровъ.

Въ Америку Ѳеня попала почти случайно. Русскій чиновникъ, командированный въ Чикаго наблюдать за выполненіемъ русскаго казеннаго заказа, привезъ ее съ собою прямо изъ Твери. У него была жена и двое дѣтей, и онъ не могъ обходиться безъ прислуги. Барыня предложила Ѳенѣ шесть рублей въ мѣсяцъ, а баринъ на всякій случай обезпечилъ себя двухлѣтнимъ контрактомъ. Ѳеня

впрочемъ рада была и такимъ деньгамъ, ибо до того она никогда не получала больше четырехъ рублей. Въ Чикаго Өеня проявила совсѣмъ новыя способности и оказалась совершенно незамѣнимой для своихъ господъ. Госпожа Барковская не могла нахвалиться своею предусмотрительностью. И хозяйка и служанка одинаково не знали ни слова по англійски, но Өеня какимъ-то безошибочнымъ инстинктомъ угадывала значеніе непонятныхъ звуковъ и сразу стала сговариваться съ лавочниками и поставщиками продуктовъ. Въ первый же день, придя въ мелочную лавку за уксусомъ, она скорчила такую кислую «уксусную» гримасу, что приказчикъ немедленно понялъ и удовлетворилъ ее. Къ вечеру она уже торговалась съ колбасникомъ изъ-за цѣны сосисекъ, пуская въ ходъ наглядную ариөметику своихъ десяти пальцевъ и отстаивая интересы своихъ хозяевъ до послѣдняго полуцента. Черезъ недѣлю она отыскала въ своемъ околоткѣ нѣсколько русско-еврейскихъ лавокъ, гдѣ она могла безъ затрудненія изъясняться на своемъ отечественномъ нарѣчіи. Но съ этого дня отношенія Өени и ея хозяйки стали портиться. Новые знакомцы растолковали Өенѣ, что въ Америкѣ самая неопытная прислуга получаетъ 10—12 долларовъ въ мѣсяцъ, т.-е. въ четыре раза больше ея условленной платы. Еще черезъ недѣлю Өеня попросила прибавки. Хозяйка выругала Өеню дурой и пригрозила ей полиціей. Өеня ничего не сказала, но на другое утро собрала свои вещи въ узелъ и ушла изъ дома. Неслыханно высокое жалованье оказалось настолько соблазнительнымъ, что оттѣснило на задній планъ даже тверскія воспоминанія, и Өеня, очертя голову, пустилась въ совершенно незнакомый міръ, вооруженная узломъ съ рухлядью, парой здоровыхъ рукъ и настойчивымъ желаніемъ накопить денегъ.

— Проживу!—сказала себѣ Өеня.—Вонъ люди живутъ, да еще Бога хвалятъ. Небось, и я не хуже!

Эта полуинстинктивная, но твердая увѣренность, что она не хуже другихъ людей и имѣетъ равное со всѣми право добиться лучшаго угла и куска, была присуща Өенѣ съ ранней юности. Быть можетъ, она впитала ее вмѣстѣ съ новой деревенской атмосферой или вытвердила съ уроками въ школѣ, которую посѣщала два года. Эта увѣренность привела Өеню изъ деревни въ губернскій городъ и внушила ей охоту пуститься черезъ океанъ, и теперь помогла ей такъ быстро и рѣшительно сжечь свои утлые корабли и пуститься въ открытое плаванье.

Госпожа Барковская однако не хотѣла уступить безъ борьбы, но русско-нѣмецкій адвокатъ, которому она показала Өенинъ контрактъ, объяснилъ ей къ ея невыразимому удивленію, что ввозить законтрактованныхъ людей въ Америку считается преступленіемъ,

которое наказывается штрафомъ и тюрьмой, и посовѣтовалъ ей немедленно возвратить Ѳенѣ ея паспортъ. Ѳеня, впрочемъ, не думала ни о контрактѣ, ни о паспортѣ. Она пріютилась на время у старухи, продававшей газеты на уличномъ прилавкѣ; черезъ двѣ недѣли она была на новомъ мѣстѣ и стала-таки получать десять долларовъ въ мѣсяцъ. Она прожила цѣлый годъ въ Чикаго, скопила немного денегъ, потомъ неугомонная суета и зловонный дымъ этого чудовищнаго города надоѣли ей и ее потянуло въ деревню на зелень и чистый воздухъ. Судьба рѣшила благопріятствовать Ѳенѣ до конца. Въ конторѣ наемнаго труда, куда она обратилась за справкой, ей предложили мѣсто стряпки въ ноксвильской земледѣльческой академіи, на лонѣ природы, среди населенія, которое говорило порусски. Кромѣ Ѳени, въ академіи работалъ молодой русинъ изъ Тарнополя Ѳедоръ Брудный, здоровый и упрямый парень, который уѣхалъ изъ Галиціи безъ шеляга въ «кишени» и далъ себѣ обѣтъ въ три года завести полное хозяйство на американской почвѣ. Черезъ годъ Ѳеня и Ѳедоръ рѣшили соединить свои сбереженія и основать хозяйство. Директоръ училища, хотя и лишившійся двухъ лучшихъ рабочихъ силъ, проявилъ сочувствіе къ молодой четѣ.

Онъ убѣдилъ управленіе отдать имъ одну изъ пустовавшихъ фермъ вмѣстѣ съ усадьбой, избой и даже небольшимъ участкомъ распаханной земли, которая имѣла въ лѣсистомъ Ноксвилѣ весьма реальную цѣнность.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Рента за ферму была низкая, три доллара въ мѣсяцъ. Брудные не упускали ни одного случая, чтобы заработать лишнюю копейку, и итогъ ихъ сбереженій постепенно увеличивался. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Ѳеня сдѣлала попытку выписать свою семью изъ-подъ Торжка, и даже предлагала послать денегъ на проѣздъ. Въ Ноксвилѣ было еще много пустыхъ фермъ и она была увѣрена, что ея мать и братъ съумѣютъ съ такимъ же успѣхомъ разводить куръ и свиней, какъ и она съ мужемъ. Она была готова выписать половину родного села и наполнить этими тверскими мужиками незанятыя избы и свободныя земли Ноксвиля. Въ ней громко говорила мужицкая жадность, и она постоянно прикидывала отечественный «четвертной надѣлъ» къ этому широкому лѣсному и полевому приволью.

Однако и мать и братъ наотрѣзъ отказались ѣхать. Только младшая сестра Ѳени, Катя, сблазнившись чудесными описаніями новой земли, которыя Ѳеня присылала въ своихъ письмахъ, рѣшила послѣдовать приглашенію и настояла на своемъ, несмотря на отговоры родныхъ. Она выѣхала изъ Гамбурга около двухъ недѣль тому назадъ, но Ѳеня не знала, какъ долго можетъ про-

длиться переѣздъ, и уже нѣсколько дней съ часу на часъ ожидала свою сестричку.

Ребенокъ задремалъ, но и во снѣ продолжалъ лѣниво сосать материнскую грудь. Ѳеня присѣла на минуту на корень старой груши, выдавшейся изъ-подъ земли, какъ узловатый табуретъ, и тоже притихла, легонько покачивая Тимошу на своей груди. Она ощущала, какъ движенія губъ ребенка понемногу теряютъ свою настойчивость, и струя молока, выходящая изъ ея груди, становится все тоньше и слабѣе, и эти послѣднія струйки теплой и живой волны, переливавшіяся изъ ея тѣла въ маленькое живое существо, лежавшее на ея рукахъ, дали ей снова чувство единенія съ природой. Глаза ея продолжали оставаться открыты, но мысли ея стали смутны; ей чудилось, какъ будто все существо ея постепенно растворяется въ окружающемъ ясномъ воздухѣ и будто струя живой силы изливается въ нее прямо изъ подъ ногъ изъ нѣдръ этой широкой, теплой и плодородной земли и потомъ переливается въ тѣло ея ребенка.

Легкій топотъ шаговъ послышался у забора. Ѳеня встрепенулась и поправилась на своемъ сидѣньи.

Худощавая женщина, съ красивымъ, но уже поблекшимъ лицомъ, съ тяжелой массой волосъ, небрежно скрученныхъ вокругъ головы, одѣтая во все черное, остановилась у калитки.

— Здравствуй, Ѳеня — сказала она негромкимъ и неторопливымъ голосомъ, въ самомъ звукѣ котораго звучала усталость.

— И ты здравствуй, докторша! — быстро отвѣтила Ѳеня, дипломатично поджимая губы.

Она встала съ корня, но не сдѣлала шага по направленію къ новопришедшей. Стоя другъ противъ друга, онѣ являлись воплощеніемъ двухъ различныхъ человѣческихъ типовъ. Руки докторши были красны и покрыты такой же морщинистой и загрубѣлой кожей, какъ у Ѳени, но лицо ея было гораздо бѣлѣе, особенно у высокихъ, нѣсколько сжатыхъ висковъ, гдѣ голубыя жилки проступали наружу, причудливыя и нѣжныя, какъ начертанія географической карты, наполовину слинявшей съ стариннаго пергамента.

У докторши не было прислуги, и она много лѣтъ сама исполняла всю домашнюю работу, но ей не приходилось выходить ежедневно въ поле. какъ дѣлала Ѳеня и другія сосѣднія фермерши; лицо ея сохраняло тотъ же нѣжный оттѣнокъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, когда она впервые высадилась на нью-іоркской пристани съ дипломомъ женской гимназіи вмѣсто всякаго наличнаго капитала. Выраженіе ея глазъ, посадка головы и вся осанка были совсѣмъ иныя, чѣмъ у молодой крестьянки, и свидѣтельствовали о томъ, что, по крайней мѣрѣ, прежде она знала другія мысли, кромѣ заботъ о семьѣ и домѣ.

Круглое лицо Ѳени было проще, здоровѣе и глядѣло болѣе приспособленнымъ къ окружавшей ихъ обѣихъ сельской картинѣ, одновременно дышавшей покоемъ и трудомъ.

Ѳеня все продолжала стоять у грушеваго корня, среди молодыхъ побѣговъ, поднимавшихся вокругъ стараго ствола. Издали могло показаться, какъ будто она тоже принадлежитъ къ этой обильной молодой поросли и соединена невидимыми растительными нитями съ плодороднымъ деревомъ. Ея короткія крѣпкія ноги какъ будхо уходили въ землю. Но глаза ея выжидательно и нѣсколько осторожно смотрѣли на докторшу. Она съ дѣтства привыкла дѣлить человѣчество «на народъ» и «господъ» и ея многолѣтнія испытанія съ различными губернскими чиновницами, до госпожи Барковской включительно, конечно, не могли поколебать этого убѣжденія. Въ Ноксвилѣ она въ первый разъ увидѣла нѣчто иное, ибо въ этомъ новомъ, только что выростающемъ околоткѣ всѣ званія и сословія были перемѣшаны, и, съ одной стороны, доктору приходилось самому вскапывать свой огородъ, а съ другой стороны старый фермеръ, въ родѣ Рабиновича, еще сохранившій даже часть первоначальнаго смиренія, вывезеннаго изъ черты осѣдлости, нанималъ бакалавровъ земледѣльческой академіи на уборку винограда, по полтора доллара въ день.

Ѳеня все-таки осторожно относилась ко всему, что стояло внѣ ея круга. Это была великорусская простонародная привычка, выработанная минувшими историческими вѣками, когда сѣрая деревня запиралась въ своей околицѣ, какъ улитка въ раковинѣ, и на глазахъ господской усадьбы хранила и передавала изъ поколѣнія въ поколѣніе свои собственныя привычки, надежды и вѣрованія.

И здѣсь въ Ноксвилѣ Ѳеня все-таки продолжала чувствовать, что докторша совсѣмъ иначе относится къ окружавшей жизни, и что если ея руки загрубѣли отъ работы, то мечты продолжаютъ хранить городскую прихотливость и заключаютъ въ себѣ многое, чуждое, непонятное и ненужное Ѳенѣ.

— Пойди къ намъ на день, Ѳеня!—сказала докторша тѣмъ же усталымъ и слегка озабоченнымъ тономъ.—Не справиться намъ однѣмъ.

Ѳеня подумала съ минуту.

— Что, есть стирка?—коротко спросила она.

— И стирка есть,—сказала докторша,—и еще гости изъ города пріѣхали.

— Ну, ладно!—сказала Ѳеня, какъ будто она именно и хотѣла удостовѣриться, хватитъ ли для нея работы въ домѣ докторши.—Давай деньги!

Въ Ноксвилѣ было въ обычаѣ платить за домашнюю поден-

щину всегда впередъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать условіе болѣе обязательнымъ для «труда».

Докторша молча вынула и подала ей три крупныя серебряныя монеты, очевидно, заранѣе припасенныя для этой цѣли.

— Только я ребенка съ собой возьму!—сказала Ѳеня мимоходомъ, завертывая спящаго младенца въ старый ситцевый передникъ.

— Мамо!—окликнула она старуху.—Коли *чоловикъ* придетъ, вы покормите его!

— Угу!—попрежнему промычала Шешлянтиха.

Она съ ожесточеніемъ выкручивала своими длинными и костлявыми руками только что вымытую штуку бѣлья и была менѣе, чѣмъ когда-либо, расположена къ разговору.

— Ну, такъ и самъ найдетъ!—проговорила Ѳеня.—Небось знаетъ дорогу къ горшкамъ!

Ѳедоръ Брудный отличался прожорливымъ аппетитомъ. Въ тѣ рѣдкіе дни, когда Ѳенѣ приходило въ голову приготовить лакомое блюдо, этотъ огромный и мрачный мужикъ приставалъ къ ней, какъ ребенокъ, и таскалъ куски изъ горшка. Впрочемъ, Ѳеня не очень заботилась о разнообразіи своего стола, даже по воскресеньямъ, ибо ее слишкомъ занимали другія заботы. Но теперь, идя сзади докторши съ ребенкомъ на рукахъ, она съ нѣкоторымъ презрѣніемъ подумала, что эти барыни не годятся ни для какой работы, что онѣ не въ состояніи вымыть собственнаго бѣлья, ни приготовить угощенія для нѣсколькихъ человѣкъ гостей, которые случайно соберутся къ нимъ въ домъ.

Докторша, шедшая впереди, думала только о томъ, что ей предстоитъ тяжелый день. Она жила вмѣстѣ съ золовкой и у обѣихъ было по трое дѣтей. Обѣ женщины жили дружно и работали сколько могли, но раздѣленное бремя домашнихъ заботъ казалось не легче, а тяжелѣе. Дѣтская орава поднимала невообразимый гамъ, и, въ концѣ концовъ, каждой матери представлялось, что у нея не трое, а цѣлыхъ шестеро питомцевъ. Для постороннихъ посѣтителей весь домъ походилъ на дѣтскій пріютъ, гдѣ ползающіе, ковыляющіе или скачущіе мальчишки и дѣвчонки попадались въ каждой комнатѣ и на каждой ступенькѣ лѣстницы.

Глава III.

Домъ доктора стоялъ на окраинѣ фабричнаго городка. Это было довольно обширное зданіе въ два этажа съ аптекой впереди и мезониномъ подъ крышей. Докторъ выстроилъ его весь сверху до низу собственными руками къ немалому соблазну многихъ паціентовъ, которые все еще не разучились прикидывать

вещи на европейскую мѣрку и никакъ не могли переварить, что тотъ же самый человѣкъ по вечерамъ надѣваетъ черный сюртукъ и засѣдаетъ въ собственной пріемной, а по утрамъ облекается въ синій балахонъ и прибиваетъ доски на крышѣ. Докторъ, однако, не обращалъ вниманія на пересуды. Онъ былъ мастеръ на всѣ руки. Даже надпись на мѣдной дощечкѣ у дверей, гласившая: «Докторъ Борисъ Харбинъ принимаетъ во всякое время», была вырѣзана имъ самимъ и до сихъ поръ онъ тщательно чистилъ ее каждое утро особымъ краснымъ порошкомъ. Онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ: въ свободное время онъ вскапывалъ и засѣвалъ огородъ, кормилъ птицу, и даже исполнялъ всякую домашнюю работу гораздо проворнѣе женщинъ. Но въ Ноксвилѣ пока не было другого врача и поэтому у доктора Бориса не было времени даже для того, чтобы выспаться по человѣчески. Чуть не каждую полночь его будили и требовали къ родильницѣ, къ внезапно захворавшему ребенку или къ умирающему старику. Еще хуже было то, что докторъ Борисъ быстро пріобрѣлъ необычайную популярность въ Ноксвилѣ, и почти половина больныхъ старалась навязать ему роль свѣтскаго духовника и совѣтника въ запутанныхъ дѣлахъ. Почти противъ собственной воли онъ былъ посвященъ во всѣ ноксвильскіе секреты и принималъ дѣятельное участіе въ ихъ благополучномъ разрѣшеніи. Отъ него требовали, чтобы онъ мирилъ поссорившихся супруговъ, помогалъ найти вторую закладную подъ домъ или даже приданое для засидѣвшейся невѣсты.

Девять десятыхъ своей жизни докторъ проводилъ на ходу, отъ паціента къ паціенту. Время отъ времени ему становилось не въ моготу. Тогда онъ бралъ велосипедъ и уѣзжалъ по большой дорогѣ, куда глаза глядятъ, переѣзжалъ отъ фермы къ фермѣ и возвращался домой на третій или четвертый день. Но часто даже во время такихъ «самовольныхъ отлучекъ» братья или сыновья паціентовъ пускались за нимъ въ догонку тоже на велосипедѣ и, изловивъ его на полдорогѣ, немедленно возвращали на мѣсто. Едва ли есть необходимость прибавить, что несмотря на огромную практику, доходы доктора были невелики и даже на домѣ лежала тяжелая закладная. Зажиточные паціенты болѣе или менѣе платили, но бѣдныхъ онъ лечилъ даромъ и даже снабжалъ даровыми лекарствами изъ собственной аптеки. Въ Ноксвилѣ, какъ и вездѣ въ Америкѣ, медицина являлась совершенно частнымъ дѣломъ и никто не заботился о безплатной или хотя бы объ удешевленной раздачѣ лекарствъ болѣе бѣднымъ больнымъ.

Почти половина нижняго этажа была занята обширной комнатой, которая, смотря по обстоятельствамъ, играла роль гостиной, столовой или залы. Въ зимніе вечера дѣти играли здѣсь въ ло-

шадки. Раньше, когда у доктора и его брата не было такъ много дѣтей, дамы иногда собирали здѣсь молодежь и устраивали танцы. Теперь, не смотря на ранній утренній часъ, комната уже была полна народомъ. Русскіе интеллигенты изъ Нью-Іорка, Филадельфіи и даже Вашингтона охотно пріѣзжали на каникулы въ ноксвильскій околодокъ, это было единственное мѣсто во всей Америкѣ, гдѣ русская атмосфера, хотя и разрѣженная и перемѣшанная съ инородными элементами, прикасалась къ деревенской природѣ. Здѣсь можно было жить свободнѣе, чѣмъ у пригородныхъ фермеровъ Нью-Іорка, которые усердно старались ввести дачника въ узкія рамки и заставляли его принимать пищу по звонку какъ за городскимъ табльдотомъ.

Въ квартирахъ здѣсь было больше простора, столъ болѣе походилъ на русскій. Природа была проще и растрепаннѣе, а главное не было того неисчислимаго множества трамваевъ, снующихъ взадъ и впередъ, отелей съ музыкой и ресторановъ съ загороднымъ гуляньемъ, которые такъ отравляютъ жизнь повсюду, гдѣ собирается американская дачная толпа.

Ноксвильскіе фермеры успѣли создать для своихъ дачниковъ новое русско-американское имя «плежурникъ», составленное изъ англійскаго слова pleasure (удовольствіе), съ русскимъ окончаніемъ.

Однако, большая часть людей, наполнявшихъ столовую доктора, не принадлежала къ плежурникамъ. Сегодня была годовщина пріѣзда въ Америку самой старой группы русскихъ интеллигентныхъ переселенцевъ и на этотъ разъ они съѣхались праздновать ее въ Ноксвиль, ибо докторъ Харбинъ былъ деканомъ и, быть можетъ, наиболѣе уважаемымъ членомъ группы. Гости пріѣхали по желѣзной дорогѣ вчера вечеромъ и почти всѣ расположились въ домѣ доктора, а также въ большомъ домѣ, стоявшемъ почти рядомъ, гдѣ жили родители жены его брата. Несмотря на ранній часъ, почти вся компанія была въ сборѣ и, сидя за столомъ, пила чай. Мѣсто самовара занималъ цилиндрическій сосудъ съ краномъ, сдѣланный изъ жести, и болѣе всего похожій на ведро съ квасомъ. Туда наливали кипятокъ, вскипятивъ его въ чайникахъ. Кипятить воду на американской кухонной печи было гораздо легче, чѣмъ возиться съ приготовленіемъ углей, необходимыхъ для настоящаго самовара.

Младшаго Харбина не было дома. Онъ былъ странствующимъ агентомъ большой компаніи, продававшей сѣмена какой то усовершенствованной резеды, и почти постоянно разъѣзжалъ по окрестнымъ деревнямъ. Кромѣ того, онъ распространялъ усовершенствованные ножи для разрѣзыванія сыровъ, мыльный порошокъ, и галстухи съ механически защелкивающимся бантомъ. Въ Америкѣ самыя странныя новинки нерѣдко дѣлаютъ карьеру и изъ резеды

сыра и галстуховъ Павелъ Харбинъ успѣвалъ извлекать себѣ средства къ существованію, «дѣлалъ жизнь», какъ говорятъ въ Америкѣ. За то его почти никогда не было дома.

Жена его, безцвѣтная блондинка, въ сѣромъ холстинковомъ платьѣ, съ сѣрыми глазами и волосами, сидѣла у жестяного ведра и разливала чай. Съ перваго взгляда на нее можно было подумать, что она страдаетъ тайною и неизлечимою болѣзнью, потомъ впечатлѣніе сглаживалось и какъ будто процѣживалось сквозь сито. Ближе всего она выглядѣла такъ, какъ будто въ прошлую ночь ей приснился тяжелый сонъ, и она до сихъ поръ еще не успѣла окончательно опомниться отъ впечатлѣнія. Она не отказывалась ни отъ какой работы и съ утра до вечера была чѣмъ нибудь занята, но движенія ея были такъ медленны, что изъ ея работы было немного проку. Въ компаніи, собравшейся у чайнаго стола, было три доктора, и всѣ они были разнаго мнѣнія объ ея сонной меланхоліи. Докторъ Харбинъ утверждалъ, что въ ея жилахъ мало красныхъ шариковъ и серьезно, но безуспѣшно уговаривалъ ее пить теплую кроличью кровь. Докторъ Бугаевскій утверждалъ, что она загипнотизирована патеромъ католической церкви въ сосѣднемъ городкѣ Жуанвилѣ и безсознательно готовится перейти въ католичество. Церковь была построена на ирландскія деньги, большая часть прихожанъ были поляки и словаки, а патеръ былъ итальянецъ, но его англійское краснорѣчіе было рѣзкаго и обличительнаго свойства, и нѣсколько женщинъ даже изъ іудейскаго Ноксвиля ѣздили за пятнадцать миль послушать новаго Савонаролу. Докторъ Паклинъ безъ обиняковъ утверждалъ, что Фанни Ильинична страдаетъ глистами.

Бориса Харбина тоже почти не было дома. Правда, раза три онъ появлялся на порогѣ комнаты, собираясь выпить стаканъ чаю, но тотчасъ же въ дверяхъ аптеки раздавался звонъ, свидѣтельствовавшій о появленіи новаго паціента, и онъ немедленно исчезалъ съ поля зрѣнія.

Докторъ Паклинъ былъ миніатюрный и немного горбатый человѣчекъ, съ коротенькими ножками и несоразмѣрно длинными руками. Его усадили на самый высокій стулъ и ноги его болтались въ пространствѣ подъ столомъ и, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могли достать до твердой почвы. Иногда ему казалось, что тамъ внизу какая-то неизмѣримо глубокая бездна и что стулъ его поставленъ на узкую вершину высокаго и крутого утеса. Зато верхняя половина его туловища возвышалась какъ слѣдуетъ надъ столомъ, и его длинныя руки съ цѣпкими пальцами могли свободно передвигать стаканы, намазывать масло на хлѣбъ и больше всего жестикулировать.

— Да! — сказалъ докторъ Паклинъ, отодвигая свой стаканъ

и вытирая бумажной салфеткой мокрое пятно отъ блюдечка. — Десять лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день мы праздновали такой же сельскій праздникъ, только не въ Ноксвилѣ, конечно, а тамъ далеко, въ Миссури — онъ произнесъ по—американски—въ Мызуры—такъ праздновали, что даже быка на волю отпустили!

Лицо человѣка, сидѣвшаго напротивъ него, сдѣлалось чрезвычайно внимательно. Имя его было Абрамовъ, а по англійски Graham; за двадцать лѣтъ онъ успѣлъ превратиться изъ русскаго городского учителя въ американскаго беллетриста и даже составилъ себѣ довольно видное имя. Онъ былъ прекраснымъ собесѣдникомъ, ибо не только умѣлъ слушать, но и поощрять разговорчивость своего партнера умно поставленнымъ вопросомъ или восклицаніемъ.

— Да!—повторилъ Паклинъ. — Вы знаете, съ нами тогда Грей былъ, мы его еще Богочеловѣкомъ звали.

Грагамъ утрердительно кивнулъ головою. Пальцы его безсознательно зашевелились, какъ будто отыскивая карандашъ. Онъ много лѣтъ былъ репортеромъ большой нью-іоркской газеты, и привычка интервьюера сдѣлалась составною частью его существа.

— Онъ, знаете, уже большое имя имѣлъ,—продолжалъ Паклинъ,—основатель первой русской земледѣльческой колоніи въ Америкѣ. Написали мы ему: земля наша велика и обильна, пріѣзжайте, молъ, къ намъ въ гости... Видимъ, красавецъ, умница, большая борода, русая, съ просѣдью, вдумчивые глаза, однимъ словомъ, апостолъ. Думаемъ, быть ему нашимъ перманентнымъ старостой, а онъ слышать не хочетъ. «Я, говоритъ, частица человѣчества, мнѣ нужно простую работу!»

Такая золотая душа, съ утра до вечера въ огородѣ копается. Намъ между тѣмъ нужно было купить быка на племя. Думаемъ, кого послать,—надуютъ подлецы, еще яловую корову всучатъ. Попросимъ Грея, у него опытъ есть. Грей подумалъ и поѣхалъ. Черезъ день является назадъ и видимъ, за шарабаномъ привязанъ огромный сивый быкъ. Рога, хоть на охотничью выставку посылай, великолѣпныя стати, однимъ словомъ, чудовище. Спрашиваемъ, сколько заплатилъ?—Сорокъ пять долларовъ; только на пять долларовъ дороже обыкновеннаго. Отпустили мы быка въ стадо, прошелъ день и два, видимъ, наши коровы что-то скучныя ходятъ, а потомъ даже стали онѣ бодать этого быка. Совсѣмъ маленькая коровка такъ прямо нападетъ на него, и рогами въ бокъ, а быкъ бѣжать. Сознаетъ, стало быть, что виноватъ передъ коровами. Думаемъ, не ладно дѣло; стали мы присматриваться къ быку и видимъ, что онъ, пожалуй, постарше

самого Грея, и даже кожа вся въ морщинахъ, и шерсть сивая не отъ природы, а отъ старости, однимъ словомъ, Маѳусаилъ бычачьяго племени. А тутъ какъ разъ годовщина подошла. Собрались мы на общую сходку. Насъ, знаете, чуть не сто человѣкъ было, выпили тоже немножко. Я поднялъ вопросъ: зачѣмъ мучить бѣдное животное? Слѣдуетъ отпустить его хоть на старости лѣтъ на волю. Грей сейчасъ взлѣзъ на столъ и произнесъ рѣчь о стихійномъ братствѣ жизни. И, знаете, по моему, это была лучшая изъ его рѣчей.—«Каждый изъ насъ, говоритъ, вмѣщаетъ въ себѣ тысячу жизней. Цѣль мірозданія—любовь. Я ощущаю единеніе съ ритмомъ массовой жизни и стремлюсь потонуть въ ея творческой, свѣтлой и великой гармоніи!..» Откуда у него бралось? Всѣхъ онъ тварей перебралъ, не то что коровъ и быковъ, а добрался до муравьевъ и пчелъ, не хуже нынѣшняго Метерлинка. Совсѣмъ онъ насъ тогда съ ума свелъ. Кажется, замычи этотъ быкъ, мы бы тотчасъ же замычали вмѣстѣ съ нимъ. Ну, конечно, тотчасъ же единогласно рѣшили отпустить быка на волю, довольно онъ поработалъ на пользу человѣческаго и коровьяго рода...

Сняли съ него веревку, а вмѣсто нея къ рогамъ привязали бумагу: «Сей бькъ отпущенъ на волю за выслугу лѣтъ. Убѣдительно просимъ всѣхъ честныхъ людей не тревожить его почтенную старость...» Потомъ прогнали быка въ лѣсъ.

Нѣсколько ближайшихъ сосѣдей, привлеченныхъ разсказомъ, слушали и смѣялись.

— А что же сталось съ быкомъ?—спросилъ архитекторъ Спутниковъ и даже повернулъ свой стулъ въ сторону Паклина.

— Я не знаю! — задумчиво отвѣтилъ маленькій докторъ.— Мы его больше не видѣли. Но теперь мнѣ кажется, что мы сдѣлали ошибку. Бумага наша была адресована ко всѣмъ честнымъ людямъ, а въ Америкѣ, знаете, множество прохвостовъ.

Слушатели снова разсмѣялись.

Миніатюрный докторъ съ кривыми ногами пережилъ довольно разнообразную карьеру. Между прочимъ, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ основателей обширной земледѣльческой колоніи, которая задалась цѣлью преобразовать міръ на основахъ братской любви и просуществовала цѣлыхъ шесть лѣтъ, но потомъ, когда члены стали старше, какъ-то незамѣтно распалась. Его длинныя цѣпкія ладони до сихъ поръ сохранили слѣды мозолей, натертыхъ ручками плуга и древкомъ косы, но, быть можетъ, именно этому тяжелому труду онъ былъ обязанъ тѣмъ обстоятельствомъ, что его хилое тѣло еще держалось вмѣстѣ. Впрочемъ, духъ маленькаго доктора былъ такъ живучъ, что онъ былъ способенъ самъ по себѣ скрѣплять вмѣстѣ его хрупкую плоть, какъ

крѣпкій, хотя и невидимый цементъ. Докторской наукѣ онъ научился уже на старости лѣтъ, но теперь имѣлъ порядочную практику въ русско-еврейскомъ кварталѣ Нью—Іорка. Однако, онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ, безлошаднымъ докторамъ квартала и никакъ не могъ перейти въ аристократическіе ряды счастливцевъ, которые считали нужнымъ и возможнымъ разъѣзжать по паціентамъ на собственной лошади. Какъ всѣ маленькіе люди, докторъ Паклинъ былъ необычайно влюбчивъ, но пассіи его длились не болѣе двухъ недѣль и мало-по-малу онъ привыкъ смотрѣть на женщинъ со снисходительнымъ презрѣніемъ, свойственнымъ заматорѣлому холостяку.

Въ этой небольшой сравнительно комнатѣ собрались самые замѣчательные люди полумилліонной волны эмигрантовъ, которую бѣдная и сѣрая Россія подарила богатой и цвѣтистой Америкѣ, и поистинѣ старая родина могла бы гордиться разнообразною даровитостью отвергнутыхъ и полузабытыхъ ею дѣтей. Всѣ эти люди пріѣхали въ нѣдрахъ эмигрантскихъ кораблей безъ копейки денегъ въ карманѣ, безъ языка и связей, и въ десять или пятнадцать лѣтъ прошли десятки разнообразныхъ поприщъ. Силы ихъ, окрыленныя нуждой, развернулись на американскомъ просторѣ, и они были бы достойны удивленія своихъ согражданъ, если бы въ Америкѣ не было принято за правило ничему не удивляться.

Одинъ изъ врачей, управлявшихъ прекрасной и хорошо поставленной больницей, поступилъ на медицинскій факультетъ тридцати лѣтъ и, чтобы заработать себѣ содержаніе, нанимался подметать городскія улицы по утрамъ.

Бывшій петербургскій студентъ былъ два раза профессоромъ политической экономіи въ лучшихъ американскихъ университетахъ, но не могъ ужиться съ подобострастнымъ поклоненіемъ, которое американская ученость свидѣтельствуетъ кстати и некстати великому денежному мѣшку, осыпающему ее своими щедротами.

Аккерманскій гимназистъ сталъ редакторомъ большой политической газеты, помощникъ аптекаря превратился въ искуснаго металлурга и завѣдывалъ литейнымъ заводомъ, ученикъ московскаго техническаго училища сталъ химикомъ-изобрѣтателемъ. Огромный и пузатый Спутниковъ въ пятьдесятъ лѣтъ внезапно превратился въ архитектора и недавно построилъ ратушу въ большой и цвѣтущей столицѣ одного изъ западныхъ штатовъ.

Многіе изъ этихъ людей перешли черезъ предѣлъ среднихъ лѣтъ, но никто изъ нихъ не поддавался усталости.

Юная свѣжесть и неистощимая живучесть великаго народа восточной Европы била ключомъ въ сердцахъ его отверженныхъ и побочныхъ сыновей, и въ этой цвѣтущей странѣ, самодовольной

въ своемъ богатствѣ и всецѣло преданной производству и накопленію, они ревниво хранили завѣты русской умственной дерзости и душевнаго безпокойства. Отыскавъ приложеніе своему труду, они старались также найти мѣсто для своего идеала, но самодовольная Америка называла ихъ мечтателями и охотнѣе всего старалась подражать европейской табели о соціальныхъ рангахъ. Если ей случалось взять что-либо изъ идеаловъ континентальной Европы, она немедленно переиначивала ихъ на англо-саксонскій ладъ, переводила ихъ на языкъ благомыслящей церковности и пересчитывала на доллары и центы.

Рыцарями американской «порядочности» были дѣловитый банкиръ и медоточивый пасторъ, и она признавала континентальныхъ эмигрантовъ лишь постольку, поскольку они уподоблялись тому или другому типу.

Глава IV.

Гости были въ отличномъ настроеніи, быть можетъ, благодаря волнѣ чистаго воздуха, освѣженной легкимъ благоуханіемъ полевыхъ цвѣтовъ и вливавшейся въ открытое окно. Въ раскаленныхъ стѣнахъ большихъ городовъ воздухъ былъ пропитанъ зловоніемъ курнаго угля и насыщенъ сухимъ туманомъ жирныхъ испареній, поднимавшихся надъ безчисленными фабричными трубами и кухонными печами, надъ керосиновыми и газовыми двигателями и питомниками электрической силы.

Здѣсь въ Ноксвилѣ было столько простора, зелени и тишины. Люди работали и здѣсь, но никто не бѣгалъ и не суетился на спокойныхъ поляхъ и широкихъ улицахъ маленькаго городка.

— Какъ хотите!—громко сказалъ докторъ Бугаевскій, обращаясь къ своему сосѣду черезъ столъ и тоже отодвигая свой стаканъ.—А все-таки они сдѣлали хорошее дѣло.

Они—это былъ благотворительный комитетъ.

Группа интеллигентовъ, привыкшихъ къ русской широтѣ мысли и разучившихся даже понимать многіе человѣческіе предразсудки, относилась съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ кучкѣ разбогатѣвшихъ банкировъ, которые перенимали, утрируя, чванныя замашки американскихъ денежныхъ богачей и готовы были купить себѣ рыцарскую генеалогію и гербъ, по примѣру Асторовъ и Вандербильтовъ.

Они ежедневно воочію убѣждались, что высохшія души капиталистовъ не могли и не хотѣли создать ничего, кромѣ толпы чиновниковъ и стада зависимыхъ, вѣчно опекаемыхъ кліентовъ, и даже сотни тысячъ и милліоны долларовъ, которые ежегодно тратились въ европейскихъ кварталахъ Нью-Іорка и Фила-

дельфіи на благотворительныя цѣли, не могли заставить ихъ измѣнить свое мнѣніе.

Но докторъ Бугаевскій чувствовалъ себя гораздо счастливѣе въ Ноксвилѣ, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, и ему невольно думалось, что колонисты и жители городка должны чувствовать то же самое.

Человѣкъ, сидѣвшій противъ Бугаевскаго, поднялъ голову, смѣрилъ словоохотливаго доктора недружелюбнымъ взглядомъ и опять потупился. Онъ былъ узкоплечъ, тщедушенъ, съ несоразмѣрно большой головой и широкимъ лицомъ, покрытымъ трехдневной черной щетиной. Изъ всѣхъ участниковъ торжества онъ одинъ не обнаруживалъ особой веселости и охоты къ разговору съ сосѣдями. Онъ, впрочемъ, все время бормоталъ какія-то слова, но они, очевидно, не назначались для посторонняго слуха. Если кто-нибудь дѣлалъ попытку привлечь его къ общему разговору, онъ отвѣчалъ злобной гримасой и еще ниже опускалъ свое плоское лицо.

Это былъ инженеръ Воробейчикъ, полупомѣшанный изобрѣтатель, который восемь лѣтъ тому назадъ продалъ желѣзнодорожной компаніи за пятьсотъ долларовъ и небольшую ренту новое приспособленіе въ воздушномъ тормазѣ. Исторія Воробейчика была очень проста и вмѣстѣ полна несообразностей. Даже его фамилія была несообразная, русская и вмѣстѣ съ тѣмъ такая, которая ясно обнаруживала его еврейское происхожденіе, ибо истинно русскій человѣкъ можетъ называться Воробушкинъ или, если хотите, Воробчикъ, но никакъ не Воробейчикъ.

Онъ пріѣхалъ въ Америку двадцатилѣтнимъ юношей учиться технологіи и вмѣсто этого угодилъ въ портняжную мастерскую шить рубашки. Этимъ полезнымъ дѣломъ онъ занимался пять лѣтъ по двѣнадцати часовъ въ сутки; по вечерамъ онъ, кромѣ того, читалъ техническія книги, а днемъ, подъ шелестъ полотна и жужжащій стукъ машины, все думалъ, вычислялъ и опять думалъ. Пальцы его, машинально передвигавшіе холстъ, нерѣдко попадали подъ иголку, но онъ не обращалъ на это вниманія и мысленно комбинировалъ свою «идею» со всѣми возможными сочетаніями условій, чтобы опредѣлить ея примѣнимость. Плодомъ этихъ размышленій черезъ пять лѣтъ явился новый тормазъ. Замѣчательно, что за все время Воробейчикъ не сдѣлалъ ни одного опыта и не начертилъ ни одного чертежа. Онъ, впрочемъ, даже не признавалъ необходимости опытовъ и пресерьезно утверждалъ, что у него въ головѣ настоящая «мастерская и чертежная».

Желѣзнодорожная компанія сдѣлала на тормазѣ милліоны, а Воробейчикъ сталъ получать двадцать пять долларовъ въ недѣлю, но ему хватало на жизнь и вмѣсто того, чтобы роптать, онъ немедленно принялся за обработку новыхъ идей. Съ тѣхъ поръ

*

прошло восемь лѣтъ. За это время Воробейчикъ успѣлъ обдумать, составить и даже обезпечить патентомъ цѣлую кучу новыхъ механическихъ изобрѣтеній, главнымъ образомъ, въ области электрическаго движенія. Впрочемъ, сфера его дѣятельности была очень разнообразна и заключала въ себѣ новую пушку, подводную лодку, ротаціонную машину, улучшенную передачу силъ и еще, Богъ знаетъ, что. Многія изъ его построеній были фантастичны или открывали уже открытую Америку, но иныя, по словамъ спеціалистовъ, имѣли большую цѣнность. Вначалѣ Воробейчикъ попрежнему избѣгалъ опытовъ и продолжалъ составлять, вычислять и разрабатывать свои проекты исключительно въ своей собственной «мастерской». Усиленное напряженіе воображенія не прошло, однако, даромъ. Воробейчикъ сталъ нервнымъ, подозрительнымъ, воображеніе стало играть съ нимъ нехорошія штуки и изъ каждаго чужого, некстати сказаннаго слова создавало цѣлую исторію объ интригахъ и тайныхъ преслѣдованіяхъ.

Къ этому присоединилась неудачная любовная исторія, и Воробейчикъ попалъ въ сумасшедшій домъ. Когда его выпустили оттуда, эти былъ конченый человѣкъ. Даже голова его посѣдѣла. Съ тѣхъ поръ Воробейчикъ прекратилъ частныя отношенія съ своими прежними пріятелями. Онъ постоянно обвинялъ ихъ въ интригахъ и предательствахъ и даже пробовалъ жаловаться на нихъ властямъ Однако, онъ продолжалъ посѣщать празднества и собранія, подобныя нынѣшнему, и никто не имѣлъ духу сдѣлать ему хоть малѣйшее замѣчаніе.

Среди американскихъ компаній, интересующихся электрической техникой, скоро прошелъ слухъ, что изобрѣтатель такой-то не въ своемъ умѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ не преминули воспользоваться этимъ и захватили нѣсколько патентовъ. списавъ ихъ въ патентной конторѣ Вашингтона и предоставивъ Воробейчику искать свои права судомъ, если онъ хочетъ.

Таковъ былъ человѣкъ, сидѣвшій напротивъ словоохотливаго доктора. Немудрено, что онъ не обратилъ вниманія на его слова. Въ головѣ его одновременно складывалась сложная математическая формула и проходило ненавистное воспоминаніе о женщинѣ, которая предпочла ему другого и окончательно испортила его жизнь.

Человѣкъ большого роста, сидѣвшій рядомъ съ изобрѣтателемъ, тоже поднялъ голову и презрительно посмотрѣлъ на доктора Бугаевскаго. Лицо его было чисто выбрито и имѣло рѣзко очерченный классическій профиль, напоминавшій извѣстный бюстъ императора Траяна.

Это былъ Двойнисъ, котораго называли королемъ дамскихъ портныхъ въ городѣ Нью-Іоркѣ, не потому, чтобы онъ имѣлъ ма-

газинъ дамскихъ модъ, а потому, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ, будучи рабочимъ въ портняжной мастерской, положилъ основу юніону заготовщиковъ платья.

— Что вы сказали? — спросилъ онъ рѣзкимъ голосомъ. Онъ выговаривалъ русскія слова съ горловымъ акцентомъ, измѣняя гласныя, какъ иностранецъ.

— Я говорю, что въ Ноксвилѣ лучше жить чѣмъ въ Нью-Іоркѣ,—высказалъ Бугаевскій свою основную мысль.

— Да? — иронически переспросилъ Двойнисъ.—А скажите мнѣ, кто сдѣлалъ ноксвильскую землю?

— Я не знаю,—сказалъ озадаченный Бугаевскій.

— А я знаю,—сказалъ Двойнисъ тѣмъ же аггресивнымъ тономъ.

— Богъ сдѣлалъ ноксвильскую землю. *Натура* по вашему,— прибавилъ онъ столь же презрительно. Натура вышла вмѣсто природа отъ англійскаго слова nature.

— А они что сдѣлали?—Онъ отнесся къ благотворительному комитету съ тѣмъ же неопредѣленнымъ, но всѣмъ понятнымъ мѣстоимѣніемъ,—они сдѣлали *фабрики*!..

Дѣйствительно, ноксвильскія фабрики основывались при помощи того же благотворительнаго комитета, и, въ концѣ концовъ, фонды, которые были назначены на преобразованіе еврейскаго народа, направлялись на устройство такихъ же «выжималень пота», какія наполняли еврейскіе кварталы Нью-Іорка и Филадельфіи.

Двойнисъ, быть можетъ, былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ, собравшихся въ этой комнатѣ. Его готовили съ дѣтства въ раввины, и все образованіе его состояло изъ тридцати томовъ талмуда. Въ Америку онъ пріѣхалъ двадцатилѣтнимъ парнемъ безъ ремесла и безъ копейки денегъ и счелъ за особенное счастье, когда ему удалось, наконецъ, пристроиться къ швейной машинѣ. Америка его воспитала, сдѣлала изъ него человѣка, дала ему чувство собственнаго достоинства и культурный языкъ, чтобы защищать его. Когда двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ затѣялъ бойкотировать мелкаго подрядчика, который слишкомъ грубо обращался съ своими портнихами, на него ополчились хозяева всѣхъ портняжныхъ мастерскихъ Нью-Іорка и Бруклина. Имя его было поставлено во главѣ чернаго списка опальныхъ, которымъ никто не долженъ давать работы, и ему приходилось жестоко голодать вмѣстѣ съ семьей, ибо у него уже тогда были жена и дѣти.

Борьба, однако, началась и продолжалась своимъ порядкомъ. Двойнисъ проявлялъ ни съ чѣмъ не сравнимую дѣятельность. Онъ выковалъ и заострилъ свою энергію горечью многолѣтняго угне-

тенія и ѣдкимъ сознаніемъ собственныхъ обидъ, и его желѣзный организмъ не нуждался, повидимому, ни въ отдыхѣ, ни въ пищѣ.

Каждый вечеръ ему приходилось говорить по семи и по восьми рѣчей въ противоположныхъ концахъ города, и часто у него не было даже пятака на конку. Къ концу мѣсяца онъ совершенно охрипъ и пріобрѣлъ особый голосъ, разбитый и напоминающій пропойцу, которымъ говорятъ всѣ американскіе ораторы во время избирательной или всякой иной борьбы. Союзъ былъ основанъ и сталъ быстро расти. Двойнисъ велъ переговоры съ политическими дѣятелями, писалъ статьи въ газетахъ. Отрывки изъ его рѣчей печатались въ вечернихъ изданіяхъ газетъ, которыя вѣчно на сторожѣ въ поискѣ новинокъ, способныхъ заинтересовать прихотливую толпу. Союзъ подрядчиковъ, образовавшійся на скорую руку для защиты отъ неожиданнаго нападенія, умудрился сдѣлать весьма коварный ходъ, и Двойнисъ былъ привлеченъ къ суду за предполагаемое нарушеніе одного очень кляузнаго пункта въ спутанныхъ американскихъ законахъ, касающихся рабочихъ союзовъ и ихъ дѣйствій.

Было заранѣе извѣстно, что судъ возмущенъ «буйнымъ» поведеніемъ еврейскихъ портныхъ еще больше, чѣмъ сами фабриканты, и дѣйствительно, черезъ четыре дня, Двойнисъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ, обремененный обвинительнымъ приговоромъ и съ пріятной надеждой чесать казенную шерсть въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ. Общественное мнѣніе Америки, однако, представляетъ большую, хотя и легкомысленную силу, и его уставы не всегда совпадаютъ съ приговоромъ федеральнаго суда. Дѣло Двойниса было слишкомъ возмутительно. Вечернія газеты сразу приняли сторону человѣка, вся вина котораго заключалась только въ томъ, что онъ хотѣлъ увеличить заработки несчастныхъ швей и гладильщиковъ на два или три цента въ часъ.

Двойнисъ внезапно сдѣлался героемъ дня, «львомъ», какъ говорятъ, въ Америкѣ. Репортеры съ утра до вечера осаждали его въ тюрьмѣ и, по американскому обычаю, выспрашивали его убѣжденія о всѣхъ наличныхъ предметахъ газетнаго дня, отъ филиппинской войны до покроя рукавовъ госпожи Стюйвезандъ-Фишъ. Черезъ часъ интервью являлось въ печати съ крупнымъ заголовкомъ: «Ліонель Двойнисъ полагаетъ, что красота высокой дамы изъ Вашингтона должна сдѣлать ее болѣе чувствительной къ страданіямъ бѣдныхъ».

Молодыя женщины привозили ему конфекты, заваливали его цвѣтами и даже объяснялись въ любви. Къ нему писали письма, прося автографовъ. Методистскій епископъ написалъ ему, убѣж-

дая его перейти въ христіанскую вѣру. Онъ утверждалъ, впрочемъ, что все равно считаетъ Двойниса христіаниномъ. Въ довершеніе всего, комитетъ гражданъ сталъ собирать подписи подъ петиціей губернатору объ амнистіи для Двойниса, и черезъ четыре мѣсяца онъ снова былъ на свободѣ.

Послѣ этого Двойнисъ сталъ главой юніона, но навсегда пересталъ быть портнымъ. Его славѣ уже не было мѣста въ прежней мастерской, подъ надзоромъ одного изъ грубыхъ надсмотрщиковъ, которыхъ именно онъ первый предпринялъ учить вѣжливости. Онъ попробовалъ учиться, выдержалъ экзаменъ на адвоката, что въ Америкѣ гораздо легче, чѣмъ въ Европѣ, потомъ попробовалъ стать аптекаремъ и газетнымъ работникомъ, наконецъ, сдѣлался страховымъ агентомъ и добился успѣха, ибо его многочисленные приверженцы и разнообразныя знакомства обезпечивали за нимъ обширную кліентуру. Юніонъ портныхъ разросся, раздѣлился на нѣсколько вѣтвей и насчитывалъ десятки тысячъ членовъ. Заработная плата даже для самыхъ простыхъ рабочихъ, жилетниковъ и кончальщицъ, поднялась вдвое и втрое противъ прежняго, что, разумѣется, въ сущности обусловливалось огромнымъ ростомъ портняжнаго дѣла въ Америкѣ. Мало-по-малу во главѣ союза сталъ правильно организованный комитетъ, но Двойнисъ продолжалъ сохранять прежнее вліяніе на дѣла. Неизвѣстно, какъ и откуда, въ бывшемъ еврейскомъ портномъ, который обладалъ тѣломъ гладіатора и профилемъ римскаго патриція, оказалась еще чисто славянская ширина души, навѣянная, быть можетъ, созерцаніемъ безконечныхъ полей, среди которыхъ протекало дѣтство Двойниса.

Бывшій портной теперь зарабатывалъ много денегъ, но онѣ проходили сквозь его пальцы, какъ вода. Онъ платилъ судебные штрафы за своихъ политическихъ кліентовъ и устраивалъ публичные обѣды, выкупалъ чужія вещи изъ заклада, организовалъ народныя гулянья и посылалъ лекарства и мясо бѣднымъ больнымъ, которые не хотѣли унижаться предъ благотворительнымъ обществомъ. Два раза его продавали съ молотка, но онъ встрѣчалъ судебнаго пристава со смѣхомъ и черезъ три дня возрождался снова. Его средства къ жизни основывались на его популярности, а ее нельзя было ни заложить, ни продать съ публичнаго торга.

До сихъ поръ онъ оставался лучшимъ публичнымъ ораторомъ нижняго Нью-Іорка. Иногда, если онъ былъ въ ударѣ, и принимался описывать жизнь бѣднаго рабочаго въ нью-іоркскомъ нижнемъ городѣ, его мелкую борьбу за кусокъ хлѣба и упрямую надежду на лучшее будущее, толпа отдавалась ему, какъ одинъ человѣкъ. Даже враги и, что еще важнѣе, близкіе друзья подда-

вались впечатлѣнію этого гибкаго, то увлекательно-мягкаго, то грознаго и молніеноснаго краснорѣчія.

Во время различныхъ выборовъ, которые повторяются въ Америкѣ почти ежегодно, онъ проявлялъ ту же неутомимую дѣятельность, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и произносилъ нѣсколько рѣчей въ одинъ и тотъ же вечеръ. Съ епископомъ, желавшимъ обратить его въ христіанскую вѣру, онъ свелъ дружбу и года два тому назадъ произнесъ рѣчь въ его церкви передъ многочисленной конгрегаціей на тему о причинахъ малаго успѣха миссіонерской дѣятельности методистовъ среди евреевъ нижняго Нью-Іорка.

Въ концѣ концовъ, несмотря на свою большую душевную силу, этотъ человѣкъ представлялъ изъ себя странную смѣсь бывшаго елисаветградскаго талмудиста съ американскимъ политическимъ дѣятелемъ. Америка научила его говорить рѣчи, искусно вести политическую агитацію, но у него не было времени выработать себѣ связное міросозерцаніе, и недаромъ въ спорѣ съ Бугаевскимъ онъ такъ круто противопоставилъ своего Бога «натурѣ» предполагаемыхъ защитниковъ матеріализма.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія противъ благотворительныхъ реформаторовъ, которые были неспособны воспринять малѣйшую творческую мысль и упорно воспроизводили затхлые буржуазные зады.

Но Бугаевскій не хотѣлъ уступить.

— А вы знаете, сколько народу приходится въ Дантанѣ на квадратную сажень?—восклицалъ онъ задорно.—Даже въ Пекинѣ или Калькутѣ нѣтъ такой скученности. Пройдитесь-ка въ іюльскую ночь по «Свиному рынку». Люди на улицахъ спятъ въ повалку, на тротуарѣ ступить негдѣ, на человѣка наступишь. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, дышать есть чѣмъ!..

Сами евреи прозвали «Свинымъ рынкомъ» самую грязную часть Дантана — нью-іоркскаго нижняго города. Здѣсь царила въ полной силѣ нечистоплотность, вывезенная изъ пинскихъ лѣсовъ и литовскихъ мѣстечекъ. Люди здѣсь жили, ѣли и спали на улицѣ, и только дождь или морозъ загонялъ ихъ на время подъ зловонную и удушливую кровлю.

Адвокатъ Журавскій, высокій и тощій, съ жидкой бородкой и нервнымъ лицомъ сердито улыбнулся.

— Здѣсь, въ Ноксвилѣ еще можно терпѣть,—сказалъ онъ,— а вы подумайте, что они въ Аргентинѣ сдѣлали!

— Я тамъ не былъ!—уклончиво сказалъ Бугаевскій.

— Вонъ докторъ Борисъ былъ,—сказалъ Журавскій,—спросите его!

Борисъ Харбинъ улучилъ-таки свободную минуту и подошелъ къ столу за своимъ чаемъ. Онъ все-таки не присѣлъ и пилъ чай стоя, ожидая каждую минуту, что его опять позовутъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ на вызовъ Журавскаго, но по лицу его прошла тѣнь, и морщина между бровей внезапно стала глубже, какъ будто кто-то подновилъ ее невидимымъ рѣзцомъ.

Борисъ Харбинъ пріѣхалъ въ Америку уже сложившимся человѣкомъ, имѣя за плечами два докторскихъ диплома, берлинскій и московскій, и трехлѣтнюю земскую практику. Онъ увлекся идеей еврейскаго земледѣлія и отправился въ Аргентину, гдѣ устройство новыхъ колоній было въ полномъ разгарѣ. Черезъ полгода онъ уѣхалъ оттуда чуть живой, разбитый физически и нравственно, но съ репутаціей безпокойнаго человѣка, котораго не слѣдуетъ подпускать близко къ общественнымъ дѣламъ. Отъ изнурительной лихорадки, нажитой въ Аргентинѣ, онъ оправился только черезъ годъ, и съ тѣхъ поръ не любилъ воспоминать объ этомъ періодѣ своей жизни.

— Спросите-ка доктора Бориса, что они тамъ дѣлали!—настаивалъ Журавскій.

— Они набрали въ управляющіе всесвѣтныхъ проходимцевъ, которые грабили фонды и проживали ихъ въ Буеносъ Айресѣ. Колонистовъ они морили голодомъ, а потомъ сочинили еврейскій бунтъ, и согнали дикихъ гаучей усмирять мятежниковъ, били нагайками стариковъ, однимъ словомъ, устроили полный погромъ!.

— Теперь все это уладилось!—сдержанно возразилъ Бугаевскій.

— Господи, какая мука!—вырвалось вдругъ у Ворховскаго, который все время сидѣлъ молча и сосредоточенно щипалъ свою рѣдкую бороду.

Это былъ маленькій, тощій, какъ будто не доѣдавшій человѣкъ, съ большимъ носомъ и сѣрыми прыгающими глазами. Въ верхней части лица у него былъ нервный тикъ, и онъ все время подмигивалъ и подергивалъ бровями, какъ будто дѣлалъ знаки какому то невидимому собесѣднику. Ворховскій былъ человѣкъ огромныхъ способностей. Въ особенности была изумительна его память на цифры. Онъ помнилъ точный размѣръ населенія городовъ всего міра, имѣвшихъ болѣе пяти тысячъ жителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ неудачникъ по призванію. Онъ имѣлъ множество спеціальностей, побывалъ докторомъ безъ паціентовъ и адвокатомъ безъ практики, химикомъ, агентомъ по торговлѣ недвижимостью. Въ болѣе тяжелые промежутки онъ разносилъ газеты по квартирамъ, даже торговалъ духами и мыломъ на уличномъ прилавкѣ. Онъ, однако, не особенно унывалъ отъ своихъ неудачъ.

Потребности его были ничтожны до смѣшного и если бы онъ имѣлъ нѣсколько лишнихъ долларовъ въ недѣлю, онъ навѣрное не зналъ бы, что съ ними дѣлать.

Несмотря на свой нервный тикъ, онъ былъ человѣкъ незлобивый и сообщительный. Иногда онъ жаловался, что его память только мѣшаетъ ему, и что голова его совершенно завалена всякимъ нужнымъ и ненужнымъ хламомъ.

Однако, громкое восклицаніе, вырвавшееся у него, какъ неожиданный вопль, произвело впечатлѣніе на всю публику.

— Господи, что такое!—сказалъ толстый Спутниковъ, испуганно поглядывая на маленькаго человѣка съ его неугомонными бровями.

Спутниковъ отличался рѣдкою нѣжностью сердца. Про него разсказывали, что два года тому назадъ, во время праздника федераціи, когда вся Америка изъ конца въ конецъ зажигаетъ костры, мальчишки выпросили у него для всесожженія единственный матрацъ и заставили цѣлую недѣлю спать на голыхъ доскахъ.

— Тяжело быть евреемъ!—кричалъ Борховскій.—Свои бьютъ, чужіе бьютъ!..

— Въ Румыніи въ десять разъ хуже, чѣмъ въ Аргентинѣ!— отстаивалъ Бугаевскій свою точку зрѣнія.

— Кто мы такіе?—продолжалъ Борховскій не слушая.—Русскіе, евреи, американцы? Ничего не разберешь! Вездѣ мы какъ непрошенные гости!..

— Полно вамъ!—сказалъ Спутниковъ успокаивающимъ голосомъ.—Богъ дастъ, будетъ и у васъ своя земля!

Несмотря на трагическую подкладку этой сцены, адвокатъ Журавскій мрачно улыбнулся. Толстый архитекторъ утѣшалъ маленькаго человѣка, какъ утѣшаютъ ребенка, и обѣщалъ ему отечество, какъ обѣщаютъ капризному мальчику достать луну.

— Я не вѣрю!—сказалъ Борховскій, также быстро успокаиваясь.—Агасферъ, такъ Агасферъ и есть! Шляется по свѣту, а отдохнуть негдѣ!..

— А я вѣрю!—сказалъ Спутниковъ тономъ безповоротнаго убѣжденія.

— Всѣ великіе народы земли добудутъ себѣ свободное отечество, тѣмъ паче еврейскій народъ!

Странно сказать, среди многочисленной толпы еврейскихъ интеллигентовъ сіонисты были въ меньшинствѣ, но Спутниковъ, чистокровный славянинъ, русакъ изъ Нижегородской губерніи, былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ и искренно вѣровалъ въ національное возрожденіе еврейства.

Быть можетъ, эта вѣра была безсознательнымъ порожденіемъ его добраго сердца. Онъ полуинстинктивно сознавалъ, что эти люди, составлявшіе его постоянное общество, носили въ себѣ скрытую рану гонимой національности, затравленной и лишенной почвы подъ ногами, и ему инстинктивно хотѣлось найти какое нибудь утѣшеніе для великой и незаслуженной обиды, которую судьба нанесла имъ въ самомъ фактѣ ихъ рожденія.

Впрочемъ, Спутникова обвиняли, что онъ совершенно ожидовѣлъ въ Нью-Іоркѣ. Онъ провелъ въ Америкѣ около четверти вѣка и большую часть этого времени вращался среди самыхъ разнообразныхъ круговъ еврейскаго квартала. Онъ прекрасно говорилъ на жаргонѣ и у него былъ обширный кругъ знакомыхъ среди носильщиковъ, чеботарей, точильщиковъ, жестяниковъ и тому подобныхъ маленькихъ людей, перебивающихся съ хлѣба на квасъ въ богатой Америкѣ. И встрѣчаясь съ интеллигентами, онъ даже обвинялъ ихъ, что они не знаютъ нижнихъ слоевъ еврейства.

— Вы не стоите своего народа! — повторялъ онъ.—Вы даже не космополиты, а кто васъ пальцемъ поманитъ, къ тому вы и лѣзете, очертя голову. Вы постоянно готовы отказаться отъ своего первородства, даже безъ чечевичной похлебки... Но никто изъ васъ не имѣетъ понятія, сколько чистоты и душевной силы скрывается въ нѣдрахъ вашего собственнаго народа!

— Кто мы такіе?..—раздался съ другого конца стола громкій голосъ бывшаго профессора Косевича.—Это очень ясно.—Онъ откинулся назадъ на длинной соломенной качалкѣ, на которой постоянно возсѣдалъ въ домѣ доктора и обвелъ присутствующихъ увѣреннымъ взглядомъ большихъ черныхъ, слегка выпуклыхъ глазъ. Качалка впрочемъ тотчасъ же откинулась назадъ и вмѣсто крупной головы Косевича передъ публикой поднялись его колѣни, облеченныя въ поношенные клѣтчатые штаны.

Косевичъ подождалъ секунду, пока равновѣсіе возстановилось.

— Это ясно! — хладнокровно повторилъ онъ, крѣпко устанавливая на полу свои ноги, во избѣжаніе дальнѣйшихъ инцидентовъ.—Мы учились въ русской школѣ, выросли на русской литературѣ, весь нашъ умственный обиходъ русскій. Мы русскіе, стало быть!

Толпа сочувственно зашумѣла. Слова Косевича, очевидно, выражали преобладающіе настроеніе.

— Конечно, мы родились отъ еврейскихъ матерей! — продолжалъ Косевичъ:—но мы выросли интеллигентами. Вы сами знаете, что интелигентныхъ евреевъ нѣтъ. Гейне и Берне были

нѣмцы, Манинъ итальянецъ, Брандесъ датчанинъ... А мы вотъ русскіе!..

Докторъ Слокумъ, сидѣвшій возлѣ Косевича, вдругъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Стыдно! — крикнулъ онъ запальчивымъ тономъ и даже ударилъ кулакомъ по столу.—Стыдно человѣку отрекаться отъ родной матери!..

— Продолжайте!—сказалъ Косевичъ насмѣшливо.

Давидъ Слокумъ, собственно говоря, не принадлежалъ къ кругу русскихъ переселенцевъ. Правда, онъ родился въ Черниговѣ и свободно говорилъ по русски, но образованіе онъ получилъ въ лейпцигской раввинической академіи и былъ докторомъ не медицины, а теологіи Моисеева закона. Онъ былъ человѣкъ безпокойнаго нрава и много странствовалъ по свѣту, побывалъ въ Аргентинѣ, какъ докторъ Борисъ, и даже въ южной Африкѣ. Онъ организовалъ еврейскую общину въ Блемфонтейнѣ въ Оранжевой республикѣ, но скоро разсорился съ слишкомъ предпріимчивыми прихожанами и уѣхалъ въ Соединенные Штаты. Въ Нью-Іоркѣ онъ нашелъ для себя болѣе обширное поприще среди густо населеннаго еврейскаго квартала. Онъ былъ хорошій проповѣдникъ, и нѣсколько большихъ синагогъ одна за другою предлагали ему постоянное мѣсто. Онъ, однако, не принялъ ни одного предложенія и предпочиталъ произносить свои проповѣди въ независимыхъ собраніяхъ и по преимуществу на полусвѣтскія этическія темы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался добровольнымъ агентомъ переселенческаго общества и проводилъ половину своего времени на пристани острова Еллисъ, стараясь оказывать помощь самымъ неопытнымъ и несчастнымъ эмигрантамъ, для которыхъ даже оффиціальное покровительство общества оказывалось недостаточнымъ.

Докторъ Слокумъ былъ довольно вспыльчивъ нравомъ, но съ эмигрантами онъ проявлялъ неистощимое терпѣніе. Онъ разыскивалъ земляковъ и знакомыхъ для безродныхъ стариковъ и одинокихъ дѣвушекъ и такъ или иначе создавалъ обстановку, которая позволяла имъ высаживаться на берегъ.

Въ частной жизни докторъ Слокумъ все-таки не могъ найти себѣ подходящаго общества въ Нью-Іоркѣ. Съ товарищами по профессіи онъ ссорился и высказывалъ наклонность обличать ихъ обычныя жреческія слабости. Интеллигенты уважали его и онъ любилъ посѣщать ихъ собранія, но встрѣчаясь съ ними, онъ постоянно обвинялъ ихъ въ нечестіи и въ особенности въ забвеніи національнаго принципа.

Докторъ Слолумъ жилъ мечтою о національномъ возрожденіи.

Въ его душѣ какъ будто воскресла частица духа Іереміи и онъ никогда не утомлялся перебирать въ своемъ умѣ древнее величіе Израиля и оплакивать его послѣдующее уничиженіе. Когда онъ мысленно обозрѣвалъ іудейскую *діаспору,* разбросанную по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ земли, ему хотѣлось собрать эти разсѣянные милліоны, выловить ихъ одинъ по одному изъ волнъ человѣчества и, очистивъ ихъ отъ вѣковой грязи, соединить ихъ вмѣстѣ и унести далеко, на историческое пепелище или, быть можетъ, въ какую-нибудь уединенную страну, въ тотъ фантастическій Самбатіонъ, который лежитъ въ сердцѣ пустыни, окруженный рѣкою, извергающей камни, и гдѣ по преданію живутъ десять израильскихъ колѣнъ, слѣды которыхъ потеряны исторіей.

Докторъ Слокумъ любилъ свой народъ ревнивою и исключительною любовью, и каждый отступникъ или индифферентистъ, уходившій въ сторону отъ гонимаго израиля и растворявшійся въ чужеземной средѣ, былъ для него, какъ потерянный динарій изъ стариннаго сокровища.

— Вы подумайте, что вы говорите! — продолжалъ докторъ Слокумъ, обращаясь къ Косевичу.—На свѣтѣ десять милліоновъ евреевъ, всѣ они грамотные, а вы говорите интеллигентныхъ евреевъ нѣтъ!

— Двѣнадцать милліоновъ!—хладнокровно поправилъ Косевичъ.—Но что можетъ держать ихъ вмѣстѣ, безъ языка, родины и общей культуры?

— А библія?—возразилъ докторъ Слокумъ.

— У каждой міровой вѣры есть своя библія, но народы ими не скрѣплены!—сказалъ Косевичъ.

— Связь евреевъ—угнетеніе!—горячо возразилъ Слокумъ.— Оно скрѣпляетъ насъ въ одинъ общій храмъ, какъ плотнымъ цементомъ!

— Угнетеніе временно!—возразилъ Косевичъ.—Отнимите его, и храмъ разсыплется по кирпичамъ!.

— Временно?—крикнулъ Слокумъ.—Временно, какъ война, какъ людская злость!..

— Все на свѣтѣ временно!—продолжалъ онъ.—Сама земля началась и окончится, и вмѣстѣ съ нею окончится угнетеніе людей людьми!..

— Человѣчество активно!—сказалъ Косевичъ.—Общая сумма угнетенія уменьшается, а не растетъ.

— Зачѣмъ израилю быть очистительной жертвой?—сказалъ Слокумъ. Мы лучше уйдемъ, какъ Моисей изъ Египта.

— Куда?—просто спросилъ Косевичъ.

Слокумъ замедлилъ отвѣтомъ.

— Въ Палестину турки не пускаютъ,—пересчитывалъ Косевичъ,—въ Аргентинѣ надо съ испанцами сливаться, въ Соединенныхъ Штатахъ съ англійской культурой... Гдѣ же вашъ собственный Ханаанъ?..

— Израиль блуждалъ въ пустынѣ сорокъ лѣтъ, пока достигъ Ханаана!—отвѣтилъ, наконецъ, Слокумъ съ дрожью въ голосѣ.

— Скучно съ вами!—прямо возразилъ Косевичъ.—Угнетеніе—это вериги! Въ угнетеніи нѣтъ творчества!

Слокумъ опять разсердился.

— А ваши Гейне и Берне, которыми вы такъ гордились, у нихъ было творчество? Весь свой вѣкъ они боролись противъ угнетенія. Это еврейская миссія!

— Все равно!—сказалъ Косевичъ.—Въ будущую еврейскую родину трудно вѣрить. Нельзя живую страну выкроить дипломатическими ножницами, какъ солдатика изъ папки!

— Вы отступникъ!—возразилъ Слокумъ отрывисто и упрямо.

— Если хотите знать,—сказалъ Косевичъ,—у насъ другое на умѣ. Мы думаемъ объ иной, объ настоящей родинѣ...

Голосъ его неожиданно дрогнулъ, и онъ обвелъ глазами присутствующихъ, какъ будто призывая ихъ въ свидѣтели.

— «Мое сердце въ родныхъ горахъ, мое сердце не здѣсь, мое сердце въ родныхъ горахъ охотится за оленемъ... Охотится за оленемъ, гоняется за ланью; куда бы я ни пошелъ, мое сердце въ родныхъ горахъ!»—медленно продекламировалъ онъ по англійски трогательные стихи Бернса.

Въ публикѣ пробѣжалъ сочувственный трепетъ. Аптекарь Швенцеръ, сытый и круглый, съ румяннымъ лицомъ и довольно замѣтнымъ брюшкомъ, даже вскочилъ съ мѣста и протянулъ руку впередъ, какъ будто произнося клятву.

— Россія—сказалъ онъ, и это короткое слово прозвучало выразительнѣе, чѣмъ длинныя рѣчи Косевича.

Швенцеру было сорокъ пять лѣтъ.

Лохматая грива его молодости замѣнилась гладко прилизанной прической поверхъ розовой лысины, но его энтузіазму было по прежнему восемнадцать лѣтъ, и «сердце у него было лохматое».

По лицу доктора Бориса снова промелькнула тѣнь, и складка между бровями углубилась, какъ прежде.

Онъ имѣлъ слишкомъ мало времени, чтобы участвовать въ этихъ безконечныхъ спорахъ, и мысли его были постоянно наполнены мелочами повседневной жизни, паціентами, лекарствами, ребенкомъ, которому слѣдовало сдѣлать операцію, чахоточной швеей, которой нужно было собрать денегъ, чтобы послать ее на югъ, во Флориду. Кромѣ того, онъ былъ молчаливъ отъ природы, и

чѣмъ глубже было его чувство, тѣмъ труднѣе ему было найти слова для его выраженія. Но дерзкій вызовъ Косевича затронулъ самую сущность его души, то, что составляло ея внутреннее содержаніе и давало ему силу изо дня въ день возиться по четырнадцати часовъ съ больными. Ибо докторъ Борисъ, чуть не попавшій подъ усмиреніе аргентинскаго бунта во время «еврейскаго погрома», вывезъ изъ обездоленныхъ колоній свою вѣру въ будущность еврейства и продолжалъ жить съ нею и въ Ноксвилѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ, окружающія лица были еврейскія.

— Не отрицайте насъ!—сказалъ онъ своимъ глухимъ, немного разбитымъ голосомъ.—Вы абсентеисты, но мы существуемъ. Мы слишкомъ долго страдали!..

Въ дверяхъ аптеки снова раздался звонокъ.

— Теперь мы хотимъ жить для самихъ себя! бросилъ докторъ на ходу и скрылся въ дверяхъ своей пріемной.

— У меня есть другой отвѣтъ!—вдругъ отозвался Грагамъ съ другого конца стола.—Кто мы такіе?.. Мы не американцы и не русскіе. Мы люди. Homo sum et nihil humani a me alienum esse puto.

— Я не вѣрю въ космополитовъ!—настаивалъ Косевичъ.— У нихъ души выпотрошенныя. Человѣкъ долженъ имѣть отечество.

Танъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КЛАССЪ?

Современное общество распадается на общественные классы и его исторія, цѣликомъ или въ значительной мѣрѣ, есть результатъ взаимодѣйствія этихъ классовъ. Съ этимъ всѣ согласны, марксисты и немарксисты. Разница лишь въ томъ, что для марксистовъ въ исторіи нѣтъ ничего, кромѣ борьбы классовъ; для другихъ же всемірная исторія есть нѣчто несравнено большее, чѣмъ классовая борьба, являющаяся лишь однимъ изъ многихъ проявленій исторической жизни человѣчества. Но и тѣ, и другіе признаютъ наличность особыхъ классовъ въ обществѣ нашего времени, какъ одну изъ его характернѣйшихъ особенностей.

И однако, если бы спросить любого историка, соціолога или экономиста, что такое общественный классъ, то мы отъ большинства не получили бы никакого опредѣленнаго отвѣта, а отъ остальныхъ отвѣты весьма противорѣчивые. Подобно многимъ понятіямъ, вошедшимъ въ научный обиходъ, понятіе общественнаго класса страдаетъ расплывчатостью и неясностью своихъ границъ. Даже тѣ, кто смѣло утверждаетъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ, что классовая борьба составляетъ все содержаніе исторіи, даже эти вѣрные послѣдователи Маркса въ огромномъ большинствѣ случаевъ затруднились бы дать отвѣтъ на предложенный вопросъ. Это, разумѣется, никому не мѣшаетъ съ большою самоувѣренностью разсуждать о неумолимости закона классовой борьбы, о вліяніи этой борьбы на всѣ стороны соціальной жизни, о наивности тѣхъ, кто вѣритъ въ существованіе внѣклассовой морали и т. д., и т. д.; и не только разсуждать, но и предавать свои разсужденія тисненію въ поученіе тысячъ читателей.

Въ виду такого положенія дѣла (а что оно таково, врядъ ли подлежитъ спору), быть можетъ, будетъ не лишнее остановить на минуту вниманіе читателя на самомъ основномъ вопросѣ, о которомъ не говорятъ, какъ бы полагая его вполнѣ удовлетворительно разрѣшеннымъ и потому не требующимъ обсужденія—вопросѣ о томъ, что же такое общественный классъ, играющій, по мнѣнію всѣхъ, столь выдающуюся роль въ исторіи нашего времени?

Этимъ именно вопросомъ, но безъ отвѣта, заканчивается III томъ

«Капитала» Маркса. Мы узнаемъ лишь, что понятіе общественнаго класса далеко не совпадаетъ съ понятіемъ общественной группы. Такъ, врачи и чиновники образуютъ двѣ различныхъ общественныхъ группы, но не два различныхъ класса. Классовое сложеніе общества отнюдь не нужно смѣшивать съ общественнымъ раздѣленіемъ труда, приводящимъ къ обособленію профессій. Первобытное общество не знало классовъ, но въ немъ существовали особыя профессіи (кузнецъ, жрецъ, судья, воинскій предводитель и т. д.).

Если мы обратимся къ другимъ работамъ Маркса и Энгельса, то въ нихъ мы найдемъ богатѣйшій матеріалъ для отвѣта на интересующій насъ вопросъ, но самаго отвѣта, т.-е. опредѣленія понятія «общественный классъ» не встрѣтимъ. Мало того, мы придемъ къ заключенію, что и Марксъ употреблялъ это понятіе въ различныхъ, даже, повидимому, противорѣчивыхъ значеніяхъ. Такъ, въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ движенію 1848 г. въ Германіи, авторъ «Капитала» говоритъ, что германскій народъ въ эпоху этого движенія состоялъ изъ слѣдующихъ классовъ: феодальнаго дворянства, буржуазіи, мелкой буржуазіи, крупнаго и средняго крестьянства, мелкаго свободнаго крестьянства, несвободнаго крестьянства, находившагося въ феодальной зависимости отъ помѣщиковъ, земледѣльческихъ рабочихъ и, наконецъ, промышленныхъ рабочихъ—всего насчитывается Марксомъ не менѣе 8 общественныхъ классовъ. Въ своемъ тонкомъ анализѣ соціальныхъ и политическихъ движеній во Франціи въ эпоху февральской революціи и послѣ нея Марксъ также различаетъ цѣлый рядъ общественныхъ классовъ, причемъ особое вниманіе удѣляетъ соціальной роли двухъ классовъ—мелкой буржуазіи и крестьянства. Главнымъ достоинствомъ этого замѣчательнаго анализа является, по общему признанію, данная Марксомъ блестящая и остроумная характеристика мелкой буржуазіи, какъ особаго общественнаго класса. И мелкая буржуазія, и крестьянство постоянно разсматриваются нашимъ авторомъ, какъ самостоятельные классы. Что касается крестьянскаго класса, то Марксъ приписываетъ ему рѣшающую роль въ декабрьскомъ переворотѣ, приведшемъ къ возстановленію имперіи. «Бонапартъ,—говоритъ нашъ авторъ,—является представителемъ особаго общественнаго класса и, къ тому же, многочисленнѣйшаго класса французскаго общества, мелкаго крестьянства» *).

Послѣ всѣхъ этихъ утвержденій, читатель не можетъ не быть пораженъ, узнавъ отъ того же Маркса, что крестьянство... вовсе не классъ. «Мелкіе крестьяне (Parzellenbauern) образуютъ собой огромную массу, члены которой живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, но не вступаютъ въ разнообразныя отношенія другъ съ другомъ. Ихъ способъ производства ведетъ къ разобщенію, а не къ взаимнымъ сношеніямъ

*) Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Dritte Auflage. стр. 97.

производителей... Клочокъ земли, крестьянинъ и семья; рядомъ другой клочокъ земли, другой крестьянинъ и другая семья. Куча семей образуетъ деревню, куча деревень—департаментъ. Такимъ образомъ составляется главная масса французскаго народа, какъ изъ картофеля, набитаго въ мѣшокъ, составляется мѣшокъ съ картофелемъ... Поскольку между мелкими крестьянами существуетъ лишь связь того же мѣстожительства, а тожественность ихъ интересовъ не вызываетъ никакой сознательной общности интересовъ, никакой національной общности и никакой политической организаціи крестьянъ, постольку мелкіе крестьяне не образуютъ класса» *).

Но если крестьяне не образуютъ общественнаго класса, потому что ихъ способъ производства изолируетъ ихъ другъ отъ друга и препятствуетъ ихъ политической организаціи, то возникаетъ сомнѣніе, можно ли считать классомъ мелкую буржуазію. Нѣмецкая мелкая буржуазія была, очевидно, также неспособна въ 1848 г. къ сплоченію въ особую политическую партію, какъ и французскіе крестьяне въ эпоху декабрьскаго переворота. Слѣдовательно, и мелкую буржуазію мы не имѣемъ права считать самостоятельнымъ общественнымъ классомъ.

Такимъ образомъ, многіе изъ общественныхъ классовъ, найденные Марксомъ въ нѣдрахъ современнаго общества, оказываются совсѣмъ не классами. Повидимому, мы должны вернуться къ знаменитому (принадлежащему еще Адаму Смиту) дѣленію современнаго общества на 3 класса—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ. Но и то нѣтъ. Вопросъ о признаніи наемныхъ рабочихъ самостоятельнымъ классомъ возбуждаетъ серьезныя сомнѣнія.

Правда, Марксъ называетъ безчисленное число разъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріатъ особымъ общественнымъ классомъ. Но такъ же нашъ авторъ называетъ и крестьянъ, которые, однако, по его же опредѣленію, не составляютъ класса. Не постигнетъ ли рабочихъ такая же участь, какая постигла крестьянъ и мелкихъ буржуа?

И дѣйствительно, мы не имѣемъ никакого основанія признавать нѣмецкихъ рабочихъ 40-хъ годовъ особымъ общественнымъ классомъ, если мы отказываемъ въ этомъ званіи крестьянамъ и мелкимъ буржуа. Это, кстати, указано самими Марксомъ и Энгельсомъ въ 1847 г., въ ихъ знаменитомъ обращеніи къ рабочимъ всего міра. Авторы обращенія неоднократно и настойчиво заявляютъ, что «ближайшею цѣлью ихъ партіи является превращеніе пролетаріата въ классъ» («Bildung des Proletariats zur Klasse»). Это заявленіе варіируется авторамъ на разные лады, но смыслъ его остается однимъ и тѣмъ же. Что же оно означаетъ? Очевидно то, что въ эпоху названнаго обращенія пролетаріатъ еще не былъ особымъ классомъ, ибо иначе нече-

*) Тамъ же, стр. 98.

го было бы стремиться къ сплоченію пролетаріата въ классъ. Таковъ неизбѣжный логическій выводъ утвержденій Маркса и Энгельса.

Наша попытка выяснить вопросъ объ общественномъ классѣ по сочиненіямъ наиболѣе компетентнаго въ данномъ случаѣ автора — Маркса—привела, такимъ образомъ, къ весьма неожиданнымъ результатамъ. Повидимому, остается еще лишній разъ изумиться логическимъ противорѣчіямъ знаменитаго экономиста. И, конечно, все это несомнѣнныя противорѣчія, но противорѣчія ли въ терминологіи, или въ самой мысли? Мы этого еще пока не знаемъ. Быть можетъ, авторъ «Капитала» повиненъ только въ небрежной терминологіи — вина не очень большая, не исключающая возможности логической правильности мысли.

Такъ оно и есть. Ключъ ко всѣмъ этимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ противорѣчіямъ мы найдемъ въ полемическомъ сочиненіи Маркса, направленномъ противъ Прудона. Авторъ «Капитала» былъ ученикомъ Гегеля, а всѣмъ извѣстно, какую роль играли противорѣчія въ системѣ геніальнаго философа. То, что намъ казалось въ ученіи Маркса объ общественномъ классѣ логическимъ противорѣчіемъ, есть, на самомъ дѣлѣ, лишь слѣдствіе діалектическаго метода нашего автора.

«Экономическія отношенія,—говоритъ Марксъ въ «Нищетѣ философіи» (стр. 180 нѣмецкаго изданія 1885 г.),—превратили массу населенія въ рабочихъ. Господство капитала создало одинаковость положенія для этой массы, одинаковость интересовъ. Такимъ образомъ, эта масса стала классомъ по отношенію къ капиталу, но не классомъ въ себѣ (für sich). Въ очерченной нами борьбѣ эта масса объединяется, конституируется, какъ классъ въ себѣ. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба одного класса съ другимъ классомъ есть всегда политическая борьба». То же самое Марксъ говоритъ и о буржуазіи, въ развитіи которой онъ различаетъ два фазиса: «фазисъ, въ теченіе котораго буржуазія только конституировалась подъ господствомъ феодализма и абсолютной монархіи, и тотъ, когда буржуазія, какъ уже конституированный классъ, опрокинула феодализмъ и монархію и превратила общество въ буржуазное общество. Первый изъ этихъ фазисовъ былъ продолжительнѣе и требовалъ большихъ усилій».

Итакъ, общественный классъ проходитъ два фазиса развитія. Первоначально, возникающій классъ является классомъ лишь по отношенію къ другимъ классамъ, но не классомъ въ себѣ (für sich). Затѣмъ онъ конституируется, какъ классъ въ себѣ, и этимъ знаменуется второй фазисъ развитія класса, фазисъ зрѣлости. Въ этомъ смыслѣ Марксъ говорилъ, что французскіе крестьяне не образуютъ собой класса — именно, зрѣлаго класса, класса въ себѣ,—хотя они несомнѣнно являются классомъ по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ.

*

Также и германскіе рабочіе въ сороковыхъ годахъ не были классомъ въ себѣ, хотя они и составляли классъ по отношенію къ буржуазіи.

Всякій, знакомый съ философіей Гегеля, легко узнаетъ въ этомъ различеніи класса по отношенію къ другому и класса «въ себѣ» (für sich) гегелевскій переходъ чистаго бытія черезъ свое отрицаніе къ бытію по отношенію къ другому и черезъ отрицаніе отрицанія къ бытію въ себѣ. Точно также и Марксъ видитъ въ первомъ фазисѣ развитія общественнаго класса бытіе класса по отношенію къ другому, а во второмъ фазисѣ — бытіе класса въ себѣ. Проходя этотъ кругъ развитія, классъ измѣняется въ своемъ характерѣ; называя одну и ту же общественную группу классомъ, и затѣмъ отказывая ей въ классовомъ характерѣ, нашъ авторъ характеризовалъ ее съ точки зрѣнія различныхъ фазисовъ ея развитія. Такъ, личинка можетъ быть противопоставлена взрослому животному, въ которое она превращается, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая это животное съ организмами другихъ видовъ, мы присваиваемъ личинкѣ такое же наименованіе, какъ и взрослому животному.

Итакъ, то, что намъ казалось логическимъ противорѣчіемъ въ ученіи Маркса объ общественномъ классѣ, оказывается логическимъ слѣдствіемъ діалектическаго метода, котораго придерживался авторъ «Капитала». Всякій общественный классъ подчиняется, по ученію Маркса, закону развитія, общему для всего существующаго, и каждый фазисъ развитія класса обладаетъ своими особыми характерными, специфическими особенностями.

Эту важную сторону ученія Маркса объ общественномъ классѣ необходимо всегда имѣть въ виду, чтобы правильно понимать мысль знаменитаго экономиста. Мы часто встрѣчаемъ, напр., въ сочиненіяхъ нашего автора категорическое утвержденіе, что столкновенія классовъ неизбѣжно носятъ политическій характеръ. Это, очевидно, не можетъ относиться къ классамъ, еще не достигшимъ окончательнаго развитія, еще не конституированнымъ. Такъ, англійскіе рабочіе союзы представляли собой значительную общественную силу уже въ концѣ XVIII-го вѣка и упорно отстаивали интересы своихъ членовъ противъ предпринимателей. Но борьба эта оставалась всецѣло экономической борьбой и ничего политическаго въ себѣ не заключала; потому она и не была, въ смыслѣ Маркса, классовой борьбой.

Утверждая, что современное общество имѣетъ классовой характеръ, нашъ авторъ отнюдь не думаетъ отрицать, что многія общественныя группы, входящія въ составъ общества нашего времени, не имѣютъ сознанія своихъ классовыхъ интересовъ и не образуютъ собой зрѣлыхъ, конституированныхъ классовъ, классовъ въ себѣ. Общественная дѣйствительность представляетъ собой пеструю картину, въ которой мы видимъ общественные классы на всѣхъ ступеняхъ своего развитія

начиная отъ соціальныхъ группъ, въ которыхъ совсѣмъ не пробудилось сознаніе общности ихъ классовыхъ интересовъ, до экономически и политически прочно организованныхъ классовъ. Съ этой точки зрѣнія исторію можно разсматривать, какъ исторію общественныхъ классовъ—ихъ возникновенія, постепеннаго роста, упадка и реагированія другъ на друга. Нѣкоторые классы падаютъ, другіе растутъ, но все вмѣстѣ образуетъ сложное и тѣсно связанное цѣлое, въ которомъ каждая экономически обособленная группа, если и не составляетъ класса въ себѣ, то является классомъ по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ.

Мы знаемъ уже, что общественный классъ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ группа лицъ одинаковой профессіи. Понятіе общественнаго класса неотдѣлимо, по ученію Маркса, отъ понятія противоположности общественныхъ интересовъ. Гдѣ этой противоложности интересовъ нѣтъ, тамъ нѣтъ и классовъ. Вотъ почему въ первобытномъ обществѣ не было классовъ, вотъ почему въ современномъ обществѣ священники и врачи или артисты не образуютъ особыхъ классовъ—интересы всѣхъ этихъ общественныхъ группъ не находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ интересами какихъ-либо другихъ общественныхъ группъ.

Въ чемъ же заключается источникъ противоположности интересовъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на присвоеніи одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ? Очевидно, не въ чемъ иномъ, какъ въ этомъ самомъ экономическомъ отношеніи, лежащемъ въ корнѣ даннаго соціальнаго усройства. Поэтому, мы можемъ опредѣлить соціальный классъ, какъ общественную группу, члены которой находятся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи по отношенію къ общественному процессу присвоенія одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ. и вслѣдствіе этого имѣютъ общіе экономическіе интересы и общихъ антагонистовъ въ процессѣ общественнаго хозяйства. Это опредѣленіе даетъ намъ ключъ ко всему ученію объ общественныхъ классахъ. Исходя изъ него, мы можемъ безъ труда опредѣлить, составляетъ ли данная группа, и почему именно, особый общественный классъ, или нѣтъ.

Такъ, прежде всего ясно, что наемные рабочіе составляютъ особый общественный классъ по отношенію къ тѣмъ, во чью пользу поступаетъ ихъ прибавочный трудъ. Капиталистическое общество распадается на 3 основныхъ класса—наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Но кромѣ этихъ классовъ, основныхъ и типичныхъ для капиталистическаго хозяйства, реальное капиталистическое общество нашего времени слагается также изъ другихъ классовъ, созданныхъ предшествующими способами производства. Правда, если бы какая-либо общественная группа стояла внѣ экономическихъ антагонизмовъ, вытекающихъ изъ факта присвоенія частью общества при-

бавочнаго труда остальной части, то она не образовывала бы класса. Но дѣло въ томъ, что среди экономически обособленныхъ группъ нашего времени такой группы нѣтъ и быть не можетъ. Такъ, мелкіе самостоятельные производители не были классомъ въ первобытномъ обществѣ. Въ капиталистическомъ обществѣ нашего времени имѣются также многочисленныя группы мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ; таковые составляютъ даже главную массу населенія въ большинствѣ европейскихъ государствъ. Но современные мелкіе производители—крестьяне и ремесленники—суть особые общественные классы потому, что хотя крестьянинъ, работающій своими руками, безъ помощи наемныхъ рабочихъ, на своемъ клочкѣ земли, или ремесленникъ, занятый въ своей собственной мастерской, съ формальной стороны стоятъ какъ бы внѣ отношеній экономической эксплуатаціи, характерныхъ для капитализма, на самомъ дѣлѣ это не такъ. На самомъ дѣлѣ капиталистическая основа современнаго хозяйственнаго строя даетъ себя чувствовать тысячами способовъ въ хозяйствѣ мелкаго производителя. Крестьянинъ платитъ за свою заложенную землю проценты въ банкъ, съ его земли поступаютъ налоги въ пользу государства, онъ продаетъ свои продукты капиталисту-торговцу, онъ арендуетъ землю крупнаго землевладѣльца и вноситъ послѣднему арендную плату и т. д., и т. д. Всѣ эти экономическіе отношенія являются нечѣмъ инымъ, какъ различными формами присвоенія прибавочнаго труда крестьянина, почему современные крестьяне и должны быть признаны особымъ классомъ. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ мелкихъ производителяхъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, не составляютъ ли мелкіе самостоятельные производители (крестьяне и ремесленники) и наемные рабочіе одного трудящагося общественнаго класса, въ противоположность нетрудящимся общественнымъ классамъ? Безусловно нѣтъ, потому что хотя и крестьяне (разумѣется, мелкіе), и наемные рабочіе одинаково трудятся, въ большей или меньшей части, на пользу другихъ общественныхъ группъ, но общественные способы присвоенія прибавочнаго труда крестьянъ и рабочихъ существенно различны. Въ связи съ этимъ, экономическіе интересы крестьянъ и рабочихъ далеко не тождественны, а нерѣдко и противоположны. Крестьянинъ заинтересованъ въ пониженіи арендной платы, пониженіи процентовъ по ипотечному долгу и налоговъ, лежащихъ на землѣ; рабочій же во всемъ этомъ совершенно не заинтересованъ, но зато заинтересованъ въ повышеніи заработной платы и сокращеніи рабочаго дня, отъ чего крестьянинъ, какъ таковой, ничего не выигрываетъ. Поэтому, крестьяне и наемные рабочіе представляютъ собой различные общественные классы, подобно тому, какъ капиталисты и землевладѣльцы принадлежатъ не къ одному, а къ двумъ различнымъ классамъ.

Точно также, мелкая буржуазія есть особый общественный классъ,

образующій собой переходную ступень между противоположными полюсами капитала и труда. Но хотя этотъ классъ и имѣетъ промежуточный характеръ, все же это классъ, съ классовыми интересами и классовыми антагонизмами. Зажиточные ремесленники и мелкіе торговцы, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоитъ этотъ классъ, принадлежатъ къ числу предпринимателей. пользующихся наемнымъ трудомъ и въ качествѣ таковыхъ должны быть противопоставлены наемнымъ рабочимъ; но ихъ экономическому благополучію наиболѣе угрожаютъ не рабочіе, а крупные капиталисты. Эксплуатируя рабочихъ, мелкіе буржуа сами становятся жертвой крупнаго капиталиста. Немногіе изъ среды этого класса подымаются вверхъ и переходятъ въ ряды крупной буржуазіи, другіе опускаются внизъ и пополняютъ массу пролетаріевъ. Это колеблющееся положеніе мелкой буржуазіи опредѣляетъ своеобразный соціальный характеръ этого класса, но не устраняетъ классовыхъ антагонизмовъ, въ рамки которыхъ заключена мелкая буржуазія, также какъ и другіе классы.

Такимъ образомъ, антагонистическое эконономическое отношеніе присвоенія общественнаго прибавочнаго труда неработающими группами, лежащее въ корнѣ капиталистическаго общества, придаетъ антагонистическій характеръ всѣмъ экономически обособленнымъ группамъ, изъ которыхъ это общество слагается, и дѣлаетъ изъ послѣднихъ не просто экономическія группы, но соціальные классы. Куда, однако, отнести представителей такъ называемаго непроизводительнаго (точнѣе нехозяйственнаго) труда,—врачей, адвокатовъ, писателей, артистовъ, ученыхъ и пр.? Можно ли ихъ считать особымъ классомъ людей умственнаго труда? Никоимъ образомъ, такъ какъ для того, чтобы общественная группа могла быть признана классомъ, для этого недостаточно сходства профессій, или экономическаго положенія лицъ, входящихъ въ ея составъ. Владѣлецъ незначительной фабрики, получающій съ нея не болѣе дохода, чѣмъ работающій по найму искусный механикъ, принадлежитъ къ тому же классу капиталистовъ, какъ и милліардеръ, но къ другому классу, чѣмъ механикъ, хотя по своему доходу нашъ фабрикантъ гораздо ближе къ механику, чѣмъ милліардеру. Дѣло тутъ не въ размѣрѣ дохода и не въ сходствѣ условій жизни, а въ экономическомъ отношеніи лицъ той или иной группы къ общественному процессу присвоенія одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ общественныхъ группъ. И крупный и мелкій фабрикантъ получаютъ доходъ не со своего труда, а со своего капитала; этотъ капиталъ даетъ имъ возможность присваивать себѣ долю труда занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, все равно принадлежатъ ли эти рабочіе къ группѣ искуснаго или чернорабочаго труда. Капиталисты только потому образуютъ собой особый общественный классъ, что имъ противостоятъ рабочіе; рабочіе, въ свою очередь, являются классомъ лишь въ силу того, что имъ противостоятъ капита-

листы. Кто же, какой общественный классъ противостоитъ адвокатамъ, врачамъ, духовенству и пр., и пр., съ какимъ классомъ они находятся въ антагонизмѣ по своему экономическому положенію? Ни съ какимъ, потому что ихъ дѣятельность, какъ нехозяйственная, стоитъ внѣ экономическаго процесса присвоенія прибавочнаго труда.

Итакъ, интеллигенція не составляетъ самостоятельнаго класса. Но это не значитъ, что она лишена классоваго характера, что она выше классовъ. Не образуя класса, интеллигенція примыкаетъ къ какому-либо изъ существующихъ общественныхъ классовъ. Такъ какъ интеллигенты—люди умственнаго труда, а умственный трудъ требуетъ образованія, стоящаго, въ свою очередь, много денегъ, то, естественно, что интеллигентные работники выходятъ почти исключительно изъ среды имущихъ классовъ. Это крайне благопріятствуетъ тѣсной связи интеллигенціи съ названными классами. Но, съ другой стороны, трудъ интеллигентнаго работника оплачивается публикой, народной массой, въ которой неимущіе классы (включая сюда какъ наемныхъ рабочихъ, такъ и крестьянъ и иныхъ мелкихъ хозяевъ) численно преобладаютъ; на этой почвѣ возникаетъ экономическая связь между интеллигенціей и неимущими классами. Такимъ образомъ, интеллигенція можетъ примыкать къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ классамъ, иначе говоря, интеллигенція есть общественная группа съ неопредѣленнымъ классовымъ характеромъ; часть ея можетъ безкорыстно служить трудящемуся народу, а другая идти вмѣстѣ съ его эксплуататорами. Это мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности.

М. Туганъ-Барановскій.

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толя).

I.

По Якутскому округу.

Приглашенный на мѣсто умершаго врача русской полярной экспедиціи д-ра Вальтера, я выѣхалъ 19-го марта 1902 г. изъ г. Якутска. Ѣхать надо было по курьерски, чтобы застать въ Усть-Янскѣ (с. Казачье) собакъ для переправы на Ново-Сибирскіе острова, гдѣ зимовала экспедиція, и мнѣ какъ бы предстояло догнать начавшую уже отступать на сѣверъ зиму.

Переправившись черезъ Лену и проѣхавъ еще версты двѣ внизъ по рѣкѣ, мы поѣхали по ея правому берегу. Плохонькія лошаденки, скверная сбруя, жалкіе, неумѣлые ямщики. Якуты, проводящіе всю жизнь около лошадей, не умѣютъ ни править, ни запрягать какъ слѣдуетъ. Отсюда частыя остановки: то понадобится поправить шлею или хомутъ, то завязать разорвавшійся ремень. Ѣхали мы на четырехъ одноконныхъ подводахъ, съ двумя ямщиками, по одному человѣку въ саняхъ. Моя лошадь была привязана къ переднимъ санямъ, сопровождавшій меня казакъ ѣхалъ послѣднимъ.

Уже на третьемъ станкѣ—Хамыстатскомъ, въ 7-ти верстахъ отъ Якутска меня ждала задержка: лошади оказались у подрядчика—въ 5-ти верстахъ отъ станка, въ виду недостатка сѣна.

По мѣрѣ удаленія отъ Якутска замѣтно уменьшается, мало-по-малу совсѣмъ исчезая потребленіе ржаного и пшеничнаго хлѣба, на мѣсто котораго водворяется ячмень. Ячмень мелютъ, растирая слегка поджаренныя или подсушенныя на огнѣ зерна между двумя круглыми камнями, одинъ изъ которыхъ укрѣпленъ неподвижно, а другой быстро вращаютъ за придѣланную къ нему рукоятку. Изъ ячменной муки приготовляютъ хлѣбъ и лепешки. Свѣжій ячменный хлѣбъ довольно вкусенъ, но онъ скоро черствѣетъ и дѣлается твердымъ, какъ камень. Съ употребленіемъ заболони—сосновой коры,—играющей, а особенно игравшей прежде не маловажную роль въ питаніи инородцевъ, лично

мнѣ не приходилось встрѣчаться. Къ нашему ржаному хлѣбу, кстати сказать довольно плохому, отнеслись, какъ къ лакомству.

Не доѣзжая верстъ пятидесяти до Алдана, встрѣтился съ священникомъ. По Верхоянскому тракту встрѣчи далеко не часты и, отчасти благодаря обстановкѣ, довольно своеобразны. Батюшка, вновь назначенный благочиннымъ въ одно изъ сѣверныхъ благочиній, доѣхалъ до Алдана и, разочарованный въ быстротѣ передвиженія, вернулся вспять. Рослый, дородный мужчина, съ добродушнѣйшей физіономіей, онъ оказался очень сообщительнымъ собесѣдникомъ. Пока я закусывалъ въ ожиданіи перепряжки лошадей, онъ успѣлъ ознакомить меня не только съ подробностями своего путешествія, но и со своими дальнѣйшими намѣреніями. Думалъ батюшка ѣхать на пароходѣ, но почему то изъ всѣхъ превратностей путешествія по обманчивой стихіи боялся ничего иного, какъ взрыва парового котла. Однако, доведенный до отчаянія злодѣйскими происками ямщиковъ, покушавшихся, по словамъ отца благочиннаго, не доставить его до распутицы на мѣсто назначенія, принялъ геройское рѣшеніе: ѣхать весной на пароходѣ. Кстати сказать, ямщики жаловались, что батюшка платитъ за двѣ лошади, занимая шесть. Здѣсь это явленіе заурядное.

Ночью и утромъ морозъ до 30°, вѣтеръ рѣзкій и холодный. Конечно 30° ничто въ сравненіи съ пятидесятиградусными морозами, когда выплеснутая изъ стакана вода падаетъ льдомъ, выдыхаемый воздухъ издаетъ шумъ тренія обращающихся въ мельчайшія льдинки частицъ пара,—такія морозы бываютъ здѣсь въ декабрѣ и январѣ. Но при очень сильныхъ морозахъ обыкновенно бываетъ полный штиль, а при вѣтрѣ и 30° чуть ли не хуже 50° при затишьѣ. Одежда, разумѣется, соотвѣтствуетъ морозамъ. Якутская кухлянка—рубаха мѣхомъ наружу изъ оленьей шкуры и парка—двойная кухлянка; мягкая мѣховая обувь—торбаса—это незамѣнимый по теплотѣ и легкости костюмъ. Я не могъ въ остававшіеся мнѣ для сбора въ путешествіе два дня какъ слѣдуетъ экипироваться и долженъ былъ довольствоваться лисьей курткой, поверхъ которой иногда надѣвалъ тяжелую и неудобную, въ сравненіи съ якутской кухлянкой, самоѣдскую доху, привезенную К. А. Воллосовичемъ съ судна экспедиціи. Неуклюжіе валенки я скоро замѣнилъ лосиными торбасами.

Часовъ въ 9 у. 21-го марта мы пріѣхали на Тандинскій станокъ, у рѣки Алдана. Втащили свою замороженную провизію. Сварили пельменей—универсальное сибирское блюдо и оказали честь медвѣжьему окороку, приготовленному изъ медвѣдя, убитаго мистеромъ Клифтономъ, богатымъ англичаниномъ, разгонявшимъ свой сплинъ въ якутскихъ и верхоянскихъ палестинахъ. Радушный хозяинъ, только что вернувшійся съ рыбной ловли, поднесъ мнѣ стерлядь. Видя его страстные взгляды на висѣвшую у меня съ боку флягу, я предложилъ ему рюмку спирту. Онъ выпилъ ее какъ бы изъ вѣжливости, не желая

обидѣть меня отказомъ и глоталъ съ такимъ видомъ, будто принималъ пренепріятную микстуру. Впрочемъ, сейчасъ же попросилъ вторую, и эту выпилъ безъ лишнихъ церемоній, даже и не поморщился.

Вскорѣ по выѣздѣ со станціи мы переѣхали самый большой изъ притоковъ Лены, судоходный Алданъ. Длина Алдана считается болѣе 2.000 верстъ, и почти на протяженіи полуторыхъ тысячъ верстъ онъ судоходенъ. По Алдану и его притоку Маѣ пароходы компаній А. И. Громовой, Глотова, а въ послѣднее время Коковина и Басова ходятъ до урочища Нельканъ на Маѣ за чаемъ, который доставляется туда волокомъ изъ Портъ-Аяна. Чай въ Якутской области безпошлинный и потому значительно дешевле, чѣмъ въ Европейской Россіи и даже въ смежныхъ съ Китаемъ губерніяхъ Сибири. Мѣстное населеніе употребляетъ главнымъ образомъ кирпичный чай, проникающій въ самые отдаленные уголки области. Широкій Алданъ съ его красивыми гористыми берегами, покрытыми лѣсомъ, должно быть, очень красивъ лѣтомъ.

Дорога ухудшилась. Если раньше было бы трудно ѣхать на парѣ, то теперь это совершенно невозможно. Лѣсная чаща. Узенькой лентой вьется дорога. Вѣтви деревьевъ хлещутъ въ физіономію зазѣвавшагося путника, на многочисленныхъ раскатахъ сани стукаются о стволы деревьевъ. Для уменьшенія раскатовъ кое-гдѣ положены лѣсины и вбиты колья. Тѣмъ не менѣе казакъ нѣсколько разъ опрокинулся вмѣстѣ съ нартой. Лѣтомъ колесная дорога кончается уже у Алдана, и здѣсь ѣздятъ только верхами.

Утромъ 22-го мы были въ поварнѣ. Представьте себѣ квадратный бревенчатый срубъ съ плохо проконопаченными мхомъ стѣнами, покрытой плоской крышей. Нѣсколько небольшихъ оконъ освѣщаетъ внутренность этого сруба. Деревянныя скамьи, скорѣе нары,—ороны по-якутски, вдоль стѣнъ. Изъ мебели—два стола,—одинъ хромой. Собачій холодъ внутри. Ямщики нарубили дровъ въ лѣсу и затопили камелекъ. Кѣмъ-то изъ прохожихъ, очевидно, былъ сложенъ у поварки колотый ледъ, изъ котораго мы и «дѣлали воду», какъ здѣсь выражаются.

Поварня стоитъ въ холмистой мѣстности. Недалеко и отроги Верхоянскаго горнаго хребета. Красивой грядой вздымаются въ отдаленіи такъ называемые «бете-кельвскіе камни»,—рядъ горъ. Однѣ поднимаются, какъ гиганская сахарная голова, другія напоминаютъ татарскую тебютейку; незамѣтно переходятъ и какъ бы сливаются съ прилегающими холмами расплывчатыя очертанія третьихъ... Черными грядами прорѣзывается лѣсъ на бѣломъ фонѣ покрытыхъ снѣгомъ окрестностей. Вѣтеръ крѣпчаетъ... Контуры горъ становятся болѣе и болѣе неясными. Въ бинокль видно снѣговое облако, поднимающееся надъ горой. Далъ ямщику посмотрѣть въ бинокль. Долго не могъ онъ приладиться, наконецъ, увидѣлъ...

— Учухасъ хая, бёрдъ учухасъ (близко гора, очень близко), восторженно залопоталъ онъ по якутски, жестами показывая, что такъ близко, хоть руками хватай.

Хотя станокъ еще не кончился, но лошади уже отказывались служить. Я послалъ ямщика съ поварни за оленями въ тунгусское стойбище. Съ оленями пріѣхалъ молодой, стройный ламутъ. Грація, и изящество движеній рѣзко отличало его отъ якутовъ. Ѣздовые олени—кроткія, милыя и глупыя животныя. Запрягаются они въ нарты—узкія, низкія сани. Къ горизонтальной дугѣ у передка нарты прикрѣпляется длинный ремень; отъ него расходятся въ разные стороны двѣ ременныхъ петли, которыя надѣваются черезъ лопатку оленя наискось подъ переднюю ногу. Въ нарту впрягаютъ пару оленей. Отъ одного изъ нихъ идетъ ременная или веревочная возжа къ ямщику Съ помощью этой возжи и длинной палки, которой вооруженъ ямщикъ, и управляютъ оленями. Обыкновенный грузъ—одинъ человѣкъ или 5—6 пуд. клади. Для полноты впечатлѣнія я сѣлъ не въ свою полузакрытую нарту, взятую изъ Якутска, а въ совершенно открытую. Быстрота ѣзды, особенно послѣ дохлыхъ клячъ, на которыхъ пришлось плестись до сихъ поръ, производитъ импонирующее впечатлѣніе. Къ тому же первый путь я дѣлалъ на «вольныхъ» оленяхъ, а не на заморенныхъ за зиму частыми перегонами станочныхъ.

Вотъ молодой ямщикъ свернулъ въ сторону съ дороги и катитъ прямо по снѣгу, не смущаясь почти отвѣсной крутизной маленькой горки. Нарта стремглавъ летитъ внизъ... духъ захватываетъ! Несмотря на многочисленные косогоры и сильные раскаты ни одна изъ нашихъ пяти нартъ не опрокинулась: ямщикъ знаетъ свое дѣло. При спускѣ съ горы нарта накатывается оленямъ подъ ноги, налетаютъ одна на другую. Олени сбиваются въ кучу... около физіономіи вдругъ выростаютъ вѣтвистые рога заднихъ оленей. Минутная остановка... толчекъ: олени подхватили нарту, — и снова мчишься на просторѣ.

Очень быстро проѣхали мы десять верстъ, отдѣлявшія насъ отъ ламутскаго стойбища. Ламуты, какъ истые кочевники, не гонятся за прочностью своихъ жилищъ. Правда, часть ихъ переняла якутскую юрту, переходную, полуосѣдлую форму постройки, но живущіе еще по завѣтамъ отцовъ предпочитаютъ легкую и удобопереносимую урасу. Ураса—это шалашъ или конической формы, или цилиндрической съ конусообразной крышей. Ураса, къ которой мы подъѣхали, принадлежала къ послѣднему типу. Остовъ изъ жердей, обтянутый снизу берестой, съ крышей изъ ровдуги (ровдуга—грубая замша изъ оленьей шкуры)—вотъ и вся ея незатѣйливая конструкція. Низкая,—такъ что приходится влѣзать на четвереньках—дверь съ ровдужной завѣсой; посрединѣ урасы-очагъ, надъ нимъ жердочка, на которой подвѣшивается котелокъ для варки пищи;—вверху надъ очагомъ—дымовое отверстіе. Вдоль стѣны полъ нѣсколько приподнятъ и устланъ свѣжими

иственными вѣтками. Получается мягкое и душистое ложе. Сидѣть приходится съ поджатыми ногами, такъ какъ мебели не полагается. Среди домашней утвари есть и эмалированная посуда: большая супная ложка и тарелка — слѣды побѣдоноснаго вторженія капитала въ отдаленнѣйшія палестины нашего обширнаго отечества. Въ урасѣ довольно опрятно и не дымно. Многочисленныя скважины въ стѣнѣ содѣйствуютъ обману воздуха. Въ этомъ эѳирномъ жилищѣ, умѣстномъ, казалось бы, болѣе въ блаженной Аркадіи, чѣмъ въ странѣ пятидесятиградусныхъ морозовъ, родятся и умираютъ ламутскія семьи,— «тепло» говорятъ.

Аѳанасій, хозяинъ описанной урасы и собственныхъ штукъ 30-ти оленей, показывая свои владѣнія, обратилъ мое вниманіе на разрубленную на куски тушу недавно убитаго имъ медвѣдя, разложенную на довольно высокомъ помостѣ. Повѣствуя о своихъ встрѣчахъ съ медвѣдями, онъ, м. п., упомянулъ, какъ однажды его испугалъ медвѣдь, на котораго онъ наткнулся безоружный. Я тутъ замѣтилъ, что, по слухамъ, ламуты не боятся медвѣдей. Аѳанасій сталъ пространно объяснять, что, дѣйствительно, съ большимъ ножомъ—онъ показалъ размѣръ клинка въ полъ-аршина—бояться нечего. Такъ естественно кажется этимъ дѣтямъ природы ходить на медвѣдя съ большимъ ножомъ! Аѳанасій, небольшого роста, сухой, но плотной комплекціи сорокадвухлѣтній мужчина, убилъ уже на своемъ вѣку сорокъ медвѣдей. Разговоръ у насъ шелъ на якутскомъ языкѣ. Казакъ помогалъ мнѣ овладѣть предметомъ разговора. Ламуты обыкновенно совершенно свободно говорятъ по-якутски. Не хуже владѣетъ якутскимъ языкомъ и русское населеніе области, часто забывающее свой родной языкъ. Даже большинство казаковъ и многіе мѣщане г. Якутска по-русски говорятъ съ якутскимъ акцентомъ.

Аѳанасій предложилъ довезти насъ, минуя Бете-Кѣльскій станокъ, расположенный въ горахъ Верхоянскаго хребта, до слѣдующаго,— Кень-Юряхскаго. Общее разстояніе — 140 верстъ (50+90). Въ виду изнуренности станочныхъ оленей, о чемъ меня предупредили въ Якутскѣ, я принялъ его предложеніе. Мы сошлись на 8-ми руб. деньгами и кирпичѣ чаю. Кромѣ 10-ти оленей, запряженныхъ въ 5 занятыхъ нами нартъ, взяли 5 штукъ запасныхъ, или, по мѣстному, заварныхъ оленей.

Нашъ поѣздъ увеличился: незадолго до остановки мы догнали казака, молва о которомъ дошла до насъ еще у Алдана. Онъ сопровождалъ арестантку—верхоянскую якутку, отбывавшую въ г. Якутскѣ 1½ мѣс. тюремнаго заключенія за кражу, и потерялъ препроводительный пакетъ. Бѣдный мальчикъ, ему всего 17 лѣтъ, потерялъ голову и, бросивъ свою арестантку, кинулся назадъ—отыскивать пакетъ. Теперь злополучный пакетъ былъ найденъ, и юный конвоиръ полегоньку догонялъ арестантку.

Часовъ около 3 утра, чуть забрезжилъ свѣтъ, собрали общими силами оленей и тронулись дальше,—гдѣ по камнямъ, гдѣ съ горки на горку. Черезъ 6 часовъ мы были у «хребта», т.-е. собственно у мѣста переправы черезъ хребетъ.

Есть двѣ дороги черезъ хребетъ: конная и оленная. Намъ пришлось переправляться по оленной,—по крутой, почти обледенѣлой горѣ. Торбасы мои оказались очень скользкими и хотя я берегъ силы и поднимался очень медленно, но усталъ скоро. Здѣсь были бы очень хороши альпійскіе башмаки, если ихъ сдѣлать теплыми. Гора чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась круче. Моя попытка дѣлать палкой ступени въ обледенѣломъ снѣгу оказалась неудачной. Пришлось прибѣгнуть къ помощи якутскаго ножа... Поползъ на четверенькахъ... Пройдя нѣсколько саженъ такимъ образомъ, я сорвался и порѣзалъ ножомъ руку. Кое-какъ, съ помощью палки, удалось мнѣ затормозить спускъ. Тѣмъ временемъ подоспѣлъ ко мнѣ на помощь Аѳанасій съ оленями, но едва я сѣлъ въ нарту, какъ олени, не выдержавъ моей тяжести, поѣхали внизъ. Пришлось соскочить съ нарты... Аѳанасій взялъ меня подъ руку и помогъ пройти нѣсколько саженъ, оставшихся до вершины горы. Не лучше моего карабкался и нашъ юный казакъ, потерявшій вдобавокъ во время подъема свою палку. Подъемъ на гору такъ меня утомилъ, что при слѣдовавшемъ затѣмъ крутомъ спускѣ я предпочелъ остаться въ нартѣ, вооружившись на всякій случай палкой, съ помощью которой и балансировалъ въ рискованныхъ мѣстахъ. Олени летѣли, какъ вихрь. На высокомъ крутомъ косогорѣ мнѣ понадобились всѣ мои силы, чтобы, упираясь палкой, удержать нарту отъ salto mortale. Удивительно, какъ такой дорогой возятъ женщинъ и дѣтей! Впрочемъ, съ осени устраивается другой путь въ Верхоянскъ *).

По всему подъему на хребетъ разбросаны кули съ казенной мукой: якуты подвозили ихъ, пока силъ хватало у оленей и оставляли до слѣдующей оказіи.

Вскорѣ добрались мы до Кень-Юряхскаго станка, сдѣлавъ въ сутки 140 верстъ по ужасной дорогѣ на проходныхъ оленяхъ.

II.

По Верхоянскому округу, до г. Верхоянска.

Менѣе двухъ часовъ послѣ переправы черезъ хребетъ проѣхали мы до Кень-Юряхскаго станка. Горы сплошнымъ кольцомъ окружаютъ станцію,—плохонькую юртешку съ ледяными окнами. Верхоянскій округъ начался еще на хребтѣ, а съ нимъ и другіе порядки. На станкѣ—казенный мѣдный умывальникъ, таблица съ разстояніями до Якутска, Верхоянска и до слѣдующей станціи. Гоньбу держатъ ламуты.

*) Открытъ съ октября 1902 года.

Проводя зиму въ юртѣ, лѣтомъ они перекочевываютъ со своимъ стадомъ на новое мѣсто. Съ дѣтства кочуя, дѣлая большіе переходы верхомъ на оленяхъ, ламуты даже грудныхъ младенцевъ пріучаютъ къ самостоятельности, привязывая колыбель къ сѣдлу оленя.

Угостили меня оленьимъ молокомъ. Молоко густое и вкусное, какъ хорошія сливки. Къ сожалѣнію, важенка даетъ всего съ чайную чашку молока, и оленями очень рѣдко пользуются, какъ дойнымъ скотомъ. Весьма вѣроятно, что если бы ихъ регулярно отдаивали, черезъ нѣсколько поколѣній удой значительно увеличился бы.

Ламуты не заставили насъ долго дожидаться оленей, и, немного отдохнувъ, мы продолжали свой путь.

Намъ повезло на встрѣчи. Не доѣзжая верстъ 10 до Серемской ст. встрѣтили казака, нарочнаго отъ барона Толя. Казакъ спѣшилъ, потому что ему обѣщана награда, если на десятый день по выѣздѣ изъ Верхоянска пріѣдетъ въ Якутскъ. Средняя быстрота ѣзды отъ Верхоянска до Якутска въ концѣ зимы—недѣли двѣ и болѣе. Везутъ скорѣе, если давать на чай, это, можетъ быть, одинъ изъ немногочисленныхъ фактовъ обрусѣнія. Осенью, на свѣжихъ оленяхъ можно проѣхать разстояніе между Верхоянскомъ и Якутскомъ (около 1.000 в.) въ 5—6 дней.

Вблизи станціи повстрѣчали цѣлый караванъ на 25-ти вьючныхъ лошадяхъ, перевозившій имущество колымскаго писаря Ковынина, мамонтовую кость, принадлежащую какому-то купцу, и часть клади г. Іохельсона, члена организованной американцами этнографической экспедиціи на сѣверъ. Лошади, какъ на подборъ, красивыя и рослыя. Караванъ идетъ изъ Колымска уже около 5-ти мѣсяцевъ.

По случаю Благовѣщенія у насъ была роскошная трапеза. Почетное мѣсто на столѣ занимала строганина изъ алданской стерляди. Строганину приготовляютъ изъ сильно промерзшей (сырой) рыбы, которую строгаютъ острымъ ножомъ на болѣе или менѣе тонкіе ломтики-стружки. Блюдо очень вкусное, особенно съ острой подливкой изъ горчицы или изъ соли. Бульонъ съ пельменями и котлеты дополняли нашъ обѣдъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станка меня просили посмотрѣть больныхъ. Больные—женщина и ребенокъ изъ многочисленнаго семейства писаря Ковынина. У обоихъ крупозное воспаленіе легкихъ. Въ грязной юртѣ, переполненной людьми и скотомъ, ихъ положеніе незавидно. Ѣдутъ изъ Средне-Колымска торговымъ путемъ, минуя Верхоянскъ, черезъ то мѣсто, гдѣ обозначенъ на картахъ г. Зашиверскъ и гдѣ на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ, кромѣ полуразвалившейся церкви да пары опустѣлыхъ юртъ.

Ближе къ г. Верхоянску населеніе нѣсколько гуще. У нѣкоторыхъ инородцевъ порядочное количество рогатаго скота и лошадей. Населеніе Якутской области, всего немного превышающее четверть мил-

ліона на пространствѣ около трехъ съ половиной милліоновъ квадр. верстъ, распредѣлено крайне неравномѣрно какъ по округамъ, такъ и въ предѣлахъ одного и того же округа. Въ среднемъ, въ якутскомъ округѣ приходится 1 чел. на 4,8 кв. в., а въ самыхъ населенныхъ наслегахъ на одну версту—40 чел. (!), а въ Верхоянскомъ округѣ на одного человѣка приходится 75,5 кв. в. въ среднемъ. Если вычесть наиболѣе населенныя части округа, то получится почти настоящая пустыня, гдѣ человѣкъ принадлежитъ къ чрезвычайно рѣдкимъ животнымъ. Приведенныя цифры я заимствовалъ изъ «Памятной книжки Якутской области на 1902 г.», изданія якутскаго статистическаго комитета. Цифры эти получатъ большую выразительность, если ихъ сравнить съ данными для другихъ странъ. Финляндія, по Реклю, самая населенная изъ всѣхъ странъ, лежащихъ подъ той же широтой. Въ южныхъ округахъ ея приходится по 18 чел. на 1 кв. в., а въ самой сѣверной изъ финляндскихъ губерній, Улеаборгской, большей частью своею лежащей за полярнымъ кругомъ—1,4 чел. на одну кв. в. *); т.-е. плотность населенія Улеаборгской губ. въ сто съ лишнимъ разъ превышаетъ плотность населенія Верхоянскаго округа.

Въ Верхоянскѣ (27-го марта) я засталъ возвращавшагося съ сѣверо-востока Азіи г. Іохельсона. Гг. Іохельсонъ и Богоразъ съ супругами образовали сибирскій отдѣлъ обширной американской экспедиціи, цѣль которой выясненіе родства сѣверо-американскихъ и сѣверо-азіатскихъ племенъ. Экспедиція собрала обширный фольклорный матеріалъ и массу предметовъ культа и обихода инородцевъ. Спеціальность г. Іохельсона—юкагиры, вымирающее племя нашего крайняго сѣверовостока, языкомъ которыхъ онъ вполнѣ владѣетъ. Черезъ два часа послѣ моего пріѣзда г. Іохельсонъ съ супругой выѣзжалъ изъ Верхоянска. Хотя они заняли только часть станціонныхъ оленей, а главнымъ образомъ частныхъ, для меня не оказалось оленей на станціи. Какъ человѣкъ болѣе просвѣщенный, содержатель городской станціи точно придерживался «кондицій».

Верхоянскъ—административный центръ округа, по обширности своей превосходящаго многія государства, нисколько не похожъ на городъ. Церковь, окружное полицейское правленіе, вновь учрежденное почтовое отдѣленіе, закоптѣлая и пропитанная міазмами сифилитическая лечебница, два-три магазина, немного частныхъ домовъ, если можно назвать домами эти неуклюжія избы, да дюжины 3—4 юртъ, разбросанныхъ на протяженіи верстъ полуторыхъ,—вотъ и весь Верхоянскъ. Ни на присутственныхъ мѣстахъ, ни на магазинахъ нѣтъ даже вывѣсокъ. Снѣжная пелена стыдливо прикрываетъ навозъ и грязь, и лишь коегдѣ конфузливо выглядываютъ неприкрытыя снѣгомъ свѣжія нечи-

---

*) Реклю. Земля и люди. Всеобщая географія. V. Вып. 2-й. Европейская Россія. Изд. картограф. завед. Ильина. 1883 г.

стоты. Окружающія Верхоянскъ горы образуютъ какъ бы края чашки, на днѣ которой онъ стоитъ. Благодаря близости рѣки Яны и нѣсколькимъ озерамъ, воды въ лѣтнее время чуть ли не больше, чѣмъ земли.

Проводивъ г. Іохельсона, я отправился къ исправнику. Ко мнѣ вышелъ небольшого роста добродушной наружности старичокъ въ сильно поношенномъ форменномъ сюртукѣ. Встрѣтилъ онъ меня очень привѣтливо и предложилъ похлопотать объ оленяхъ. Отъ исправника я попалъ въ компанію государственныхъ ссыльныхъ и съ ними провелъ вечеръ. За оживленной бесѣдой, за чаемъ и граммофономъ, мы просидѣли до глубокой ночи... Почти каждый изъ государственыхъ ссыльныхъ имѣетъ собственную юрту, которую многимъ пришлось строить собственноручно, а нѣкоторые пріобрѣли отъ уѣхавшихъ товарищей. Экономическое положеніе государственныхъ ссыльныхъ въ Верхоянскѣ незавидно. Пятнадцатирублеваго казеннаго пособія не хватаетъ при дороговизнѣ жизни здѣсь, а заработковъ очень мало. Особенно круто приходится семейнымъ, получающимъ всего на четыре рубля больше холостыхъ.

На другой день послѣ утренняго чая я посѣтилъ больницу, сифилитическую, потому что другой Верхоянскъ пока не имѣетъ. Возмутительное зданіе! Воздухъ хуже, чѣмъ въ якутскомъ хатонѣ (хлѣвѣ). Въ этомъ году отпущено 900 р. на ремонтъ, но больницу не ремонтировать надо, а сжечь! И больные производятъ безотрадное впечатлѣніе. Почти сплошь—третичныя формы сифилиса, и притомъ тяжелыя, трудно поддающіяся леченію... Огромная торпидная язва на ногѣ... Глубоко зіяющее отверстіе вмѣсто носа у семнадцатилѣтняго юноши, которому по росту и тѣлосложенію нельзя дать болѣе 11—12-ти лѣтъ. Восемь лѣтъ просидѣлъ онъ у камелька въ юртѣ своихъ родителей съ разрушаемымъ сифилисомъ носомъ, пока отца кто-то не надоумилъ отвезти мальчика въ больницу. За выѣздомъ врача, больницу мнѣ показывали фельдшера. Разспрашивая больныхъ, насколько умѣлъ, по-якутски, я, повидимому, доставилъ имъ большое удовольствіе.

Пообѣдавъ у одного изъ знакомыхъ, я остальную часть дня посвятилъ визитамъ. Навѣдался, между прочимъ, къ исправнику, который былъ такъ любезенъ, что нанялъ уже для меня лошадей. На слѣдующій день я получилъ отъ исправника приглашеніе на обѣдъ. Здѣшній исправникъ, Болеславъ Фелиціановичъ Кочаровскій, много лѣтъ служилъ въ сѣверныхъ округахъ. За обѣдомъ у него меня удивилъ ананасъ, поданный на третье блюдо. Консервированные ананасы привозятся сюда или изъ Якутска, гдѣ банка съ цѣлымъ сингапурскимъ ананасомъ стоитъ отъ 90 к. до 1 р. 50 к., или изъ Средне-Колымска, который, благодаря доставкѣ товаровъ сначала черезъ Гижигинскъ, а потомъ черезъ Олу, теряетъ свою экономическую зависимость отъ областного города. Въ Верхоянскѣ ананасъ стоитъ 2 р. 50 к.

Недавно открыто здѣсь филіальное отдѣленіе торговой фирмы Ко-

ковина и Басова. Эта фирма, сфера дѣятельности которой захватываетъ даже часть Китая и отчасти Европейскую Россію (чай «Цзинь-Лунь»), поставила торговлю въ Якутскѣ до нѣкоторой степени на европейскую ногу и удешевила товары.

За послѣдніе годы цѣны на привозные продукты въ Верхоянскѣ значительно понизились. Несомнѣнно, это въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать вліянію, правда, очень далекой отсюда (около 4.000 верстъ) Великой Сибирской ж. д., значительно удешевившей и ускорившей транспортъ. Вотъ для примѣра цѣны нѣкоторыхъ товаровъ: 1 фунтъ сахару стоитъ въ Верхоянскѣ 37 к. (25 к. въ Якутскѣ); 1 пудъ крупчатки 7 р. 80 к. (3 р. 60 к.—4 р. въ Якутскѣ). Сносное байковое одѣяло—7 р. Простой стеклянный стаканъ—40 к. Даже при теперешнихъ цѣнахъ въ Якутскѣ товары могли бы продаваться дешевле: % слишкомъ высокъ. Но если сравнить теперешнія цѣны съ цѣнами, приведенными г-номъ Діонео для Колымска,—разница получится огромная. А въ Колымскѣ цѣны понизились еще болѣе. Пудъ ржаной муки, стоившій десять—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ 12 р., теперь продается за 4—5 р.

Всего болѣе славенъ Верхоянскъ своими морозами. Въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ соперниковъ на земномъ шарѣ, т. к. здѣсь—полюсъ холода. Минимальная температура достигаетъ—56° R (—70° C); средняя температура зимы—37, 4° R. При мнѣ въ ночь съ 28-го на 29-е марта было—36° R.

Прогостивъ двое сутокъ въ Верхоянскѣ, я былъ готовъ тронуться въ дальнѣйшій путь. Нѣсколько человѣкъ собралось меня проводить. Я угостилъ ихъ на прощанье привезенными изъ Якутска мерзлыми яблоками. Яблоки произвели фуроръ: нѣкоторые, давно покинувшіе Россію, не ѣли ихъ лѣтъ десять.

III.

Внизъ по Янѣ.

Когда мы 30-го выѣзжали изъ Верхоянска, барометръ падалъ и здѣшніе метеорологи предсказывали пургу. Снѣгъ, какъ зарядилъ съ утра, такъ и шелъ весь день. Ночью было «сиверко». Мело... Въ пятидесяти верстахъ отъ Верхоянска мы остановились, чтобы дать отдохнуть лошадямъ послѣ трудной дороги по глубокому снѣгу. Не лучше былъ и дальнѣйшій путь. Снѣгъ продолжалъ валить. Намело цѣлые сугробы. Лошади съ трудомъ пробирались—мѣстами почти по брюхо въ снѣгу.

Снѣжная погода, однообразная холмистая мѣстность съ голымъ лиственичнымъ лѣсомъ. Около Басской поварни, гдѣ мы останавливались,—небольшая лѣсная рѣчка, впадающая въ Яну. Неподалеку отъ нея трупъ крупнаго оленя-самца, вѣроятно, зарѣзаннаго волкомъ, уже

почти занесенный снѣгомъ. Съ трудомъ различали засыпанныя снѣгомъ дорожныя вѣхи. Но сильныя лошади со спокойною увѣренностью прокладывали путь по безлюдной странѣ.

Къ вечеру я заснулъ крѣпкимъ сномъ и видѣлъ себя далеко отъ полярнаго круга, который переѣхалъ еще передъ Верхоянскомъ. «Ключи давай! Чай пить...» Съ трудомъ просыпаюсь... Какая-то странная комната, скамейки у стѣнъ... «Къ жителямъ пріѣхали!» отвѣчаетъ ямщикъ на мой молчаливый вопросъ. А я такъ и не могу сообразить, какъ я сюда попалъ съ нарты. Продираю глаза окончательно. Рослый якутъ ямщикъ стоитъ передо мной, ухмыляясь во весь ротъ. Грязная, переполненная многочисленнымъ якутскимъ семействомъ юрта. Одиннадцатый часъ вечера. Огонь неизмѣннаго камелька освѣщаетъ невеселую картину. Почти возлѣ меня только что перестаіъ стонать больной парень, котораго я накормилъ пельменями и напоилъ горячимъ чаемъ. Еще раздаются стоны въ болѣе отдаленномъ углу юрты. Кашляютъ... При вспышкахъ огня видно, какъ корова апатично пережевываетъ свою жвачку. Низкій потолокъ словно давитъ грудь. Понемногу засыпаютъ обитатели юрты. Похрапываетъ ямщикъ. Скорчившись въ три погибели, пролѣзаю сквозь крошечную дверь и выхожу на воздухъ. Отдыхаютъ усталые кони. Въ нартѣ спитъ казакъ. Вѣтеръ. Луна, просвѣчивавшая сквозь окутавшую все небо туманную завѣсу, скрылась. Небо прояснило. Еще блещутъ звѣзды, но разсвѣтъ уже близокъ. Якутъ влѣзаетъ на крышу, чтобъ закрыть трубу,—заслонки не практикуются въ этихъ мѣстахъ, и трубу закрываютъ снаружи...

Въ юртѣ почти темно, лишь тускло горитъ моя свѣча на столѣ. Рядомъ со мной теленокъ, какъ-то смѣшно задравъ голову, почесываетъ себѣ спину. Сѣлъ почитать, чтобы утромъ пораньше разбудить ямщика съ казакомъ. Я и не пожалѣлъ, что не спалъ, такъ какъ не упустилъ случая полюбоваться чуднымъ восходомъ солнца. Около 4 ч. утра солнце огненнымъ шаромъ начало выкатываться изъ-за лѣса, далеко вокругъ себя разбрызгивая золотые лучи. А по бокамъ восходящаго солнца вздымаются широкіе вертикальные радужные столбы: какъ будто заря, не желая потухнуть такъ рано, раздѣлилась надвое, чтобы поглотить дневное свѣтило... Солнце уже поднялось надъ лѣсомъ, а столбы все не исчезаютъ. Болѣе широкіе у основанія, они постепенно суживаются, поднимаясь надъ горизонтомъ, и такъ же постепенно теряются въ безоблачной синевѣ неба, бросая кверху слабый снопъ лучей.

А въ юртѣ еще ночь борется съ предразсвѣтными сумерками: два отверстія въ стѣнѣ, изображающія окна, плохо удовлетворяютъ своему назначенію. Просыпаются «жители». Встаетъ, тяжело сопя и отдуваясь, ямщикъ. Пора и въ путь!

На станціи насъ встрѣтила отборною руганью старуха-эмерячка, испуганная хлопаньемъ двери и громкими голосами. Эмерячество—видъ,

*

истеріи, очень распространенный въ якутской области. Чаще ею страдаютъ женщины, но далеко не рѣдко и мужчины. Русскіе подвержены этой болѣзни наравнѣ съ инородцами. Проявленія болѣзни состоятъ въ томъ, что больной, напр., повторяетъ жесты и тѣлодвиженія окружающихъ, чѣмъ нерѣдко пользуются для гнусной потѣхи надъ женщинами. Больные иногда повторяютъ слова и цѣлыя фразы на незнакомомъ имъ языкѣ, особенно если эти фразы произнесены повышеннымъ тономъ. Другіе, испуганные внезапнымъ окрикомъ или вообще громкимъ звукомъ, начинаютъ ругаться неприличными словами, а то и драться. Болѣзнь эта не новая. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ эмерячка поколотила одного изъ спутниковъ барона Врангеля.

Вскорѣ послѣ нашего выѣзда со станціи закрутила пурга, такъ что кругомъ почти ничего не было видно. Но олени попались добрые, и мы проѣхали въ 4 часа 50 верстъ. Гдѣ горы, гдѣ лѣсъ защищали насъ отъ метели, и только мѣстами приходилось тащиться по глубокому снѣгу. Все-таки нѣсколько разъ я задыхался въ насыщенной мелкимъ снѣгомъ атмосферѣ. Впрочемъ, въ лѣсной полосѣ метель не такъ страшна. Другое дѣло пурга въ тундрѣ. Она задерживаетъ иногда на двѣ-на три недѣли путника, а пустившійся въ дорогу рискуетъ погибнуть въ снѣжныхъ сугробахъ. Мнѣ разсказывалъ казакъ, какъ ему пришлось однажды съ чиновникомъ, котораго онъ сопровождалъ, высидѣть изъ-за пурги три недѣли въ поварнѣ. Все съѣли... принялись за оленей, на которыхъ ѣхали.

Когда мы выѣхали изъ низкой и дымной поварни, послужившей намъ пріютомъ часа на два, пурга продолжалась. Черезъ нѣсколько часовъ пути мы подъѣхали къ Кургунсалахской поварнѣ. Эта поварня построена купцами Санниковыми, а не «казной». Ведущіе по необходимости полукочевой образъ жизни купцы и промышленники выстраиваютъ на пути своихъ обычныхъ передвиженій поварни, которыя становятся мѣстами остановокъ для всѣхъ—очень немногочисленныхъ проѣзжающихъ. Это относится къ крайнему сѣверу: до Верхоянска встрѣчаются только казенныя поварни.

Кургунсалахская поварня оказалась выше, просторнѣй и чище большинства предыдущихъ. Для насъ это было тѣмъ болѣе пріятно, что здѣсь мы встрѣтили постояльцевъ. Это были якуты-промышленники. Съ помощью силковъ и самострѣловъ они промышляли звѣря и птицу, преимущественно зайцевъ и куропатокъ. Есть и лисица: «въ лѣсу много, да не такъ легко дается», говорятъ. Я купилъ у нихъ за двугривенный—къ большому ихъ удовольствію—четырехъ бѣлыхъ куропатокъ. Кромѣ того промышленники поднесли мнѣ небольшую сову и красивую кукшу, называемую по-якутски «нюхагой», за что я имъ презентовалъ восьмушку махорки.

1-го апрѣля мы очутились въ обществѣ нѣсколькихъ якутовъ-под-

рядчиковъ и пробирающагося пѣшкомъ на станокъ «хамначита» (чернорабочаго). Тѣсно. Слѣва отъ меня охалъ и кашлялъ больной; уже нѣсколько дней задержанные его болѣзнью товарищи прожили съ нимъ въ поварнѣ. Время отъ времени, отрываясь отъ книги, я подбрасывалъ дровъ въ камелекъ, что иногда дѣлалъ за меня «хамначитъ», просыпавшійся отъ холоду, лишь только камелекъ начиналъ гаснуть. Намаявшіеся за день ямщики спали крѣпко.

Вскорѣ по выѣздѣ, на другой день встрѣтили возвращающагося съ разъѣздовъ по участку верхоянскаго врача М. А. Образцова. Докторъ былъ на Индигиркѣ, въ Устьянскѣ, Булунѣ. Сдѣлалъ 4.000 верстъ, объѣхавъ меньше половины участка. Недостатокъ, порою даже полное отсутствіе врачебной помощи больное мѣсто и не такихъ отдаленныхъ окраинъ Россіи. А въ верхоянскомъ округѣ—одинъ врачъ на пространствѣ чуть ли не больше всей Германіи (см. выше), а въ случаѣ перевода врача въ другой участокъ округъ рискуетъ на много лѣтъ остаться безъ врача, какъ это недавно было съ колымскимъ. Разъѣздная система, при здѣшнихъ разстояніяхъ и малой населенности края, не имѣетъ смысла. Можно, пожалуй, разъ или два въ годъ по-курьерски объѣхать свой участокъ, употребивъ на проѣздъ добрую треть года и не сдѣлавъ ничего. А амбулаторное и стаціонарное леченіе отъ этого страдаетъ, такъ какъ больница надолго остается безъ врача. Но разъѣздная система существуетъ, хотя каждая поѣздка по участку составляетъ цѣлое путешествіе, чуть не экспедицію. Почему-то это требуется для отчета.

Жители стали попадаться очень рѣдко. Можно проѣхать верстъ полтораста по тракту, не встрѣтивъ и признаковъ жилья. Только однѣ поварни служатъ пріютомъ иззябшему путнику, и человѣку непосвященному трудно себѣ представить, какъ иной разъ пріятно бываетъ подъѣзжать къ поварнѣ, одинокому, маленькому, закоптѣлому зданьицу, теряющемуся среди неизмѣримой снѣжной пустыни. И душно, и грязно въ поварнѣ, но за то обогрѣешься у камелька, напьешься горячаго чаю, разомнешь усталые затекшіе члены, сбросивъ надоѣвшую мѣховую одежду или хоть часть ея.

Мы думали кормить оленей у поварни, верстъ за 30 отъ жителей, но тамъ не оказалось дровъ. Конечно, дровъ можно было достать, такъ какъ вокругъ поварни есть хоть и мизерный лѣсокъ, но ямщикамъ не улыбалась перспектива самимъ рубить дрова. Въ данномъ случаѣ наши интересы совпадали, такъ какъ для меня чѣмъ скорѣй и ближе къ цѣли путешествія, тѣмъ лучше.

Преддверіе тундры... Огромное снѣжное пространство... Ни кустика! Изрѣдка небольшіе голые холмики дѣлаютъ тщетную попытку нарушить утомительное однообразіе пустыни. Болото, скованное дѣдушкой морозомъ, чтобы оно не портило стройной гармоніи зимняго пейзажа.

Съ наступленіемъ лѣта оно снова станетъ непроходимымъ. Лѣтомъ даже верхомъ здѣсь ѣздятъ только на оленяхъ,—черезчуръ зыбка почва для такого тяжелаго животнаго, какъ лошадь.

Былъ изрядный морозъ. Туманъ надвигался и сгустился такъ, что ни зги не видно. Насилу отдышался: точно кошмаръ сдавилъ грудь. Я помню, нѣчто подобное я испытывалъ въ душную лѣтнюю ночь на Волгѣ. Ночь была темная, небо, какъ черная зіяющая бездна. Звѣзды ярко блестѣли... И такъ тяжело было дышать. Очевидно, крайности сходятся: хотя не было ни тепла, ни звѣздъ, ни самаго неба въ окутанной туманомъ безбрежной тундрѣ, но ощущеніе я испыталъ почти тожественное.

Вблизи Казачьяго я въ первый разъ увидѣлъ ѣзду на собакахъ. Штукъ шесть псовъ, ростомъ развѣ немного побольше обыкновенныхъ дворняжекъ, везли нарту. Въ нартѣ сидѣла внушительныхъ размѣровъ якутка, а рядомъ съ собаками въ припрыжку бѣжалъ каюръ-якутъ. Собаки обнаружили слишкомъ большую симпатію къ нашимъ оленямъ, такъ что каюру пришлось ихъ успокаивать съ помощью довольно солидной дубинки, и онѣ съ лаемъ и визгомъ продолжали свой путь.

IV.

Село Казачье и Усть-Янскій улусъ

Если вы будете искать на картѣ село Казачье, то врядъ ли найдете. На висящей передо мной картѣ изданія картографическаго заведенія Ильина есть не существующій нынѣ Зашиверскъ, есть и другіе сомнительные пункты, но нѣтъ Казачьяго. Это, такъ сказать, административно-географическое недоразумѣніе. Въ выданномъ мнѣ изъ якутскаго областного правленія открытомъ листѣ конечнымъ пунктомъ проѣзда выставленъ Усть-Янскъ, откуда мнѣ предстояло быть доставленнымъ на судно «средствами экспедиціи». На языкѣ открытыхъ предписаній Усть-Янскъ и есть Казачье, хотя подлинный Усть-Янскъ находится на 30 верстъ ниже по теченію Яны и состоитъ изъ двухъ обитаемыхъ юртъ.

Село Казачье лежитъ за 70° с. ш., приблизительно на одной параллели съ самою сѣверною оконечностью европейскаго материка, мысомъ Нордкапомъ. Это одно изъ самыхъ сѣверныхъ селеній Сибири. Входя въ составъ Верхоянскаго округа, с. Казачье само по себѣ является культурнымъ и торговымъ центромъ обширнаго, хотя чрезвычайно мало населеннаго, края. Село не можетъ похвастаться своимъ видомъ. Расположенное на пригоркѣ, какъ бы для лучшей вентиляціи не по сибирски тѣсно построенныхъ жилищъ, Казачье состоитъ изъ группы тѣсно сбитыхъ въ кучу и кое-какъ посаженныхъ избъ или «домовъ» съ плоскими крышами и старенькой низенькой деревянной церкви. За

небольшимъ оврагомъ, или «логомъ» одиноко стоитъ зданіе инородческой управы. Къ управѣ ведетъ съ берега крутой подъемъ.

Пришлось слѣзть съ нарты, чтобы по аляповато и неудобно высѣченнымъ въ обледенѣломъ снѣгу ступенямъ подняться къ управѣ, гдѣ жилъ инженеръ-технологъ М. И. Брусневъ—посредникъ между экспедиціей и внѣшнимъ міромъ. Здѣсь же и я остановился.

Погода здѣсь въ апрѣлѣ такая, какъ въ средней полосѣ Европейской Россіи бываютъ въ самыя суровыя зимы. При мнѣ t° доходила до —26° С. Два дня, по крайней мѣрѣ, не было вѣтра и днемъ стояла даже пріятная погода. Признаковъ оттепели никакихъ. Послѣ двухдневнаго затишья снова задулъ вѣтеръ, метровъ до 6 или немного болѣе въ секунду. Барометръ на метеорологической станціи *) сначала поднялся до 764 mil., но скоро началъ падать. Вѣтры здѣсь почти постоянные, только въ очень сильные морозы бываетъ штиль. Особенно силенъ и продолжителенъ бываетъ западный вѣтеръ. Впрочемъ, зима теплѣе, чѣмъ въ Верхоянскѣ. Средняя температура зимы—$30{,}_2$ R. Умѣряющее вліяніе на климатъ оказываетъ близость моря. Лѣто холодное.

Населеніе на территоріи Усть-Янскаго улуса, инородческая или «инородная» управа котораго находится въ Казачьемъ, состоитъ изъ русскихъ, якутовъ, тунгусовъ, юкагировъ. Нижнее теченіе рр. Индигирки и Яны составляетъ территорію этого улуса. Не только тунгусы и юкагиры, но и якуты, осѣдлые еще въ южной части Верхоянскаго округа, ведутъ преимущественно кочевой образъ жизни **). Тунгусы занимаются оленеводствомъ и многіе еще презираютъ собакъ въ качествѣ ѣздового скота, хотя и охотятся съ собаками. Русскіе образуютъ въ с. Казачьемъ крестьянское общество, но настолько объякутѣли, что ни по языку, ни по образу жизни не отличаются отъ якутовъ. Большинство не говоритъ по-русски или говоритъ очень плохо. Гораздо устойчивѣе оказались мѣщане Русскаго Устья, которые, какъ я слыхалъ, сохранили свой языкъ и даже много старинныхъ русскихъ пѣсенъ, давно забытыхъ въ самой Россіи. Многія слова и обороты этихъ пѣсенъ, конечно, непонятны для нихъ и повторяются чисто механически, какъ иногда въ старинныхъ якутскихъ сказкахъ, мало понятныхъ для современныхъ слушателей, и все же любимыхъ ими.

Жителей въ Казачьемъ зимой до ста человѣкъ, а лѣтомъ остается семьи четыре, между прочимъ священникъ и писарь. Остальные перекочевываютъ. Сильные вѣтры, почти полное отсутствіе путей сообщенія, благодаря болотистой тундрѣ, одни и тѣ же скучающія лица каждый

---

*) Русской полярной экспедиціей устроены станціи въ Верхоянскѣ, Казачьемъ, Русскомъ Устьѣ и Средне-Колымскѣ. Наблюденія въ Казачьемъ производятся 3 раза въ сутки, въ Верхоянскѣ—ежечасно.

**) Въ виду чего якуты Усть-Янскаго улуса не имѣютъ родовыхъ управленій.

день,—все это дѣлаетъ лѣтнее пребываніе здѣсь чуть ли не хуже зимняго. Торговцы, придающіе селу оживленіе, послѣднимъ зимнимъ путемъ, когда большинство инородцевъ и крестьянъ перекочевали, переѣзжаютъ съ семьями на Булунъ, гдѣ и лѣтуютъ. На пароходѣ они везутъ по Ленѣ пушнину въ Якутскъ и закупаютъ тамъ товары.

Кромѣ коренной здѣшней фирмы Я. Ф. Санникова и его племянниковъ, здѣсь живетъ приказчикъ фирмы А. И. Громовой, довѣренный которой имѣетъ резиденцію въ Булунѣ и разъѣзжаетъ съ товарами по всему округу; въ порядочныхъ размѣрахъ ведутъ торговлю братья Кушнаревы и не мало другихъ торговцевъ. Крупная фирма Коковина и Басова, о которой я упоминалъ, думаетъ, кажется, и здѣсь завести резиденцію.

Торговля ведется преимущественно мѣновая и лишь отчасти денежная. Впрочемъ, деньги являются мѣриломъ цѣнности. Цѣны на товары, разумѣется, весьма высокія, тѣмъ болѣе, что въ торговлѣ процвѣтаетъ своего рода двойная бухгалтерія. Получая, во-первыхъ, порядочный процентъ непосредственно на товаръ, купецъ, во-вторыхъ, повышаетъ этотъ процентъ do nec plus ultra пониженіемъ дѣйствительной стоимости пушнины, являющейся средствомъ платежа. Такъ какъ инородецъ вынужденъ бываетъ продавать еще не пойманнаго звѣря, слѣдовательно торговля ведется въ кредитъ, то препятствій къ этимъ финансовымъ махинаціямъ со стороны инородцевъ не встрѣчается, да и крайнее невѣжество ихъ этому содѣйствуетъ. Однако, инородецъ, по крайней мѣрѣ якутъ, уже начинаетъ познавать философскую сущность денегъ, такъ что при расплатѣ за мелкія услуги и за продукты мнѣ, во время моей поѣздки, почти не было надобности въ махоркѣ и кирпичномъ чаѣ, рекомендуемыхъ въ качествѣ монетныхъ единицъ. Ихъ роль съ успѣхомъ игралъ двугривенный.

Приведу цѣны нѣкоторыхъ продуктовъ при покупкѣ на наличныя деньги въ селѣ Казачьемъ.

Названіе товара.	Единица мѣръ.	Цѣна въ Казачьемъ.	Цѣна въ Якутскѣ.
сахаръ.	1 пудъ	16—20 р.	8—10 р.
масло коровье . . .	» »	24 »	12—15 »
свѣчи стеаринов . .	1 фунтъ	50 к.	30 к.
мука крупчатая . .	1 пудъ	7 »	3 р. 60 »
» ржаная	1 »	3 »	1 » 05 »
спички	1 тысяча	отъ 20 до 50 к.	— 10 »

Стоимость провоза отъ Якутска не превышаетъ 2-хъ—3-хъ рублей съ пуда.

Далеко не безвыгодную отрасль торговли составляетъ тайная продажа спирта. Охотниковъ до этой торговли, не требующей ни гильдіи, ни торговаго свидѣтельства, сколько угодно. Бутылка водки якутской очистки, стоющая въ Якутскѣ 50 к., здѣсь продается за 5 р. (!).

Этою отраслью коммерціи не брезгуютъ даже люди, сану коихъ, казалось бы, вообще, не подобаетъ занятіе торговлей. Кабакъ же въ Казачьемъ начальство не разрѣшаетъ открыть, ничего не имѣя противъ открытія его въ Усть-Янскѣ, гдѣ всѣхъ жителей—двѣ семьи. Конечно, отъ рока не уйдешь, и кабаки откроютъ со временемъ,—хотя-бъ и въ Усть-Янскѣ, если введеніе винной монополіи въ области не разрѣшитъ этого вопроса какъ-нибудь иначе.

Въ вывозной торговлѣ видное мѣсто занимаютъ пушнина и мамонтова кость. Послѣднюю добываютъ, главнымъ образомъ, на берегу моря и на Ново-Сибирскихъ островахъ. Впрочемъ, какъ промыселъ пушнины, такъ и добыча мамонтовой кости—старинные предмысла здѣшняго населенія—находятся въ упадкѣ. Зависитъ ли это отъ вымиранія и обѣднѣнія инородцевъ, или отъ иныхъ причинъ, рѣшить не берусь въ виду недостатка матеріала. Несомнѣнно, что сто и полтораста лѣтъ тому назадъ тундра была болѣе населенна. Между тѣмъ, промышленники жалуются, что звѣря стало меньше.

Менѣе значительную роль, какъ промыселъ, ограниченный предѣлами якутской области, играетъ торговля мѣстными, преимущественно мѣховыми, издѣліями. Какъ спеціальность Верхоянска лѣтняя обувь—сары, такъ спеціальность мѣстныхъ жителей—торбаса,—зимняя обувь. Здѣшніе торбаса славятся по всей области. Самые нарядные стоятъ до 15 р. пара; совсѣмъ простыя—2 или 3 р., въ зависимости отъ длины голенища. Выдѣлываютъ изъ ровдуги рубахи, называемыя камлейками, которыя лѣтомъ замѣняютъ кухлянку, а зимой очень хороши поверхъ кухлянки, какъ защита отъ вѣтра. Кухлянку я пріобрѣлъ за 10 р. съ волчьей опушкой на воротѣ и рукавахъ. Она легче, длиннѣй и теплѣй моей болѣе дорогой лисьей куртки. Устьянскій банкиръ экспедиціи Я. Ѳ. Санниковъ подарилъ мнѣ рукавицы, песцовыя, съ бѣличьей оторочкой и даже съ маленькой опушкой изъ бобра, вѣрнѣе выдры.

Аристократическій цвѣтъ для кухлянокъ и торбасъ—черный; эти цѣнятся всего дороже. Здѣсь и бѣлые есть высокаго качества, а въ другихъ мѣстахъ это—низшій сортъ.

Что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя,—это успѣхъ—я скажу—*культурной* миссіи якутовъ. Ассимилируя племена кочевниковъ, они, правда, лишаютъ историковъ культуры и этнографовъ интереснаго матеріала, но зато подготавливаютъ тѣхъ къ переходу въ болѣе высокую стадію культуры. Якуты сравнительно недавніе пришельцы въ этомъ краѣ *), а между тѣмъ они задаютъ тонъ. Молодое поколѣніе тунгусовъ не знаетъ или неохотно говоритъ по-

*) Между прочимъ интересно, что на якутскомъ языкѣ, относительно богатомъ словами, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ слова туманъ, которое они заимствуютъ у русскихъ. А туманы—постоянное явленіе на побережьѣ океана.

тунгусски, предпочитая якутскую рѣчь. Тунгусъ-охотникъ прекрасно управляетъ собачьей нартой, тогда какъ его отецъ или дѣдъ еще презрительно улыбнется этому способу передвиженія. Юкагировъ здѣсь немного: больше на Индигиркѣ и далѣе къ востоку. Тѣ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, не говорятъ по-юкагирски. Нѣкоторые еще не знаютъ по тунгусски, и большинство смѣшиваетъ себя съ тунгусами, чему, можетъ быть, способствуетъ общее для нихъ названіе на якутскомъ языкѣ: «омукъ». Слово это, кажется, обозначаетъ нѣчто подобное тому, что у нашихъ предковъ обозначало слово: «нѣмецъ».

Собакъ въ здѣшній край завезли, повидимому, русскіе,—по крайней мѣрѣ слова «нарахъ-нарахъ» или «нара-нара» (налѣво) и «такъ-такъ» (направо) происхожденія не здѣшняго,—скорѣе остяцкаго (??) и здѣсь употребляются только при управленіи собаками, которыя слушаются команды кара.

Мѣстную интеллигенцію въ с. Казачьемъ представляетъ священникъ, писарь и купечество. На моей обязанности, въ качествѣ проѣзжающаго и вдобавокъ участника экспедиціи, лежало дѣлать визиты и обойти притомъ всѣхъ, чтобы никого не обидѣть. А такъ какъ и дѣлать больше мнѣ было нечего, да и познакомиться съ полярной интеллигенціей было интересно, я неукоснительно исполнилъ свой долгъ. Первомъ дѣломъ слѣдовало посѣтить Я. Ѳ. Санникова. Яковъ Ѳедоровичъ—исконный мѣстный житель. Уже четвертое поколѣніе Санниковыхъ—съ конца восемнадцатаго столѣтія—имѣетъ главную (зимнюю квартиру) въ Казачьемъ. Я. Ѳ.—бодрый, веселый старикъ, прекрасно знающій край, очень наблюдательный. До сихъ поръ ни разу онъ не выѣзжалъ изъ предѣловъ якутской области: болѣе 30 или 40 лѣтъ фирма Громовыхъ служила для него посредницей при сбытѣ пушнины.

Въ чемъ-то не поладивъ съ представителями фирмы, старикъ рѣшилъ самъ ѣхать въ Москву, чтобы найти сбытъ на мѣстѣ. По-русски Я. Ѳ. говоритъ хорошо, но не безъ инородческаго акцента.

Отъ Я. Ѳ. мы отправились къ священнику. Съ просѣдью, но здоровый, крѣпко сложенный мужчина, о. Фрументій оказался даже моимъ коллегой, такъ какъ, за отсутствіемъ врачебной помощи, пользуетъ жителей домашними средствами и такими незатѣйливыми лекарствами, какъ хининъ. Обстановка у о. Фрументія оказалась довольно комфортабельной... Такъ пріятно было послѣ дорожныхъ мытарствъ посидѣть въ вѣнскомъ креслѣ! Принялъ насъ батюшка очень радушно. Гостепріимство—отличительная черта сибиряковъ, и крайній сѣверъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія: вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось бывать во время моего путешествія, я встрѣчалъ самый радушный пріемъ.

Разносятъ на подносѣ чай съ крупчатымъ печеньемъ. За чаемъ—неизбѣжная батарея бутылокъ съ коньякомъ, водкой, рябиновкой и иными напитками и закуска: икра паюсная (увы, московская! хотя и

въ Янѣ, и въ Ленѣ сколько угодно прекрасной икры, но ее не умѣютъ засаливать); оленьи языки и юкола—мѣстныя лакомства. Юкола—вяленыя и копченыя рыбьи спины—вкусомъ напоминаетъ нашу воблу.

Любопытно, что женщины, особенно молодыя, къ гостямъ не выходятъ,—обычай слишкомъ южный для такихъ сѣверныхъ широтъ.

Закончилось мое пребываніе въ Казачьемъ музыкально-вокально-танцовальнымъ утромъ. Мы пригласили якута,—пѣвца и поэта, почти слѣпого вслѣдствіе перенесенной имъ трахомы. Его монотонная, съ заунывными переливами пѣсня, импровизированныя имъ въ мою честь, не произвела на меня должнаго впечатлѣнія своимъ ровнымъ и грустнымъ, какъ окрестная снѣжная равнина, напѣвомъ. А изъ ея словъ я понималъ лишь то, что мнѣ переводили, не относясь, быть можетъ, съ достаточнымъ уваженіемъ къ передачѣ красотъ якутскаго стиля. Талантъ якутскаго Демодока обнималъ почти всѣ отрасли искусства. Закончивъ вокальную часть, онъ сплясалъ намъ два танца, состоявшихъ въ странномъ переминаніи съ ноги на ногу. Каждый изъ этихъ танцевъ — принадлежность отдѣльнаго рода, или семьи, и представляетъ, надо полагать, пережитокъ воинственной пляски временъ родового быта.

Музыкальный инструментъ, который также фигурировалъ въ нашемъ «утрѣ», представляетъ изъ себя подобіе камертона съ тонкой стальной пластинкой между дужками Дужки берутъ въ зубы и, ударяя пальцемъ по пластинкѣ, извлекаютъ изъ этого «инструмента» звуки, едва ли очень пріятные для европейскаго уха. Тѣмъ не менѣе выносишь отъ этой музыки, какъ и отъ пѣнія, нѣсколько грустное впечатлѣніе, чему содѣйствуетъ, конечно, и личность пѣвца.

Съ Казачьимъ я успѣлъ ознакомиться лучше, чѣмъ съ Верхоянскомъ, потому что мнѣ пришлось прожить здѣсь цѣлыхъ пять дней. Моя остановка была вызвана тѣмъ, что ожидавшій меня нѣсколькими днями позже М. И. Брусневъ только что выслалъ къ побережью океана, куда мнѣ предстояло проѣхать на оленяхъ, собакъ, которыя нуждались въ отдыхѣ, прежде чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Да и оленей не такъ-то скоро можно было собрать.

Въ Казачьемъ я безъ особеннаго сожалѣнія распростился со своимъ казакомъ, командированнымъ изъ Якутска. Взамѣнъ его М. И. Брусневъ подыскалъ мнѣ очень симпатичнаго молодого якута. Къ 7-ми часамъ вечера 9-го апрѣля олени были готовы, и я покинулъ послѣдній населенный пунктъ.

V.

Къ Ледовитому океану.

До Устьянска меня проводилъ М. И. Брусневъ на своихъ трехъ собакахъ. Дорога проходитъ по самой рѣкѣ Янѣ. Дулъ рѣзкій холод-

ный вѣтеръ, который проникалъ всюду, находя уязвимыя мѣста и тамъ, гдѣ, повидимому, я хорошо защитилъ себя отъ него.

Съ Устьянска мы уже въ дельтѣ Яны, такъ какъ въ 10-ти верстахъ отъ Казачьяго отдѣляется первый ея рукавъ,—Сомондонъ. За Устьянскомъ около 30-ти верстъ мы ѣхали по холмистой, покрытой мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ мѣстности. Попался даже холмъ съ болѣе крупнымъ лѣсомъ у подошвы его.

Съ головой спрятавшись отъ вѣтра въ теплое заячье одѣяло, которымъ снабдилъ меня М. И. Брусневъ, я заснулъ. Когда я проснулся, солнце высоко уже стояло надъ горизонтомъ, бросая косые лучи на одиноко стоявшую среди тундры юрту. Молодой красивый якутъ посмѣивался, что я проспалъ пургу; ну, видно, не сильная была. Жители юрты—тунгусы. Женщины съ довольно пріятными чертами лица.

Еще послѣ одной остановки мы пріѣхали къ богатому тунгусу. Тунгусъ этотъ—Гаврила Сампсоновичъ Санниковъ—живетъ зимой въ 135-ти верстахъ отъ Казачьяго. Съ казачинскими Санниковыми въ родствѣ не состоитъ,—только ихъ однофамилецъ. Большинство инородцевъ носятъ фамиліи живущихъ въ окрестности русскихъ, и только богатые,—«почетные» инородцы хорошо помнятъ свою фамилію.

У Гаврилы Санникова болѣе двухъ тысячъ оленей,—мѣстный тузъ, а юрта его нисколько не лучше, чѣмъ у средняго состоянія якута. Такой же несоразмѣрно малый входъ,—какая-то дыра вмѣсто двери, тотъ же ледъ въ окнахъ вмѣсто стекла. Богатые якуты на югѣ живутъ много комфортабельнѣй. Мнѣ приходилось, за мою бытность въ Якутскѣ, посѣщать Лепчикова, въ Восточно-Каталасскомъ улусѣ, въ 45-ти верстахъ отъ города. У того большая, свѣтлая юрта, раздѣленная на нѣсколько комнатъ, вѣнская мебель, ковры.., а вблизи хорошій домъ для лѣтняго жилья (зимой много дровъ уходитъ!).

Когда я вошелъ въ юрту Санникова, въ переднемъ углу—подъ образами въ богатой оправѣ—стоялъ покрытый клеенкой столъ. На столѣ уже было готово угощеніе. Бутылка водки, серебряная золоченая чарка на подносѣ; на двухъ тарелкахъ закуска: халхъ,—молочный продуктъ, нѣсколько напоминающій вкусомъ чухонское масло, съ небольшой кислотцой, и кусокъ до нельзя засохшей почти несъѣдобной копченой колбасы: очевидно, хозяинъ хотѣлъ угостить меня по-европейски. На мой наивный вопросъ не держитъ ли Г. С. коровъ, всѣ разсмѣялись: что за коровы въ тундрѣ,—молочные продукты привозятся съ юга. Хозяинъ—мужчина высокаго роста съ изможденнымъ лицомъ и впалою грудью. Родился и выросъ въ тундрѣ и ничего, кромѣ тундры, не видалъ. Не былъ ни въ Якутскѣ, ни даже въ Верхоянскѣ, такъ что при всемъ своемъ богатствѣ не видалъ той диковинной страны, гдѣ растетъ лѣсъ, изъ котораго строятъ большіе дома, гдѣ водятся странныя животныя,—коровы, гдѣ много всякихъ рѣдкостей.

Мой переводчикъ Дмитрій шепнулъ мнѣ, что надо отблагодарить хозяевъ за угощеніе. У меня съ собой ничего не было, кромѣ коробки конфектъ, такъ какъ взятые изъ Якутска платки я уже роздалъ. «Дай хоть конфетъ», подсказалъ Дмитрій. Я раскрылъ коробку и предложилъ взрослой уже дѣвицѣ,—дочери хозяина, угоститься конфектами. Та, сознавая, что ей, какъ дочери «тойона», не приличествуетъ довольствоваться бездѣлицей, взяла всю коробку и лишила меня удовольствія угощать ребятишекъ во встрѣчныхъ юртахъ.

Когда я объяснилъ Санникову черезъ переводчика, что мнѣ говорили о его болѣзни, просили осмотрѣть и прописать рецептъ, по которому можно достать изъ Верхоянска лекарство, онъ милостиво согласился.

Побыли мы у полярнаго Креза очень недолго и на свѣжихъ и крѣпкихъ оленяхъ очень быстро домчались до жилища ямщика, бывшаго кандидата въ головы.

Ямщики устали, и у кандидата мы сдѣлали болѣе продолжительный привалъ. Попивая чай съ хозяиномъ, я спросилъ, не кажется ли ему страннымъ, что баронъ Толь, человѣкъ самъ по себѣ: не промышленникъ и не купецъ, заѣхалъ такъ далеко отъ своей родины. Мнѣ интересно было знать, какъ думаютъ объ экспедиціи инородцы, у которыхъ баронъ Толь, извѣстный имъ еще по прежнимъ экспедиціямъ, пользуется популярностью. «Должно быть, царь послалъ, — былъ отвѣтъ: узнать, нѣтъ ли какихъ новостей». Продолжая бесѣду съ Аѳанасіемъ— такъ звали хозяина (онъ же и ямщикъ), я задалъ ему вопросъ, что онъ думаетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между землей и солнцемъ, на что получилъ совершенно неожиданный отвѣтъ: «Я думаю, что земля вертится кругомъ солнца». Какъ кажется, эти свѣдѣнія мой собесѣдникъ получилъ отъ барона Толя, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться, и, какъ мнѣ потомъ говорили свѣдующіе люди, хотѣлъ мнѣ доставить удовольствіе своимъ отвѣтомъ, не придавая серьезнаго значенія такимъ выдуманнымъ «нучами» (т.-е. русскими) баснямъ, будто земля можетъ вертѣться.

Вскорѣ по нашемъ отъѣздѣ отъ Аѳанасія разыгралась порядочная пурга. Снѣжная пыль, мелкая, какъ мука, какъ бы смѣшалась съ туманомъ. И вдыхаешь точно не воздухъ, а эту странную смѣсь. Вблизи ещё ясно можно было видѣть оленей, а не болѣе, какъ въ двухъ-трехъ шагахъ, дальше уже нельзя отличить неба отъ земли: и вверху, и внизу, и по сторонамъ, вездѣ какая-то молочная каша передъ глазами. Отъ дороги и слѣда не осталось. Олени остановились. Сбились съ дороги. Но мое довѣріе къ способности обитателей тундры оріентироваться среди снѣжной пустыни было такъ велико, что, несмотря на отсутствіе компаса, я не ощущалъ ни малѣйшаго безпокойства. И дѣйствительно, походивъ немного вокругъ да около, Аѳанасій осмотрѣлся и по какимъ - то примѣтамъ на насыпяхъ, песцовыхъ ловуш-

кахъ, добрался до шалаша *), построеннаго промышленниками среди тундры. Осматривая свои пасти, промышленники часто доѣзжаютъ до самаго океана, а такъ какъ нерѣдко и пурга застаетъ ихъ въ дорогѣ, они устраиваютъ кое-гдѣ шалаши, чтобы пережидать непогоду.

Отваливъ лопатой глыбы снѣга, которыми заваливаютъ входъ, иначе, при отсутствіи двери, всю внутренность шалаша занесетъ снѣгомъ, мы вползли на четверенькахъ, причемъ я застрялъ въ двери, въ шалашъ. Немного спустя мы расположились вокругъ разведеннаго посрединѣ шалаша костра и, попивая горячій чай, вели оживленный разговоръ. Рѣчь зашла о тундрѣ и ея жителяхъ. Я, между прочимъ, выразилъ удивленіе, что якуты называютъ одинаково юкагиръ и тунгусовъ, и спросилъ, какъ они называютъ чукчей, съ которыми мой переводчикъ Дмитрій встрѣчался за Индигиркой. «Чукчей такъ и называемъ «чукчà». Потому чукча дѣло особенное: народъ неученый, по-якутски не знаетъ», отвѣтилъ мой собесѣдникъ. Мнѣ очень понравилось измѣреніе учености знаніемъ якутскаго языка, и я подалъ реплику:

— Смѣшно поди?

Дмитрій ухмыльнулся.

— Ну, какъ же не смѣшно? Другой не то что по ихнему, по-русски знаетъ, а по-якутски нѣтъ. Въ Колымскѣ они живутъ, далеко. А вотъ въ Русскомъ Устьѣ мѣщане—продолжалъ словоохотливый парень,—иной, кромѣ какъ по-русски, по-тунгусски, по-чукотски знаетъ, а по-якутски нѣтъ. Людямъ сказать—не повѣрятъ, — и онъ сталъ бойко разсказывать по-якутски Аѳанасію, какіе курьезы бываютъ на бѣломъ свѣтѣ. Аѳанасій, дѣйствительно, недовѣрчиво улыбнулся: разсказывай, молъ, сказки.

Дмитрій полуевропеецъ по происхожденію: отецъ его полякъ изъ ссыльныхъ, но чистокровный якутъ по языку, складу ума и образу жизни. Женатъ на якуткѣ. По-русски говоритъ хорошо и даже грамотенъ: учился въ верхоянской школѣ.

Проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ частью тундрой, частью небольшой губой Ледовитаго океана, мы пріѣхали къ рѣчкѣ Муксуновкѣ, гдѣ мнѣ предстояло пересѣсть на собакъ.

На Муксуновкѣ я засталъ выѣхавшаго ко мнѣ навстрѣчу съ судна экспедиціи уроженца села Казачьяго, Стрыжова, доставлявшаго собакъ барону Толю и поступившаго въ команду «Зари». Онъ пріѣхалъ сюда еще 4-го апрѣля и хотѣлъ съѣздить въ Казачье повидаться съ дѣтьми, но пурга задержала его пять дней на Муксуновкѣ, а когда онъ выѣхалъ, стоустая молва сообщила ему о моемъ проѣздѣ, и онъ вернулся обратно. Съ нимъ былъ каюръ-тунгусъ Алексѣй. Въ тотъ

*) Это та же ураса простѣйшей формы; на крайнемъ сѣверѣ выговариваютъ „урага“ (г придыхательное).

же день пріѣхалъ и посланный М. И. Брусневымъ со свѣжими собаками юкагиръ Семенъ. Къ этому надо прибавить трехъ инородцевъ-промышленниковъ, и получится народонаселеніе болѣе, чѣмъ достаточное для небольшой избушки, размѣры которой: 2½ саж. въ длину, 2 саж. въ ширину и 1 саж. въ вышину; на каждаго приходилось ½ кубической саж. воздуха. Два небольшихъ ледяныхъ окна пропускали очень немного свѣта въ наше помѣщеніе. Камелекъ дымилъ.

Къ большому огорченію своему узналъ, что намъ придется прожить здѣсь по крайней мѣрѣ трое сутокъ, если пурга не задержитъ долѣе. Собакамъ надо отдохнуть и «заправиться», тѣмъ болѣе, что, въ виду недостатка свѣжихъ собакъ, пришлось взять четырехъ, вернувшихся недавно съ Новой Сибири.

Выхожу отдышаться на воздухъ. Невзрачная картина! Бѣлесоватый туманъ, небо и снѣгъ... гдѣ начинается одно и кончается другое, глазъ не можетъ различить. Саженяхъ въ пятнадцати отъ дома сорокъ двѣ собаки, которыя сидя, которыя лежа, съ торчащими кверху ушами и унылыми минами, думаютъ о своемъ собачьемъ житьѣ. Онѣ привязаны къ длинной веревкѣ, однимъ концомъ прикрѣпленной къ нартѣ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ вбитымъ въ снѣгъ кольямъ. Черные, желтые, пестрые псы, средняго, нѣкоторые совсѣмъ небольшого роста. Всѣ собаки кастрированы и нрава довольно смирнаго. Говорятъ, некастрированныя—злы, непослушны и не такъ выносливы. Приводимая Нансеномъ причина кастраціи—легкость заболѣванія орхитомъ вслѣдствіе тренія сбруей—здѣсь не имѣетъ мѣста, благодаря болѣе раціональной упряжи (см. ниже). Холостятъ собакъ щенками.

Утромъ на слѣдующій день я присутствовалъ при кормленіи собакъ. Каждая собака получаетъ усиленную порцію—десять сельдей. Съ жадностью грызутъ онѣ мерзлую рыбу, часто вступая въ драку изъ-за сельди. Собаки, до которыхъ еще не дошла очередь, лаютъ и воютъ отъ нетерпѣнія, а иныя не то съ лаемъ, не то съ визгомъ заискивающе машутъ хвостами: сказывается разница темпераментовъ. Во время кормленія собаки остаются на привязи,—иначе трудно бы было справиться съ такой массой голодныхъ псовъ. Кормятъ ихъ разъ въ день.

Одиннадцать часовъ вечера. Начались приготовленія къ встрѣчѣ Пасхи. Старуха облеклась въ шелковое платье ярко-лиловаго цвѣта; старикъ досталъ свои палестинскіе значки: они оба со старухой состоятъ членами-сотрудниками (sic!) названнаго общества. По наставленію священника старикъ сдѣлалъ взносы по 200 р. за себя и старуху, взамѣнъ чего получилъ два мѣдныхъ значка на шелковыхъ ленточкахъ и листъ на званіе члена-сотрудника православнаго палестинскаго общества. Листъ онъ вставилъ въ рамку и повѣсилъ на стѣну, а значки спряталъ въ сундукъ и показываетъ ихъ съ величайшею гордостью. Увы! этотъ дикарь, не знающій иного языка, кромѣ якутскаго,

во всю свою долгую жизнь дальше селенія Казачьяго нигдѣ не бывавшій, очень тщеславенъ. Онъ и богатъ къ тому же: имѣетъ болѣе двухсотъ оленей и 10 ѣздовыхъ собакъ.

Всѣ прочіе члены компаніи приготовились также, кто какъ могъ, встрѣтить великій праздникъ. Стрыжовъ зажегъ у иконъ заранѣе припасенныя для этого случая восковыя свѣчи. Съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе» обошли три раза кругомъ дома и сдѣлали три залпа изъ двухъ винтовокъ и револьвера, всего наличнаго арсенала оружія.

Въ заключеніе торжества былъ сервированъ столъ. Вынута бутылка мерзѣйшаго коньяка, пріобрѣтеннаго въ Казачьемъ или Верхоянскѣ, хозяинъ досталъ двѣ серебряныхъ чарки малаго калибра. Послѣ христосованья пили по очереди. Христосуются здѣсь, прикладываясь два раза щекой къ щекѣ,—сначала къ одной, потомъ къ другой, затѣмъ уже слѣдуетъ поцѣлуй въ губы,—способъ, распространенный по всей области. Довольно посредственный куличъ, испеченный въ Казачьемъ, стоялъ на столѣ рядомъ съ аккуратно настроганнымъ муксуномъ,—строганина не аристократическая, но стерляди у насъ не было.

Стрыжовъ, обладающій недурнымъ, хотя и небольшимъ, голосомъ, спѣлъ «Мой костеръ» и еще двѣ-три пѣсни, къ вящему удовольствію публики, весьма довольной необыкновеннымъ торжествомъ, а въ особенности прекрасной «аргы» (водкой), которую русскіе называютъ коньякомъ. Послѣ каждой рюмки, каждаго стакана чая или куска кулича они кланялись и благодарили: «багыбо, багыбо! (спасибо) Христосъ воскресъ!»

Цѣлый день мы утопали въ роскоши. Когда я проснулся послѣ дневного сна, я увидѣлъ, высунувъ голову изъ-подъ одѣяла, разряженныхъ хозяевъ. На столѣ—копченые оленьи языки, нарѣзанные ломтиками, кусочки топленаго коровьяго масла, московскаго или тульскаго издѣлія коврижка и печенье Эйнема въ жестяной коробкѣ. Все это—угощеніе хозяина. Цивилизація въ видѣ печенья Эйнема, фаянсовой и эмалированной посуды шагнула уже и сюда, на мертвый берегъ Сѣвернаго океана. Прибавилъ старикъ еще лакомое блюдо: сушеное мясо дикаго оленя *), который считается, и, пожалуй, справедливо, вкуснѣе домашняго. Мясо сушатъ надъ огнемъ камелька, такъ какъ солнечнаго тепла здѣсь недостаточно; къ сожалѣнію, его не солятъ.

Къ сервированной хозяиномъ закускѣ—это былъ нашъ послѣдній обѣдъ на Муксуновкѣ—всѣ отнеслись съ должнымъ вниманіемъ.

Къ чаю я вынулъ лимонъ и разрѣзалъ его на 11 кусковъ, по числу людей. Инородцы съ большимъ любопытствомъ разсматривали «растущую на деревѣ ягоду» («ма-отон»). Я ихъ предупредилъ, что такъ лимона не ѣдятъ, а кладутъ въ чай, но двое, не разслышавъ или не

*) Дикій олень имѣетъ у якутовъ особое названіе („кылъ") въ отличіе отъ домашняго („таба́"), тогда какъ тунгусы и того, и другого называютъ „оро́н".

понявъ предупрежденія, съѣли свои доли съ коркой и съ зернами. Какъ истые джентльмены, они даже гримасы не скорчили, а отозвались одобрительно: «бёрдъ учугей! бёрдъ учугей!» (очень хорошо!). Остальные поступили со своими порціями правильно, и старикъ резюмировалъ мнѣніе публики о лимонѣ словами: «учугей аз»—«хорошая пища». «Учугей аз!» хоромъ повторила вся компанія.

Собаки готовы. По знаку нашего церемоніймейстера Стрыжова всѣ встаютъ и крестятся на иконы, передъ которыми уже опять затеплились свѣчи. Алексѣй и Стрыжовъ перецѣловались со всѣми остающимися. Пожали имъ руки. Громкое «просты́» (прощай) еще долго стояло въ воздухѣ. Было что-то и комичное, и трогательное въ этомъ прощаніи съ послѣдними обитателями сѣвера передъ въѣздомъ въ мѣста необитаемыя.

VI.

На собакахъ.

Взвыли и залаяли собаки, рванулись впередъ—и обледенѣлые полозья нарты заскрипѣли по только что выпавшему снѣгу. Собачья нарта представляетъ изъ себя сани съ аршинъ ширины и около $1^1/_2$ саж. длины. Спереди, какъ и у оленьей нарты, горизонтальная дуга, къ которой привязывается длинная веревка, замѣняющая оглобли. Приблизительно по срединѣ нарты—вертикальная дуга: за нее держатся пассажиры и каюръ; за нее же берутся, когда надо помочь собакамъ тащить нарту. Передъ выѣздомъ полозья нарты обливаются водой, и нарта держится опрокинутой, пока они не обледенѣютъ: тогда нарта легко скользитъ по снѣгу.

Упряжка собакъ у насъ отличалась отъ описанной Нансеномъ и практикуемой, кажется, самоѣдами. Ошейникомъ идетъ широкій ремень подъ грудныя мышцы собаки, отъ него два такихъ же ремня вдоль боковъ; подъ брюхомъ ихъ перехватываетъ еще ремень: получается подобіе шлеи. Такимъ образомъ, собака везётъ грудью, а не брюхомъ, что гораздо цѣлесообразнѣе. Съ каждой стороны веревки у насъ было запряжено по 9 собакъ. Управляютъ собаками при помощи передовыхъ, слушающихся команды каюра и поворачивающихъ всю свору. Необходимымъ дополненіемъ служитъ тормазъ,—дубинка съ утолщеніемъ къ концу, окованному желѣзомъ и снабженному острымъ наконечникомъ. Имъ пользуются не только при спускѣ съ горы, но и на ровной мѣстности, когда передовыя собаки забываютъ свою обязанность и не слушаются команды каюра. Путь нашъ лежалъ по мѣстамъ необитаемымъ, и пришлось запастись провіантомъ для себя и для собакъ недѣли на двѣ, благодаря чему у насъ было до 25 пуд. клади.

Собаки взяли было въ карьеръ, но скоро прыти у нихъ поубавилось. Для начала мы проѣхали верстъ 50 по очень ровной мѣстности.

Дороги, разумѣется, никакой, но глаза каюра читаютъ, какъ по книгѣ по тундрѣ, для неопытнаго глаза представляющейся совершенно однообразной. Остановились въ шалашѣ на берегу океана. Ночи уже не было. Вечерняя заря еще золотила небо, а съ востока алѣли облака отъ утренней.

Возлежа за «столомъ» по-аттически, мы вкушали жаркое изъ оленины. Наши псы устраивались сообразно темпераменту. Иные тотчасъ по пріѣздѣ легли какъ попало и заснули, не дожидаясь кормежки; другіе вертѣлись волчкомъ, роя снѣгъ кругомъ себя, и, наконецъ, укладывались, свернувшись калачикомъ и пряча морду въ пушистый хвостъ. Крупный и ласковый песъ Карандашъ, общій баловень, отвязанный отъ своры, старался проникнуть къ намъ въ шалашъ, гдѣ и потеплѣе, да и лакомый кусокъ могъ перепасть. Началась кормежка. Общее оживленіе. Сонъ бѣжитъ съ глазъ проголодавшихся псовъ. Серьезный Кёрёмёсь *) съ важностью философа поглощаетъ своихъ 8 сельдей, изрѣдка сердито ворча на своихъ легкомысленныхъ сосѣдей. За обѣ щеки уминаетъ свою порцію желтый Карандашъ, дробя мерзлую рыбу крѣпкими зубами. Взвизгивая отъ наслажденія, ѣстъ небольшая собачонка Шустрый, явно обличая въ себѣ гурмана. Какой-то мизантропическаго вида песъ съ урчаньемъ гложетъ селедку, мрачно озираясь по сторонамъ, чтобы кто не отнялъ добросовѣстно заработанной имъ рыбы. И не даромъ! Менѣе подозрительный и болѣе проворный на ѣду сосѣдъ уже покончилъ со своей порціей и съ непростительнымъ нахальствомъ вступаетъ въ неправый бой съ мизантропомъ, или, вѣрнѣе, мизокиномъ. Летятъ клочья собачьей шерсти, пока стоящій на стражѣ порядка каюръ не предъявитъ своихъ оффиціальныхъ полномочій въ видѣ палочныхъ ударовъ. Вернувшіеся съ Новой Сибири ветераны, на зависть коллегамъ, получали усиленную порцію въ десять сельдей.

Въ просторной, но дымной поварнѣ Аджергайдахъ, куда мы пріѣхали довольно рано, мы задержались недолго. Кое-гдѣ встрѣчались небольшія горки, или «камни», какъ ихъ называютъ на сѣверѣ («тае» по-якутски). Верстъ сорокъ ѣхали морской губой, по берегу которой встрѣчалось очень много плавнику,—пней и цѣлыхъ древесныхъ стволовъ. Проѣхали мимо небольшого прѣсноводнаго озера... и опять ночевка въ шалашѣ, опять ѣдкій дымъ костра и опять почему-то спалось плохо, хотя въ собачьей нартѣ цѣлый день приходится бодрствовать. Спальный мѣшокъ, которымъ меня снабдилъ К. А. Воллосовичъ, я употреблялъ въ качествѣ матраца, а покрывался заячьимъ одѣяломъ, раздѣваясь, какъ дома. Было тепло, несмотря на двадцатиградусные морозы. Но по верхнему краю одѣяла нерѣдко образовывались ледяныя сосульки, непріятно холодившія физіономію.

Быстро проѣхали мы по холмистой мѣстности 20 верстъ, оста-

*) Въ переводѣ съ якутскаго значитъ „сиводушка“.

вавшіяся намъ до послѣдней поварни на материкѣ. Небольшая гора съ пологимъ, но продолжительнымъ подъемомъ была единственнымъ препятствіемъ на нашемъ пути. Пришлось брести въ гору по глубокому снѣгу, помогая собакамъ тащить тяжело нагруженную нарту.

Чай-поварня, названіе которой нѣкоторые шутники производятъ отъ русскаго слова «чай»: здѣсь-де въ послѣдній разъ чай пьютъ, разставаясь съ материкомъ, на самомъ дѣлѣ именуется такъ потому, что на песчаныхъ отмеляхъ вокругъ нея масса гальки, мелкаго камня, называемаго по-якутски «чай». Маленькая амбарушка, безъ оконъ и камелька, стоитъ она на самомъ берегу океана. Возвышеніе посрединѣ для костра, одна лавка и нѣкоторое подобіе стола противъ крошечной двери,—полное отсутствіе комфорта, благодаря чему даже остановка въ шалашѣ кажется болѣе пріятной. Море въ изобиліи приноситъ на берегъ плавникъ, такъ необходимый для топлива въ этихъ безлѣсныхъ мѣстахъ. Неподалеку отъ чай-поварни, къ западу и сѣверо-западу виднѣются горы, а подальше—выдается въ океанъ такъ называемый Святой Носъ. Съ другой стороны возвышенности пониже, а къ сѣверо-западу—Ледовитый океанъ, по которому лежалъ нашъ путь на Ново-Сибирскіе острова. Проливъ между первымъ изъ нихъ—Большимъ Ляховскимъ и материкомъ, не имѣвшій названія, хотя и давно открытый, названъ барономъ Толемъ Лаптевскимъ, въ честь одного изъ старинныхъ русскихъ мореплавателей и изслѣдователей полярнаго моря.

Стояла пріятная погода; морозъ былъ небольшой и грудь съ наслажденіемъ вдыхала свѣжій воздухъ полярныхъ странъ, когда мы поѣхали черезъ проливъ. Ширина пролива—верстъ 70. Первую половину пути ѣхать было сравнительно удобно. Потомъ стали попадаться тороса *), сначала по одному, затѣмъ больше и больше.

По Нансену наибольшая высота тороса—30 футъ, но это относится лишь къ плавучимъ торосамъ. Тороса, сидящіе на мели на малыхъ глубинахъ, достигаютъ значительно большей высоты. Поѣздка по торосамъ не легкое дѣло. Приходится идти иногда выше колѣнъ въ снѣгу, рискуя угодить ногой въ трещину между льдинами, спотыкаясь и падая, стараясь не отставать отъ нарты. Приходится помогать собакамъ въ трудныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, со мною—въ лицѣ Стрыжова и Алексѣя—было два опытныхъ каюра, такъ что въ моей помощи рѣдко нуждались, а чаще мнѣ приходилось тащить только самого себя. И это не легкая задача при такомъ трудномъ пути. Якутскія торбаса и кухлянка по своей легкости оказались незамѣнимыми.

---

*) Торосами называются образующіяся во время ледохода скопленія льдинъ, смерзающихся и принимающихъ разнообразныя формы. Это поморское слово усвоено и иностранными изслѣдователями, какъ терминъ.

Берега материка, мало-по-малу удаляясь, наконецъ, совсѣмъ исчезли въ легкомъ туманѣ. Кругомъ океанъ. Ледяныя глыбы самой разнообразной формы то прелестнаго бирюзоваго цвѣта, то почти молочнобѣлаго, какъ будто снѣжная каша, пропитанная водой и потомъ замерзшая, то грязновато-желтаго—съ иломъ и пескомъ,—рѣчной и прибрежной ледъ, занесенный въ океанъ. Почти геометрически правильныя призмы, могильныя плиты удивительной прозрачности, неправильные осколки и ледяные монументы, будто высѣченные изъ одного куска, чередуясь другъ съ другомъ, постепенно уступаютъ мѣсто настоящимъ торосамъ. При видѣ кристаллически-прозрачныхъ, опалесцирующихъ при приближеніи къ нимъ ледяныхъ замковъ, на минуту забываешь объ усталости. «In schönem, kristallenem Wasserpalast ist plötzlich bezaubert der Ritter...», вспоминается красивое стихотвореніе Гейне.

Тороса могутъ согрѣть человѣка даже въ пятидесяти градусный морозъ! Собаки бѣгутъ ничего себѣ... вдругъ—пр... Нарта стукнулась о льдину и стоитъ. Стоятъ и собаки, равнодушно помахивая хвостами: наѣхали на торосъ. Глыба льду, навалившаяся на глыбу, преграждаетъ проѣздъ. Надо слѣзать, втаскивать нарту, кричать на собакъ. Небольшія возвышенія, покрытыя снѣгомъ, смѣняются крупными торосами, поднимающимися, какъ конекъ крыши, или какъ церковная колокольня. Встрѣчаются огромныя безформенныя скопленія мелкихъ и крупныхъ ледяныхъ глыбъ съ пустыми или заполненными снѣгомъ промежутками между ними, иногда съ совершенно отвѣснымъ паденіемъ въ одну сторону; удивительно оригинальные гигантскіе ледяные грибы, Богъ знаетъ какъ держащіеся на сравнительно тонкой ледяной ножкѣ.

Къ вечеру, постепенно сгущаясь, спустился туманъ, а мы все ѣхали. Только къ утру увидали мы ледяные обрывы Б. Ляховскаго острова. Не изъ очень высокихъ—берега этого острова интересны тѣмъ, что въ нихъ обнажается подпочвенный ледъ. На глубинѣ 2-хъ—3-хъ арш. отъ поверхности тундры видѣнъ мощный слой льда, названнаго учеными Steineis, *)—каменный ледъ, и представляющаго изъ себя остатокъ ледяной коры, оковывавшей острова во время ледниковаго періода. Существуетъ повѣрье на сѣверѣ, что подпочвенный ледъ и многолѣтній ледъ торосовъ не таетъ даже на огнѣ.

Поварня Малое Зимовье, послужившая намъ первымъ пристанищемъ на Ново-Сибирскихъ островахъ, построена промышленниками на южномъ берегу Б. Ляховскаго острова, называемаго якутами «Улаханъ Кавришка» (большой Гаврилинъ). Небольшое бревенчатое зданіе съ довольно сноснымъ камелькомъ, маленькой дверью и занесенными снѣгомъ стѣнами. Невдалекѣ—крестъ съ надписью: «Складъ № 1-ый ба-

*) Баронъ Толь.

рона Толя». Тамъ зарыто 6 ящиковъ консервовъ на случай аваріи и голодовки экспедиціи при возвращеніи на материкъ. Подобные склады, устроенные вспомогательной партіей К. А. Воллосовича, находятся еще на Маломъ Ляховскомъ, на Котельномъ, на Новой Сибири. Провизіи въ каждомъ складѣ на мѣсяцъ для шести человѣкъ. Есть тутъ и щи съ мясомъ и кашей, и горохъ съ мясомъ, и жареная говядина («консервы для войскъ»), есть голландскій какао; кассельскій гаферъ-какао, сахаръ, спички, сгущенное швейцарское молоко. Запаянныя жестянки съ консервами уложены въ жестяной ящикъ, тоже запаянный, а этотъ—въ деревянный. Одинъ такой ящикъ стоялъ въ кладовой, неподалеку отъ поварни,—для текущихъ потребностей.

Саженяхъ въ ста отъ поварни—знакъ, поставленный экспедиціей Бунге. Возлѣ поварни было сложено нѣсколько мамонтовыхъ клыковъ, не вывезенныхъ еще промышленниками.

Солнце уже не заходило: начался долгій полярный день. Постепенно опускаясь, дневное свѣтило медленно плыло на сѣверъ. Только верхняя часть его диска оставалась надъ горизонтомъ. Золотисто-желтый, фіолетовый, синій, розовый цвѣта съ мягкими оттѣнками и переливами смѣняли другъ друга.

Когда мы выѣхали съ Б. Ляховскаго острова, стоялъ небольшой туманъ. Солнце изрѣдка выглядывало изъ-за облаковъ. Проливъ между Большимъ и Малымъ Ляховскими—не болѣе 30-ти верстъ шириной. И тороса здѣсь не велики, такъ что скоро мы были вблизи низкаго берега М. Ляховскаго острова. Около поварни, стоящей на берегу его,—2-ой складъ провіанта съ надписью на крестѣ: «D. Toll, Woll.» (Депо 2-е Толль, Воллосовичъ). Мы остановились версты на 2 дальше,—у другой поварни. Возлѣ нея—маленькая амбарушка, рядомъ стоятъ двѣ небольшія оленьи нарты, оставленная почему-то промышленниками, на крышѣ—не вывезенная ими мамонтова кость. Крошечная входная дверь, какъ водится, завалена бревнами и засыпана снѣгомъ. Небольшія сѣнцы ведутъ въ поварню. Первое время подобнаго рода постройки заставляли меня морщиться, а теперь, особенно послѣ ночевокъ въ дымныхъ шалашахъ, эта поварня—съ камелькомъ и небольшимъ ледянымъ оконцемъ—показалась мнѣ довольно комфортабельнымъ жилищемъ. Огонекъ, веселыми струйками перебѣгая съ лучины на лучину, принялся лизать дрова, которыя стали привѣтливо потрескивать въ камелькѣ...

Ночевали мы на сѣверномъ берегу М. Ляховскаго острова, проѣхавъ по довольно ровному льду съ рѣдкими и незначительными торосами вдоль берега. Разгребли снѣгъ и поставили свою походную палатку, или урасу: остовъ изъ нѣсколькихъ длинныхъ жердей обтянули ровдугой, и палатка готова. Посрединѣ палатки, на желѣзномъ противнѣ развели костеръ, надъ которымъ на жердочкѣ повѣсили чайникъ и котелокъ (см. выше описаніе ламутской урасы). На берегу оказалась масса плавнику, такъ что мы не чувствовали недостатка въ топливѣ.

Намъ предстояло теперь переправиться черезъ проливъ, отдѣляющій М. Ляховскій островъ отъ Котельнаго. Ширина этого пролива достигаетъ сто верстъ. Два дня ушло у насъ на переправу. Запаслись на берегу дровами, прежде чѣмъ тронуться въ путь. Сначала все шло хорошо. Погода стояла великолѣпная. Солнце отражалось въ далекихъ льдахъ. Достойныхъ вниманія торосовъ на первыхъ десяти верстахъ не встрѣчалось. Если и соскочишь съ нарты, то развѣ для того, чтобы размяться или согрѣться, когда вѣтеръ проложитъ себѣ дорогу черезъ воротъ или рукава. Но вотъ начались ледяные конгломераты. Теперь уже не тепла, а прохлады жаждешь. Собаки едва вскарабкиваются на вкривь и вкось стоящія льдины. Нѣкоторыя льдины образуютъ пригорокъ съ болѣе или менѣе крутымъ подъемомъ и спускомъ. Скопленія льдинъ неописуемой формы преграждаютъ дорогу: ни тпру, ни ну. Приходилось топорами прокладывать путь въ ледяномъ царствѣ. Мои каюры работали въ два топора. Ледяные осколки такъ и летѣли. Собаки тяжело переводили духъ... Тронулись... Нарта и скрипитъ, и трещитъ, и перегибается, жалобно плача, и клонится на бокъ. Собаки визжатъ подъ ударами каюра, люди оглашаютъ ледяную пустыню неистовыми криками, понукая собакъ. А тѣ, чуть только крики слабнутъ или каюры уходятъ впередъ прорубать дорогу, обнаруживаютъ игривость, ни мало не гармонирующую съ мрачною торжественностью окружающей обстановки. Шустрый перегрызъ острыми зубами свою сбрую, прыгаетъ, валяется въ снѣгу, бѣжитъ ко мнѣ приласкаться и похвастаться своей удалью; другія собаки, не столь отчаянныя, выдѣлываютъ разные курбеты, оставаясь въ сбруѣ. Болѣе пожилые и солидные псы, какъ бы сознавая всю неумѣстность рѣзвости своихъ коллегъ въ столь трудныя минуты, смотрятъ на нихъ съ презрительнымъ равнодушіемъ... И опять крики оглашаютъ воздухъ, опять трещитъ и жалобно стонетъ нарта, тяжело переваливая черезъ новый торосъ.

Наконецъ,—отдыхъ и чаевка! О мигъ блаженства!.. И снова та же исторія.

Ночевка. Солнцу словно надоѣло опускаться и оно лѣниво поднимается къ сѣверу-востоку, расписывая въ разные цвѣта низко нависшія надъ горизонтомъ облачка. Голубой, золотистый, лиловый цвѣта... На нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ солнца поднимаются радужныя дуги; онѣ какъ бы хотятъ захватить его въ свои объятія— и не могутъ до него дотянуться. Въ тѣни снѣгъ—синеватаго цвѣта, а далѣе на солнцѣ онъ—кипѣнно-бѣлый. Ледяныя глыбы далеко на горизонтѣ пріобрѣтаютъ какія-то странныя, фантастическія очертанія, сверкая своею кристаллическою прозрачностью. Досужее воображеніе неустанно работаетъ, рисуя себѣ образы самые невѣроятные.

Кругомъ такъ дивно хорошо. И такъ чисто. Одна только наша палатка, воздвигнутая на льду океана, грязнымъ пятномъ выдѣляется на дѣвственно-чистомъ снѣгу. Какъ неумѣстна кажется она здѣсь, какими

лишними, ненужными, ничѣмъ не связанными съ окружающей обстановкой кажутся эти копошащіяся около палатки человѣческія фигурки, эти собаки, съ нетерпѣніемъ ожидающія мерзлыхъ сельдей. А внутри палатки—своя поэзія, менѣе возвышенная, но, если хотите, болѣе симпатичная для усталаго путешественника. Бѣлый снѣгъ служитъ намъ поломъ; возлѣ стѣнъ постланы оленьи шкуры. Весело бурлитъ вода въ чайникѣ, подвѣшенномъ надъ костромъ... Отдохнувъ и напившись чаю, я выползъ на прогулку. Влѣзъ на ледяную башенку, чтобы тотчасъ турманомъ съ нея скатиться. Довольныя кормежкой собаки благодушно машутъ хвостами, предаваясь пищеваренію. Степенный Кёрёмёсь засыпаетъ съ такимъ видимъ, точно хочетъ сказать: «довлѣетъ дневи злоба его». Этотъ Кёрёмёсь доставилъ-таки намъ хлопотъ. Только что мы тронулись съ М. Ляховскаго острова, какъ онъ вырвался изъ упряжи и далъ ходу. Другія псы, болѣе легкомысленные, въ подобныхъ случаяхъ сами же возвращались обратно. Но это было несовмѣстно съ достоинствомъ Кёрёмёся, какъ передовой собаки. Напрасно гнались мы за нимъ. Не озираясь назадъ, не особенно торопясь, но и не останавливаясь, бѣжалъ онъ впередъ, на сѣверъ. Бросили безплодную попытку его поймать и поѣхали. Собаки, видя впереди себя одного изъ своихъ вождей, освободившагося отъ упряжи, запрыгали, завизжали и опрометью кинулись за нимъ. Такъ мы проѣхали съ версту, пока, съ помощью военной хитрости, не поймали, наконецъ, свободолюбиваго пса.

Канитель съ этими собаками: почуяли онѣ тюленя,—и всей сворой, сбившись въ кучу, бросились къ тому мѣсту, гдѣ его предполагали.

На другой день, укладывая въ нарту палатку, Алексѣй приговаривалъ съ привѣтливой улыбкой: «Михайловъ станъ—поварня, здравствуй!»

Въ поварнѣ «Михайловъ станъ», которая названіе свое получила отъ протекающей вблизи рѣчки, жили нѣсколько мѣсяцевъ члены вспомогательнаго отряда экспедиціи, гг. Брусневъ и Ціонглинскій. Метеорологическая будка безъ инструментовъ, сколоченная изъ досокъ сломанныхъ ящиковъ, и масса пустыхъ жестянокъ изъ-подъ консервовъ остались слѣдами ихъ пребыванія здѣсь. Метеорологическая будка построена саженяхъ въ 50-ти отъ поварни; возлѣ нея—амбаръ. Поварня эта лучшая изъ видѣнныхъ мной: достаточно высокая, т. ч. можно стоять, не наклоняясь, съ хорошимъ камелькомъ, со стеклами въ окнахъ, прочно заколоченныхъ досками снаружи, въ предупрежденіе шалостей бѣлыхъ медвѣдей. Двойныя рамы, подоконники, полки и полочки... Ящикъ съ не отправленными еще коллекціями К. А. Воллосовича. Въ амбарѣ—большой запасъ продуктовъ: консервовъ, муки, пшена, норвежской сушеной рыбы для собакъ.

Странный видъ имѣетъ это шестиугольное зданіе: точно павильонъ какой-то. Однако, эта игривость архитектуры объясняется не по-

летомъ фантазіи строителя, а тѣмъ обстоятельствомъ, что море не принесло достаточно длинныхъ бревенъ.

Поварня «Михайловъ станъ» находится на южномъ берегу острова Котельнаго, немного къ западу отъ Медвѣжьяго мыса. Здѣсь мы дневали.

Отъ поварни верстъ 70 путь нашъ лежалъ вдоль извилистаго, съ мысами и маленькими заливами берега, мѣстами поднимающагося надъ моремъ крутой стѣной, а мѣстами скалами и утесами выдвигающагося въ океанъ. Пуночки, или, какъ ихъ называютъ въ якутской области, снѣгири (plectrophenax nivalis), въ изобиліи летали надъ обрывами.

«Ночь» мы провели въ походной урасѣ на берегу какой-то рѣчонки, по близости отъ заброшенной и занесенной снѣгомъ поварни.

Послѣ ночовки поѣхали, для сокращенія пути, прямо по острову, хотя обычный путь лежитъ моремъ—по береговой линіи. Поверхность острова очень неровная. Рѣчки и овраги попадались въ болѣе, чѣмъ достаточномъ количествѣ. Мѣстами снѣгъ сдуло, и промерзшая насквозь тундра лежитъ обнаженной. Нѣсколько бѣлыхъ куропатокъ спугнули наши собаки. Приближаясь къ судну, Алексѣй оживленно повторялъ: «Болгал-діе просты, барон-огонер здравствуй!» (Морской домъ прощай, старикъ-баронъ здравствуй!).

Наконецъ, мы завидѣли «Зарю». Вахтенный далъ знать въ каютъ-компанію о нашемъ приближеніи. Баронъ Э. В. Толь, А. А. Бируля, Ф. А. Матисенъ, А. В. Колчакъ, Ф. Е. Зебергъ и часть матросовъ спустились по трапу на ледъ. Лай нашихъ собакъ смѣшался съ лаемъ собакъ, остававшихся у судна. Посыпались вопросы...

В. Н. Катинъ-Ярцевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Фрапанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

I.

Только что пробилъ часъ. Душная, тихая лѣтняя ночь царила надъ домомъ «Zum grauen Ackerstein», также погруженномъ въ безмолвіе.

Вдругъ въ одной изъ комнатъ второго этажа этого дома послышался звонокъ и продолжительный сонный плачъ, прерываемый иногда громкими, рѣзкими криками, затѣмъ послышался еще третій, хныкающій голосъ, жалобно произносящій отдѣльные слога: «у! у! Мам!... у!»

Темная, угловая комната, гдѣ раздавался этотъ плачъ, внезапно освѣтилась, и въ полосѣ свѣта показалась высокая, темная женская фигура, такая высокая, что она лбомъ почти касалась поперечной балки двери.

— Дѣти! Дѣти! замолчите!—взывала женщина, быстро и испуганно перебѣгая отъ одной кроватки къ другой.

Крикъ на секунду прекратился, но затѣмъ возобновился съ новой силой, такъ что казалось, воздухъ комнаты дрожалъ отъ него. Три маленькія фигурки сидѣли, плача, среди подушекъ. Вдругъ одна изъ нихъ поднялась во весь ростъ въ постели, длинная и бѣлая, и протянула руки. Мать поспѣшила къ ней, схватила ее подъ мышки и пробовала снова уложить.

— Что съ тобою, Германнли? Что случилось, мальчуганъ?—пыталась она успокоить его.

Но мальчикъ стоялъ неподвижно, не поддаваясь ласковымъ усиліямъ матери, и смотрѣлъ впередъ открытыми, полными слезъ глазами, съ искривленнымъ отъ плача ротикомъ.

— Успокойся! крикнула она громко и выбѣжала изъ комнаты, чтобы принести лампу.

На минуту крикъ умолкъ. Съ нахмуреннымъ видомъ мать оглядѣла большую, просто убранную и выбѣленную дѣтскую. Тревожный взглядъ ея грустныхъ глазъ тщательно осматривалъ всѣ углы, а заспанный, испуганный мальчикъ слѣдилъ за ней блестящими глазами, съ выра-

женіемъ какого-то страннаго упрека, готовый ежеминутно опять разразиться крикомъ.

Во второй разъ мать снова принялась успокаивать дѣтей, вытирала имъ мокрыя личики и ласково гладила ихъ по спинѣ, но лобъ ея не прояснялся и глубокая складка скорби, образовавшаяся около рта, не разглаживалась. Очевидно, мысли ея были не здѣсь съ дѣтьми, которыхъ она пробовала успокоить, и дѣти какъ будто чувствовали это. Вдругъ снова поднялся крикъ. Въ этомъ крикѣ заключалось что-то безсознательное, стихійное, заразительное, напоминающее вой вѣтра или звукъ набатнаго колокола. Женщина выпрямилась и также почувствовала, что ей хочется крикнуть, испустить, наконецъ, тотъ крикъ, который она днемъ и ночью старается заглушить, но который неумолкаемо раздается въ ея душѣ... Она въ отчаяніи заломила руки.

— Германнли! Что же это такое? Дѣти, я умоляю васъ! Вѣдь такъ можно съ ума сойти! Ложись, мальчуганъ, спи!—вдругъ крикнула она и съ силою пригнула старшаго мальчика къ подушкѣ.

— Папа!—всхлипывалъ мальчикъ, отстраняя руку матери.

— Нѣтъ!—вскрикнула она, топнувъ ногой.—Вы должны спать!

И вдругъ она потеряла самообладаніе. Слезы хлынули у нея изъ глазъ неудержимымъ потокомъ, и она не въ состояніи была держаться на ногахъ. Она бросилась на полъ, около колыбели младшаго ребенка, лежавшаго спокойно, и прижавшись лицомъ къ подушкамъ, старалась заглушить рыданія.

Лампа потухла.

Дѣти, наконецъ, заснули, и около нихъ, на полу, въ платьѣ, лежала мать. Она также спала тяжелымъ, свинцовымъ сномъ, точно сраженная ударами безжалостной судьбы.

На другой день, рано утромъ, пришелъ отецъ этой женщины. Служанка, проходившая по лѣстницѣ, испугалась его грубаго голоса, который глухо звучалъ изъ могучей груди. Старый Платтнеръ, опираясь на палку съ золотымъ набалдашникомъ, остановился у маленькаго окошечка съ красною занавѣскою и угрюмо смотрѣлъ на свои запыленные сапоги, спрашивая служанку о своей дочери.

— Какъ, еще не встала? Вѣдь уже скоро семь часовъ. Поди, скажи ей.

Спокойствіе сильнаго и увѣреннаго въ себѣ человѣка, которымъ обыкновенно была проникнута вся фигура стараго Платтнера, на этотъ разъ уступило мѣсто глубокому внутреннему волненію. Его загорѣлое лицо покраснѣло, и рука, державшая палку, вздрогнула, когда онъ говорилъ съ дѣвушкой. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, входя въ душныя сѣни, не имѣвшія оконъ.

— Отецъ!—послышался за нимъ голосъ. Платтнеръ повернулся и протянулъ руку своей дочери.

Молча прошли они черезъ одну изъ желтыхъ дверей, на которой была прибита фарфоровая дощечка съ надписью: «Пріемная», въ слѣдующую комнату. Проходя въ дверь, Платтнеръ указалъ на эту дощечку и строго замѣтилъ: «Отчего ты не сняла ее?»

Это было первое слово, которое онъ проговорилъ.

«Да, да» отвѣчала дочь разсѣянно. Ея взоры были прикованы къ отцу и когда онъ сѣлъ на соломенный стулъ, то она быстро сказала ему, указывая на кожаную кушетку: «Почему ты тамъ не сядешь? Тамъ удобнѣе... Ты пришелъ ко мнѣ такъ рано, папа!»

Она продолжала стоять передъ нимъ, засовывая бѣлый носовой платокъ въ карманъ своего чернаго платья.

— Ну, Іози... садись же,—проговорилъ отецъ. — Итакъ, Іози... все кончено! Кончено и прошло!

— Да.

— Негодяй! Низкій негодяй!—воскликнулъ старикъ и стукнулъ палкой.

— Отецъ!—вскричала Іози и въ этомъ восклицаніи послышался точно крикъ о помощи.

Платтнеръ поднялъ голову, сдвинулъ на затылокъ свою мягкую фетровую шляпу и посмотрѣлъ на дочь.

— Какъ?—проворчалъ онъ удивленно.—Онъ еще не совсѣмъ негодяй, по твоему?

Грохотъ колесъ, окрики кучеровъ и пѣніе птицъ доносились въ открытыя окна, нарушая тишину, наступившую въ комнатѣ. Іози издала тихій стонъ.

— Я полагаю, что если кого нибудь присудятъ къ пяти годамъ тюремнаго заключенія, то уже стѣсняться незачѣмъ и можно смѣло называть его негодяемъ.

— Прошу тебя, папа. Не говори!.. Нѣтъ!

Еще болѣе сильное изумленіе выразилось на лицѣ отца. Онъ вскочилъ и заглянулъ прямо въ потупленные глаза дочери.

— Это еще лучше!—вскричалъ онъ съ негодованіемъ. — Ты его защищаешь... послѣ всего позора? Слушай-ка...

Онъ взялъ ее за рукавъ, и она повернула къ нему свое изстрадавшееся лицо, съ распухшими отъ слезъ глазами. Едва сдерживаемый гнѣвъ придавалъ чертамъ ея лица строгое, почти угрожающее выраженіе.

— Ахъ, отецъ, ты пришелъ только для того, чтобы его еще больше унизить?.. Когда уже и такъ!.. Чего же вамъ еще нужно! Онъ вѣдь и такъ теперь въ преисподней... и я... вмѣстѣ съ нимъ!...

Она выкрикнула эти слова и голосъ ея перешелъ въ рыданіе. Закрывъ лицо руками, она продолжала стоять возлѣ отца, который такъ былъ пораженъ ея словами, что долго растерянно смотрѣлъ на нее.

— Я не затѣмъ пришелъ, не затѣмъ, Іози,—проговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ ворочая языкомъ. — Я пріѣхалъ за тобою, Іози, чтобы взять тебя домой, съ дѣтьми. У меня обратный билетъ.

Онъ дрожащей рукой вытащилъ изъ кармана жилета зеленую карточку и показывая ее дочери, прибавилъ:

— Видишь. Завтра или сегодня. Билетъ дѣйствителенъ три дня.

Его голосъ принялъ добродушный, успокоивающій оттѣнокъ. Онъ весьма обстоятельно прочелъ число, годъ и все, что было напечатано на билетѣ. Довѣрчивая улыбка появилась на его грубоватомъ лицѣ.

— Старуха всю ночь возилась,—сказалъ онъ.—Какъ только вчера вечеромъ была получена телеграмма отъ адвоката,—онъ вздохнулъ,—что все кончено, то она немедленно принялась приготовлять постели. Я же чувствовалъ себя точно быкъ, оглушенный ударомъ въ голову, но вѣдь не было ни одного поѣзда... понимаешь Іози?

Іозефина ласково прижала его руку къ груди.

— Ты милый, добрый отецъ! Ты одинъ только добрый и хорошій!—проговорила она, и всхлипывая, положила ему голову на плечо.

Платтнеръ смущенно смотрѣлъ въ даль. Темнорусая головка, прильнувшая къ его плечу, напоминала ему о давно прошедшихъ временахъ и онъ чувствовалъ себя растроганнымъ.

— Ну! Ну!—проговорилъ онъ, запинаясь и словно ища, что сказать, и потомъ вдругъ быстро вымолвилъ:

— И всю ночь была гроза, громъ гремѣлъ, не переставая... и я подумалъ: хорошо бы, если бы онъ провалился въ преисподнюю, этотъ негодяй!

Іозефина выпрямилась, и ея заплаканные глаза заблистали гнѣвомъ.

— Ахъ вы! Вы—всѣ!—вскричала она пронзительно.—Все одно и то же! Только негодяй! Я не могу больше слышать этого! Это меня убиваетъ! Вѣдь онъ уже осужденъ... на пять лѣтъ! Отецъ, подумай только! Вѣдь это же тюрьма! И все время, до самой послѣдней минуты я надѣялась...

Снова слезы хлынули потоками изъ ея глазъ. Ломая руки, она начала быстро ходить по комнатѣ.

— Горе, горе тому, кто попадетъ къ нимъ въ руки! Имъ это нужно! Ихъ это радуетъ! — говорила она. — Долженъ же быть кто-нибудь козломъ отпущенія для всѣхъ этихъ лицемѣровъ, для того чтобы они могли засвидѣтельствовать свою добродѣтель, раздирая его въ клочки!.. Нѣтъ, отецъ, я не могу такъ относиться! Ты не долженъ выводить меня изъ себя, говоря подобнымъ образомъ. Ты добръ отецъ, но, видишь ли... Я не могу ѣхать съ тобой! Мы не придемъ къ соглашенію. У тебя свой взглядъ, но я... вѣдь я жена! А тамъ дѣти, его четверо дѣтей! Если бы я тоже стала кричать: О! О! Негодяй!.. Было бы лучше? Нѣтъ, лучше ужъ прямо броситься въ озеро;

по крайней мѣрѣ былъ бы одинъ конецъ! Но этого нельзя!... Не осталось бы ни отца, ни матери у четырехъ сиротокъ. Подумай, отецъ, какъ это было бы ужасно... и притомъ—стыдно! Я не могу на это рѣшиться, хотя такъ бы охотно сдѣлала это!

У нея захватило дыханіе. Блѣдный, съ нахмуреннымъ лбомъ, стоялъ возлѣ нея отецъ, неподвижно выслушавшій весь потокъ ея страстной, исполненной негодованія рѣчи.

Въ двери постучали и вошла служанка съ докладомъ, что кофе готовъ. Отецъ и дочь отправились на балконъ и, словно выполняя какую то неотложную обязанность, принялись за ѣду. За столомъ они не разговаривали. Платтнеръ мокалъ хлѣбъ въ большую кофейную чашку и что-то ворчалъ про зубную боль. Его слова точно пробудили Іозефину.

— У тебя зубы болятъ, отецъ?—спросила она.—Который, покажи?

— Зубы всѣ здоровы, — отвѣчалъ Платтнеръ и раскрывъ ротъ, показалъ дочери свои крѣпкіе желтые зубы,—но постоянное волненіе въ послѣднее время, все это дѣйствуетъ на нервы. Ну, а твое здоровье, какъ?—прибавилъ онъ, озабоченно взглянувъ на дочь.

— Благодарю, папа. Ничего. Я ничего не замѣчаю.

Онъ взглянулъ на дочь и ему бросилась въ глаза необыкновенная худоба ея щекъ и рѣзкія линіи около рта. Онъ ласково пожалъ подъ столомъ ея руку и проговорилъ:

— Не замѣчаешь ничего, пока не наступила реакція, но она будетъ.

Они снова замолчали. Платтнеръ посмотрѣлъ вдаль. Утро было облачное, и солнце свѣтило не такъ ярко. Съ балкона, обвитаго виноградомъ, открывался видъ на красивый бѣлый городъ, расположенный у зеленаго озера, надъ которымъ низко повисли облака. Временами лучъ солнца, прорѣзавъ слой облаковъ, освѣщалъ окна, стеклянныя крыши, начинавшія сверкать, и ярко-зеленыя луга на Утли; вообще на всемъ лежалъ какой-то мягкій лиловато-сѣрый оттѣнокъ и только голая вершина Фельзенеггъ отсвѣчивала розоватымъ свѣтомъ среди темной зелени окружающаго ее лѣса. Кругомъ раздавалось нѣжное чириканіе ласточекъ, летавшихъ низко около самаго балкона, и волны аромата поднимались въ воздухѣ изъ цвѣтущихъ виноградниковъ и зеленаго навѣса надъ балкономъ.

— Развѣ ваши виноградники цвѣтутъ только теперь?—спросилъ Платтнеръ.

— Да. Они запоздали. Солнца было мало.

Опять наступило молчаніе. Взоры Платтнера безсознательно слѣдили за игрою свѣта и облаковъ. Наконецъ, онъ съ шумомъ отодвинулъ кофейную чашку и, сложивъ свои загорѣлыя руки на столѣ, проговорилъ:

— Что ты сказала передъ этимъ, дитя? Я не совсѣмъ хорошо понялъ тебя.

Іози подняла свои обведенные темными кругами глаза, но снова опустила ихъ. Отецъ замѣтилъ, какъ тѣнь пробѣжала по ея лицу.

— Но намъ надо поговорить объ этомъ, хотя это и непріятно, Іози. Итакъ, рѣшимъ вопросъ. Хочешь ты сейчасъ подавать просьбу о разводѣ или еще подождешь?

— Нѣтъ, объ этомъ не можетъ быть рѣчи,—отвѣчала Іозефина твердымъ голосомъ.

Старикъ приподнялся со стула; глаза у него налились кровью.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.—Ты, очевидно, не хорошо разслышала. Вѣдь это лишь одна форма. Все пойдетъ очень гладко, безъ всякой загвоздки. Я думаю даже, что тебѣ не придется являться въ судъ. Это было бы непріятно. Когда мы отдѣлаемся, наконецъ, отъ этого бездѣльника законнымъ образомъ...

Іозефина вскочила такъ стремительно, что соломенный стулъ, на которомъ она сидѣла, упалъ.

— Нѣтъ, папа, нѣтъ! проговорила она съ настойчивостью въ голосѣ.— Разводиться я не буду, не пробуйте уговаривать меня! Трудно ли, легко ли добиться развода—мнѣ это все равно! Это невозможно. Но знаешь, на меня это дѣйствуетъ, какъ ударъ, каждое слово, которое ты говоришь объ этомъ. Только не говори, что я до сихъ поръ ослѣплена имъ! О нѣтъ! Я совсѣмъ не ослѣплена, отецъ, я все вижу ясно и разсуждаю обо всемъ спокойно!

Ея лицо внезапно раскраснѣлось, когда она говорила.

— Ты говоришь, не ослѣплена? Значитъ: околдована очарована! Такой негодяй, такой...—вскричалъ Платтнеръ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Видишь ли!—крикнула она въ отвѣтъ.—Это отъ того, что вы всѣ такъ говорите постоянно!.. Оттого что онъ всѣми покинутъ, всѣ его оттолкнули и онъ всѣми презираемъ! И я должна говорить такъ же, какъ и вы? Одного схватили, а десять тысячъ разгуливаютъ на свободѣ. Негодяй! негодяй! Все только негодяй! Фуй, точно банда! Всѣ напали на одного. Постыдились бы! Отецъ, знаешь ли, вѣдь Георгъ такой же, какъ другіе, совершенно такой...

Заливаясь слезами, она, точно подкошенная, опустилась на стулъ у стѣны, но замѣтивъ, что отецъ, молча и растерянно смотритъ на нее, Іозефина постаралась совладать со своимъ волненіемъ и заговорила:

— Прошу, прошу тебя, предоставь мнѣ дѣлать то, что я хочу Ты знаешь вѣдь, что я всегда хотѣла идти собственною дорогою: Я совершенно разбита теперь и просто схожу съ ума.—Она сжала виски руками.—Мнѣ бы хотѣлось выбѣжать на улицу и кричать до тѣхъ поръ, пока бы люди не отправились со мною, чтобы вырвать его оттуда, куда его похоронили.

Лихорадочнымъ, блестящимъ взоромъ смотрѣла она на отца, лицо

котораго приняло холодное выраженіе. Старикъ растерянно оглядывался кругомъ, а на лбу у него выступили крупныя капли пота, затѣмъ онъ отыскалъ шляпу, палку и направился къ двери.

— Итакъ... итакъ... Іози, прощай!—сказалъ онъ ей сухимъ тономъ, даже не протягивая руки.

Молодая женщина молча смотрѣла на его сборы. Она не въ состояніи была говорить, хотя бы отъ этого зависѣла ея жизнь, но сердце ея готово было разорваться отъ горя, что ея милый, дорогой отецъ уходитъ такъ...

И онъ ушелъ. Она слышала его тяжелые шаги и стукъ палки, на которую онъ опирался. Дверь скрипнула, и старикъ началъ медленно спускаться по лѣстницѣ... Только тогда Іози вышла изъ своего оцѣпенѣнія. Она бросилась къ своему малюткѣ, лежавшему въ колыбели, схватила его на руки и быстро сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, вдогонку отцу. Она настигла его на послѣдней ступени:

— Отецъ!—кричала она ему, задыхаясь.—А дѣти?.. Вѣдь ты еще не видалъ дѣтей!

Платтнеръ повернулся и пошелъ вслѣдъ за нею. Старшія дѣти шалили и шумѣли въ своихъ кроваткахъ. Іозефина широко распахнула двери дѣтской и крикнула:

— Скорѣе, сюда, дѣдушка пришелъ!..

Въ рубашонкахъ, съ голыми ножками, дѣти вылѣзли изъ своихъ кроватокъ и робко подошли къ дверямъ. Впереди шелъ худенькій, блѣдный мальчикъ, лѣтъ семи, съ большою бѣлокурою головою, безпокойными глазами и покраснѣвшими отъ сна щечками. За нимъ слѣдовала такая же худенькая дѣвочка, съ тонкими, шелковистыми темными волосами и опущенной головкой. Она, точно сконфуженная, шла за своимъ братомъ. Іозефина, взявъ самаго младшаго на руки, поспѣшила на кухню. Ей было пріятно удалиться на мгновеніе, сознавая въ то же время, что ея славный, добрый отецъ все еще находится здѣсь, въ ея печальномъ домѣ.

Іозефина стояла въ кухнѣ и разсѣянно смотрѣла, какъ дѣвушка купала и одѣвала маленькую Нину. Малютка схватила губку и, прижавъ ее къ своему ротику, начала ее сосать; дѣвушка, смѣясь, отнимала губку. Изъ комнаты доносились веселые, радостные голоса дѣтей и голосъ ея отца и его смѣхъ. Іозефина вздохнула съ облегченіемъ. Въ сущности ея отецъ былъ веселымъ человѣкомъ, сохранившимъ свою молодость среди своихъ юныхъ питомцевъ сельскохозяйственной школы. И она чувствовала, что онъ всегда будетъ стоять возлѣ нея, со всѣмъ своимъ практическимъ умомъ и отцовскимъ сердцемъ, готовый оказать ей поддержку. Только бы не произошло между ними окончательной размолвки, только бы не пришлось ей отказаться отъ опоры его руки!

Іозефина мѣшкала идти назадъ въ комнаты, но когда она, наконецъ, рѣшилась и увидала веселую группу, то вдругъ на душѣ у нея стало

свѣтло. Дѣти тѣсно прижимались къ дѣдушкѣ, который сидѣлъ посреди комнаты, выходящей на балконъ. Маленькая фигурка Рёсли совсѣмъ скрывалась въ сильныхъ рукахъ старика. Ребенокъ прижималъ головку къ его груди, а ручонками копошился въ его сѣдой бородѣ, Германнли сзади обнималъ дѣдушку, а младшій, Ули, стоялъ между колѣнъ старика, совершенно успокоившагося и ласково смотрѣвшаго на дѣтей.

— Они всѣ отправляются со мной, всѣ вмѣстѣ. Вся твоя буйная банда. Но самая буйная изъ всѣхъ вотъ эта дѣвчоночка!—сказалъ старикъ и шутя началъ тормошить темные локоны Рёсли, покачивая ее на своихъ рукахъ. Германнли, однако, остался этимъ недоволенъ и попробовалъ было вытѣснить ее изъ ея привилегированнаго положенія на колѣняхъ дѣдушки. Старикъ быстро окинулъ его взоромъ, и лицо у него слегка передернулось.

— Какъ мальчуганъ похожъ на него,—замѣтилъ онъ тихо.—Тебѣ придется-таки повозиться съ нимъ!—Затѣмъ онъ прибавилъ на романскомъ нарѣчіи:—онъ сейчасъ же меня спросилъ, гдѣ его отецъ. Мама говоритъ, что онъ въ больницѣ, но онъ ей не вѣритъ. «Почему же ты не вѣришь?» спросилъ я его. Тогда этотъ крошка сдѣлалъ серьезное лицо и прошепталъ мнѣ на ухо: «Мнѣ, дѣдушка, ты бы долженъ былъ сказать правду, что папа умеръ. Я не такъ глупъ, какъ думаетъ мама, я все замѣчаю».

Во время разговора матери и дѣдушки мальчикъ не спускалъ съ нихъ своихъ безпокойныхъ глазъ, словно угадывая, что такое они говорили на незнакомомъ для него языкѣ.

— Мама, когда папа вернется?—вдругъ спросилъ онъ, вѣшаясь на плечо дѣдушки.

— Когда онъ выздоровѣетъ — отвѣтила коротко Іозефина.

— Онъ, вѣроятно, будетъ долго боленъ?—проговорилъ мальчикъ вызывающимъ тономъ.

— Да, долго, вѣроятно.

— Сколько лѣтъ, мама? Цѣлый годъ или больше?

Въ голосѣ мальчика слышалась какъ будто иронія. Іозефина схватила его за руку и мрачно проговорила:

— Не болтай такъ много. Ступай теперь! Умойся, одѣнься! Маршъ!

Мальчикъ нагнулся къ самому уху дѣдушки и прошепталъ:

— Вѣдь мы оба мужчины, не правда ли, дѣдушка? Я хочу идти съ тобой. И ты мнѣ покажешь папину могилу. Ха, ха!

Онъ вдругъ дерзко захохоталъ, прямо въ лицо матери, затѣмъ какъ-то весь согнувшись, внезапно всхлипнулъ и, весь дрожа, удалился изъ комнаты, съ робкимъ видомъ пошла за нимъ Рёсли, и только маленькій, краснощекій Ули, въ своей коротенькой рубашонкѣ, проскакалъ верхомъ на цвѣточной вѣткѣ, съ веселымъ смѣхомъ, по всей комнатѣ и балкону, мимо своей матери и дѣдушки, которые снова печально сидѣли рядомъ, изрѣдка перекидываясь словами:

— Такъ вы не поѣдете со мною?

— Нѣтъ, папа!

— Что же ты думаешь дѣлать?

— Не знаю. Начну работать.

— И полагаешь съ этого жить?

— Да!

— Съ дѣтьми?

— Еслибъ у меня не было дѣтей, то и жить было бы незачѣмъ.

— Та-а-къ!—протянулъ старикъ, и взглядъ упрека, который онъ бросилъ на Іозефину, проникъ ей въ самое сердце.

— Не бойся,—отвѣчала она съ горечью.—Я живу и хочу жить Но мальчикъ просто изводитъ меня своими вопросами. Я бы охотно отдала его тебѣ, еслибъ... вѣдь кто-нибудь изъ слугъ, воспитанниковъ можетъ сказать ему! Вѣдь тамъ они ни очемъ другомъ и говорить не будутъ.

— Въ моемъ присутствіи?—сердито воскликнулъ Платтнеръ и даже оглянулся, какъ будто ожидая увидѣть обидчика своей дочери.

Наступило молчаніе. Солнечные лучи, проникая черезъ лиственную занавѣсь балкона, рисовали причудливые узоры на полу. Все предвѣщало прекрасный лѣтній день, хотя утро было туманное.

— Чего только не уготовляетъ человѣкъ самъ для себя!—прервалъ Платтнеръ свое тяжелое раздумье.

Іозефина молча кивнула головой.

— Да и мы, дитя, также,—прибавилъ онъ.

— Я? Развѣ я могу что-нибудь сдѣлать? Судьба лишила меня возможности дѣлать выборъ.

— Но если бы... если бы ты отказалась отъ этого человѣка... развелась бы съ нимъ и вернулась бы къ своему отцу...

— То поступила бы низко!—вскричала Іозефина.—По крайней мѣрѣ съ моей точки зрѣнія. Да я и не могла бы этого сдѣлать. Тутъ нѣтъ никакого разсчета, никакого разсужденія съ моей стороны. Но если я полюбила кого-нибудь, то буду любить наперекоръ всему міру. Мы въ аду теперь, отецъ, въ аду...

Она вскочила. Ея пристальный, словно остановившійся взглядъ испугалъ его, и онъ невольно поднялъ руку, точно собираясь защитить ее отъ невидимаго врага, но рука его снова безпомощно опустилась. Выраженіе ея подвижного личика опять измѣнилось.

— Надо выбраться оттуда, отецъ, непремѣнно надо, но не такъ, какъ ты думаешъ,—проговорила она.—Надо и его вырвать оттуда, иначе это будетъ низко. Еслибъ я могла... Еслибъ я могла только доказать, что его невинно осудили!

Съ блестящими глазами, высоко поднятою головою и пылающими щеками Іозефина остановилась передъ отцомъ. Она точно преобразилась, стала совсѣмъ другою женщиной. Это была одна изъ тѣхъ

минутъ, когда то, что таится въ глубинѣ души человѣка, внезапно прорывается наружу, и его собственная личность выказывается въ совершенно иномъ, совершенно новомъ свѣтѣ. Отецъ изумленно смотрѣлъ на свою дочь и молчалъ, не зная, что сказать. Дочь взяла верхъ надъ нимъ, надъ всѣми его взглядами, которые онъ считалъ непоколебимыми, надъ его симпатіями и антипатіями. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ мягкимъ, печальнымъ тономъ!

— Невиненъ? Іози, ты бредишь! Вѣдь онъ же сознался. Всѣ доказательства его вины на лицо. Отъ этой надежды надо отказаться.

Іозефина отвѣтила не сразу. Воодушевленіе, охватившее ее, исчезло, но губы у нея дрожали отъ негодованія.

— Да кто же на свѣтѣ можетъ назвать себя совершенно невиннымъ! Кто?—вскричала она.—Какой человѣкъ и какой мужъ? Можно ли было бы оставить на свободѣ кого-нибудь, еслибъ знать, всю его жизнь, во всѣхъ подробностяхъ?

— Замолчи! Ты уже говорила это Но я запрещаю тебѣ произносить такія слова въ моемъ присутствіи.

Платтнеръ всталъ, и краска гнѣва покрыла его щеки. Съ заложенными на спинѣ руками онъ началъ быстро ходить по комнатѣ, взадъ и впередъ, мучимый безконечнымъ чувствомъ состраданія къ своей упрямой, своенравной дочери, которая и въ горѣ выказывала такую самостоятельность, такую непокорность.

— Я такъ далеко зашла, что для меня теперь все кончено,—проговорила Іози, не глядя на отца —Уваженіе людей? Вѣра въ людей? Все это пустяки. Сегодня одно, завтра другое, и всѣ люди такіе ничтожные! Несчастныя, безумныя творенія, всѣ мы!

— Ты противорѣчишь себѣ на каждомъ словѣ и сама не замѣчаешь этого,—сказалъ сердито Платтнеръ.

— Противорѣчу?.. Что-жъ, пожалуй! Кругомъ меня только одни противорѣчія... У меня не осталось ни вѣры, ни надежды и только эта... эта крупица любви. Это вѣдь такъ естественно, человѣчно...

Она вдругъ зарыдала. Маленькій трехлѣтній Ули, вошедшій, раскачиваясь, въ комнату, увидалъ это, и его личико исказилось; онъ готовъ былъ также заревѣть, но дѣдушка прижалъ его къ себѣ и, поймавъ руку Іози, сказалъ:

— Хорошо, хорошо, я болѣе ничего не буду говорить. Пусть будетъ у насъ миръ то малое время, которое я здѣсь пробуду...

Онъ остановился и, окинувъ взоромъ комнату, вскричалъ:

— Но, Іози, зачѣмъ ты, по крайней мѣрѣ, не убрала портретъ? Вѣдь это ужасно, если кто-нибудь...

Онъ оборвалъ рѣчь и посадилъ Ули къ себѣ на колѣни. Несчастный Георгъ! Какъ онъ ненавидѣлъ этого человѣка!

Три дня пробылъ Платтнеръ у своей дочери, и всѣ эти три дня онъ постоянно сталкивался съ призракомъ прежняго хозяина этого дома Онъ никуда не могъ уйти отъ него, и все напоминало ему о немъ; въ столовой большой портретъ Іозефины и Георга, съ маленькимъ, годовалымъ Германомъ на колѣняхъ, портилъ ему аппетитъ и часто заставлялъ его останавливаться на полусловѣ, если случайно взоръ его встрѣчался съ этимъ портретомъ. Въ передней ему непріятно рѣзали глаза фарфоровыя дощечки на дверяхъ съ надписью: «Пріемная. Отъ 7 до 9 и отъ 3 до 5 часовъ». Въ гостиной его раздражала картина, изображающая Георга и его сестру Лицилу. Она въ бѣломъ платьѣ и вуали, какъ для конфирмаціи, а онъ, тогда еще подростокъ, съ длинными свѣтлыми волосами, въ коричневой бархатной курткѣ, съ томными глазами и толстою нижнею губой, какъ у взрослаго. «Уже и тогда онъ ни на что не былъ годенъ, нахальный, чувственный болванъ! —думалъ съ раздраженіемъ Платтнеръ и даже украдкою сжималъ кулаки.—И онъ получилъ мою Іози, мое лучшее, мое славное дитятко! Гдѣ были у тебя глаза, старый оселъ? Всѣ мы были слѣпы тогда!»

Въ спальнѣ, въ которой прежде обиталъ докторъ Георгъ Гейеръ, находился его потретъ, въ группѣ съ другими корпораціонными студентами. Среди остальныхъ болѣе, или менѣе незначительныхъ физіономій, его лицо бросалось въ глаза. Это было красивое лицо, за исключеніемъ рта, но ротъ скрывала борода. «О, чтобы чортъ побралъ его!» думалъ старый Платтнеръ и, чтобы лучше спать, снялъ фотографію со стѣны, а то она не давала ему покоя.

Впрочемъ, онъ спалъ все-таки плохо. Его мучила мысль, отчего онъ не можетъ взять съ собою свое бѣдное, мужественное дитя, унести его на рукахъ, вмѣстѣ съ ея малютками, туда, подальше, на свѣжій воздухъ? Онъ бы хотѣлъ приказать ей: «Не думай о немъ больше! забудь его лицо, его голосъ, свою восьмилѣтнюю совмѣстную жизнь! забудь прошлое счастье и долгій позоръ! Пусть все будетъ такъ, какъ будто ничего не было!» Въ ея отсутствіи старику казалось такъ легко сказать это. Она представлялась ему такой юной, безпомощной, такъ безконечно нуждающейся въ поддержкѣ! Но когда онъ видѣлъ ее передъ собою, съ выраженіемъ твердой рѣшимости на серьезномъ лицѣ, онъ чувствовалъ, что не можетъ сказать ей ни слова и съ горечью думалъ: «Никогда мы не поймемъ другъ друга. Проклятый негодяй стоитъ между нами!»

И Платтнеръ проклиналъ и ненавидѣлъ его все больше, съ каждымъ днемъ, а дочь чувствовала это, и ея дорогой отецъ казался ей окруженнымъ какою-то враждебною атмосферою, которая отдаляла ее. Она слышала проклятія, хотя они и не были выговорены имъ, и горе и раздраженіе боролись въ ея душѣ.

Ночью Платтнеръ лежалъ и думалъ: «Она говоритъ, что этотъ негодяй такой же, какъ другіе! Что она хочетъ сказать этимъ? Неужели,

ко всему прочему онъ еще добавилъ и это, уничтожилъ у нея нравственное чувство? Неужели и она испорчена?»

Но когда онъ видѣлъ Іози, то чувствовалъ облегченіе: «Нѣтъ, она невиновна; она даже не понимаетъ, что онъ сдѣлалъ!» думалъ старикъ.

Прощаніе было необыкновенно печально. Оставляя домъ, Платтнеръ снова увидѣлъ на стеклянной двери мѣдную дощечку, блестѣвшую на солнцѣ, и надпись: «Докторъ Георгъ Гейеръ, практикующій врачъ». Іози стояла возлѣ отца, вся въ черномъ, блѣдная и исхудалая, съ выраженіемъ тревоги въ глазахъ. Она такъ боялась, чтобы не произошло у нея столкновенія съ отцомъ

— Прощай, дѣдушка, прощай!—кричали старшіе дѣти. Трехлѣтняго Ули и годовалую Нину дѣдушка увозилъ съ собой. Ихъ отправили на вокзалъ раньше съ горничной, которая должна была сопровождать ихъ и заботиться о нихъ дорогой.

Платтнеръ, весь красный отъ гнѣва, указалъ дочери на свѣтлѣвшую на солнцѣ мѣдную дощечку съ именемъ ея мужа и спросилъ: —что-жъ, это тутъ остается?

— Да,—отвѣчала Іози вызывающимъ тономъ.

— Да вѣдь это неправда! Онъ живетъ теперь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, воскликнулъ Платтнеръ. но взоръ его нечаянно упалъ на дѣтей, и онъ умолкъ. Ему стало страшно. Здѣсь, на порогѣ разставанья, онъ чуть-чуть не поссорился съ ней и не наговорилъ ей жесткихъ словъ.

Но Іозефина также спохв тилась.

— Нѣтъ, отецъ, ты такъ не уйдешь, — сказала она.—Мы тебя проводимъ. Принесите свои шляпы, дѣти.

Платнеръ молча и сумрачно смотрѣлъ на нее, когда она стояла, готовая идти вмѣстѣ съ нимъ. У нея вдругъ мелькнуло подозрѣніе.

— Я не ношу вуаля, отецъ. Можетъ быть, мнѣ бы нужно повязать его? Ты не стѣсняешся идти со мною такъ, открыто, по улицамъ?

— Пойдемъ. пойдемъ, — проговорилъ Платтнеръ усталымъ голосомъ.

— Но на тебя всѣ уставятся, отецъ; всѣ захотятъ посмотрѣть на тебя. Мнѣ хорошо знакомо это жестокое любопытство,—прибавила она рѣзко.

Не отвѣчая, Платтнеръ взялъ за руку маленькую Рёсли и пошелъ впередъ.

Въ глазахъ Іози сверкнули искры, и она уже собиралась снять шляпу.

— Идемъ, идемъ, мама. Поѣздъ сейчасъ отойдетъ! кричалъ Германъ.

Они вышли на улицу. Дорогой отецъ и дочь обмѣнялись между собой лишь безразличными замѣчаніями, и сумрачное выраженіе не исчезало съ ея лица. Только когда они вошли на платформу и очутились въ толпѣ, Іозефина прижалась къ отцу.

— Вѣдь это все однѣ глупости! воскликнула она и прибавила торопливо.—Я тебѣ еще ничего не говорила о своихъ планахъ. Но, разумѣется, они у меня есть. Съ этими глупостями, печалью и т. п. только теряешь время и силы. Однако ты сейчасъ долженъ уѣхать. Какъ жаль! У меня есть планъ, громадный, широкій. Когда я увижу, что дѣло налаживается, то напишу тебѣ. Ты поможешь мнѣ, не правда ли? Ахъ, теперь уже нѣтъ времени, а между тѣмъ всѣ эти три дня... О, ужъ надо садиться! Я едва успѣю поцѣловать дѣтей!

Но Платтнеръ изъ окна крикнулъ все-таки своей дочери:

— Дверная дощечка вовсе не нужна; только вводитъ въ заблужденіе...

Онъ видѣлъ, какъ она упрямо мотнула головой въ отвѣтъ.

Скоро густыя, сѣрыя облака пара заслонили стоящихъ на платформѣ людей и нельзя было уже различить платковъ, которыми махали провожающіе...

Іозефина плакала, возвращаясь съ вокзала. Опечаленныя дѣти молча шли рядомъ съ нею. Вдругъ она сказала:

— Дѣти, нашъ милый, милый дѣдушка уѣхалъ! Но мы тысячу разъ должны благодарить его за то, что онъ къ намъ пріѣзжалъ.

— Тысячу разъ!—невольно повторили дѣти.

И все послѣобѣда, расхаживая по опустѣлымъ комнатамъ и занимаясь разными хозяйственными дѣлами безъ посторонней помощи, Іози, не уставая, твердила дѣтямъ о «дорогомъ дѣдушкѣ, которому они должны быть такъ благодарны».

— Но онъ ничего не привезъ намъ,—сказалъ Германъ, прищуриваясь.

— Ну, а Ули и Нина?—спросила робкимъ голосомъ Рёсли.—Развѣ же они не будутъ больше жить съ нами?

— Нѣтъ, а мнѣ все-таки хотѣлось бы знать, въ какомъ госпиталѣ находится папа,—шепнулъ мальчуганъ своей сестренкѣ.—Навѣрное мама его не любитъ, иначе она бы его навѣстила. Вотъ погоди: я пойду какъ-нибудь и начну спрашивать въ каждомъ домѣ: не тутъ ли мой папа?

— И я пойду съ тобой,—сказала Рёсли тихо.

— Нѣтъ, тебѣ нельзя! Это могутъ только мужчины. Знаешь ли, Рёсли, я думаю, что папа давно умеръ, только мама не хочетъ этого говорить. Онъ ушелъ какъ-то утромъ, когда мы всѣ еще спали и больше не вернулся. Навѣрное его убили. Надо отыскать его могилу. Я положу на нее вѣнокъ изъ иммортелей. Это цвѣтокъ для мертвыхъ.

— И бѣлыя розы также вѣдь для мертвецовъ,—замѣтила Рёсли, прижимаясь къ брату.

— Нѣтъ. Ты слишкомъ мала. Ты еще глупый гусенокъ. Папа убитъ, говорю тебѣ.

И Германъ посмотрѣлъ на нее мрачнымъ взоромъ. Рёсли стало страшно.

— Ты это лжешь,—вскричала она, возмущенная.—Я скажу объ этомъ мамѣ.

— Ахъ ты, глупенькая! Отчего же мама всегда одѣта въ черное? Вѣдь черное означаетъ трауръ. Видишь сама!

Рёсли пришла въ сильное волненіе.

— Что-жъ у насъ будетъ теперь новый папа?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Ого, она уже заговорила о новомъ папѣ? Такъ, милая, не говорятъ—говорятъ: отчимъ! То-то онъ будетъ тебя бить!

Мальчуганъ злобно расхохотался, потомъ вдругъ умолкъ.

Дѣти испуганно переглянулись.

— Что съ вами? Чего вы шепчетесь?—спросила мать.—Говорите громко.

— Мы разговариваемъ кой о чемъ, мама,—сказала Рёсли.

— Мы разговариваемъ о Рождествѣ, мама!—воскликнулъ Германъ и при этомъ прищелкнулъ пальцами. Онъ дерзко расхохотался въ лицо своей сестренкѣ.

— О Рождествѣ? Уже теперь?—Іози вздохнула съ облегченіемъ.— Ну, что-жъ, это хорошо, разговаривайте о Рождествѣ, только не забывайте о дѣдушкѣ.

Дѣти молча кивнули головой и снова прижались другъ къ другу, продолжая фантазировать на тему, которая больше всего занимала ихъ маленькія головки.

Іозефина не ожидала, что сестры пріѣдутъ къ ней, но однажды, въ сумерки, онѣ явились, шурша шелковыми юбками, молодыя, красивыя, элегантныя, распространяя запахъ тонкихъ духовъ въ комнатѣ. Онѣ сидѣли въ шляпахъ и вуаляхъ, когда Іозефина вышла къ нимъ изъ дѣтской. Сердце у нея билось такъ сильно, что она не могла говорить и только машинально переставила изъ одного угла комнаты въ другой зонтики, которые взяла у нихъ изъ рукъ.

Хорошенькія женщины сидѣли противъ нея, какъ воплощеніе нечистой совѣсти и молча перебирали свои носовые платки.

Дверь на балконъ была чуть пріотворена, такъ какъ дождь лилъ ливмя. Шумъ падающихъ капель и листвы раскачиваемыхъ вѣтромъ деревьевъ смѣшивался со скрипомъ и звономъ проходящихъ по улицѣ трамваевъ. Посѣтительницы поочереди вздыхали и сморкались.

Старшая, Адель, стройная и высокая, съ болтающимся на шнуркѣ лорнетомъ взглянула испытующе на Іозефину.

— Такъ ты носишь черное! Да, да!—замѣтила она участливо.

— Вы вѣдь напьетесь со мною чаю?—спросила Іозефина, вставая, но вторая, Марія, удержала ее.

— Мы не затѣмъ сюда пришли,—сказала она, и ея маленькое за-

плаканное личико, окруженное взбитыми бѣлокурыми волосами, искривилось.—Правда ли, Физи, что ты не хочешь разводиться?

— Да, это правда,—отвѣчала Іозефина, смотря въ сторону.

— Но... mon Dieu! mon Dieu! Что же скажутъ они?

Адель сняла перчатки и заломила руки.

— Кто это они?—спросила разсѣянно Іозефина.

— Люди, Физи, люди!

— Да, но меня это не заботитъ,—отвѣчала Іозефина, и лицо ея сдѣлалось мрачнымъ.

— Они говорятъ, что у тебя недостаетъ нравственныхъ понятій!—вскричала Марія.

— У меня есть свои собственныя понятія, Міа.

— Но этого тебѣ никто не прощаетъ, Іозефина!

— Даже и вы не прощаете?—спросила Іозефина какимъ-то странно веселымъ тономъ.

— Мы—другое дѣло,—возразила Адель и даже гордо выпрямилась при этомъ.—Мы твои сестры. Мы тебя знаемъ.

— Развѣ я ваша сестра? Развѣ вы меня знаете? — сказала Іозефина, заикаясь. На лицѣ у нея появилась горькая усмѣшка и въ сердцѣ она почувствовала уколъ.

— Мой мужъ...—начала Мари.

— Мой Леонъ...—прибавила Адель.

— Ну да, вы счастливицы,—прошептала Іозефина.

— Но вѣдь это не наша вина!—вскричали онѣ обѣ.

— Нѣтъ, это ваша заслуга,—замѣтила Іозефина съ горечью.

Посѣтительницы сердито переглянулись.

— Мы раньше знали, какъ ты насъ примешь, — замѣтила Адель обиженнымъ тономъ.—Но мы все-таки пришли, во имя Господа.

— Бѣдная Физи! Ты, разумѣется, должна быть очень ожесточена,—прибавила Марія, всхлипывая и обмахивая свои покраснѣвшіе глаза платкомъ.—Но мы, т.-е. наши мужья и мы—относимся къ тебѣ хорошо.

Іозефина посмотрѣла на говорившую долгимъ, мрачнымъ взглядомъ; затѣмъ она перевела глаза на полъ и уставилась въ него какимъ-то безжизненнымъ взоромъ.

— Зачѣмъ вы пришли?—проговорила она тихо.

— Если бы ты не приняла это дурно...

Марія кокетливо склонила головку на бокъ, а Адель снова выпрямилась и заговорила:

— Самое лучшее, милая Іозефина, чтобы ты уѣхала изъ Цюриха, изъ этого мѣста... Ну, вѣдь мы всѣ отлично понимаемъ, какъ тяжело тебѣ здѣсь оставаться! Лучше всего было бы тебѣ поѣхать къ отцу, но въ его положеніи директора сельско-хозяйственной школы.., само собою разумѣется... нѣтъ, лучше всего было бы, если бы ты посели-

лась гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Ради дѣтей это нужно. Тамъ они были бы на чистомъ воздухѣ. Вѣдь воздухъ гораздо чище въ деревнѣ, нежели въ городѣ...

— Да, Физи, въ немъ нѣтъ никакихъ зародышей болѣзней. А вѣдь это что-нибудь да значитъ!—вмѣшалась Мари.

— Совершенно вѣрно,—согласилась Адель.—Ну, а потомъ, когда ты, наконецъ, рѣшишься на разводъ,—подожди, дай сказать!—Леонъ и отецъ, а быть можетъ и Альбертъ, если его дѣла къ тому времени расширятся, будутъ ежегодно выдавать тебѣ по тысячѣ франковъ для того, чтобы ты могла воспитать своихъ дѣтей и сама спокойно прожить. Вѣдь въ деревнѣ, гдѣ все дешевле, квартира и проч., ты можешь хорошо прожить на три тысячи франковъ. Но Леонъ говоритъ, что онъ готовъ прибавить еще 500 фр., если ты согласишься, такъ какъ это, знаешь ли, его идея и отецъ еще ничего объ этомъ не знаетъ...

— Отецъ былъ здѣсь,—перебила ее Іозефина.

— Здѣсь? У тебя, а не у насъ? Какъ долго онъ пробылъ?

— Три дня.

— Три дня? — Сестры переглянулись. — И къ намъ онъ даже не зашелъ? Ну, значитъ, въ хорошемъ онъ былъ настроеніи!

Онѣ замолчали. Марія вздыхала и качала головой. Наконецъ, Адель спросила:

— Ну, Физи, что же ты скажешь о предложеніи Леона?

Іозефина по-прежнему сидѣла съ потупленнымъ взоромъ и вертѣла въ рукахъ поблекшую розу, выпавшую на столъ изъ букета, стоящаго въ вазѣ.

— Я понимаю,—заговорила она съ усиліемъ,—что вамъ и вашимъ мужьямъ непріятно, что я тутъ остаюсь. Я благодарю васъ за ваши заботы, ради дѣтей. Двое младшихъ уже находятся у отца и мнѣ пока надо заботиться только о двоихъ.

Сестры слушали ее, затаивъ дыханіе.

— Мы ничего этого не знали, — сказала Адель удивленно, — мы всегда послѣднія узнаемъ обо всемъ. Впрочемъ, это ничуть не мѣняетъ плана Леона. Онъ очень стоитъ за него и даже выбралъ мѣсто, гдѣ бы ты могла поселиться: въ Шелонѣ, въ Маркотѣ, на берегу чуднаго Луганскаго озера, мы бы и сами охотно поселились тамъ, правда, Міа?

Адель приняла шутливый, веселый тонъ и продолжала:

— Такъ какъ же, Физи? Леонъ, — онъ и самъ не знаетъ какъ!— получилъ въ Маркотѣ прелестный домикъ. Этотъ домикъ принадлежитъ одному изъ его разорившихся товарищей по дѣламъ, говоритъ онъ. Сверху до низу домикъ обвитъ вѣчно зелеными вьющимися розовыми кустами. Маленькія, желтенькія розы на этихъ кустахъ, вѣдь ты знаешь, удивительно рано начинаютъ цвѣсти. И садикъ есть при

домѣ, съ кустами камелій на открытомъ воздухѣ. Все безупречно. И этотъ домикъ Леонъ предоставляетъ тебѣ съ дѣтьми, даромъ. Ты можешь жить въ немъ. Дядя Биррли, услышавъ объ этомъ вскричалъ даже: «Чортъ возьми! Я бы и самъ туда уѣхалъ!» Единственно то, что домикъ лежитъ совсѣмъ уединенно. Какъ бы вдали отъ міра. Но вѣдь это для тебя лучше, Физи? Вѣдь тебѣ надо забыться, бѣдняжка! А тамъ непремѣнно придетъ забвеніе. Розы, дѣти, камеліи...

Іозефина молчала, но дышала тяжело и все быстрѣе вертѣла совершенно ощипанную розу въ рукахъ.

Марія вмѣшалась:

— Одиночество хорошо, но я бы все-таки боялась оставаться одна. Я сейчасъ же сказала: Физи должна имѣть большую собаку. Эту собаку я подарю тебѣ, милая Физи; безъ собаки я ни за что не пущу тебя въ такое уединенное жилище. Ты знаешь, въ Рапперсвилѣ я видѣла прелестныхъ щенковъ, настоящіе сенъ-бернарды. Я тоже беру себѣ одного; Альбертъ вѣдь такъ часто уѣзжаетъ!... Они прелестнаго коричневаго цвѣта съ бѣлыми пятнами, вотъ такой великанъ,—она показала рукой.—Отецъ и мать два раза получали премію.

Марія говорила съ живостью и схватила холодную руку Іозефины. Въ первый разъ, съ той минуты какъ она вошла въ домъ сестры, она заговорила непринужденнымъ, оживленнымъ тономъ и прежняя натянутость исчезла.

Іозефина помотрѣла на нее и со странною усмѣшкой спросила:

— Ну, а еще что?

Сестры смутились; онѣ ничего не понимали.

— Ты, можетъ быть, не хочешь ѣхать на Луганское озеро? — испуганно спросила Марія.

Іозефина рѣзко расхохоталась въ отвѣтъ и, бросивъ розу, вскочила со стула, на которомъ сидѣла у стола.

— Отчего же не въ Африку? Не на острова Тихаго океана?—вскричала она. Вѣдь это было бы еще дальше. Тамъ, снабженная деньгами моего великодушнаго зятя, я бы жила въ обществѣ ручныхъ пантеръ! Что же мнѣ дѣлать, какъ не смѣяться? Какъ будто я ребенокъ! Ребенокъ? Нѣтъ, просто ничтожество, нуль! Ну-ка, Міа, разскажи мнѣ еще разъ, какого пса ты мнѣ подаришь! Покажи, какой онъ величины. А ты, Адель, что дашь ты мнѣ для моей защиты? Можетъ быть, динамитный патронъ! Вѣдь Альбертъ торгуетъ динамитомъ. Ахъ!

Смѣхъ ея сталъ еще громче, еще болѣе злобнымъ.,

— Ахъ, какъ вы добры, какъ вы удивительно добры,—продолжала она съ жаромъ.—Точь-въ-точь, какъ двѣ свѣтскія дамы, посѣщающія какого-нибудь бѣдняка! Великодушны до того, что можете довести до отчаянія, и добры такъ, что можно сойти съума! Но вотъ, видите ли,—она близко подошла къ сестрамъ и въ упоръ посмотрѣла на нихъ своими широко раскрытыми страдающими глазами,—это не подходитъ!

Сенъ-бернардскій песъ ѣстъ слишкомъ много, розы слишкомъ бываютъ красивы, а Луганское озеро слишкомъ голубое. Ха, ха, я вѣдь знаю, какое оно! Все это для такихъ людей, какъ вы, а не для меня! Отчего ты дѣлаешь глупое лицо, Міа? Жить на подачки въ моемъ положеніи и поступать такъ, какъ будто мнѣ все ни по чемъ! О дѣти, дѣти!..

Марія съежилась и простонала: «Ой, я боюсь... Мнѣ дурно. Дай мнѣ воды. Я не привыкла къ такому волненію.

Іози вышла изъ комнаты.

— Что у нея на умѣ?—шепнула сестрѣ Марія.

— Богу одному извѣстно. Вѣроятно, что-нибудь нелѣпое! Вѣдь ты ее знаешь. Ахъ, я боюсь, что такъ скоро мы не придемъ сюда во второй разъ.

Марія заплакала.

— Она невмѣняема. Какъ это дѣйствуетъ на нервы! какое положеніе! И какое упрямство!

Она оглянулась и прибавила:

— Какъ здѣсь пустынно! Ужасно! Уже по комнатамъ видно...

— Къ счастью, у Іозефины желѣзные нервы. Должно быть, и отецъ не очень довольный уѣхалъ отъ нея,—замѣтила Адель.

Въ эту минуту вошла Іозефина и принесла малиноваго лимонада.

— Будемъ говорить тише,—попросила она сестеръ.—Дѣти легко просыпаются. Они стали такіе безпокойные.

Свѣтъ лампы, нѣсколько смягченный нѣжно-голубымъ абажуромъ, отъ котораго лица казались еще блѣднѣе, падалъ на трехъ сестеръ, столь непохожихъ другъ на друга. Онѣ выпили по стакану лимонада и осматривали теперь Іозефину, какъ совсѣмъ чужіе люди. Между тѣмъ, она заговорила, торопливо и съ жаромъ, какъ всегда, когда ее покидала ея обычная сдержанность:

— Что я хочу дѣлать? О, очень много! Во-первыхъ, сюда ко мнѣ пріѣдетъ Лаура Анаиза изъ Кура. Отецъ мнѣ сегодня телеграфировалъ.

— Ахъ, это внучка старой Нины?—спросила изумленно Марія.

— Да. Ей уже восемнадцать лѣтъ, но она такъ мила и наивна. Мнѣ такъ хочется ее увидѣть поскорѣе!

— Удивительно!—замѣтила Адель.

— Лаура Анаиза—это настоящій полевой цвѣтокъ, — продолжала Іозефина.—И дѣти будутъ рады! Затѣмъ, такъ какъ это помѣщеніе слишкомъ велико для меня и слишкомъ дорого, то я сдамъ внаймы двѣ комнаты и мезонинъ.

— Нѣтъ, Физи, нѣтъ! Это совсѣмъ не нужно!—простонала Марія.

— Не нужно? Я знаю, что нужно. Многое нужно, все! Но главное впереди. Я буду изучать медицину и возьму на себя практику моего мужа.

Адель звонко разсмѣялась.

— Ты надъ нами насмѣхаешься! Это нехорошо, Физи; вѣдь мы пришли къ тебѣ съ самыми лучшими намѣреніями.

— И я съ вами говорю вполнѣ искренно. Съ той минуты, какъ я пришла къ этому рѣшенію, я снова сдѣлалась человѣкомъ. Я опять живу, а то вѣдь я не жила это время!

Марія ласково погладила Іози по щекѣ.

— Бѣдняжечка Іози, ты такъ испугала меня!—сказала она.

Іозефина поймала руку сестры и сжала ее въ своей лихорадочно-горячей рукѣ.

— Бѣдныя мои, простите!—проговорила она.—Но я должна здѣсь остаться. Гдѣ же я могу такъ удобно устроиться, чтобы учиться, какъ не здѣсь? Гдѣ я найду пансіонеровъ! Я научусь скоро; вѣдь я такъ часто помогала ему при операціяхъ!

Адель сидѣла точно замороженная и даже не играла съ пенснэ, что она всегда дѣлала по привычкѣ.

— Да, но захотятъ ли Леонъ и Альбертъ дать деньги для такого эксперимента...

Марія только вздохнула.

— Пожалуй, они и не захотятъ, — сказала Іози, помолчавъ.—Но вѣдь я и не разсчитывала на вашу помощь, дѣти. Мы вѣдь другъ друга хорошо знаемъ. Ваши пути не мои, и вы думаете не такъ, какъ я. Что дѣлать!

Марія украдкой посмотрѣла на Іозефину и ее поразило ее осунувшееся лицо и впалые глаза, въ которыхъ словно застыло выраженіе испуга. Глубокое сестринское чувство участія поднялось въ ея душѣ.

— Мнѣ такъ безконечно грустно,—сказала она.—Ты хочешь нести всю эту тяжесть одна, на своихъ плечахъ, бѣдняжечка! Но знаешь ли ты, въ чемъ ты нуждаешься больше всего теперь? Въ спокойствіи и отдыхѣ, больше ни въ чемъ! Когда я смотрю на тебя... право же никто не подумаетъ, что ты моложе всѣхъ насъ!

— Экая бѣда!—разсмѣялась Іозефина.—Я выгляжу ужасно. А это отъ того, что я все сижу, жду... Отъ этого можно съ ума сойти. Такъ дольше нельзя жить. Я должна что-нибудь дѣлать, должна имѣть какую-нибудь профессію, иначе я погибну. Только не думать! Отъ думъ сходишь съ ума! Надо работать, дѣйствовать. Все равно какъ!

Сестры скоро утихли. О помощи деньгами больше не было сказано ни слова.

— Подумай хорошенько, Физи,—сказали онѣ ей на прощаніе.

— Поправляйся! Набери силъ!—говорила ей Марія, цѣлуя ее.

Но когда онѣ ушли, Іозефина разразилась рыданіями, которыя разбудили дѣтей.

— Слышишь? — сказалъ Ге́рманли сестрѣ. — Мама опять плачетъ. Теперь ты видишь, что папа умеръ?

Отвѣтъ отца гласилъ слѣдующее:

«Мое дорогое дитя Іозефина!

«Ты изъ такихъ людей, которые всегда сами хотятъ выпутываться изъ затрудненій и которымъ помощь другихъ не приноситъ пользы. Я не одобряю твоего рѣшенія, не одобряю его прежде всего оттого, что ты откладываешь разводъ. Я-все таки стою на своемъ, что разводъ только откладывается, и, самое позднее, черезъ пять лѣтъ, когда минуетъ извѣстный, страшный срокъ, ты сама убѣдишься въ необходимости этого. Мнѣ только жаль, что онъ, вообще, выйдетъ когда-нибудь на свободу. Этого бы не должно быть. Не вѣрю я также, что ты дѣйствительно считаешь возможнымъ свое дальнѣйшее сожительство съ нимъ. Я не могу этому вѣрить. Я убѣжденъ, что для тебя это было бы большимъ несчастьемъ. Пораздумай объ этомъ, дитя.

«Я написалъ тебѣ напрямикъ, что не одобряю твоего рѣшенія учиться, но это слишкомъ рѣзко сказано. Я хочу только сказать, что этотъ вопросъ для меня новъ и чуждъ. Во всякомъ случаѣ, я готовъ тебѣ оказать поддержку и помогать тебѣ деньгами, сколько въ силахъ. Это само собою разумѣется.

«Пансіонеры ничему не повредятъ, только не утомляй себя черезчуръ. Нину и Ули я бы все-таки желалъ оставить у себя на послѣдующіе годы. Старуха совершенно ими очарована. Лаура Анаиза пріѣзжаетъ къ тебѣ завтра.

«Но это все-таки хорошо, что ты ищешь спасенія въ работѣ. Будь здорова.

«Твой отецъ».

Іозефина нѣсколько разъ поцѣловала письмо отца. Ей хотѣлось бы броситься передъ нимъ на колѣни, благодарить его за то, что онъ облегчилъ ея душу. Она только крикнула дѣтямъ: «Отъ милаго дѣдушки получено письмо, дѣти, смотрите, не забывайте его».

Она написала нѣсколько писемъ, объявленій о сдачѣ комнатъ внаймы и сама отнесла ихъ въ редакцію газеты и къ университетскому педелю, для того, чтобы онъ повѣсилъ ихъ на черной доскѣ. Она справилась также о томъ, когда можно говорить съ ректоромъ, и на обратномъ пути купила вишенъ дѣтямъ, которыхъ она взяла съ собой.

— Мамочка, не можемъ ли мы теперь пойти навѣстить папу? Ты сегодня такая веселая,—спросилъ Германъ, прыгая отъ радости.

Іозефина взяла за руки обоихъ дѣтей и сказала имъ серьезно:

— Германли и Рёсли, папа уѣхалъ въ большое путешествіе, далеко...

— Въ Африку?—вскричалъ мальчуганъ съ изумленіемъ.

— Да, да, въ Африку. Посѣщать его мы, значитъ, не можемъ.

— Развѣ онъ уже выздоровѣлъ?—Мальчикъ былъ совершенно пораженъ.

— Да, выздоровѣлъ.

— Но отчего же онъ не попрощался съ нами, не поцѣловалъ насъ даже, уѣзжая?

— Было очень поздно. Вы уже спали. Онъ вошелъ къ вамъ въ комнату, посмотрѣлъ на васъ, поцѣловалъ васъ спящихъ и уѣхалъ.

— Въ Африку?

— Да, въ Африку.

— Ну а мы, развѣ намъ это не грустно, мама?—спросила Рѣсли жалобнымъ голоскомъ.

Они сидѣли на скамейкѣ, на маленькомъ бульварѣ и уничтожали вишни. Іозефина притянула обѣихъ малютокъ къ себѣ и сказала, стараясь удержать слезы:

— Да, намъ грустно, но мы не должны объ этомъ думать. Мы должны думать только о томъ, какъ бы намъ сдѣлаться хорошими, умными людьми.

— Для того, чтобы обрадовать папу, когда онъ вернется,—замѣтилъ Германъ съ разсудительнымъ видомъ.

— Да. Помнишь, какъ онъ обрадовался, когда ты принесъ домой свое первое свидѣтельство?

— Значитъ, мы должны попрежнему любить папу?—спросила задумчиво Рѣсли.

— Ну конечно! Любите его, дѣтки, не забывайте вашего бѣднаго папу, но не говорите о немъ. Мамѣ это непріятно.

— Развѣ ему не хорошо въ Африкѣ?—прошептала Рѣсли.

— О нѣтъ, ему тамъ не хорошо. И онъ тоскуетъ о васъ и думаетъ о васъ, моя дѣвчоночка.

— И я тоскую и хотѣла бы его видѣть,—сказала дѣвочка, торжественно складывая свои маленькія ручки.—Мама, дай-ка мнѣ еще вишенъ.

— Да, но почему же папѣ не хорошо въ Африкѣ? Развѣ тамъ слишкомъ жарко?—приставалъ Германъ.

— Да, слишкомъ. Но послушайте, дѣтки, что я вамъ скажу. Мы будемъ папу любить, будемъ думать о немъ, но только про себя, въ нашемъ сердцѣ,—Іозефина прикоснулась къ груди Германа и Рѣсли,—но говорить о немъ мы больше не будемъ, ни вслухъ, ни шопотомъ, ни съ мамой, ни съ другими людьми. Слышите ли вы? Мамѣ это непріятно.

— Ну, а если меня въ школѣ спросятъ, что мой папа дѣлаетъ въ Африкѣ?—возразилъ неожиданно Германнъ.

Іозефина отъ испуга не нашлась, что отвѣтить ему, и только сказала:

— Вѣдь ты не можешь говорить о томъ, чего не знаешь.

— Но развѣ папа не пишетъ писемъ?

— Я не знаю. Если верблюды найдутъ дорогу черезъ великую пустыню...

Дѣти широко раскрыли глаза.—Развѣ папа ѣдетъ на верблюдѣ, мама?—спросилъ Германнъ, цѣпляясь за мать.

— Да, на верблюдѣ,—машинально отвѣчала мать.

Но мальчикъ началъ трясти ее за руку.

— Мама, разскажи намъ про великую песчаную пустыню, про верблюдовъ.

— Я тамъ не была, голубчикъ, и потому не знаю ничего. Но послушайте, что я вамъ разскажу. Ваша мама была когда-то маленькая, совсѣмъ маленькая, какъ Нина.

— Ты?—переспросила Рёсли, смѣясь.—Ну, я этому не вѣрю.

— А я вѣрю, вѣрю!—вскричалъ Германнъ.—Говори дальше, мама.

— Ну вотъ, маленькая Іозефина, ваша мама, была голодна и хотѣла пить. Но у нея не было доброй мамы...

— Отчего же у нея не было?—испуганно спросили дѣти, придвигаясь къ матери.

— Оттого, что она умерла и покинула свою маленькую Іозефину.

— Ахъ!.. Ну, а что же дѣлала маленькая Іозефина?

— Она плакала цѣлый день, потому что ей хотѣлось ѣсть и пить. Но когда ей кто-нибудь подносилъ къ ротику молоко, то она начинала вертѣть головой во всѣ стороны и кричать еще сильнѣе. И люди приходили и говорили: маленькая Іозефина умретъ, потому что она ничего не пьетъ!

— О!—Рёсли еще ближе придвинулась къ матери.—Ну а мы, гдѣ мы тогда были, мама?

— Пожалуй было бы лучше, еслибъ маленькая Іозефина тогда умерла, потому что ей пришлось много плакать потомъ,—сказала Іози, охваченная внезапною слабостью.

Германнъ погладилъ ея рукавъ:

— Мамочка, разскажи что-нибудь повеселѣе, пожалуйста.

— Да, да, теперь пойдетъ веселѣе. Вотъ пріѣзжаетъ изъ деревни загорѣлая крестьянка, въ пестрой, яркой юбкѣ, въ яркомъ шелковомъ платкѣ на плечахъ и съ красными бантами въ волосахъ. «Дайте-ка мнѣ маленькую Іозефину, говоритъ она. У меня она ужъ научится пить».

— Да, это красиво: красные банты въ волосахъ,—замѣтила Рёсли довольнымъ тономъ.

— Крестьянка взяла маленькую Іозефину на руки, закутала ее въ свой пестрый шелковый платокъ и постаралась ее развеселить. Маленькая Іозефина перестала плакать и стала смѣяться. Добрая Нина напоила ее молокомъ и сдѣлалась ея кормилицей. Она полюбила маленькую Іозефину, какъ собственное дитя. Современемъ маленькая Іозефина выросла, а веселая крестьянка состарилась. У нея есть теперь внучка, Лаура Анаиза, и вотъ эта самая Лаура Анаиза пріѣдетъ къ намъ, въ Цюрихъ, будетъ жить съ нами, будетъ помогать намъ. И мы будемъ любить ее, и для васъ она будетъ, какъ мамина сестра.

— Значить, какъ тетя Адель?—спросилъ испуганно Германнъ.

— Нѣтъ, мама, пожалуйста, пусть она не будетъ такая, какъ тетя Адель!—взмолилась Рёсли.

— Пусть будетъ, какъ тетя Мари! Тетя Мари, по крайней мѣрѣ, хорошенькая,—сказалъ Германнъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

Мать успокоила ихъ:—Лаура Анаиза вовсе не будетъ называться тетей. Она просто Лаура Анаиза. Она играетъ на цитрѣ и смѣется цѣлый день.

Въ эту ночь дѣти спали спокойно. Имъ снилась Лаура Анаиза, съ краснымъ бантомъ въ черной косѣ. Она смѣялась и прыгала вмѣстѣ съ ними.

Утромъ, когда они проснулись, Лаура Анаиза уже пріѣхала и смѣхъ ея раздавался въ домѣ.

Въ кухнѣ слышались веселые голоса дѣтей и доносились звуки цитры.

О еслибъ эти нѣжные звуки могли заглушить глухой похоронный звонъ, который постоянно раздавался въ ушахъ Іозефины, могли бы разсѣять призракъ, который преслѣдовалъ ее своими мучительными загадками! Іозефина видѣла его, этотъ призракъ; она чувствовала его присутствіе. Онъ подходилъ и спрашивалъ ее: «Я былъ твоимъ супругомъ. Я былъ Георгомъ. Кто же я теперь? Тотъ ли я человѣкъ, котораго ты знала, любила, къ которому тебя привязываетъ сила воспоминанія? Отецъ твоихъ дѣтей, человѣкъ, горячо любившій ихъ? Развѣ я этотъ человѣкъ? Или я отвергнутый, преступникъ, отребье рода человѣческаго, отъ котораго всѣ отвернулись и который недостоинъ смотрѣть на солнце? Чудовище, которое люди не могутъ терпѣть въ своей средѣ, прокаженный, распространяющій заразу?..» О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ея измученное, страдающее сердце возставало противъ этого обвиненія. «Я тебя знаю, Георгъ; ты—человѣкъ!—раздавался въ ея душѣ защищающій голосъ.—Развѣ я не видѣла, какъ ты всегда готовъ былъ спѣшить на помощь, къ постели больного въ зимнюю холодную ночь, забывая о себѣ и думая только о томъ, какъ бы облегчить страданія? Какъ часто я слышала отъ тебя сердечныя, глубокія слова, когда ты стоялъ у постели нашихъ дѣтей! Какъ ты ревностно служилъ наукѣ! Какъ мало ты требовалъ отъ людей! Какъ былъ ты остороженъ въ насмѣшкѣ! Какъ дрожалъ ты за мою жизнь, когда она была въ опасности! Развѣ ты не готовъ былъ умереть со мной, когда я боялась смерти? Нѣтъ, ты настоящій человѣкъ, Георгъ. Я, мать твоихъ дѣтей, должна вѣдь знать тебя.

Но... но... Они вотъ увѣряютъ, что я тебя не знаю, что ты совсѣмъ другой. Ты самъ сознался, что не таковъ, какимъ кажешься. Ты самъ показалъ противъ себя. Это было опасно, Георгъ. Это было безуміемъ. И они всему повѣрили. Вѣдь они вѣрятъ прежде всего и охотнѣе всего дурному. Но зачѣмъ же ты показывалъ противъ себя, Георгъ?

Они обвинили тебя въ непостижимомъ, отвратительномъ преступленіи, названіе котораго уста отказываются произносить. Только уста безстыднаго правосудія свободно произносятъ это, хотя оно же караетъ безстыдство другихъ. Ты выслушалъ обвиненіе и не ударилъ въ лицо свою обвинительницу. Ты не заставилъ молчать ея лживый языкъ. Ты только пожалъ плечами, говорятъ они, и засмѣялся. Ты засмѣялся? Развѣ это былъ моментъ для смѣха, Георгъ?

О, Георгъ, мнѣ знакомъ этотъ твой скрытый смѣхъ! Что шепчутъ мнѣ твои дрожащія губы? Что говоришь ты?

«Каковъ я, таковы всѣ—безъ исключенія! Никто не лучше. Ничто не лучше. Никто не достоинъ того, чтобы солнечные лучи его согрѣвали. Все это лицемѣріе, притворство. Ихъ волненіе—ложь, ихъ смущеніе—тоже ложь. Они просто играютъ»!—Развѣ не ты говорилъ это, Георгъ! Развѣ не ты усѣялъ вокругъ меня землю трупами? Развѣ я не молила, стоя рядомъ съ тобой, о солнцѣ, лучей котораго никто недостоинъ на землѣ?

Ну, а потомъ, когда все кончилось, когда ты стоялъ за рѣшеткой, осужденный, проклятый, раздавленный, уничтоженный?... Развѣ не ты прильнулъ съ мольбою къ вратамъ неба, закрывшимся для тебя? Развѣ не ты вскрикнулъ голосомъ истины и отчаянія? «Я умру безъ моей жены! Отдайте мнѣ мою жену и дѣтей!» Развѣ же въ ихъ холодныхъ отчетахъ не сообщалось потомъ: «всѣ присутствующіе вздрогнули, словно ледяная струя пронеслась въ залѣ.»

Что же и это было лицемѣріе, условность, ложь? И тогда ты игралъ комедію? Кто же ты такой послѣ этого?

Вдругъ изъ стѣсненной груди Іозефины вырвался крикъ отчаянія:

— Я знаю, кто ты? Ты—страдалецъ! Чего спрашивать еще! Ты покинутый, ты узникъ! Бѣдный, бѣдный Георгъ, не бойся! Не бойся ничего! Я тебя не покину. Я не осуждаю тебя. Я не презираю тебя. Я только хочу защитить тебя, потому что ты въ отчаяніи и изъ своего сердца я сдѣлаю теплый покровъ для твоей наготы...

— Но скажи мнѣ, гдѣ были твои мысли, когда ты былъ со мной, Георгъ? Какія картины...

— Ахъ, лучше не думать, не думать, совсѣмъ не думать. Жить и забыть. Время поможетъ мнѣ и тебѣ. Время и работа, прежде всего работа! Только бы хватило силъ! Прочь мучительныя мысли!

. . . .

Іозефина начала учиться, какъ студентъ и среди студентовъ. Ея болѣзненное возбужденіе перешло въ неутомимую жажду дѣятельности, и она чувствовала избытокъ силъ, для котораго искала исхода въ работѣ.

II.

Какъ благодѣтельно дѣйствуетъ постоянная работа на страдающихъ, на тѣхъ, чье сердце не можетъ успокоиться! Но это должна

быть умственная работа, работа мысли. Только она укрѣпляетъ, успокаиваетъ и... притупляетъ душевную боль.

Часы пробили половину шестого. Зимнее утро чуть брезжитъ. Но Іозефина, утомленная вчерашнею работой, должна подняться, такъ какъ въ семь начинается лекція.

Она не будетъ будить дѣтей, которымъ нуженъ утренній сонъ. Она разбудитъ только Лауру Анаизу и служанку, которая готовитъ кушанье для трехъ пансіонеровъ. Изъ этихъ трехъ пансіонеровъ двоихъ тоже надо будить; у нихъ въ семь начинаются занятія.

Въ кухнѣ уже кто-то возится. Это чиститъ себѣ сапоги Бернштейнъ. Славный парень; это онъ ввелъ обыкновеніе, чтобы здѣсь каждый самъ себѣ чистилъ сапоги.

— Скипяти воду, Лаура Анаиза. По яйцу для каждаго. У насъ лекціи до одиннадцати, безъ перерыва, а потомъ я вернусь домой. Только два градуса сегодня? Надѣнь Германнли шерстяные чулки, которые я положила направо, и не пускай Рёсли въ садъ безъ теплой кофточки. Добраго утра, коллега! Готовъ вашъ рефератъ? Мнѣ нуженъ красный карандашъ, можете вы мнѣ одолжить его? Я, навѣрное, осрамлюсь сегодня въ препаровочной, вотъ увидите!

Бернштейнъ приглашаетъ Іозефину пить чай. Онъ всегда дѣлаетъ чай по утрамъ и даже для этого принесъ сюда свой самоваръ. Очень пріятный человѣкъ, этотъ Бернштейнъ. Всегда привѣтливъ, всегда готовъ помочь, никогда не бываетъ желчнымъ.

Бернштейнъ стоитъ около самовара и читаетъ. Вся комната наполнена паромъ отъ самовара. Двѣ книги онъ держитъ подъ мышкой, а на тарелкѣ, передъ нимъ, лежитъ его мѣховая шапка. Онъ читаетъ въ полголоса, бормоча что-то про себя, и не обращаетъ никакого вниманія на входящихъ. Лаура Анаиза смѣется надъ нимъ, но и она говоритъ, что онъ славный.

Выпивъ наскоро горячаго чаю, поцѣловавъ сонныхъ дѣтей, которыя протираютъ себѣ глазки, Іозефина сдѣлала еще нѣсколько распоряженій относительно обѣда и торопливо вышла на улицу. Горящіе фонари распространяли красный свѣтъ въ сумеркахъ зимняго утра. У воротъ госпиталя лаяла цѣпная собака. Какая-то карета тихо въѣзжала во дворъ, а навстрѣчу ей выѣзжали дроги съ простымъ, деревяннымъ гробомъ, лишеннымъ всякихъ украшеній. И дроги и карета проѣхали мимо Іозефины, торопившейся въ анатомическую аудиторію. Она посмотрѣла вслѣдъ дрогамъ и на душѣ у нея зашевелились мрачныя мысли.

Сзади кто-то обгонялъ ее; слышались торопливые шаги по щебню, усыпавшему дорожку. Это была одна изъ ея подругъ. «Слышите, бьетъ уже четверть? Потомъ мы не достанемъ мѣстъ». Они торопливо пошли впередъ.

Едва переводя дыханіе, устремились онѣ къ своимъ мѣстамъ. Доска

уже вся разрисована, и ассистентъ только что принялся мыть руки Кругомъ зѣваютъ, но продолжаютъ срисовывать съ доски.

Такъ и есть! Іозефина забыла красный карандашъ. Это что-то роковое.

Неужели уже пришелъ профессоръ, и ассистентъ стираетъ съ доски рисунокъ? Что за манера стирать рисунокъ, когда еще никто не готовъ!

«Милостивыя государи и милостивые государыни!..»

Лекція началась.

«У Цвики навѣрное есть рисунокъ»,—думаетъ Іозефина, торопливо записывая за профессоромъ. Цвики — это второй пансіонеръ, тоже весьма порядочный человѣкъ, хотя и слишкомъ горячій и честолюбивый, не такой, какъ Бернштейнъ.

Теперь скорѣе въ препаровочный залъ. Всѣ бѣгутъ туда, нѣтъ ли тамъ чего-нибудь особенно интереснаго? Ровно ничего, только свѣжій трупъ, недавно вытащенный изъ воды. Женщина, бросившаяся со своимъ ребенкомъ въ Зиль. Трупъ ея собираются тотчасъ же раздѣлить на части.

Іозефина отошла; она все еще не можетъ привыкнуть.

Прозекторъ что-то говоритъ. Кто-то смѣется.

Вдругъ раздается громкій топотъ ногъ. «Что онъ сказалъ?» Топотъ не прекращается.

— Это васъ смущаетъ, господа? — пищитъ слабый голосокъ прозектора.—Смотрите сюда; вы видите, что это такое. Намъ еще ни разу не приходилось анатомировать пролетарія, который бы не имѣлъ также крупицу жира!

Шарканіе ногъ не прекращается. Прозектора вообще не долюбливаютъ.

Іозефина, получивъ препаратъ, поспѣшно идетъ къ своему столу. Ей досталась правая рука самоубійцы, тонкая, молодая рука, пальцы которой были истыканы иголкой. Рука трудолюбивой швеи, но теперь рука была синяя, закоченѣвшая, согнутая...

— Вамъ дурно? Не хотите ли сигаретку? — говорила Іозефинѣ ея сосѣдка по столу.

Іозефина дѣлаетъ надъ собою усиліе, выкуриваетъ папиросу и принимается за работу надъ изрѣзанной рукой. Мать, съ ребенкомъ на рукахъ, бросившаяся въ Зиль вчера, сегодня здѣсь разсѣкается уже на куски руками другой матери, которая на ея мертвомъ тѣлѣ изучаетъ строеніе, нормальную анатомію человѣческаго тѣла!

— Что это? Неужели со мною сдѣлается обморокъ?—думаетъ Іозефина.—Коллега, дайте мнѣ воды. Нѣтъ, я лучше выйду на воздухъ Но я приду опять. Пожалуйста, посмотрите, чтобы мой препаратъ не убирали, прошу васъ... Охъ, скорѣе на воздухъ!..

Іозефина вернулась нѣсколько блѣдная, но уже вполнѣ овладѣвшая собой. Ей было стыдно своей слабости и хотѣлось оправдаться въ гла-

захъ товарищей. «Не понимаю, что со мной,—говорила она.—Я стою спокойно, заинтересованная работой, осторожно рѣжу скальпелемъ, не испытывая ни малѣйшаго слѣда отвращенія; и вдругъ чувствую въ ногахъ какую-то странную слабость, въ глазахъ появляются круги и въ области желудка непріятное ощущеніе, затѣмъ во рту...» Она встряхнула головой, опасаясь повторенія припадка.

— Я ни о чемъ не думаю,—замѣчаетъ ей сосѣдка спокойнымъ тономъ.—Поступайте и вы также. Я нахожу эти препараты очень хорошими. Прошлый разъ у меня былъ препаратъ съ червями подъ кожей. Это было отвратительно. Но что же дѣлать!

— Неужели вы можете ѣсть здѣсь! — вскричала Іозефина съ испугомъ.

Ея сосѣдка продолжала спокойно жевать.

— Бифштексовъ, приготовленныхъ по-англійски, я, конечно, не стала бы ѣсть здѣсь... изъ-за сходства, но невинный бутербродъ— отчего же нѣтъ?

Отчего же нѣтъ? Вѣдь такъ должно быть! Все должно быть такъ, какъ оно есть: и эта худая, исколотая иглой рука, и острые скальпели для ея разрѣзыванія, и самоубійство бѣдняковъ! Откуда же бы иначе получался свѣжій матеріалъ для изученія «нормальной анатоміи»?

«Ахъ, что это опять со мной? — Іозефина испугалась. — Неужели повторится припадокъ? Надо взять себя въ руки. Ассистентъ придетъ и будетъ спрашивать названія мускуловъ, нервовъ, которые проходятъ въ этой несчастной рукѣ... Но вѣдь она умерла, ничего не чувствуетъ! Она не могла слышать шутки прозектора... Не надо показывать вида. Учиться, чтобы помогать! Да развѣ я могу... Могу помогать такимъ несчастнымъ матерямъ, которыя вынуждены броситься въ Зиль со своимъ ребенкомъ на рукахъ!»

Но вотъ и ассистентъ. Онъ проходитъ впередъ, и начинается обычный, ежедневный экзаменъ.

Однако, Іозефина не можетъ успокоиться: «Зачѣмъ она бросилась въ Зиль?—думаетъ она.—Можетъ быть, ея мужъ сидитъ въ тюрьмѣ? А трупъ ребенка, гдѣ онъ? Его положили въ ледъ?.. Ахъ, чтобы не забыть: завтра день рожденія Рёсли. Надо купить ей маленькую восковую куклу, это ее порадуетъ. Милая моя дѣвочка... Ага, вотъ и самъ профессоръ. Теперь онъ будетъ самъ экзаменовать. Выдержу ли я или сконфужусь? Нѣтъ, нѣтъ, я постараюсь выдержать, я должна ради отца».

Что это за противный, скрипящій звукъ? Откуда онъ исходитъ?

— Нѣтъ, каковъ этотъ господинъ, этотъ люцернецъ? Посмотрите-ка, что онъ дѣлаетъ!—вскричала ея сосѣдка.—Взялъ желудокъ и раздуваетъ его, точно волынку. Какая грубость!

Молодой человѣкъ смѣялся; двое или трое вторили ему.

Іозефина не выдержала и воскликнула:

— Тьфу!

Это восклицаніе вырвалось у нея совершенно невольно, подъ вліяніемъ сильнѣйшаго негодованія, и громко пронеслось въ залѣ. Всѣ взглянули въ ея сторону, и многіе даже кивнули ей.

— Ну, отъ этого вы могли бы избавить себя,—сказала ей ея сосѣдка.—Ужъ онъ навѣрное помѣститъ это въ пивную газету. Къ этимъ вещамъ не слѣдуетъ относиться такъ серьезно. Этотъ парень явился вѣдь сюда прямо съ утренней попойки. Это только возбуждаетъ ихъ противъ насъ, женщинъ. Пожалуйста, не дѣлайте этого въ другой разъ.

Лицо Іозефины передернулось:

— Я всегда буду говорить тьфу, если это будетъ нужно; неужели мы должны все это видѣть и молчать? Насъ пустили сюда, и мы должны поддѣлываться надъ тотъ тонъ, который здѣсь царитъ!

— Вы черезчуръ большая горячка. Если вы будете такъ поступать, то насъ женщинъ выгонятъ отсюда. Вѣдь это просто глупый юноша, не больше.

У выхода Іозефина столкнулась съ люцернцемъ. Онъ приблизилъ къ ней свое блѣдное, наглое лицо и крикнулъ:

— Эй вы, съ чего это вамъ вздумалось закричать «тьфу»?

— Съ—чего? Іозефина окинула его серьезнымъ взглядомъ.—Такія грубости нельзя позволять себѣ въ ученомъ учрежденіи, господинъ...

Студентъ замигалъ глазами, покраснѣвшими отъ бѣшенства.—Вамъ до этого нѣтъ дѣла? Тутъ есть прозекторъ

— Я пожалуюсь ему.

— Хи-хи. Пожалуюсь! Развѣ вы не слыхали, что сказалъ докторъ Эбертъ о жизни пролетаріевъ?

— Постыдитесь!—воскликнула Іозефина.

— Такъ! Еще стыдиться? Ну кто такъ щепетиленъ, тотъ пусть лучше сюда не приходитъ, слышали вы?

Возлѣ спорящихъ образовался кругъ. Ихъ слушали, но не вмѣшивались: люцернецъ давно былъ извѣстенъ. какъ зааіяка.

— Я вѣдь только хотѣлъ измѣрить, сколько кубическихъ сантиметровъ вмѣщаетъ желудокъ пролетарія,—продолжать посмѣиваться люцернецъ, обращаясь къ присутствующимъ.

Раздался смѣхъ.

— Уйдемъ отсюда!—вскричала коллега Іозефины, насильно таща ее за собою.— Довольно вы уже натворили бѣды. Вы возбудили противъ насъ всю препаровочную, всѣхъ студентовъ-нѣмцевъ!..

Іозефина вернулась домой утомленная и разбитая. Дѣти выскочили ей навстрѣчу.

— Подождите, дѣти, мама должна прежде переодѣться,—сказала она. Надо поскорѣе снять рабочее платье, пропитанное запахомъ анатоми-

ческаго зала! Надо поскорѣе изгнать изъ своей души мучительныя, угнетающія картины, преслѣдующія ее. «Хорошо все-таки, что мы съ вами не прыгнули въ Зиль, мои дорогія дѣтки!..

— Рёсли, положи свою головку ко мнѣ. Да, дѣтки, я останусь съ вами цѣлыхъ четыре часа,—сказала Іозефина.—Мы проведемъ съ вами пріятный день. Ну а завтра... что у насъ завтра, Рёсли? Сколько тебѣ минетъ лѣтъ? И ты все мечтаешь о куклахъ, такая большая, семилѣтняя дѣвочка?

Къ обѣду пришелъ Бернштейнъ, по обыкновенію читая на ходу.

— Слышали вы о моемъ столкновеніи съ этимъ противнымъ люцернцемъ? Гдѣ вы были, когда у меня произошелъ съ нимъ споръ? спросила его Іозефина.

Бернштейнъ поднялъ удивленно брови и посмотрѣлъ на нее черезъ очки.

— Ничего не знаю. Я только что изъ препопаровочной Не слыхалъ,—отвѣтилъ онъ и снова принялся за чтеніе.

— Ну такъ послушайте же теперь. Или,—можетъ быть, вы не хотите?

— Ахъ нѣтъ! Я читаю...

Іозефина засмѣялась. Но она все-таки не могла отогнать воспоминанія о той грубости, съ которою ей снова пришлось столкнуться сегодня. Она инстинктивно прижала къ себѣ дѣтей и подумала съ горечью: «Какъ я одинока!»

Германъ взялъ звонокъ, похожій на тѣ, которые привѣшиваются коровамъ на шею, и началъ звонить. Это была его обязанность звонить къ обѣду и онъ выполнялъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Онъ звонилъ до тѣхъ поръ, пока Цвики не схватилъ его за ухо и не вырвалъ у него звонка. Цвики часто игралъ съ дѣтьми, и хотя ухватки его были довольно грубыя, но дѣти его любили.

Служанка Кетэ принесла обѣдъ; онъ былъ еле-еле съѣдобный и больше ничего. Картофель совершенно подгорѣлъ.

— Но, Кетэ!.. вскричала Іозефина.

Бернштейнъ поднялъ глаза отъ книги, которую читалъ, и мрачно посмотрѣлъ на хозяйку:

— Не стыдите дѣвушку, сказалъ онъ.—Мы все равно съѣдимъ этотъ картофель!

— Мы не избалованы, прибавилъ Цвики.

Только третій студентъ не говорилъ ни слова, и молчаніе его безпокоило Іозефину. Она чувствовала себя по отношенію къ этому новичку точь-въ-точь въ положеніи отвѣтственнаго министра.

— Мнѣ очень непріятно, г. Дюбуа. Можетъ быть, у Кетэ приготовлено что нибудь другое?

Дюбуа что-то пробормоталъ, сильно покраснѣвъ. «Онъ тутъ долго

не останется, подумала Іозефина.—Такой сортъ людей не можетъ чувствовать себя удобно въ нашей маленькой республикѣ. Бернштейнъ и Цвики—тѣ совершенно какъ дома, а третій всегда бываетъ только временнымъ посѣтителемъ; странно!..»

Послѣ обѣда Іозефинѣ надо было еще взять латинскій урокъ у Цвики и затѣмъ опять торопиться въ коллегію—до семи часовъ! Но прежде надо сбѣгать въ городъ и купить восковую куклу для Рёсли, а то закроются лавки!

«Завтра репетиція по сравнительной анатоміи,—думала Іозефина, идя по аллеѣ около университета. Вѣтеръ заставлялъ ее нѣсколько ускорить шаги.—И вѣдь этотъ тоже хочетъ быть врачомъ и можетъ имъ сдѣлаться! Неужели дѣйствительно насъ только терпятъ въ университетѣ, какъ говоритъ моя коллега? О мы несчастныя, кроткія, беззубыя и беззащитныя созданія!.. Происхожденіе гликогена для меня что-то неясно; надо спросить Бернштейна... Отъ папы все еще нѣтъ письма! Ахъ мой маленькій Ули, какъ давно я тебя не видала!.. Нѣтъ, и этотъ будетъ врачомъ? И они готовы выпустить такого... На все человѣчество!.. Георгъ!»

Іозефина вздохнула и, какъ будто повинуясь чужой волѣ, повернула голову. «Тамъ!»

Окруженный стѣнами, среди бульваровъ, стоитъ тамъ «домъ ужаса», словно жилище какого-нибудь властителя или замокъ. Что-то онъ дѣлаетъ теперь? Его заставляютъ заниматься столярнымъ ремесломъ, но у него нѣтъ никакой ловкости въ механической работѣ. Онъ постоянно ранитъ себя собственными инструментами и тогда поневолѣ долженъ ничего не дѣлать и только думать.

Ахъ, какъ мучительно! Какъ ужасно!

Только не надо идти по этой дорогѣ, которая проходитъ мимо стѣнъ, окружающихъ тюрьму.

Онѣ не всегда стояли здѣсь, эти стѣны! Былъ такой моментъ, когда этотъ ужасный домъ захотѣли взять приступомъ и освободить всѣхъ заключенныхъ, томящихся въ немъ. По узкой, извилистой тропинкѣ взобрались къ тюрьмѣ и принялись ломать ея двери. Тогда была здѣсь жаркая перестрѣлка, и послѣ этого домъ былъ обнесенъ стѣнами.

У Іозефины сердце билось такъ, что заглушало въ ея ушахъ шумъ вѣтра.

Еслибъ снова пришелъ такой день, какъ въ 1871 году, о которомъ ей разсказывалъ ея отецъ, бывшій свидѣтелемъ! Она бы пошла тогда въ первыхъ рядахъ, еслибъ только дѣло шло объ освобожденіи.

-- Выходи, бѣдный, презираемый, несчастный человѣкъ!

Вдохни въ себя свѣжій воздухъ Альпъ и взгляни на солнце!

Земля еще стоитъ крѣпко. Озеро катитъ свои сверкающія волны. Кто облачилъ тебя въ позорное одѣяніе? Кто нашилъ красный номеръ на твою гадкую куртку?

Слезы подступили у нея къ горлу и полились потокомъ изъ глазъ.

Какъ Георгъ стоялъ передъ нею, когда она навѣстила его! Какъ висѣла на его исхудаломъ тѣлѣ желто-сѣрая куртка! Какъ пожелтѣло его лицо, поблекли волосы, потухли глаза и какою невѣрною стала его походка! Это былъ разбитый чебовѣкъ! Какъ онъ жалобно просилъ ее, показывая ей свои безкровныя, исхудалыя руки и свою впалую грудь:

— Морфію, Іозефина, принеси мнѣ морфію; только побольше! Я не хочу умереть отъ чахотки, это для меня слишкомъ медленная смерть. Ты мнѣ можешь достать это средство и должна сдѣлать это. Я оставляю письмо, въ которомъ заявляю, что ядъ у меня былъ. На тебя не падетъ никакого подозрѣнія.

Какъ ужасны были эти посѣщенія тюрьмы! Какія мучительныя минуты переживала она въ это время!

Но теперь они его перевели въ Нейенбургъ, и вотъ уже полгода какъ онъ тамъ находится!

— Изъ состраданія къ нему!—сказалъ ей директоръ тюрьмы.—Ваши посѣщенія приводятъ заключеннаго въ такое сильное волненіе! Въ обыкновенное же время онъ примиряется здѣсь со своею судьбой, также какъ и другіе.

Директоръ всегда относился къ Іозефинѣ съ большимъ участіемъ и уваженіемъ. Это онъ придумалъ перевести его въ одно изъ исправительныхъ заведеній въ его родномъ кантонѣ.

— Это и въ вашихъ интересахъ,—говорилъ ей директоръ.

Отецъ написалъ Іозефинѣ по этому поводу поздравительное письмо. Онъ все еще не перемѣнилъ своего взгляда на это, старикъ Платтнеръ, и это мѣшаетъ установиться отношеніямъ между нимъ и дочерью.

У стѣнъ тюрьмы шумитъ высохшій плющъ. Гдѣ бы ни находился несчастный, здѣсь ли, въ Нейенбургѣ, онъ все-таки сидитъ за высокою стѣною и оторванъ отъ міра...

Іозефина прибавила шагу, вспомнивъ о куклѣ. Конечно, она могла бы послать Лауру-Анаизу, но она хотѣла сама выбрать игрушку для своей любимой дочурки.

«Ребятки мои, какъ мало, какъ мало времени могу я удѣлять вамъ!—думала она.—Но все, все, что я дѣлаю, мое ученіе, моя ежедневная работа, развѣ это не для васъ. Для чего бы мнѣ жить тогда? Зачѣмъ влачить это тяжелое существованіе? Пока вы этого еще не понимаете, вы дуетесь на меня за то, что я отъ васъ такъ часто ухожу. Но когда-нибудь вы это поймете, поймете, что любовь къ вамъ гнала меня отъ васъ... А завтра репетиція, а въ субботу, въ первый разъ,

я должна буду постановить діагнозъ. Боже, только бы мнѣ не осрамиться»!

Но она напрасно такъ тревожилась. Всѣ свои экзамены Іозефина сдала очень хорошо и въ наивозможно короткое время, несмотря на всѣ затрудненія. Въ своихъ пансіонерахъ Іозефина нашла добрыхъ товарищей, которые охотно и съ большимъ постоянствомъ помогали ей и поддерживали ее во всемъ. Въ третьей комнатѣ также появилась наконецъ постоянная жилица, студентка математическаго отдѣленія, Елена Бегасъ, очень умная и способная, съ которою Іозефина скоро подружилась. Благодаря ей, въ хозяйствѣ установился даже нѣкоторый порядокъ, и у служанки Кетэ явилось даже честолюбивое желаніе не пережаривать картофель и не дѣлать его мало съѣдобнымъ, какъ прежде. Всѣ въ домѣ называли Кетэ «наша кормилица» и обращались съ нею почтительно, такъ что мало-по-малу и у нея пробудилось стремленіе хорошо исполнять свою обязанность. Кетэ съ удивленіемъ убѣждалась, что всѣ жильцы дома «Zum graunen Ackerstein» трудились постоянно; что никто изъ нихъ не думаетъ о своемъ удовольствіи и у каждаго на умѣ было только одно—работа!

Когда Іозефина позднѣе вспоминала эти годы, то они представлялись ей какимъ-то однообразнымъ полемъ, раздѣленнымъ на правильные квадраты, надъ которымъ возвышалось сѣренькое небо. Она вторично переживала школьное время и жила изо дня въ день, какъ Рёсли и Германнли. Совершенно такъ же какъ Германнли и Ресли радовалась она удачному экзамену и приходила въ уныніе отъ не совсѣмъ удачнаго отвѣта. Также радовалась она субботѣ, потому что вечеромъ не было занятій. Проснувшись утромъ, въ воскресенье, она иногда со страхомъ вскакивала съ постели, думая, что опоздала на лекцію и вдругъ съ радостью припоминала: «Ахъ, да вѣдь сегодня воскресенье!» Какъ пріятно было полежать, зная, что некуда торопиться. Какое удовольствіе доставляли ей вакаціи. Именно въ это время, на досугѣ, она могла хорошенько проштудировать все, что было пройдено въ теченіе курса и читать научныя книги, философскія сочиненія, которыя заставляютъ чувствовать себя такимъ ничтожнымъ и даже забывать о своемъ собственномъ маленькомъ существованіи.

Хорошія минуты переживала она, когда, погрузившись въ книги или вооружившись микроскопомъ, старалась разгадать тайну жизни. Вотъ въ ядрѣ клѣтки, остававшейся до этого времени спокойной, замѣчается какая-то перемѣна, оно веретенообразно вытягивается, и элементы его скопляются у двухъ полюсовъ. На глазахъ происходитъ дѣленіе клѣтки, изъ материей клѣтки образуются двѣ дочернихъ и каждая изъ нихъ ведетъ самостоятельное существованіе. Дѣленіе

клѣтки ~~сопровождается и~~ дѣленіемъ ядра и вотъ подъ тонкимъ покровнымъ стеклышкомъ, на предметномъ стеклѣ микроскопа, появляется новый индивидъ. Какъ пріятно сознать себя свидѣтелемъ его возникновенія.

Въ этомъ изученіи естественныхъ наукъ Іозефина черпала большую силу. Она не только забывала себя и свое горе, но испытывала интеллектуальное наслажденіе, радость познаванія, которая помогала ей переносить всѣ удары судьбы. Она чувствовала, что пріобрѣтаетъ твердую почву подъ своими ногами. Горизонтъ ея расширялся и она распознавала уже пограничныя линіи невѣдомой области, лежащей за предѣлами человѣческаго познанія.

Если нельзя знать, то, во всякомъ случаѣ, можно многое видѣть, о чемъ прежде и не думалъ, и любопытство Іозефины все разросталось. Она забывала порою, что дѣти ея были гораздо моложе ея и дѣлилась съ ними своими впечатлѣніями, показывая имъ то, что ее поразило. А потомъ малютки усаживались съ Лаурой Анаизой и начинали фантазировать, придумывая различныя сказки, матеріаломъ для которыхъ служило то, что имъ показывала мать. Особенною живостью фантазіи отличалась Рёсли. Ей достаточно было показать сорванную вѣтвь, для того, чтобы она уже видѣла на ней цвѣты. Она совершенно ясно слышала, какъ виноградъ предлагалъ ей полакомиться своими спѣлыми гроздями. Однажды она, придя домой, разсказала, что заблудилась на улицѣ, но встрѣтила «добраго карлика», и онъ привелъ ее домой.

— Карликъ, право, это былъ настоящій карликъ, мама. Ты не вѣришь? Такой маленькій съ большой бородой, какая всегда бываетъ у карликовъ.

Фрейлейнъ Бегасъ иногда предостерегала Іозефину:

— Это нехорошо, фрау Іози, что Рёсли такъ фантазируетъ,—говорила она.—Вы, какъ мать, не должны бы допускать этого.

Но Іозефина смѣялась:

— Что за бѣда! Вѣдь она счастлива. Я радуюсь, что у нея есть прекрасный даръ, скрашивающій жизнь.

— А я этому не радуюсь! Рёсли все путаетъ и на нее нельзя положиться. Она совершенно спокойно лжетъ прямо въ лицо.

— Ахъ, фрейлейнъ Елена, вы математикъ и поэтому требуете точности. Но вѣдь жизнь такъ сѣра! Оставьте же Рёсли ея безвредную игру.

Въ заключеніе фрейлейнъ Бегасъ напала на Лауру Анаизу:

— А съ этой также что-то нечисто. Она прибѣгаетъ къ уверткамъ, когда въ чемъ-нибудь провинится, а дѣти цѣлые дни проводятъ съ нею.

Это разсердило Іозефину:

— Вы этого не понимаете, милая Елена,—сказала она.—Вамъ трудно постигнуть такую натуру, какъ Лаура Анаиза. Она сама природа и

мнѣ всегда говорить правду. Я очень люблю Лауру Анаизу, и дѣти къ ней привязаны. Чего же вы хотите?

Однажды, какъ разъ послѣ такого разговора, въ комнату вошла Лаура Анаиза. Она принесла корзиночку цвѣтовъ безвременника, лежащихъ на темно-зеленомъ мхѣ. Лицо ея сіяло радостью.

— Ахъ, вѣдь это ядовитые цвѣты!—воскликнула недовольнымъ тономъ фрейлейнъ Бегасъ.

Но въ истомленномъ сердцѣ Іозефины видъ хорошенькой дѣвушки пробудилъ особенную нѣжность, и, подъ вліяніемъ этого чувства, она обняла Лауру Анаизу и поцѣловала ее въ ея сверкавшіе черные глазки, надъ которыми повисли кудри вьющихся волосъ.

— Какъ я рада, что ты со мною, милая Лаура Анаиза!—воскликнула Іозефина.

Изъ-за портьеры выскочилъ Германнъ и бросился къ матери съ крикомъ:

— И меня мама! И меня ты должна поцѣловать!

Между тѣмъ Рёсли, запрятавшись въ портьерѣ, молча наблюдала за своею матерью и Лаурой Анаизой, которая тщетно старалась отогнать Германна. Только глаза Рёсли блестѣли и ея страстное личико подергивалось отъ сдерживаемыхъ рыданій. Но когда Іозефина вышла изъ комнаты, не обративъ на нее вниманія и не позвавъ ее къ себѣ, то она вдругъ затопала ногами и разразилась рыданіями и потомъ, бросившись на полъ, начала кричать: «Папа! Папа! Папа!»

Фрейлейнъ Бегасъ всячески старалась успокоить дѣвочку, но это ей не удавалась.

— Что съ вами? Что случилось! Замолчите же, наконецъ!—сердито закричала Іозефина на дѣтей, которыя сидѣли, обнявшись, на маленькой скамеечкѣ и кричали взапуски. Они дерзко поглядѣли на мать и Германнъ сказалъ:

— Мы хотимъ къ папѣ!—Лицо мальчика приняло такое знакомо Іозефинѣ выраженіе, что она испугалась.—Мы хотимъ въ Африку, гдѣ находится папа!

На Іозефину напало отчаяніе. На нее какъ будто повѣяло холодомъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣли дѣти.—Они ускользаютъ отъ меня, подумала она, и я не могу ихъ удержать. Я отдаю имъ свою жизнь, а они отъ меня ускользаютъ!

Ей хотѣлось опуститься на колѣни возлѣ дѣтей, обнять ихъ и выплакаться вмѣстѣ съ ними. Но она осталась стоять неподвижно, съ сухими глазами и заломленными руками. Передъ нею какъ будто были чужія дѣти, плакавшія по неизвѣстной причинѣ. Она шла одна къ невѣдомой цѣли и невѣдомыми путями, все больше удаляясь отъ этихъ плачущихъ, чужихъ дѣтей.

«Что со мною? О чемъ я думаю? Думаю ли я объ интересномъ

анамнезѣ, который слышала сегодня утромъ или о дѣтяхъ?» пронеслось у нея въ головѣ. Съ глазъ ея точно спала завѣса и она почувствовала страшную пустоту вокругъ себя и холодъ, пронизавшій ее до мозга костей.

«Неужели все обманъ?.. Къ чему я живу?.. Развѣ я живу не для нихъ? Развѣ я такъ одинока? Развѣ всѣ такъ одиноки, какъ я?»

Она не могла взглянуть на дѣтей. Она чувствовала, что это были его дѣти, а не ея. Она ихъ недостаточно любитъ.

Громкій голосъ Цвики послышался на лѣстницѣ. Германнъ поднялъ голову и, толкнувъ сестричку, сказалъ:

— Пойдемъ, дядя Цвики пришелъ. Мы будемъ ѣздить верхомъ съ нимъ.

Бросивъ боязливый взглядъ на мать, которая съ грустнымъ, утомленнымъ видомъ сидѣла на стулѣ, дѣти тихонько вышли изъ комнаты. Рёсли, однако, еще долго продолжала всхлипывать. Къ Лаурѣ-Анаизѣ она не подходила цѣлый день и когда она вечеромъ пришла раздѣвать ее, то она затопала на нее ногами и вытолкала ее вонъ.

«Глупости!—сказала себѣ Іозефина, услышавъ смѣхъ и веселые крики дѣтей.—Дѣти не чувствуютъ никакого лишенія. Это только моя сентиментальность даетъ себя знать снова. Плутишки замѣтили, что всякій разъ, когда они начинаютъ звать папу, я волнуюсь, и поэтому прибѣгаютъ къ этой уловкѣ. Вѣдь я отдаю своимъ дѣтямъ каждую свободную минуту. Ломать себѣ голову надъ вещами, которыхъ измѣнить нельзя—это вредная потеря времени. А у меня даже и времени нѣтъ. У меня вѣдь есть чѣмъ заняться. Я работаю, чтобы создать дѣтямъ положеніе. Еслибъ у меня не было дѣтей, развѣ бы я стала жить? Теперь я чувствую, что хорошо поступила. Но такая трудовая жизнь имѣетъ вѣдь и сама по себѣ цѣну; она дѣлаетъ сильнымъ. Дѣти поймутъ когда-нибудь, какъ это было тяжело. Еслибъ у меня не было дѣтей, то моя жизнь сложилась бы гораздо проще. Тогда бы я могла посвятить ее ученію, наукѣ. Я знаю, что могла бы многое сдѣлать».

Она часто ощущала тяжесть разнообразныхъ обязанностей, стѣснявшихъ ея движенія, точно цѣпи.

«Я не могу такъ отдаваться ученію, какъ бы хотѣла. Другимъ хорошо, Еленѣ, Бернштейну. Я бы лучше всего хотѣла быть на мѣстѣ Бернштейна. Онъ не слышитъ и не видитъ ничего, кромѣ своей физіологіи. Физіологія замѣняетъ для него мать, возлюбленную, весь міръ. Онъ не нуждается ни въ искусствѣ, ни въ религіи, а только въ физіологіи. Онъ могъ бы прожить и безъ сахара и безъ масла, но безъ физіологіи—нѣтъ! Я бы тоже хотѣла такъ сосредоточиться на какомъ-нибудь предметѣ и жить такъ же спокойно, безучастно ко всему осталь-

ному, ко всѣмъ противорѣчіямъ этой глупой, отвратительной жизни. Но и въ этомъ лучшемъ счастьѣ мнѣ отказано!.. Все-таки, по крайней мѣрѣ, я заработаю кусокъ хлѣба для своихъ дѣтей, а это тоже что-нибудь да значитъ!»

Мысль, что и зарабатываніе хлѣба собственнымъ трудомъ имѣетъ также немалое значеніе, всегда дѣйствовала на нее ободряющимъ образомъ.

«Я буду цѣлымъ человѣкомъ, а не только женщиной. Я буду работать для своихъ дѣтей и для Георга. Для тебя, бѣдняга! Я буду матерью для всѣхъ.

Ее внезапно охватывало радостное чувство и она тогда бросалась къ дѣтямъ, обнимала ихъ и цѣловала.

— Я все вамъ дамъ!—говорила она въ такія минуты.—Хлѣбъ, платья дамъ! Вы будете жить моею кровью, моимъ мозгомъ, дѣти. Я отдала вамъ все свое существо. Понимаете вы это?

— Что-жъ, ты тогда будешь съ нами играть?—спрашивала Рёсли, робѣя подъ бурными материнскими ласками.

— Играть? Нѣтъ, на это у меня нѣтъ времени. Вѣдь мамѣ надо учиться, моя дѣвочка. Видишь эти толстыя книги. Ну, а во время вакацій мы поиграемъ вмѣстѣ.

Іозефина отстраняла отъ себя дѣвочку и снова съ бѣшенымъ рвеніемъ принималась за прерванное чтеніе. Мало-по-малу въ ея душѣ возстановлялось спокойствіе.

«Вѣдь съумѣю же я выучиться тому, чему выучивается любой юноша!—думала она.—Я буду учиться, буду наблюдать, постараюсь сосредоточиться на своей задачѣ, какъ каждый изъ этихъ молодыхъ студентовъ».

И ей это удалось вполнѣ. Силы ея какъ будто выростали по мѣрѣ того, какъ усложнялись ея задачи.

Третій экзаменъ приближался. Іозефина работала безъ передышки, но не безъ наслажденія, такъ какъ была совсѣмъ одна. Отецъ взялъ съ собою въ горы старшихъ дѣтей и Лауру-Анаизу съ ними. Пансіонеры также уѣхали.

Это было въ августѣ. Южный вѣтеръ, дувшій ежедневно, накалялъ воздухъ и даже въ комнатахъ, въ которыхъ господствовалъ зеленый сумракъ, благодаря закрытымъ ставнямъ, чувствовалось его горячее дыханіе. Но утра были великолѣпны. Какъ только солнце начинало золотить вершины Утли, Іозефина вскакивала съ кровати. Эти яркіе лучи утренняго солнца будили ее словно трубные звуки.

Поскорѣе взять ванну и облачиться въ свой обычный простой костюмъ: тонкую, черную блузу и такую же черную юбку! Іозефина не носитъ никакихъ бантиковъ, галстучковъ, и только узкій, полотняный бѣлый воротничокъ охватываетъ ея шею. Въ этомъ полумонашескомъ

одѣяніи она имѣетъ видъ молоденькой, худенькой дѣвушки. Коротко остриженные волосы упрямо ниспадаютъ ей на лобъ, на которомъ уже виднѣются морщины и обрамляютъ ея энергичное, серьезное молодое лицо. Но въ зеркало она не смотрится. Она бѣжитъ въ кухню босая и прикосновеніе холодныхъ плитъ къ ея голымъ ногамъ вызываетъ у нея пріятное ощущеніе. Въ окна кухни солнце льетъ свои горячіе лучи, и слышится чириканіе воробьевъ. Скорѣе на балконъ, тамъ свѣжѣе! Іозефина захватываетъ подносъ съ завтракомъ и бѣжитъ туда. Тамъ тѣнь. Ни одинъ солнечный лучъ еще не проникаетъ сквозь густую зелень вьющагося винограда. Весь домъ погруженъ въ безмолвіе и кажется необитаемымъ.

Іозефина пьетъ чай и читаетъ. До одиннадцати часовъ балконъ остается въ тѣни. Она все дѣлаетъ для себя сама теперь, но дома не обѣдаетъ. Кромѣ того, она ежедневно посѣщаетъ курсы бактеріологіи. Случается, что она забываетъ порою купить сахару и тогда пьетъ чай безъ него. Иной разъ не оказывается масла, и тогда она ѣстъ сухой хлѣбъ. Въ домѣ никого нѣтъ, кромѣ нея; даже Кетэ отправилась на вакаціи къ своей матери, въ деревню.

Ничто не нарушаетъ тишины въ домѣ, кромѣ электрическаго звонка раза два въ день. Это является почтальонъ или молочница, или разнощица зелени. Иногда Іозефина обмѣнивается съ ними нѣсколькими словами, но большею частью все совершается молча. Затѣмъ начинается укрывательство отъ солнца, и Іозефина переходитъ изъ одной комнаты въ другую. Но для микроскопа все-таки нуженъ свѣтъ, и она пріоткрываетъ ставни. Она читаетъ громко, и голосъ ея разносится по всѣмъ пустымъ комнатамъ, двери которыхъ открыты для провѣтриванія.

Въ самые жаркіе часы дня Іозефина идетъ обѣдать. Обѣдъ, скудный и плохой, такъ какъ во время вакацій у харчихи нѣтъ пансіонеровъ, проходитъ почти въ полномъ молчаніи. А послѣ обѣда опять за книгу. Но заниматься трудно, такъ какъ умъ и память работаютъ послѣ обѣда хуже. Чтобы не оставаться въ праздности, Іозефина тогда начинаетъ разсматривать рисунки, вѣдь и на экзаменѣ иной разъ задаютъ какой нибудь рисунокъ на память!

Знойное, томительное послѣобѣденное время тянется безконечно! За кофе Іозефина занимается анатоміей мозга. Кофе нѣсколько оживляетъ ее. Іозефина снимаетъ ботинки, окачиваетъ голову холодною водой, освѣжаетъ отяжелѣвшія вѣки. Надо во чтобы то ни стало заняться анатоміей мозга, а она такъ трудна!

Солнце, склоняющееся къ западу, проникаетъ въ окно своими яркими лучами. На бѣлой бумагѣ рисунка, на страницахъ книги, на скатерти, на стѣнѣ, всюду появляются красные блики.

Ахъ, еслибъ можно было отдохнуть, хоть на одну минуту!

Іозефина закидываетъ руки за голову и облокачивается на спинку стула. Ей не хочется спать, но она чувствуетъ какое то странное раздраженіе; она не можетъ сосредоточить своихъ мыслей. Сердце у нея бьется тревожно, а глаза горятъ. Ахъ, поскорѣе бы солнце зашло! Вся Лимская долина сверкаетъ, подернутая словно фіалетовою дымкою, и солнечные лучи, проникая въ комнату, какъ будто нарочно отыскиваютъ всѣ блестящіе предметы.

Лучше выйти съ книгой на террасу. Но тамъ асфальтовый полъ сдѣлался совершенно мягкимъ отъ жары и поставленный стулъ продѣлываетъ въ немъ дыры; притомъ и душистый горошекъ распространяетъ слишкомъ сильный ароматъ. На террассѣ, пожалуй, еще душнѣе, чѣмъ въ саду; жаркій вѣтеръ чувствуется здѣсь сильнѣе.

Не успѣло солнце скрыться за горизонтомъ, какъ уже луна показалась надъ горою. Это былъ огромный, круглый сказочный мѣсяцъ, выплывающій изъ-за верхушекъ плодовыхъ деревьевъ. Кузнечики затрещали сильнѣе, и отъ земли поднялся запахъ сѣна. Тамъ, на Утли, въ лѣсу зажглись огни. Іозефина облокачивается на минуту на балконную рѣшетку и смотритъ въ даль. Какъ хорошо и спокойно. Какъ прекрасно ночное свѣтило!

Однако, скорѣе за работу. Не надо терять времени, не надо предаваться мечтаніямъ! Вѣдь еще остается прочесть нѣсколько томовъ. Все надо повторить, экзаменъ не за горами.

Луна свѣтитъ такъ ярко, что можно читать при ней. На горизонтѣ сверкаетъ зарница; она бываетъ теперь каждый день. Небо разверзаетъ свои блестящія ворота и показываетъ свое скрытое великолѣпіе.

Лампа зажжена. Не выкурить ли папиросу, чтобы прогнать комаровъ, которые сегодня какъ-то особенно назойливы?

Іозефина сидитъ возлѣ лампы, куритъ и читаетъ. Въ листьяхъ виноградной бесѣдки шуршитъ летучая мышь. Вотъ она уже на балконѣ и безшумно летаетъ кругомъ читающей Іозефины. За этой мышью слѣдуетъ вторая, третья, четвертая и наконецъ пятая. Словно маленькія привидѣнія кружатся они около молодой энергичной головы. Іозефина разсѣянно смотритъ на летающихъ животныхъ. Кругомъ такая тишина. Она чувствуетъ себя такою одинокой, такой отрѣзанной отъ всего міра и отъ своихъ близкихъ. Ей кажется, будто она обезличилась и потеряла связь съ другими людьми; ни горе, ни радости уже больше не могутъ ея коснуться.

Рука, въ которой она держитъ книгу, повисаетъ безсильно, и она какъ во снѣ смотритъ на нее и видитъ обручальное кольцо, которое стало слишкомъ велико для ея похудѣвшихъ пальцевъ. Обрывки мыслей проносятся въ ея головѣ:

«Была я когда-нибудь женщиной? Любила розы, духи, кружева?

Любила пестрые вѣера, конфекты, поцѣлуи? Нѣтъ, этого никогда не было, не могло быть!

Она презрительно смѣется, пожимаетъ плечами, бросаетъ папироску и снова углубляется въ чтеніе. Теперь она сосредоточиваетъ свое вниманіе на физіологической химіи; это еще потруднѣе анатоміи мозга. Но она не унываетъ: «Неужели я не могу вычиться тому, чему выучивается каждый юноша? Я не осрамлюсь передъ этими юношами, ни за что!» Подбадриваетъ она себя.

Луна свѣтитъ ярко, хотя она уже не такъ велика, какъ была вначалѣ. Все залито серебристо-сѣрымъ свѣтомъ. Цвѣты наполняютъ своимъ ароматомъ воздухъ; безшумно летаютъ летучія мыши. Іозефина продолжаетъ учиться.

Какъ хорошо быть одной! Какъ благодѣтельно дѣйствуетъ одиночество! Все что такъ мучило, заставляло страдать, мѣшало—все это замираетъ, исчезаетъ куда-то и только свѣточъ ума свѣтится своимъ чистымъ и яснымъ свѣтомъ во всемъ этомъ домѣ, погруженномъ въ ночное безмолвіе.

Вдругъ Іозефина вскочила.

Пронзительно громко зазвонилъ электрическій звонокъ у подъѣзда. Входную дверь она закрыла часъ тому назадъ.

— Кто тамъ?—закричала Іозефина съ балкона. Луна ясно освѣщала ея темную фигуру, облокотившуюся на перила.

— Телеграмма!—послѣдовалъ отвѣтъ.

При свѣтѣ луны, освѣщавшей бѣлый заборъ сада, Іозефина прочла:

«Нинина тяжело больна. Надежды нѣтъ.

«Твой отецъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА СНѢГУ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Еслибъ я могла и знала,
Я бы инеемъ писала
Рано утромъ на лугу,
Гдѣ лежать, дрожа огнями
Подъ холодными лучами,
Брилліанты на снѣгу...
На родномъ лугу!
Еслибъ я могла и знала,
На кристаллѣ бы писала,
На кристаллѣ, на волнѣ,
Что̀ застыла безъ движенья,
Безъ порыва, безъ волненья,
Съ тихой думой въ глубинѣ...
На родной волнѣ!
Зимней пѣснѣ, полной муки,
Чужды красочные звуки,
Пламя зорь и перлы росъ...
Нуженъ только звонъ печальный,
Заунывный, погребальный,
Нужно только тихихъ слезъ!..
Только слезъ и слезъ!

Е. Чернобаевъ.

ОСНОВЫ СПЕКТРАЛЬНАГО АНАЛИЗА

и его приложеніе къ изслѣдованію небесныхъ явленій въ элементарномъ изложеніи.

Проф. **В. Цераскаго.**

Спектральный анализъ есть чрезвычайно сложный и трудный отдѣлъ современной науки, но его главнѣйшія основы можно уяснить себѣ чисто опытнымъ путемъ. Принимая во вниманіе необычайное значеніе его для различныхъ отраслей естествознанія и важность того, чтобы возможно большее число лицъ, интересующихся наукой, было съ нимъ знакомо, даже въ нѣкоторой степени освоено, я выбралъ спектральный анализъ предметомъ одного изъ моихъ чтеній въ московскомъ педагогическомъ обществѣ. Чтеніе это, измѣненное надлежащимъ образомъ, является теперь въ печати.

Нижепомѣщенные рисунки были составлены и нарисованы студентомъ московскаго университета С. С. Тяжеловымъ, за что я считаю своею обязанностью принести ему мою искреннюю благодарность.

I.

Когда лучъ свѣта отражается отъ зеркала, то онъ мѣняетъ только свое направленіе. Свѣтлый *зайчикъ*, который мальчики пускаютъ въ окна сосѣднихъ домовъ, помощью зеркала, такой же свѣтлый и бѣлый, какъ само солнце.

Совсѣмъ другое происходитъ, когда лучъ свѣта проникаетъ внутрь прозрачнаго тѣла и потомъ выходитъ изъ него. Оказывается, что лучъ расщепляется при этомъ на множество отдѣльныхъ лучей и притомъ же на множество цвѣтныхъ лучей.

Это выступаетъ особенно ясно и чисто при прохожденіи свѣта черезъ трехгранную стеклянную призму.

Лучъ S падаетъ на призму въ точкѣ А, а изъ В уже выходитъ раздѣленнымъ на множество цвѣтныхъ лучей, образующихъ радужную полоску или такъ называемый *спектръ*. (См. рис. 1).

Ньютонъ первый получилъ чистый солнечный спектръ, различилъ въ немъ и назвалъ слѣдующіе цвѣта: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синій, индиго и фіолетовый.

Цвѣтное изображеніе спектра теперь можно встрѣтить во многихъ книгахъ, и мы будемъ считать его хорошо знакомымъ читателю.

Развить основы спектральнаго анализа можно, какъ сказано выше, на основаніи опытовъ, а это очень важно, ибо опытъ прямо и непосредственно понятенъ и убѣдителенъ для всякаго, это голосъ и слова самой природы.

Покажемъ, какимъ образомъ можно продѣлать основные опыты самому, у себя дома, при помощи самодѣльнаго спектроскопа. Такое простенькое самодѣльное приспособленіе нерѣдко полезнѣе дорогихъ инструментовъ, особенно для начинающихъ; въ самомъ дѣлѣ, въ преподаваніи опытныхъ наукъ нужно стремиться, прежде всего, къ тому, чтобы посѣять сѣмена живой науки, чтобы подвинуть своихъ слушателей или читателей на какую-нибудь самостоятельную работу.

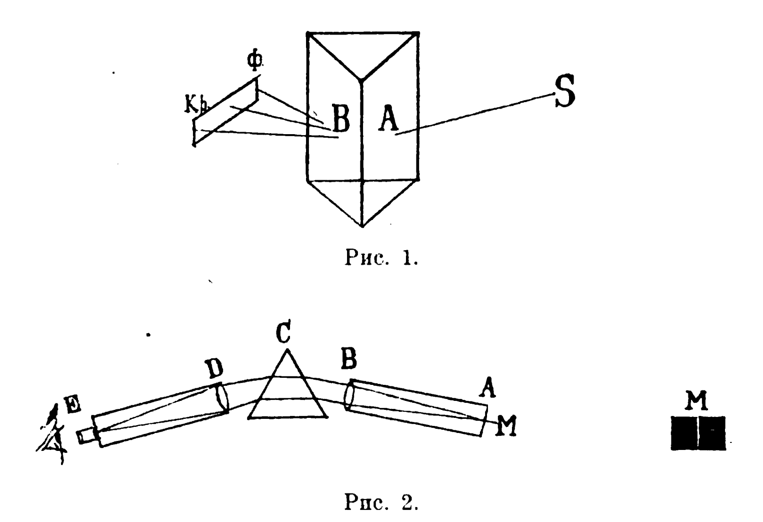


Рис. 1.

Рис. 2.

Снарядъ, который служитъ для опытовъ и изслѣдованій по спектральному анализу, называется *спектроскопомъ*. Я построилъ къ моему чтенію спектроскопъ самъ, ножичкомъ и лобзикомъ, съ весьма незначительною затратою денегъ.

Простое очковое собирательное стекло, съ фокуснымъ разстояніемъ въ 5 или 6 дюймовъ, вставляется въ картонную или деревянную трубку A B (см. рис. 2-ой), длина которой равна фокусному разстоянію стекла. На другомъ концѣ трубы дѣлается узкая щель изъ двухъ кусковъ цинковой жести; щель ставится параллельно ребрамъ призмы. Такая трубка называется *коллиматоромъ*. Источникъ свѣта M ставится передъ щелью.

Лучи свѣта по выходѣ изъ коллиматора попадаютъ въ призму C,

разлагаются и образуютъ цвѣтной спектръ, который можно разсматривать прямо глазомъ, въ бинокль, въ какую-нибудь зрительную трубку DE или отбросить на экранъ.

Такимъ образомъ спектроскопъ состоитъ изъ трехъ частей: коллиматора, одной или нѣсколькихъ призмъ и небольшой зрительной трубы.

Самодѣльный спектроскопъ имѣетъ видъ, изображенный на нижеслѣдующемъ рисункѣ; призма была взята самая дешевая, въ родѣ тѣхъ, которыя вѣшаютъ для украшенія на канделябрахъ.

Приступимъ теперь къ основнымъ опытамъ.

Поставимъ передъ щелью какое-нибудь раскаленное твердое тѣло, кусокъ желѣза, друммондовъ свѣтъ, т.-е. раскаленный кусокъ извести, или электрическую лампочку накаливанія; тогда мы увидимъ уже знакомый нашъ семицвѣтный спектръ. То же было бы, если бы мы посмотрѣли на раскаленную поверхность чугуна или стали.

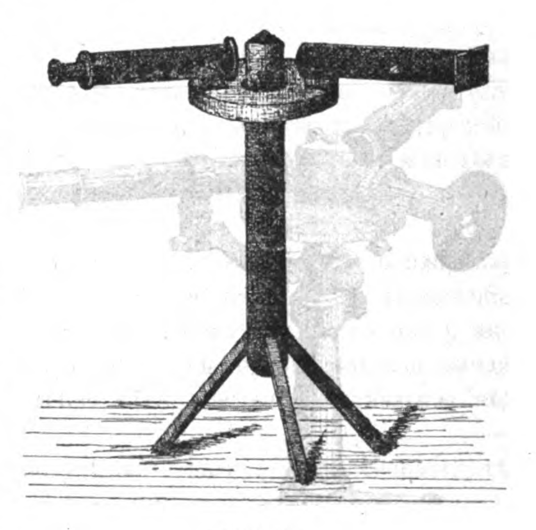


Рис. 3.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ *первое основное положеніе* спектральнаго анализа: спектръ раскаленнаго твердаго или жидкаго тѣла есть семицвѣтный, непрерывный, одинаковый для всѣхъ тѣлъ.

Замѣчательна особенность пламени свѣчи или лампы; оно дѣйствуетъ какъ раскаленное твердое тѣло и даетъ непрерывный спектръ. Не трудно понять причину этого: свѣтъ свѣчи или лампы происходитъ отъ мельчайшихъ частицъ раскаленнаго твердаго угля, находящихся въ пламени; эти частицы легко получить въ видѣ сажи, внося въ пламя кусочекъ фарфора, стекла или жести.

Теперь поставимъ передъ щелью обыкновенную спиртовую лампочку и всыпемъ въ пламя щепотку обыкновенной поваренной соли; соль начнетъ горѣть, и пламя станетъ ярче. Заглянувъ въ спектроскопъ, мы увидимъ, что случилось нѣчто совершенно неожиданное: никакого спектра нѣтъ, видна только одна узенькая, свѣтлая желтая полоска или линія.

Отчего же произошла такая коренная перемѣна? Измѣнилось пламя. Соль разложилась, заключающійся въ ней натрій сталъ испаряться, и свѣтъ пламени сталъ теперь свѣтомъ *паровъ* натрія.

Купимъ въ аптекѣ за пятачокъ щепотку какого-нибудь препарата

со стронціемъ, напр.—бромистаго стронція (Strontium bromatum) или углекислаго стронція (Str. carbonicum). Я прямо называю, что именно купить, ибо между цѣнами есть огромная разница: фунтъ Str. bromatum стоитъ 65 коп., а фунтъ самого стронція около пяти тысячъ рублей. Для спектроскопическаго же анализа совершенно достаточенъ какой-нибудь препаратъ стронція. Всыпемъ щепотку этого порошка въ пламя лампы; обыкновеннаго спектра не будетъ, но не будетъ и свѣтлой линіи поваренной соли; будутъ видны двѣ свѣтлыя линіи, притомъ же не желтыя, а красныя.

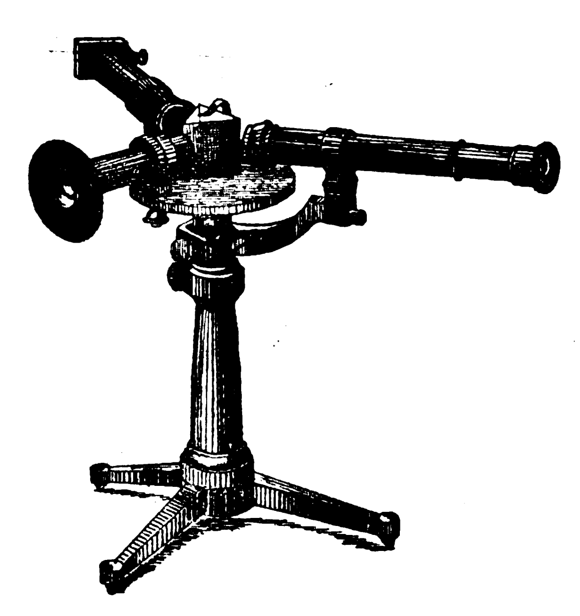


Рис. 4.

Несмотря на свою примитивную простоту, нашъ спектроскопъ совершенно достаточенъ, чтобы позволить это видѣть. Спектръ получается гораздо чище съ призмою, отшлифованною г. Тяжеловымъ. Настоящій же спектроскопъ, такъ называемаго «школьнаго» типа, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ, стоитъ отъ 30 до 75 руб. и даетъ возможность продѣлать болѣе тонкіеопыты.

Третья трубка этого снаряда имѣетъ внутри раздѣленную шкалу, видимую вмѣстѣ со спектромъ.

Подобные опыты повторялись тысячи разъ во всевозможныхъ видахъ; вездѣ и всегда они приводили къ одному и тому же заключенію, а именно, что раскаленный газъ даетъ спектръ изъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ линій, притомъ же эти линіи для каждаго газа особыя по которымъ этотъ газъ и можно отличить отъ всѣхъ другихъ газовъ.

Въ этомъ состоитъ *второе основное положеніе* спектральнаго анализа.

Для тугоплавкихъ тѣлъ, какъ металлы, мы имѣемъ электрическую дугу; въ ней эти тѣла плавятся и затѣмъ превращаются въ раскаленный паръ, дающій свои характерныя линіи. Спектръ паровъ желѣза, напр., состоитъ изъ очень большого числа свѣтлыхъ линій, ихъ болѣе двухъ тысячъ.

Такимъ образомъ найдена возможность, по линіямъ въ спектрѣ, узнавать, съ какимъ химическимъ элементомъ, превращеннымъ въ паръ, мы имѣемъ дѣло, изобрѣтенъ новый *химическій анализъ*, совершенно отличный отъ всѣхъ способовъ извѣстныхъ въ наукѣ. Этотъ анализъ, кромѣ того, въ высшей степени чувствительный; посредствомъ него можно открыть присутствіе извѣстнаго химическаго элемента въ такомъ маломъ количествѣ, которое не можетъ быть обнаружено никакими другими средствами.

Второе положеніе надо дополнить еще очень важнымъ разъясненіемъ: свѣтлыя линіи, характеризующія тотъ или другой элементъ опредѣляются не по ихъ цвѣту, что было бы весьма неточно, а по ихъ числу и положенію или мѣсту въ спектрѣ, что можно сдѣлать при помощи вышеупомянутой шкалы, или, очень точно, посредствомъ особаго спектроскопа приспособленнаго для подобныхъ измѣреній и называемаго *спектрометромъ*. Это же даетъ возможность опредѣлять элементы и по фотографіямъ спектровъ, на которыхъ есть темныя линіи, но нѣтъ никакихъ цвѣтовъ.

Для спектральнаго анализа удобнѣе всего раскаливать или, выражаясь точнѣе, приводить въ состояніе свѣченія газы, заключенные въ гейсслеровыхъ трубкахъ, пропуская черезъ нихъ токъ отъ румкорфова снаряда. Изъ подобныхъ трубокъ былъ первоначально выкачанъ, возможно лучше, воздухъ, а затѣмъ было введено минимальное количество того или другого газа.

Мы разсматривали отдѣльно спектръ раскаленнаго твердаго тѣла и спектръ раскаленнаго газа. Теперь представимъ себѣ такой опытъ: имѣя раскаленное твердое тѣло передъ спектроскопомъ, помѣстимъ между этимъ тѣломъ и щелью нѣкоторую массу газа, но только холоднаго или, по крайней мѣрѣ, имѣющаго сравнительно низкую температуру; такимъ образомъ лучи твердаго тѣла пройдутъ прежде черезъ газъ, а затѣмъ уже попадутъ въ спектроскопъ. Спектръ получитъ вслѣдствіе этого опять особую и неожиданную физіономію: на свѣтломъ фонѣ семицвѣтнаго непрерывнаго спектра появятся темныя линіи, которыя по мѣсту въ спектрѣ будутъ точно совпадать съ тѣми свѣтлыми линіями, какія давалъ этотъ самый газъ въ раскаленномъ состояніи. Это называется превращеніемъ линій и составляетъ *третью основу* спектральнаго анализа.

Появленіе превращенныхъ линій было повѣрено опять-таки сотнями опытовъ, подтверждено теоретическими доказательствами и признается теперь несомнѣнной истиной.

Вышеописанный опытъ осуществимъ простыми средствами довольно трудно, но легко сдѣлать аналогичный опытъ, притомъ же обнаруживающій появленіе темныхъ линій при прохожденіи лучей черезъ газъ, въ чрезвычайно яркой и интересной формѣ. Изъ стекляной трубки,

грушевидной формы, выкачивается воздухъ и вводится въ нее нѣсколько кусковъ іода, затѣмъ трубка запаивается. Трубка эта ставится между свѣчой или лампой и щелью спектроскопа. Какъ только поднесемъ спиртовку къ трубкѣ, такъ сейчасъ же іодъ начнетъ испаряться, наполняя ее темно-фіолетовыми парами, и въ спектрѣ замѣтимъ появленіе множества тончайшихъ темныхъ линій поглощенія. Отодвинемъ трубку нѣсколько въ сторону, и всѣ темныя линіи исчезнутъ изъ спектра.

Этотъ опытъ показываетъ намъ также, что въ газахъ есть еще поглощеніе другого рода, вслѣдствіе котораго появляются въ спектрѣ широкія, темныя полосы поглощенія и замѣчается даже потемнѣніе цѣлыхъ частей спектра. Такъ, въ нашемъ случаѣ вся фіолетовая часть спектра потускнѣетъ.

Отнимемъ, наконецъ, спиртовку и будемъ внимательно наблюдать спектръ. По мѣрѣ охлажденія трубки, пары іода осаждаются, всѣ линіи и полосы поглощенія постепенно слабѣютъ и черезъ нѣсколько минутъ совершенно исчезнутъ.

Этотъ важный опытъ можно сдѣлать и еще проще, стоитъ только капнуть въ пробирку одну или двѣ капли обыкновенной іодовой тинктуры, заткнувъ предварительно пробирку ватой, чтобы не дышать парами іода, и затѣмъ слегка подогрѣть спиртовкой; линіи немедленно обнаружатся, хотя и не такія интенсивныя, какъ въ вышеописанной трубкѣ, приготовленной специально.

Кто знакомъ съ химическими манипуляціями, тотъ можетъ сдѣлать слѣдующій, тоже весьма поучительный и демонстративный, опытъ. Въ небольшую колбу вливается чайная ложечка крѣпкой азотной кислоты и бросается горошина металлической мѣди; при медленномъ взбалтываніи, колбочка наполняется бурыми парами азотноватаго ангидрида, дающаго замѣчательныя линіи поглощенія. Пары эти вредны для дыханія, а потому колбочка должна находиться подъ тягой.

Поглощаютъ лучи свѣта и даютъ полосы въ спектрѣ не только газы, но и жидкости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно наполнить обыкновенный флаконъ, съ параллельными стѣнками, напр., растворомъ марганцово-кислаго кали (kali hypermanganicum; хамелеонъ) и помѣстить его между щелью и лампою; нѣсколько широкихъ полосъ поглощенія появится въ средней части спектра.

Нерѣдко самый простой опытъ можно сдѣлать въ болѣе или менѣе содержательной формѣ. Возьмемъ, напр., въ нашемъ случаѣ, флаконъ съ параллельными стѣнками, но не съ квадратнымъ сѣченіемъ, а такой, чтобы его ширина была значительно больше толщины, т.-е. попросту плоскій. Наполнивъ его очень разжиженнымъ растворомъ и помѣстивъ такъ, чтобы лучи проходили черезъ меньшую толщину, мы, можетъ быть, совсѣмъ не замѣтимъ полосъ поглощенія, но стоитъ

повернуть флаконъ на четверть оборота, и волосы ясно выступятъ. Такимъ образомъ мы обнаружимъ вліяніе толщины среды на поглощеніе лучей и отъ нашей сообразительности будетъ зависѣть признать потомъ въ явленіяхъ окружающей природы то самое, что мы видѣли въ нашемъ флаконѣ.

Спектральный анализъ въ случаѣ поглощенія свѣта жидкостями тоже весьма чувствителенъ и даетъ возможность обнаружить, напр., присутствіе въ растворѣ чрезвычайно малаго количества крови: даже застарѣлыя кровяныя пятна распознаются этимъ способомъ, если имѣютъ въ себѣ хотя бы самое ничтожное количество красящаго вещества крови.

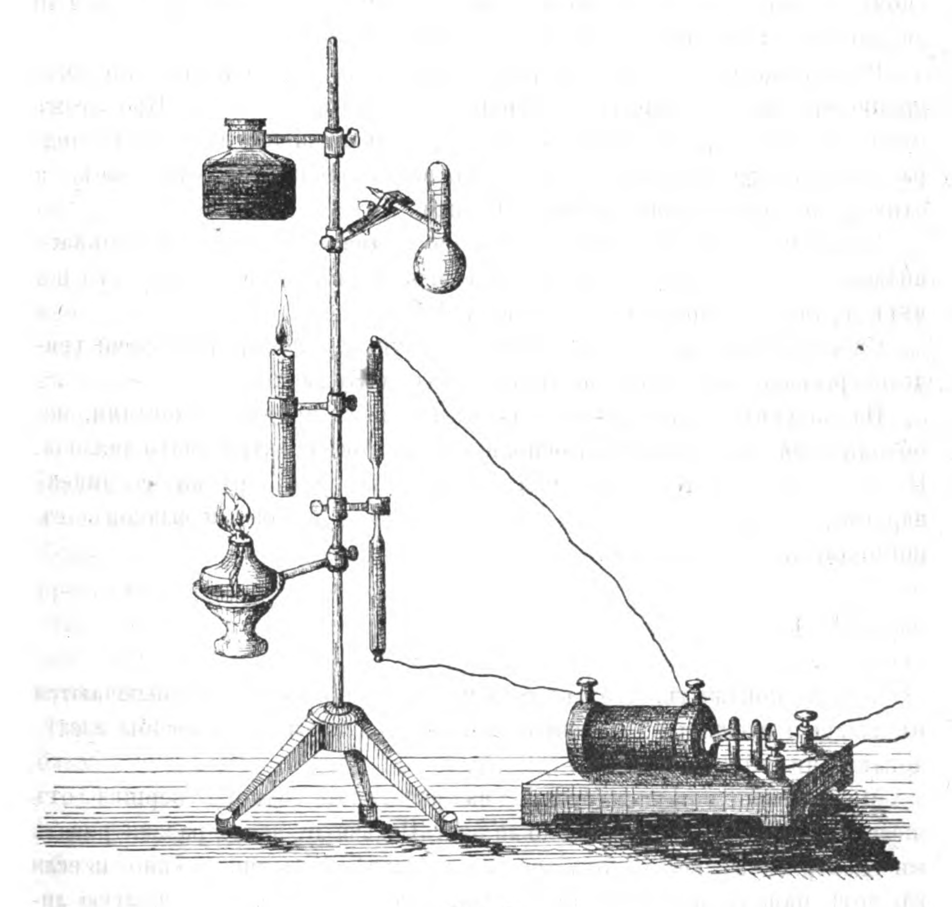


Рис. 5.

Представимъ себѣ наконецъ, что спиртовка съ солью, стоящая передъ нашимъ спектроскопомъ, удаляется отъ насъ съ очень большою коростью, тогда линія натрія смѣстится, сдвинется нѣсколько со своего мѣста. Хотя подобнаго опыта сдѣлать нельзя, потому что скорость

должна быть весьма значительна и составлять замѣтную часть скорости свѣта, все-таки и этотъ фактъ смѣщенія можно установить на основаніи непосредственнаго наблюденія, притомъ же чисто эмпирически, не вдаваясь въ глубокое изученіе самаго механизма этого явленія. Въ самомъ дѣлѣ, есть на небѣ не мало движеній, скорость которыхъ мы можемъ точно вычислить, напр., движеніе планетъ и кометъ, скорость вращенія солнца около оси и т. д. Наблюдая спектръ этихъ движущихся тѣлъ и измѣряя смѣщеніе спектральныхъ линій, мы не только можемъ подтвердить существованіе смѣщенія, но и найти величину его для данной скорости свѣтящагося тѣла.

Смѣщеніе будетъ то въ одну, то въ другую сторону, то къ красному, то къ фіолетовому концу спектра, смотря по тому, движется ли свѣтящееся тѣло отъ насъ или къ намъ.

Разъ зависимость отъ скорости найдена, то и обратно, по смѣщенію мы можемъ опредѣлить скорость движущагося тѣла. При этомъ нужно только хорошо помнить, что подъ движеніемъ тѣла надо подразумѣвать приближеніе его къ намъ или удаленіе его отъ насъ, а отнюдь не перемѣщеніе влѣво или вправо.

Въ этомъ состоитъ *четвертая* и послѣдняя *основа* спектральнаго анализа, это такъ называемый принципъ Допплера, или, какъ его зовутъ французы, принципъ Допплеръ-Физо.

Спектральный анализъ введенъ въ науку двумя профессорами гейдельбергскаго университета, Кирхгофомъ и Бунзеномъ.

На рисункѣ 5-омъ изображенъ штативъ съ принадлежностями, необходимыми для повторенія основныхъ опытовъ спектральнаго анализа. На штативѣ имѣются: спиртовка, свѣча, гейслерова трубка, соединенная съ румкорфовымъ снарядомъ, трубка съ іодомъ и флаконъ съ поглощающею жидкостью.

II.

Теперь покажемъ, что въ этихъ четырехъ положеніяхъ заключаются въ высшей степени плодотворныя новыя идеи и новые способы изслѣдованія явленій природы.

Мы ставили нашу спиртовку на разстояніи одного вершка отъ щели спектроскопа, необходимо ли оно? Нельзя ли, напр., разсматривать въ спектроскопѣ весьма отдаленный пожаръ? Конечно, можно, и если въ полѣ нашего инструмента мы увидимъ ту же свѣтлую желтую линію натрія, то навѣрно и безошибочно опредѣлимъ, что тамъ горитъ поваренная соль, или, точнѣе, одна ея составная часть—натрій.

Пламя можетъ быть еще дальше, гдѣ-нибудь въ небесномъ пространствѣ, и все-таки къ нему спектральный анализъ будетъ примѣнимъ такъ же точно, какъ къ пламени лампы на нашемъ столѣ. Только

для увеличенія силы нашего зрѣнія, спектроскопъ долженъ быть приставленъ къ зрительной трубѣ.

Отсюда понятно, почему спектральный анализъ сразу пріобрѣлъ такое значеніе именно въ астрономіи. Онъ далъ намъ возможность опредѣлять химическій составъ небесныхъ свѣтилъ, т.-е. разрѣшилъ задачу, которая лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ считалась мыслителями и философами навсегда неразрѣшимою и для насъ недоступною.

Я живо помню, какъ въ маѣ 1882 г. профессоръ Бредихинъ, нынѣ академикъ, наблюдалъ видимую тогда комету *Wells*'а. Спектръ кометъ былъ прежде уже хорошо извѣстенъ; въ тотъ вечеръ, однако, оказалось нѣчто совершенно новое. Въ спектрѣ кометы ярко блистала желтая линія въ томъ хорошо намъ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ должна быть линія натрія. Для повѣрки была всыпана щепотка соли въ пламя ручного фонарика, и фонарикъ поставленъ передъ объективомъ трубы; обѣ желтыя линіи, отъ фонаря и кометы, совпали точно. Такъ, впервые были усмотрѣны въ кометѣ пары натрія.

Спектръ солнца, разсматриваемый въ сильный спектроскопъ или сфотографированный, усѣянъ множествомъ темныхъ линій,—онѣ были названы *фраунгоферовыми*. Мы знаемъ теперь ихъ происхожденіе, это линіи поглощенія. Лучи твердаго или жидкаго солнечнаго ядра гдѣ-то проходятъ черезъ массы сравнительно холодныхъ газовъ; въ этихъ газахъ свѣтлыя линіи превращаются въ темныя. Но гдѣ же эти газы, на солнцѣ, между солнцемъ и землею или на землѣ? Между солнцемъ и землею ихъ нѣтъ, ибо при годичныхъ измѣненіяхъ разстоянія земли отъ солнца спектръ не испытываетъ никакого измѣненія. Часть этихъ линій земного происхожденія и возникла въ нашей атмосферѣ; линіи этой категоріи называются поэтому земными или *теллурическими*. Теллурическія линіи признаются по перемѣнамъ, претерпѣваемымъ ими при измѣненіи высоты солнца надъ горизонтомъ, вслѣдствіе различной толщины воздушнаго слоя, проходимаго лучами, и при спектральномъ наблюденіи солнца съ высоты горъ, поднимающихся надъ нижними, самыми плотными слоями атмосферы. Для такихъ именно изслѣдованій и была, главнымъ образомъ, построена обсерваторія на Монбланѣ.

Оказывается, что громадное большинство темныхъ линій солнечнаго спектра происходитъ отъ поглощенія въ солнечной атмосферѣ, облекающей центральное ядро.

Сравнивая положеніе темныхъ линій спектра съ положеніемъ извѣстныхъ изъ лабораторныхъ опытовъ свѣтлыхъ линій разныхъ газовъ, мы можемъ доказать ихъ присутствіе на солнцѣ. Такимъ образомъ, мы узнали, что на солнцѣ есть 35 извѣстныхъ намъ химическихъ элементовъ.

Самое полное изображеніе солнечнаго спектра сдѣлана фотографи-

чески американскимъ профессоромъ Роуландомъ. Фотографія эта имѣетъ имѣетъ видъ полосы длиною въ 18 аршинъ.

Извѣстно, что химики выражаютъ составъ тѣлъ посредствомъ особыхъ химическихъ формулъ; такъ эта длинная полоса, вся покрытая безчисленными темными линіями, есть химическая формула солнца, имъ самимъ написанная. Мы прочитали и поняли пока лишь весьма незначительное число членовъ этой формулы; чѣмъ лучше будемъ знакомиться со спектромъ солнца, тѣмъ яснѣе будетъ становиться его составъ и физическое строеніе.

Знаніе же солнца имѣетъ для насъ огромное значеніе; во-первыхъ, по причинѣ его вліянія на всѣ явленія мертвой и живой природы на землѣ, а во-вторыхъ, потому, что солнце есть единственная во всемъ мірѣ звѣзда, достаточно къ намъ близкая и, слѣдовательно, допускающая болѣе или менѣе основательное ея изученіе. Всѣ наши взгляды на звѣзды вообще въ извѣстной степени обусловлены знаніемъ солнца.

Давно уже было извѣстно, что во время полныхъ солнечныхъ затменій, изъ-за края надвинувшейся луны торчатъ какіе-то огненные языки, названные потомъ *выступами* или *протуберансами*. Одно время ихъ считали оптическою иллюзіею или давали имъ весьма разнорѣчивыя объясненія. Французскій ученый Жанссенъ первый направилъ на нихъ спектроскопъ, въ затменіе 18-го августа 1868 г., и, какъ это повторялось потомъ не разъ, многолѣтній споръ былъ рѣшенъ моментально. Спектръ выступовъ состоялъ изъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ линій; слѣдовательно, они представляютъ изъ себя массы раскаленныхъ газовъ, главнымъ образомъ, водорода, окружающихъ солнце.

Тогда же Жанссену бросилась въ глаза яркость линій, и онъ получилъ убѣжденіе, что эти линіи можно будетъ видѣть не только въ короткія минуты затменія, а въ любой моментъ, что и подтвердилъ немедленно тамъ же, на мѣстѣ, въ Индіи, гдѣ наблюдалъ вышеупомянутое затменіе.

Очень скоро оказалось, что можно видѣть каждый день не только свѣтлыя линіи выступовъ, но и самые выступы въ ихъ естественной формѣ, и то безъ всякихъ новыхъ приспособленій, просто раскрывъ пошире щель спектроскопа. Въ образовавшееся такимъ образомъ маленькое окошечко прямо видны выступы; щель при этомъ должна находиться точно въ фокусѣ объектива трубы и быть касательною къ диску солнца, такъ что на нее падаетъ дѣйствительное изображеніе выступовъ, стоящихъ на краю солнца.

Необходимо вполнѣ уяснить себѣ, отчего протуберансы дѣлаются видимы помощью спектроскопа въ ясный день. Прямо въ трубу они днемъ не видны потому, что наша земная атмосфера, особенно близъ краевъ солнца, освѣщена особенно сильно, и за этою ослѣпительно-блестящею вуалью не видны слабо свѣтящіеся выступы, подобно

тому, какъ днемъ не видны звѣзды. Но атмосфера свѣтитъ отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ и даетъ семицвѣтный спектръ, который тѣмъ длиннѣе, а слѣдовательно, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше призмъ въ спектроскопѣ; напротивъ, спектръ выступовъ состоитъ изъ отдѣльныхъ линій, которыя только все болѣе и болѣе раздвигаются при увеличеніи числа призмъ, но не слабнутъ, такъ что, при достаточной силѣ спектроскопа, онѣ ясно выступятъ и днемъ на ослабленномъ фонѣ атмосферы, а если открыть пошире щель спектроскопа, то обрисуется и весь выступъ.

Все это я окончательно разъясняю слѣдующими двумя простенькими, но весьма поучительными опытами.

Сдѣлаемъ пламя спиртовки очень малымъ, такъ чтобы оно свѣтило незамѣтно, внесемъ въ него щепотку соли и поставимъ рядомъ со свѣчой; отойдемъ въ противоположный конецъ комнаты и посмотримъ черезъ призму, держа ее просто рукой. И свѣча, и лампа покажутся сильно сдвинутыми со своихъ мѣстъ, какъ и быть должно; но изображенія свѣчи не будетъ, вмѣсто него увидимъ цѣлый яркій спектръ; спиртовка же будетъ видна неизмѣнно въ своемъ естественномъ видѣ. Для ясности зрѣнія еще лучше смотрѣть не просто глазомъ, а въ небольшой бинокль или трубочку.

Второй опытъ. Устроимъ спиртовку съ очень маленькимъ пламенемъ, въ нѣсколько миллиметровъ, изъ аптечной стклянoчки, для чего вставимъ въ нее оттянутую стеклянную трубочку съ нитью фитиля, введемъ въ пламя зерно соли и поставимъ эту лампочку передъ щелью Затѣмъ, въ нѣкоторомъ разстояніи за нею помѣстимъ обыкновенную лампу, закрытую листомъ сѣрой, слегка желтоватой бумаги.

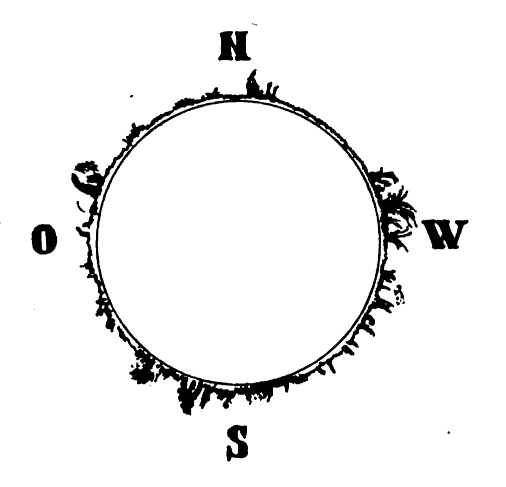


Рис. 6.

Пламя маленькой лампочки совершенно незамѣтно на фонѣ освѣщенной бумаги, но въ спектроскопѣ линія натрія видна очень хорошо, а открывъ пошире щель, увидимъ и само пламя.

Такимъ образомъ началась новая эпоха въ изученіи солнца. Каждый день стали наблюдать и рисовать протуберансы, стоящіе на краю солнца.

На прилагаемомъ чертежѣ (рис. 6) изображено солнце съ окружающими его выступами; оно было бы такъ видно и для простого глаза, если бы не было нашей атмосферы.

Такъ какъ для публикаціи подобныхъ наблюденій неудобно было бы рисовать каждый разъ дискъ солнца, то чертится только его край, только профиль, развернутый въ прямую линію. Вотъ (рис. 7) пять такихъ профилей, снятыхъ въ уменьшенномъ видѣ съ рисунковъ Ѳ. А. Бредихина, которому принадлежатъ первыя у насъ спектроскопическія наблюденія выступовъ. Теперь такія наблюденія производятся въ Одессѣ, а одно время дѣлались и въ Харьковѣ.

III.

Звѣздное небо испоконъ вѣка приковывало къ себѣ взоры и вниманіе людей, но представляло вмѣстѣ съ тѣмъ пытливому уму непреодолимыя трудности въ изученіи.

Система Коперника показывала ясно, что звѣзды нужно считать солнцами, но что эти солнца находятся отъ насъ на такихъ разстояніяхъ, которыя долго казались невообразимыми и невозможными, а

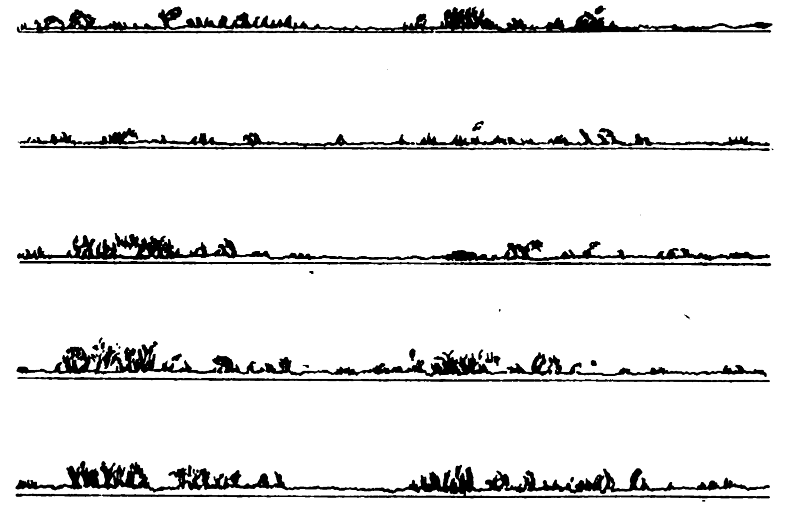


Рис. 7.

изученіе списковъ звѣздъ, составленныхъ древними, подтверждало установившееся убѣжденіе въ ихъ неподвижности.

Но непрерывное усовершенствованіе инструментовъ и способовъ наблюденія, начиная съ половины восемнадцатаго вѣка, съ Брадлея и громадный, въ высшей степени плодотворный трудъ нѣсколькихъ поколѣній астрономовъ довели науку до современнаго совершенства. Изъ сопоставленія наблюденій за этотъ длинный промежутокъ времени обнаружились для многихъ звѣздъ небольшія смѣщенія съ ихъ мѣстъ,

показывающія, что звѣзды не неподвижны, но имѣютъ собственное движеніе, хотя оно въ большинствѣ случаевъ тонетъ въ безграничномъ пространствѣ и дѣлается для насъ неуловимымъ.

Такимъ образомъ впервые міровая жизнь стала обрисовываться въ неясныхъ очертаніяхъ.

Тѣмъ неожиданнѣе были открытія, которыя стали быстро, чуть ли не каждый день, слѣдовать другъ за другомъ, благодаря примѣненію спектральнаго анализа къ явленіямъ звѣзднаго неба.

Спектроскопъ сейчасъ же показалъ, что звѣзды дѣйствительно солнца, что на нихъ находятся знакомыя намъ химическія вещества, что спектры ихъ различаются между собою далеко не такъ значительно, какъ можно было ожидать, и группируются въ три только класса, не считая переходныхъ ступеней.

Къ первому классу принадлежатъ бѣлыя звѣзды: Сиріусъ, Вега, Регулъ, Касторъ и т. д. Въ ихъ спектрахъ бросаются въ глаза темныя водородныя линіи, почти при полномъ отсутствіи какихъ либо другихъ.

Ко второму классу, желтоватыхъ звѣздъ, принадлежитъ прежде всего наше солнце, затѣмъ Арктуръ, Капелла, альфа Лебедя и пр. Ихъ спектръ, аналогичный солнечному, усѣянъ множествомъ металли ческихъ линій.

Наконецъ, къ третьему классу принадлежатъ красноватыя звѣзды, альфа Оріона, Антаресъ и т. д., съ темными полосами въ спектрѣ.

Несомнѣнно, разность спектровъ находится въ прямой связи со стадіей развитія звѣздъ.

На ряду со звѣздами на небесномъ сводѣ разсѣяны тысячи туманностей; что представляютъ онѣ изъ себя, газовыя массы или скопленія звѣздъ, столь отдаленныя, что звѣздочки, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ слабо свѣтящееся облачко? Споръ этотъ, по крайней мѣрѣ для отдѣльныхъ случаевъ, не можетъ быть рѣшенъ трубою; всегда возможно утверждать, что труба слишкомъ слаба, чтобы разрѣшить туманность на звѣзды. Но одинъ взглядъ черезъ призму, приставленную къ окуляру трубы, показываетъ, что огромное число туманностей даетъ не спектръ, а отдѣльныя свѣтлыя полоски, и состоитъ слѣдотельно изъ газа.

И въ этомъ случаѣ нельзя достаточно надивиться простотѣ рѣшенія этого вопроса первостепенной важности.

Иногда, впрочемъ весьма рѣдко, на небѣ случается особенное, выдающееся явленіе,—вдругъ загорается новая звѣзда. Такой случай, изъ самыхъ замѣчательныхъ, вѣроятно еще въ памяти у всѣхъ, а именно новая звѣзда въ Персеѣ, явившаяся въ февралѣ 1901 г. На ряду съ прежними способами изслѣдованія на сей разъ выдвинулся и занялъ безспорно первое мѣсто спектроскопическій методъ. По нѣ-

сколько разъ каждую ночь снимали спектръ новой звѣзды, и эти снимки могутъ быть точно уподоблены телеграммамъ изъ далекаго пространства. Вѣсти были полны содержанія и почти ежечасно новыя. Удивительныя перемѣны претерпѣвалъ спектръ: вначалѣ онъ былъ безпрерывный, съ темными линіями, потомъ въ немъ появились широкія свѣтлыя полосы водорода, затѣмъ онъ сталъ постепенно гаснуть и превратился въ обыкновенный спектръ туманности. Не все еще мы можемъ вполнѣ уяснить себѣ, но путь въ область, такъ недавно совершенно недоступную, открытъ широкій.

IV.

Выводы, основанные на нашемъ четвертомъ положеніи, на принципѣ Допплера, не менѣе важны и поразительны.

Если на планетѣ, окутанной густою атмосферою, не видно никакихъ пятенъ или темныхъ мѣстъ, то невозможно сказать, вращается ли она вокругъ своей оси или нѣтъ, и только спектроскопъ, если не теперь, то со временемъ, обнаружитъ это вращеніе смѣщеніемъ спектральныхъ линій на противоположныхъ краяхъ диска. Въ такомъ именно положеніи находится по сю пору старинный и пока не рѣшенный споръ о вращеніи Венеры. Самое красивое свѣтило, воспѣваемое издавна поэтами, утренняя звѣзда — планета Венера—весьма неинтересна для астронома; на пустомъ лицѣ ея не видно ничего, и мы не знаемъ ни ея физическаго строенія, ни ея вращенія.

Если имѣется плоскій дискъ, равномѣрно освѣщенный и безъ всякихъ пятенъ, то опять таки только спектроскопъ можетъ показать, вращается ли онъ, а если вращается, то какъ именно.

Кольцо Сатурна представляетъ такую именно загадку. Уже теоретики, начиная съ Лапласа, доказывали, что оно не можетъ быть однимъ цѣлымъ, а состоитъ или изъ отдѣльныхъ колецъ, или изъ отдѣльныхъ частицъ; и дѣйствительно, эти соображенія оказались вѣрными. Кольцо вращается не какъ одно цѣлое, не какъ колесо пролетки, а концентрическими слоями, такъ что, чѣмъ слой ближе къ Сатурну, тѣмъ *быстрѣе* онъ вращается.

Бросивъ на щель спектроскопа дѣйствительное изображеніе Сатурна, даваемое объективомъ трубы, можно получить фотографически спектръ, продольныя полоски котораго будутъ изображать спектры разныхъ частей кольца. Оказывается, что въ такомъ спектрѣ темныя линіи не перпендикулярны къ его длинѣ, какъ это всегда бываетъ, а наклонны; это доказываетъ, что одна и та же темная линія различно смѣстилась въ разныхъ частяхъ кольца, а слѣдовательно, что эти части имѣютъ разныя скорости. Вернемся опять къ звѣздамъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ щели, внутри трубы, въ конусѣ лучей

наблюдаемой звѣзды, поставимъ водородную гейсслерову трубку. Тогда на спектрѣ звѣзды увидимъ линію водорода: если эта свѣтлая линія не точно совпадаетъ съ темной линіей водорода въ спектрѣ звѣзды, то значитъ темная линія смѣщена, а если она смѣщена, то звѣзда движется, и по смѣщенію мы опредѣлимъ скорость приближенія или удаленія звѣзды.

Хотя мы отнюдь не знаемъ, на какомъ разстояніи находится отъ насъ наблюдаемая звѣзда, мы все-таки получимъ ея скорость, да при томъ же прямо въ нашихъ земныхъ единицахъ, въ километрахъ или верстахъ. Въ настоящее время мы уже имѣемъ небольшіе списки этихъ, такъ называемыхъ «лучевыхъ», скоростей звѣздъ. Скорости небольшія, 5,10—35 или 40 километровъ въ секунду.

Недавно открыты другого рода перемѣщенія спектральныхъ линій. Напримѣръ, въ спектрѣ весьма извѣстной, видимой простымъ глазомъ, перемѣнной звѣзды Альголь, темныя линіи періодически мѣняютъ свое мѣсто, двигаясь въ спектрѣ то въ ту, то въ другую сторону. Въ спектрахъ нѣкоторыхъ другихъ звѣздъ линіи періодически двоятся. Намъ не трудно теперь понять эти явленія,—они служатъ отраженіемъ движеній звѣздъ. Альголь есть двойная звѣзда, только вторая звѣзда темная и, слѣдовательно, совершенно недоступна прямому наблюденію. По законамъ механики обѣ звѣзды движутся около общаго центра тяжести, и это движеніе свѣтлаго компонента пары отражается въ періодическомъ движеніи спектральныхъ линій. Въ случаѣ двоенія линій, мы имѣемъ дѣло съ двойною звѣздою, состоящею изъ двухъ свѣтящихся компонентовъ, но такихъ близкихъ другъ къ другу, что увидѣть ихъ въ отдѣльности нельзя. Такимъ образомъ возникла недавно астрономія «невидимаго». Но всѣ такія изслѣдованія принадлежатъ къ труднѣйшимъ и удаются лишь немногимъ, особенно искуснымъ наблюдателямъ, имѣющимъ, кромѣ того, подъ рукою громадныя инструментальныя средства.

Особеннымъ успѣхомъ увѣнчалось примѣненіе фотографіи къ этой области; спектры, почти недоступные наблюденію глазомъ, могутъ быть отлично фотографируемы. Мы имѣемъ весьма извѣстнаго спеціалиста по этой части въ лицѣ старшаго астронома пулковской обсерваторіи А. А. Бѣлопольскаго.

V.

Въ безграничномъ небесномъ пространствѣ разсѣяны миріады солнцъ, то въ одиночку, то попарно, то собранные въ богатыя скопленія. Одни изъ нихъ цѣлыя тысячелѣтія блестятъ неизмѣннымъ свѣтомъ, другіе сверкаютъ блескомъ, мѣняющимся впродолженіи короткихъ періодовъ. Рядомъ съ ними слабо мерцаютъ неразгаданными

лучами туманности, разсѣянныя по пространству островами неимовѣрной величины.

Всѣ эти тѣла состоятъ изъ одной и той же матеріи, всѣ движутся по однимъ и тѣмъ же механическимъ законамъ, всѣ взаимно связаны силою притяженія, лучами свѣта и тепла.

Надъ небесною бездною носится духъ единства мірозданія! Вокругъ звѣздъ, вѣроятно, ходитъ сонмъ невидимыхъ для насъ планетъ; кромѣ лучей свѣта и тепла, пронизываютъ, несомнѣнно, пространство лучи иныхъ еще силъ, а за всѣмъ этимъ чуется другой элементъ, также разлитый въ небесномъ пространствѣ и связанный непонятнымъ для насъ образомъ съ матеріей.

Слабый человѣческій умъ, окрѣпшій въ свѣтлой и здоровой области чистой науки, усмотрѣлъ нѣкоторыя линіи величественной картины и эту частицу безконечности увидѣлъ не въ мечтахъ и угадалъ не волхвованіемъ, не апріорнымъ построеніемъ, но изслѣдовалъ, измѣрилъ и завоевалъ столѣтними тяжелыми трудами, непосредственнымъ наблюденіемъ и математическимъ размышленіемъ.

VI.

Въ настоящее время у насъ есть уже не мало любителей астрономіи. Изъ писемъ, получаемыхъ обсерваторіей, видно, что всякое болѣе или менѣе выдающееся явленіе на небѣ было замѣчено кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Бывали случаи, когда любителямъ удавалась подмѣтить даже рѣдкія телескопическія явленія; такъ, напр., въ Смоленскѣ, безо всякаго предувѣдомленія, замѣтили и наблюдали 6-го сентября 1903 г. покрытіе Юпитеромъ звѣздочки 6,5 величины.

Весьма желательно, чтобы въ программу своихъ астрономическихъ работъ любители ввели и спектроскопію. Наблюденіе солнечныхъ выступовъ, сравнительно, не трудно, но требуетъ сложнаго спектроскопа и трубы на солидномъ штативѣ. Въ трубу дюйма въ 4, при помощи маленькаго, такъ называемаго *окулярнаго спектроскопа* можно видѣть линіи въ спектрѣ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ звѣздъ.

Какихъ результатовъ возможно достигнуть съ самыми скромными средствами, показалъ ассистентъ московской обсерваторіи С. Н. Блажко, получивъ весьма удовлетворительный спектръ новой звѣзды Персея при помощи обыкновенной призмы величиною въ два дюйма, съ преломляющимъ угломъ въ 45°, помѣщенной передъ объективомъ трубы. Для этого можетъ быть употреблена обыкновенная зрительная труба, окуляръ которой замѣненъ маленькою фотографическою камерою.

Не нужно только смущаться скромностью первыхъ работъ; всякое большое дѣло имѣетъ свое маленькое начало и затѣмъ развивается многими послѣдовательными улучшеніями.

Я привелъ нѣсколько примѣровъ изъ области приложенія спектральнаго анализа, ихъ можно было бы привести въ сто разъ больше, но и описанныхъ совершенно достаточно, чтобы показать плодотворность этого новаго ученія и чтобы уяснить себѣ ту огромную разницу, какая существуетъ между техническимъ изобрѣтеніемъ и новою научною идеею.

Недавно изобрѣтена новая электрическая лампа, за которую заплатили изобрѣтателю громадныя деньги; за спектральный анализъ не дали ученымъ ни гроша. И тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе лампы не представляетъ никакой особенной важности, ею будутъ торговать очень бойко, но появится другая, съ нѣсколько болѣе удобнымъ расположеніемъ винтиковъ или проводовъ и прежняя исчезнетъ съ рынка немедленно и безслѣдно. Спектральный же анализъ открываетъ новые горизонты, разрѣшаетъ новыя задачи, и всѣ послѣдующія открытія въ этой области лишь увеличиваютъ его значеніе.

Еще одинъ выводъ сдѣлаю изъ сказаннаго. Солнечный спектръ съ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ человѣку въ видѣ величественной радуги; спектръ солнца мы видимъ въ каплѣ росы, въ льдинкахъ, въ самоцвѣтныхъ граненыхъ камешкахъ наряда, онъ отовсюду и постоянно глядитъ на насъ, какъ самое обычное и частое явленіе повседневной жизни. И что же, тысячи лѣтъ прошли прежде, чѣмъ человѣкъ понялъ этотъ спектръ и то, что въ немъ заключается.

Такъ и, кромѣ спектра, вездѣ въ непосредственной близости отъ насъ есть чудеса, только мы ихъ еще не видимъ и не понимаемъ.

НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

Разсказъ.

I.

Одинцовъ съ шумомъ распахнулъ дверь въ 39-й номеръ «Биржевой гостинницы» и въ густыхъ клубахъ табачнаго дыма увидалъ знакомую компанію. И съ того момента, какъ онъ переступилъ порогъ—онъ хорошо это запомнилъ,—вмѣстѣ съ запахомъ кахетинскаго вина, шашлыка и пива, говоромъ подгулявшихъ пріятелей и стонущими звуками фисгармоніи, его охватилъ порывъ радостно-жуткаго смѣшаннаго чувства.

Въ неизмѣнявшемъ ему въ послѣдній мѣсяцъ ощущеніи тупой житейской скуки, осложненной какимъ-то навязчивымъ анализомъ окружающаго «подъ угломъ», вдругъ зазвучала нотка товарищеской пріязни, слегка повышенной, но искренной беззаботности. Ожиданіе разгула съ невѣдомой, щекочущей нервы, перспективой точно приподняло Одинцова, втолкнуло въ распахнутую дверь, и онъ, сразу впадая въ общій тонъ, закричалъ съ утрированною развязностью:

— Привѣтъ честному кумпанству! Привѣтъ безнравственному имениннику, бездѣльнику и пьяницѣ Володькѣ!

Виновникъ торжества земскій начальникъ Бабичевъ, сидѣвшій за фисгармоніей и съ картиннымъ изгибомъ рукъ игравшій маршъ Буланже, бросился ему навстрѣчу.

— Госпожа судебная палата дорого заплатитъ за свои слова,—закричалъ онъ, цѣлуя Одинцова въ обѣ щеки,—налить ей за это по второй инстанціи!

И пока Одинцовъ переходилъ изъ объятій въ объятія, встрѣчаясь съ разнѣженными, влажными взорами друзей, Бабичевъ налилъ двѣ большихъ рюмки коньяку и, держа ихъ въ обѣихъ рукахъ, торжественно подступилъ къ Одинцову.

— А вотъ это по первой инстанціи,—говорилъ онъ, почти насильно вливая коньякъ въ ротъ Одинцову,—а это, братъ, по второй!

Одинцовъ опоздалъ, и завтракъ былъ въ полномъ разгарѣ, бутылки наполовину выпиты, блюда съ шашлыкомъ опустошены. Посреди стола возвышалась большая ваза съ толченымъ льдомъ, наполнявшимъ также стаканы съ торчащими изъ нихъ изогнутыми стеклянными трубками. Въ промежуткахъ толченаго льда желтѣлъ и золотился хересъ.

Ошеломленный двумя рюмками коньяку, но еще совершенно трезвый, Одинцовъ сидѣлъ за столомъ, тянулъ изъ стекляной трубки холодную влагу и, приходя въ себя, всматривался и слушалъ.

Имениникъ Бабичевъ, попрежнему выворачивая руки, игралъ маршъ Буланже и съ увлеченіемъ напѣвалъ какія-то нелѣпыя слова:

Гвардейца при-ве-ла
Съ собой моя се-стра,
Дочь опиралась горячо
На кирасирское плечо...

Народу было немного; кромѣ Одинцова и Бабичева, всего трое: студентъ-технологъ Гроссъ, молодой военный инженеръ Жуковъ и начальникъ судоходной дистанціи пожилой морякъ Китнеръ. Но всѣ они были безъ сюртуковъ, сидѣли, развалившись въ живописныхъ позахъ, громко говорили, стучали стаканами, и у Одинцова сначала получилось обманчивое впечатлѣніе, будто компанія гораздо больше. Пожилой морякъ обнималъ за плечи студента, а передъ нимъ стоялъ Жуковъ. Молодой инженеръ, съ торчавшимъ изъ-за жилета широкимъ военнымъ галстухомъ, быстро жестикулировалъ и показывалъ на картахъ замысловатый фокусъ. Маленькіе черные глазки Жукова лукаво смѣялись на неподвижномъ, тщательно выбритомъ лицѣ, а быстро мелькавшіе пальцы съ необычайною ловкостью тасовали и подтасовывали колоду. Потомъ инженеръ жонглировалъ бокалами и тростью, завязывалъ салфетку въ «волшебный узелъ» и все время приговаривалъ съ интонаціей заправскаго фокусника:

— Алле пассе! алле гопъ!

Начальникъ судоходной дистанціи, тянувшій хересъ стаканъ за стаканомъ и усердно подливавшій студенту Гроссу, не мигая смотрѣлъ на инженера бѣлесовато-голубыми острыми глазами морского волка и, всплескивая руками, восхищенно кричалъ:

— То-есть это, я вамъ доложу, поразительно! Клянусь хересомъ и студентомъ! Ахъ, чортъ его возьми! Шевели ногами!..

А технологъ Гроссъ, съ открытымъ «добролюбовскимъ» лицомъ, пилъ хересъ попеременно съ водкой, стучалъ кулакомъ по столу и говорилъ съ равнодушной разстановкой:

— Ерунда. Брось, инженеръ!.. Вся наша жизнь такой же

фокусъ съ тасовкой и подтасовкой. Да, братъ. Лучше выпьемъ. И я тебѣ докажу, какъ дважды два, что ты самъ салфетка, завязанная узломъ...

II.

Номеръ гостинницы, гдѣ остановился и справлялъ именины Бабичевъ, выходилъ на тѣневую сторону улицы, и въ немъ, по контрасту съ зноемъ, ослѣпительно сіявшимъ съ противоположной стороны, казалось не жарко.

Подойдя къ окну, Одинцовъ увидалъ рядъ татарскихъ лавчонокъ. Съ пыльной улицы вѣяло прѣлымъ запахомъ арбузовъ и дынь, наваленныхъ у дверей лавчонокъ цѣлыми грудами. Тутъ же на корточкахъ сидѣли татары въ круглыхъ бархатныхъ ермолкахъ и персы въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ. У персовъ были загорѣлыя коричневыя лица, а бороды и ногти окрашены въ рыжевато-красную краску. На знойной улицѣ, переполненной лавками, группами татаръ и персовъ, была почти нѣмая тишина, а изъ номера гостинницы, гдѣ пировало пятеро друзей, вырывался разноголосый шумъ и рѣзкіе, стонущіе звуки фисгармоніи. Но торговцы арбузами были равнодушны къ этому шуму, и только широколицый рябой татаринъ, сидѣвшій какъ разъ противъ Одинцова и смотрѣвшій на него двумя крошечными точками глазъ, улыбался широчайшей улыбкой. Онъ причмокивалъ губами, бормоталъ что-то въ родѣ «тарамъ-барамъ», и Одинцовъ догадался, что татарину за него весело.

И тутъ снова, какъ и по дорогѣ въ гостиннацу, онъ поймалъ себя на мысли, что пришелъ сюда не изъ-за именинъ Бабичева, не ради встрѣчи съ пріятелями, а съ единственною цѣлью напиться пошлѣйшимъ образомъ и что-то заглушить въ себѣ. Онъ даже хорошенько не зналъ, что именно, но ему было ясно, что какая-то струна порвалась въ немъ, и, кромѣ безпричинной скуки, отвращенія къ избитымъ формамъ жизни, въ его мозгу воцарился какой-то новый надоѣдливый и упрямый врагъ. Этотъ врагъ держалъ въ тискахъ его голову и точно снялъ съ его глазъ мутную пелену, замѣнивъ ее увеличительнымъ стекломъ. И та жизнь, съ которой раньше мирился Одинцовъ, находя въ ней какую-то гармонію и вѣрность пропорцій, вдругъ со всѣхъ сторонъ полѣзла ему въ глаза съ рельефными до боли, кричащими деталями уродства, подчеркнутой лжи и вопіющаго неравенства силъ и положеній.

Все это вспомнилось ему лишь на минуту. Рябая татарская рожа, похожая на комическую маску, улыбалась на фонѣ уличной тишины и зноя и точно заявляла о томъ, что все обстоитъ

благополучно. И Одинцовъ, какъ бы успокоенный, отошелъ отъ окна.

Инженеръ Жуковъ стоялъ на столѣ между бокалами и старался изобразить «танецъ мечей».

— Браво, капитанъ!—сказалъ Одинцовъ, подходя къ столу,—но тѣмъ не менѣе слѣзайте и будемъ пьянствовать.

И, соединившись тѣсной группой, именинникъ и гости заговорили гулкими, свободными голосами людей, которымъ некого стѣсняться.

— Къ чорту философію!—продолжая начатый споръ, кричалъ морякъ въ лицо студенту.—Поживи съ мое, тогда узнаешь, что жизнь человѣческая на каждомъ шагу зависитъ отъ глупаго случая. А стало быть нечего манерничать и разсуждать: то хорошо, а это не хорошо. Все хорошо, что не мѣшаетъ жить. Шевели ногами!

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Бабичевъ,—эхъ ты, миляга Гроссъ, молода—въ Саксоніи не была.

— Ну, и къ лѣшему, не желаю спорить,—сказалъ студентъ,—я пришелъ сюда не узоры разводить, а пить водку.

— А самъ споришь!—намѣренно «тыкая» студента, сказалъ морякъ.

— Да въ чемъ дѣло, господа?—поинтересовался Одинцовъ.

— А вотъ въ чемъ,—сказалъ Жуковъ,—я фокусы показываю, а нашъ милый Гроссъ изобрѣтаетъ тосты, да какіе! «За идею», напримѣръ.

— Вѣрно, за ид-дею!—повторилъ студентъ слегка заплетающимся языкомъ.

— Этого мало—онъ еще лучше придумалъ: «за посрамленіе интеллигенціи», говоритъ.

— И это вѣрно: за посрамленіе и позоръ... урра!—закричалъ Гроссъ.

— Ну вотъ видишь,—притворно сердясь сказалъ морякъ,—да ты самъ-то кто, интеллигентъ, баринъ?

— Не надуешь, стара пѣсня,—уже спокойно говорилъ студентъ,—знаемъ мы, гдѣ раки зимуютъ.

— Послушайте вы, дьяволы!—сказалъ Бабичевъ.—Такъ-то вы меня чествуете, опять антимонію завели...

— Виноватъ, простите,—театрально улыбаясь и поднимая бокалъ, сказалъ Гроссъ,—за здоровье господина земскаго начальника, народнаго радѣтеля, числящагося по болѣзни въ отпуску, пьющаго хересъ со льдомъ и ледъ съ хересомъ, бренчащаго на клавикордахъ и сіяющаго упитанными мордасами... Ура!

— Мерзавецъ!—шаржирующимъ, опереточнымъ тономъ воскликнулъ Бабичевъ.—Онъ мнѣ нравится!

III.

Отъ громкаго смѣха, табачнаго дыма и выпитаго вина Одинцовъ слегка оторопѣлъ, но опьяненіе, котораго онъ ждалъ, какъ на зло не появлялось. И все время у него было какое-то странное чувство утроеннаго вниманія, почти прозорливости, способной подмѣчать мельчайшіе штрихи и детали. Начиная съ людей, трактирной обстановки и кончая узоромъ обоевъ, все вырисовывалось передъ его глазами отчетливо и рѣзко, а слова, интонаціи отчеканивались и звенѣли въ ушахъ. И онъ смотрѣлъ на всѣхъ расширеннымъ, глубокимъ взоромъ.

— Брось наблюдать, неужели не надоѣло?—поймалъ его Бабичевъ,—чортъ васъ знаетъ, господа, точно сговорились. Одинъ лѣзетъ съ идеями разными, другой съ фотографическимъ аппаратомъ. Ну что объективъ навелъ?—снова обратился онъ къ Одинцову,—ужъ лучше прямо вынь записную книжку, да потомъ гдѣ-нибудь тисни: вотъ на что, молъ, уходятъ лучшія силы и прочее. Нѣтъ, государи мои, кто сидитъ со мной, тотъ долженъ спрятать въ карманъ всякіе «позоры интеллигенціи» и фотографическіе аппараты. А то и въ самомъ дѣлѣ придется позвать Карапета.

— Пирикрасная мысилъ,—съ восточнымъ акцентомъ, оттопыривъ губы, произнесъ инженеръ,—Карапэтъ, дюша мой, харопи чилавэкъ...

И когда черезъ минуту явился хозяинъ гостинницы, армянинъ съ юмористически-хитрымъ, но симпатичнымъ лицомъ, Бабичевъ отвелъ его въ сторону и съ таинственнымъ видомъ началъ шептать что-то на ухо. Карапетъ исчезъ, а Бабичевъ вернулся къ столу и сказалъ:

— Противоядіе найдено.

— Шевели ногами,—сказалъ морякъ,—держу пари, что женщины.

— Всего одна, но зато, кажется, общая знакомая—Джульетта... Ну да вы знаете, какъ ее, Наташка или Манька? Только за нею еще нужно послать въ «Аркадію», а пока...

Онъ не договорилъ, какъ распахнулась дверь и снова появился Карапетъ, а за нимъ четыре фигуры кавказскихъ горцевъ въ длиннѣйшихъ черкескахъ. У каждаго было по музыкальному инструменту, въ родѣ мандолины съ шарообразнымъ корпусомъ и длиннымъ-предлиннымъ грифомъ. Двое изъ нихъ были слѣпы, но въ ярко-синихъ, скрывавшихъ ихъ глаза, очкахъ, и шли подъ-руку съ товарищами. Такъ и вошли они попарно, дробной, сѣменящей походкой, церемонно раскланиваясь на всѣ стороны.

Усѣвшись на стульяхъ, разставленныхъ въ квадратъ, они молча настроили инструменты, откинули широкіе рукава черкесокъ и замерли... Потомъ разомъ ударили по струнамъ.

Вмѣстѣ съ музыкой плясовой кавказской пѣсни поднялся страшный шумъ, топотъ ногъ и хлопанье въ ладоши. Имениникъ, гости и даже самъ хозяинъ гостинницы вдругъ пришли въ движеніе. Они слегка приплясывали на мѣстѣ, отбивали ладонями тактъ, и звонкіе хлопки слились въ одинъ грохотъ съ лихими, крутящимися, какъ вихрь, звуками танца. Карапетъ, стоя посреди комнаты, поворачивался на одной ногѣ, плавно разводилъ въ воздухѣ руками и, лукаво подмигивая, дѣлалъ видъ, что вотъ-вотъ пустится въ плясъ.

IV.

Только Одинцовъ неподвижно сидѣлъ и всматривался. Выпитый хересъ попрежнему не опьянялъ его, кровь стучала въ вискахъ и мысль работала съ удвоенною живостью. Ему захотѣлось воздуха, онъ всталъ и подошелъ къ окну. На другой сторонѣ улицы рябой татаринъ съ маской смѣха на лицѣ и нѣсколько другихъ татаръ изъ сосѣднихъ лавокъ, столпившись въ кучку, во всѣ глаза смотрѣли въ окна гостинницы, и было видно, что они жадно ловятъ бодрый, зовущій шумъ, вихремъ вылетающій изъ оконъ. Они тоже слегка приплясывали, и на ихъ лицахъ была написана радость. Увидавъ Одинцова, они любовно закивали ему, и всѣ вмѣстѣ забормотали что-то очень похожее на «тарамъ-барамъ».

Одинцовъ отошелъ отъ окна, невольно улыбаясь, и вдругъ встрѣтился съ глазами одного изъ музыкантовъ. Тотъ сидѣлъ, немного выдавшись изъ группы, и по лицамъ остальныхъ, устремленнымъ къ нему, чувствовалось, что онъ—главный. Глаза, съ которыми встрѣтился Одинцовъ, были глазами птицы, круглыми, безъ зрачковъ, и притомъ на совершенно птичьемъ лицѣ съ узкими сдавленными висками и длиннымъ, напоминающимъ клювъ, носомъ. Маленькая головка горца вращалась во всѣ стороны, скользя пристальнымъ взглядомъ то по товарищамъ, то по гостямъ. А стеклянная непроницаемость взора и быстрое мельканіе руки, ударявшей по струнамъ, придавали этому музыканту видъ большой заводной куклы. Двое слѣпцовъ въ синихъ очкахъ были блѣдны, а ихъ плечи странно опущены. И въ этой опущенности плечъ, въ скорбной складкѣ губъ, въ непроницаемости круглыхъ синихъ стеколъ, отражавшихъ комнату, чувствовалась жуткая сосредоточенность, устремленность въ глубину, какое-то мертвенное вниманіе и тайна. Было похоже на то, что отъ нихъ осталась одна

оболочка въ видѣ черкесокъ, блѣдныхъ лицъ и синихъ стеколъ, а отлетѣвшія души ихъ витаютъ далеко въ горахъ Кавказа, среди долинъ и ущелій. Между тѣмъ въ отчаянно-смѣлыхъ и дикихъ надрывахъ струнъ все время тоскливо и назойливо жужжала бѣдная, жалобная нотка. Очевидно, это звучала слабо-натянутая плохенькая струна, но это не вносило диссонанса, не казалось случайностью, а въ соединеніи съ грознымъ, таинственнымъ рокотомъ давало красивый и цѣльный образъ порабощенной народности. Мужественные призывы къ мщенію и безсильныя женскія слезы звучали смѣшаннымъ аккордомъ.

Одинцовъ не слышалъ начальника дистанціи, то и дѣло кричавшаго неизмѣнное «шевели ногами», и все смотрѣлъ въ бездонные черные глаза. И понемногу въ гордомъ поворотѣ птичьей головы музыканта, въ немигающемъ неподвижномъ взглядѣ ему началъ чудиться странный вызовъ. По прежнему въ вискахъ Одинцова тяжелымъ молотомъ стучала кровь, рождавшая въ мозгу напряженную, нудную мысль. И ему уже все было ясно. Да, безъ сомнѣнія, это все та же «оборотная сторона медали», которую весь послѣдній мѣсяцъ рисовало ему упрямое смотрѣніе «подъ угломъ», нервная обостренность вниманія. На каждомъ шагу, въ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ такъ называемой низшей массой, онъ ловилъ на себѣ нескрываемые ненавидящіе взоры. И въ птичьихъ глазахъ музыканта, какъ будто безсмысленныхъ и неподвижныхъ, теперь отчетливо пылала та же, знакомая Одинцову, ненависть мрачная, безпросвѣтная, не знающая пощады.

Бабичевъ, инженеръ, студентъ Гроссъ и морякъ продолжали пить, цѣловаться, говорить свободными и гулкими голосами, смѣяться надъ Карапетомъ, а Одинцовъ все сидѣлъ съ неотвязной думой, и кровь стучала у него въ вискахъ. И ему казалось, что въ атмосферу пирующаго барства, благоглупыхъ, обиднобезсодержательныхъ рѣчей какимъ-то протестомъ врывается гордое бряцаніе струнъ подъ пальцами грошовыхъ музыкантовъ. И было что-то ужасное, будящее чувство жгучаго стыда въ блѣдности трезвыхъ слѣпцовъ и чистотѣ синихъ стеколъ, отражавшихъ пьяную комнату.

— Дайте же музыкантамъ вина!—внезапно закричалъ Одинцовъ такимъ надорваннымъ, истерическимъ тономъ, что всѣ къ нему обернулись.

— Ну, и ладно, дадимъ!—сказалъ Бабичевъ, глядя на него съ удивленіемъ.—Что ты орешь, судебная палата?

— И въ самомъ дѣлѣ довольно музыки,—сказалъ студентъ,— а то вы и рады, эксплуататоры!

Карапетъ сдѣлалъ знакъ рукой, и пѣсня умолкла на оборванной, плачущей нотѣ. Птичья, вращающаяся головка тоже оста-

новилась, и ея взоръ странно потухъ. Карапетъ взялъ со стола двѣ бутылки кахетинскаго, передалъ слѣпцамъ, потрепавъ ихъ по плечу, и сказалъ что-то по грузински. И четыре фигуры въ длинныхъ черкескахъ, присѣдая и кланяясь, выплыли изъ комнаты.

V.

Въ ту же дверь черезъ нѣсколько минутъ впорхнула красивая женщина въ огромной свѣтлой шляпкѣ и ажурномъ платьѣ, сквозь которое просвѣчивали мягкіе рельефы плечъ.

Начальникъ судоходной дистанціи, пошатываясь, но стараясь быть галантнымъ и бравымъ, поднялся съ мѣста и, покручивая усъ, вперилъ въ нее свои бѣлесовато-голубые глаза. И въ нихъ уже не было прямоты и суровости морского волка, а сверкали плотоядныя искры.

Бабичевъ откинулся назадъ всѣмъ своимъ полнымъ и статнымъ корпусомъ, разставилъ руки и сказалъ:

— Очаровательна, воздушна и съ ногъ сшибательна, какъ всегда. Но сегодня, Джульетточка, я васъ долженъ предупредить—побольше простоты. Снимайте вашу шляпу... Вотъ такъ. Затѣмъ положите ваши ручки сюда.

Земскій начальникъ положилъ ея руки къ себѣ на плечи и закончилъ:

— Теперь хорошенько поцѣлуйте меня, ибо я имениникъ.

Та, которую звали Джульеттой, не смущаясь, звонко поцѣловала Бабичева, и затѣмъ. повернувшись на высокихъ французскихъ каблукахъ, поздоровалась со всѣми. Одинцовъ зналъ ее олько по открытой сценѣ «Аркадіи» и не могъ не замѣтить, что вблизи, при дневномъ свѣтѣ она и старше, и дурнѣе, чѣмъ на подмосткахъ. Но все же въ ея лицѣ была та раздражающая томность монахини, а въ сѣрыхъ равнодушныхъ глазахъ и строгомъ складѣ губъ та кажущаяся недоступность, которой она покоряла сердца молодыхъ купцовъ и офицеровъ. И онъ самъ невольно приподнялся съ мѣста и, пожимая протянутую руку Джульетты, назвалъ свою фамилію.

— Ахъ, душка-адвокатъ... очень пріятно,—пошловатымъ тономъ произнесла Джульетта, а на ея лицѣ была прежняя строгость, и ея ротъ улыбался недоступно и холодно.

Между тѣмъ Бабичевъ сталъ на стулъ, заскрипѣвшій подъ его полнымъ тѣломъ, и громко заявилъ:

— Теперь всѣ въ сборѣ. Предлагаю на голосованіе: оставаться ли намъ здѣсь, или отдать себя въ распоряженіе нашему милѣйшему, добрѣйшему начальнику дистанціи, хозяину очарователь-

наго парохода, стоящаго подъ парами съ утра и ожидающаго насъ, чтобы отплыть въ нѣкоторое волшебное царство?

— Браво! шевели ногами!—сказалъ морякъ.

— Пароходъ такъ пароходъ! — весело произнесъ инженеръ Жуковъ, ловко и изящно становясь вверхъ ногами посреди комнаты.

— А ты, судебная палата?—спросилъ Бабичевъ.

— Я ничего не имѣю противъ парохода,—какъ-то растерянно сказалъ Одинцовъ, только начавшій приходить въ себя отъ музыки горцевъ и появленія Джульетты.

А студентъ съ открытымъ «добролюбовскимъ» лицомъ закончилъ съ разстановкой:

— И я за волшебное царство. Квалифицированное большинство.

VI.

По дорогѣ на казенную пристань, сидя на извозчикѣ рядомъ съ инженеромъ, отуманенный зноемъ и душнымъ запахомъ пыли, татарскихъ лавчонокъ и дынь, Одинцовъ испытывалъ пріятное чувство душевной теплоты, безъ самоугрызенія и крючкотворства.

— Послушай, Жуковъ!—говорилъ онъ инженеру, жонглировавшему палкой на спинѣ у извозчика,—я, кажется, начинаю входить во вкусъ. Тамъ, должно быть, трактирныя стѣны давятъ. А здѣсь хорошо... И, ей-Богу, какъ будто все благополучно. Правду я говорю, извозчикъ?

Обернулось добродушное татарское лицо съ маленькими смѣющимися глазками.

— Гуляй, гуляй, баринъ, зачѣмъ не гуляй, хорошо гуляй,— заговорилъ извозчикъ скороговоркой, въ которой Одинцову послышалось знакомое «тарамъ-барамъ».

Совершенно успокоенный, Одинцовъ началъ оглядываться по сторонамъ. Какъ разъ за спиной у него ѣхали на извозчикѣ морякъ Китнеръ и Джульетта. Вдали виднѣлась студенческая фуражка Гросса. Бѣлый зонтикъ Джульетты весело сверкалъ на солнцѣ, а у моряка былъ разстегнутъ китель, и кортикъ съ бѣлой костяной рукояткой громко стучалъ по крылу пролетки.

Когда выѣхали на Волгу, казенная пристань оказалась тутъ же, окрашенная въ бѣлоснѣжную краску, сіяющая ярко начищенною мѣдью перилъ и дверныхъ ручекъ. Путейскій пароходъ «Стрѣла» также блестѣлъ вычурными украшеніями бортовъ, мѣдными баками котла, обитыми въ мѣдь сходнями, и Одинцову этотъ блескъ почему-то напомнилъ праздничное сіяніе вычищенныхъ самоваровъ.

Съѣхались какъ-то сразу и тѣсной гурьбой спустились на пристань по широкому и покатому трапу. И было что-то общее, какъ показалось Одинцову, въ упругомъ сопротивленіи гибкихъ досокъ трапа и стройной выправкѣ двухъ матросовъ, выбѣжавшихъ навстрѣчу и ставшихъ на вытяжку у входа на палубу «Стрѣлы». Легкія синія рубахи съ широкими бѣлыми воротниками колебались отъ вѣтра и не могли скрыть округлостей здоровой и крѣпкой груди.

— Готово?—начальнически-громко спросилъ Китнеръ.

— Есть!—прозвучалъ отчетливо-согласный отвѣтъ обоихъ матросовъ.

— Шевели ногами!

Подъ вліяніемъ чистаго воздуха, влажнаго волжскаго вѣтра и даже нѣкотораго гипноза этой матросской выправки, Одинцовъ самъ почувствовалъ бодрость, а вмѣстѣ съ нею къ нему внезапно вернулась обычная нервная наблюдательность, способность подмѣчать детали. Но въ то же время ему было какъ-то легко и весело. Морякъ ходилъ по пристани, отдавалъ какія-то распоряженія, и то и дѣло слышалось его «молодцы! шевели ногами!» И несмотря на сумбурную неточность приказовъ, которые поминутно отмѣнялись, на неровность походки и комическую безсмысленность бѣлесовато-голубыхъ глазъ начальника, на умныхъ лицахъ матросовъ была написана самая искренняя почтительность. И это почему-то нравилось Одинцову, и онъ ловилъ себя на чувствѣ легкой зависти къ моряку.

Блестѣла ярко начищенная мѣдь, основательно и красиво построенная пристань непоколебимо противилась прибою волнъ, слышалось здоровое и бравое «есть!», и въ этой казенной подтянутости Одинцовъ съ удивленіемъ не находилъ никакого контраста пьяному начальнику судоходной дистанціи,—напротивъ, чувствовалъ какой-то заботливый оплотъ, какую-то нормальную гарантію и защиту. Въ глазахъ стараго штурмана, вышедшаго на бортъ парохода и съ любовною осторожностью подсаживавшаго поочередно и начальника дистанціи, и гостей, свѣтились искорки благодушнаго смѣха. А въ напускной, преувеличенной почтительности положительно было что-то похоже на бережную заботливость няньки.

На верхней палубѣ «Стрѣлы», подъ широкимъ парусиновымъ тентомъ, былъ накрытъ большой столъ, а на немъ стояла неизмѣнная ваза со льдомъ и бутылки хереса, лимонада и нарзана. Аккуратно сложенныя лежали изогнутыя стекляныя трубки, а въ сторонѣ со скромной улыбкой на хитромъ армянскомъ лицѣ переминался съ ноги на ногу Карапетъ.

— Молодецъ! Шевели ногами! Ходи дальше, знакомъ будешь!—

крикнулъ ему морякъ, и когда тотъ, раскланявшись во всѣ стороны, сошелъ на пристань,—махнулъ рукой старому штурману.

И черезъ минуту «Стрѣла», сдѣлавъ широкій поворотъ, понеслась по теченію между лѣсистыми, утопавшими въ солнечномъ свѣтѣ берегами.

VII.

Именинникъ Бабичевъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ и, раскладывая по стаканамъ толченый ледъ, заливалъ его хересомъ. Пѣвица съ открытой сцены жадно глотала вино, смотрѣла на всѣхъ улыбающимися глазами, но въ изгибѣ ея рта и гордомъ наклонѣ шеи попрежнему чувствовалась недоступность. А между тѣмъ Одинцовъ отлично видѣлъ, какъ Джульетта, чокаясь съ начальникомъ дистанціи, въ то же время прижималась плечомъ къ сидѣвшему съ другой стороны Бабичеву. И самого Одинцова дразнили эти равнодушные глаза монахини, смутное чувство досады понемногу прокрадывалось въ его душу, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвращалась острота глаза, придирчивая и злобная. Ему уже было ясно, почему Джульетта тянется къ моряку, несмотря на то, что общество красавца Бабичева ей пріятнѣй. Начальникъ дистанціи былъ богатъ, сорилъ деньгами, въ закулисномъ мірѣ «Аркадіи» пользовался большимъ почетомъ, и много простыхъ хористокъ попало благодаря ему въ «этуали».

— Господа!—поднимая бокалъ, торжественно сказалъ студентъ.

— Знаемъ, знаемъ!—перебилъ его инженеръ.—За идею?

Открытое лицо студента снисходительно улыбнулось, а низкій басъ сказалъ съ обычной разстановкой:

— Заткни фонтанъ.

И продолжалъ:

— Во благовременіи все хорошо. И идеи, и хересъ, и молчаливая судебная палата, и женщины въ пирамидальныхъ шляпахъ. Но такъ какъ мы ѣдемъ въ нѣкоторое волшебное царство, какъ изволилъ выразиться господинъ достоуважаемый именинникъ, то требуются поправки. А именно. Пунктъ первый: пусть молчаливая судебная палата произнесетъ хоть одно слово, и пунктъ второй: обладательница пирамидальной шляпы пусть сниметъ оную шляпу.

И Гроссъ умолкъ при общемъ смѣхѣ.

Стало веселѣе. Всѣ громко заговорили. Джульетта сняла шляпу, но Одинцовъ, пользуясь тѣмъ, что о немъ забыли, не произнесъ ни слова и продолжалъ тянуть вино изъ стеклянной трубки. Хересъ не опьянялъ его, не давалъ забвенія, и онъ, переставъ бороться съ собою, отдался теченію мыслей. Онъ думалъ, желчно

обращаясь къ самому себѣ: «Если ты—чужой въ этомъ обществѣ пьянаго моряка, пошлой, продажной женщины, кривляющихся инженера и студента, земскаго начальника, швыряющаго Богъ его знаетъ чьи деньги по трактирамъ, то зачѣмъ же ты здѣсь? Если тебѣ тяжело это наблюденіе подъ угломъ, эти глупыя и, очевидно, никому не нужныя переоцѣнки, то брось ихъ!» Но онъ не могъ бросить, невольно катился по наклонной плоскости, и его обостренный алкоголемъ умъ продолжалъ анализировать съ безпокойнымъ ожесточеніемъ.

Старый штурманъ, стоявшій на капитанскомъ мостикѣ, отдавалъ приказы, смотрѣлъ на пирующую компанію, и на его умномъ, трезвомъ лицѣ свѣтилась добродушная радость, отраженное веселье гостей. Очевидно, его не раздражали ни плоскія шутки моряка, ни звонъ бокаловъ, ни кричащая красота Джульетты. Въ стекляной рубкѣ, держась за ручки большого колеса, стояли двое рулевыхъ и съ холоднымъ спокойствіемъ смотрѣли вдаль. Они тоже были трезвы, сосредоточены и у нихъ были такія же умныя лица, какъ у стараго штурмана и браваго матроса, стоявшаго неподалеку отъ стола на случай приказаній Китнера. И Одинцовъ думалъ: «Да, да, пустая смѣна явленій, безъ непослѣдовательности и контрастовъ. И незачѣмъ гипнотизировать себя. Все очень просто: сегодня мы напиваемся, безчинствуемъ, говоримъ пошлости, а они работаютъ, не чувствуя къ намъ ни малѣйшей злобы; завтра мы помѣняемся ролями, я отправлюсь въ судъ, земскій уѣдетъ въ деревню, а они также напьются и озвѣрѣютъ. Не все ли равно?»

Но эта мысль не успокаивала Одинцова. Было что-то сильнѣе мысли, что то помимо словесныхъ формъ и заѣзженныхъ опредѣленій говорившее о софистически-скрытой ошибкѣ въ этой «смѣнѣ явленій». Была какая-то острая точка въ мозгу Одинцова, совмѣстившая разомъ и компанію пьяныхъ пріятелей, и группу дисциплинированныхъ матросовъ, и яркое, чистое небо, съ равнодушнымъ величіемъ смотрѣвшее сверху. И въ этой болѣзненно-острой точкѣ чувствовалось что-то непримиримое, мучительно созерцающее, какое-то обѣщаніе разгадки.

VIII.

Одинцовъ продолжалъ пить, а острая точка загоралась пожаромъ, жгла и давила его мозгъ

Это былъ какой-то кошмаръ наяву.

Студентъ Гроссъ обнимался съ инженеромъ, облапивъ его за плечи, глядя на него широкимъ, честнымъ «добролюбовскимъ» лицомъ. Сколько любви, искренняго сліянія, хорошей русской от

кровенности свѣтилось въ его глазахъ, а Одинцова сверлила мысль о томъ, что вчера этотъ же студентъ Гроссъ, только совершенно трезвый, ходилъ по аллеямъ «Аркадіи» подъ-руку съ женой инженера, говорилъ витіеватымъ слогомъ, и молодая женщина, прижимаясь къ его плечу, слушала съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ. И теперь почему-то отношеніе студента къ инженеру казалось Одинцову преступнымъ, лживымъ, и ему хотѣлось истерически засмѣяться и крикнуть въ лицо Гроссу оскорбительное слово.

Бабичевъ, красивый мужчина, свѣжій, цвѣтущій, съ яркими глазами и чувственнымъ ртомъ, наклоняясь къ Джульеттѣ, жегъ ее взоромъ, а она удѣляла ему ровно столько вниманія, чтобы онъ не разсердился, и все время заигрывала съ Китнеромъ, у котораго было красное обвѣтренное лицо и безсмысленные бѣлесовато-голубые глазки.

А Одинцовъ все это видѣлъ, и ему было противно до тошноты.

Вечерѣло. Матросы убрали тентъ, и красные лучи заскользили черезъ палубу, зажигая пламя въ ярко начищенной мѣди пароходной отдѣлки. Закраснѣлись и заискрились льдинки въ стаканахъ съ хересомъ. Пароходъ проходилъ между двумя зелеными островками, обвѣваемый теплымъ запахомъ согрѣтой, какъ бы дышащей листвы. Съ неба глядѣла въ воду тихая вечерняя грусть, а тамъ, въ потаенной глубинѣ, что-то пробуждалось и со слезами просилось на волю.

Джульетта громко хохотала, стараясь снять съ мизинца моряка массивный бриліантовый перстень, а Китнеръ говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Д-десять поцѣлуевъ всенародно и десять тысячъ п-поцѣлуевъ потомъ — наличными или въ разсрочку. Чортъ возьми! Шевели ногами!

Перстень не снимался, и рука начальника дистанціи долго покоилась въ обѣихъ рукахъ Джульетты. Морякъ вперялъ взоръ въ полуобнаженныя плечи женщины, и было видно, какъ млѣетъ его красное обвѣтренное лицо. А сидѣвшій съ другой стороны Бабичевъ обнималъ Джульетту за талію и украдкой цѣловалъ ея шею у самыхъ волосъ. Одинцову было до очевиднаго ясно, что Джульетта не замѣчаетъ этихъ поцѣлуевъ. Ея глаза отдавались старому моряку, недоступная складка рта и холодный поворотъ шеи вызывающе грозили Одинцову, а губы Бабичева цѣловали чью-то чужую, не чуткую кожу. Одинцова бѣсила эта змѣиная оболочка, возмутительная многогранность продажной женщины, и въ то же время яркая, подкрашенная и напудренная красота Джульетты дразнила его, заставляла ловить себя на тайныхъ мысляхъ.

Въ другомъ концѣ стола громкій разговоръ студента съ инже-

неромъ, переходившій въ жаркій споръ, заглушилъ на минуту шумъ пароходной машины и звонкій смѣхъ Джульетты.

— Неправда, студіозусъ, зарапортовался, — кричалъ инженеръ,—ишь куда махнулъ. Хорошо равенство! Я плачу деньги и беру то, что мнѣ слѣдуетъ. Понятно, она продается. И послѣ этого мы равны! Нѣтъ, братъ, какъ хочешь, но тутъ что-то не того...

— Прекрасно,—басилъ Гроссъ,—но вѣдь и ты, въ свою очередь, продаешься, если не ей, то кому-нибудь другому. Она торгуетъ тѣломъ, а ты совѣстью. Вотъ тебѣ и равенство.

— Послушайте, дьяволы!—окрикнулъ ихъ Бабичевъ.—Что у васъ тамъ такое?

— Студентъ жонглируетъ словами, какъ я своею тростью,—сказалъ инженеръ,—и такимъ образомъ, съ большою легкостью, но безъ всякаго успѣха, проповѣдуетъ равенство и братство.

— Опять философія!—притворно-звѣрски зарычалъ морякъ и стукнулъ бутылкой по столу. — На моемъ кораблѣ революцію заводить! Подъ арестъ! Шевели ногами! Иди-ка, скубентъ, сюда. Я тебѣ покажду равенство со льдомъ и хересомъ.

Студентъ захватилъ съ собой бокалъ и очутился на одномъ стулѣ съ Джульеттой, между ней и Китнеромъ. И потомъ Одинцовъ увидалъ, какъ Джульетта началъ переходить изъ объятій Бабичева, въ объятія Гросса, а совершенно осоловѣвшій морякъ тихо дремалъ и клевалъ носомъ. За его спиной вдругъ выросла коренастая фигура матроса, ставшаго на вытяжку, точно это было не безчувственное начальническое тѣло, а, по крайней мѣрѣ, пороховой погребъ.

Рулевые попрежнему равнодушно смотрѣли вдаль и методично вертѣли большое колесо. Острая точка въ мозгу Одинцова, болѣе яркая, чѣмъ мысль, обѣщавшая разгадку мучившей его тайны, перестала обѣщать и погасла. И онъ ничего не видѣлъ передъ собою, кромѣ пьяныхъ лицъ пріятелей и равнодушно-тупыхъ взоровъ матросовъ и рулевыхъ. И въ самомъ пейзажѣ берега, монотонномъ шумѣ пароходнаго винта была какая-то упрямая тупость.

Его стало клонить ко сну. Онъ спустился внизъ по желѣзной винтовой лѣстницѣ и попалъ въ роскошно отдѣланную большую каюту-салонъ. Откинувшись на спинку мягкаго бархатнаго дивана, онъ закрылъ глаза и мгновенно, съ жуткимъ замираніемъ сердца, почувствовалъ, какъ растаяли его мысли и исчезла память.

IX.

Громкій крикъ разбудилъ Одинцова. Открывъ глаза, онъ увидалъ блескъ электрическихъ лампочекъ, оправленныхъ въ сплошной граненый хрусталь, и круглыя черныя пятна оконъ, за которыми была ночь. Машина попрежнему шумѣла; но пароходъ не вздрагивалъ, и было ясно, что онъ стоитъ на мѣстѣ.

То, что увидалъ Одинцовъ, ошеломило его настолько, что онъ не сразу пришелъ въ себя.

На бархатномъ диванѣ лежала Джульетта въ измятомъ платьѣ, съ сбитой прической и торчащими во всѣ стороны роговыми шпильками, а передъ ней стояли инженеръ и земскій начальникъ. Искаженное гнѣвомъ, румяное лицо Бабичева составляло странный контрастъ съ мертвенной блѣдностью инженера. Произошло что-то необычайное. Бабичевъ держалъ Джульетту за полуоторванный воротникъ кофточки, трясъ ее и кричалъ:

— Если ты, негодная тварь, сію же минуту не отдашь перстня, я раздѣну тебя до-гола и велю обыскать матросамъ. Слышишь ты!

Одинцовъ, ничего не понимая, быстро подошелъ къ столу и изъ оставленной кѣмъ-то бутылки залпомъ выпилъ стаканъ нарзана. Между тѣмъ, земскій начальникъ, не замѣчая его пробужденія, кричалъ:

— Я тебѣ русскимъ языкомъ говорю, потаскушка, что съ тобой церемониться не будутъ. Вздумала шутки шутить. Тысячерублевый перстень! Не доводи меня до изступленія. Я не позволю въ моемъ обществѣ швырять тысячу рублей чорту подъ хвостъ. Китнеръ не ронялъ перстня въ воду. Я самъ, понимаешь ли ты, собственными глазами, видѣлъ, какъ ты у него сняла кольцо.

Одинцовъ тихонько подошелъ къ инженеру. Краска бросилась ему въ лицо. Происходящее связалось кошмарной нитью съ обрывками памяти объ утреннемъ пьянствѣ, музыкѣ горцевъ, раздраженныхъ самоугрызеніяхъ. Нервы были натянуты, какъ металлическія струны, а истерическій клубокъ подкатывался къ горлу.

— Ради Бога,—сказалъ онъ, трогая инженера за плечо,—что случилось?

Жуковъ, взволнованный и блѣдный, какъ полотно, сообщилъ ему, что Джульетта взяла у начальника дистанціи брилліантовый перстень, тотъ самый, который еще днемъ старалась снять у него съ мизинца, и утверждаетъ, что не брала. Сначала это принимали за шутку, но скоро убѣдились, что она не только не шутитъ, но, наоборотъ, еще обидѣлась на обвиненія. При этомъ она обозвала Бабичева и студента прохвостами и даже—что возмутительнѣе всего—намекнула на то, что перстень украденъ

кѣмъ-нибудь изъ друзей. Далѣе Одинцовъ узналъ, что морякъ, все время находившійся въ положеніи ризъ, когда ему толкомъ объяснили случившееся, сразу протрезвился, остановилъ пароходъ у пустыннаго берега и наотрѣзъ заявилъ, что дальше не двинется съ мѣста, пока Джульетта не вернетъ брилліанта; въ противномъ случаѣ, онъ задушитъ ее собственными руками и выброситъ на берегъ. Студентъ Гроссъ остался съ Китнеромъ на палубѣ, удерживая и успокаивая его, а Бабичевъ съ инженеромъ рѣшили пустить въ ходъ всю убѣдительность, на какую они способны.

— И вотъ видите!—закончилъ инженеръ, указывая Одинцову на Джульетту.

У нея былъ растерзанный видъ, измяты прическа и платье красныя пятна горѣли на лицѣ, но въ ея глазахъ, къ своему удивленію, Одинцовъ прочиталъ странное упорство, какую-то слишкомъ спокойную, выжидающую злость дикой кошки, готовой вцѣпиться въ горло. Она упиралась обѣими руками въ грудь Баби чеву, и было слышно, какъ хрустятъ ея пальцы.

— Оставь меня, негодяй!—пытаясь подняться съ дивана, говорила она злымъ, но въ то же время металлически-спокойнымъ, леденящимъ голосомъ.—Какъ ты смѣешь меня бить!

Одинцовъ схватилъ Бабичева за руку. Тотъ даже не сразу узналъ пріятеля, но потомъ, повернувшись къ нему, вдругъ отпустилъ Джульетту.

— Володя!—сказалъ Одинцовъ укоризненнымъ дрожащимъ голосомъ и остановился, чувствуя, что нервный клубокъ подступилъ къ самому горлу.

Но онъ овладѣлъ собою, увидавъ, что Джульетта мигомъ поправила волосы, заколола булавками воротникъ кофточки и сидѣла на диванѣ, глядя на всѣхъ и въ томъ числѣ на него, Одинцова, презрительно-холоднымъ взглядомъ.

И въ этомъ взглядѣ Одинцова вдругъ поразило что-то знакомое, мгновенно закружившее его мысли привычнымъ, но попрежнему мучительнымъ водоворотомъ. Да, онъ не могъ ошибиться. И тутъ, и въ этихъ глазахъ, было то же отчужденіе, та же пропасть, которая весь послѣдній мѣсяцъ пугала Одинцова своей темной глубиной, откуда холодной, неумолимой сталью глядѣла жажда мести, расплаты за все. Тутъ была ненависть раба къ владыкѣ, голоднаго къ сытому, лишеннаго правъ къ облеченному ими. Тысячи подобныхъ, неосторожно мелькнувшихъ взоровъ вспомнились Одинцову и глянули на него изъ всѣхъ угловъ большой каюты-салона. И всѣ эти неравные, обдѣленные, озлобленные, вся эта бездна невольнаго, ни въ чемъ неповиннаго паденія въ этомъ нечаянномъ взглядѣ пьяной пѣвички съ открытой сцены вдругъ бросили ему вызовъ.

X.

И ему захотѣлось говорить, какъ иногда въ судѣ, прямо изъ души, внѣ начертанной программы, тѣми пламенными словами, которыя всегда такъ дѣйствовали на присяжныхъ и начинали создавать ему имя. Шатаясь отъ волненія, онъ подошелъ къ Джульеттѣ и взялъ ее за руку.

— Я вижу, что тутъ недоразумѣніе,—сказалъ онъ проникновеннымъ голосомъ, и она не отняла у него руки.—Ну, да, конечно, недоразумѣніе. Разскажите же мнѣ сами, какъ было дѣло?

Джульетта высвободила руку и сухо, не глядя на него, сказала:

— Никакого не было дѣла и нечего мнѣ разсказывать.

— Зачѣмъ же сердиться?—кротко произнесъ Одинцовъ, садясь съ ней рядомъ.—Я ни въ чемъ не собираюсь обвинять васъ. Я понимаю, вы женщина, васъ оскорбила грубость, но я васъ прошу извинить насъ. Ей-Богу, всѣ мои товарищи хорошіе, добрые люди. И я приписываю этотъ шумъ просто нашему общему неумѣнію говорить другъ съ другомъ, подступиться къ чужой душѣ, чужому самолюбію. Вѣдь душа человѣческая, простите меня, не кабакъ, куда можно войти въ шапкѣ и стуча каблуками. Осторожно надо, бережно, съ непокрытой головой и тихимъ голосомъ подходить къ человѣку. Вѣдь правда, Джульетточка? Ну, допустимъ, что вы, дѣйствительно, взяли кольцо; вы только хотѣли пошутить, у васъ и въ мысляхъ не было, упаси Богъ, что-нибудь... А къ вамъ приступили не такъ, какъ нужно, и оскорбили васъ. Ради Бога, я васъ прошу отъ всего моего сердца, кончимъ эту прискорбную исторію. Если вы взяли глупую побрякушку, ну, бросьте ее назадъ! Развѣ она не жжетъ васъ?.! Бабичевъ, Володя!—неожиданно позвалъ онъ земскаго начальника, стоявшаго поодаль и кусавшаго губы.

Бабичевъ нехотя подошелъ, а Одинцовъ продолжалъ, взявъ его за руку:

— Вы видите его—добрый, красивый малый, который еще днемъ такъ нѣжно цѣловалъ вашу шею, смотрѣлъ на васъ влюбленными глазами, ну, могъ ли онъ желать вамъ боли, быть грубымъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, тутъ очевидное недоразумѣніе. И я вамъ скажу, господа, обоимъ. Васъ раздѣляетъ не эта глупая исторія съ кольцомъ, не случайное неумѣніе сговориться, а такъ только, инертное нагроможденіе мелочей, то, что называется—«дальше—больше». А между тѣмъ, рядъ неудачныхъ пріемовъ, ненужныхъ словъ, вся эта условная ложь, дѣлаетъ людей далекими другъ отъ друга; а главное—неравными... Да, да, я начинаю уважать

студента Гросса, даже въ пьяномъ видѣ кричащаго о равенствѣ. А вѣдь мы всѣ сознаемъ, глубоко понимаемъ это равенство. Я вамъ больше скажу—это обостренная мысль нашихъ дней, мы уже не можемъ жить безъ нея, и, пожалуй, все наше горе заключается въ невозможности провести эту лучшую, горящую нашу мысль, цѣну жизни нашей, въ самую жизнь. Что мѣшаетъ намъ?—страстно вопросилъ онъ.—Да все та же лавина мелочей, трафаретныхъ пріемовъ... ей-Богу, стыдно сказать, даже такіе пустяки, какъ внѣшность, платье... Мы забываемъ, что никто не покупаетъ и не продается,—мягко обратился онъ къ подошедшему инженеру и продолжалъ торжественнымъ тономъ.—Господа! всѣ люди одинаково откуплены со дня рожденія и до могилы. Мы всѣ откуплены страшной загадкой смерти. Мы всѣ изживаемъ жизнь. И не нужно забывать этого!.. Друзья мои!—говорилъ онъ, поворачиваясь то къ Джульеттѣ, то къ Бабичеву.—Помиритесь, ну, какой смыслъ ссориться, какой смыслъ?

— Ха-ха-ха!—смѣялась Джульетта злымъ, звенящимъ смѣхомъ.—Ха-ха-ха!

Ея смѣхъ на минуту смутилъ, остановилъ Одинцова, но онъ вдругъ словно обрадовался и самъ разсмѣялся.

— Ей-Богу же, господа, все это страшно смѣшно. Ну вотъ, будемъ друзьями. Кончено дѣло, идемъ наверхъ.

— Хорошо-то, хорошо,—сказалъ Бабичевъ.—Все это и убѣдительно, и красиво, но, кажется, напрасныя слова: перстенекъ-то попрежнему у цыпочки въ карманчикѣ.

— Ахъ, ты все про эту мелочь,—почти величественно произнесъ Одинцовъ и обратился къ Джульеттѣ.

— Милая Джульетточка! Отдайте имъ эту дрянь. Ну, что за охота. Пошутили будетъ.

— Послушайте, отстаньте отъ меня, прохвостъ!—холодно, спокойно, отчеканивая каждое слово, сказала женщина.

И въ ея глазахъ молодой адвокатъ прочелъ такое презрѣніе, такой мертвящій холодъ, что у него сразу высохло въ горлѣ и подкосились колѣни.

XI.

Онъ пошелъ къ дивану, сѣлъ и опустилъ голову, безъ мыслей, безъ обиды, безъ горечи. И въ ту же минуту откуда-то сверху раздался неожиданный и страшный, какъ ударъ грома, голосъ моряка Китнера. То кричалъ не начальникъ дистанціи, не благодушный пріятель Бабичева и Одинцова, а настоящій морской волкъ, и слова его гудѣли, какъ команда въ бурю.

— Довольно, студентъ! къ дьяволу! Теперь *я* здѣсь хозяинъ!

Тяжелые, твердые шаги по желѣзной винтовой лѣстницѣ—и въ дверяхъ салона обрисовалась массивная фигура съ высоко поднятой головой. Красное обвѣтренное лицо начальника дистанціи точно окаменѣло и лоснилось, какъ полированный гранитъ, а бѣлесовато-голубые глаза горѣли пронзительно-острымъ блескомъ. Онъ былъ страшенъ, и никто не двинулся съ мѣста ему навстрѣчу.

Черезъ мгновеніе, котораго никогда не забыть Одинцову, морякъ стоялъ противъ Джульетты и кричалъ все тѣмъ же громовымъ голосомъ:

— Довольно! Надоѣло! У меня, въ этихъ стѣнахъ не было и не будетъ воровъ. Эй, отдашь или не отдашь?

Джульетта молчала. Не вѣря своимъ глазамъ, какъ въ невыносимомъ кошмарѣ, Одинцовъ увидалъ широкій размахъ руки, и плоскій, свистящій звукъ пощечины пронзилъ его сердце. Онъ почти потерялъ сознаніе, но его глаза не зажмурились, не отвернулись отъ ужасной картины, и память сохранила навсегда мельчайшія подробности.

Джульетта лежала на полу. Одной рукой она держалась за щеку, а въ пальцахъ другой сіялъ бриліантъ чистѣйшей воды, преломлявшій блескъ оправленныхъ въ хрусталь электрическихъ лампочекъ. И въ широко раскрытыхъ глазахъ женщины Одинцову почудился другой, какъ бы отвѣтный блескъ волшебному сіянію камня—тайный блескъ зрачковъ испуганной, но не побѣжденной пантеры.

Одинцовъ трясся отъ рыданій, стучалъ зубами о край стакана, который держалъ передъ нимъ инженеръ, хваталъ за руки Бабичева и, какъ въ бреду, слышалъ отчетливо-рѣзкіе слова. Китнера:

— Живо! Шевели ногами! Убрать эту тварь, запереть въ уборную! Приставить стражу!

Бабичевъ одной рукой обнималъ Одинцова за плечи, а другой гладилъ его по волосамъ.

— Ну, что ты, что ты, судебная палата, мамочка, ну успокойся! Эка выдумалъ разрюмиться. Эхъ ты, братъ, молода—въ Саксоніи не была. Да неужели же изъ-за этой потаскушки? Этакая мразь! Да я не вѣрю. Фу, какіе пустяки...

А голосъ Китнера гудѣлъ:

— Ладно! молодцы! шевели ногами! Теперь накрыть столъ, вина сюда, льду, шампанскаго.

И когда матросы начали накрывать столъ въ томъ же салонѣ, гдѣ рыдалъ Одинцовъ, онъ немного пришелъ въ себя и увидалъ передъ собою честное «добролюбовское» лицо студента. Тотъ крѣпко жалъ ему руку и говорилъ:

— Перестаньте, въ самомъ дѣлѣ. Конечно, я не оправдываю насилія, но если это послѣднее средство... Полноте, вѣдь вы же сами видѣли.

У Одинцова было такое чувство, будто его самого избили до полусмерти. Онъ тихо отстранилъ Гросса, ничего не сказалъ, выпилъ стаканъ нарзану и поднялся на палубу.

XII.

Въ стекляной будкѣ по прежнему вертѣлось рулевое колесо и едва вырисовывались силуэты штурмана и подручныхъ. На небѣ сіяли звѣзды, пароходъ обратно летѣлъ къ городу, который былъ еще далеко, но уже виднѣлся въ смутномъ бѣловатомъ заревѣ. И въ тишинѣ ночи, въ монотонномъ шумѣ пароходнаго винта Одинцову послышался безстрастный голосъ самодовлѣющей жизни, текущей впередъ и впередъ, мимо острыхъ моментовъ и столкновеній. Его голова разрывалась на части отъ невыносимаго безпокойства, страстнаго порыванія рѣшить какой-то вопросъ, а въ стекляной будкѣ слышался разговоръ рулевыхъ и кто-то громко грызъ сѣмячки.

И представилось Одинцову, какъ внизу, передъ душной, зловонной клѣткой, гдѣ заперта избитая, опозоренная женщина съ глазами монахини, гордымъ изгибомъ шеи и складкой недоступности на губахъ, какъ передъ этой дверью стоятъ два такихъ же равнодушныхъ матроса и также, можетъ быть, грызутъ сѣмячки.

«Ахъ, какой ужасъ, какой ужасъ,—весь холодѣя думалъ Одинцовъ,—да вѣдь это же гибель наша, начало конца, но что же дѣлать, что дѣлать?»

Весь сегодняшній день вспомнился ему со всѣми мельчайшими подробностями кутежа, запахомъ дынь и пыльной улицы, эпически-мирнымъ, смѣющимся лицомъ рябого татарина, всѣ его мысли и душевные надрывы въ поискахъ за оправданіемъ каждаго своего шага. И даже самыя незначительныя событія дня несмотря на кажущуюся независимость отдѣльныхъ моментовъ, начинали пріобрѣтатъ въ глазахъ Одинцова какую-то связь, неизбѣжно вели къ совершившемуся финалу. Именины, фисгармонія, фокусы и кривлянье инженера, фальшивое резонерство Гросса, музыка горцевъ, появленіе Джульетты, пароходъ,—все вело къ одному концу. И самъ Одинцовъ—такое же живое звено ужасной цѣпи, бросившей Джульетту въ зловонную каморку и приставившей къ этой каморкѣ стражу.

Ему казалось, что въ той жизни, которая сплошь состоитъ изъ мозаичныхъ кусковъ праздности, взаимнаго неуваженія, покупныхъ эффектовъ, и не можетъ не быть такихъ нелѣпыхъ и уродливыхъ финаловъ. И этотъ блескъ безпощадной ненависти, тысячу разъ подсмотрѣнный его случайно обострившимся взоромъ, пересталъ казаться Одинцову необоснованнымъ и непонятнымъ.

А на днѣ души шевелилась смутная мысль о какой-то роковой неизбѣжности и о томъ недалекомъ времени, которое сокра-

титъ какую-то пропасть. И эта мысль наполняла все существо Одинцова гордымъ, успокоительнымъ волненіемъ.

XIII.

Онъ долго простоялъ у перилъ, вглядываясь въ бездонную тьму за пароходнымъ бортомъ, пока голосъ Бабичева не заставилъ его вздрогнуть.

— Эй, госпожа судебная палата, ты гдѣ?

Земскій начальникъ подойдя въ упоръ къ Одинцову, дышалъ ему въ лицо, мялъ въ объятіяхъ своего горячаго, полнаго тѣла и говорилъ:

— Цыпочка ты моя, какъ я тебя люблю! И я всѣмъ скажу, что ты самый порядочный человѣкъ. И я подлецъ, и всѣ они подлецы, а ты бла-ародный человѣкъ. А все-таки ничего не было... Понимаешь ты: рѣшительно ничего не было! Ну, вотъ даю тебѣ честное слово, что ты все видѣлъ во снѣ... И... и... дай я тебя поцѣлую.

Въ объятіяхъ Бабичева Одинцовъ спустился внизъ по винтовой лѣстницѣ.

Въ салонѣ, залитомъ электрическимъ свѣтомъ, бѣлѣла свѣжая скатерть, уставленная бутылками шампанскаго и вазами съ фруктами и льдомъ. Морякъ Китнеръ, инженеръ, студентъ и пѣвица съ открытой сцены сидѣли тѣсной группой, громко хохотали, подливая вино другъ другу. Лицо Джульетты было запудрено. Она сидѣла безъ корсета, въ разстегнутой кофточкѣ, открывавшей красивые рельефы плечъ и шеи. Томное лицо монахини тянулось и къ инженеру, и къ студенту, а болѣе всего къ начальнику дистанціи.

Увидавъ Одинцова, Джульетта порывисто поднялась съ мѣста, обвила его шею руками, и онъ почувствовалъ на губахъ горячій, тающій поцѣлуй.

Черезъ полчаса совершенно опьянѣвшій Одинцовъ плакалъ, колотилъ себя въ грудь и кричалъ:

— Боже, какъ мы пали! Мы всѣ одинаково пали: и я, и ты, Джульетточка, и ты, студентъ Гроссъ!.. Не перебивайте меня. Я вамъ все сейчасъ объясню... Я нашелъ разгадку. Пропасти нѣтъ... Всѣ люди одинаково сильны и одинаково слабы. Нѣтъ борьбы и ненависти, ничего нѣтъ. Жизнь равнодушно бѣжитъ мимо!.. Вѣрно, господа, вы не смѣйтесь: смѣна явленій!.. Вотъ я вамъ сейчасъ докажу. Не перебивайте, господа! Студентъ, перестань. Да замолчите же, не перебивайте...

Но его перебивали, и онъ не могъ докончить своей рѣчи.

А. Каменскій.

ПОСЛѢДНІЕ ЛИСТЬЯ.

Болье.

Переводъ съ нѣмецкаго **В. П.**

Вѣтеръ и пыль, и желтые, носящіеся въ воздухѣ, листья...

Только нѣсколько путешествующихъ коммерсантовъ да толстый хромой носильщикъ ждали на платформѣ, когда подошелъ поѣздъ «Тале—Берлинъ», Сезонъ уже кончился, и движеніе на маленькихъ станціяхъ было незначительное.

Въ одномъ изъ вагоновъ поѣзда, у окна, стоялъ стройный господинъ и мечтательно смотрѣлъ на немногихъ людей, бродившихъ по платформѣ съ соннымъ видомъ и лѣнивыми движеніями, на крыши домовъ съ выдающимися башенками, вправо отъ вокзала, и на замокъ, который своимъ гордымъ, величественнымъ видомъ придавалъ особую, своеобразную прелесть маленькому городу.

— Маленькій городъ!—нѣжно прошепталъ онъ.—Маленькій городъ!

Взоры его искали, но не находили крутой, имѣвшей форму чепца, крыши, которая должна быть видна направо отъ церковной колокольни. Неужели же новыя зданія заслонили собой эту крышу.

Онъ высунулся изъ окна, но напрасно...

Въ эту минуту къ нему, прихрамывая, подбѣжалъ толстый носильщикъ и предложилъ свои услуги.

Ульрихъ Лейтхольдъ протянулъ ему свой саквояжъ и плэдъ и выпрыгнулъ изъ вагона. Въ Берлинъ вѣдь шелъ еще одинъ поѣздъ, а ему во что бы то ни стало хотѣлось отыскать эту красную крышу.

Прежде всего, онъ прошелъ въ буфетъ и заказалъ себѣ кофе.

Въ залѣ было душно и пахло кухней. Нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ тамъ, имѣли безнадежно скучающій видъ. Безъ сомнѣнія, добровольно здѣсь никто не останавливался, и собственно онъ поступилъ глупо. Но поѣздъ уже ушелъ...

Такъ какъ поданный ему кофе оказался слишкомъ горячимъ, то Ульрихъ Лейтхольдъ занялся пока перелистываніемъ старыхъ, покрытыхъ жирными пятнами журналовъ, предназначенныхъ для развлеченія пассажировъ.

«Семейное счастье» назывался романъ. «Папинъ любимецъ»—оригинальный рисунокъ съ большими претензіями на чувство. На всемъ здѣсь лежала печать маленькаго провинціальнаго города.

Изъ-за журнала Ульрихъ Лейтхольдъ украдкою разсматривалъ даму, сидящую у окна. Въ этой залѣ она была единственнымъ человѣкомъ, заслуживающимъ вниманія, хотя видна была только ея спина, золотистый узелъ волосъ и иногда неясная линія профиля.

Если бы только онъ могъ хорошо разглядѣть лицо этой дамы. Навѣрное, сходство исчезло бы тогда. Здѣсь все ему напоминало бѣлокурую дѣвочку, жившую когда-то вмѣстѣ съ нимъ подъ красной, высокой крышей. И настроенное этими воспоминаніями воображеніе рисовало ему ея образъ въ каждой миловидной блондинкѣ.

Но эта элегантная дама не могла быть пасторскою дочерью—Евой. Гдѣ-то она теперь, бѣлокурая Ева? Жаль, если она больше не живетъ здѣсь; она такъ подходила къ патріархальной обстановкѣ этого провинціальнаго нѣмецкаго города. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ случайно узналъ о смерти ея отца и о томъ, что его преемникъ взялъ себѣ весь домъ.

Не спросить ли ея адресъ? Въ маленькомъ городѣ это было бы не трудно. Но, можетъ быть, съ его стороны неблагоразумно стараться отыскать ее? Ему хотѣлось увидать ее, и онъ надѣялся встрѣтить ее гдѣ-нибудь въ городѣ.

Можетъ быть, блуждая по улицамъ, онъ увидитъ за окномъ какого-нибудь дома уже отцвѣтшую, но все еще миловидную головку, склоненную надъ работой. Изъ-за миртъ и розъ, украшающихъ окно, онъ, можетъ быть, встрѣтитъ грустный, мечтательный взоръ, выражающій безропотную покорность судьбѣ одинокой, старѣющей дѣвушки, живущей только своимъ узкимъ духовнымъ міромъ. Можетъ быть, онъ тогда зайдетъ къ ней, чтобы поболтать до отхода поѣзда.. можетъ быть...

Уже было время идти. Но сначала онъ хотѣлъ попытаться разсмотрѣть лицо дамы, заинтересовавшей его. Линіи плечъ, головы и щекъ возбудили въ немъ желаніе посмотрѣть ея глаза. Какимъ образомъ попала на станцію А-ера эта изящная, красивая женщина. Она, какъ и онъ, казалась заброшенной сюда изъ другого міра...

Въ одно время съ нимъ поднялась и дама.

— Такъ это все-таки ты, Ева!—пролепеталъ Ульрихъ, совершенно пораженный.

Дама прищурила свои глаза, что придало имъ немного презрительное выраженіе, и сказала удивленно, но очень привѣтливо:

— Ульрихъ Лейтхольдъ! Какъ это странно, что мы встрѣтились именно здѣсь. Прости, что я тебя не сразу узнала. Я близорука.

— Ты больше не живешь здѣсь?—спросилъ онъ неувѣренно.

— Боже сохрани! Да развѣ это возможно?—воскликнула Ева.

Нѣтъ, это было невозможно. Эта свѣтская женщина, у которой очертанія рта и глазъ говорили объ очень интенсивной внутренней жизни, а ея внѣшній видъ объ утонченномъ вкусѣ и привычкахъ, конечно, не могла жить въ этомъ маленькомъ городѣ.

— Я возвращаюсь изъ Г.,—продолжала она, — гдѣ должна была хорошенько поскучать, что я и выполнила очень добросовѣстно. На возвратномъ пути меня вдругъ охватило, въ сущности, немного глупое желаніе, посмотрѣть старое гнѣздо. Со смерти отца я вѣдь не была здѣсь ни разу. Но ты? Какъ попалъ ты сюда? Пропустилъ поѣздъ? Но вѣдь здѣсь не нужно выходить.

— По той же причинѣ, что и ты,—отвѣтилъ онъ быстро.—Четырнадцать дней я провелъ въ Талe.

— Такъ въ душѣ ты еще остался нѣмцемъ,—подсмѣялась Ева.— А я предполагала, что ты тогда же уѣхалъ за границу.

— Конечно. Я былъ заграницей почти все время и теперь скоро уѣзжаю въ Японію, чтобы строить тамъ пороховыя мельницы. За границей живется легче, чѣмъ у насъ; но, по временамъ, охватываетъ тоска по родинѣ, хочется снова подышать нѣмецкимъ воздухомъ, освѣжить воспоминанія. Можетъ быть, это и глупо!

— О, это зависитъ! Освѣжить воспоминанія, значитъ вдохнуть ихъ ароматъ. А это можетъ быть умно или глупо, смотря по обстоятельствамъ. Но мнѣ хочется пройтись, такъ какъ я уже два часа сижу безъ движенія.

— Такъ что ты мнѣ позволяешь?

— Я очень рада.

Ульрихъ Лейтхольдъ все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія, не могъ понять, какъ могла провинціалка Ева превратиться въ эту увѣренную въ себѣ свѣтскую даму. Но эта ея увѣренность и непринужденность помогли ему скрыть свое удивленіе и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжать разговоръ съ нею.

Они направились къ городу. Садъ, разбитый передъ вокзаломъ, значительно увеличился теперь. А вмѣсто немощеной дороги съ картофельными полями по сторонамъ, были проведены новыя красивыя аллеи, украшавшія улицы, ведущія въ городъ. Однако, все новое было имъ непріятно. Оно вносило рѣзкій диссонансъ въ гармонію ихъ воспоминаній. Въ большихъ городахъ, въ которыхъ они жили, постоянно происходили перемѣны, иногда даже цѣлыхъ кварталовъ. Но здѣсь, гдѣ были заключены ихъ дѣтскія воспоминанія, каждая перемѣна была для нихъ чѣмъ-то въ родѣ личнаго оскорбленія.

Въ старомъ городѣ было лучше. Тамъ были еще узкіе, высокіе дома съ фронтонами и множествомъ оконъ. Роскошные гераніумы и фуксіи все такъ же цвѣли на окнахъ, отнимая у жителей нижняго этажа и безъ того небольшое количество свѣта и воздуха. Мостовая была все такая же скверная. Дѣти шумѣли попрежнему, наполняя крикомъ

и гамомъ узкія улицы. Новое поколѣніе, но оно играло все въ тѣ же игры. А въ окнѣ одной маленькой булочной на рынкѣ они даже увидали тотъ самый хлѣбъ, который продавался тогда обыкновенно по пятницамъ. Сегодня какъ разъ была пятница. Они зашли въ булочную и купили этотъ хлѣбъ, но теперь онъ совсѣмъ не такой вкусный, какъ тогда.

При видѣ узкой, крутой тропинки, идущей отъ рынка, они оба вспомнили, что по ней они всегда поднимались къ старой крѣпости, пренебрегая длинной, но болѣе удобной дорогой, и теперь они тоже пошли по ней. Но въ ихъ воспоминаніяхъ она была не такая крутая. Они совсѣмъ запыхались и, смѣясь, признались другъ другу въ этомъ.

— До чего опускаешься съ годами, стыдно даже! Тогда мы шутя взбѣгали по этой тропинкѣ,—замѣтилъ Ульрихъ.

— Да! Намъ уже не по пятнадцати лѣтъ теперь! Когда старѣешься, то начинаешь любить комфортъ и дѣлаешься менѣе подвижнымъ,—замѣтила Ева.

— Ты!

Онъ посмотрѣлъ, улыбаясь, на нее. Взглядъ его выражалъ откровенное восхищеніе и удивленіе. Онъ встрѣчалъ много женщинъ во время своихъ странствованій въ обоихъ полушаріяхъ и долженъ былъ признать, что его спутница была бы всюду замѣтнымъ явленіемъ. И все-таки онъ не могъ побороть въ себѣ удивленія. Ева была всегда красива, то тогда ея красота была слишкомъ проста, неинтересна, а теперь яркая дѣйствительность затмила блѣдную пастель, нарисованную его воображеніемъ.

— Не правда ли, я очень перемѣнилась?—спросила она въ отвѣтъ на его взглядъ.

Это звучало очень смѣшно, почти наивно. Но это была вполнѣ сознательная наивность.

Онъ засмѣялся.

— Если бы я отвѣтилъ утвердительно, то это было бы оскорбленіемъ прошедшаго. Какъ будто тебѣ нужно было измѣняться!

— О, мнѣ это было необходимо!—горячо перебила его Ева.—Первое, чему я научилась въ мастерской, было превращеніе моего внѣшняго вида. Вѣдь простота съ безвкусіемъ всегда соперничали въ моемъ костюмѣ, какъ во всемъ, что выходило изъ рукъ тети Августины, а я этого даже не подозрѣвала. Здѣсь знали дочь пастора Еву и ея причудливый нарядъ съ дѣтства, и потому не смѣялись, да, впрочемъ, они и сами не знали вкуса. Но въ парижской мастерской художника «La petite allemande» была предметомъ добродушныхъ насмѣшекъ. Она должна была научиться и... научилась!

— Значитъ, ты рисуешь?—спросилъ Ульрихъ.

— Я художница.

Она сказала это просто, но сколько гордости звучало въ этихъ простыхъ словахъ!

— Ты должна извинить меня,—сказалъ онъ поспѣшно,—если я оказываюсь варваромъ относительно искусства. Но у меня такъ мало времени! Когда я случайно бываю въ Берлинѣ, то попадаю иногда вечеромъ въ концертъ, но на художественныхъ выставкахъ я уже никогда не успѣваю бывать.

Ева засмѣялась.

— Ты можешь не извиняться. Мое имя не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя долженъ знать каждый образованный человѣкъ. Но мое содержаніе обезпечено, и я зарабатываю мой хлѣбъ.

— И немного масла,—замѣтилъ Ульрихъ, улыбаясь.

— Конечно, и немного масла. И говоря откровенно, я цѣню больше послѣднее, чѣмъ первое. На хлѣбъ мнѣ бы хватило и небольшого капитала, оставленнаго мнѣ отцомъ.

— Это меня очень радуетъ. Пріятно видѣть старыхъ друзей, но еще пріятнѣе, когда знаешь, что имъ хорошо живется.

Онъ говорилъ не совсѣмъ искренно. Что ея жизнь была такъ полна, такъ содержательна, непріятно задѣвало что-то въ его душѣ. Изъ ея словъ онъ понялъ, впрочемъ, что она не замужемъ, и это доставило ему нѣкоторое удовлетвореніе.

— Я не могу сказать, чтобы я была вполнѣ довольна своей жизнью, но вѣдь этого и нельзя желать. А ты? Впрочемъ, мнѣ не нужно спрашивать! Когда строятъ пороховыя мельницы,—и она посмотрѣла на него сверху внизъ, немного зло улыбаясь,—имѣются налицо всѣ признаки довольства. Англійскій портной и причитающееся embonpoint...

Она коснулась его самаго больного мѣста. Передъ Тале онъ ѣздилъ въ Киссингенъ, именно чтобы похудѣть.

При ея словахъ онъ безсознательно выпрямился и сказалъ:

— Embonpoint—это немного преувеличено. Но, конечно, я уже больше не стройный юноша.

— Нѣтъ, мы положительно старѣемся,—сказала она и комично вздохнула.—Мои мюнхенскіе знакомые считаютъ меня моложе, чѣмъ я есть, по крайней мѣрѣ, они говорятъ это. Но передъ другомъ дѣтства не имѣетъ смысла питать себя иллюзіями. Въ сущности, другъ дѣтства—это живое «memento mori».

— Очень благодаренъ. Но скажи мнѣ, пожалуйста, почему ты должна была скучать въ Г., какъ ты говорила?

— Мой докторъ вбилъ себѣ въ голову, что у меня нервы. Каждый хорошій врачъ теперь считаетъ себя обязаннымъ констатировать нервы. Можетъ быть, я и дѣйствительно немного слишкомъ напрягала свои силы. Во всякомъ случаѣ, я доставила ему это удовольствіе и проскучала полныхъ четыре мѣсяца. Но теперь назадъ въ жизнь, на всѣхъ парусахъ!

Ея глаза сверкали энергіей, когда она говорила это.

Жизнь, о которой разсказывала Ева, была инстинктивно антипатична Ульриху. А этотъ блескъ ея глазъ, говорящій объ очень интенсивной умственной жизни, смутилъ его.

Они уже миновали послѣдній подъемъ и стояли теперь на выдающейся площадкѣ крѣпости.

Оба они въ своей жизни видѣли красивѣйшія мѣста земного шара и все-таки своеобразная прелесть ландшафта, разстилавшагося теперь у ихъ ногъ, снова захватила ихъ.

Изъ-за спутанной массы крышъ узкаго стараго города съ живописными изгибами и поворотами видны были маленькіе, густые садики, которые извивались между домами и развалинами старой городской стѣны. По серединѣ возвышалась церковь св. Георгія съ проломленной зеленой башней, а недалеко отъ нея высокая чепцеобразная крыша. Надъ всѣмъ этимъ гордо возвышался старый замокъ, какъ будто подымаясь изъ нѣдръ скалы, а на его полуразрушенныхъ стѣнахъ группами росли деревья съ разнообразною зеленью. Дальше тянулись холмы, покрытые лѣсомъ, а еще дальше, почти на горизонтѣ, виднѣлись неясныя очертанія другого города.

Этотъ далекій городъ игралъ большую роль въ ихъ дѣтскомъ воображеніи. Онъ казался имъ идеаломъ всего прекраснаго. Тамъ, думали они, была настоящая жизнь, полная для нихъ еще тогда таинственной прелести.

Теперь они знали, что этотъ фантастичный городъ былъ интересенъ только по своимъ памятникамъ старины и его единственное значеніе заключалось въ довольно развитой промышленности.

И все-таки они и теперь поддались былому очарованію и, забывая то, что знали, не могли оторвать глазъ отъ его туманныхъ очертаній.

Этотъ ландшафтъ былъ имъ безконечно дорогъ, такъ какъ съ нимъ были тѣсно связаны ихъ дѣтскія воспоминанія.

Они долго стояли, неговоря ни слова...

Потомъ они спустились по большой дорогѣ; здѣсь они встрѣтили гуляющихъ: стариковъ, останавливающихся каждую минуту; супружескихъ паръ, съ буржуазно-довольнымъ видомъ, медленно поднимавшихся по дорогѣ, въ сопровожденіи молоденькихъ дочерей, которыя потихоньку зѣвали и всегда шли впереди своихъ родителей. Всѣ эти люди имѣли какое-то безжизненное, заспанное и скучающее выраженіе лица, что дѣлало ихъ всѣхъ похожими другъ на друга. На нихъ на всѣхъ лежалъ «мѣстный отпечатокъ», какъ назвала это Ева. При видѣ этихъ людей, она даже вздрогнула, какъ человѣкъ, который вспоминаетъ объ опасности, избѣгнутой имъ съ большимъ трудомъ.

— Посмотри только, какое существованіе!—сказала Ева, указывая глазами на женщину, сидящую съ работой у окна.—Такъ сидитъ эта женищна навѣрное каждое послѣобѣда, не потому, что ей это нужно,

такъ какъ, повидимому, она изъ зажиточной семьи, а потому, что она не знаетъ ничего лучшаго. Такъ сидѣла каждый день и тетя Августина и это же ожидало бы и меня современемъ.

— Но эта женщина, можетъ быть, вполнѣ счастлива и довольна своей тихой жизнью,— возразилъ Ульрихъ.

— Что она счастлива, этому я охотно вѣрю! Но это-то и есть самое ужасное! Это— жалкое существованіе, прозябаніе, но не жизнь! Ты очень вѣрно назвалъ это «тихая жизнь»; французы говорятъ nature morte. И какъ много еще людей влачатъ такое существованіе!

Ульрихъ закусилъ губу.

«Если бы только она знала»!

Они проходили мимо цвѣточнаго магазина, въ которомъ были выставлены только одни вѣнки.

— Сегодня 2-е ноября,—сказалъ кто-то около нихъ.

— Боже мой, я совсѣмъ забыла!—вскрикнула Ева.—Этотъ день я всегда ходила на кладбище въ Парижѣ.

Взгляды ихъ встрѣтились въ нѣмомъ согласіи. Они вошли въ магазинъ, купили по вѣнку и пошли на кладбище.

«Іоганнъ Мейнхардъ, пасторъ при церкви св. Георгія», было написано на могилѣ, на которую Ева положила свой вѣнокъ. Ульрихъ положилъ свой на сосѣднюю могилу. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Ева снова заговорила:

— Посѣщая могилы усопшихъ, думаютъ отдать этимъ долгъ піэтизму, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти могилы такъ мало говорятъ душѣ. По крайней мѣрѣ, моей душѣ они ничего не говорятъ. Да и какія чувства можетъ возбуждать эта мокрая масса земли?

— Да, но это единственное, что намъ остается.

— Печально, если это все, что намъ остается. Добрый, старый человѣкъ! Онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы понять мои стремленія. Но по своему онъ все-таки любилъ меня.

— Да, онъ желалъ намъ добра! И тетка Августина въ сущности тоже желала намъ добра, хотя она часто мучила насъ, а мы ее,—сказалъ Ульрихъ.

— Ну, конечно, всѣ желали намъ добра! — возразила Ева съ легкой ироніей,—но все-таки очень хорошо, что мы взяли свою судьбу въ собственныя руки, не полагаясь на нашихъ доброжелателей!

Какъ сурово было выраженіе ея лица при этихъ словахъ, какъ мрачно блестѣли глаза. Теперь было замѣтно, что это была уже не молоденькая дѣвушка, а женщина, много выстрадавшая въ жизни.

— Это стоило тебѣ много борьбы, Ева?—спросилъ Ульрихъ сочувственно.

— Ты можешь себѣ представить это!—При воззрѣніяхъ моего отца и тети Августины, въ Парижъ—въ самое гнѣздо грѣха! Весь нашъ городокъ взволновался; жалѣли моихъ родныхъ! О, если бы ты только

зналъ! Но здѣсь не мѣсто для выраженія моей горечи. Такими, какими они были, они не могли иначе чувствовать и поступать! Уйдемъ отсюда. Мы не нужны мертвымъ. Мы только нарушаемъ ихъ покой, или они нашъ,—прибавила она тихо.

Они пошли. Всюду виднѣлись черныя, колѣнопреклоненныя фигуры и повсюду лежали свѣжія цвѣты.

— Кажется есть такая пѣсня: «Одинъ день въ году для мертвыхъ»,—сказалъ Ульрихъ.

— Да, но эта сентиментальная пѣсня не для меня. Мертвые умерли, и только тотъ слѣдъ, который они оставили въ нашей душѣ, будетъ жить вѣчно.

Она сказала это съ такой энергіей, какъ будто хотѣла защитить себя отъ чего-то.

— Теперь къ дому?—онъ сказалъ это нерѣшительно.

— Ну, конечно!—она произнесла эти слова энергичнѣе, чѣмъ это было нужно.

Они вышли черезъ другую дверь. Отсюда вела липовая аллея кругомъ города къ дому пастора.

— Однако, липы стали гораздо больше, чѣмъ были тогда,—замѣтилъ Ульрихъ.

Ева кивнула головой въ знакъ согласія.

— Да, но на нихъ такъ мало осталось листьевъ. Впрочемъ, вѣдь теперь осень.

И имъ обоимъ вспомнился одинъ вечеръ, когда они шли по этой же аллеѣ, но только тогда была весна.

Они уже не говорили больше другъ съ другомъ. Что-то тяжелое, мучительное и непріятное встало между ними и мѣшало имъ.

Какъ безконечно долго тянулась дорога къ дому!

— Старый домъ совсѣмъ не измѣнился,—сказалъ Ульрихъ немного глухимъ голосомъ, когда они наконецъ пришли къ нему.—Вотъ тамъ наверху комнатка, въ которой мы рѣшали великія проблемы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и гдѣ мы строили планы о нашемъ будущемъ!

— То-есть ты строилъ планы насчетъ своего будущаго, а я только слушала. О моемъ будущемъ никогда не было рѣчи,—замѣтила Ева.

Ульрихъ пожалъ плечами.

— Мы оба объ этомъ не думали тогда. Но теперь ты, кажется, вполнѣ искупила свое молчаніе!

Они вошли въ маленькій проходъ, въ которомъ была дверь въ садъ пасторскаго дома. Этимъ выходомъ они всегда пользовались тогда. Ева остановилась у палисадника и печальными задумчивыми глазами смотрѣла на домъ и садъ, и внезапно по ея щекамъ скатились двѣ прозрачныя слезинки.

При видѣ ея слезъ, всѣ старыя чувства воскресли въ сердцѣ Уль-

риха. Онъ обнялъ Еву и съ его губъ сорвались примитивныя слова нѣжности, которыя онъ говорилъ когда-то на этомъ самомъ мѣстѣ, утѣшая плачущую дѣвочку.

Ева оттолкнула его руку и удивленно посмотрѣла на него. Она уже больше не плакала.

— Ты въ заблужденіи, въ страшномъ заблужденіи,—сказала она съ удареніемъ.—Ты жалѣешь меня, думая, что я сама себя жалѣю. Но не себя жалѣю я, а другую глупую восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, которая много лѣтъ тому назадъ, стояла на этомъ самомъ мѣстѣ и смотрѣла съ тоской на дорогу. Со страстной, снѣдающей тоской, какой я уже не могу испытывать теперь! И мнѣ жаль ту бѣдную, неопытную маленькую дурочку, считавшую себя твоей невѣстой.

— Боже мой! — вскрикнулъ Ульрихъ. — Этого я не подозрѣвалъ. Очевидно, я дѣйствовалъ безразсудно, говорилъ слова, которыя не долженъ былъ говорить. Но вѣдь я самъ былъ тогда еще глупымъ мальчишкой!

— Не думай же, прошу тебя, что я хотѣла упрекнуть тебя! — горячо перебила его Ева.—Наоборотъ. Я уже сказала, что тогда я была еще глупымъ, не знающимъ жизни ребенкомъ, и къ тому же, воспитанная въ самыхъ строгихъ правилахъ, дочь пастора. Онъ долженъ написать отцу, думала я. И я ждала... о, какъ я ждала! Потомъ я думала: онъ самъ придетъ, и стояла здѣсь и смотрѣла на дорогу и ждала, опять ждала...—И въ ея глазахъ появилось выраженіе мрачнаго отчаянія, отблескъ пережитыхъ тогда страданій.

— Но я ничего этого не зналъ! — прошепталъ Ульрихъ, потрясенный.

— Этому я вѣрю,—сказала Ева.—Вы, мужчины, никогда ничего не подозрѣваете. Своимъ поцѣлуемъ вы пробуждаете въ молоденькой, неопытной дѣвушкѣ дремлющіе любовные инстинкты, и тогда уходите, оставляя ее во власти демоновъ. А угрызенія совѣсти, если только они, вообще, мучаютъ васъ иногда, вы топите въ водоворотѣ жизни.

— Нѣтъ, Ева, я много думалъ о тебѣ и упрекалъ себя. Но я не зналъ, что я долженъ былъ тебѣ написать. Слова, котораго ты ждала, я не имѣлъ права сказать тебѣ, и я боялся увеличить несправедливость, поддерживая надежды, которыя не могли осуществиться тогда. Я надѣялся, что ты меня забудешь.

— Я забыла тебя,—рѣзко сказала Ева,—но для этого я употребила мои лучшіе юношескіе годы!

Ульрихъ потупилъ голову. Только сегодня онъ понялъ, какую огромную несправедливость онъ совершилъ надъ страстной, юной душой. Только сегодня онъ сознялъ какое великое, чудное было это прошлое, а онъ, глупый юноша, пренебрегъ имъ! Тупая злоба на самого себя охватила его.

Ева и тогда была очаровательна въ своей наивной свѣжести, но онъ самъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы вполнѣ оцѣнить ея прелесть. Но еще очаровательнѣе была зрѣлая, сознающая свою привлекательность женщина, вполнѣ расцвѣтшая красота которой выдѣлялась еще болѣе въ рамкѣ утонченной культуры.

И эта женщина,—исключительно интересная и оригинальная, воспламеняющая, навѣрное, не мало мужчинъ,—любила его настоящей полной любовью, которая такъ рѣдка, что ее нужно принимать колѣнопреклоненнымъ, какъ самый драгоцѣнный, чудный даръ. Но тогда онъ былъ еще недостаточно зрѣлъ, чтобы понять это.

Всѣ инстинкты собственника проснулись въ немъ теперь. Онъ хотѣлъ ей сказать, что всѣ тѣ годы, которые онъ молчалъ, онъ все-таки любилъ ее. Онъ самъ почти вѣрилъ этому. Его трогало, что она столько выстрадала изъ-за него; ея гордая манера привлекала его, а ея красота возбуждала—онъ любилъ ее.

— Хотя прошлое и поздно исправлять теперь, Ева, но, все-таки, не слишкомъ поздно!—сказалъ Ульрихъ съ чувствомъ.—Въ эти долгіе годы я не забывалъ тебя.

— Но я забыла тебя!—сказала Ева холодно.

Онъ не слушалъ ее. Или, если онъ и слышалъ ея слова, то они еще болѣе возбудили его. Конечно, гордая женщина не могла такъ скоро простить столь долгое пренебреженіе.

— Сегодня я могу предложить тебѣ то, на что не имѣлъ права тогда,—поспѣшно продолжалъ Ульрихъ.—По нѣмецкимъ понятіямъ, я почти богатъ и ты увидала бы еще много интереснаго въ свѣтѣ. Вѣдь ты свободна, какъ и я, хотя, навѣрное, не разъ имѣла возможность выйти замужъ. Не ждали ли мы, хотя и безсознательно, другъ друга?

Ева молчала. Она была такъ поражена, что не могла сразу овладѣть собой и была близка къ тому, чтобы разразиться судорожнымъ смѣхомъ Наивность этого человѣка была просто колоссальна! Свою интересную жизнь, кружокъ испытанныхъ друзей, святое призваніе— все это она должна была бросить теперь, въ угоду мужчинѣ, который. когда-то давно, былъ ея юношескою любовью! Нѣтъ, это было наивно до смѣшного. И его полуразстроенное, полуразстроганное лицо при этомъ! Но она чувствовала, что ни въ какомъ случаѣ не должна была смѣяться, и она была сердита на себя за то, что такъ глупо вела себя и почти вызвала это предложеніе.

— Очень достойно съ твоей стороны желать искупить, столь активнымъ образомъ, мнимую, и, во всякомъ случаѣ, уже давно совершенную несправедливость,—сказала Ева.—Я боюсь, что я сама вызвала это, я, должно быть, совсѣмъ невѣрно выразилась. Но мнѣ помнится, что я тебѣ говорила, что я не дѣлаю тебѣ упрековъ,—наоборотъ...

— Наоборотъ! Что это значитъ?—перебилъ ее Ульрихъ.

— Это значитъ, что я имѣю всѣ основанія быть тебѣ благодарной,—сказала она, гордо откинувъ головку.—Да, если я впродолженіи этихъ лѣтъ когда-нибудь и вспомнила о тебѣ, а воспоминанія моей юности такъ тѣсно связаны съ тобой, то всегда съ благодарностью. Если бы не ты и то ужасное разочарованіе, которое постигло меня въ моей ранней юности и изъ веселаго ребенка преобразовало въ серьезнаго человѣка, у меня никогда не хватило бы мужества разорвать домашніе путы и преодолѣть всѣ трудности, связанныя съ этимъ шагомъ. Относительно счастливый человѣкъ, можетъ быть, не перенесъ бы того, что я перенесла, но такой несчастный, какъ я была тогда, стоически выдерживаетъ домашнія бури, которыя такъ ничтожны въ сравненіи съ ураганами жизни. Раннее разочарованіе—хорошій панцырь для жизни. Я такъ ужасно страдала тогда, всѣмъ своимъ существомъ страдала, что въ сравненіи съ этимъ страданіемъ, всѣ послѣдующія казались мнѣ пустыми, или, можетъ быть, моя способность страдать притупилась въ этой ранней сердечной бурѣ. И вотъ еще. Во время моего ученія на моемъ пути встрѣчались мужчины, которые объяснялись мнѣ въ любви. Я не увѣрена, что извѣстное романическое предрасположеніе не побудило бы меня выслушать ихъ. Я и выслушивала иногда, но это былъ только флиртъ, не нарушающій моего душевнаго покоя. Любовь меня страшила. Мой первый опытъ былъ такъ ужасенъ, онъ стоилъ мнѣ годовъ моей жизни — а могъ стоить и еще больше!—что я уже не хотѣла повторять его. И это было очень хорошо. Нужно все испытать въ жизни, а что я прошла этотъ искусъ еще очень молодой, принесло мнѣ пользу впослѣдствіи. При моей опасной особенности переходить всякую мѣру въ чувствахъ, любовь помѣшала бы, пожалуй, моему призванію, и я ничего не достигла бы. Такъ что и за это я благодарна тебѣ.

— Ты жестока,—пролепеталъ Ульрихъ.

Она улыбнулась. Можетъ быть, и было немного женской жестокости въ томъ удовольствіи, съ которымъ она говорила ему все это. Но она видѣла въ фіолетовыхъ сумеркахъ осенняго вечера грустное видѣніе, свою въ тоскѣ проведенную юность, и поэтому усмѣхнулась его упреку.

— То, что я сказала, было, конечно, очень странно,—сказала Ева уже мягко. — По крайней мѣрѣ, что я сказала это тебѣ. Но тебя не долженъ мучить разсказъ о моей любви и о моей тоскѣ; вѣдь это уже давно принадлежитъ прошедшему. И только потому я могу говорить объ этомъ.

— Благодарю!—прошепталъ Ульрихъ.—Скажи лучше, что ты меня вообще никогда не любила.

Ева вздохнула.—Не знаю! Любила я такъ безумно, съ такой страстной тоской, какой не пожелаю и врагу своему. Но тебя ли! Такое юное созданіе любитъ, въ концѣ концовъ, самую любовь, которую она чув-

ствуетъ къ первому мужчинѣ, появившемуся на ея горизонтѣ. Въ сущности, ты даже не виноватъ въ моихъ юношескихъ разочарованіяхъ. И почему, дѣйствительно, я любила такъ чрезмѣрно. Съ сотнями дѣвушекъ случается, что ихъ цѣлуетъ молодой мужчина и затѣмъ уходитъ, а онѣ, проливъ двѣ, три слезинки, утѣшаются съ другимъ. Если бы не ты, то явился бы другой и, можетъ быть, не во время!

Его мужское самолюбіе было задѣто ея словами, и онъ не повѣрилъ имъ. Это была мелкая женская месть. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, она трепетала и плакала въ его объятіяхъ. Онъ силою долженъ былъ оторвать ея руки отъ своихъ плечъ, въ его ушахъ звучалъ еще ея отчаянный возгласъ: «Возьми меня съ собой!» И это предназначалось не ему... Она могла бы такъ же обнимать другого? Нѣтъ, эта мысль была ему невыносима! Онъ не хотѣлъ, не могъ повѣрить этому.

Ея женской мелочности онъ желалъ противопоставить мужское величіе и благородство и сказалъ, вѣря собственнымъ словамъ:

— Въ такомъ случаѣ, Ева, я тебѣ ничего не долженъ, но, можетъ быть, ты мнѣ. Я не отказываюсь отъ своихъ словъ. Я открыто признаю, что я любилъ тебя, не фантастическій образъ, а тебя, Еву, съ твоими золотистыми косами, и, видитъ Богъ, я и теперь еще люблю тебя!

Онъ дышалъ съ трудомъ и послѣднее сказалъ почти угрожающе. Онъ ожидалъ, что теперь произойдетъ что-то великое, чудное, что она опять упадетъ въ его объятья и скажетъ: «И я тоже люблю тебя!» Онъ не могъ видѣть выраженіе ея лица, такъ какъ было уже темно. Но она не упала въ его объятья, и когда начала говорить, то не такъ, какъ человѣкъ растроганный, а какъ непріятно пораженный.

— Но, милѣйшій! Вѣдь это же минутный самообманъ, результатъ ложнаго великодушія. Это невозможно, что, любя когда-то маленькую Еву, ты любишь меня теперь. Мы вѣдь называемся старыми знакомыми, старыми друзьями. Но старые знакомые мы только здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ сейчасъ, въ границахъ нашихъ дѣтскихъ воспоминаній. Выступая изъ этого круга, мы дѣлаемся чужими другъ другу, какъ пассажиры, которыхъ случай соединилъ вмѣстѣ на полчаса. Мы вѣдь совсѣмъ не знаемъ другъ друга. Подумай только, между нашимъ «тогда» и «теперь» лежатъ годы духовнаго развитія. Если бы мы теперь узнали другъ друга, то еще вопросъ, много ли бы у насъ нашлось точекъ соприкосновенія. Такъ что будь счастливъ, что я не оказалась старою дѣвою, жаждущею выйти замужъ, и не приняла серьезно твое самоотверженное предложеніе! — сказала Ева, стараясь обратить все въ шутку и смягчить мучительность положенія.

Ульрихъ злобно молчалъ.

Вдругъ Ева испуганно вскрикнула.

— Мой Богъ, который часъ теперь? Уже такъ темно!

Онъ посмотрѣлъ на часы. Это маленькое движеніе облегчило его. Благодаря своему острому зрѣнію, онъ могъ еще различить время.

— Ради Бога!—сказала Ева, когда онъ назвалъ время. —Черезъ двадцать минутъ идетъ поѣздъ, а до вокзала довольно далеко.

— Времени болѣе, чѣмъ достаточно,—возразилъ Ульрихъ.—И въ худшемъ случаѣ, вѣдь городъ цивилизовался, я видѣлъ здѣсь нѣсколько новыхъ отелей.

— Но я хочу и должна уѣхать сегодня вечеромъ! — взволнованно продолжала Ева. — Завтра вечеромъ у меня назначено свиданіе съ моимъ учителемъ, который, возвращаясь съ юга, хочетъ проѣхать черезъ Мюнхенъ. Если я его не увижу изъ-за сентиментальной прихоти, я буду въ отчаяніи.—Она чуть не плакала отъ огорченія.

Они быстро направились къ вокзалу. Ева почти бѣжала. Ульрихъ шелъ рядомъ съ ней. Онъ желалъ, чтобы она пропустила поѣздъ. Не для того, чтобы удержать ее побольше здѣсь, о нѣтъ! Минутное увлеченіе любви уже прошло. Онъ ненавидѣлъ эту женщину, которая, когда-то пылая любовью, лежала въ его объятіяхъ, а теперь совершенно освободилась изъ-подъ обаянія этого чувства. Онъ сознавалъ, что слабая связь, поддерживаемая ихъ взаимными воспоминаніями, порвалась теперь окончательно. У этой женщины, которая шла рядомъ съ нимъ, тревожно устремляя взоръ въ пространство, ни одна мысль, ни одно чувство не принадлежало больше ни ему, ни прошлому. Все ея существо интенсивно стремилось къ той новой жизни, которой онъ не зналъ. Въ его душѣ поднялась злоба. Зачѣмъ эта торопливость, это волненіе? Конечно, оттого, что она любитъ другого хотя и отрицаетъ это. Всѣ женщины похожи другъ на друга, а любовь во всѣ времена была для нихъ смысломъ жизни. Вотъ поэтому и старая любовь не имѣетъ больше власти надъ нею.

Когда они подошли къ вокзалу, то увидѣли, что времени до отхода поѣзда было еще много. Ева облегченно вздохнула и стала снова бодрой и привѣтливой.

Но Ульрихъ не могъ скрывать больше своего сквернаго настроенія. — Ты, повидимому, очень дружна со своимъ бывшимъ профессоромъ,—спросилъ онъ ее подозрительно.

— Очень!—отвѣтила Ева.—Но, къ сожалѣнію, наша дружба должна питаться сама собой, такъ какъ я уже два года не была въ Парижѣ, а онъ не любитъ писать писемъ. Но тѣмъ больше цѣны имѣетъ для меня предстоящее свиданіе.

— Онъ, должно быть, еще молодъ? — продолжалъ допрашивать Ульрихъ, почти увѣренный, что она не отвѣтитъ на его нескромные вопросы.

Но она отвѣчала очень привѣтливо, только немного зло улыбаясь:—Ну, это зависитъ отъ точки зрѣнія. У мужчинъ вообще граница молодости весьма неопредѣленная. Но я думаю, что ему должно быть между шестидесятью и семидесятью годами. Я никогда не интересовалась этимъ вопросомъ. На головѣ у него еще осталось нѣ-

сколько волосъ, но онъ сгорбился и доходитъ мнѣ до плечъ. Mais n'importe, c'est un vrai artiste et je l'adore. Но вотъ и поѣздъ.

— Ты не можешь дождаться момента отъѣзда,—сказалъ Ульрихъ съ упрекомъ.

— Прости! Это невѣжливо! Но ты не можешь себѣ представить, какъ важно мнѣ видѣть моего профессора. Я покажу ему мои послѣднія работы. Ты долженъ навѣстить меня, если будешь когда-нибудь въ Мюнхенѣ. Тебѣ навѣрное не понравятся мои картины, но это ничего.

— Ты думаешь, что у меня такой дурной вкусъ?

— Конечно, нѣтъ, но мои произведенія не очень пріятны. Кажется, поѣздъ уже подходитъ. До свиданія!—Она протянула ему руку.

— До свиданія,—сказалъ Ульрихъ.

Имъ больше не о чемъ было говорить другъ съ другомъ и они чувствовали, что больше никогда не увидятся.

Ева кивнула еще разъ изъ окна вагона и была довольна, что Ульрихъ имѣетъ такой строгій, изящный видъ. Было бы очень непріятно, если бы пришлось краснѣть за свою юношескую любовь. На минуту она снова погрузилась въ прошедшее и легкое сожалѣніе какъ будто охватило ее. Но она энергично сказала себѣ: «Хорошо, что все кончено. До сихъ поръ я все еще волочила за собой кусочекъ цѣпи, и только теперь я вполнѣ свободна. Мы должны отдавать себѣ отчетъ во всемъ, и въ нашихъ воспоминаніяхъ, и только тогда можемъ считать себя свободными, когда старыя воспоминанія, случайно налетая на насъ, не поднимаютъ никакихъ чувствъ въ нашей душѣ». И съ этими словами она углубилась въ чтеніе Рёскина.

Ульрихъ Лейтхольдъ тѣмъ временемъ медленно шагалъ по платформѣ. Онъ высоко поднялъ воротникъ пальто и засунулъ руки въ карманъ. Порывъ вѣтра пронесъ мимо него нѣсколько желтыхъ листьевъ. Ульрихъ почувствовалъ ознобъ и ему захотѣлось уѣхать отсюда какъ можно скорѣе...

ДОСТОЕВСКІЙ И БѢЛИНСКІЙ.

Почти всѣ замѣчательные русскіе писатели второй половины XIX вѣка испытали на себѣ благотворное вліяніе Бѣлинскаго. Почти всѣ они воспитались на сочиненіяхъ великаго русскаго критика, а нѣкоторые изъ нихъ не только испытали на себѣ вліяніе его критическихъ статей, но имѣли счастье пользоваться его личными совѣтами и указаніями. Почти всѣ эти ученики Бѣлинскаго остались на всю жизнь болѣе или менѣе восторженными поклонниками своего учителя и оставили намъ болѣе или менѣе подробныя воспоминанія или, по крайней мѣрѣ, отзывы о его личности и сочиненіяхъ. Достаточно назвать Тургенева, Гончарова, Некрасова, Салтыкова, Писемскаго, Хвощинскую, Григоровича, Полонскаго, Никитина, Плещеева, чтобы видѣть, какія имена находятся въ спискѣ почитателей Бѣлинскаго. А списокъ этотъ можно еще значительно увеличить менѣе громкими именами. Къ сожалѣнію, въ этотъ списокъ почитателей Бѣлинскаго нельзя внести имени одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей русской литературы—Достоевскаго.

Хотя Достоевскій въ ряду учениковъ Бѣлинскаго занимаетъ выдающееся мѣсто, но его никоимъ образомъ нельзя включить въ число почитателей великаго критика. Подробныя воспоминанія Достоевскаго о Бѣлинскомъ, написанныя въ 1867 году, затерялись; но въ печатныхъ сочиненіяхъ Ѳедора Михайлавича и въ его письмахъ довольно часто упоминается о Бѣлинскомъ, и эти отзывы Достоевскаго о своемъ учителѣ нерѣдко прямо возмутительны. Едва ли будетъ преувеличеніе, если сказать, что никто, даже такіе беззастѣнчивые враги Бѣлинскаго, какъ Ѳадей Булгаринъ, не взводили на Бѣлинскаго такихъ обвиненій и не прилагали къ его имени такихъ эпитетовъ, какіе вырвались изъ-подъ пера Достоевскаго. Не можетъ быть спору, что если бы всѣ отзывы Достоевскаго о своемъ учителѣ были такого характера, какъ тѣ ругательства, которыми онъ осыпаетъ его въ письмахъ къ Страхову, или тѣ обвиненія, которыя находятся въ романѣ «Бѣсы» и въ «Дневникѣ читателя» за 1873 годъ, то изложеніе отношеній великаго русскаго романиста къ величайшему русскому критику представляло бы самую мрачную страницу въ біографіи Достоевскаго. Но къ чести Достоевскаго надо сказать, что на этой мрачной страницѣ его біогра-

фіи можно найти несомнѣнно болѣе свѣтлыя строки, которыя въ значительной степени ослабляютъ крайне непріятное впечатлѣніе, производимое упомянутыми ругательствами и обвиненіями. Какъ ни мало имѣется матеріаловъ для исторіи взаимныхъ отношеній Бѣлинскаго и Достоевскаго, эти отношенія въ общихъ чертахъ могутъ быть изображены уже и въ настоящее время. Правильное пониманіе этихъ отношеній необходимо какъ для почитателей Бѣлинскаго, оклеветаннаго Достоевскимъ, такъ и для почитателей Достоевскаго, на памяти котораго лежатъ ругательства и клевета по адресу одного изъ лучшихъ русскихъ людей.

I.

Личное знакомство Достоевскаго съ Бѣлинскимъ началось въ маѣ 1845 года. Въ это время Достоевскій кончилъ своихъ «Бѣдныхъ людей» и собирался ихъ отдать въ «Отечественныя Записки», гдѣ въ то время сотрудничалъ Бѣлинскій. «Бѣлинскаго—говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ—я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ». И Достоевскій боялся, что этотъ грозный и страшный критикъ осмѣетъ его «Бѣдныхъ людей». Но опасенія молодого писателя не оправдались. Бѣлинскій, прочитавъ «Бѣдныхъ людей» еще въ рукописи, пришелъ отъ нихъ въ восторгъ и пожелалъ познакомиться съ «новымъ Гоголемъ». Подробности этого очень важнаго въ жизни Достоевскаго событія сохранены для потомства въ воспоминаніяхъ самого Ѳедора Михайловича, а также въ воспоминаніяхъ И. Панаева, Анненкова и Григоровича. Въ этихъ воспоминаніяхъ много противорѣчій, но они касаются мелочей; главные же факты передаются почти одинаково. Судя по этимъ воспоминаніямъ, дѣло было приблизительно такъ. По совѣту Григоровича, Достоевскій отдалъ свою повѣсть не Краевскому, издателю «Отечественныхъ записокъ» а Некрасову, предпринявшему изданіе «Петербургскаго сборника». «Бѣдные люди» привели Некрасова въ восторгъ, и онъ не замедлилъ съ рукописью отправиться къ Бѣлинскому. «Новый Гоголь явился!» закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ «Бѣдными людьми». «У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ», строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Въ тотъ же день, по разсказу Достоевскаго, или черезъ нѣсколько дней, какъ передаетъ Панаевъ, Бѣлинскій, ложась спать, взялъ «Бѣдныхъ людей», думая прочесть немного, но съ первой же страницы рукопись заинтересовала его. «Онъ увлекался ею болѣе и болѣе, не спалъ всю ночь и прочелъ ее разомъ, не отрываясь. Утромъ (у Достоевскаго—вечеромъ) Некрасовъ—продолжаетъ Панаевъ—засталъ Бѣлинскаго уже въ восторженномъ, лихорадочномъ состояніи. Въ такомъ положеніи

онъ обыкновенно ходилъ по комнатѣ въ безпокойствѣ, въ нетерпѣніи, весь взволнованный. Въ эти минуты ему непремѣнно нуженъ былъ близкій человѣкъ, которому бы онъ могъ передать переполнявшія его впечатлѣнія... Нечего говорить, какъ Бѣлинскій обрадовался Некрасову. «Давайте мнѣ Достоевскаго!» были первыя слова его. Потомъ онъ, задыхаясь, передалъ ему свои впечатлѣнія; говорилъ, что «Бѣдные люди» обнаруживаютъ громадный, великій талантъ, что авторъ ихъ пойдетъ далѣе Гоголя и прочее».

Наконецъ произошло свиданіе Бѣлинскаго и Достоевскаго. Достоевскій говоритъ, что его привели къ Бѣлинскому на другой день послѣ того, какъ Некрасовъ отнесъ ему рукопись «Бѣдныхъ людей». Но принимая во вниманіе приведенные разсказы Панаева и Анненкова, это свиданіе, по всей вѣроятности, произошло нѣсколько позже. «Когда къ нему (Бѣлинскому)—говоритъ Панаевъ—привезли Достоевскаго, онъ встрѣтилъ его съ нѣжною, почти отцовскою любовью и тотчасъ же высказался передъ нимъ *весь*, передалъ ему вполнѣ свой энтузіазмъ».—«Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно—говоритъ Достоевскій объ этомъ свиданіи:—но не прошло, кажется, и минуты, какъ все преобразилось... Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: «Да вы понимаете-ль сами-то,—повторилъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивая по своему обыкновенію,—что это вы такое написали?.. Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили-ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать (пять) лѣтъ ужъ это понимали... Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобъ ощупать можно было рукой, чтобъ самому не разсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!»—Все это онъ тогда говорилъ мнѣ и многимъ другимъ», прибавляетъ Достоевскій.

Восторженныя похвалы Бѣлинскаго необыкновенно сильно подѣйствовали на такую впечатлительную натуру, какъ Достоевскій. «Я вышелъ отъ него—вспоминалъ Достоевскій въ 1877 году—въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь, всѣмъ существомъ своимъ, ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ. (А я былъ тогда страшный мечтатель). «И неужели вправду я такъ великъ», стыдливо думалъ я про себя

въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. О, не смѣйтесь—спѣшитъ прибавить Ѳедоръ Михайловичъ—никогда потомъ я не думалъ, что я великъ, но тогда—развѣ можно было это вынести!»

Прежде Достоевскій читалъ «съ увлеченіемъ» статьи Бѣлинскаго, но самого критика считалъ «грознымъ и страшнымъ»; теперь этотъ «грозный и страшный» критикъ превратился въ его восторженнаго поклонника. И Достоевскій не остался въ долгу передъ «неистовымъ Виссаріономъ».—«Какіе люди, какіе люди! Вотъ, гдѣ люди!—мысленно восклицалъ онъ по адресу кружка Бѣлинскаго.—О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ... Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они, пребуду вѣренъ!.. У нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, къ нимъ!»—Въ эти минуты Бѣлинскій былъ для Достоевскаго такой свѣтлой, высоконравственной личностью, что послѣдній стыдился и боялся своего восторженнаго цѣнителя. «О, какъ я легкомысленъ, и если бы Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи!» «Я все это думалъ,—вспоминалъ Достоевскій потомъ о своей первой встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ,—я припоминаю ту минуту въ самой полной ясности. И никогда потомъ я не могъ забыть ее. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ» *).

II.

Увлеченіе съ обѣихъ сторонъ было вполнѣ искренно, но непродолжительно, да и не могло быть продолжительнымъ у такихъ страстныхъ натуръ, какъ Достоевскій и Бѣлинскій.

«Бѣдные люди» ввели Достоевскаго въ кружокъ Бѣлинскаго, куда попасть было не легко; но болѣе близкое знакомство молодого писателя съ Бѣлинскимъ произошло только осенью 1845 г. по возвращеніи Достоевскаго изъ Ревеля, гдѣ онъ провелъ, кажется, все лѣто у брата. «Я бываю весьма часто у Бѣлинскаго»,—писалъ Ѳедоръ Михайловичъ своему брату 8-го октября 1845 г. Въ эти посѣщенія происходили тѣ оживленныя и горячія бесѣды и споры, содержаніе которыхъ Достоевскій въ 1873 г. передавалъ въ такомъ видѣ: «Въ первые дни знакомства, привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ (Бѣлинскій) тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру... Я засталъ его страстнымъ

---

*) Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго, XI, 29—33. Изд. Маркса. Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“, сс. 404—405, Спб. 1876.—Сочиненія Д. В. Григоровича, XII, 272. Изд. Маркса.—Анненковъ. „Воспоминанія и критическіе очерки“, III, 138.

соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма». Нѣкоторыя антирелигіозныя выходки «неистоваго Виссаріона» возмущали и оскорбляли Достоевскаго до слезъ, но это не помѣшало ему сдѣлаться послѣдователемъ и ученикомъ Бѣлинскаго. «Я страстно принялъ тогда все ученіе его»,—говоритъ самъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» за 1873 г.*).

Бѣлинскій съ своей стороны на первыхъ порахъ полюбилъ Достоевскаго, и какъ человѣка, и какъ писателя, въ которомъ онъ видѣлъ *«доказательство передъ публикой* и оправданіе мнѣній своихъ» (слова и курсивъ Достоевскаго) о созданіи Гоголемъ новаго направленія въ русской литературѣ.

«Въ припадкѣ отеческой нѣжности къ новонародившемуся таланту,—говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—Бѣлинскій относился къ нему (Достоевскому), какъ къ сыну, какъ къ своему «дитяткѣ». И дѣйствительно, Бѣлинскій заботился о матеріальныхъ средствахъ Достоевскаго, о доставленіи ему новыхъ знакомствъ и т. д. Въ письмахъ Достоевскаго къ его брату Михаилу мы встрѣчаемъ рядъ указаній на это любовное, отеческое отношеніе Бѣлинскаго къ молодому автору. «Бѣлинскій двѣ недѣли тому назадъ прочелъ мнѣ полное наставленіе, какимъ образомъ можно ужиться въ нашемъ литературномъ мірѣ, и въ заключеніе объявилъ мнѣ, что я непремѣнно долженъ, ради спасенія души своей, требовать за мой печатный листъ не менѣе 200 руб. асс... Онъ ко мнѣ до-нельзя расположенъ... Бѣлинскій любитъ меня какъ нельзя болѣе... Надняхъ Тургеневъ и Бѣлинскій разбранили меня въ прахъ за безпорядочную жизнь. Эти господа ужъ и не знаютъ, какъ любить меня, влюблены въ меня всѣ до одного... Бѣлинскій охраняетъ меня отъ антрепренеровъ» **).

Всѣ эти отзывы относятся къ осени 1845 г, которая является медовымъ мѣсяцемъ дружбы Бѣлинскаго и Достоевскаго. Въ это время Достоевскій писалъ свою вторую повѣсть «Двойникъ», которая на первыхъ порахъ встрѣтила со стороны Бѣлинскаго самое восторженное отношеніе. Знаменитый критикъ, узнавъ отъ Достоевскаго идею и содержаніе повѣсти, «понукаетъ» автора «дописывать Голядкина», разглашаетъ о новомъ произведеніи въ литературномъ мірѣ и, охраняя Достоевскаго отъ «антрепренеровъ», чуть не запродаетъ повѣсть Краевскому. Повѣсть эта была окончена въ концѣ января 1846 г., но еще «въ началѣ декабря 1845 г. Бѣлинскій настоялъ,—говоритъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя»,—чтобы я прочелъ у него хоть двѣ-три главы этой повѣсти. Для этого онъ устроилъ даже вечеръ

*) Достоевскій, IX, 172, 175.

**) Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883. Томъ I. (Матеріалы для жизнеописанія Достоевскаго. Стр. 1—332. Письма Достоевскаго. Изъ записной книжки Достоевскаго. Стр. 1—375. Приложенія. Стр. 1—122). Письма, стр. 38—43.

(чего почти никогда не дѣлывалъ) и созвалъ своихъ близкихъ... Три или четыре главы, которыя я прочелъ, понравились Бѣлинскому чрезвычайно». «Бѣлинскій,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Григоровичъ,—невѣрно указывая мѣстомъ чтенія квартиру Некрасова,—сидѣлъ противъ автора, жадно ловилъ каждое его слово и мѣстами не могъ скрыть своего восхищенія, повторяя, что одинъ только Достоевскій могъ доискаться до такихъ изумительныхъ психологическихъ тонкостей».

Иного рода воспоминанія сохранилъ объ этомъ чтеніи Анненковъ. «Бѣлинскому,—по словамъ автора «Замѣчательнаго десятилѣтія»,—нравился и этотъ разсказъ по силѣ и полнотѣ разработки оригинально-странной темы, но мнѣ показалось, что критикъ имѣетъ еще заднюю мысль, которую не считаетъ нужнымъ высказать тотчасъ же. Онъ безпрестанно обращалъ вниманіе Достоевскаго на необходимость *набить руку*, что называется, въ литературномъ дѣлѣ, пріобрѣсти способность легкой передачи своихъ мыслей, освободиться отъ затрудненій изложенія. Бѣлинскій, видимо, не могъ освоиться съ тогдашней, еще расплывчатой манерой разсказчика, возвращавшагося поминутно на старыя свои фразы, повторявшаго и измѣнявшаго ихъ до безконечности, и относилъ эту манеру къ неопытности молодого писателя, еще не успѣвшаго одолѣть препятствій со стороны языка и формы. Но, Достоевскій,—прибавляетъ Анненковъ,—выслушивалъ наставленія ритика благосклонно и равнодушно. Внезапный успѣхъ, полученныйи его повѣстью, сразу оплодотворилъ въ немъ тѣ сѣмена и зародыш высокаго уваженія къ самому себѣ и высокаго понятія о себѣ, какія жили въ его душѣ. Успѣхъ этотъ болѣе чѣмъ освободилъ его отъ сомнѣній и колебаній, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторовъ: онъ еще принялъ его за вѣщій сонъ, пророчившій вѣнцы и капитоліи» *).

Восторженное отношеніе Бѣлинскаго и его друзей къ «Бѣднымъ людямъ» настолько вскружило голову Достоевскому, что онъ не шутя вообразилъ себя не только первымъ среди тогдашнихъ молодыхъ писателей, но даже выше Гоголя. Да и какъ бы не закружиться такой горячей и самолюбивой головѣ, какая была у Достоевскаго? О «Бѣдныхъ людяхъ» еще до выхода ихъ въ свѣтъ «говоритъ уже полъ-Петербурга... Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ С(оллогубъ) рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ... Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій

---

*) Достоевскій, XI, 358.—Григоровичъ, XII, 273.—Анненковъ, III, 138—139.

то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать... Тургеневъ влюбился въ меня... У меня бездна идей; и нельзя мнѣ разсказать что-нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу, напр., чтобы назавтра во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то».

Все это собственныя слова Достоевскаго въ его письмахъ къ брату. А тутъ еще Бѣлинскій, который любитъ Достоевскаго «какъ нельзя болѣе», и который, прослушавъ зауряднѣйшее его произведеніе: «Романъ въ девяти письмахъ», сказалъ автору, что онъ, первый критикъ, совершенно въ немъ увѣренъ, что онъ можетъ «браться за совершенно различные элементы». Тотъ же самый Бѣлинскій говоритъ, что молодой писатель «профанируетъ себя», помѣщая свои статьи въ «Зубоскалѣ», юмористическомъ альманахѣ Некрасова. Все это Достоевскій слышитъ во второй половинѣ 1845 года, до выхода въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей». Но вотъ выходятъ «Бѣдные люди». Посыпались страшныя ругательства и не менѣе страшныя похвалы. «Публика въ остервенѣніи... Дебаты пошли ужаснѣйшіе. Ругаютъ, ругаютъ, ругаютъ, а все-таки читаютъ. Альманахъ расходится неестественно, ужасно. Есть надежда, что черезъ 2 недѣли не останется ни одного экземпляра». «Зато какія похвалы слышу я, братъ!—восторженно продолжаетъ Достоевскій.—Представь себѣ, что наши всѣ, и даже Бѣлинскій, нашли, что я даже далеко ушелъ отъ Гоголя... Во мнѣ находятъ (Бѣлинскій и прочіе) новую оригинальную струю, состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезисомъ, т.-е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое, Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубокъ, какъ я». А вотъ отзывы друзей Достоевскаго и мнѣніе его самого о «Двойникѣ». «Голядкинъ,—пишетъ Достоевскій брату въ томъ же письмѣ отъ 1-го февраля 1846 года,—въ десять разъ выше «Бѣдныхъ людей». Наши говорятъ, что послѣ «Мертвыхъ душъ» на Руси не было ничего подобнаго, что произведеніе геніальное и чего-чего ни говорятъ они! Съ какими надеждами они всѣ смотрятъ на меня! Дѣйствительно, Голядкинъ удался мнѣ до-нельзя. Понравится онъ тебѣ, какъ не знаю что! Тебѣ онъ понравится даже лучше «Мертвыхъ душъ», я это знаю» *).

Если въ ноябрѣ 1845 года Достоевскій заявилъ брату, что онъ «теперь *почти* упоенъ собственной славой своей», то въ началѣ 1846 года, послѣ выхода въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей», онъ былъ *вполнѣ* упоенъ этой славой. «У меня будущность преблистательная», вырвалось у Достоевскаго въ томъ же февральскомъ письмѣ, послѣднемъ восторженномъ письмѣ молодого писателя. Послѣ устныхъ дифирамбовъ, которые слышалъ Достоевскій по поводу «Бѣдныхъ людей» и «Двойника», послѣдовала критика ихъ въ печати, и молодой писатель,

---

*) „Письма Достоевскаго“, стр. 41—44.

самолюбіе котораго достигло крайней степени, которому уже грезились «вѣнцы и капитоліи», не могъ не замѣтить разницы между словесными и печатными отзывами.

III.

«Петербургскій сборникъ», гдѣ впервые были напечатаны «Бѣдные люди», вышелъ 15-го января 1846 года. Слухи «о новомъ Гоголѣ» и о его повѣсти давно уже циркулировали въ литературныхъ кружкахъ Петербурга, и имя Достоевскаго было по слухамъ знакомо столичному интеллигентному міру. Но Бѣлинскій не утерпѣлъ, чтобы и своимъ провинціальнымъ читателямъ не сообщить о новомъ писателѣ! «Наступающій годъ,—мы знаемъ это навѣрное,—писалъ Бѣлинскій въ январской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1846 годъ по поводу романа Жоржъ-Зандъ «Мельникъ»,—долженъ сильно возбудить вниманіе публики однимъ новымъ литературнымъ именемъ, которому, *кажется*, суждено играть въ нашей литературѣ одну изъ такихъ ролей, какія даются слишкомъ немногимъ. Что это за имя, чье оно, чѣмъ замѣчательно, обо всемъ этомъ мы пока умолчимъ, тѣмъ болѣе, что все это сама публика узнаетъ на-дняхъ». Въ февральской книгѣ Бѣлинскій посвятилъ «Петербургскому сборнику» небольшую рецензію, гдѣ опять сказано о Достоевскомъ, что ему, «*какъ кажется*, суждено играть значительную роль въ нашей литературѣ», и прибавлено еще, что «такими произведеніями, какъ «Бѣдные люди» и «Двойникъ», обыкновенные таланты не начинаютъ своего поприща». А въ «Журнальной всячинѣ» Бѣлинскій заявилъ, что такими произведеніями «для многихъ было бы славно и блистательно даже и закончить свое литературное поприще; но такъ начать—это, въ добрый часъ молвить, что-то ужъ слишкомъ необыкновенное» *).

Всякаго начинающаго писателя подобныя отзывы, да еще такого критика, какъ Бѣлинскій, привели бы въ восторгъ. Но Достоевскій слышалъ и не такіе отзывы отъ того же самаго Бѣлинскаго. Въ интимныхъ бесѣдахъ онъ слышалъ, что онъ «далеко ушелъ отъ Гоголя», а такъ какъ авторъ «Мертвыхъ душъ» былъ объявленъ геніемъ, то и Достоевскій считалъ себя уже геніемъ. Да и самъ Бѣлинскій одно время не прочь былъ считать его геніемъ. «Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ!» такъ писалъ онъ впослѣдствіи Анненкову. И вдругъ въ печатныхъ отзывахъ вмѣсто *генія* только *талантъ*, правда, талантъ необыкновенный, но все-таки талантъ. Достоевскій думалъ и брату писалъ, что у него «будущность преблистательная»; а Бѣлинскій, говоря объ этой будущности, два раза подрядъ употребилъ слово «кажется». Для Достоевскаго, самолюбіе котораго «расхле-

---

**) „Сочиненія Бѣлинскаго", X, 374, 386, 426. Изд. 1860 г.

сталось» (его собственное выраженіе) до крайней степени, эти, повидимому, ничтожныя оговорки значили очень многое. Но впереди предстоялъ еще подробный разборъ «Бѣдныхъ людей», обѣщанный Бѣлинскимъ въ упомянутой рецензіи.

Наконецъ, появился и этотъ разборъ, и Достоевскій нашелъ тамъ очень много лестныхъ отзывовъ о своемъ талантѣ и о своихъ первыхъ повѣстяхъ. Талантъ у него «необыкновенный и самобытный». Онъ «глубоко знаетъ à priori» жизнь и сердце человѣческое. У него необыкновенное умѣнье «смѣшить и потрясать душу читателя въ одно и то же время». «Такого неисчерпаемаго богатства фантазіи не часто случается встрѣчать и въ талантахъ огромнаго размѣра». «Бѣдные люди» и «Двойникъ»—«произведенія необыкновеннаго размѣра». Отношенія Дѣвушкина къ Варенькѣ обрисованы «съ удивительнымъ искусствомъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ». Вообще, частности «Бѣдныхъ людей»—«превосходны и этихъ частностей такъ много, что легче перечесть весь романъ, нежели пересчитать все, что въ немъ превосходнаго, потому что онъ весь въ цѣломъ превосходенъ». Направленіе автора самое симпатичное: «честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: «вѣдь это тоже люди, ваши братья!» Такіе же лестные отзывы были и о «Двойникѣ». Мысль сдѣлать героемъ романа сумасшедшаго—«смѣлая и выполненная авторомъ съ удивительнымъ мастерствомъ!» Въ «Двойникѣ» еще больше творческаго таланта и глубины мысли, нежели въ «Бѣдныхъ людяхъ», и т. д., и т. д.

Все это очень лестные отзывы, но все это было не то, чего ожидалъ Достоевскій. Но что всего ужаснѣе, эти лестные отзывы были пересыпаны многочисленными оговорками, съ которыми самолюбію Достоевскаго было крайне больно согласиться. Талантъ Достоевскаго самобытный, его «нельзя назвать подражателемъ Гоголя», тѣмъ не менѣе въ обоихъ его романахъ замѣтно «сильное вліяніе Гоголя даже въ оборотѣ фразы; Гоголю онъ обязанъ болѣе, чѣмъ Лермонтовъ Пушкину». Хотя вліяніе Гоголя на Достоевскаго не будетъ продолжительно, но все-таки «Гоголь навсегда останется, такъ сказать, его отцомъ по творчеству» и «Коломбомъ той неизмѣрной и неистощимой области творчества, въ которой долженъ подвизаться Достоевскій». Такъ, какъ Достоевскій, «еще никто не начиналъ изъ русскихъ писателей». Но отсюда вовсе не слѣдуетъ,—спѣшитъ оговориться Бѣлинскій,—чтобы Достоевскій по таланту былъ выше своихъ предшественниковъ. Мысль, что Достоевскій выше Гоголя, Бѣлинскій прямо называлъ «нелѣпой». Романъ «Бѣдные люди» и въ цѣломъ и въ частностяхъ превосходенъ, однакожъ «лицо Вареньки какъ-то не совсѣмъ опредѣленно и неоконченно», а журналъ ея «по мастерству изложенія нельзя сравнить съ письмами Дѣвушкина: замѣтно, что авторъ тутъ

былъ не совсѣмъ, какъ говорится, у себя дома». «Двойникъ»—превосходное произведеніе; но «почти всѣ лица въ немъ... говорятъ почти одинаковымъ языкомъ», мѣстами въ немъ встрѣчается «вовсе ненужное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ». Бѣлинскій старается защитить «Двойникъ» отъ упрековъ, что этотъ романъ «несносно растянутъ и оттого ужасно скученъ»; онъ старается доказать, что это не растянутость, а «излишняя плодовитость», что «каждое отдѣльное мѣсто въ этомъ романѣ—верхъ совершенства»; но все-таки, въ концѣ концовъ, критикъ долженъ былъ сознаться, что упреки въ растянутости справедливы не только по отношенію къ «Двойнику», но и по отношенію къ «Бѣднымъ людямъ». Вообще,—по отзыву перваго критика,—талантъ Достоевскаго огромный и сильный, но еще молодой и неопытный, который не можетъ высказаться опредѣленно.

Всѣ приведенныя оговорки сдѣланы Бѣлинскимъ въ высшей степени мягко и деликатно: видимо, онъ старался щадить «расхлеставшееся» самолюбіе Достоевскаго; зная, какъ возгордился молодой писатель своимъ талантомъ и необычайнымъ успѣхомъ «Бѣдныхъ людей», знаменитый критикъ сдѣлалъ ему необходимое предостереженіе: «Да спасетъ его богъ вдохновенія отъ гордой мысли презирать мнѣніе даже профановъ искусства, когда они всѣ говорятъ одно и то же!» Наконецъ, для ободренія Достоевскаго, талантъ котораго по выходѣ «Двойника» начали развѣнчивать, Бѣлинскій написалъ слѣдующія пророческія строки: «Его талантъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много въ продолженіи его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы».

Статья Бѣлинскаго о «Петербургскомъ сборникѣ» произвела на Достоевскаго самое удручающее дѣйствіе. Давно-ли ему говорили, что «Двойникъ» — «произведеніе геніальное», а теперь не только общій голосъ читателей рѣшилъ, что это произведеніе крайне скучное, но и первый критикъ, несмотря на всѣ свои оговорки, въ глубинѣ души раздѣляетъ общее мнѣніе. Въ устныхъ бесѣдахъ друзья Достоевскаго были съ нимъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ въ печати. И вотъ результатъ этихъ откровенныхъ бесѣдъ. «Слава моя,—пишетъ Достоевскій брату 1-го апрѣля 1846 года,—достигла до апогеи (!). Въ два мѣсяца обо мнѣ, по моему счету, было говорено около 35 разъ въ различныхъ изданіяхъ. Въ иныхъ хвала до небесъ, въ другихъ съ исключеніями, а въ третьихъ руготня напропалую. Чего лучше и выше? Но вотъ что гадко и мучительно: свои, наши, Бѣлинскій, и всѣ мною недовольны за Голядкина. Первое впечатлѣніе было безотчетный восторгъ, говоръ, шумъ, толки. Второе—критика. Именно: всѣ, всѣ съ общаго говору, т.-е. *наши* и вся публика, нашли, что до того Голядкинъ скученъ и вялъ, до того растянутъ, что читать нѣтъ возмож-

ности». Неудача «Двойника» сильно потрясла Достоевскаго: онъ нашелъ въ своемъ «геніальномъ произведеніи» огромные недостатки, впалъ въ уныніе и даже заболѣлъ съ горя. «Идея о томъ,—писалъ онъ брату,—что я обманулъ ожиданія и испортилъ вещь, которая могла бы быть великимъ дѣломъ, убивала меня. Мнѣ Голядкинъ опротивѣлъ. Многое въ немъ писано наскоро и въ утомленіи... Рядомъ съ блистательными страницами, есть скверность, дрянь, изъ души воротитъ, читать не хочется» *).

Если самъ Достоевскій такъ сильно, хотя и на время, разочаровался въ своемъ «Двойникѣ», то, понятно, онъ не могъ особенно негодовать и на своихъ друзей, въ частности, на Бѣлинскаго, который, вопреки своему характеру такъ мягко старался, говоря словами Анненкова, «высвободить его талантъ отъ резонерскихъ наклонностей и сообщить ему сильные, такъ сказать, нервы и мускулы, которые помогли бы овладѣвать предметами прямо, сразу, не надрываясь въ попыткахъ» **). Въ 1846 году Достоевскій поддерживаетъ самыя близкія отношенія съ Бѣлинскимъ и его семьей и старается оказывать ему услуги. Онъ пишетъ для задуманнаго Бѣлинскимъ альманаха двѣ повѣсти: «Сбритыя бакенбарды» и «Повѣсть объ уничтоженныхъ канцеляріяхъ» — «обѣ съ потрясающимъ трагическимъ интересомъ», по отзыву Достоевскаго. Услугу эту Достоевскій могъ считать очень важной. Слава его въ это время достигла апогея. «Публика ждетъ моего съ нетерпѣніемъ», писалъ онъ брату. Самъ Бѣлинскій былъ такого же мнѣнія. Высказывая желаніе получить вторую часть повѣсти «Кто виноватъ?», онъ писалъ Герцену: «такія повѣсти (если 2 и 3 часть не уступаютъ первой) являются рѣдко, и въ моемъ альманахѣ она была бы капитальной статьей, раздѣляя восторгъ публики съ повѣстью Достоевскаго («Сбритыя бакенбарды»), а это было бы больше, нежели сколько можно желать издателю альманаха даже и во снѣ, не только на яву» ***). Въ маѣ того же года, когда Бѣлинскій предпринялъ со Щепкинымъ путешествіе на югъ Россіи, а семья Бѣлинскаго уѣхала въ Ревель, Достоевскій пишетъ брату письмо, въ которомъ проситъ его и его жену встрѣтить жену и свояченицу Бѣлинскаго какъ можно любезнѣе: «Пожалуйста, прими хорошенько, и если можно, то даже не худо бы было пригласить ихъ къ обѣду — и m-me Бѣлинскую и ея интереснѣйшую сестрицу... Попитай ихъ дамскій эгоизмъ какъ можно болѣе участіемъ къ нимъ, и разумѣется, какъ можно менѣе толкуй о литературѣ» ****). Въ концѣ лѣта Достоевскій привозитъ жену и своя-

---

*) „Письма Достоевскаго", стр. 46.

**) Анненковъ, II, 138.

***) „Письма Бѣлинскаго", стр. 86. Изд. Зинченко. „Сбритыя бакенбарды" были написаны, но не удовлетворили автора и не были напечатаны.

****) „Письма Достоевскаго", стр. 48.

ченицу Бѣлинскаго изъ Ревеля въ Петербургъ и потомъ часто заходить къ нимъ справляться, не возвратился ли Виссаріонъ Григорьевичъ.

По возвращеніи Бѣлинскаго въ Петербургъ, Достоевскій попрежнему посѣщаетъ его квартиру, но отношенія ихъ далеко уже не носятъ прежняго интимнаго характера. Положеніе автора «Бѣдныхъ людей» въ это время было довольно тяжелое. Недавніе поклонники его таланта теперь всячески раздражали его самолюбіе, писали на него юмористическіе стихи, вовлекали его въ щекотливые разговоры и т. д. Бѣлинскому не нравилось такое неделикатное отношеніе къ болѣзненно-самолюбивому писателю, и онъ старался останавливать своихъ друзей. Достоевскій не могъ не видѣть и не чувствовать деликатности Бѣлинскаго и сохранилъ съ нимъ отношенія долѣе, чѣмъ съ остальными членами кружка. Съ Некрасовымъ у Достоевскаго еще въ ноябрѣ 1846 года произошла «грязная исторія» на почвѣ денежныхъ счетовъ. «Я разругалъ Некрасова въ пухъ», сообщалъ Достоевскій брату. Приблизительно тогда же разошелся Достоевскій съ Тургеневымъ. «Только съ нимъ (Бѣлинскимъ) я сохранилъ прежнія добрыя отношенія. Онъ человѣкъ благородный». Такъ писалъ Достоевскій брату 26-го ноября 1846 года. «Бываю у Бѣлинскаго», сообщаетъ Достоевскій брату и въ письмѣ 17-го декабря 1846 года. Но какія холодныя отношенія были въ это время между Достоевскимъ и Бѣлинскимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго незначительнаго факта. Въ только что упомянутомъ письмѣ Достоевскій сообщилъ брату, что жена Бѣлинскаго родила, а когда братъ Достоевскаго полюбопытствовалъ, кто родился, мальчикъ или дѣвочка, то получилъ такой отвѣтъ въ постскриптумѣ слѣдующаго письма: «не знаю, что родила m-me Бѣлинская. Слышалъ, что кричитъ за двѣ комнаты ребенокъ, а спросить какъ-то совѣстно и странно». Значитъ, самъ счастливый отецъ не счелъ нужнымъ подѣлиться съ Достоевскимъ своею семейною радостью. Достоевскій, конечно, не могъ не обидѣться такою холодностью своего прежняго восторженнаго поклонника. Не могъ также не обижаться онъ и тѣмъ предпочтеніемъ, которое Бѣлинскій оказывалъ другимъ своимъ знакомымъ и друзьямъ, въ томъ числѣ Тургеневу и Некрасову, съ которыми Достоевскій поссорился *).

IV.

Не могъ также Достоевскій не замѣтить, что Бѣлинскій еще больше охладѣлъ къ нему, какъ къ писателю. Явное недовольство великимъ критикомъ звучитъ въ письмѣ Достоевскаго къ брату: «Что же касается до Бѣлинскаго, то это такой слабый человѣкъ, что даже въ

---

*) „Воспоминанія Головачевой-Панаевой“, стр. 159. „Письма Достоевскаго“ стр. 60, 63.

литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ» *). Всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были кончиться, когда появился въ печати обзоръ русской литературы 1846 года. Въ этомъ обзорѣ уже безъ всякихъ обиняковъ указаны недостатки первыхъ произведеній Достоевскаго. «Почти всѣ единогласно—писалъ Бѣлинскій,—нашли въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго способность утомлять читателя, даже восхищая его, и приписали это свойство одни—растянутости, другіе—неумѣренной плодовитости. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что если бы «Бѣдные люди» явились хотя десятой долей въ меньшемъ объемѣ, и авторъ имѣлъ бы предусмотрительность поочистить ихъ отъ излишнихъ повтореній однѣхъ и тѣхъ же фразъ и словъ,—это произведеніе явилось бы безукоризненно-художественнымъ». «Въ «Двойникѣ»,—говорится дальше, —авторъ обнаружилъ огромную силу творчества, характеръ героя концепированъ глубоко и смѣло, ума и истины въ этомъ произведеніи много, художественнаго мастерства тоже; но вмѣстѣ съ этимъ тутъ видно страшное неумѣніе владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ «Бѣдныхъ людяхъ» было извинительными для перваго опыта недостатками, въ «Двойникѣ» явилось чудовищными недостатками». «Мы убѣждены,—прибавляетъ Бѣлинскій — что если бы Достоевскій укоротилъ своего «Двойника», по крайней мѣрѣ, цѣлой третью, повѣсть его могла бы имѣть успѣхъ». Другой существенный недостатокъ «Двойника», по указанію Бѣлинскаго,—«фантастическій колоритъ» повѣсти. «Фантастическое въ наше время—писалъ Бѣлинскій, — можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ». О третьей повѣсти Достоевскаго «Господинъ Прохарчинъ» сказано, что она «всѣхъ почитателей таланта Достоевсваго привела въ непріятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ искры таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ читателю... Не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то вродѣ... какъ бы эго сказать?—не то умничанья, не то претензіи... иначе она не была бы такой вычурной, манерной, непонятной, болѣе похожей на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе». Въ заключеніе своихъ отзывовъ критикъ давалъ Достоевскому благой совѣтъ еще поучиться у Гоголя.

Если Достоевскій остался недоволенъ разборомъ «Петербургскаго сборника», то еще болѣе непріятно было для него читать обзоръ литературы 1846 года. Разочарованіе автора относительно «Двойника» было временное; скоро самолюбіе Достоевскаго опять «расхлесталось». «О Голядкинѣ я слышу исподтишка (и отъ многихъ),—писалъ онъ брату,—такіе слухи, что ужасъ. Иные прямо говорятъ, что это про-

*) „Письма Достоевскаго", стр. 58.

изведеніе *чудо* и не понято, что ему страшная роль въ будущемъ, что еслибъ я написалъ одного Голядкина, то довольно съ меня». А Бѣлинскій не только не отказался отъ своихъ прежнихъ оговорокъ при оцѣнкѣ этого «чуда», но даже прибавилъ къ нимъ новыя, еще болѣе обидныя для авторскаго самолюбія, тогда какъ благопріятные отзывы критика о талантѣ Достоевскаго въ обзорѣ литературы 1846 года были значительно ослаблены редакціонными поправками. Такъ, напримѣръ, вмѣсто словъ Бѣлинскаго: «въ «Двойникѣ» авторъ обнаружилъ *огромную* силу творчества; характеръ героя принадлежитъ къ числу *самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ концепцій*, какими только можетъ похвалиться русская литература; ума и истины въ этомъ произведеніи *бездна*, художественнаго мастерства также»—въ «Современникѣ» было напечатано: «въ «Двойникѣ» автора обнаружилъ *замѣчательную* силу творчества; характеръ героя концепированъ *глубоко и смѣло*, истины въ этомъ произведеніи *много*». Въ отзывѣ Бѣлинскаго о «Господинѣ Прохарчинѣ», вмѣсто напечатанныхъ въ «Современникѣ» словъ: «искры таланта», въ рукописи Бѣлинскаго стоитъ: «яркія искры большого таланта» и т. д.

По свидѣтельству Головачевой-Панаевой, «Достоевскій оскорбился этимъ разборомъ» и перестали бывать у Панаева и даже кланяться при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ. Въ это же время, по всей вѣроятности, Достоевскій перестали посѣщать и Бѣлинскаго *).

Въ оправдательной запискѣ по дѣлу Петрашевскаго Достоевскій объясняетъ свой разрывъ съ Бѣлинскимъ несогласіемъ въ вопросѣ о направленіи литературы. «Въ мірѣ литераторовъ—говоритъ Θедоръ Михайловичъ въ этомъ недавно опубликованномъ и крайне интересномъ документѣ **),—очень многимъ небезызвѣстны мой споръ и мой окончательный разрывъ съ Бѣлинскимъ въ послѣдніе годы его жизни. Извѣстна также причина этого разлада: дѣло шло о взглядахъ на литературу и о направленіи ея. Мои взгляды были діаметрально противопротивоположны взглядамъ Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ старается дать литературѣ особое, недостойное ея назначеніе, низводя ее *только* до описыванія, если можно такъ выразиться, *газетныхъ фактовъ* или скандальныхъ происшествій. Я именно возражалъ ему, что желчью никого къ себѣ не привлекаютъ и что смертельно можно надоѣсть всѣмъ и каждому, если останавливать перваго попавшагося на дорогѣ, если хватать за пуговицу сюртука всякаго

---

*) „Письма Достоевскаго". с. 63. „Семь статей Бѣлинскаго", ст. 138—141. М. 1898. воспоминанія „Голавачевой-Панаевой", с. 197.

**) Записка эта извлечена изъ архива бывшаго „третьяго отдѣленія" г-жою Ниною Гофманъ, написавшею на нѣмецкомъ языкѣ біографію Достоевскаго. Записка эта напечатана въ газетѣ „Бержевыя Вѣдомости", хотя, къ сожалѣнію, въ переводѣ съ нѣмецкаго перевода (1899 года №№ 215—217), и въ журналѣ „Космополисъ" 1898 г., № 9.

прохожаго, чтобы насильно прочитать ему проповѣдь и научить лучшему. Бѣлинскій сдѣлался золъ на меня, и такъ мы дошли, наконецъ, начиная съ охлажденія, до полнаго разрыва, такъ что въ теченіе послѣдняго года его жизни мы ни разу не видѣлись».

Приведенное заявленіе крайне подозрительно. Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Достоевскаго говорится, что Бѣлинскій съ первыхъ же дней своего знакомства съ авторомъ «Бѣдныхъ людей» началъ обращать его въ свою вѣру и проповѣдовать атеизмъ, причемъ «ругалъ Христа». Изъ тѣхъ же воспоминаній мы знаемъ, что «бѣшеныя выходки» «неистоваго Виссаріона» приводили Достоевскаго въ негодованіе и оскорбляли его до слезъ. Но религіозныя разногласія не помѣшали сближенію и даже дружбѣ вѣрующаго и религіознаго Достоевскаго съ «атеистомъ» Бѣлинскимъ. Можно ли повѣрить, что споръ объ искусствѣ и о направленіи литературы вызвалъ разрывъ Достоевскаго со знаменитымъ критикомъ? Очевидно, дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ говоритъ Достоевскій въ своей оправдательной запискѣ.

Не разногласія въ вопросахъ о задачахъ искусства были причиной разрыва, а нѣчто другое. Въ «Дневникѣ писателя» 1873 года Достоевскій сдѣлалъ уже совершенно иное заявленіе о своемъ разрывѣ съ Бѣлинскимъ. «Мы разошлись, — говорится тамъ, — *отъ разнообразныхъ причинъ*, весьма, впрочемъ, *неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ*». Мы едва ли ошибемся, если этими «неважными причинами» будемъ считать охлажденіе Бѣлинскаго къ таланту Достоевскаго и разрывъ послѣдняго съ друзьями великаго критика. Можно указать, за что именно Бѣлинскій и «не взлюбилъ» Достоевскаго. «Я страстно принялъ тогда все ученіе его», заявилъ самъ Достоевскій тотчасъ же вслѣдъ за упоминаніемъ, что Бѣлинскій не взлюбилъ его. Слѣдовательно, Бѣлинскій не взлюбилъ его не за различіе убѣжденій. Не взлюбилъ онъ его за «чудовищное самолюбіе», за то самолюбіе, подъ вліяніемъ котораго Достоевскій сказалъ Тургеневу, что «никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ». Не могли нравиться Бѣлинскому и тѣ слухи, которые доходили до него о Достоевскомъ, будто бы онъ «страшно бранитъ всѣхъ и не хочетъ ни съ кѣмъ изъ кружка продолжать знакомства, что онъ разочаровался во всѣхъ, что это все завистники, безсердечные и ничтожные люди». Мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, до конца 1846 года, Достоевскій дѣлалъ исключеніе для Бѣлинскаго и считалъ его «благороднымъ человѣкомъ»; но Бѣлинскій-то этого не зналъ и могъ думать, что Достоевскій, дѣйствительно, считаетъ охлажденіе къ его таланту слѣдствіемъ зависти или неспособности оцѣнить его «геніальныя» произведенія *).

*) „Сочиненія Достоевскаго“, IX, 172. „Сочиненія Григоровича“, XII, 274.— „Воспоминанія Головачевой-Панаевой“, стр. 160.

V.

«Двойникъ» и «Господинъ Прохарчинъ» повели къ «разложенію славы» Достоевскаго въ журналахъ. У автора «Бѣдныхъ людей» стали отрицать всякій талантъ и при этомъ не упускали случая задѣть Бѣлинскаго, который-де захвалилъ молодого писателя. «Сѣверная Пчела» печатала цѣлые фельетоны, гдѣ доказывалось, что у Достоевскаго нѣтъ ни искорки таланта. А извѣстный поэтъ Губеръ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нападалъ на «новую критику», которая «пожаловала молодого литератора въ геніи первой степени и вознесла его на такую высоту, на которой поневолѣ голова закружится». Впослѣдствіи Григоровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ тоже высказалъ, что «неумѣренно-восторженныя похвалы Бѣлинскаго положительно вредно отразились на Достоевскомъ», и что еще болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на автора «Бѣдныхъ людей» «рѣзкій поворотъ на его счетъ въ мнѣніи Бѣлинскаго и его кружка». «Неожиданность перехода—говоритъ Григоровичъ—отъ поклоненія и возвышенія автора «Бѣдныхъ людей» чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени» *).

Губеру Бѣлинскій могъ отвѣтить, что «критика, на которую онъ мѣтитъ и которая, по его словамъ, превознесла автора «Бѣдныхъ людей» на головокружительную высоту, явилась въ печати ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ «Двойникъ» (Приключенія господина Голядкина) былъ уже напечатанъ. Слѣдовательно, автору «Бѣдныхъ людей» не было никакой возможности испортить своей второй повѣсти вслѣдствіе головокруженія отъ похвалъ первой. Но Григоровича такой отвѣтъ не удовлетворилъ бы: онъ зналъ отъ Достоевскаго, жившаго съ нимъ на одной квартирѣ, что еще прежде печатнаго разбора «Бѣдныхъ людей» и «Двойника» авторъ этихъ произведеній былъ провозглашенъ въ кружкѣ Бѣлинскаго геніемъ и что «Двойникъ» писался подъ впечатлѣніемъ «неумѣренно-восторженныхъ похвалъ», если не печатныхъ, то устныхъ. Григоровичу Бѣлинскій могъ бы отвѣтить, что «рѣзкаго поворота» въ мнѣніи насчетъ Достоевскаго у него, критика, не было, а было только медленное охлажденіе къ таланту молодого автора, не оправдавшаго общихъ ожиданій, возбужденныхъ «Бѣдными людьми». Всѣмъ же, кто склоненъ былъ обвинять печатно или устно Бѣлинскаго въ разложеніи славы Достоевскаго, знаменитый критикъ

*) „Сочиненія Григоровича“ XII, 273—274.

могъ сказать то же самое, что онъ сказалъ Губеру: «Мы и теперь считаемъ Достоевскаго человѣкомъ съ рѣшительнымъ талантомъ, и на основаніи этого-то мнѣнія и думаемъ, что ни похвала, ни брань не могутъ имѣть на него никакого вліянія; въ противномъ же случаѣ мы считали бы этотъ талантъ и нерѣшительнымъ и ничтожнымъ». Къ этому самооправданію Бѣлинскій могъ бы прибавить, что если бы у Достоевскаго не было «чудовищнаго самолюбія», если бы ему не грезились «вѣнцы и капитоліи», если бы онъ внимательнѣе слушалъ совѣты «набить руку», прежде чѣмъ вдаваться въ неизвѣданныя еще области искусства, — тогда послѣдовавшія за «Бѣдными людьми» повѣсти молодого писателя не потерпѣли бы такого фіаско, какое выпало на ихъ долю вполнѣ заслуженно.

Какъ ни непріятно было Бѣлинскому принимать участіе въ «разложеніи славы» Достоевскаго и подавать лишній поводъ къ нападкамъ на «новую критику», онъ не могъ пройти молчаніемъ новую его повѣсть «Хозяйка». «Будь подъ нею подписано какое-нибудь неизвѣстное имя, мы бы не сказали о ней ни слова». Такъ начинаетъ Бѣлинскій свой отзывъ объ этой повѣсти въ обзорѣ русской литературы 1847 года. Изъ всѣхъ длинныхъ, патетическихъ монологовъ этой повѣсти критикъ не понялъ «ни единаго слова». «Не только мысль, даже смыслъ этой повѣсти,—говоритъ Бѣлинскій,—остается и останется тайной для нашего разумѣнія, пока авторъ не издастъ необходимыхъ поясненій и толкованій на эту дивную загадку его причудливой фантазіи». «Авторъ хотѣлъ—говорится дальше—попытаться помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши сюда немного юмору въ новѣйшемъ родѣ и сильно натеревши лакомъ русской народности. Удивительно ли, что вышло что-то чудовищное?.. Во всей этой повѣсти нѣтъ ни одного простого и живого слова или выраженія: все изысканно, натянуто, на ходуляхъ, поддѣльно и фальшиво».

Легко представить, какъ подѣйствовалъ на самолюбиваго Достоевскаго этотъ отзывъ авторитетнаго критика. «Я пишу мою «Хозяйку» сообщалъ онъ брату зимою 1846—1847 года:—уже выходитъ лучше «Бѣдныхъ людей». Это въ томъ же родѣ. Перомъ моимъ водитъ родникъ вдохновенія, выбивающійся прямо изъ души». И вдругъ оказалось, что новая повѣсть не только не лучше «Бѣдныхъ людей», но ниже всякой критики. «Мнѣ все кажется,—писалъ Достоевскій еще раньше—что я завелъ процессъ со всею нашею литературою, журналами и критиками» *). Вопросъ шелъ объ установленіи Достоевскимъ своего первенства среди тогдашнихъ русскихъ писателей. Заявленія такого рода неоднократно встрѣчаются въ его письмахъ. И вдругъ вмѣсто признанія первенства самый пренебрежительный отзывъ перваго критика.

*) Письмо Достоевскаго, сс. 59, 63.

Интимные отзывы Бѣлинскаго о новомъ произведеніи Достоевскаго еще пренебрежительнѣе, чѣмъ печатные. Въ концѣ 1847 года онъ писалъ Анненкову о «Хозяйкѣ», что «повѣсть до того пошла, глупа и бездарна, что на основаніи ея начала ничего нельзя (какъ ни бейся) развить». А въ письмѣ къ тому же Анненкову отъ 15/27 февраля 1848 года Бѣлинскій писалъ слѣдующее: «Достоевскій написалъ повѣсть «Хозяйка»—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавъ немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о «Бѣдныхъ людяхъ». Я трепещу при мысли перечитать ихъ,—такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ! О Тургеневѣ не говорю: онъ тутъ былъ самимъ собою, а ужъ обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ». Далѣе, въ томъ же письмѣ, заявивъ о своемъ «сильнѣйшемъ омерзѣніи» къ Руссо, Бѣлинскій продолжаетъ: «Онъ такъ похожъ на Достоевскаго, который убѣжденъ глубоко, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его» *).

Письмо, откуда сдѣланы приведенныя выдержки, было продиктовано Бѣлинскимъ за два мѣсяца до своей смерти. Съ такими крайне нелестными мнѣніями о Достоевскомъ, какъ писателѣ и человѣкѣ, великій критикъ, по всей вѣроятности, и умеръ. Даже къ прежнимъ произведеніямъ Достоевскаго, которыя когда-то нравились Бѣлинскому, онъ теперь рѣшительно охладѣлъ. Прочитанный осенью 1845 года въ кружкѣ Бѣлинскаго «Романъ въ девяти письмахъ»—«произвелъ фуроръ». А въ 1848 году Бѣлинскій насилу дочиталъ этотъ разсказъ, занимающій менѣе печатнаго листа. Только къ однимъ «Бѣднымъ людямъ» отношеніе Бѣлинскаго почти не измѣнилось до конца его жизни. Въ рецензіи, написанной по поводу выхода этого романа отдѣльнымъ изданіемъ, критикъ называетъ его лучшимъ произведеніемъ Достоевскаго и однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы.

Подводя итоги критическимъ отзывамъ Бѣлинскаго о Достоевскомъ, нельзя не признать, что великій русскій критикъ первый провидѣлъ въ авторѣ «Бѣдныхъ людей» геніальнаго писателя и первый предсказалъ ему блестящую будущность, хотя и оговорился, что «его талантъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ». Бѣлинскій же вѣрно указалъ и на отношеніе Достоевскаго къ Гоголю; онъ отмѣтилъ «сильное вліяніе» автора «Шинели» въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго и предсказалъ, что авторъ

*) „Анненковъ и его друзья“, ст. 598, 610. Спб. 1890.

«Бѣдныхъ людей» пойдетъ «дальше Гоголя» и глубже его проникнетъ въ ту область искусства, которую открылъ Гоголь. Бѣлинскій же вѣрно опредѣлилъ и характерныя особенности таланта Достоевскаго, сказавъ, что его талантъ «не сатирическій, не описательный, но въ высокой степени творческій». Сначала, въ первомъ разборѣ «Бѣдныхъ людей» Бѣлинскій заявилъ, что юморъ—преобладающій характеръ таланта Достоевскаго, но впослѣдствіи онъ поправился и указалъ, что главная сила и оригинальность этого таланта въ «глубокомъ пониманіи и художественномъ воспроизведеніи трагической стороны жизни». Не могъ Бѣлинскій не замѣтить и не оцѣнить и гуманныхъ тенденцій, которыя руководили авторомъ «Бѣдныхъ людей», его глубокаго сочувствія къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» «бѣдностью и несовершенствомъ нашей жизни»; «Многіе могутъ подумать,—писалъ Бѣлинскій, разбирая «Петербургскій сборникъ»,—что въ лицѣ Дѣвушкина авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, у котораго умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнью. Была бы большая ошибка думать такъ. Мысль автора гораздо глубже и гуманнѣе: онъ въ лицѣ Макара Алексѣевича показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святого лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ»...

Бѣлинскій уже по первымъ произведеніямъ Достоевскаго указалъ и тѣ его недостатки, отъ которыхъ онъ не освободился въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, а именно: «многословность и растянутость, иногда утомляющія читателя, нѣкоторое однообразіе въ способѣ выражаться, частыя повторенія фразъ въ любимыхъ авторомъ оборотахъ, мѣстами недостатокъ въ обработкѣ, мѣстами излишество въ отдѣлкѣ, несоразмѣрность въ частяхъ». «Вообще легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что много вредитъ ему», писалъ Бѣлинскій въ 1848 году. Но всѣ эти недостатки выкупаются, по мнѣнію Бѣлинскаго, «поразительной истиной въ изображеніи дѣйствительности, мастерской обрисовки характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ и... глубокимъ пониманіемъ и художественнымъ... воспроизведеніемъ трагической стороны жизни».

Позднѣйшая литературная критика почти ничего не прибавила къ сдѣланной Бѣлинскимъ оцѣнкѣ первыхъ повѣстей Достоевскаго, какъ художественныхъ произведеній. «Бѣдные люди», по общему признанію, являются лучшимъ произведеніемъ Достоевскаго въ первый періодъ его дѣятельности, а послѣдующія его повѣсти признаются наиболѣе слабыми его произведеніями. Впослѣдствіи эти неудачныя и осужденныя Бѣлинскимъ произведенія интересовали публицистическую и научную критику, которая нашла тамъ не мало интереснаго. Такъ, Добролюбовъ пользовался «Двойникомъ» и «Господиномъ Прохарчинымъ» для своей характеристики «забитыхъ людей». Н. К. Михайловскій на-

шелъ въ этихъ повѣстяхъ матеріалъ для характеристики «жестокаго таланта» Достоевскаго. Профессоръ Чижъ въ своемъ очеркѣ «Достоевскій, какъ психопатологъ» *), пользовался «Двойникомъ», «Господиномъ Прохарчинымъ» и «Хозяйкой» для доказательства своихъ крайне интересныхъ выводовъ. Г. Вл. Случевскій нашелъ въ «Двойникѣ» и «Хозяйкѣ» матеріалы для своей статьи: «Достоевскій и внушеніе» **). Но и лица, пользовавшіяся для своихъ спеціальныхъ цѣлей указанными произведеніями Достоевскаго, не могли не замѣтить ихъ крупныхъ недостатковъ. Добролюбовъ не имѣлъ силы прочитать всего «Двойника». Н. К. Михайловскій вслѣдъ за Бѣлинскимъ отмѣтилъ въ этой повѣсти обиліе мелочей. Для профессора Чижа въ «Двойникѣ» «основная тема представляется затемненною»; «картина развитія помѣшательства Голядкина не полна»; кромѣ того, даже для психіатра «достоинство этой повѣсти значительно уменьшается... введеніемъ рѣдкаго случая—появленія двойника». «Хозяйка», даже съ психіатрической точки зрѣнія, слабѣйшее изъ мелкихъ произведеній Достоевскаго, «такъ какъ въ ней совсѣмъ не очерчено, въ чемъ состояла болѣзнь двухъ дѣйствующихъ лицъ (хозяйки и старика)».

Совершенно иначе относится къ этой повѣсти г. Случевскій. Приступая къ ея анализу со своей спеціальной точки зрѣнія, онъ высказалъ сожалѣніе, что «повѣсть эта не получила и по настоящее время удовлетворительной литературной оцѣнки». «Теперь,—говоритъ г. Случевскій по поводу отзыва Бѣлинскаго о «Хозяйкѣ»,—эпитеты: «чудовище», «страшная, непонятная вещь...» никого удовлетворить не могутъ». Взявъ подъ свою защиту эту неудачную повѣсть, г. Случевскій, очевидно, смѣшиваетъ двѣ различныхъ точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія внушенія повѣсть Достоевскаго становится понятной и представляетъ нѣкоторый интересъ. Но какъ художественное произведеніе, это одна изъ самыхъ неудачныхъ повѣстей Ѳедора Михайловича. «Достоевскій взялся въ ней,—говоритъ профессоръ Буличъ,—за лица, какихъ онъ никогда не видалъ, за изображеніе совершенно незнакомой ему жизни; его фантазія, опиравшаяся на знакомый ему міръ бѣднаго петербургскаго чиновничества, оказалась въ этомъ случаѣ совершенно безсильною, а странный языкъ въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ—безжизненною поддѣлкою подъ народную рѣчь» ***). Приведенный отзывъ гораздо мягче отзыва Бѣлинскаго, но сущность обоихъ мнѣній, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ тридцатью годами, одинакова. Теперь уже нельзя сказать, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, что смыслъ этой повѣсти—тайна для нашего разумѣнія, но сама повѣсть

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., май и іюнь, а также отдѣльно.

**) „Книжки Недѣли“ 1893 г., январь и февраль.

***) Зелинскій. „Критическій комментарій къ сочиненіямъ Достоэвскаго“, I 204—205.

все-таки остается и останется слабѣйшимъ изъ слабыхъ произведеній Достоевскаго *).

Самъ Достоевскій, несмотря на свое самолюбіе, не могъ не согласиться, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми замѣчаніями своего учителя. Бѣлинскій скоро охладѣлъ къ «Двойнику», и Достоевскій, какъ было упомянуто, тоже нашелъ въ немъ «скверность и дрянь». Бѣлинскій находилъ необходимымъ сократить «Двойникъ» на одну треть, а «Бѣдныхъ людей» на одну десятую, и Достоевскій сокращаетъ свою первую повѣсть въ отдѣльномъ изданіи и мечтаетъ издать «Двойникъ» въ исправленномъ видѣ. Но и передѣланнымъ «Двойникомъ», появившимся въ собраніи сочиненій 1865 года, Достоевскій остался недоволенъ. «Повѣсть эта,—говоритъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя» за 1877 годъ,—мнѣ положительно не удалась, но идея ея была довольно свѣтлая, и серьезнѣе этой идеи я никогда ничего въ литературѣ не проводилъ. Но форма этой повѣсти мнѣ не удалась совершенно. Я сильно исправилъ ее потомъ, лѣтъ пятнадцать спустя, для тогдашняго «Общаго собранія» моихъ сочиненій, но и тогда опять убѣдился, что это вещь совсѣмъ неудавшаяся, и если бы я теперь принялся за эту идею и изложилъ ее вновь, то взялъ бы совсѣмъ другую форму; но въ 46 году этой формы я не нашелъ и повѣсти не осилилъ» **).

VI.

Гораздо сильнѣе сказалось вліяніе Бѣлинскаго на міросозерцаніи молодого писателя. Самъ Достоевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, въ «Дневникѣ писателя» за 1873 г., заявилъ: «я страстно принялъ тогда *все* ученіе его». «Ученіе» же Бѣлинскаго въ то время, по свидѣтельству Достоевскаго, состояло въ соціализмѣ и атеизмѣ. «Я засталъ его,—говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ,—страстнымъ соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма». Въ другомъ мѣстѣ того же «Дневника», говоря о петрашевцахъ, Достоевскій вспоминаетъ: «Мы заражены были идеями тогдашняго теоретическаго соціализма...

«Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исклю-

---

*) Насколько Бѣлинскій былъ близокъ къ тому пониманію „Хозяйки", которое предложилъ г. Случевскій, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ критика о купцѣ Муринѣ: „Въ глазахъ у него столько электричества, гальванизма и магнетизма, что иной физіологъ предложилъ бы ему хорошую цѣну за то, чтобы онъ снабжалъ его по временамъ, если не глазами, то хоть молніеносными, искрящимися взглядами, для учебныхъ наблюденій и опытовъ".

**) „Сочиненія Достоевскаго", I, 358.

ченія человѣчества. Мы еще задолго до парижской революціи 48 года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46 году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго «обновленнаго міра» и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ» *). Если бы Достоевскій захотѣлъ быть справедливѣе къ своему учителю, онъ несомнѣнно упомянулъ бы не только о томъ, что Бѣлинскій сдѣлалъ его «соціалистомъ» и старался сдѣлать «атеистомъ», но также и о томъ, что онъ, Достоевскій, усвоилъ многіе взгляды критика на явленія тогдашней русской дѣйствительности.

Переходъ Достоевскаго изъ кружка Бѣлинскаго въ кружокъ Петрашевскаго былъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ. Авторъ «Бѣдныхъ людей» явился туда не только съ «идеями тогдашняго теоретическаго соціализма», но и съ готовой почти программой внутреннихъ реформъ, причемъ освобожденіе крестьянъ стояло у него, такъ же, какъ и у Бѣлинскаго, на первомъ планѣ. Сходился Достоевскій съ своимъ учителемъ и въ способѣ осуществленія этой реформы. Бѣлинскій, какъ извѣстно, ждалъ освобожденія крестьянъ отъ самодержавной власти, и Достоевскій въ отвѣтъ на сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, по свидѣтельству А. П. Милюкова, «рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ». Правда, существуетъ другое показаніе, идущее отъ петрашевца Пальма, будто бы Достоевскій въ пылу спора о способахъ освобожденія крестьянъ воскликнулъ, что крестьяне должны быть освобождены, «хотя бы черезъ возстаніе»; но въ этомъ восклицаніи, если оно дѣйствительно вырвалось у Достоевскаго, нельзя не видѣть минутной вспышки **). Въ своей оправдательной запискѣ онъ говоритъ, что «все хорошее, бывшее когда-либо въ Россіи, начиная съ Петра Великаго, всегда шло сверху внизъ, съ престола, а снизу ничего еще не всплыло, кромѣ эгоизма и грубости». Это мнѣніе,—прибавляетъ Достоевскій,—извѣстно многимъ, которые его знаютъ, потому что приведенныя слова онъ часто повторялъ въ собраніяхъ петрашевцевъ.

Кромѣ освобожденія крестьянъ, «самыми живыми современными національными вопросами въ Россіи» для Бѣлинскаго были «отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго исполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть», распространеніе образованія, ослабленіе «татарской цензуры» и т. д. И въ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ мы встрѣчаемъ указанія, что «въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь», что въ кружкѣ петрашевцевъ онъ производилъ сильное впечатлѣніе своими разсказами о жестокихъ наказаніяхъ солдатъ и о

---

*) „Сочиненія Достоевскаго", IX, 172, 175, 337—338. Курсивъ Достоевскаго.

**) А. П. Милюковъ. „Литературныя встрѣчи и знакомства", стр. 177. Спб. 1790 „Матеріалы для жизнеописанія Достоевскаго", стр. 85.

жестокомъ обращеніи помѣщиковъ со своими крѣтостными *). О цензурѣ же, отравлявшей существованіе Бѣлинскаго, мы находимъ очень смѣлыя строки въ оправдательной запискѣ Достоевскаго. Достоевскій сознается, что онъ жаловался въ кружкѣ Петрашевскаго на «чрезмѣрную строгость» цензуры, которая сдѣлала положеніе русской литературы невыносимымъ и унизила званіе писателя, относясь къ нему, «какъ къ врагу верховной власти еще прежде, чѣмъ онъ написалъ что-нибудь», и собираясь калѣчить рукописи еще прежде, чѣмъ онѣ будутъ просмотрѣны. Подобное «недоразумѣніе» Достоевскій называлъ «гибельнымъ» и протестовалъ «всѣми силами» противъ того неразумнаго и подозрительнаго отношенія къ писателю, когда у него «въ самой невинной и чистой фразѣ ищутъ преступной мысли», созданной запуганнымъ воображеніемъ цензора.

Послѣ только что указанной солидарности взглядовъ Достоевскаго и Бѣлинскаго на многіе вопросы внутренней политики, насъ не должно удивлять отношеніе Достоевскаго къ знаменитому письму Бѣлинскаго о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя. Получивъ отъ поэта Плещеева изъ Москвы это письмо, Достоевскій въ мартѣ 1849 года прочелъ его у Петрашевскаго, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и, наконецъ, отдалъ Момбелли для списанія копіи. Эти факты установлены официальнымъ слѣдствіемъ по дѣлу петрашевцевъ. Милюковъ прибавляетъ къ этому, что Достоевскій, кромѣ того читалъ письмо «въ разныхъ знакомыхъ домахъ и давалъ списывать съ него копіи» **). Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Достоевскій читалъ этотъ знаменитый обвинительный актъ дореформенной Россіи «съ полнымъ сочувствіемъ», какъ выразился Орестъ Миллеръ. Сочувствіе это, конечно, не могло распространяться на рѣзкія антирелигіозныя выходки Бѣлинскаго и вообще на рѣзкія выраженія письма, но основному содержанію этого документа Достоевскій не могъ не сочувствовать вполнѣ.

Слѣдуетъ оговориться, что мнѣніе Ореста Миллера не подтверждается показаніями самого Достоевскаго въ его оправдательной запискѣ; но надо имѣть въ виду, при какихъ условіяхъ была написана эта записка. Главными обвиненіями, выставленными противъ Достоевскаго слѣдствіемъ по дѣлу петрашевцевъ, были, во-первыхъ, непозволительные разговоры о политикѣ, о цензурѣ и т. д., во-вторыхъ, чтеніе и распространеніе письма Бѣлинскаго, которое въ дѣлѣ названо «полнымъ дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти». Достоевскій не могъ не понимать, что второе изъ этихъ обвиненій самое опасное, и не могъ въ силу этого не приложить особыхъ стараній для того, чтобы, насколько возможно, ослабить

*) Милюковъ, стр. 182. „Матеріалы“, стр. 90—91.
**) „Матеріалы“, стр. 97. Миклюковъ, стр. 184.

эти обвиненія. Достоевскій сознается, что давно хотѣлъ прочесть письма Бѣлянскаго и Гоголя, такъ какъ переписка такихъ выдающихся лицъ представляетъ «довольно замѣчательный литературный памятникъ». Но обвиненіе въ публичномъ чтеніи и распространеніе этого письма Достоевскій старается по возможности ослабить: онъ старается доказать, что если письмо было прочитано у Петрашевскаго, то произошло это почти вопреки его, Достоевскаго, желанію. «Петрашевскій,— говоритъ Ѳедоръ Михайловичъ въ своей оправдательной запискѣ,— случайно замѣтилъ у меня въ рукахъ это письмо и спросилъ: «Что это такое?» Такъ какъ у меня не было времени показать ему тотчасъ же, то я обѣщалъ принести его въ пятницу. Я самъ вызвался сдѣлать это и долженъ былъ сдержать слово». Вынужденный публично прочесть письмо, Достоевскій воздержался отъ всякихъ комментаріевъ и даже отъ выраженія своего одобренія или неодобренія. «Можетъ ли тотъ, кто указалъ на меня,—спрашиваетъ Достоевскій,—сказать, на сторонѣ кого изъ обоихъ переписывавшихся я сталъ? Пусть онъ вспомнитъ, было ли въ моихъ взглядахъ (которыхъ, впрочемъ, я не высказывалъ), или въ моихъ намѣреніяхъ, въ моихъ жестахъ что-нибудь такое, которое могло бы свидѣтельствовать, что я пристрастенъ къ тому или другому изъ нихъ! Конечно, онъ этого не скажетъ». «Статью эту я прочиталъ,—говоритъ Достоевскій въ другомъ мѣстѣ оправдательной записки,—какъ литературный памятникъ, ни больше, ни меньше, твердо убѣжденный, что она никому не придется по вкусу, хотя она не лишена нѣкотораго литературнаго значенія. Что касается меня, то я не согласенъ буквально ни съ однимъ изъ заключающихся въ немъ преувеличеній».

Но если Достоевскій не былъ во всемъ согласенъ съ авторомъ знаменитаго письма, то почему же онъ воздержался отъ какихъ бы то ни было замѣчаній? Свою сдержанность Достоевскій объясняетъ, во-первыхъ, уваженіемъ къ Бѣлинскому, во-вторыхъ, своимъ разладомъ съ нимъ. «Изъ уваженія,—говоритъ Достовскій, — къ умершему уже человѣку, имѣвшему большое значеніе въ свое время, къ человѣку, сужденія котораго цѣнятся благодаря его нѣкоторымъ литературно-эстетическимъ статьямъ, дѣйствительно, написаннымъ съ большимъ знаніемъ литературы; наконецъ, изъ щекотливаго чувства, вызваннаго во мнѣ именно моимъ разладомъ съ нимъ (который многимъ извѣстенъ) изъ-за этихъ идей,—я прочиталъ все письмо, воздерживаясь отъ всякаго замѣчанія и съ полною безпристрастностью». Да это письмо, по заявленію оправдательной записки, и не нуждалось въ опроверженіи. «Письмо Бѣлинскаго,—говорится тамъ, — слишкомъ странно написано, чтобы оно могло встрѣтить симпатію съ чьей-либо стороны. Ругательства отталкиваютъ сердца вмѣсто того, чтобы привлекать, а все письмо исполнено ругательствъ и желчи». Далѣе Достоевскій указываетъ, что письмо это было написано Бѣлинскимъ вь болѣзненномъ

состояніи, подъ вліяніемъ истощенія физическихъ и умственныхъ силъ, а также подъ вліяніемъ «раздражительнаго и чувствительнаго самолюбія», которое къ тому же будто бы было оскорблено тѣмъ, что «редакція («Современника») связала ему руки и не давала ему писать слишкомъ уже серьезныя статьи». «Сталъ ли бы, я—патетически восклицаетъ Достоевскій, — выставлять статью человѣка, съ которымъ какъ разъ я вступилъ въ споръ изъ-за идей (это не тайна, это всѣмъ извѣстно), къ тому же написанную въ состояніи болѣзни, въ состояніи умственной и душевной расшатанности,—сталъ ли бы я выставлять эту статью въ качествѣ образца, въ качествѣ формулы, которой необходимо держаться?»

Оправдательная записка, какъ извѣстно, не достигла цѣли. Судьи Достоевскаго никакъ не могли повѣрить, чтобы можно было неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ читать письмо ради одного только литературнаго его значенія или ради одного имени Бѣлинскаго. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ такое явленіе: человѣкъ читаетъ письмо въ разныхъ домахъ, даетъ списывать съ него копіи, вообще, старается всячески распространять его среди знакомыхъ и въ то же время твердо убѣжденъ, что письмо никому не придется по вкусу, а впослѣдствіи отрекается отъ всякой солидарности съ содержаніемъ этого письма? Такъ можно было поступать только съ цѣлью дискредитировать письмо Бѣлинскаго въ глазахъ общества. Но подобнаго заявленія въ оправдательной запискѣ Достоевскаго мы не находимъ.

Не повѣрили Достоевскому его судьи полвѣка тому назадъ; не повѣритъ ему и современный читатель. Не все въ знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго «ругательства и желчь», не подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія оно написано, и не имѣлъ Достоевскій права отрекаться отъ солидарности, если не со всѣми, то, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми взглядами, выраженными въ этомъ письмѣ.

Въ своей оправдательной запискѣ Достоевскій заодно съ письмомъ Бѣлинскаго не пощадилъ и самого автора. Было уже упомянуто о томъ, какъ невѣрно Достоевскій объясняетъ въ этой запискѣ причину своего разрыва съ Бѣлинскимъ—несогласіемъ во взглядахъ на задачи и направленіе литературы. Но Достоевскій не ограничился обвиненіемъ Бѣлинскаго въ стараніи низвести литературу до голаго протоколизма. Онъ высоко цѣнитъ Бѣлинскаго, какъ человѣка, и считаетъ его однимъ изъ лучшихъ людей; онъ признаетъ «большое значеніе» литературной дѣятельности великаго критика, и отдаетъ должное «нѣкоторымъ» статьямъ его, «дѣйствительно написаннымъ съ большимъ знаніемъ литературы». Но въ то же время Достоевскій находитъ въ литературной дѣятельности своего учителя коренной недостатокъ, «отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ отрѣшиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который постепенно увеличивался по мѣрѣ истощенія его физическихъ и умственныхъ силъ подъ вліяніемъ болѣзни». Недоста-

токъ этотъ—чрезмѣрная догматичность статей Бѣлинскаго и безапелляціонность его приговоровъ *). Знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю для автора оправдательной записки — «примѣръ безъ доказательствъ». Точно также смотритъ Достоевскій и на всю критическую дѣятельность Бѣлинскаго, въ особенности на его послѣднія, лучшія, статьи. Кромѣ того, въ запискѣ до крайности преувеличено вліяніе болѣзни Бѣлинскаго. «Какъ человѣкъ, — писалъ Достоевскій о Бѣлинскомъ,—онъ былъ одинъ изъ лучшихъ. Но болѣзнь, которая его сломила, сломила въ немъ также и человѣка. Она сдѣлала его умъ жестокимъ и рѣзкимъ и переполнила желчью его сердце. Его разстроенное, чрезмѣрное воображеніе увеличивало все до гигантскихъ размѣровъ и показывало ему только такія вещи, которыя онъ самъ былъ въ состояніи видѣть. У него появились недостатки и ошибки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ, обнаруживалось чрезвычайно раздражительное и чувствительное самолюбіе».

Не одинъ Достоевскій оставилъ намъ свидѣтельства о крайней нетерпимости и раздражительности Бѣлинскаго, а также о его чувствительномъ самолюбіи. Объ этихъ недостаткахъ не считаютъ нужнымъ умалчивать такіе друзья великаго критика, какъ Тургеневъ и Анненковъ. Разница только въ томъ, что люди, для которыхъ память Бѣлинскаго была священна, объяснили намъ, что всѣ крайности, въ которыя впадалъ «неистовый Виссаріонъ», исходили изъ его «великаго сердца».

VII.

Вліяніе каторги сказалось на Достоевскомъ неизгладимыми физическими и нравственными послѣдствіями. Припадки падучей, которыми Достоевскій страдалъ еще до ареста, усилились во время пребыванія въ Сибири. Тамъ же было положено начало и тому измѣненію міросозерцанія Достоевскаго, которое обнаружилось уже въ эпоху изданія «Времени», а особенно рѣзко выразилось въ «Дневникѣ писателя». Но въ отношеніяхъ Достоевскаго къ памяти Бѣлинскаго вліяніе каторги на первыхъ порахъ почти незамѣтно. Даже напротивъ, онъ относится къ своему бывшему учителю и другу гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать, судя по отзывамъ оправдательной записки. Въ далекой Сибири Достоевскій часто вспоминалъ о великомъ критикѣ и, вспоминая свою первую встрѣчу съ нимъ, «укрѣплялся духомъ». Объ этой «самой восхитительной минутѣ во всей жизни своей» Достоевскій напомнилъ и въ романѣ «Униженные и оскорбленные», появившемся въ журналѣ «Время» за 1861 годъ. Иванъ Петровичъ, отъ лица кото-

*) Этотъ взглядъ на Бѣлинскаго Достоевскій усвоилъ отъ Валеріана Майкова.

раго разсказывается романъ,—это самъ Достоевскій, а первое литературное произведеніе разсказчика, внѣ всякаго сомнѣнія,—«Бѣдные люди». «Б. обрадовался, какъ ребенокъ, прочитавъ мою рукопись», разсказываетъ Иванъ Петровичъ. Этотъ Б., конечно, Бѣлинскій. Въ семьѣ Ихменевыхъ Иванъ Петровичъ читалъ свой романъ и много разсказывалъ о Бѣлинскомъ. Разсказы эти были такого свойства, что старикъ Ихменевъ «началъ читать критическія статьи Б(ѣлинскаго), котораго онъ почти не понималъ, но говорилъ до восторга и горько жаловался на враговъ его, писавшихъ въ «Сѣверномъ Трутнѣ» (т.-е. въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгарина). «Онъ былъ человѣкъ хорошій, великодушный, симпатичный, съ чувствомъ, съ сердцемъ», говоритъ Достоевскій о Бѣлинскомъ устами того же Ихменева.

Одновременно съ романомъ «Униженные и оскорбленные» Достоевскій напечаталъ въ журналѣ «Время» статью «Г—бовъ (Добролюбовъ) и вопросъ объ искусствѣ». Въ началѣ этой статьи, защищая «блестящую дѣятельность Бѣлинскаго» отъ нареканій со стороны «Отечественныхъ записокъ», Ѳедоръ Михайловичъ, между прочимъ, заявилъ, что, «въ двухъ страницахъ Бѣлинскаго сказано больше объ исторической части русской литературы, чѣмъ во всей дѣятельности «Отечественныхъ записокъ», съ 48 года до нашихъ временъ», то-есть до 1861 года. Сочувственный отзывъ о Бѣлинскомъ находится и въ объявленіи о подпискѣ на журналъ «Время» 1862 года. «Еслибъ Бѣлинскій—говорится въ этомъ объявленіи, составленномъ Достоевскимъ,—прожилъ еще годъ, онъ бы сдѣлался славянофиломъ, т.-е. попалъ бы изъ огня въ полымя; ему ничего не оставалось болѣе; да сверхъ того онъ не боялся, въ развитіи своей мысли, никакого полымя. *Слишкомъ ужъ много любилъ человѣкъ*». Наконецъ, мы имѣемъ письмо Достоевскаго отъ 5 января 1863 года къ вдовѣ Бѣлинскаго. Письмо это представляетъ очень цѣнный документъ, такъ какъ показываетъ намъ, какія чувства питалъ Достоевскій къ памяти своего учителя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. «Письмо ваше—писалъ между прочимъ Достоевскій въ отвѣтъ на письмо Марьи Васильевны Бѣлинской—произвело на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Я до того *любилъ и уважалъ вашего незабвеннаго мужа* и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ такъ пріятно было припомнить все то *лучшее время моей жизни*, что я отъ души мысленно поблагодарилъ васъ за то, что вамъ вздумалось написать ко мнѣ... Признаюсь, когда я прошлаго года былъ дней пять въ Москвѣ, мнѣ приходила мысль быть у васъ и напомнить вамъ о себѣ и о прошломъ... Намъ вѣдь много есть о чемъ переговорить, многое припомнить» *).

Очень характерно также для отношеній Достоевскаго къ памяти

*) Сочиненія Достоевскаго, IX, 45.—Приложенія, стр. 26.—„Русскія Вѣдомости“ 1894 г. № 241.

Бѣлинскаго и помѣщеніе во «Времени» статей Аполлона Григорьева съ очень сочувственными, иногда даже прямо восторженными отзывами о Бѣлинскомъ. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ этихъ статей Соловьевъ, Кавелинъ и г. Чичеринъ называются ни болѣе ни менѣе какъ учениками Бѣлинскаго, «разработавшими по частямъ общія мысли учителя» относительно русской исторіи. Въ той же самой статьѣ говорится, что Бѣлинскому «по вліянію его на наше умственное, нравственное и даже общественное развитіе принадлежитъ роль столь же первостепенная, какъ Карамзину». А заслуги Карамзина Аполлонъ Григорьевъ ставилъ такъ высоко, что находилъ сопоставленіе съ Петромъ Великимъ болѣе умѣстнымъ для Карамзина, чѣмъ для Ломоносова *).

Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ отношеніяхъ Достоевскаго къ Бѣлинскому поисходитъ рѣзкій переломъ. Въ 1876 году за границей, куда Θедоръ Михайловичъ уѣхалъ съ молодой женой, спасаясь отъ кредиторовъ, онъ пишетъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ для сборника «Чаша», задуманнаго бывшимъ сотрудникомъ «Времени» и «Эпохи» Бабиковымъ, авторомъ романа «Глухая улица». Воспоминанія эти были окончены въ Женевѣ въ сентябрѣ 1867 года и оттуда пересланы Аполлону Майкову, но напечатаны не были и затерялись вмѣстѣ съ другими статьями, предназначавшимися для сборника. Написано было всего на два печатныхъ листа, но, несмотря на такой незначительный объемъ, воспоминанія о Бѣлинскомъ отняли у Достоевскаго массу времени и труда. «Десять листовъ романа было бы легче написать, чѣмъ эти два листа»—писалъ Достоевскій Майкову 15 сентября 1867 года. Дѣло въ томъ, что Достоевскій, по собственному признанію, «взялся за такую статью сдуру». Онъ предполагалъ писать «все», но лишь только онъ приступилъ къ своимъ воспоминаніямъ, тотчасъ же убѣдился, что нѣтъ возможности написать все, что онъ хотѣлъ сказать о Бѣлинскомъ. «Изъ всего этого вышло,—говоритъ Достоевскій въ упомянутомъ письмѣ къ Майкову—что эту растреклятую статью я написалъ, если все считать въ сложности, разъ пять, и потомъ все перекрещивалъ и изъ написаннаго опять передѣлывалъ. Наконецъ, кое-какъ вывелъ статью,—но до того дрянная, что изъ души воротитъ. Сколько драгоцѣннѣйшихъ фактовъ я принужденъ былъ выкинуть! Какъ и слѣдовало ожидать, осталось все самое дрянное и золотосрединное. Мерзость!»—Статья эта до того измучила Достоевскаго, что онъ кончилъ ее «со скрежетомъ зубовнымъ» **).

Какая рѣзкая разница съ приведенными выше заявленіями Достоевскаго, что ему пріятно было вспомнить «лучшее время» своей жизни,

*) Сочиненія Аполлона Григорьева, с. 499, 546, 547. Спб. 1776.

**) Письма Достоевскаго, стр. 178.—Матеріалы, стр. 295.

время знакомства съ «незабвеннымъ» критикомъ! Читая рѣзкія выраженія Достоевскаго, нельзя не вспомнить также, съ какими чувствами, годъ спустя, писалъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ Тургеневъ. «Я писалъ старательно, два раза все переписывалъ и умиленіе испытывалъ не малое... пришли и стали воспоминанія». «Эта вещь мнѣ ближе приросла къ сердцу, чѣмъ многія другія, и мнѣ было бы больно думать, что я не умѣлъ передать очеркъ лица, столь для меня дорогого» Таковы собственныя признанія Тургенева въ письмѣ Анненкову. «Я вызвалъ его дорогую тѣнь... я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной, въ моемъ воспоминаніи...» «Человѣкъ онъ былъ!» Таковы заключительныя строки воспоминаній Тургенева о Бѣлинскомъ. А Достоевскій пишетъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ «со скрежетомъ зубовнымъ» и называетъ ихъ «растреклятой статьей». Не нужно думать, что причиною этого «скрежета» является одна невозможность писать «цензурно». Главною причиною «скрежета зубовнаго» были воспоминанія о Бѣлинскомъ, который изъ «незабвеннаго» человѣка въ глазахъ Достоевскаго превратился въ родоначальника школы «либералишекъ и прогрессистовъ», которые «ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ». Такой отзывъ о Бѣлинскомъ находится въ письмѣ Достоевскаго къ Майкову отъ 16-го—28-го августа 1867 года.

Одного этого отзыва достаточно, чтобы составить понятіе о характерѣ затерявшихся воспоминаній Достоевскаго. Но мы имѣемъ еще болѣе ужасные отзывы въ письмахъ къ Страхову, настолько ужасные, что издатели не нашли возможнымъ напечатать эти письма цѣликомъ. Но и напечатаннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что вражда къ Бѣлинскому выводила Достоевскаго, по крайней мѣрѣ, по временамъ изъ нормальнаго состоянія. Только въ ненормальномъ состояніи можно было написать, что Бѣлинскій «былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ, а потому и проклялъ Россію и принесъ ей сознательно столько вреда». Страховъ, въ письмѣ къ которому находятся эти строки, счелъ своимъ долгомъ вступиться за великаго критика. Но заступничество человѣка, котораго Достаевскій ставилъ очень высоко и считалъ «единственнымъ критикомъ въ наше время», только подлило масла въ огонь. «Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни», пишетъ Достоевскій о Бѣлинскомъ въ слѣдующемъ письмѣ Страхову. Далѣе Достоевскій увѣряетъ Страхова, что Бѣлинскій объяснилъ бы неудачу французской коммуны «заразой національности», призналъ бы русскій народъ наиболѣе способнымъ для осуществленія утопіи коммунизма «и съ пѣной у рта бросился бы вновь писать поганыя(!!) статьи свои, позоря Россію, отрицая великія явленія ея (Пушкина),— чтобъ окончательно сдѣлать Россію *вакантною* націею, способною стать во главѣ общечеловѣческаго дѣла». Достоевскій не ограничился возмутительными и въ то же время курьезными предположеніями о

томъ, что было бы съ Бѣлинскимъ, если бы онъ дожилъ до французской коммуны 1871 года. Онъ старается окончательно развѣнчать Бѣлинскаго и объяснить перемѣну въ своихъ отношеніяхъ къ знаменитому критику, котораго онъ за границей «осмыслилъ вполнѣ». До ссылки Бѣлинскій былъ для Достоевскаго, какъ видѣлъ читатель, однимъ изъ лучшихъ людей, хотя и не чуждымъ самолюбія и раздражительности, въ 1863 году Достоевскій заявляетъ о своей любви къ этому «незабвенному» человѣку; а въ 1871 году у лучшаго изъ людей оказывается «мелкое самолюбіе, злоба, нетерпѣніе, раздражительность, подлость, а, главное самолюбіе». «Онъ никогда, — говоритъ Достоевскій,—не задумался надъ тѣмъ, что онъ самъ гадокъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость».

Не зная Бѣлинскаго лично, Страховъ защищалъ его, главнымъ образомъ, какъ критика, и Достоевскій, «обругавши» Бѣлинскаго, какъ человѣка, приводитъ доказательства своего мнѣнія, что «Бѣлинскій былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ». Доказательства эти слѣдующія: «Онъ (Бѣлинскій) до безобразія поверхностно и съ пренебреженіемъ относился къ типамъ Гоголя и только радъ былъ до восторга, что Гоголь обличалъ... Онъ обругалъ Пушкина, когда тотъ бросилъ свою фальшивую ноту и явился съ «Повѣстями Бѣлкина» и съ «Арапомъ». Онъ съ удивленіемъ провозгласилъ ничтожество «Повѣстей Бѣлкина». Онъ въ повѣсти Гоголя «Коляска» не находилъ художественнаго цѣльнаго созданія и повѣсти, а только шуточный разсказъ. Онъ отрекся отъ окончанія «Евгенія Онѣгина». Онъ первый выпустилъ мысль о камеръ-юнкерствѣ Пушкина. Онъ сказалъ, что Тургеневъ не будетъ художникомъ». «Я бы могъ вамъ,—продолжаетъ Достоевскій,—набрать такихъ примѣровъ сколько угодно для доказательства неправды его критическаго чутья и «воспріимчиваго трепета», о которомъ вралъ Григорьевъ (потому что самъ былъ поэтъ)» *).

Нѣтъ надобности останавливать вниманіе читателя на приведенныхъ обвиненіяхъ и разбирать, сколько правды и лжи въ утвержденіяхъ Достоевскаго; но нельзя опять не сравнить его отзывовъ о Бѣлинскомъ съ воспоминаніями Тургенева. Сравнивая отзывы Достоевскаго и Тургенева о Бѣлинскомъ, можно даже подумать, что первый изъ нихъ точно задался цѣлью опровергнуть всѣ утвержденія второго. Для Тургенева Бѣлинскій—«идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова», для Достоевскаго — «самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни». По свидѣтельству Тургенева, «Бѣлинскій любилъ Россію», онъ былъ «даже патріотъ»; по мнѣнію Достоевскаго, онъ воспитывалъ ненависть къ Россіи. По заявленію Тургенева, «Бѣлинскій былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ... Скромность его была не-

---

*) „Письма Достоевскаго", стр. 310, 312—313.

притворна и чистосердечна». Достоевскій увѣряетъ Страхова, что Бѣлинскій «былъ доволенъ собой въ высшей степени», и что самолюбіе было преобладающей чертой его характера. Тургеневъ говоритъ, что эстетическое чутье Бѣлинскаго было «почти непогрѣшительно»; для Достоевскаго это прославленное чутье — предразсудокъ. Нѣтъ надобности доказывать, на чьей сторонѣ правда: безпристрастное потомство вѣритъ больше Тургеневу, чѣмъ Достоевскому, возмутительные отзывы котораго лишній разъ заставляютъ вспомнить его же собственныя слова: «Натура моя... слишкомъ страстная. Вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ *).

Письма Достоевскаго къ Страхову сдѣлались извѣстными только въ 1883 г. Но отраженіе того настроенія великаго писателя, которое продиктовало ему возмутительные отзывы о Бѣлинскомъ, можно найти и въ романѣ «Бѣсы», написанномъ заграницей, и въ «Дневникѣ писателя», печатавшемся въ «Гражданинѣ» за 1873 г., когда Достоевскій былъ редакторомъ этого журнала. Хотя отзывы Достоевскаго въ романѣ и въ «Дневникѣ», по сравненію съ письмами къ Страхову, и не столь возмутительны, но цѣль ихъ клонилась во всякомъ случаѣ къ дискредитированію Бѣлинскаго, по крайней мѣрѣ, въгл азахъ читателей «Русскаго Вѣстника» и «Гражданина». Читателямъ романа «Бѣсы» устами Степана Трофимовича Верховенскаго сообщалось, что Бѣлинскій въ извѣстномъ своемъ письмѣ горячо укорялъ Гоголя за то, что тотъ вѣруетъ «въ какого-то Бога». Шатовъ, устами котораго говоритъ самъ Достоевскій, доказываетъ, что Бѣлинскій не любилъ ни Россіи, ни русскаго народа, что онъ, подобно любопытному въ баснѣ Крылова, «не примѣтилъ слона въ кунсткамерѣ (т.-е. русскаго народа), а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ соціальныхъ букашекъ». Въ томъ же самомъ романѣ гимназистъ проповѣдуетъ безнравственность пятой заповѣди и ссылается на авторитетъ Бѣлинскаго, а его учитель заявляетъ, что ему «достовѣрно извѣстно», будто бы Бѣлинскій «проводилъ цѣлые вечера со своими друзьями, дебатируя и предрѣшая заранѣе даже самыя мелкія, такъ сказать, кухонныя подробности въ будущемъ соціальномъ устройствѣ».

Если у кого-нибудь и могло явиться сомнѣніе, что, вкладывая подобные отзывы въ уста своихъ персонажей, Достоевскій былъ далекъ отъ обвиненія Бѣлинскаго въ атеизмѣ и соціализмѣ, то всякія сомнѣнія должны были исчезнуть, когда въ первомъ номерѣ «Гражданина» появился «Дневникъ писателя». Во второй главѣ этого «Дневника» сообщалось, что Бѣлинскій былъ и атеистъ и соціалистъ и что, какъ беззавѣтно-восторженный человѣкъ, онъ бросился обращать въ свою вѣру и Достоевскаго. Въ проповѣди атеизма Достоевскій усматриваетъ «удиви-

*) „Письма Достоевскаго", стр. 173.

тельное чутье» Бѣлинскаго и «необыкновенную способность его глубочайшимъ образомъ проникаться идеей». «Онъ зналъ,—объясняетъ далѣе Достоевскій, — что основа всему—начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы соціализма... онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ. Но какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности—онъ отрицалъ радикально». Отрицаніе Бѣлинскаго, по заявленію Достоевскаго, не остановилось и передъ христіанствомъ и даже передъ личностью Христа. «Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами». «Вашъ Христосъ,—сказалъ однажды Бѣлинскій Достоевскому,—если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ науки... или примкнулъ бы къ соціалистамъ и пошелъ за ними».

Достоевскій предвидѣлъ, а можетъ быть, и слышалъ уже отъ почитателей Бѣлинскаго, что увлеченіе великаго критика соціализмомъ и атеизмомъ могло быть явленіемъ временнымъ, что въ будущемъ Бѣлинскому пророчили даже переходъ въ лагерь славянофиловъ. Самъ Достоевскій, какъ мы видѣли выше, когда-то раздѣлялъ это мнѣніе. Въ отвѣтъ на подобное предположеніе и въ опроверженіе собственнаго мнѣнія Достоевскій вноситъ въ «Дневникъ писателя» слѣдующія строки: «О, напрасно писали потомъ, что Бѣлинскій, если бы прожилъ дольше, примкнулъ къ славянофильству. Никогда бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій, можетъ быть, кончилъ бы эмиграціей, если бы прожилъ дольше и если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ съ прежнею теплою вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣ-нибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи, или примкнулъ бы къ какой-нибудь нѣмецкой m-me Геггъ, на побѣгушкахъ по какому-нибудь женскому вопросу». Подобное же заявленіе сдѣлалъ Достоевскій еще въ концѣ 1868 г. въ письмѣ къ Аполлону Майкову, прибавивши тамъ, что Бѣлинскій «разучился бы говорить по-русски, не выучившись все-таки по-нѣмецки».

Не остановившись передъ публичнымъ обвиненіемъ Бѣлинскаго въ соціализмѣ и атеизмѣ, Достоевскій не рѣшился повторить въ «Дневникѣ писателя» своихъ мнѣній о личности и талантѣ великаго критика. О Бѣлинскомъ, какъ критикѣ, не говорится вовсе; о Бѣлинскомъ же, какъ человѣкѣ, сообщается, что эта была «беззавѣтно во-

сторженная личность» въ теченіе всей своей жизни, что это былъ «самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи», что медленность прогресса заставляла его часто грустить, что «выше всего» онъ цѣнилъ разумъ, науку и реализмъ, но въ то же время зналъ, что «основа всему—начала нравственныя». Наконецъ, по свидѣтельству Достоевскаго, Бѣлинскій «былъ хорошимъ мужемъ и отцомъ» *). Нельзя не замѣтить рѣзкой разницы между только что проведенными отзывами Достоевскаго о личности Бѣлинскаго и тѣми, которые мы читали въ письмахъ къ Страхову. Очевидно, «Дневникъ» писался въ болѣе спокойномъ состояніи, чѣмъ письма, вслѣдствіе чего Достоевскій могъ отнестись къ своему учителю болѣе объективно, чѣмъ заграницей. Это болѣе спокойное отношеніе къ Бѣлинскому заставило Достоевскаго сдѣлать такія заявленія, на которыя можно сослаться для опроверженія его же собственныхъ отзывовъ о «неистовомъ Виссаріонѣ». Но, конечно, далеко не всѣ обвиненія, взведенныя на Бѣлинскаго Достоевскимъ, могутъ быть опровергнуты его же собственными показаніями. Отъ нѣкоторыхъ обвиненій Достоевскій не только не отказался, но даже повторялъ ихъ при удобныхъ случаяхъ.

Кромѣ печатныхъ обвиненій въ атеизмѣ, въ соціализмѣ и даже въ коммунизмѣ, Достоевскій въ частныхъ письмахъ и разговорахъ взвелъ на своего учителя такія обвиненія, которыя не могутъ быть даже обнародованы вполнѣ. Въ письмахъ къ Страхову Достоевскій упоминаетъ, что Бѣлинскій «ругалъ Христа». «О той же самой бѣшеной выходкѣ Бѣлинскаго съ тѣмъ же негодованіемъ» говорилъ Достоевскій и Оресту Миллеру года за три до своей смерти. Еще неопредѣленнѣе обвиненіе, о которомъ упоминается въ воспоминаніяхъ г. Всеволода Соловьева о Достоевскомъ. Послѣ выхода въ свѣтъ перваго номера «Гражданина» Достоевскій въ разговорѣ съ г. Соловьевымъ высказалъ сожалѣніе, что онъ не могъ сказать о Бѣлинскомъ всего, что хотѣлъ, между прочимъ, не могъ привести его собственныхъ словъ. «Онъ передалъ мнѣ—говоритъ г. Соловьевъ—одинъ разговоръ съ Бѣлинскимъ, который, дѣйствительно, напечатать нельзя и который вызвалъ съ моей стороны замѣчаніе, что вѣдь отъ слова до дѣла еще далеко, что у каждаго человѣка могутъ быть самыя чудовищныя быстролетныя мысли, и, однако, эти мысли никогда не превращаются въ дѣло, и только иные люди, въ извѣстныя минуты, любятъ съ напускнымъ цинизмомъ какъ бы похваляться какой-нибудь дикой мыслью». Достоевскій не согласился со сдѣланнымъ ему возраженіемъ, заявивъ, что «у Бѣлинскаго слово не расходилось съ дѣломъ, что онъ если что сказалъ, то могъ и сдѣлать» **).

---

*) Сочиненія Достоевскаго, XI, 170—174.—Письма Достоевскаго, с. 201.

**) „Матеріалы", с. 77. Сочиненія Вс. Соловьева, т. VI „Большой человѣкъ" стр. 53. Спб. 1887.

VIII.

На приведенныхъ обвиненіяхъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться не столько потому, что они нуждаются въ опроверженіи, сколько потому, что они очень характерны для отношеній Достоевскаго къ Бѣлинскому.

Обличая Бѣлинскаго съ соціализмѣ и коммунизмѣ, Достоевскій забываетъ, что ему самому эти идеи «ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества». Забываетъ Достоевскій въ обличеніи Бѣлинскаго упомянуть и о томъ, что тотъ соціализмъ, который увлекалъ Бѣлинскаго и его друзей, былъ мечтательный и сентиментальный соціализмъ (*бараній*—по рѣзкому выраженію Карла Маркса), что идеи этого соціализма считались непримѣнимыми къ Россіи, что тогдашніе русскіе «соціалисты» и, главнымъ образомъ, Бѣлинскій ждали обновленія Россіи не отъ соціализма, а отъ мирныхъ реформъ *сверху*. Достоевскій не могъ не знать всего этого, и нельзя не пожалѣть, что враждебныя чувства заставили его выступить съ обличеніемъ Бѣлинскаго какъ разъ тогда, когда со словомъ «соціалистъ» связывались самыя ужасныя представленія.

Своими воспоминаніями и отзывами о Бѣлинскомъ Достоевскій наталкивалъ читателя на мысль, что Бѣлинскій—родоначальникъ русскаго нигилизма со всѣми его крайностями и прискорбными проявленіями. Если подобное мнѣніе не вполнѣ утратило своего значенія и до настоящаго времени, то вина этого прискорбнаго заблужденія въ значительной степени падаетъ и на Достоевскаго. Съ отзывами Достоевскаго о Бѣлинскомъ неизбѣжно должны были считаться защитники великаго критика. Между прочимъ, обличенія Достоевскаго имѣлъ въ виду Анненковъ, когда писалъ въ защиту Бѣлинскаго слѣдующія строки: «Ни одно изъ его увлеченій, ни одинъ изъ его приговоровъ, ни въ печати, ни въ устной бесѣдѣ, не даютъ права узнавать въ немъ, какъ того сильно хотѣли его ненавистники, любителя страшныхъ соціальныхъ переворотовъ, свирѣпаго мечтателя, питающагося надеждами на крушеніе общества, въ которомъ живетъ. Тѣ вспышки Бѣлинскаго, на которыя указывали диффаматоры его для подтвержденія своихъ словъ, всегда были произведеніемъ ума и сердца, обиженныхъ въ своемъ нравственномъ существѣ, въ своей *идеалистической* природѣ. Ими онъ только облегчалъ душевныя страданія и мстилъ подчасъ за грубое прикосновеніе къ какому-либо гуманному чувству своему; но одно недоразумѣніе или одна злая подозрительность могли предполагать за всѣмъ этимъ еще жажду скорыхъ расправъ, внезапныхъ потрясеній и простора для личной мести. Никогда и мысленно не принималъ онъ защиты тѣхъ разрушительныхъ явленій, которыя

проходятъ иногда черезъ исторію и дѣйствуютъ въ ней со слѣпотой стихійныхъ силъ, не имѣя подъ собой часто никакихъ моральныхъ основъ, и составляя какъ бы страшную и вмѣстѣ нелѣпую импровизацію жизни, раздраженной до послѣдней степени несчастіями и страданіями... У Бѣлинскаго не было первыхъ, элементарныхъ качествъ революціонера и агитатора, какимъ его хотѣли прославить, да и прославляютъ еще и теперь люди, ужасающіеся его честной откровенности и внутренней правды всѣхъ его убѣжденій» *).

Обвиненіе Бѣлинскаго во враждебномъ отношеніи къ христіанству носитъ у Достоевскаго такой же злостный характеръ, какъ и обвиненіе въ соціализмѣ. Достоевскій, перечитавшій за границей сочиненія Бѣлинскаго, не могъ не видѣть, что та перемѣна, которая подъ вліяніемъ извѣстной книги Фейербаха произошла въ религіонныхъ воззрѣніяхъ критика, не отразилась, да и не могла отразиться въ печатныхъ его статьяхъ. Именно на основаніи печатныхъ произведеній Бѣлинскаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ книгѣ, составленной по порученію министра народнаго просвѣщенія, сдѣланы были такія заявленія: «Бѣлинскій ни на шагъ не отступилъ отъ того, что говоритъ нравственный законъ и чего требуетъ откровенное ученіе. Начало, положенное имъ въ основаніе его воззрѣнія и ученія,—то же высокое начало чистой и благородной любви къ человѣчеству, которое ведетъ міръ къ счастію и блаженству, къ братскому единенію... Низшая братія можетъ по праву видѣть въ Бѣлинскомъ самаго краснорѣчиваго своего защитника и адвоката, а высшіе классы могутъ принимать его наставленія безъ боязни за свои чины и ранги. . Нечего, бояться, наконецъ, ученія Бѣлинскаго и проповѣдникамъ евангелія. Они могутъ быть убѣждены, что онъ въ развитіи своего начала сойдется съ ними. Рѣдко у кого изъ свѣтскихъ писателей можно еще встрѣтить такое благоговѣніе къ слову евангелія, какъ у него» **).

Если бы и послѣ приведенныхъ словъ у кого-нибудь еще осталось сомнѣніе насчетъ отношенія Бѣлинскаго къ христіанству и его основателю, тогда можно указать на статью о русской литературѣ 1847 года. Защищая «натуральную школу» отъ упрековъ за предпочтительное изображеніе низшихъ сословій, Бѣлинскій написалъ горячую страницу, отъ которой не отказался бы ни одинъ вѣрующій человѣкъ. «Искупитель рода человѣческаго,—писалъ Бѣлинскій,—приходилъ въ міръ для всѣхъ людей; не мудрыхъ и образованныхъ, а простыхъ умомъ и сердцемъ рыбаковъ призвалъ Онъ быть «ловцами человѣковъ»; не богатыхъ и счастливыхъ, а бѣдныхъ и страждущихъ, падшихъ искалъ Онъ, чтобы однихъ утѣшить, другихъ ободрить и возстановить. Гнойныя язвы на едва прикрытомъ нечистыми лохмотьями тѣлѣ

*) Анненковъ, III, 204--205.

**) „Бѣлинскій, какъ моралистъ", стр. 73, 78. Спб. 1862.

не оскорбляли Его исполненнаго любви и милосердія взгляда. Онъ—Сынъ Бога—человѣчески любилъ людей и сострадалъ имъ въ ихъ нищетѣ, грязи, позорѣ, развратѣ, порокахъ, злодѣйствахъ; Онъ разрѣшилъ бросить камень въ блудницу тѣмъ, которые ничѣмъ не могли упрекнуть себя въ совѣсти, и устыдилъ жестокосердыхъ судей, и сказалъ падшей женщинѣ слово утѣшенія; и разбойникъ, испуская духъ на орудіи заслуженной имъ казни, за одну минуту раскаянія услышалъ отъ Него слово прощенія и мира... А мы—сыны человѣческіе—мы хотимъ любить изъ нашихъ братій только равныхъ намъ, отворачиваемся отъ низшихъ, какъ отъ парій, отъ падшихъ, какъ отъ прокаженныхъ... Какія добродѣтели и заслуги дали намъ на это право? Не отсутствіе ли всякихъ добродѣтелей и заслугъ!.. Но божественное слово любви и братства не втунѣ огласило міръ. То, что прежде было обязанностью только призванныхъ на служеніе алтарю лицъ или добродѣтелью немногихъ избранныхъ натуръ,—это самое дѣлается теперь обязанностью обществъ, служитъ признакомъ уже не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ въ нашъ вѣкъ вездѣ заняты всѣ участью низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатыя вѣрными средствами общества для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія—безнравственности и разврата».

Кто, прочитавъ эти строки, повѣритъ Достоевскому, что Бѣлинскій, какъ соціалистъ, долженъ былъ стремиться къ разрушенію христіанства, какъ «ложнаго и невѣжественнаго человѣколюбія»? Можно обвинять Бѣлинскаго (на основаніи, между прочимъ, его письма къ Гоголю) въ томъ, что онъ сближалъ или даже отожествлялъ ученіе Христа съ тогдашнимъ соціализмомъ, но обвинять его въ неуваженіи къ христіанству рѣшительно невозможно. Правда, Орестъ Миллеръ объяснялъ приведенныя слова Бѣлинскаго въ обзорѣ литературы 1847 года вліяніемъ Достоевскаго, бесѣды съ которымъ будто бы заставляли великаго критика «подвергать пересмотру такъ страстно усвоенныя имъ анти-христіанскія заключенія» *). Но вмѣсто этой малоправдоподобной догадки можно высказать болѣе правдоподобное предположеніе, что именно Достоевскій своими противорѣчіями во время бесѣдъ о христіанствѣ вызывалъ тѣ «бѣшеныя выходки», на основаніи которыхъ авторъ «Дневника писателя» обвинилъ своего учителя во враждебномъ отношеніи къ ученію и личности Христа.

Болѣе правды въ заявленіи Достоевскаго, что Бѣлинскій былъ атеистъ. Дѣйствительно, великій критикъ, ознакомившись съ помощью

*) „Матеріалы", стр. 77.

своихъ друзей съ главнымъ сочиненіемъ Фейербаха, сдѣлалъ крайніе выводы изъ его идей о субъективномъ происхожденіи религіозныхъ представленій. Мы не знаемъ, какъ долго находился Бѣлинскій подъ вліяніемъ Фейербаха, но изъ воспоминаній Тургенева извѣстно, цѣною какихъ страшныхъ мученій купилъ Бѣлинскій разрѣшеніе своихъ религіозныхъ сомнѣній. «Сомнѣнія мучили его,—говоритъ Тургеневъ—лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его». «Пока онъ не добился удовлетворительнаго, по его мнѣнію, разрѣшенія своихъ сомнѣній, онъ былъ въ лихорадкѣ, ни о чемъ другомъ говорить не могъ, не понималъ даже, какъ можно говорить о чемъ-нибудь другомъ, пока вопросъ такой важности не разрѣшенъ, и упрекалъ меня въ легкомысліи, какъ только я позволялъ себѣ малѣйшее уклоненіе» *). Достоевскому не могли остаться неизвѣстными воспоминанія Тургенева, а что такое религіозныя сомнѣнія, онъ зналъ по собственному опыту. Вотъ интересная, хотя и грубая, замѣтка изъ его записной книжки: «Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною вѣрою въ Бога. Этимъ олухамъ и не снилось такой силы отрицаніе Бога, какое положено въ Инквизиторѣ и въ предшествовавшей главѣ, которому отвѣтомъ служитъ *весь романъ.* Не какъ дуракъ же (фанатикъ) я вѣрую въ Бога. И эти хотѣли меня учить и смѣялись надъ моимъ неразвитіемъ! Да ихъ глупой природѣ и не снилось такой силы отрицаніе, которое перешелъ я. Имъ ли меня учить!» И дѣйствительно, Иванъ Карамазовъ развиваетъ идею несовмѣстимости милосердаго и справедливаго Бога съ человѣческими страданіями и неотмщенными преступленіями, а въ главѣ «Великій инквизиторъ» подвергаются критикѣ такія основы христіанства, какъ грѣхопаденіе, искупленіе и возмездіе. «Въ столь мощномъ видѣ, какъ здѣсь,—говоритъ г. Розановъ въ своей книгѣ «Легенда о великомъ инквизиторѣ»,—діалектика никогда не направлялась противъ религіи». «И въ Европѣ такой силы атеистическихъ *выраженій* нѣтъ и *не было*», записалъ Достоевскій въ своей записной книжкѣ **).

Если самъ Достоевскій, несмотря на весь свой мистицизмъ до конца жизни мучился религіозными сомнѣніями, то не ему, конечно, было обличать религіозныя заблужденія реалиста Бѣлинскаго. Точно также не дѣло Достоевскаго было составлять обвинительный актъ Бѣлинскому на основаніи его «бѣшеныхъ выходокъ» и «дикихъ мыслей». Такихъ «выходокъ» у Достоевскаго не меньше, чѣмъ у «неистоваго Виссаріона», и на основаніи этихъ «выходокъ», сдѣлавшихся

*) „Сочиненія Тургенева", XII, 24, 363. Изд. Маркса.

**) „Изъ записной книжки Достоевскаго", стр. 368—369. В. Розановъ. „Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго", стр. 64. Спб. 1902. Еще въ 1870 г. Достоевскій писалъ Ап. Майкову: „Главный вопросъ... которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю жизнь—существованіе Бога" („Письма", стр. 233).

достояніемъ печати, можно было бы обвинять автора «Преступленія и наказанія» въ самыхъ ужасныхъ вещахъ.

Вообще, отзывы Достоевскаго о Бѣлинскомъ нуждаются не столько въ опроверженіи, сколько въ объясненіи ихъ происхожденія. Какимъ образомъ «благородный», «незабвенный» человѣкъ превратился въ глазахъ Достоевскаго въ «самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни»—объяснить это очень не легко, да едва ли и возможно сдѣлать это удовлетворительно въ настоящее время. Но какъ ни скудны біографическіе матеріалы о Достоевскомъ, въ нихъ можно найти весьма цѣнныя указанія по интересующему насъ вопросу. Прежде всего необходимо напомнить, что во вторую половину шестидесятыхъ годовъ Достоевскій печатаетъ свои романы въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что «Московскія Вѣдомости» Каткова для него лучшая русская газета, а самъ Катковъ чуть ли не идеалъ благороднаго человѣка и публициста-патріота; враги же Каткова—«либералишки», для которыхъ первое удовольствіе ругать и безчестить Россію. Полный разрывъ Достоевскаго съ «либералишками» не могъ не отразиться и на его отношеніяхъ къ тому человѣку, котораго онъ считалъ родоначальникомъ этихъ «либералишекъ». Составляя свои воспоминанія о Бѣлинскомъ и перечитывая его сочиненія, Достоевскій «вполнѣ осмыслилъ» великаго критика, то-есть понялъ всю противоположность своего новаго міросозерцанія съ тѣмъ «ученіемъ», которое онъ усвоилъ въ кружкѣ Бѣлинскаго и которое нѣкогда исповѣдывалъ со всѣмъ увлеченіемъ неофита. Не могъ не припомнить Θедоръ Михайловичъ и тѣхъ оскорбленій, которыя были нанесены его «расхлеставшемуся» самолюбію и самимъ критикомъ, и его друзьями.

Между тѣмъ, условія, среди которыхъ Достоевскій писалъ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ и перечитывалъ его статьи, нерѣдко были прямо ужасны. Онъ уѣзжаетъ за границу «спасать не только здоровье, но даже жизнь», но страшные припадки падучей преслѣдуютъ его и за границей. Уѣхавъ изъ Россіи отъ долгового отдѣленія, Достоевскій испытываетъ за границей по временамъ страшную нужду. Эта нужда обострялась до того, что Θедоръ Михайловичъ несъ въ закладъ послѣднее бѣлье, закладывалъ штаны, чтобы послать телеграмму, не имѣлъ денегъ даже для отправки рукописи въ редакцію. А тутъ еще изнурительная срочная работа, чтобы доставить во-время рукопись Каткову, и такія потрясенія, какъ смерть дочери Сони, для спасенія которой Достоевскій соглашался принять «крестную муку». И въ довершеніе всего этого подозрительное отношеніе русской полиціи, помнившей, что Достоевскій былъ политическимъ преступникомъ, и вскрывавшей его письма. «Каково это вынести человѣку чистому, патріоту, предавшемуся имъ до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ», писалъ глубоко-оскорбленный Достоевскій Аполлону Майкову.

Если принять во вниманіе всѣ указанныя обстоятельства и вспомнить еще собственное заявленіе Достоевскаго, что вездѣ и во всемъ

онъ всю жизнь «за черту переходилъ», то можно до нѣкоторой степени понять происхожденіе возмутительныхъ отзывовъ о Бѣлинскомъ въ письмахъ къ Страхову. Въ письмахъ изъ-за границы «многострадальный писатель» срывалъ свою злобу на чемъ попало: онъ ругаетъ нѣмцевъ, ругаетъ французовъ, ругаетъ швейцарцевъ, ругаетъ поляковъ, ругаетъ всю Европу, ругаетъ либеральныя газеты и русскихъ «либералишекъ», ругаетъ литературный фондъ, ругаетъ людей сороковыхъ годовъ, въ томъ числѣ Тургенева, Грановскаго и Герцена, ругаетъ, наконецъ, самого себя («натура моя подлая и слишкомъ страстная»). Удивительно ли, что Достоевскій не пощадилъ и Бѣлинскаго и, встрѣтивъ отпоръ со стороны Страхова, въ своихъ ругательствахъ переступилъ границу вмѣняемости? *).

Совершенно иначе приходится смотрѣть на обличеніе Бѣлинскаго въ «Бѣсахъ» и въ «Гражданинѣ». Тутъ имѣемъ дѣло не съ ругательствами, вырвавшимися изъ-подъ пера человѣка, раздраженнаго до крайней степени; тутъ обдуманное намѣреніе обвинить Бѣлинскаго въ атеизмѣ и соціализмѣ и такимъ образомъ представить его родоначальникомъ тогдашняго нигилизма. Выступая съ подобными обвиненіями противъ основателя «школы либералишекъ», Достоевскій давалъ выходъ накопившемуся въ его душѣ раздраженію противъ своихъ враговъ и противъ самого Бѣлинскаго, а съ другой стороны предъявлялъ публичное доказательство «измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ». Только такими соображеніями и можно объяснить сожалѣніе Достоевскаго о томъ, что по цензурнымъ условіямъ оказалось невозможнымъ очернить великаго критика болѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ романѣ «Бѣсы» и въ журналѣ «Гражданинъ».

IX.

Въ послѣдніе годы своей жизни Достоевскій относился къ памяти Бѣлинскаго болѣе спокойно, чѣмъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ «Дневникѣ писателя» за 1876 и 1877 годы имя Бѣлинскаго упоминается довольно часто, и отзывы Достоевскаго въ большинствѣ случаевъ такого рода, что могутъ служить для опроверженія нѣкоторыхъ его же собственныхъ прежнихъ заявленій о великомъ критикѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1876 году Достоевскій взялъ назадъ свое заявленіе, что Бѣлинскій никогда не сдѣлался бы славя-

*) „Усвоивъ себѣ извѣстную точку зрѣнія,—говоритъ К. К. Арсеньевъ,—можно не видѣть пользы, принесенной Бѣлинскимъ, можно, пожалуй, признавать его вліяніе безусловно вреднымъ,—но для того, чтобы отрицать въ немъ даже талантъ, даже критическій тактъ, чтобы видѣть въ немъ „личную, смрадную, позорную тупость“, нужно потерять всякое чувство справедливости, всякую способность здраво смотрѣть на вещи. Такая потеря—въ человѣкѣ съ дарованіемъ Достоевскаго—возможна только подъ условіемъ временной невмѣняемости, въ пароксизмѣ нравственной и умственной боли, доводящемъ до ослѣпленія, до самозабвенія“. („Вѣстникъ Европы“ за 1884 годъ, январь, стр. 388).

нофиломъ. Теперь во враждѣ славянофиловъ и западниковъ онъ видитъ одно «великое недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ». Теперь Достоевскій признаетъ и у Бѣлинскаго такое же «русское чутье», какъ и у славянофиловъ. Соціалистомъ и революціонеромъ, по заявленію Достоевскаго, Бѣлинскій былъ только по отношенію къ Европѣ. По отношенію же къ Россіи онъ былъ «самый крайній боецъ за русскую правду, за русскую особь, за русское начало», хотя боецъ безсознательный, потому что все это онъ отрицалъ и «считалъ басней». Бѣлинскій теперь для Достоевскаго даже «въ нѣкоторомъ смыслѣ... консерваторъ и именно потому, что въ Европѣ онъ соціалистъ и революціонеръ». «Славянофилы,—говоритъ Достоевскій о Бѣлинскомъ,—могли бы счесть его своимъ самымъ лучшимъ другомъ», и въ предположеніи Аполлона Григорьева, что если бы Бѣлинскій прожилъ долѣе, то навѣрно бы примкнулъ къ славянофиламъ,—по мнѣнію Достоевскаго,—«была мысль». Однимъ словомъ, «европеецъ Бѣлинскій, отрицавшій въ то же время Европу, оказался въ высшей степени русскимъ, несмотря на всѣ провозглашенныя имъ о Россіи заблужденія» *).

Какъ ни парадоксальны приведенныя заявленія Достоевскаго (они и взяты изъ той главы «Дневника», которая имѣетъ заглавіе: «Мой парадоксъ»), но въ нихъ, конечно, болѣе правды, а главное, болѣе безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ Бѣлинскому, чѣмъ въ тѣхъ обличеніяхъ, которыя находятся въ «Бѣсахъ» и въ «Гражданинѣ».

Еще болѣе сочувственно относится Достоевскій къ Бѣлинскому въ «Дневникѣ писателя» за 1877 годъ. Въ январскомъ номерѣ Ѳедоръ Михайловичъ прямо съ восторгомъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ и называетъ первое свиданіе съ великимъ критикомъ «самой восхитительной минутой» во всей своей жизни,—минутой, воспоминанія о которой подкрѣпляли его духъ на каторгѣ, а теперь наполняютъ его сердце «восторгомъ». Въ ноябрьскомъ номерѣ Достоевскій, разсказывая исторію глагола «стушеваться», пользуется случаемъ, чтобы упомянуть о томъ, что Бѣлинскій устроилъ вечеръ, на которомъ читались первыя главы «Двойника», гдѣ впервые было употреблено слово «стушеваться», очень понравившееся хозяину. Эти любовно разсказанные эпизоды изъ исторіи знакомства Достоевскаго съ Бѣлинскимъ даютъ право думать, что отношеніе Ѳедора Михайловича къ своему учителю, какъ человѣку, послѣ 1871 года рѣзко измѣнилось. Въ самомъ дѣлѣ, не сталъ бы Достоевскій съ любовью и даже «съ восторгомъ» вспоминать о своемъ личномъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ, если бы смотрѣлъ на него черезъ очки той злобы и ненависти, которой пропитаны его заграничныя письма, и если бы выступленіе на литературное поприще было для него «грустнымъ, роковымъ временемъ», какъ сказано въ «Гражданинѣ».

---

*) Достоевскій, X, 216—220.

Эта рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ Достоевскаго къ личности великаго критика не была слѣдствіемъ измѣненія міросозерцанія Θедора Михайловича. Міросозерцаніе великаго писателя въ большинствѣ пунктовъ осталось прямо противоположно задушевнымъ убѣжденіямъ Бѣлинскаго. Попробовалъ было Достоевскій, какъ мы видѣли, въ 1876 году завербовать Бѣлинскаго въ ряды славянофиловъ, но уже въ слѣдующемъ году онъ отказался отъ этой мысли и впалъ, по своему обыкновенію, въ другую крайность, заявивъ, что для великаго критика славянофильство заключалось только въ квасѣ и рѣдькѣ *).

Высказывая свои мнѣнія по всевозможнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и даже дѣлая экскурсы въ область литературной критики, авторъ «Дневника писателя» не могъ не видѣть рѣзкой разницы своихъ взглядовъ со взглядами Бѣлинскаго. Но въ это время настроеніе Достоевскаго было настолько спокойно, что онъ могъ уже «уважать человѣка, расходясь съ нимъ въ мнѣніяхъ радикально». Теперь Достоевскій могъ отнестись спокойнѣе не только къ Бѣлинскому, но и къ его друзьямъ. Въ 1871 г. Грановскій вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ былъ обозванъ непечатнымъ словомъ, а черезъ пять лѣтъ тотъ же самый Грановскій оказался «незабвеннымъ профессоромъ и незабвеннымъ русскимъ человѣкомъ», «безупречнымъ и прекраснымъ». Тургеневъ, какъ извѣстно, выведенъ въ «Бѣсахъ» въ довольно непривлекательномъ образѣ Кармазинова, а во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ Достоевскій говоритъ объ авторѣ «Записокъ охотника» не иначе, какъ съ уваженіемъ. Наконецъ, въ это же время Достоевскій настолько сближается съ Некрасовымъ, что помѣщаетъ свой романъ «Подростокъ» на страницахъ тѣхъ самыхъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ былъ помѣщенъ рѣзкій разборъ «Бѣсовъ» и воспоминаній о Бѣлинскомъ **). Въ послѣдніе годы своей жизни Достоевскій относится къ памяти Бѣлинскаго до того деликатно, что, полемизируя съ его мнѣніями, не упоминаетъ даже его имени. Особенно характерна въ въ этомъ отношеніи знаменитая рѣчь Достоевскаго о Пушкинѣ.

Перемѣна, происшедшая въ отношеніяхъ Достоевскаго къ Бѣлинскому, отразилась не только въ публицистическихъ, но и въ художественныхъ его произведеніяхъ. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», послѣднемъ романѣ Достоевскаго, Коля Красоткинъ со словъ Ракитина заявляетъ, что Христосъ былъ «вполнѣ гуманная личность и живи въ наше время, онъ бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и, можетъ быть, игралъ бы видную роль». «Это еще старикъ Бѣлинскій... говорилъ»,—прибавляетъ Коля. Слова, вложенныя въ уста Коли Красоткина, очень характерны по сравненію съ прежними заявленіями Достоевскаго объ отношеніи Бѣлинскаго къ Христу. Раньше Достоевскій

*) Соч. „Достоевскаго", XI, 240.

**) См. сочиненія Н. К. Михайловскаго, I, 840—872. Спб. 1896.

взводилъ на Бѣлинскаго обвиненіе, что онъ «ругалъ Христа» и обрекалъ Его на незамѣтную роль, если бы Онъ явился въ наше время. Теперь оказывается, что Бѣлинскій считалъ Христа «гуманною личностью» и предоставлялъ ему «видную роль». И что всего удивительнѣе, такое мнѣніе идетъ отъ Ракитина, личности, изображенной въ романѣ самыми непривлекательными чертами. Но еще характернѣе заявленіе Алеши, что Бѣлинскій «этого нигдѣ не написалъ». Такимъ образомъ, какъ бы для ослабленія своихъ прежнихъ обвиненій, Достоевскій не только смягчилъ свои прежніе отзывы объ отношеніи Бѣлинскаго къ Христу, но даже подвергъ эти отзывы сомнѣнію. Разъ Бѣлинскій «этого нигдѣ не написалъ», значитъ заявленіе Коли могло быть и выдумкой не разборчиваго на средства Ракитина. Къ такому мнѣнію долженъ былъ придти читатель «Братьевъ Карамазовыхъ».

Нельзя пройти молчаніемъ и того факта, что Алеша Карамазовъ оказывается такимъ хорошимъ знатокомъ сочиненій Бѣлинскаго, что можетъ категорически заявить Колѣ: «онъ этого *нигдѣ* не написалъ». Трудно сказать опредѣленно, сознательно или безсознательно Достоевскій заставилъ своего любимца прочитать *всѣ* сочиненія Бѣлинскаго, но нигдѣ въ романѣ мы не находимъ указаній, чтобы это чтеніе помѣшало Алешѣ сдѣлаться тою прекрасною личностью, какою изобразилъ его Достоевскій.

Даже болѣе, въ романѣ нѣтъ никакихъ указаній, которыя помѣшали бы думать, что, хотя отчасти, вліяніе Бѣлинскаго сдѣлало Алешу «раннимъ человѣколюбцемъ» и правдолюбцемъ, готовымъ за правду пожертвовать даже жизнью. Одно, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» отношеніе Достоевскаго къ Бѣлинскому совершенно иное, чѣмъ въ «Бѣсахъ» *).

Болѣе спокойное и терпимое отношеніе къ Бѣлинскому дало Достоевскому возможность понять и основную черту въ характерѣ «неистоваго Виссаріона». Незадолго до смерти Достоевскаго въ его записной книжкѣ сдѣланъ такой отзывъ о Бѣлинскомъ: «Необычайная стремительность къ воспріятію новыхъ идей съ необычайнымъ желаніемъ каждый разъ, съ воспріятіемъ новаго, растоптать все старое, съ ненавистью съ оплеваніемъ, съ позоромъ. Какъ бы жажда отмщенія старому». Указанная черта въ характерѣ Бѣлинскаго помогла Достоевскому объяснить многое, что раньше казалось ему страннымъ, непонятнымъ и даже возмутительнымъ въ «бѣшеныхъ выходкахъ» кри-

---

*) Нужно также замѣтить, что еще въ 1870 г. у Достоевскаго явилась мысль написать романъ на тему объ атеизмѣ. Въ этомъ романѣ предполагалось вывести Грановскаго и Бѣлинскаго, которые должны были пріѣхать въ монастырь къ заключенному тамъ Чаадаеву. Легко вообразить, къ какомъ отвратительномъ видѣ былъ бы изображенъ Бѣлинскій, если бы задуманный романъ былъ написанъ тотчасъ же послѣ „Бѣсовъ". Подъ перомъ ослѣпленнаго ненавистью Достоевскаго „неистовый Виссаріонъ", навѣрное, перещеголялъ бы въ кощунствѣ самого Ѳедора Павловича Карамазова.

тика. Теперь не было уже надобности для объясненія подобныхъ выходокъ приписывать Бѣлинскому разнаго рода низменныя чувства. Вообще, Достоевскій сталъ относиться къ личности Бѣлинскаго съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ раньше, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, несмотря на рѣзкое различіе въ ихъ убѣжденіяхъ, несмотря на то, что нѣкоторыхъ выходокъ Бѣлинскаго Ѳедоръ Михайловичъ не могъ забыть до конца своей жизни. О томъ, что Бѣлинскій «ругалъ Христа», Достоевскій всегда говорилъ съ негодованіемъ. «Этимъ объяснилось для меня,—говоритъ Орестъ Миллеръ,—до тѣхъ поръ казавшееся мнѣ страннымъ крайнее нерасположеніе его къ Бѣлинскому». Но это нерасположеніе не мѣшало Достоевскому, какъ мы видѣли, въ спокойныя минуты называть Бѣлинскаго благороднымъ и незабвеннымъ человѣкомъ, однимъ изъ лучшихъ людей, а первое знакомство съ нимъ считать лучшимъ временемъ всей своей жизни, воспоминанія о которомъ подкрѣпляло его на каторгѣ и наполняло его сердце восторгомъ на закатѣ его жизни. Эти отзывы тѣмъ дороже для почитателей великаго критика, что они исходятъ отъ человѣка, крайне не расположеннаго къ его «многострадальной тѣни». Пусть въ минуты крайняго раздраженія, въ минуты невмѣняемаго, патологическаго состоянія у Достоевскаго вырывались возмутительные отзывы о Бѣлинскомъ, пусть въ эпоху «Бѣсовъ» великій писатель не остановился даже передъ клеветой по адресу Бѣлинскаго,—въ болѣе спокойномъ состояніи Ѳедоръ Михайловичъ совершенно иначе относился къ памяти Бѣлинскаго и вспоминалъ о знакомствѣ съ нимъ даже «съ восторгомъ». Сочувственные отзывы Достоевскаго о своемъ прежнемъ учителѣ и другѣ имѣютъ для потомства несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ письма, написанныя въ припадкѣ злобы и раздраженія, и воспоминанія, цѣль которыхъ была очернить человѣка, столь дорогого для ненавистныхъ автору «либералишекъ и прогрессистовъ». Самъ Достоевскій не могъ впослѣдствіи не жалѣть о тѣхъ выходкахъ противъ Бѣлинскаго, которыя онъ допустилъ въ «Бѣсахъ» и въ «Гражданинѣ». Прямыхъ указаній на это мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, но подобное мнѣніе нельзя считать далекимъ отъ истины, если принять въ соображеніе, что впослѣдствіи Достоевскій напечаталъ восторженныя воспоминанія о своей первой встрѣчѣ съ Бѣлинскимъ и взялъ назадъ нѣкоторыя свои заявленія о великомъ критикѣ или же значительно ослабилъ ихъ, напримѣръ, заявивъ, что Бѣлинскій былъ соціалистомъ и революціонеромъ только по отношенію къ Западной Европѣ. Вообще, сопоставленіе и оцѣнка рѣзко-противоположныхъ отзывовъ Достоевскаго о Бѣлинскомъ даетъ право думать, что если бы въ лицѣ великаго романиста мы не имѣли человѣка съ болѣзненной психической организаціей, тогда ничто не помѣшало бы украсить его именемъ блестящій рядъ почитателей великаго русскаго критика.

С. Ашевскій.

АЛЬБАТРОСЪ.

Усталый бѣлый альбатросъ,
Вдали отъ береговъ пустынныхъ,
Летѣлъ за мной на крыльяхъ длинныхъ
Навстрѣчу шкваловъ, бурь и грозъ.

Крылами грузно шевеля,
Борьбой измученный жестокой,
Спустился хищникъ одинокій
На бортъ могучій корабля.

Невольный, нелюдимый гость,
Онъ былъ не плѣнникъ и не нищій.
Когда ему я бросилъ пищи,
Въ зрачкахъ его сверкнула злость.

Подачки брать онъ не привыкъ.
Изъ бездны онъ хваталъ добычу,
Внимая грозной бури кличу,
Сливая съ нею рѣзкій крикъ.

Онъ вдаль глядѣлъ передъ собой,
Угрюмый, гордый, недвижимый,
Какъ я, безуміемъ гонимый,
Какъ я—обманутый судьбой.

И можетъ быть, какъ я, впередъ
Летѣлъ онъ къ цѣли неизвѣстной
Прочь отъ борьбы земли безчестной
Въ родное царство непогодъ.

Лишь только неба темный край
Заря слегка позолотила,
Къ нему опять вернулась сила,
И я сказалъ ему: «Прощай.

Меня, товарищъ, не забудь
И не забудь мою услугу.
Случайно встрѣченному другу
Ты отплати когда-нибудь.

Когда къ землѣ прибьетъ мой трупъ,
Ты вырви острымъ клювомъ очи,
Чтобъ мнѣ не видѣть въ вѣчной ночи
Предательски лобзавшихъ губъ».

А. Ѳедоровъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Годы 1850 и 1851).

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Предлагаемыя вниманію читателя „Воспоминанія" Д. Ахшарумова составляютъ продолженіе „Воспоминаній", помѣщенныхъ имъ въ ноябрьской и декабрьской книгахъ „Вѣстника Европы" за 1901 г. Выдержки изъ нихъ были напечатаны у насъ въ отдѣлѣ „Изъ русскихъ журналовъ" въ декабрѣ 1901 г. и январѣ 1902 г. Арестованный по дѣлу Петрашевскаго 23-го апрѣля 1849 г., авторъ былъ черезъ 8 мѣсяцевъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими къ смертной казни, которая, уже на мѣстѣ исполненія приговора, была замѣнена для него 4-хъ лѣтнимъ заключеніемъ въ Херсонской каторжной тюрьмѣ и затѣмъ отдачею въ солдаты на Кавказъ. Въ 1857 г. авторъ получилъ полное помилованіе. Вернувшись съ Кавказа, авторъ поступилъ въ медицинскую академію и затѣмъ по настоящее время занимался врачебной практикой у себя на родинѣ.

Приводимыя ниже воспоминанія начинаются съ того момента, когда осужденныхъ съ Семеновскаго плаца привезли снова въ Петропавловскую крѣпость. (Подробности исполненія приговора см. въ январѣ 1902 г. „М. Б.").

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(2-го апрѣля 1891 года).

Рукопись эта составляетъ продолженіе моихъ воспоминаній 1849 г., которыя написаны мною шесть лѣтъ тому назадъ и, вѣроятно, будутъ напечатаны уже какъ мои посмертныя записки. Какъ тогда, принимаясь за описаніе давно минувшаго, я чувствовалъ себя безсильнымъ къ исполненію задуманнаго труда и съ неувѣренностью приступалъ къ начинанію его, много разъ бросая, уничтожая написанное и послѣ нѣкотораго времени вновь принимаясь за него,—такъ и теперь, приступая къ изложенію послѣдующихъ, но совершенно иныхъ отъ описанныхъ уже событій въ моей жизни, я нахожусь въ такомъ же затрудненіи и замѣшательствѣ: сухое изложеніе фактовъ никогда не привлекало меня, а полное описаніе пережитыхъ впечатлѣній, съ живыми образами, требуетъ особаго настроенія, забвенія всего затѣмъ послѣдовавшаго и настоящаго, столь поглощающаго живыя силы, и перенесенія себя въ иной, давно исчезнувшій міръ совсѣмъ особыхъ впечатлѣній. Закрывъ глаза и оглохнувъ ко всему окружающему,

только и возможно прозрѣть давно минувшее и въ яркихъ цвѣтахъ возстановить поблекшіе, чуть замѣтные образы, занесенные пылью и пепломъ сгорѣвшихъ, прожитыхъ четырехъ десятковъ лѣтъ. Они лежатъ какъ бы зарытые глубоко въ землѣ, захлопнутые тяжелою, едва ли приподнимаемою моею слабою рукою крышкою гроба, запечатаннаго навѣки...

Давно это было, очень давно!

I.

Нашъ утренній, возвратный поѣздъ, сопровождаемый вооруженнымъ конвоемъ, въѣхалъ во дворъ Петропавловской крѣпости. Былъ уже часъ десятый дня. Карета, въ которой я сидѣлъ съ солдатомъ, остановилась, и, по открытіи дверцы, я увидѣлъ подъѣздъ знакомой мнѣ тюрьмы. Какъ бы встрѣчая насъ, стоялъ у самой дверцы кареты знакомый мнѣ крѣпостной офицеръ—тотъ самый рыжій, всегда кашлявшій, описанный мною въ первой части моихъ записокъ, но въ этотъ разъ онъ былъ не похожъ на себя: лицо его было покраснѣвшее, заплаканное, и слезы текли изъ глазъ. Увидѣвъ его такимъ, я спросилъ:

— Вы плачете!.. О чемъ же это?

— Объ васъ,—отвѣчалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—что сдѣлали съ вами!...—Онъ, казалось, совсѣмъ забылъ и крѣпость, и свои обязанности и едва говорилъ. Этотъ человѣкъ, казавшійся мнѣ безчувственнымъ, произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе...

Я вошелъ на подъѣздъ и былъ отведенъ въ свою прежнюю келью и запертъ въ ней. На мнѣ былъ мерзѣйшій тулупъ. Сбросивъ его, я остался въ своемъ платьѣ. Вскорѣ потомъ обходилъ насъ, въ сопровожденіи дежурнаго офицера, докторъ, освѣдомляясь у каждаго о здоровьѣ—забота крѣпостного начальства о нашемъ состояніи послѣ произнесеннаго надъ нами приговора съ обрядомъ смертной казни...

Спрошенный о здоровьѣ, я отвѣчалъ, что здоровъ. Три или четыре дня прожилъ я еще въ крѣпости. Черезъ нѣсколько минутъ пребыванія моего въ запертой теплой комнатѣ я почувствовалъ удушливый запахъ грязной шерсти отвратительной шубы, пожалованной мнѣ на дорогу. Запахъ этотъ былъ мнѣ невыносимъ—и при первомъ же отвореніи двери для подачи пищи, я просилъ дежурнаго офицера принять отъ меня куда-либо эту вонючую шубу, пока она не понадобится для дороги. Но куда ссылаютъ меня, мнѣ не было еще извѣстно, и я не могъ этого узнать отъ входившихъ ко мнѣ по службѣ офицеровъ. Какое-то спокойствіе вдругъ водворилось въ душѣ,—все исполнилось по моему желанію: главныя опасенія—быть прощеннымъ или быть снова одиночно заключеннымъ снялись съ моихъ плечъ. Во весь этотъ

день мысли мои часто возвращались къ вопросу, увижу ли я, прежде отъѣзда, моихъ братьевъ и тетушку. Вечеромъ поздно было хожденіе по корридору въ неурочный часъ, и изъ нѣсколькихъ келій выводимы были по одиночкѣ заключенные товарищи. Я смотрѣлъ въ фортку и видѣлъ впотьмахъ подъѣзжавшія къ крыльцу кибитки и затѣмъ сейчасъ же уѣзжавшія;—ихъ было немного въ эту ночь; слышались отчасти и голоса.

Я легъ поздно въ постель, и при засыпаніи два вопроса смѣнялись во мнѣ: куда меня повезутъ, будетъ ли дозволено свиданье съ родными?

Я ссылался куда-то, въ какія-то арестантскія роты,—слѣдовательно, я выйду изъ этой проклятой одиночной тюрьмы и буду все же жить съ людьми—съ арестантами. По моему образу мыслей я считалъ ихъ жертвами нашего общественнаго строя, не считалъ ихъ дурными и говорилъ себѣ: я буду не одинъ, но съ людьми, можетъ быть, ничуть не худшими тѣхъ, которые окружали меня въ минувшей моей жизни, даже я чувствовалъ къ нимъ какое-то влеченіе, какъ къ людямъ страждущимъ, несчастнымъ, загнаннымъ судьбою и во многомъ подходящимъ къ моему душевному состоянію; я желалъ ихъ увидѣть скорѣе и размышлялъ о моемъ сближеніи съ ними. Веселая, смѣющаяся компанія, по совершившемся со мной, была уже мнѣ не по душѣ, тогда какъ сообщество людей, душевно отягченныхъ, привлекало меня. И чѣмъ болѣе думалъ я объ этомъ, тѣмъ болѣе отдыхалъ ото всѣхъ тягостныхъ мыслей, столь долго меня отягчавшихъ, и въ думахъ объ этомъ я заснулъ спокойно послѣ впечатлѣній дня...

Утромъ, проснувшись, я былъ пріятно пораженъ моимъ новымъ положеніемъ: да, вчерашній день внесъ въ жизнь мою спокойствіе и совершенно новые элементы размышленія. Онъ разрѣшилъ столь долго мучившіе меня грозные вопросы, и именно такъ, какъ я желалъ, и я чувствовалъ себя какъ бы счастливымъ.

Утромъ этого дня было необычное хожденіе въ корридорѣ, и ко мнѣ вошелъ дежурный офицеръ и принесъ мнѣ распечатанный уже конвертъ. Тамъ были письма всѣхъ моихъ братьевъ, сестры и тетушки, и я съ жаромъ накинулся читать ихъ. Въ письмахъ этихъ, въ словахъ самыхъ задушевныхъ, выражалась скорбь за меня и горячее желаніе и надежда возвращенія моего въ прежнюю жизнь. Я читалъ ихъ съ особеннымъ чувствомъ любви и дружбы... и плакалъ, читая. Въ особенности растрогала меня какъ бы пламенная, со слезами обращенная ко мнѣ рѣчь брата Николая, которою онъ напутствовалъ меня, утѣшая, ободряя и обѣщая всюду найти меня, куда бы ни завезла меня курьерская тройка. Письма эти хранились у меня всю послѣдующую жизнь, и на нихъ была надпись моею рукою: «письма самыя дорогія для меня». Они хранились у первой жены моей. По смерти ея въ 1882 году, находясь въ особомъ настроеніи, при глубокомъ упадкѣ

*

духа, я рѣшился сжечь многія дорогія мнѣ письменныя воспоминанія, какъ никому ненужныя, меня же только всегда волновавшія до слезъ. И эти письма, вмѣстѣ съ прочими моими драгоцѣнностями, были похоронены кремаціей, и пепелъ ихъ хранится въ моемъ сердцѣ, какъ святыня.

Не помню, какъ провелъ я этотъ день, но вечеромъ, поздно, возобновились вновь хожденія по корридору и было отправленіе новой группы ссылаемыхъ товарищей. Подъѣзжали вновь къ крыльцу санныя кибитки, скользившія по снѣгу полозьями, и слышались вновь голоса, къ которымъ я прислушивался, стоя у открытой фортки. «Неужели уѣзжаютъ они, не простившись одинъ съ другимъ, неужели никто не зайдетъ ко мнѣ проститься?»

Между голосами у подъѣзда услышалъ я и мнѣ хорошо знакомый голосъ Ипполита Дебу. Имъ сказано было кому-то: «прощайте». Удивленный, огорченный такимъ съ его стороны забвеніемъ, я закричалъ ему: «Ипполитъ! ты уѣзжаешь, не простившись со мною?» Отвѣта не было, полозья заскрипѣли, и кибитки двинулись. Я сошелъ съ окна. Много огорченій и обидъ перенесено было мною въ минувшіе мѣсяцы, но все это было наносимо мнѣ людьми чужими, которыхъ я до того и не зналъ вовсе, а въ этотъ разъ я былъ глубоко оскорбленъ забвеніемъ моего лучшаго, столь любимаго мною друга. Да что же это, развѣ онъ съ ума сошелъ?... Несчастный! Потерялъ разсудокъ! «Не зайти ко мнѣ, чтобы проститься, можетъ быть, навсегда!...»

Я подошелъ къ двери, сталъ стучать изъ всей мочи, чтобы освѣдомиться, кто уѣхалъ. Когда поднялась тряпка и я увидѣлъ безсмысленную рожу сторожа,—я понялъ тогда, что вопросы мои о личности уѣхавшаго будутъ напрасны, и я отошелъ вновь отъ двери, не сказавъ ничего.... Такъ кончился этотъ день.

На другой день, утромъ, мнѣ принесено было платье и возвѣщено о дозволеніи свиданія съ родными, которые уже пришли и ждутъ меня. Я поспѣшно одѣлся и спѣшилъ къ нимъ съ горячимъ чувствомъ увидѣть и обнять ихъ. Въ томъ самомъ бѣломъ домѣ, куда водимъ я былъ на допросы, въ одной изъ комнатъ, увидѣлъ я у стола сидѣвшими всѣхъ моихъ братьевъ (ихъ было четверо), сестру и старушку тетушку.... и, крѣпко прижавъ къ груди, обнималъ я ихъ!... Офицеръ, сопровождавшій меня, удалился, оставивъ насъ,—по крайней мѣрѣ, его присутствіе, въ ближней, вѣроятно, комнатѣ, не было ощущаемо никѣмъ изъ насъ, и мы говорили, не стѣсняясь. Я жилъ съ ними неразлучно всю жизнь, и восемъ мѣсяцевъ разлуки съ ними, независимо отъ тюремнаго заключенія, казались мнѣ безконечными. Взаимнымъ разспросамъ не было конца, и много домашнихъ новостей узналъ я отъ нихъ,—но, наконецъ, спохватился спросить: «Да куда же меня ссылаютъ?»—не знаютъ ли они? Имъ это было извѣстно, и я получилъ отвѣтъ: «Въ Херсонъ». Новость эта меня очень обрадовала: къ берегамъ

Чернаго моря! Это хорошо; я очень интересовался югомъ Россіи, никогда еще мною невиданнымъ. Присутствіе при свиданіи моей сестры Любови Димитріевны, которую я вовсе не надѣялся видѣть, такъ какъ она жила въ Ковно, придало свиданію нашему еще большую полноту и сердечное довольство. Ихъ лица казались мнѣ необыкновенно милыми, драгоцѣнными, и, вглядываясь въ нихъ, я отдыхалъ взоромъ отъ чужихъ, безучастно окружавшихъ меня лицъ, но съ горестнымъ чувствомъ о томъ, что я потеряю ихъ вновь, на неизвѣстное, быть можетъ, весьма долгое время, быть можетъ, навсегда!... Да, этотъ часъ, проведенный мною съ ними (кажется, 24 декабря 1849 года), живо сохраняется въ памяти моей и составляетъ едва ли не самое драгоцѣнное воспоминаніе изо всей моей жизни! Радость такого свиданія можетъ измѣрить сердцемъ, почувствовать только тотъ, кто вытерпѣлъ долгую, мучительную разлуку съ людьми горячолюбимыми, разлуку, отягчаемую ежеминутно безнадежностью свиданія!... Но часъ этотъ скоро прошелъ, и офицеръ, провожавшій меня, какъ вѣстникъ судьбы, пришелъ меня разлучить, можетъ быть, навсегда съ людьми мнѣ милыми. Такъ пишу я, а между тѣмъ это былъ, — я помню хорошо — тотъ самый добрый офицеръ, который плакалъ объ насъ. Казнить смертью онъ не былъ бы въ состояніи, хотя бы это было поставлено ему въ обязанность службы—въ этомъ я вполнѣ увѣренъ, но придти и объявить мнѣ: «время уже вамъ пожаловать обратно въ тюрьму,—тамъ я васъ запру на ключъ, да и все тутъ»,—это для него было ничего незначущимъ дѣломъ, и никто не можетъ его обвинить въ томъ, что онъ занимаетъ должность крѣпостного офицера, пока существуютъ, для порядка людскихъ дѣлъ, крѣпости. Нечего было дѣлать — надо было уходить; обнявъ крѣпко моихъ милыхъ друзей, я простился съ ними и, уходя со слезами на глазахъ, обернулся еще разъ взглянуть на нихъ и затѣмъ, выйдя на дворъ, еще разъ обернулся посмотрѣть на окно той комнаты, гдѣ оставилъ ихъ.

Вечеромъ въ этотъ день мнѣ принесены были дорожныя вещи: чемоданъ, шуба, теплая шапка, рукавицы и теплые сапоги. Въ чемоданѣ было старательно уложено мое бѣлье и разныя нужныя для жизни вещицы, чай и сахаръ для дороги и на первое время по прибытіи на мѣсто въ особомъ пакетѣ. Видъ этихъ вещей, столь заботливо приготовленныхъ, погружалъ меня въ глубокую грусть, о разлукѣ, можетъ быть, навсегда съ милыми мнѣ людьми, и я предавался изліяніямъ моихъ чувствъ, говоря заочно то со всѣми вмѣстѣ, то съ каждымъ въ отдѣльности. Мысли мои были съ ними, и я нашелъ возможнымъ написать имъ письмо помимо крѣпостной цензуры, на поляхъ большой книги, тѣмъ же самымъ гвоздемъ, который былъ еще при мнѣ. И я сажусь и пишу, тихо бесѣдую съ ними, и плачу. Окончивъ письмо, я сталъ отбирать немногія книги, которыя полагалъ взять съ собою, прочія же всѣ сложилъ вмѣстѣ на окно для возвра-

щенія ихъ роднымъ и книгу съ оттискомъ гвоздя положилъ въ середку. Впослѣдствіи уже узналъ я, что это клинообразное письмо мое достигло своего назначенія и было разобрано и воспроизведено чернилами на бумагѣ рукою брата моего Николая. Рукопись эта хранилась у меня съ вышеупомянутыми письмами, какъ дорогое воспоминаніе, и раздѣлила общую съ ними судьбу, о чемъ я теперь очень горюю. Это были живые оттиски пережитыхъ въ то время изліяній взаимныхъ мыслей и чувствъ разлучаемыхъ старыхъ друзей. Въ этотъ вечеръ, поздно, уже къ ночи, было вновь хожденіе въ корридорѣ, бѣготня съ ключами и отвореніе дверей келій, и выводимы были по одиночкѣ заключенные товарищи. Отправка насъ была въ ночное время, неторопливая, небольшими группами, и, надо полагать, отправители руководились глубокомысленнымъ соображеніемъ—именно тѣмъ, что по одной дорогѣ отправляемые не должны были встрѣтиться, а потому вывозимы были сутками раньше или позже. Ночное же время отправки объясняется скрытностью, вообще негласностью дѣйствій правительства.

Мнѣ не было извѣстно, когда, по ихъ разсчету, я долженъ былъ быть отправленъ, между тѣмъ вдругъ, во время хожденія, остановка у моей кельи: открылась дверь, и я увидѣлъ входящаго ко мнѣ Алексѣя Николаевича Плещеева. Онъ былъ одѣтъ въ шубу и съ шапкою въ рукѣ. Его я зналъ давно, какъ товарища по университету; встрѣчи съ нимъ и бесѣды наши въ жизни были недолгія, но многочисленныя, и между нами сохранялись самыя искреннія товарищескія чувства. Его посѣщеніе передъ отъѣздомъ, съ желаніемъ проститься, отозвалось въ сердцѣ моемъ самымъ дружескимъ привѣтствіемъ и сочувствіемъ. Свиданіе было минутное, но сердечное,—мы обнялись, и, когда онъ ушелъ и шумъ шаговъ его замолкъ въ корридорѣ, я заплакалъ и со слезами провожалъ его, стоя у фортки. «Но почему же не зашелъ ко мнѣ Ипполитъ Дебу,—когда можно было проститься?!» Это огорченіе стало чувствоваться еще живѣе послѣ посѣщенія меня Плещеевымъ.

Впослѣдствіи, уже по истеченіи многихъ лѣтъ, когда увидалъ я вновь Ипполита Дебу и сдѣлалъ ему этотъ упрекъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Ахъ, другъ мой! да развѣ мы были тогда въ состояніи вмѣняемости. Всѣ мы потеряли голову, я и съ братомъ моимъ не простился,—развѣ ты не помнишь, въ какомъ состояніи мы были?!..—Вѣдь я же тебя не переставалъ любить и теперь люблю, какъ прежде!?..»

Такъ разрѣшаются многія загадки въ жизни. Но еще осталась неразрѣшенною другая загадка, касающаяся нашего дѣла: встрѣтившіеся впослѣдствіи въ жизни товарищи, разсказывая о своихъ странствіяхъ, неохотно касались времени заключенія въ крѣпости, какъ бы избѣгая этого, ничего не распрашивали одинъ другого объ этомъ періодѣ времени,—какъ они проживали въ одиночныхъ заключеніяхъ и каковы были ихъ отношенія къ суду. Они, конечно, были столь же раз-

личны, какъ и характеры каждаго, смотря по впечатлительности, переносчивости и степени умственной зрѣлости, возрастающей не всегда равномѣрно съ годами.

Въ первое время, пока всѣ были еще не измучены, по всей вѣроятности, сохранялась бодрость духа и самообладаніе, а послѣ, судя по читанной уже на Семеновскомъ плацу о каждомъ конфирмаціи, этого нельзя было сказать, по крайней мѣрѣ, о большей части подсудимыхъ. Что касается меня, то на моемъ сердцѣ тяжкимъ упрекомъ легло, какъ въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія моего въ крѣпости, такъ и во все послѣдующее время,—отреченіе мое отъ своихъ убѣжденій въ надеждѣ на помилованіе (т. е., избавленіе отъ смерной казни), каковое, какъ я узналъ впослѣдствіи, было заявлено почти всѣми, въ различнѣйшихъ выраженіяхъ,—этимъ, можетъ быть, объясняется и неоставленіе никѣмъ изъ насъ какихъ либо мемуаровъ по нашему дѣлу, несмотря на то, что многіе могли бы это исполнить и въ болѣе совершенной формѣ, чѣмъ я теперь стараюсь воспроизвести пережитое мною. Я говорю «*можетъ быть*», потому что навѣрное этого сказать не могу.

Эти послѣдніе дни пребыванія моего въ крѣпости безпрестанно мысли мои вращались въ соображеніяхъ и догадкахъ о предстоящей мнѣ жизни въ Херсонѣ, и всегда сожалѣя о несостоявшемся путешествіи въ Сибирь, я утѣшался мыслью, что мѣстомъ ссылки назначена мнѣ не сѣверная, а южная окраина Россіи и городъ примыкающій—такъ полагалъ я—къ Черному морю, которое интересовало меня, какъ любителя природы, и притомъ мною еще невиданной. О Кавказѣ, куда я назначенъ былъ по минованіи срока пребыванія въ арестантской ротѣ, я почти не помышлялъ,—такъ назначенные четыре года казались мнѣ долгими и неизвѣстно какъ еще переживаемыми.

II.

Наконецъ настала ночь и моего отправленія, и я переступилъ на всегда порогъ запиравшей меня двери и вышелъ изъ стѣнъ душной тюрьмы. Это было, сколько мнѣ помнится, 27 декабря. Я сѣлъ въ стоявшія у крыльца крытыя сани и съ сопровождавшимъ меня крѣпостнымъ конвоемъ подвезенъ былъ черезъ крѣпостную площадь въ знакомый мнѣ бѣлый домъ. Я введенъ былъ не вверхъ, какъ прежде, а въ помѣщеніе нижняго этажа, въ комнату полную людьми. Тамъ было все крѣпостное начальство съ комендантомъ, нѣсколько фельдъегерей, незнакомыя мнѣ лица, казалось, генералы, и нѣсколько статскихъ, тоже незнакомыхъ мнѣ людей.

За маленькимъ столомъ, къ которому я былъ подведенъ, сидѣлъ чиновникъ и записывалъ что-то. Насъ сдавали фельдъегерямъ; они

получали инструкціи и запечатанные конверты. Въ это время подошелъ ко мнѣ одинъ изъ статскихъ и, привѣтствуя меня, назвалъ по фамиліи. Взглянувъ на него я увидѣлъ лицо мнѣ знакомое, бывавшее на собраніяхъ Петрашевскаго, но фамиліи его не могъ вспомнить; тогда онъ сказалъ мнѣ: «Я Щелковъ». Этимъ именемъ онъ мнѣ сказалъ все, возбудивъ во мнѣ рядъ воспоминаній: это былъ мой сосѣдъ по тюремной кельѣ, въ равелинѣ перваго моего помѣщенія, съ которымъ удалось мнѣ обмѣняться черезъ окно только нѣсколькими словами—пѣвецъ, столь привлекавшій и развлекавшій меня своими пѣснями въ мрачномъ уединеніи нашего общаго помѣщенія—онъ былъ настоящій «пѣвецъ любви, пѣвецъ своей печали». Привѣтствіе его отозвалось въ моемъ сердцѣ самымъ живымъ отголоскомъ благодарности и удовольствіемъ видѣть его на свободѣ.

Мы обмѣнялись нѣсколькими словами сочувствія и участія и простились съ нимъ сердечно. Онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости 23 іюля, со многими другими, по слѣдствію оказавшимися невиновными,—какъ это описано въ первой части моихъ воспоминаній. Съ тѣхъ поръ опустѣла келья, въ которой на весь корридоръ раздавались столь звучныя, столь задушевныя русскія пѣсни, и наступила совершенная тишина, порою прерываемая только громкими вздохами и другими наводившими уныніе звуками. Гдѣ теперь Щелковъ и живъ ли еще? Встрѣча съ нимъ теперь была бы для меня несказанно желательна и пріятна. Въ эти ¼ часа я былъ еще представленъ какому-то генералу, который молча разсматривалъ меня. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Игнатьевъ—дежурный генералъ главнаго штаба, принимавшій въ судьбѣ моей участіе. Въ этомъ же помѣщеніи я увидѣлъ еще одного изъ отправляемыхъ товарищей, съ которымъ я лично не былъ знакомъ прежде, это былъ Дуровъ.

Безъ всякаго напутствія и участія, я былъ выведенъ изъ этой передаточной станціи и сѣлъ въ кибитку. Фельдъегерь помѣстился со мною рядомъ, и въ это время замѣтилъ я, что что-то тяжелое, желѣзное, опущено было къ ногамъ ямщика. Было тёмно, и я не могъ разглядѣть, что это, но мнѣ показалось, что это были кандалы, какъ впослѣдствіи я и убѣдился въ этомъ...

Начались новыя и еще неизвѣданныя мною душевныя отягченія. Ахъ, ихъ такъ много въ жизни, они безконечно разнообразны, и нѣтъ числа измышленнымъ пыткамъ, истязаніямъ и злодѣйствамъ всякаго рода, которыми отягчилъ свою собственную жизнь человѣкъ!

III.

Мы двинулись и выѣхали изъ крѣпости. Я сидѣлъ молча, погруженный въ смутную думу. На заставѣ была остановка у существовавшаго прежде шлагбаума, а затѣмъ, со звономъ колокольчика курьер-

ская тройка вынесла меня на чистый воздухъ. Зимняя, темная ночь блистала звѣздами, и воздухъ отъ быстрой ѣзды обдавалъ меня свѣжею волною и сдувалъ послѣднюю тюремную пыль и гниль. Петербурга я не жалѣлъ болѣе, такъ какъ въ немъ мнѣ жить можно было только въ тюрьмѣ. Мысли мои, какъ и глаза, были устремлены въ даль, и я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на блиставшія звѣзды, которыми такъ обильно усыпано было все небо. Давно я не видѣлъ такой картины,—свиданіе съ природой, послѣ долгой разлуки съ нею, для человѣка столь же драгоцѣнно, какъ съ своею родиною, съ родною средою, съ милыми сердцу людьми. И она приняла меня вновь въ свои объятія, и я полною грудью вдыхалъ ея живительную силу и роскошное приволье. Она неожиданно поразила меня и здѣсь, какъ на Семеновскомъ плацу, и заставила забыть душевныя тягости. Видъ дали и просторъ снѣжныхъ полей, замѣнившихъ тѣсныя стѣны тюрьмы, былъ мнѣ сладостно пріятенъ. Колокольный звонъ Петропавловскаго собора, столь часто пробуждавшій меня по ночамъ, звонъ ключей и другіе однообразно смѣнявшіеся тюремные звуки исчезли навсегда и замѣнились тишиной и тихимъ звукомъ скользящихъ по снѣгу санныхъ полозьевъ. Это было успокоеніе, ни съ чѣмъ несравнимое.

Упиваясь новыми впечатлѣніями, сидѣлъ я молча, безъ желанія произнести слово. Сосѣдъ мой былъ къ тому же молчаливъ. Скоро доскакали мы до станціи, и тутъ я увидѣлъ, что за нами ѣхала еще другая тройка, везшая жандарма. Это былъ солдатъ, совсѣмъ еще юный, одѣтый жандармомъ, съ пистолетомъ за поясомъ, готовый, конечно, выстрѣлить безъ размышленія, въ кого прикажутъ, но онъ былъ воинъ николаевской арміи, взятый на 25-лѣтнюю службу, запуганный строгостью начальства, выдержавшій уже церемоніальное фронтовое ученіе со всѣми его тягостями и побоями, но умѣвшій стрѣлять только холостыми зарядами. Фельдъегерь вышелъ на станцію, жандармъ оставался при мнѣ. Лошади были сейчасъ же впряжены. Фельдъегерь вышелъ и приказалъ жандарму сѣсть въ тѣ же сани, рядомъ съ ямщикомъ, слѣдовавшій же за нами экипажъ былъ отмѣненъ (это имѣло особое значеніе, которое мнѣ выяснилось позже), и мы двинулись сразу вскачь.

Дорога была гладкая, сосѣдъ мой быль неразговорчивъ, мнѣ даже показалось, что онъ дышетъ какъ сонный. Мнѣ было тепло въ моей хорошей шубѣ и теплыхъ сапогахъ, тулупъ же, пожалованный мнѣ на Семеновскомъ плацу, долженъ былъ находиться при мнѣ, какъ собственность арестанта, также и теплыя сапоги; и они лежали у меня въ ногахъ. Мы ѣхали, вѣроятно, по бѣлорусскому тракту; станціи смѣняли одна другою. Сосѣдъ мой спрашивалъ меня, хорошо ли я сижу, совѣтовалъ мнѣ заснуть и, садясь въ экипажъ, сейчасъ же впадалъ въ сладкій сонъ; мнѣ показалось даже, что онъ пьянъ.

Настало утро, разсвѣло, и я увидѣлъ вновь поднявшееся солнце и освѣщенныя его блескомъ бѣлыя поля и мелькавшіе кое-гдѣ лѣса, привлекавшіе мой взоръ своимъ просторомъ. Дневной блескъ былъ ослѣпителенъ для глазъ, привыкшихъ къ полусвѣту тюрьмы, и заставлялъ меня прищуриваться. Погода была ясная и морозная; мы скакали. Отъ быстрой ѣзды сгущеннымъ воздухомъ обдувало мнѣ лицо и отъ копытъ летѣла снѣжная пыль и комки. Я закрывался отъ нихъ. Не было болѣе мыслей, тяготившихъ меня въ тюрьмѣ; сомнѣнія и мучительныя думы разрѣшились, согласно моему горячему желанію—я вышелъ изъ тюрьмы сосланнымъ. Я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и въ нѣкоторой степени даже счастливымъ. Въ такомъ настроеніи сидѣлъ я молча и не чувствовалъ желанія вступить въ разговоръ съ моимъ дремлющимъ сосѣдомъ, но сидѣвшій передо мной жандармъ часто привлекалъ мое вниманіе, — онъ былъ одѣтъ не по зимнему и, стараясь укрыться въ свое недостаточно теплое платье, ворочался, жался и отворачивалъ отъ вѣтра лицо, — онъ сильно мерзнулъ. Тогда пришла мнѣ счастливая мысль: улучивъ минуту, я обратилъ вниманіе моего сосѣда на трудное положеніе нашего спутника и на безполезно лежавшее у меня въ ногахъ теплое платье.

— Тебѣ холодно?—спросилъ онъ жандарма.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

— Если вамъ угодно дать ему вашу шубу, то я ничего не имѣю противъ этого, вы желаете?

— Да, я этого желаю, а то вѣдь онъ можетъ замерзнуть,—отвѣтилъ я ему рѣшительно. Онъ велѣлъ остановиться и приказалъ жандарму вытащить изъ-подъ моихъ ногъ теплую шубу и надѣть на себя. Приказаніе было исполнено съ радостнымъ удивленіемъ.

— Тутъ еще есть сапоги, ты ихъ можешь тоже надѣть.

— Это уже онъ надѣнетъ на станціи,—пошелъ!

Но вотъ, доѣхали и до станціи.

— Будемъ здѣсь пить чай,—сказалъ фельдъегерь. Я былъ очень радъ его предложенію, такъ какъ, изъ тюремнаго затворничества перейдя вдругъ въ пассивное, быстрое, безостановочное движеніе по морозному воздуху, я чувствовалъ себя утомленнымъ ѣздою и голодомъ.

IV.

Мы вошли; я съ удовольствіемъ снялъ шубу, и скоро всѣ мы предались общему природному чувству отдохновенія отъ лежавшихъ на каждомъ своихъ обязанностей, и насыщенія себя пищею и теплымъ, пріятнымъ напиткомъ, котораго я не былъ лишенъ и въ крѣпости.

Отдохнувъ, не торопясь, мы вновь пустились въ путь. Сопутствующій меня фельдъегерь сталъ болѣе привѣтливъ, и мы вступили въ разговоръ. Я спрашивалъ его о Херсонѣ, былъ ли онъ тамъ и не знаетъ ли людей, съ которыми я буду имѣть дѣло.

— Въ Херсонѣ я не былъ,—отвѣтилъ онъ,—но бывалъ во многихъ городахъ и возилъ ссылаемыхъ въ Сибирь. Вездѣ имъ оказываемы были снисхожденія, тѣмъ болѣе въ россійскихъ губерніяхъ; я полагаю, вамъ не будетъ такъ дурно, какъ это вамъ, можетъ быть, кажется. Вѣроятно, вы даже не будете посылаемы на работы.

Слова его меня успокоили, и я видѣлъ въ нихъ нѣкоторое участіе и деликатность въ обращеніи со мною. Родомъ онъ былъ финляндецъ и человѣкъ уже не молодой, много ѣздившій и видѣвшій—блондинъ, высокаго роста, полный. Онъ интересовался и нашимъ дѣломъ и моею виновностью, но былъ сдержанъ и коротокъ въ своихъ вопросахъ и, начиная ихъ, скоро замолкалъ. Я тоже остерегался сказать что-либо лишнее, не довѣряясь искренности его бесѣды.

Погода благопріятствовала, и мы быстро мчались по гладкому санному пути. Станціи смѣнялись, и не было недостатка въ остановкахъ на станціяхъ, болѣе снабженныхъ запасами пищи. Жандармъ служилъ мнѣ, какъ лакей; при остановкахъ соскакивалъ быстро и меня высаживалъ и при отъѣздахъ усаживалъ въ экипажъ подъ руки. Забота обо мнѣ была большая, такъ какъ я былъ самою цѣнною вещью въ пути, которую нужно было доставить въ сохранности цѣлою и невредимою. О прогонахъ, составлявшихъ большую заботу въ прежнихъ моихъ поѣздкахъ, въ этомъ путешествіи я не имѣлъ никакихъ заботъ—словомъ, поѣздка моя сама по себѣ была безупречна, и я не помню въ моей жизни болѣе беззаботнаго и быстраго путешествія. Но каждая дорога оцѣнивается прежде всего и главнымъ образомъ цѣлью ею достигаемою, и всѣ неудобства и тягости пути переносятся легко, когда ими достигается счастіе прибытія въ желаемое мѣсто,—на родину, къ милымъ друзьямъ, но этого то главнаго утѣшенія у меня и не было. Я ѣхалъ поневолѣ и въ мѣсто мнѣ неизвѣстное, гдѣ ожидала меня новая тюрьма, именуемая острогомъ, и все спокойствіе и удобства пути нарушались мыслью прибытія. Солдатикъ, провожавшій насъ, одѣтый тепло и кушавшій вдоволь, сдѣлался моимъ усерднѣйшимъ слугою и болѣе пріятнымъ мнѣ спутникомъ, чѣмъ сосѣдъ, съ которымъ, несмотря на его кажущееся добродушіе, существовали натянутыя отношенія, да кромѣ того онъ на станціяхъ угощалъ себя порядочно спиртными напитками и дорогою часто спалъ. Мы ѣхали рождественскими праздниками, заготовленной пищи было вдоволь, а проѣзжихъ почти не было,—всѣ старались къ праздникамъ быть дома.

Такъ мы проѣхали уже трое сутокъ и въѣхали въ хвойные лѣса

Могилевской губерніи. Не помню въ точности, какъ у насъ произошелъ разговоръ о ночлегѣ, но помню, что я поставлялъ ему на видъ нашу безъ надобности торопливую и утомительную ѣзду и говорилъ ему:

— Зачѣмъ спѣшить? Ни васъ, ни меня въ Херсонѣ никто не ждетъ, теперь же праздники и всѣ люди отдыхаютъ, а мы безъ отдыха все ѣдемъ,—безо всякой надобности!

— Да, это правда, конечно,—отвѣтилъ онъ,—но знаете, такая ужъ фельдъегерская ѣзда, отъ насъ тоже требуется поспѣшность, но мы вѣдь и не особенно торопимся. Если хотите, можно и остановиться переночевать.

И вотъ, доскакавъ ночью до станціи болѣе удобной, мы расположились на ночлегъ. Тогда были еще большія столбовыя дороги, какъ единственные пути сообщенія, и станціи съ двумя, тремя комнатами, хорошо выстроенныя изъ камня, поддерживались въ порядкѣ; мебель для ночлега удобная, большіе диваны и стулья, покрытые черной клеенкой, и столъ обыкновенно достаточной величины, печи были изразцовыя, жарко нагрѣваемыя.

На одной изъ такихъ станцій мы остановились и помѣстились всѣ втроемъ въ одной просторной комнатѣ. Поданъ былъ самоваръ и ѣда съ водкой и пивомъ. Я пилъ чай и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. При временныхъ выходахъ изъ комнаты фельдъегеря я угощалъ нашего солдатика водкою, и на его долю было достаточно пищи. Мы всѣ были сыты и улеглись спать. Мнѣ не спалось, мои же спутники заснули скоро крѣпкимъ сномъ. Нѣсколько позже, подъ слышнымъ, храпящимъ дыханіемъ фельдъегеря заснулъ и я. Уставшіе отъ дороги, мы спали всѣ, какъ спятъ наработавшіеся здоровые люди, но я проснулся прежде всѣхъ. Мнѣ снилось послѣднее мое свиданье съ родными, и оно стояло передъ моими глазами. Въ комнатѣ было темно, и я чувствовалъ потребность выйти. Не зная куда, я подошелъ къ выходной двери, но она была заперта ключомъ, и ключъ былъ вынутъ. Какъ бы найти его, думалъ я, но въ темнотѣ искать было нельзя, я сталъ ощупывать столъ и нашелъ сѣрнички (тогда другихъ спичекъ еще не было). Освѣтивъ комнату, я увидѣлъ и ключъ, лежавшій на столѣ. Я надѣлъ пиджакъ, отворилъ дверь и вышелъ въ корридоръ, а оттуда и на подъѣздное крыльцо станціи.

Выйдя на чистый воздухъ, я медлилъ возвратиться на свое мѣсто;— чудесная ночь и уединеніе отъ надзора обворожили меня, и я стоялъ, наслаждаясь чистымъ воздухомъ и созерцаніемъ природы. Я былъ тогда молодъ, здоровъ и за три дня ѣзды уже окрѣпшимъ порядочно отъ въѣвшейся въ меня тюремной гнили и не чувствовалъ холода. Въ это время со двора станціи выѣхали сани и изъ корридора вышелъ какой-то проѣзжій въ шубѣ, готовый сѣсть въ нихъ, мужчина очень

высокаго роста. Онъ сказалъ нѣсколько словъ людямъ, стоявшимъ у его саней, и въ звучномъ и низкомъ голосѣ его послышалось мнѣ что-то знакомое. Есть такія наружности, которыя съ перваго взгляда навсегда остаются въ памяти, и голоса столь своеобразно звучащіе, что они всюду сразу узнаваемы. Общій обликъ проѣзжаго и его высокій ростъ возобновили въ моей памяти человѣка, со мною нѣсколько знакомаго.

— Позвольте васъ спросить,—сказалъ я ему,—не Іевлевъ ли вы?

— И весьма Іевлевъ,—былъ рѣшительный его отвѣтъ.—А вы кто же?—спросилъ онъ меня.

— Я одинъ изъ братьевъ Ахшарумовыхъ, бывшихъ съ вами на кавказскихъ водахъ въ Пятигорскѣ.

— Ахшарумовъ?!. Такъ это вы ѣдете съ фельдъегеремъ?

Тутъ у насъ завязался разговоръ.

— Кончилось, наконецъ, это дѣло, которымъ васъ обвиняли Богъ знаетъ въ чемъ!... Вѣдь васъ всѣ сожалѣютъ въ Петербургѣ... Что же это? Вы ссылаетесь? Куда?... Куда же это? За что? — говорилъ онъ своимъ звучнымъ басомъ.

Запуганный уже всѣмъ предшествовавшимъ и опасаясь, чтобы не произошла какая тревога, по случаю моего тайнаго ночного свиданія съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, я просилъ его говорить потише. Разговоръ мой на крыльцѣ былъ сдержанъ и не вполнѣ искрененъ. Я просилъ его передать нашимъ общимъ знакомымъ мои поклоны и разсказать о нашей встрѣчѣ.

Вернувшись въ нашу спальню, я засталъ тамъ спавшихъ сладкимъ сномъ моихъ спутниковъ. Но мнѣ было уже не до сна. Ясная ночь и безнадзорное уединеніе манили меня какъ бы на свободу. Посмотрѣвъ еще разъ на крѣпко спавшихъ моихъ тѣлохранителей, я надѣлъ шапку и шубу и вышелъ вновь съ мыслью: «Пойду я, погуляю на волѣ,— Богъ знаетъ, когда я этого дождусь, да и дождусь ли еще!..»

Я вышелъ вновь на крыльцо. Не было никого, зимняя ночь казалась мнѣ чудесной, звѣзды блистали. Лѣса, обвисшія хлопьями снѣга, спали зимнимъ сномъ; мѣсяцъ плылъ въ облакахъ. Ничто не нарушало этой величественной тишины—я былъ одинъ и, сойдя на дорогу, стоялъ и смотрѣлъ кругомъ, то на звѣзды, то на лежащій передъ глазами дальній путь и на стоявшіе по бокамъ его темные стволы густыхъ лѣсовъ, обвисшіе зелено-снѣжными вѣтвями. Мой путь лежалъ на югъ, гдѣ блисталъ Оріонъ, но взоръ мой болѣе обращался къ сѣверу,—тамъ осталось все дорогое, все любимое мною. Созерцаніе природы смѣнялось чувствомъ тоски и полнаго одиночества, но особую прелесть имѣло для меня и это минутное безнадзорное уединенье. Если нельзя быть съ друзьями, то ужь лучше быть одному и среди природы! Такъ прогуливаясь вблизи станціи по большой дорогѣ, у самаго лѣса, въ особомъ, то грустномъ, то восторженномъ настроеніи,

говорилъ я громко самъ съ собою, какъ бы въ бреду, восхищенный то природою, то своимъ уединеніемъ, то тоскующій объ отсутствіи всего любимаго и предаваясь этому чувству, я обращался къ небесамъ и, жалуясь на жестокія мои скорби земныя,—говорилъ то стихами, то прозою. (Стихи эти воспроизведены были впослѣдствіи).

Судьба жестокая свершилась надо мной.
Отъ смертной казни я едва освобожденный,
Стою среди снѣговъ, одинъ въ странѣ чужой,
Въ острогѣ, какъ въ тюрмѣ, погибнуть осужденный.

—

Прощай, мой милый край, семья родная!
Все лучшее, что въ жизни я любилъ,
И родина моя, столица дорогая!
Я съ вами счастливъ былъ, но счастья не цѣнилъ.

—

Васъ больше нѣтъ при мнѣ, судьбы рукой суровой
Въ изгнанье дальнее влекусь я—скорбь въ душѣ!
Такъ вихремъ сорванный отъ дерева родного,
Летитъ зеленый листъ увянуть вдалекѣ!..

—

Свободы я лишенъ, и въ бѣгствѣ нѣтъ спасенья;
Въ обители снѣговъ одинъ я здѣсь стою...
Кому я выскажу тяжелыя мученья,
Которыя тѣснятъ и давятъ грудь мою?

—

Услышьте-жъ вы меня, дремучіе лѣса!
Одни свидѣтели и жалобъ, и страданья,
И съ жизнью моего послѣдняго прощанья;
И вы, горящія святыя небеса!

Я стоялъ одинъ на дорогѣ, кругомъ лежали снѣга, и слезы текли изъ глазъ, и я говорилъ вновь, засматриваясь на звѣзды:

Ахъ, сколько звѣздъ на небесахъ,
И какъ они горятъ!
Есть жизнь вдали,—въ другихъ мірахъ,—
Они намъ говорятъ:

—

Земля ничто,—смотри кругомъ,
Какъ блещетъ все живымъ огнемъ,
Тебя мы ждемъ, тебя мы ждемъ,
Тебя зовемъ, тебя зовемъ!

Какъ описать эту ночную прогулку—это мое полное освобожденіе не только отъ передвижной фельдъегерской тюрьмы, но и отъ всѣхъ земныхъ тягостей.—Я былъ высоко улетѣвшимъ на недосягаемой высотѣ, и я бы желалъ сбросить мою тѣлесную оболочку, но мнѣ еще суждено было жить!.. Гулялъ я, не заботясь о времени моего отсутствія. Не хотѣлось мнѣ возвращаться на станцію. Я сѣлъ на пень и

вдругъ почувствовалъ, что дремлю, и, вскочивъ, поспѣшно направился вновь къ крыльцу. Дѣлать нечего,—надо добровольно предать себя вновь въ руки стражи. Тихо вошелъ я въ корридоръ и тихо отворилъ дверь комнаты и заперъ ее на ключъ. На станціи повсемѣстно былъ мертвый сонъ. На часахъ было 7 утра, и я, снявъ платье, вновь улегся на диванъ и заснулъ.

V.

Утромъ не очень рано, сѣли мы по своимъ мѣстамъ въ дорожную кибитку и скакали вновь и день и ночь, останавливаясь только для ѣды. И вотъ, мы уже въ степяхъ Малороссіи. Тутъ днемъ случилось одно происшествіе, которое обнаружило грубый нравъ моего спутника, и оно совпало съ особымъ біологическимъ явленіемъ, комически присоединившимся къ нашему государственному поѣзду. Фельдъегерь выходилъ изъ саней почти на каждой станціи и при возвращеніи, садясь въ сани, былъ напутствуемъ смотрителемъ станціи пожеланіемъ благополучія. Видно было, что онъ уѣзжалъ со станцій въ добрыхъ отношеніяхъ съ смотрителями ихъ, но въ этотъ разъ онъ вышелъ недовольный, въ крупномъ разговорѣ съ хозяиномъ станціи и, какъ мнѣ показалось, болѣе обыкновеннаго выпившій; нахмуренный, сердито взглянулъ онъ на запряженную тройку, которой пристяжныя едва были сдерживаемы за уздцы стоявшими по бокамъ людьми, а коренную притягивалъ вожжами сильный ямщикъ. Тройка мощныхъ лошадей рвалась скакать. Смотритель провожалъ насъ; фельдъегерь, поспѣшно сѣвъ въ кибитку, сказалъ ему: «Будете помнить меня! Пошелъ»! Люди сразу бросили пристяжныхъ, и тройка рванулась и понесла... Мы мчались, дорога была ровная, гладкая,—степь и даль безъ конца.

Какъ утлый чёлнъ, подхваченный бурнымъ вѣтромъ, неслась, то колеблясь, то слегка подскакивая, наша кибитка. Такъ быстро мы не скакали ни разу. Ямщикъ, опасаясь за благополучіе ѣзды, сталъ сдерживать разгоряченныхъ скакуновъ, но фельдъегерь, полусонный, кричалъ: «Пошелъ!» Въ это-то время столь быстрой ѣзды вдругъ поражены мы были страннымъ явленіемъ—присоединеніемъ къ намъ четвертаго спутника,—и не съ дороги присѣлъ онъ къ намъ, а слетѣлъ съ небесъ и помѣстился у меня въ ногахъ. Большой, дикій, бѣлый гусь, догнавъ насъ своимъ поспѣшнымъ полетомъ, бросился къ намъ въ кибитку. Мы всѣ были поражены такимъ страннымъ явленіемъ, одинъ ямщикъ, занятый дѣломъ, не замѣтилъ его. Фельдъегерь, изумленный, закричалъ: «Стой», но нелегко было остановить несшихъ насъ коней. «Стой!» кричалъ онъ: «что это такое?!» Ямщикъ не могъ остановить лошадей, и онъ билъ его,—такъ вымѣщалъ онъ свой гнѣвъ

на смотрителя—и ничѣмъ неповинный въ людскихъ отношеніяхъ гусь подвергался вліянію его озлобленнаго настроенія. Я выглянулъ изъ кибитки и увидѣлъ большую хищную птицу—степного орла, перелетавшаго дорогу. Такъ вотъ разгадка страннаго явленія: дикій гусь, не зная куда дѣваться, искалъ спасенія отъ настигшаго его орла въ кибиткѣ нашей,—подъ кровомъ человѣка, которому рѣшился ввѣрить свою жизнь, спасаясь отъ вѣрной грозившей ему кровавой смерти. Любя природу и животныхъ, я очень заинтересовался такимъ рѣдкимъ біологическимъ явленіемъ и принялъ къ сердцу поступокъ гуся, ввѣрившаго намъ свою жизнь, фельдъегерь-же, узнавъ, въ чемъ дѣло, хотѣлъ немедленно вышвырнуть незваннаго спутника и выталкивалъ уже его изъ подъ моихъ ногъ, но я воспротивился тому рѣшительно и не давалъ ему распоряжаться судьбою гуся. Я защищалъ его обѣими руками.

— Онъ не мѣшаетъ мнѣ,—оставьте его въ покоѣ, пусть улетитъ орелъ, тогда мы его спустимъ.

— Что же вы хотите привезти его на станцію?!—Фельдъегерь возитъ гусей! Этого еще не бывало!...—Онъ снова хотѣлъ его выпихнуть, но я всѣми силами защищалъ гуся и готовъ былъ на драку изъ-за него.

— Да оставьте же его, вѣдь его заклюетъ орелъ,—до станціи еще далеко, мы его долго держать не будемъ.

Таковы были наши разговоры. Ямщикъ, увидѣвъ гуся, тоже отвлекся отъ своего дѣла, и фельдъегерь вновь набросился на него: онъ сердито кричалъ вновь «пошелъ!» и билъ его въ спину и въ шею, забывъ о гусѣ. Такъ скакали мы съ гусемъ; фельдъегерь продолжалъ погонять ямщика, желая загнать лошадей, но лошади были не таковы—они мчались и несли насъ. Проскакавъ нѣсколько верстъ, мы выпихнули изъ саней обезумѣвшаго отъ страха гуся.

Читатель догадался, быть можетъ, о причинѣ гнѣва моего обыкновенно тихаго и больше дремавшаго и спавшаго спутника. Смотрители станцій боятся фельдъегерей и не берутъ съ нихъ прогонныхъ денегъ, лишь бы они лошадей оставили въ цѣлости, но смотритель упомянутой станціи не захотѣлъ сдѣлать этой уступки фельдъегерю. Послѣднему, однако же, не удалось въ этотъ разъ, благодаря крѣпости лошадей, нанести ему желаемый вредъ. Мы прибыли на станцію благополучно, съ рискомъ повредить скорѣе экипажъ или себя, но не лошадей, которыя, проскакавъ верстъ 20, остановились послушно у подъѣзда новой станціи. Слава Богу, мы прибыли благополучно и спасли еще гуся, который обязанъ своею жизнью всецѣло и единственно политическому дѣлу Петрашевскаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ былъ бы сжаренъ на станціи или на кухнѣ какого-либо помѣщика или казака.

VI.

Мы ѣхали на праздникахъ, какъ уже извѣстно читателю. Въ дальнѣйшемъ пути нашемъ, въ Кіевской или Черниговской губерніи, поздно ночью подъѣзжая къ одной изъ большихъ станцій, мы увидѣли ее освѣщенною и, приближаясь къ ней, услышали музыку.

— Это новый годъ встрѣчаютъ,—сказалъ фельдъегерь.

И въ самомъ дѣлѣ было 31 декабря 1849 года. Когда мы вошли на станцію и въ корридорѣ повернули въ правую, пустую, незанятую половину ея, фельдъегерь поспѣшно ушелъ отыскать смотрителя, а я съ жандармомъ оставался въ этой комнатѣ. Въ другой половинѣ играла музыка, въ отворенной двери корридора появились одѣтыя по праздничному дамы; ихъ было много, и онѣ съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣли на меня и на жандарма: не входя въ комнату, онѣ столпились въ дверяхъ, смотрѣли и шептались. Какъ видно, онѣ сейчасъ же поняли, что везутъ какого-то политическаго ссыльнаго, и это возбудило ихъ любопытство и, повидимому, сочувствіе и участіе. Черезъ нѣсколько секундъ замолкла музыка, и хозяинъ, войдя поспѣшно, просилъ гостей удалиться въ другіе комнаты и заперъ дверь на ключъ. Водворилась полная тишина; запрягли лошадей, и мы уѣхали поспѣшно.

Путешествіе наше продолжалось безостановочно день и ночь, и мы были уже въ Херсонской губерніи. Фельдъегерь загонялъ еще на одномъ перегонѣ лошадей, но и тутъ лошади выдержали испытаніе.

Настaлъ день моего прибытія къ мѣсту назначенія. Отношенія мои къ пьяному спутнику были вообще хорошія. Онъ заботился объ удобствахъ поѣздки и въ бесѣдахъ со мною все обнадеживалъ меня относительно благополучія предстоящей мнѣ жизни въ Херсонѣ.

Утромъ, рано напившись чаю, часовъ около 12-ти мы закусили на станціи и затѣмъ безостановочно спѣшили прибыть на мѣсто. Я былъ очень легковѣренъ: обнадеживаемый, убаюкиваемый словами фельдъегеря, въ которыя мнѣ хотѣлось вѣрить, я желалъ уже скорѣе прибыть въ Херсонъ—тамъ можно будетъ отдохнуть и утолить свой голодъ; не стоитъ уже останавливаться на станціяхъ; завтра же, даже сегодня хорошо бы сходить въ баню, вѣдь болѣе 8 мѣсяцевъ я не имѣлъ этого привычнаго омовенія. Такъ убаюкивая себя совсѣмъ несбыточными, какъ оказалось впослѣдствіи, мечтами, я прибылъ на мѣсто назначенія. Мы въѣхали въ Херсонскую крѣпость и остановились на большой площади, у дома коменданта,—это было уже вечеромъ, когда начинало темнѣть.

Войдя въ домъ коменданта, я долженъ былъ остаться въ передней, съ охраняющимъ меня жандармомъ, а фельдъегерь вышелъ въ другія комнаты. Черезъ ¼ часа я былъ позванъ войти въ пріемную,

большую комнату. Ко мнѣ вышелъ худой, сѣдой старикъ, средняго роста. Онъ сначала молча остановился, подойдя ко мнѣ и, казалось, осматривалъ меня. Я былъ одѣтъ въ моемъ статскомъ платьѣ, въ которомъ былъ арестованъ 23-го апрѣля; волосы, нестриженные въ теченіе 8—10 мѣсяцевъ, нисходили на шею и на плечи. Лицо, отъ дороги уже поправившееся отъ тюремнаго сидѣнья, пролетѣвшее сквозь двухтысячеверстное протяженіе морознаго воздуха. Посмотрѣвъ на меня, какъ бы желая удовлетворить свое любопытство, быть можетъ, и не лишенное участія ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Вы молодой, мнѣ жаль васъ, но я долженъ исполнить, что предписано, и не могу сдѣлать вамъ никакихъ послабленій. Вы должны будете раздѣлить общую жизнь съ арестантами.

Онъ сказалъ мнѣ подождать и вышелъ изъ комнаты. Фельдъегеря я уже болѣе не видѣлъ. Минутъ черезъ пять явился крѣпостной офицеръ, и комендантъ снова вошелъ и, сдавъ меня ему, приказалъ отвести въ ордонансъ-гаузъ.

VII.

Тутъ пришлось мнѣ увидѣть еще никогда не виданное мною зрѣлище и испытать на себѣ всю тягость измышленныхъ людьми пріемовъ мнимой деградаціи человѣка на уровень арестанта. Я былъ введенъ въ просторную комнату, имѣвшую видъ канцеляріи: за столомъ сидѣло нѣсколько писарей. Въ дверяхъ сосѣдней комнаты стоялъ высокаго роста пожилой человѣкъ въ военномъ мундирѣ,—брюнетъ, лицо его было выразительно, своеобразно-красиво,—съ уставленнымъ на меня серьезнымъ, непривѣтливымъ взглядомъ (это былъ плацъ-майоръ Червинскій). Онъ ко мнѣ подошелъ и сказалъ: «У *тебя* много вещей?» Его обращеніе со мною на *ты* поразило меня. До сихъ поръ въ жизни моей еще никто изъ чужихъ людей не говорилъ мнѣ *ты*. Я молча перенесъ это оскорбленіе. Не было надобности говорить мнѣ такъ грубо—тутъ были все его подчиненные, но онъ счелъ долгомъ показать свое плацъ-майорское усердіе въ грубомъ, безучастномъ обращеніи со мною, какъ съ арестантомъ.

— У тебя много вещей?—спросилъ онъ меня, смотря на мой чемоданъ, стоявшій въ этой комнатѣ, на хорошую шубу и мѣховую шапку и, можетъ быть, золотую цѣпочку часовъ. Въ этихъ словахъ выразился весь его хищническій характеръ, каковъ онъ въ дѣйствительности и былъ. И ничего лучшаго не нашелъ онъ сказать прилично, какъ онъ, одѣтому интеллигентному человѣку, сосланному по политическому дѣлу, впервые представшему передъ его глазами! На вопросъ его я не отвѣтилъ, а онъ, бросивъ еще взглядъ на мое маленькое дорожное имущество, вышелъ изъ комнаты. Тутъ же сейчасъ пришелъ еще одинъ изъ оскорбителей въ военномъ сюртукѣ, но этотъ былъ

низшаго сорта—совершенный хамъ, преждевременно отъ пьянства состарившійся служака—командиръ военной арестантской роты, капитанъ, псевдо-итальянецъ Петрини. Онъ былъ роста средняго, смуглъ и нечистъ лицомъ; большой, толстый, синеватый носъ его, казалось, обнюхивалъ что-то, во рту его было немного гнилыхъ зубовъ, руки у него были грязныя, съ черною каймою ногтей. Онъ заговорилъ сиплымъ, шепелявымъ голосомъ:

— А ну, что тутъ? Что за арестантъ? Э! да сколько у него вещей! А ну-ка, раскрывай его чемоданъ.

Служитель сталъ раскрывать чемоданъ, на меня онъ не смотрѣлъ, а набросился съ любопытствомъ на содержавшееся въ чемоданѣ, столь заботливо о моемъ благополучіи уложенное моими братьями и тетушкой имущество: тамъ было фунта три чая, сахаръ, бѣлье, книги, которыя я отобралъ себѣ въ дорогу изъ бывшихъ при мнѣ въ казематѣ. Не помню всѣхъ, какія это были, но помню только два большихъ сочиненія—«Geographie» de-Balbi и Плутарха «La vie des hommes illustres de l'antiquité».

Затѣмъ тамъ были разныя мелкія вещицы, письменныя принадлежности и т. п.

На все это смотрѣлъ онъ съ особеннымъ любопытствомъ.

— Это что у тебя тутъ? А это что? Чай, сахаръ! Этого не полагается у насъ въ ротѣ, мы тебѣ покажемъ, какъ живутъ арестанты... Эти-то всѣ книги ни къ чему тебѣ, да и намъ что въ нихъ! Развѣ ты не зналъ, что бралъ ихъ съ собою?! Мы тебя научимъ, какъ у насъ живутъ!

Произнося эти слова, онъ тыкалъ всюду свое хамское рыло, жадными глазами разсматривалъ разныя дорогія мнѣ вещицы. Нѣкоторыя онъ кидалъ съ пренебреженіемъ, другія же клалъ отдѣльно, какъ бы обрадованный находкою. Окончивъ осмотръ чемодана, онъ принялся за мою персону.

— А ну раздѣвайся.

Я снялъ съ себя верхнее платье.

— Гдѣ цирюльникъ? Позвать его!

Цирюльникъ былъ уже наготовѣ, съ ножницами и бритвою.

— А ну стриги и брей его!—(Я говорю его языкомъ, и голосъ его до сихъ поръ слышится мнѣ).—Ишь какіе волосы отпустилъ!

Цирюльникъ поставилъ мнѣ стулъ, и я сѣлъ. Онъ запустилъ свою грязную гребенку въ мои волосы, вплотную съ кожею, и сталъ рѣзать какъ попало, лишь бы поскорѣе обстричь меня подъ гребенку, потомъ вынулъ мыло, грязную кисть и бритву. Я думалъ, что онъ будетъ брить мнѣ еще пушистую мою бороду и усы, но, взмыливъ кисть, онъ сразу намылилъ мнѣ лобъ, темя и всю переднюю половину головы, отъ уха до уха. Тяжело отозвались въ сердцѣ моемъ грубыя слова и совершаемыя надо мною нахальныя дѣйствія мнимаго посрам-

ленія, но бритья головы вынести я не могъ: я вскочилъ со стула, закричавъ: «Что это?» и выбѣжалъ въ другую комнату, куда ушелъ плацъ-майоръ, надѣясь найти въ немъ, какъ въ человѣкѣ болѣе образованномъ, защиту отъ такого насилія, и, увидя его стоящимъ у окна, сказалъ:

— Развѣ нужно мнѣ брить голову?—Прошу васъ, остановите ихъ!

Плацъ-майоръ, увидѣвъ меня съ намыленной головою и услышавъ обращенную къ нему просьбу, вышелъ изъ комнаты и, казалось, принялъ мою сторону.

Не помню, что онъ сказалъ командиру, наложившему на меня свои поганыя руки, но тотъ отвѣтилъ:

— Я иначе не приму его въ роту.

Плацъ-майоръ, какъ видно, былъ не только хищенъ, но и трусливъ; онъ не нашелся ничего сказать и вышелъ снова изъ комнаты, предоставивъ меня моей судьбѣ. Я долженъ былъ снова сѣсть, и мнѣ обрили переднюю половину головы отъ уха до уха, потомъ принесли казенное арестантское платье. Я снялъ часы, жилетъ и брюки; оставили на мнѣ только бѣлье, въ которомъ я пріѣхалъ, и обувь. Я долженъ былъ надѣть сѣрые арестантскіе штаны, сѣрую куртку съ квадратной, темной заплатой на спинѣ, изношенный полушубокъ и сѣрую шапку, безъ козырька, съ двумя темными полосами на крестъ. Затѣмъ вошли унтеръ-офицеръ съ нашивками и конвойный солдатъ съ ружьемъ, и приказано было меня отвести въ арестантскую роту.

Такъ исполнился надо мною приговоръ—я обращенъ былъ, по наружности, въ арестанта...

VIII.

Я вышелъ на большую площадь крѣпости въ сопровожденіи моихъ спутниковъ. Было уже темно. Мы шли съ полверсты по ровному мѣсту и затѣмъ прошли по отлогому спуску и, нисходя, подошли къ гауптвахтѣ, откуда вышли стоявшій въ караулѣ офицеръ и съ нимъ солдатъ съ ключомъ. Мы спустились еще ниже (это былъ высокій правый берегъ Днѣпра), подошли къ каменной стѣнѣ острога и остановились у его входной калитки.

Меня впустили съ унтеръ-офицеромъ на небольшой дворъ, обнесенный стѣною. Толстая калитка захлопнулась съ шумомъ. Поднявшись нѣсколько ступенекъ отъ земли, мы вошли въ просторныя сѣни и оттуда въ общую арестантскую камеру. Она имѣла видъ большого корридора съ высокимъ потолкомъ. Посрединѣ былъ проходъ и по сторонамъ нары въ два этажа.

Полумракъ и говоръ многочисленной толпы со всѣхъ сторонъ, какъ бы жужжаніе пчелъ въ большомъ ульѣ, при звукахъ болтаю-

щихся на ногахъ цѣпей и движенія во всѣхъ углахъ, поразили мой взоръ и слухъ и при этомъ воздухъ спертый обдалъ меня вдругъ. Я остановился, переступивъ порогъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ представившагося мнѣ никогда еще невиданнаго мрачнаго жилища людей, и сколькихъ людей,—живущихъ, движущихся, говорящихъ и смѣющихся въ этой обители скорби и неволи!

Я стоялъ, пораженный этимъ зрѣлищемъ. Унтеръ-офицеръ, меня сопровождавшій, увидѣвъ, что я не иду за нимъ, сказалъ: «идите сюда». Я пошелъ. Дойдя почти до половины камеры, онъ остановился съ лѣвой стороны и указалъ мнѣ мѣсто на нарахъ. Я взошелъ на нары, и такъ какъ рядомъ съ указаннымъ мнѣ мѣстомъ стояла какая-то кровать, то я сѣлъ на нее; унтеръ-офицеръ сѣлъ внизу на нарахъ, и я осматривался кругомъ. Вниманіе мое привлекала многочисленная движущаяся толпа, мимо меня проходящая и смотрящая на меня съ любопытствомъ. Нѣкоторые останавливались, готовые со мною заговорить, но унтеръ-офицеръ мой, какъ сторожевой песъ, лаялъ на нихъ: «чего стоишь,—кричалъ онъ,—иди, куда шелъ»! Тѣ уходили, но они замѣнялись все новыми, наконецъ, уставъ кричать, онъ замолкъ. Вотъ идетъ высокаго роста, плечистый арестантъ, въ кандалахъ, бѣлый, какъ альбиносъ. Онъ медленно подходитъ и, поровнявшись со мною и наклонившись ко мнѣ на край кровати, говоритъ:

— Вы откуда, землячокъ,—позвольте спросить?

— Я изъ Петербурга, а почему вы называете меня землячкомъ?

Тутъ подошелъ другой и, услышавъ мой вопросъ, сталъ рядомъ съ предыдущимъ и сказалъ:

— А это, видите, онъ такъ спроста всѣхъ новыхъ знакомыхъ готовъ принять за земляковъ.

— А! я не зналъ, что тутъ такъ говорятъ,—по благорасположенію.

— Такъ, такъ! Видите, сударь,—у насъ вѣдь народъ разный и разно расположенъ. Другой ни съ кѣмъ не говоритъ, какъ звѣрь, а другіе добродушны, любятъ болтать...

Тутъ мой церберъ опять разсвирѣпѣлъ и разогналъ останавливавшихся около меня. Набросившись, какъ собака, онъ кричалъ:

— Вонъ пошелъ, ишь дьяволы, сбродъ каторжный, а, проклятые!..

Нѣкоторые, уходя, огрызались:

— Ишь какой сердитый сегодня,—говорилъ одинъ,—что ты, объѣлся чего?! Толкается еще,—я те толкну, такъ съ ногъ слетишь,—тутъ было крѣпкое, для печати неудобное, ругательство.

Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ и видя людей все подходящихъ и отгоняемыхъ, я подумалъ: «Да что это за напасть! Сидѣлъ я 8 мѣсяцевъ въ казематахъ, людей не видѣлъ, а тутъ съ людьми вмѣстѣ, и ихъ отъ меня гонятъ!» Я всталъ и пошелъ въ толпу вдоль ком-

наты. Такъ прохаживаясь, я наталкивался въ узкомъ проходѣ, останавливался и говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Унтеръ-офицеръ слѣдилъ за мной и все отгонялъ отъ меня людей.

— Скажите, пожалуйста, для чего вы ихъ отъ меня отгоняете?—спросилъ я его. Онъ остановился, посмотрѣлъ на меня и какъ будто не зналъ, что отвѣчать, потомъ сказалъ:

— Приказано смотрѣть за вами...Тутъ народъ каторжный,—потомъ, обернувшись, продолжалъ кричать на останавливающихся. Но какъ онъ ни кричалъ, все подходили и говорили со мной, а я все разсматривалъ вокругъ.

Двойныя нары—нижнія и верхнія на толстыхъ столбахъ, съ глубокими зарубками, по которымъ люди влѣзали наверхъ. Освѣщеніе было самое плохое: къ столбамъ, которые были безъ зарубокъ, прибиты были полочки, и на нихъ горѣли какіе-то грязныя, масляныя, первобытнаго устройства лампы.

Посрединѣ камеры была положена поперечная, лежавшая концами на верхнихъ нарахъ, широкая, толстая, деревянная полка—съ возвышенною досчатою спинкою, на уровнѣ съ верхними нарами, и на ней установлены были образа, между ними стоялъ въ серединѣ большой образъ, и передъ нимъ горѣла лампада. Вѣроятно, образа эти были подарены арестантской ротѣ благотворителями. Мѣстами на нарахъ постланы были грязные тюфяки изъ толстаго подкладочнаго холста, ничѣмъ не покрытые, на нѣкоторыхъ лежали полураздѣтые люди. Всюду грязь, народу много. Арестанты сидѣли кучками, разговаривая, иные прохаживались, сталкиваясь, нѣкоторые съ синеватыми клеймами на лбу и на скулахъ,—на ногахъ ихъ звенѣли кандалы.

Унтеръ - офицеръ, которому я былъ, какъ видно, порученъ для особаго надо мною надзора и для моего благополучія, въ охрану отъ назойливыхъ арестантовъ, усталъ уже кричать и ходить за мной. Но и я усталъ и сѣлъ на мое прежнее мѣсто. Тутъ мой надзиратель спросилъ меня:

— Можетъ быть, вы хотите покушать? Арестанты уже повечеряли.

Я былъ голоденъ, такъ какъ, въ надеждѣ на отдыхъ по прибытіи въ Херсонъ, съ 12 часовъ дня, послѣ послѣдней закуски въ дорогѣ, ничего не ѣлъ, и потому попросилъ дать мнѣ, что есть. Мнѣ принесли въ посудѣ какую то жидкость въ родѣ супа и большой кусокъ чернаго хлѣба. Я попробовалъ: это была теплая похлебка съ какою-то крупою, отбивавшая особымъ вкусомъ и запахомъ свиного сала. Съѣвъ нѣсколько ложекъ, я не могъ больше ѣсть по сальному, показавшемуся мнѣ съ непривычки противному вкусу, и набросился на хлѣбъ, который былъ хорошо выпеченный, ржаной, и я наѣлся имъ порядочно. Захотѣлось пить, и, освѣдомившись, гдѣ вода, я нашелъ въ сѣняхъ въ кадкѣ свѣжую воду и ковшъ. Деревянную ложку и

чашку, изъ которыхъ я ѣлъ супную кашицу, сказано было мнѣ сохранить для себя и поставить на полочку у стѣны. Затѣмъ я спросилъ унтеръ-офицера:

— А гдѣ же я буду спать,—на этой кровати?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—это моя кровать...А вотъ здѣсь около меня на нарахъ.

Нары были голыя, и постели на нихъ не было никакой. Слова его меня смутили не столько суровостью ночлега, сколько новымъ нравственнымъ оскорбленіемъ: у него въ ногахъ на полу!—Но постель его, назначенная не для меня, была поганая, на ней былъ жесткій тюфякъ, прикрытый какою-то грязною дерюгою.

Здѣсь надо мнѣ пояснить недосказанное: при пріемѣ меня въ плацъ-майорской канцеляріи вещи мои собственныя у меня были всѣ отобраны, но, какъ уже упомянуто было выше, надѣтое на мнѣ бѣлье и обувь были оставлены, а также и моя небольшая кожаная дорожная подушка. Она стояла внизу, прислоненная къ задней ножкѣ кровати. По отвѣтѣ унтеръ-офицера, я сошелъ сейчасъ же съ кровати, взялъ мою подушку, прислонилъ ее къ стѣнѣ и сѣлъ на свое мѣсто на нары.

Въ это время за кроватью я услышалъ разговоръ арестантовъ на турецкомъ языкѣ. Турецкій языкъ былъ мнѣ какъ бы чѣмъ-то роднымъ; я вѣдь окончилъ курсъ въ университетѣ оріенталистомъ, и турецкій языкъ, мнѣ знакомый, былъ для меня пріятнымъ воспоминаніемъ. Я отчасти понималъ ихъ народное нарѣчіе и содержаніе ихъ разговора: обо мнѣ, съ участіемъ, говорилось приблизительно слѣдующее:

— Должно быть, онъ издалека... Молодъ еще и совсѣмъ не похожъ на здѣшній людъ... Что-нибудь особенное случилось... Такихъ сюда не привозили.

Услышавъ эту рѣчь и ихъ разговоръ обо мнѣ, я всталъ, подошелъ къ нимъ и увидѣлъ сидящихъ на нарахъ нѣсколькихъ турокъ, различнаго возраста. Одинъ былъ въ чалмѣ, какъ мулла, другіе—съ непокрытыми и бритыми до половины, какъ у меня, головами. Они сидѣли на нарахъ съ поджатыми ногами. Лица ихъ были красивыя, смуглыя, восточнаго типа, видъ ихъ былъ болѣе опрятный, чѣмъ прочихъ арестантовъ. Присутствіе ихъ здѣсь меня обрадовало, и, остановившись передъ ними, я громко привѣтствовалъ ихъ на родномъ ихъ языкѣ:

— Эс-селамунъ-алейкумъ (поклонъ вамъ)!

При этихъ словахъ они всѣ разомъ отвѣтили мнѣ обычнымъ для мусульманина возвращеніемъ привѣтствія: «Ве Алейкумъ Эс-селамунъ!» (т.-е. и вамъ поклонъ). Затѣмъ они пригласили меня сѣсть промежъ нихъ, посторонившись и давъ мнѣ лучшее мѣсто. Турокъ въ чалмѣ обратился ко мнѣ съ вопросомъ на турецкомъ языкѣ, откуда я и какъ я знаю ихъ языкъ?

Я объяснилъ имъ, что я изъ Петербурга и очень радъ встрѣтить ихъ и слышать ихъ родной языкъ.

— Развѣ тамъ говорятъ на нашемъ языкѣ? — спросилъ меня мулла.

Я отвѣтилъ, что тамъ никто не говоритъ по-турецки, но есть большое училище, гдѣ учатъ разнымъ наукамъ и языкамъ, и турецкому тоже, и я учился ихъ языку въ этомъ училищѣ.

Они обошлись со мною очень привѣтливо и участливо. Я самъ былъ радъ этой находкѣ (люди эти впослѣдствіи стали моими добрыми товарищами и вѣрными слугами, окружавшими меня своею предупредительностью).

— Ну ты, Мустафа!..—закричалъ вдругъ унтеръ-офицеръ, увидѣвъ меня среди нихъ, да еще и говорящимъ по-турецки!...—Слышь ты, Махмедъ!.. Я тебя вытурю отсюда!

— Зачѣмъ? Мы про тебя не говоримъ...

— Вонъ отсюда!—закричалъ онъ, набросившись, но никто не тронулся съ мѣста...—Вишь, собачьи пятки, еще по-турецки—вонъ пошли!...

— Будемъ по-русски говорить,—отвѣчалъ Махмедъ, смѣясь.—Тутъ вмѣшался мулла:

— Развѣ мы что дурное дѣлаемъ, что ты кричишь?—мы по-турецки говоримъ всегда.

— Не смѣть по-турецки говорить, вонъ отсюда!—Онъ началъ разгонять ихъ, стаскивая съ мѣстъ и тумаками,—турки упирались, хватали его то за одну, то за другую руку и сдерживали буйство.

Я сидѣлъ на нарахъ среди турокъ съ поджатыми, какъ они, подъ себя ногами, и съ любопытствомъ смотрѣлъ на глупое бѣшенство моего надзирателя и на деликатное сопротивленіе толкаемыхъ турокъ, но скоро случилось особое обстоятельствое, повліявшее на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Вошелъ въ камеру какой-то новый человѣкъ въ полушубкѣ, тоже арестантъ, уже немолодой, средняго роста, полный, съ красивымъ лицомъ. Онъ подошелъ прямо къ нашей компаніи и обратился ко мнѣ, что отвлекло унтеръ-офицера отъ турокъ.

— Я видѣлъ уже васъ въ канцеляріи,—сказалъ онъ,—когда васъ обезображивали! Это вѣдь изверги, глупцы все...

Я вспомнилъ, что видѣлъ его въ канцеляріи, сидѣвшимъ за письменнымъ столомъ... Унтеръ-офицеръ опять встревожился, но новопришедшій закричалъ на него:

— Что ты, съ ума сошелъ, что ли? Чего ты пристаешь! Убирайся!..

Слова эти, сказанныя громко и рѣшительнымъ тономъ, видимо, смутили и привели въ замѣшательство усердствующаго по службѣ нарушителя тишины, и онъ притихшимъ голосомъ сказалъ:

— Антонъ Николаевичъ! Вѣдь вы сами слышали, какъ мнѣ приказано смотрѣть?

— Ну да! Я слышалъ, что тебѣ приказано смотрѣть, а не ругаться тутъ и шумѣть. Дурачина! И безъ тебя уже довольно тутъ горя новому человѣку!—Унтеръ-офицеръ замолкъ и какъ бы образумился. Онъ пересталъ надоѣдать, и его надзора я больше не чувствовалъ. Пришедшій назвалъ меня по имени и отчеству и сказалъ мнѣ:

— Я поторопился поранѣе вернуться сюда, чтобы познакомиться съ вами и, сколько могу, утѣшить васъ въ этой судьбѣ вашей, приведшей васъ сюда, какъ и меня.

— Позвольте узнать, кто вы,—спросилъ я его,—отъ кого слышу я такое участіе?

— А я арестантъ, какъ и прочіе, и уже давно здѣсь и привыкъ, а вамъ-то трудно! Да дѣлать нечего, скрѣпите свое сердце и живите съ нами. Будемъ жить вмѣстѣ.—Таковы были приблизительно сказанныя имъ мнѣ слова.

Все происшедшее поглотило мое вниманіе и заинтересовало меня.

— Сядьте здѣсь,—сказалъ мнѣ тотъ же пришедшій. Турки посторонились и дали мѣсто другимъ подошедшимъ сюда же и подсѣвшимъ къ намъ.

— Вотъ рекомендую,—Глущенко, храбрый воинъ русскаго царя, посадившій на штыкъ ротнаго... За правду въ штыки вѣдь можно?

Я поклонился и подалъ руку Глущенкѣ.

— А вотъ Менщиковъ—капельмейстеръ, первый музыкантъ въ мірѣ!

Передо мною стояли два богатыря: Глущенко—ростомъ выше средняго, коренастый мужъ, во цвѣтѣ лѣтъ, въ кандалахъ, съ обритой продольно съ бока до темянной макушки всей половиной головы, смуглый, рябоватый, съ красивыми закругленными чертами лица и горбатымъ носомъ. Подробности совершеннаго имъ дѣйствія мнѣ мало извѣстны, но послѣдствія жестокаго надъ нимъ тѣлеснаго наказанія запечатлѣлись на его глубоко исполосованной шпицрутенами спинѣ (объ этомъ будетъ упомянуто въ дальнѣйшемъ описаніи). Богатырь душою и тѣломъ, онъ былъ тихъ и кротокъ, какъ овца, никогда не выражалъ сожалѣнія о совершившемся и не вымаливалъ себѣ прощенія, но былъ бодръ, веселъ и склоненъ къ побѣгу. Нельзя не упомянуть теперь же, что въ арестантскихъ пляскахъ онъ выступалъ лучшимъ танцоромъ и кандалы придавали его пляскѣ особую прелесть.

Другой былъ мужчина очень высокаго роста, съ большой головой. Онъ былъ обритъ въ поперечномъ направленіи, какъ и я. Черты лица—крупныя, правильныя, лобъ большой и широкій, съ выдающимися висками. Преступленіе, имъ совершенное, было противъ военной дисциплины: будучи помощникомъ капельмейстера въ полковомъ оркестрѣ, онъ

возненавидѣлъ своего начальника за его бездарность, поправлялъ его, останавливалъ оркестръ во время репетиціи и, наконецъ, нанесъ ему оскорбленіе при исполненіи имъ служебной обязанности. Въ острогѣ онъ былъ тихъ, спокоенъ, бѣденъ, молчаливъ. Музыкальныхъ инструментовъ у него не было. При случаѣ выпивалъ.

Занялись приготовленіемъ въ глиняной чашѣ какого-то холоднаго жидкаго кушанья. Это была тюря съ чернымъ хлѣбомъ, квасомъ и лукомъ. Квасъ былъ мнѣ пріятенъ, и эта кислая похлебка была гораздо вкуснѣе принесеннаго мнѣ жидкаго супа. Я ѣлъ вмѣстѣ съ ними, чувствуя себя уже не одинокимъ, а съ людьми мнѣ доброжелательствующими. Не помню, что тутъ было говорено, но печали не было замѣтно ни на лицахъ, ни въ бесѣдахъ раздѣлявшихъ со мною вечернюю трапезу,—они болтали, смѣясь и остря.

Наступала ночь, движеніе, ходьба уменьшались, шумъ и говоръ смолкали; бо́льшая часть лежала на нарахъ. Одинъ изъ сосѣдей предлагалъ мнѣ свой тюфякъ, и меня къ принятію его уговаривали со мною ужинавшіе, но я отказался вѣжливо отъ оказанной мнѣ любезности и соединеннаго съ нею одолженія и предпочелъ досчатыя нары. У меня была подушка и больше ничего для ночлега, но я былъ молодъ, здоровъ и достаточно уже окрѣпъ въ дорогѣ отъ быстраго движенія по морозному воздуху. Все же, однако, къ тому небывалому еще въ моей жизни ночлегу надо было какъ-нибудь приловчиться; я снялъ толстые сѣрые брюки и подложилъ ихъ подъ себя, вмѣсто постели, а полушубкомъ, который, по моему малому росту, былъ для меня достаточно длиненъ, я закрылся и усталый растянулся. Унтеръ-офицеръ мой скоро захрапѣлъ на своей кровати. Вдругъ вижу я, идетъ вновь уже вышеупомянутый высокій, бѣлобрысый арестантъ, назвавшій меня землячкомъ, останавливается передъ образами и, ставъ на колѣни, поднявъ обѣ руки и запрокинувъ голову, полголоса говоритъ: «Господи! прости, прости меня грѣшнаго!» Постоявъ такъ неподвижно съ поднятыми къ образамъ руками, онъ творитъ земной поклонъ и остается тоже нѣкоторое время въ этомъ положеніи, приникши къ землѣ головой. Потомъ встаетъ тихо и удаляется на свое мѣсто. Это была его вечерняя передъ сномъ молитва. Она привлекла меня своею простотою и глубокимъ чувствомъ. Арестантъ этотъ именовался Морозовымъ и былъ одинъ изъ интересовавшихъ меня все время и расположенныхъ ко мнѣ людей. Я привсталъ и смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, потомъ легъ, но долго не могъ заснуть: такъ много новаго и дающаго матеріалъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде, размышленіямъ, представилось глазамъ моимъ.

Не знаю, долго ли я спалъ, но былъ разбуженъ крикомъ и громкимъ ругательствомъ одного изъ спящихъ на нижнихъ нарахъ, противъ меня. Другіе тоже пробудились и сидѣли на своихъ ложахъ, не понимая сначала, какъ и я, что случилось: арестантъ, поднявшій

крикъ, вскочилъ съ мѣста и, смотря на верхнія нары, осыпалъ самыми грубыми, самыми отвратительными ругательствами лежавшихъ на нихъ.

— Ты что ругаешься?—спросилъ кто-то сверху...

— А! Проклятые! Течетъ сверху...

Онъ бросился по столбу наверхъ и, схвативъ одного лежавшаго, выпихнулъ его внизъ. Тотъ свалился и сталъ ругаться и кричать, послѣ чего началась драка.

Проснулись всѣ, и дежурный унтеръ-офицеръ, спавшій преспокойно до сихъ поръ, вмѣшался въ крикъ и въ драку, своими кулаками успокаивая дравшихся; свалка сдѣлалась еще бо̀льшая. Со всѣхъ сторонъ послышался говоръ, ругательства и смѣхъ. Несчастнаго, сброшеннаго внизъ и, вѣроятно, сильно ушибшагося, молившаго уже о пощадѣ, заставили уйти на ночлегъ въ сѣни.

Послѣ этого все успокоилось, и заснули вновь. Второй разъ я проснулся, все было тихо, слышенъ былъ храпъ, всѣ спали—также и дежурный. Я всталъ, вышелъ въ сѣни—тамъ спалъ въ уголкѣ провинившійся; я вышелъ на дворъ. Было темно и холодно и дулъ сильный вѣтеръ; я былъ въ одной курткѣ, безъ штановъ и безъ шапки и хотѣлъ было вернуться за полушубкомъ и шапкою, но думалъ: «А! все равно, беречься не для чего!» Вернувшись обратно, я снова заснулъ крѣпкимъ сномъ.

IX.

Утромъ я былъ разбуженъ барабаннымъ боемъ,—били утреннюю зарю. Уже начинало свѣтать, арестанты вставали, унтеръ-офицеры кричали и торопили выходить. Всѣ шли сначала въ сѣни, гдѣ мылись у общей круговой умывалки, — не помню уже, какая она была, кажется, мѣдная; вытирались тряпками,—у каждаго была своя,—у нѣкоторыхъ были полотенца. Подойдя къ умывалкѣ, я былъ окруженъ турками, которые дали мнѣ мыло и полотенце, и я умылся хорошо, въ первый разъ послѣ дороги.

Арестантскія роты, какъ я послѣ узналъ, должны были содержаться въ большой чистотѣ, но этого не соблюдалось, и во всемъ было неряшество. Бѣлье должно было перемѣняться еженедѣльно и отдаваться въ стирку на счетъ казны, но этого не дѣлалось. Всѣ были грязны, въ заношенномъ бѣльѣ. Въ замѣну чистоты и порядка дарованы были нѣкоторыя льготы распущенности. Каждый содержалъ себя по своему. Прежде, разсказывали мнѣ арестанты, въ арестантскихъ ротахъ жить было «далеко лучше»: были у каждаго, по положенію, постели и вся обстановка и все содержаніе, вообще, было несравненно лучше настоящаго, но однажды, въ какомъ-то году, говорятъ, Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ одну арестантскую

роту и, увидѣвъ такое тихое и мирное житіе, нашелъ, что имъ лучше, чѣмъ въ полкахъ солдатамъ, и тутъ же вызывалъ охотниковъ на службу, но таковыхъ не нашлось! Тогда онъ велѣлъ отнять постели и содержаніе ихъ сдѣлать суровымъ Охотниковъ же не нашлось не потому, чтобы въ арестантскихъ ротахъ жить кому-либо было желательно,—уже одна неволя отнимаетъ всякое желаніе, но въ полкахъ было ужъ очень скверно, — 25-ти-лѣтняя служба и постоянная муштровка съ побоями были хуже неволи.

Шумъ, говоръ, смѣхъ, порою ругательства, звонъ кандаловъ, хожденіе туда и сюда людей, отъ тѣсноты сталкивающихся и обмѣнивающихся разными непривѣтными словами, были началомъ дня. Затѣмъ раздавались крики начальствующихъ: «Выходи, выходи... На работу,—чего стоишь? пошелъ!..» и т. п. Всѣ торопились, выходили на дворъ. Камера опустѣла, остались немногіе, въ томъ числѣ и я, такъ какъ я не былъ побуждаемъ къ выходу. Я вышелъ, однако же, на дворъ; тамъ толпились арестанты, ожидая выхода. Отворилась калитка.—За нею видна была стоявшая вооруженная стража съ гауптвахты, которая принимала выходящихъ и должна была сопровождать ихъ при работахъ.

Вскорѣ дворъ опустѣлъ, и я остался одинъ. Каменная стѣна, высокая и толстая, замыкавшая оба конца острога, окружала этотъ небольшой дворъ. На немъ были два строенія, примкнутыя къ стѣнѣ, противоположной крыльцу,—кухня порядочной величины—справа, а у лѣваго угла стѣны солидное для столькихъ жителей ретирадное мѣсто. Земляная площадь раковистаго известняка имѣла небольшой склонъ отъ острога, стоявшаго на высокомъ берегу надъ Днѣпромъ. Зданіе острога, какъ и строенія на дворѣ, были каменныя, обветшалыя — «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма». На дворѣ стояло одно большее дерево, по стволу и вѣтвямъ котораго, хотя и лишеннымъ листьевъ, я могъ полагать, что это бѣлая акація, душистая, столь пріятная мнѣ, видѣнная мною въ другое время моей жизни. Я вошелъ посмотрѣть кухню, тамъ два рослыхъ арестанта, безъ кандаловъ, бритыя, какъ я—спереди назадъ,—затопляли печи и наливали воду въ котлы. Они посмотрѣли на меня съ любопытствомъ и заговорили со мною:

— Вы, сударь, еще не ѣдали нашей пищи—она плохая, да ужъ не отъ насъ,—варимъ, что даютъ. Приходите попозже, дадимъ попробовать. Уже какая есть, такую и ѣдимъ. Если голодны будете, то кушайте больше.

Не помню, какой у меня былъ съ ними дальнѣйшій разговоръ, но они обошлись со мною весьма привѣтливо. (Вообще первое впечатлѣніе обхожденія со мною арестантовъ было для меня ободряющимъ). Побродивъ по двору, я вошелъ опять въ сѣни, но, къ удивленію, не дойдя до входа помѣщенія нашего, я увидѣлъ налѣво другое, точно такое

же помѣщеніе, параллельно съ описаннымъ. Оно было полно народомъ. Нѣкоторые арестанты лежали еще, другіе же сидѣли на нарахъ за ручными работами. Повидимому, они всѣ оставались дома, безъ выхода на работы. Я постоялъ у входа, посмотрѣлъ и вошелъ. Тамъ были тоже двойныя нары.

Всѣ были старики, имѣли слабый, болѣзненный видъ. Когда я проходилъ по продольному между двумя рядами наръ проходу, одинъ изъ арестантовъ, въ полушубкѣ, роста выше средняго, полный, сѣдой, съ серьезнымъ лицомъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Вы вчера прибыли къ намъ?

— Да, я прибылъ вчера.

— Позвольте узнать, откуда?

— Изъ Петербурга.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ ему мою фамилію.

— Вы, вѣроятно, никогда не видѣли такого жилища людей?

— Да, я не видѣлъ никогда... А вы давно здѣсь находитесь?

— Я то ужъ тринадцатый годъ... Ну, пожалуйте, будьте у насъ гостемъ.

Онъ просилъ меня сѣсть. Я сѣлъ на нары и спросилъ у него, что это за отдѣленіе и отчего отсюда никто, повидимому, не вышелъ на работы.

— Это отдѣленіе неспособныхъ, мы уже отработались и сидимъ дома.

Мало-по-малу завязался у насъ разговоръ; оказалось, что его фамилія Кельхинъ, зовутъ его Александромъ Петровичемъ. Ему было лѣтъ уже около 60-ти, довольно высокаго роста, полный, крѣпкаго тѣлосложенія, красивый мужчина съ короткими, бѣлокурыми волосами, уже почти посѣдѣвшими. Выраженіе лица его серьезное и очень грустное. Съ первой моей встрѣчи съ нимъ онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе и, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, я былъ обрадованъ его близкимъ со мною сожительствомъ. Чѣмъ чаще я его видѣлъ, тѣмъ болѣе онъ меня привлекалъ своимъ тихимъ, спокойнымъ характеромъ и своимъ, превосходящимъ всѣхъ прочихъ моихъ острожныхъ сожителей, умственнымъ развитіемъ. Находка такого человѣка была для меня драгоцѣнна. Узнавъ, что я сосланъ по политическому дѣлу, съ первыхъ же дней пожелалъ онъ узнать о причинѣ моей ссылки изъ Петербурга, и я поинтересовался совершившеюся надъ нимъ жестокою судьбою, приведшею его къ отбыванію 15-лѣтняго срока заключенія въ томъ же острогѣ, въ который я только что прибылъ.

Разсказъ его о внезапно разразившемся надъ нимъ несчастіи представляетъ собою одно изъ характерныхъ явленій того времени, вѣроятно разрушившихъ жизнь весьма многихъ его современниковъ.

Уроженецъ С.-Петербурга, воспитывавшійся въ морскомъ корпусѣ или, можетъ быть, въ одномъ изъ училищъ при немъ, онъ занималъ должность штурмана въ дальнихъ плаваніяхъ. Возвратившись изъ путешествія въ 1825 году, онъ вышелъ въ отставку. Свидѣтель восшествія на престолъ Николая I-го и событія 14 декабря, онъ проживалъ въ столицѣ съ своею матерью, пріискивая себѣ другое мѣсто. Въ 1826 году, безъ всякаго съ его стороны повода, ему приказано было выѣхать изъ столицы. Это было, какъ онъ мнѣ говорилъ, время усиленныхъ строгостей, время подозрѣній, опасеній, причемъ многіе, не имѣвшіе или не успѣвшіе пріискать себѣ опредѣленныхъ занятій, также и отставные, временно проживавшіе безъ оффиціальнаго дѣла, были на всякій случай, для безопасности и охраны престола, высылаемы изъ столицы. Такъ было и съ нимъ; ему приказано было выѣхать изъ Петербурга, но, удивленный такимъ распоряженіемъ полиціи, онъ сталъ разузнавать о причинѣ неожиданно состоявшагося надъ нимъ, безъ всякой его провинности, рѣшенія и хлопоталъ объ отмѣнѣ его. Такъ прошло нѣсколько дней, а затѣмъ надъ нимъ, какъ ослушавшимся Высочайшаго повелѣнія, состоялось другое административное распоряженіе—онъ былъ арестованъ и отправленъ на жительство въ гор. Черниговъ.

Мать его, оставшись въ Петербургѣ, безуспѣшно хлопотала о его возвращеніи и высылала ему пособіе впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а потомъ онъ вдругъ пересталъ получать отъ нея извѣстія. Она умерла! Лишенный этой небольшой помощи, онъ съ трудомъ жилъ разными занятіями, для которыхъ долженъ былъ и отлучаться иногда изъ города, за что, однако, не подвергался взысканіямъ знавшей его уже полиціи. Полиція смѣнялась, и по временамъ усиливались строгости, и вотъ однажды за самовольную отлучку онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюремный замокъ. Будучи по природѣ горячаго характера, онъ съ трудомъ переносилъ обрушившіяся на него безъ всякаго повода гоненія. При посѣщеніи черниговскимъ губернаторомъ тюрьмы онъ искалъ въ немъ защиты и объяснялъ ему свое дѣло, но губернаторъ обошелся съ нимъ сурово и грубымъ отвѣтомъ на его жалобы вызвалъ въ немъ взрывъ долго превозмогаемаго негодованія: Кельхинъ ударилъ его въ лицо и осыпалъ его ругательствами. Послѣ этого возникло новое дѣло. Оно окончилось конфирмаціей императора Николая, которою повелѣно было сослать его въ херсонскую арестантскую роту военнаго вѣдомства на 15 лѣтъ.

Такова была судьба бѣднаго Кельхина, выведеннаго изъ терпѣнія притязаніями полиціи и беззащитнымъ его положеніемъ. Я засталъ его прожившимъ уже 13 лѣтъ въ херсонскомъ острогѣ, куда и меня судьба занесла случайно подъ фирмою нѣсколько другой провинности.

Съ великимъ любопытствомъ и участіемъ я слушалъ его разсказъ. Съ первой моей встрѣчи съ нимъ и до послѣдняго моего съ нимъ прощанія мы были близкими друзьями, и все время моего пребыванія въ арестантской

ротѣ я находилъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ нимъ, но послѣ одиннадцатилѣтней административной ссылки и затѣмъ тринадцатилѣтней жизни въ острогѣ онъ состарился и въ періодѣ уже моей съ нимъ встрѣчи былъ молчаливъ, вялъ и угрюмъ. Прежде онъ работалъ—портняжничалъ, но въ теченіе всего времени моего пребыванія въ острогѣ я не помню, чтобы онъ сидѣлъ за какой-либо работою. Зрѣніе его было уже слабо, онъ прохаживался, какъ бы въ размышленіяхъ, или лежалъ на своемъ мѣстѣ, упавшій уже духомъ и питавшійся только казенною пищею. Чаю никто не пилъ, а водка была въ большомъ ходу.

О Кельхинѣ я буду часто говорить въ дальнѣйшемъ описаніи. Въ этотъ первый день моего знакомства съ нимъ мы говорили немного.

Камера, въ которую я попалъ случайно, была не столь шумна, но совершенно такая же, какъ и та, въ которую я помѣщенъ былъ на жительство.

Я вышелъ въ сѣни и, пройдя нѣсколько шаговъ, увидѣлъ нашу камеру, расположенную рядомъ, въ параллель съ тою, и вошелъ въ нее. Тамъ оставалось только нѣсколько человѣкъ: одинъ изъ арестантовъ подметалъ жилище и поднималъ большую пыль. Этою же метлою онъ выметалъ и досчатыя нары, а также и грязные тюфяки, которые оставались незавернутыми.

У всѣхъ были изголовья въ видѣ подушекъ. Надъ нарами у изголовій прибиты были къ стѣнѣ полки, и на нихъ лежали куски чернаго хлѣба, большею частью прикрытые тряпками, возлѣ нихъ стояли деревянныя супныя чашки. Дневное освѣщеніе было тоже не достаточное. Окна были только съ одной стороны, на площадь крѣпости, маленькія, низкія, съ мелкими перегородками для вставленія стеколъ. Снаружи желѣзныя перекладины, съ просвѣтомъ не болѣе четвертной доли листа бумаги, отнимали тоже часть свѣта. Пріютившись у этихъ оконъ кое-гдѣ, сидѣли немногіе арестанты, оказавшіеся больными или задобрившіе унтеръ-офицеровъ для изъятія ихъ въ этотъ день отъ наряда на работу. Иные шили платье, другіе—сапоги. Всюду замѣтна была грязь, особенно на стѣнахъ—онѣ были какъ бы закоптѣлыя. Потолокъ тоже закоптѣлый висѣлъ надъ этою обителью многочисленной толпы. У входа, слѣва, вмѣсто наръ, была большая русская печь, въ которой, какъ я увидѣлъ послѣ, дня черезъ 3, пеклись хлѣбы.

Я спалъ эту ночь отъ усталости, послѣ дороги и столь разнообразныхъ впечатлѣній, довольно хорошо, и не было у меня желанія прилечь теперь.

Справа отъ входа было особое обгороженное досчатое помѣщеніе, пространствомъ около трехъ наръ, съ тѣснымъ проходомъ посрединѣ—это была канцелярія. Я заглянулъ туда, тамъ стоялъ столъ и на нарахъ спалъ дежурный унтеръ-офицеръ. Рота имѣла фельдфебеля, который безпрестанно отлучался, и я его еще не видѣлъ или не зналъ.

Это былъ высокій, жирный, но блѣдный «держиморда», въ солдатской сѣрой шинели. Я называю его такъ не потому, чтобы онъ билъ кого, —этого на моихъ глазахъ не случалось,—но, должно быть, онъ былъ привыченъ къ тому по службѣ, такъ какъ нерѣдко приходилъ съ улыбкою и, потирая руки, говорилъ: «Эхъ! Прекрасная погода, да бить некого». И дѣйствительно бить было некого: арестанты держали себя хорошо и сами наблюдали за порядкомъ. Фамилія фельдфебеля была Савельевъ; звали его, сколько помнится, Григорій Матвѣевичъ, и всѣ обращались съ нимъ почтительно. Онъ былъ непосредственный начальникъ надъ обѣими камерами, и унтеръ-офицеровъ, ему подчиненныхъ, было человѣкъ восемь. Мой надзиратель, Керсанфовъ, въ эту пору отсутствовалъ, я былъ безъ особаго присмотра, запертый почти въ пустой камерѣ.

X.

Возвратившись въ мое отдѣленіе, я ходилъ, не зная, что дѣлать. Все видѣнное съ перваго взгляда было еще ново и неизвѣстно мнѣ въ подробностяхъ. Я останавливался и разсматривалъ нары и оставшееся на нихъ имущество. Нижнія нары были не сплошныя, наглухо вдѣланныя, но ряды поднимающихся досокъ, подъ которыми было пустое пространство. Онѣ были высоты обыкновенныхъ стульевъ, для возможности сидѣнья. На извѣстномъ разстояніи, обнимающемъ 8—10 отдѣльныхъ помѣщеній ночлега, стояли толстые столбы, и въ нихъ сдѣланы были глубокія зарубки для влѣзанія на верхнія нары. Дойдя до послѣдней стѣны камеры, я полюбопытствовалъ заглянуть въ верхній этажъ помѣщеній и влѣзъ по столбу на верхнія нары. Онѣ были точно такія же, но подъ низкимъ потолкомъ, такъ что, войдя туда, нельзя было выпрямиться, не стукнувшись головой въ потолокъ, надо было, даже при моемъ маломъ ростѣ пригнуться, чтобы пройти далѣе. Посмотрѣвъ съ одного конца, я удовольствовался этимъ и спустился внизъ. Здѣсь, видя человѣкъ трехъ работавшихъ, я подошелъ къ нимъ и познакомился съ каждымъ. Они объяснили мнѣ, что остались для работы; работа эта ихъ собственная, которую они сбываютъ на базарѣ знакомымъ имъ торговцамъ и торговкамъ за очень дешевую цѣну, и деньги заработанныя остаются у нихъ; они справляютъ себѣ различныя надобности въ бѣльѣ и пищѣ. Одинъ изъ нихъ, маленькій ростомъ, худой, лѣтъ сорока, съ обритою продольно одною половиною головы и въ кандалахъ, сидѣлъ углубленный въ башмачную работу. Я подошелъ къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ обошелся со мною привѣтливо и, минутно прерывая спѣшную, повидимому, работу, бесѣдовалъ со мною; фамилія его была Дамскій. Онъ находился въ острогѣ уже 8-й годъ. Неловко какъ-то показалось мнѣ спрашивать объ обстоятельствахъ, приведшихъ его сюда, и я ничего

объ этомъ не говорилъ, но освѣдомлялся о его прежнемъ мѣстѣ жительства, объ успѣшности его работъ и т. п.

Впослѣдствіи, какъ я узналъ, такіе вопросы и не были въ обычаѣ между арестантами,—мало ли кто за что провинился, и Богъ знаетъ, что ему въ жизни пришлось продѣлать и перенести. Иному тяжело на сердцѣ и вспомнить свои прежніе проступки, о которыхъ онъ не желаетъ говорить. Все уже прошлое, можетъ быть, и давно минувшее и прежнія его дѣянія, если были укоряющія совѣсть, давно осуждены имъ самимъ и искуплены тягостью послѣдовавшей жизни. Вопросъ о винѣ изгнанъ изъ разговоровъ арестантовъ. Многіе, не стыдящіеся своей вины, даже гордящіеся ею, сами разсказываютъ о ней товарищамъ, но о томъ не спрашивается. Таковы деликатные, благочестивые обычаи неписаннаго, но молчаливо соблюдаемаго всѣми арестантами кодекса. Вина Дамскаго, однако же, разсказана была мнѣ впослѣдствіи, и она не была изъ числа срамящихъ человѣка, но могла бы быть разсказана всенародно.

Родомъ донской казакъ, не довольствуясь обыкновенными дѣлами, онъ нашелъ болѣе выгодный способъ пріобрѣтенія себѣ имущества, давая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь множеству по тогдашнему времени безпріютныхъ странниковъ—большею частью бѣглыхъ изъ крѣпостной зависимости. Онъ снабжалъ людей паспортами своего произведенія, искусно выдѣлываемыми. Онъ являлся на ярмарку, и къ нему стекались всѣ нуждающіеся и обремененные заботою жизни, не имѣющіе покоя, и онъ успокаивалъ ихъ. Такъ дѣло велось многіе годы. Неимущихъ онъ снабжалъ паспортами за малую плату, а съ состоятельныхъ бралъ большія деньги, но такихъ было мало.

— Ко мнѣ приходило множество людей,—говорилъ онъ, — бѣглые, просрочившіе, не желавшіе вернуться на мѣста ихъ жительствъ. Крѣпостная наша Русь полна бѣглыми, и бѣгутъ они все болѣе въ наши края, — въ Донщину, Черноморье, Ростовъ, Таганрогъ... У каждаго были приведены свои причины, — ихъ вѣдь много, всякаго рода... Я уже не разбиралъ причинъ, а кто просилъ, тому и давалъ; мало ли кто почему желаетъ гдѣ жить или не жить. Всякій, видите ли, воленъ жить, гдѣ хочетъ, а тутъ ему говорятъ: «живи здѣсь!»

Таковъ былъ Дамскій, всегда молчаливый, его не было слышно, и онъ усердно работалъ.

Всѣ арестанты, какъ я узналъ, раздѣлялись на вѣчныхъ и срочныхъ. Вѣчными назывались осужденные на 15 лѣтъ. Названіе это, конечно, несоотвѣтственно — оно употребляется въ смыслѣ пожизненности. Послѣ 15-ти-лѣтней жизни въ арестантской ротѣ люди, конечно, уже настолько измѣняются, что послѣдующую жизнь ихъ, если кто переживетъ этотъ срокъ, нельзя и считать продолженіемъ прежней. И дѣйствительно, прожившій 15 лѣтъ въ острогѣ едва ли на что-либо годится. Вѣчные арестанты носили кандалы и были бриты боковой по-

ловиной всей головы, что сильно обезображивало видъ, гораздо болѣе, чѣмъ бритыхъ со лба. Ихъ куртки и штаны были съ одной половины сѣрыя, съ другой—темно-бурыя. Дамскій принадлежалъ къ числу такихъ вѣчныхъ.

Въ этотъ же день я познакомился съ упомянутымъ фельдфебелемъ Савельевымъ. Несмотря на свою природную и пріобрѣтенную на службѣ грубость, онъ обошелся со мною вѣжливо, называлъ меня «Вы» и по имени и отчеству. Онъ подошелъ ко мнѣ и сообщилъ, что обо мнѣ спрашивали его комендантъ и плацъ-майоръ.

Вскорѣ послышался шумъ, говоръ и шаги входящей толпы, со звономъ цѣпей. Наряды, вышедшіе отдѣльными партіями, возвращались въ роту для обѣда и получасового затѣмъ отдыха. Придя, они побрели по своимъ мѣстамъ и сейчасъ же каждый бралъ свою посуду и шелъ въ кухню, гдѣ наливалась каждому пища; они были голодны, наработавшись и съ вечера ничего не ѣвши. И я то же послѣдовалъ общему шествію, отправился со своею посудой и получилъ большую порцію сваренной кашицы. Всѣ усѣлись на нары по своимъ мѣстамъ и стали ѣсть. Обѣдъ, состоявшій въ будніе дни изъ одного кушанья, скоро былъ съѣденъ. Проголодавшись порядочно, и я ѣлъ. Унтеръ-офицеры. сопровождавшіе рабочихъ, тоже ѣли. Они почти всѣ были женатые и въ свободное отъ службы время уходили домой и были угощаемы домашнею пищею. Потомъ, послѣ кратковременнаго отдыха, приготовлялись всѣ вновь къ отходу и раздавались вновь крики: «Выходи, выходи...»—и всѣ ушли, и я остался опять въ почти пустой казармѣ. Не помню въ точности, что я дѣлалъ до вечера. Я зашелъ опять къ неспособнымъ и бесѣдовалъ съ Кельхинымъ и узнавалъ все болѣе о жизни и жителяхъ острога. Онъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ своихъ сожителей, между которыми остались въ памяти немногіе, и между ними стоитъ передъ моими глазами, какъ живой, старикъ высокаго роста, худой, съ бѣло-блѣднымъ лицомъ. сѣдой, по прозванію Вороновъ—объ немъ будетъ многое разсказано ниже.

Неспособныхъ уже не брали, и я не помню, чтобы между ними былъ кто-либо въ кандалахъ. Тамъ былъ народъ большею частью уже слабый, не только по отношенію къ работамъ, но и отъ долгаго сидѣнія потерявшій всю энергію жизни и маломыслящій. Они были неразговорчивы, много спали и ровно ничего не дѣлали. Посидѣвъ въ камерѣ неспособныхъ, я вышелъ вновь на дворъ, но было холодное зимнее время. оставаться на дворѣ было невозможно, снѣгу не было, погода была вѣтряная и гололедица. и я долженъ былъ возвратиться въ нашу камеру. Меня еще интересовала новая обстановка моей жизни, но уже на второй день къ вечеру я не зналъ, что дѣлать, и начиналъ томиться въ моей новой просторной тюрьмѣ, да еще меня озадачивала уже находка на мнѣ вшей, начинавшихъ по мнѣ ползать. Эта новая

пакостная бѣда, еще не испытанная и въ одиночномъ заключеніи, къ которой надо было привыкнуть. Я былъ безъ всякаго дѣла и безъ малѣйшаго развлеченія, ходилъ, сидѣлъ, ложился и вновь вставалъ и ходилъ,—такъ дожито было до вечера. Въ сумеркахъ послѣдовало возвращеніе арестантовъ съ работы—опять шумъ, говоръ, бряцаніе цѣпей; вечерняя ѣда той же самой жидкой кашицы. Позже уже вернулся изъ канцеляріи вчера столь неожиданно представшій передо мною человѣкъ. Онъ вновь привлекъ меня своимъ участіемъ и пригласилъ сѣсть на нары, имъ занимаемыя.

Фамилія его была Билю, имя Антонъ Николаевичъ, онъ былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ 40 отъ роду, съ головой почти лысой на лбу и темени, окаймленной сзади и по сторонамъ вьющимися прядями бѣлокурыхъ волосъ. Бритъ онъ не былъ, вѣроятно, для приличія въ канцеляріи между писцами. Кожа лица и рукъ бѣлая, черты лица не лишенныя красоты, глаза голубые и взглядъ большею частью серьезный. Онъ имѣлъ нѣкоторый образовательный цензъ, превышавшій всѣхъ прочихъ, кромѣ Кельхина, жителей острога, и начальство пользовалось имъ, какъ хорошимъ исполнителемъ дѣловыхъ бумагъ. Отношенія мои къ этому человѣку были самыя лучшія. Мысли его были либеральныя, и онъ не стѣснялся высказывать ихъ въ кругу арестантовъ и унтеръ-офицеровъ; если же что либо желалъ сказать мнѣ особенное, то выражался ломаннымъ французскимъ языкомъ. Его вечерніе приходы и приносимыя имъ часто городскія новости меня интересовали и были ожидаемы мною, какъ развлеченіе отъ однообразія дня, и его постоянное ко мнѣ вниманіе все болѣе располагало меня къ нему. Такъ было въ первые мѣсяцы моей жизни въ острогѣ. Предшествующую свою жизнь онъ мнѣ никогда не разсказывалъ, и я, конечно, о томъ не спрашивалъ, но по нѣкоторымъ его разговорамъ можно было полагать, что онъ былъ родомъ полякъ. Кельхинъ о происхожденіи его ничего не зналъ, но между арестантами было мнѣніе, что онъ былъ въ Сибири, бѣжалъ оттуда, и что имя и фамилія его были ненастоящія. Какова бы ни была его предыдущая жизнь, но онъ привлекалъ меня своимъ добродушіемъ и участіемъ ко мнѣ. По приходѣ его началась шумная бесѣда, разговоры, разсказы о дѣлахъ дня и встрѣчахъ съ людьми на работахъ.

Турки по временамъ, то тотъ, то другой, подходили ко мнѣ со словами *«ахшамыныз хайръ-олсунъ»* (добрый вечеръ), освѣдомлялись о моемъ здоровьѣ и приглашали зайти къ нимъ побесѣдовать, и я посѣщалъ ихъ компанію. Они всѣ сидѣли вмѣстѣ. Всѣ были порядочно уставшими и послѣ недолгихъ разговоровъ укладывались спать.—Все смолкло, наступила тишина. На гауптвахтѣ билась вечерняя заря. Я улегся тоже, какъ и въ предыдущую ночь. Меня обсыпали блохи и вши; я чесался и ловилъ ихъ, но не было счета

и конца этой ловлѣ. Когда все успокоилось и люди въ большинствѣ уже спали, я услышалъ вновь тихо идущаго въ кандалахъ. Это былъ тотъ же несчастный Морозовъ. Остановившись передъ образами, онъ сталъ на колѣни и произнесъ тѣже самыя мною уже вчера слышанныя слова и затѣмъ, совершивъ продолжительный земной поклонъ, всталъ и ушелъ на свое мѣсто. Что совершилъ онъ въ жизни, что его такъ тяготило и за что онъ такъ усердно молилъ Бога о прощеніи, осталось мнѣ не вполнѣ извѣстнымъ, но короткая и глубокопрочувственная вечерняя его молитва вновь отозвалась въ моемъ сердцѣ особымъ смиряющимъ скорби впечатлѣніемъ, и я лежалъ спокойно и старался заснуть.

Такъ началась моя новая жизнь, и былъ день первый и ночь вторая пребыванія моего въ херсонской арестантской ротѣ.

Д. Ахшарумовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОПЕЧАТКИ.

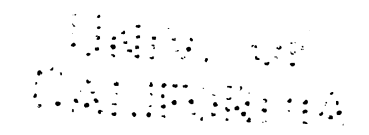
Въ статьѣ Л. Н. Яснопольскаго „Развитіе дворянскаго землевладѣнія въ современной Россіи" „Міръ Божій" (декабрь 1903 г.) авторъ проситъ исправить слѣдующія главнѣйшія, искажающія смыслъ, типографскія погрѣшности.

Къ цифрамъ стр. 217 пропущена сноска съ указаніемъ источника ихъ: „Цифровыя данныя о поземельной собственности въ Европейской Россіи". Изд. Мин. Фин. Спб. 1897 г., стр. 16—19". Въ этой же таблицѣ должно быть: „Псковская губ. 61%, Гродненская 18%".

Къ таблицѣ на стр. 219: „вычислено по Цифровымъ даннымъ", стр. 16—19"

				Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	220	4	строка снизу	—4,8	—1,8
„	„	2	„ „	17.954	17.594
„	224	8	„ „	—%	34%
„	225	7	„ сверху	пропущено: (см. таблицу 2 на предыдущей страницѣ)	
„	225	21	„ снизу	155%	145%
„	226	11	„ сверху	пропущ.: нечерн. сѣверн.	
„	„	17	„ „	2.100	1.100

Л. Яснопольскій.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Прошлый годъ въ литературѣ.—Сравнительная бѣдность выдающихся произведеній.—Новое произведеніе А. П. Чехова „Невѣста".—Драматическія произведенія кн. Сумбатова „Измѣна" и г. Юшкевича „Чужая".—Окончательная эволюція г. Меньшикова, или конецъ „мудрой кротости".

Въ недавно изданныхъ «Очеркахъ развитія русской печати» г. Н. Энгельгардтъ указываетъ, какъ на признакъ паденія «толстой журналистики», на преждевременную смерть цѣлаго ряда журналовъ, ни однимъ словомъ не упомянувъ о причинахъ, обусловившихъ прекращеніе такихъ журналовъ, какъ «Новое Слово», «Начало» и «Жизнь». Какой-нибудь «добрый иностранецъ», который пожелалъ бы по очеркамъ г. Энгельгардта составить себѣ представленіе о развитіи русской журналистики, и въ самомъ дѣлѣ пришелъ бы къ выводу, что внутри самой журналистики есть нѣкій органическій порокъ, не дающій ей развиваться и губящій ее въ самомъ началѣ. Очень вѣроятно, что таково и было, дѣйствительно, намѣреніе автора упомянутыхъ очерковъ — «втереть очки», если не «доброму иностранцу», то россійскому обывателю, до сихъ поръ не утратившему вѣры въ печатное слово. Въ данномъ случаѣ слишкомъ еще свѣжа память о гибели названныхъ журналовъ, но, какъ пріемъ, это умолчаніе quasi-историка очень значительно и поучительно не только для историка ново-временской школы.

Намъ невольно вспомнилось это умолчаніе, когда, оглядываясь на истекшій годъ въ литературѣ, мы, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, пожелали дать читателю краткую характеристику того, что же далъ этотъ годъ въ нашей литературѣ? «Добрый иностранецъ», мало знающій наши свычаи и обычаи, пришелъ бы къ выводу, мало чѣмъ отличающемуся отъ энгельгардтовскаго: его поразила бы молчаливая и какая-то угрюмая картина, которую представляетъ журналистика истекающаго года. Столько, казалось бы, вопросовъ, самыхъ волнующихъ, столько событій, безпримѣрно громкихъ, столько движенія въ самыхъ застоявшихся уголкахъ нашего обширнаго отечества, — и что же? Въ журналистикѣ,—мы имѣемъ въ виду исключительно «толстые журналы»,—гробовое молчаніе, которое легкомысленные современные историки русской печати могутъ поставить на счетъ упадка журналистики, исключительно занятой, по ихъ словамъ, взаимными перекорами. Но будущій историкъ той же печати, навѣрное, придетъ къ иному выводу.

Оставимъ, однако, исторію историкамъ. Въ качествѣ современника, все же

нельзя не подчеркнуть эту щемящую сердце грустную картину — молчаливой литературы на фонѣ мятущейся жизни, той литературы, въ самыя святыя задачи которой входитъ освѣщеніе жизни. Слово — наше орудіе и оружіе въ борьбѣ за благо жизни, и отсутствіе его въ житейской борьбѣ наноситъ огромный ущербъ прежде всего жизни. Въ концѣ концовъ послѣдняя возьметъ свое, но сколько лишнихъ усилій можно бы избѣжать, сколько ненужныхъ страданій и жертвъ можно бы устранить путемъ честнаго, откровеннаго слова, взаимнаго обмѣна мыслей и фактовъ. Вѣдь только наивность (не подберемъ болѣе подходящаго слова) можетъ допустить, что въ такомъ «парламентѣ мнѣній», какъ «Новое Время»,—по опредѣленію бывшаго «мудро-кроткаго» г. Меньшикова,—что-нибудь и для кого-нибудь выясняется. Не встрѣчая противовѣса, лишенное возможности всесторонне и открыто обсуждать текущія явленія, общество больше всего страдаетъ отъ подобнаго «парламента», гдѣ оно встрѣчаетъ все, что угодно, кромѣ дѣйствительно всесторонняго развитія истины.

Какъ ни сѣровато и монотоненъ итогъ истекшаго года въ литературѣ, но нельзя не отмѣтить общаго, количественнаго роста послѣдней. Если въ свое время правъ былъ Пушкинъ, говоря, что у насъ нѣтъ литературы, хотя есть выдающіеся литераторы, то теперь мы видимъ скорѣе обратное. Литература выросла и растетъ, расширяетъ постепенно область своего распространенія и вліянія и слагается въ опредѣленныя формы и группы. Вырабатываются новыя формы, совершенствуются старыя и каждое теченіе въ области мысли и искусства находитъ и своихъ яркихъ представителей, и своихъ послѣдователей, и, что въ особенности важно, свою публику. Это разнообразіе придаетъ современной литературѣ нѣсколько пестрый видъ, смущающій иныхъ критиковъ, привыкшихъ къ прежней, уже отходящей въ исторію упрощенной схематичности, къ немногимъ строго опредѣленнымъ типамъ, или лучше сказать—видамъ искусства. Трудно подвести подъ опредѣленныя рубрики всю ту массу изящной словесности, какую далъ одинъ истекшій годъ. Въ драмѣ — «На днѣ» г. Горькаго, въ повѣсти—произведенія г. Короленки «Нестрашное» и «Невѣста» г. Чехова, «Честнымъ путемъ» г. Вересаева и «Человѣкъ» г. Юшкевича, рядъ очерковъ и разсказовъ гг. Куприна («Конокрады»), Серафимовича, Федорова («Земля»), повѣсти и романы гг. Боборыкина, Альбова, Потапенки, Крестовской, и на ряду съ ними масса менѣе видныхъ произведеній новыхъ авторовъ, еще не выяснившихъ своей литературной физіономіи, — таково обширное поле беллетристики въ этомъ году. Не все здѣсь равноцѣнно, есть вещи прямо неудачныя и даже странныя. Таковъ, напр., очеркъ г-жи Догановичъ «Питерячка», повѣствующій на страницахъ «Русской Мысли», какія бываютъ нехорошія кухарки въ Петербургѣ,—очеркъ, который лучше было бы назвать «Преступная питерская кухарка и добродѣтельная московская редакція». Или романъ г. Будищева «Солнечные дни», въ которомъ сдѣлана неудачная попытка примѣнить ничшеанскія идеи къ русской жизни. Заканчивается романъ еще страннѣе—форменнымъ позаимствованіемъ изъ «Идіота» Достоевскаго, именно цѣликомъ взята послѣдняя ужасная сцена, гдѣ Рогожинъ и князь Мышкинъ ночуютъ у трупа

Настасьи Филипповны. Насколько у Достоевскаго эта сцена является необходимымъ мрачнымъ концомъ трагедіи, насколько же повтореніе ея (почти буквальное) въ романѣ г. Будищева является неожиданнымъ и ничѣмъ не мотивированнымъ.

Не менѣе обильна была беллетристика въ видѣ цѣлаго ряда новыхъ сборниковъ и старыхъ, и новыхъ авторовъ. Одно перечисленіе ихъ заняло бы страницу, почему упомянемъ только о нѣкоторыхъ, обратившихъ на себя особое вниманіе. Вышелъ третій томъ разсказовъ г. Короленки, потребовавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ второго изданія; его же повѣсть «Безъ языка», тоже вышедшая вторымъ изданіемъ въ теченіе года. Сборники гг. Куприна, Серафимовича, Телешова, Юшкевича, Елеонскаго, третье изданіе сочиненій Потапенки, полное собраніе сочиненій Ан. Чехова. Не менѣе обильны были сборники поэзіи, какъ, напр., Бунина (второе изданіе), А. Ѳедорова, рядъ сборниковъ Бальмонта, Гиппіусъ, Мережковскаго, Сологуба, Брюсова и др. Вышли новые переводы сочиненій Гауптмана, Зудермана, Шницлера; новые переводы «Манфреда» Байрона и «Каина». Мы не можемъ привести массы переводовъ менѣе видныхъ авторовъ, которыми отличалась переводная литература въ этомъ году. Нельзя не отмѣтить еще перевода романа Жеромскаго «Пепелище», очень интереснаго по замыслу и по конструкціи, видимо написаннаго подъ сильнымъ вліяніемъ Л. Толстого, именно его «Войны и мира». Хотя какая огромная разница въ исполненіи! Какъ и Толстой, авторъ поставилъ себѣ задачу—нарисовать огромную бытовую картину старой Польши, переноситъ читателя то въ усадьбу стараго шляхтича, то на поля сраженій, гдѣ принималъ участіе польскій легіонъ временъ Наполеона, то въ тайныя общества массоновъ, то къ салоны магнатовъ,—но въ общемъ все это мало связано, отрывочно и часто напоминаетъ не художественную бытовую картину, а скорѣе—романы приключеній съ ихъ самыми неожиданными завязками и развязками.

Этотъ бѣглый обзоръ беллетристики истекшаго года даетъ такіе внушительные результаты, что постоянныя жалобы нѣкоторыхъ критиковъ, особенно среди «журнальныхъ обозрѣвателей» провинціальной печати, намъ представляются мало понятными. Не о бѣдности и скудости литературы приходится говорить, а скорѣе объ отсутствіи объединяющаго начала, синтеза, который выяснилъ бы читателю сложность текущей жизни и тѣмъ помогъ бы ему разобраться въ ней. Такого синтеза нѣтъ, дѣйствительно, и этотъ недостатокъ ощущается все настоятельнѣе. Но причина здѣсь не въ недостаткѣ творческихъ силъ, а въ самой жизни, которая вся находится въ броженіи, въ періодѣ роста и движенія, in statu nascendi, какъ говорятъ химики. Въ такіе моменты всѣ явленія получаютъ особую остроту, яркость и силу, но слить ихъ въ одну, всеобхватывающую картину, возсоздать типъ, главенствующій надъ жизнью, уясняющій ее или направляющій—не по силамъ самому великому художнику, потому что и онъ творитъ только изъ матеріала, доставляемаго жизнью, а этотъ послѣдній недостаточенъ для такого творчества. И художники, и читатели чувствуютъ, что чего-то не хватаетъ въ этой массѣ очерковъ, разсказовъ, повѣстей, драматическихъ сценъ, и обѣ стороны испы-

тываютъ чувство неудовлетворенности и разочарованія. Трудно пока надѣяться, что это состояніе скоро пройдетъ. Великій періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, создавшій не менѣе великую литературу, такихъ гигантовъ творчества, какъ Толстой и Достоевскій, и цѣлую плеяду художниковъ въ различныхъ областяхъ искусства, былъ завершителемъ огромной, почти вѣковой работы, начатой еще Новиковымъ и Радищевымъ. А мы стоимъ еще у порога новой работы, органически продолжающей старую, но при совершенно измѣнившихся условіяхъ, не менѣе, если не болѣе сложныхъ, выдвинувшихъ тоже рядъ искателей и аналитиковъ—художниковъ, уже создавшихъ въ общемъ огромную литературу. Каждый изъ нихъ по своему подходитъ къ жизни и ищетъ въ ней отвѣта на мучительные запросы, и не ихъ вина, если жизнь пока не даетъ этого отвѣта.

Но они его ищутъ...

Литература и общество только что отпраздновали двадцатипяти-лѣтній юбилей работы одного изъ такихъ искателей, В. Г. Короленко. Въ наступающемъ году предстоитъ юбилей другого огромнаго художника, А. П. Чехова, и только что появившееся новое произведеніе его «Невѣста» говоритъ самымъ убѣдительнымъ и яркимъ образомъ о неутомимой работѣ духа надъ запросами жизни,—работы, которая неустанно совершается въ самомъ художникѣ.

Его «Невѣста» (напечатанная въ декабрьской кн. «Журн. для всѣхъ»)—это прелестный, чудно выписанный образъ, который намъ представляется символомъ глубокаго значенія, далеко выходящимъ за рамки простого разсказа о томъ, какъ Надя мечтала о замужествѣ и чѣмъ окончились ея мечты.

Эти мечты, кажется, такъ близки къ осуществленію, она—невѣста, скоро свадьба, но что-то мѣшаетъ ей отдаться всецѣло настроенію ликованія и счастья. На дворѣ весна: «Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотѣлось думать, что не здѣсь, а гдѣ-то подъ небомъ, надъ деревьями, далеко за городомъ, въ поляхъ и лѣсахъ развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманію слабаго, грѣшнаго человѣка. И хотѣлось почему-то плакать».

Такое окружающее настроеніе избытка жизни, радости бытія и таинственнаго счастья, которое кроется гдѣ-то, вотъ-вотъ близко, стоитъ только протянуть руку и насладиться имъ вполнѣ,—не вызываетъ, однако, отвѣтнаго настроенія въ душѣ невѣсты. «Ей, Надѣ, было уже 23 года; съ 16 лѣтъ она страстно мечтала о замужествѣ, и теперь, наконецъ, она была невѣстой Андрея Андреевича, того самаго, который стоялъ за окномъ; онъ ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое іюля, а между тѣмъ радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Изъ подвальнаго этажа, гдѣ была кухня, въ открытое окно слышно было, какъ тамъ спѣшили, какъ стучали ножами, какъ хлопали дверью на блокѣ; пахло жареной индѣйкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что такъ теперь будетъ всю жизнь, безъ перемѣны, безъ конца!»

Ко всему этому она привыкла давно, къ этой праздной, сытой, неподвижной жизни, но теперь она начинаетъ испытывать съ непонятой ей остротой ощущеніе пустоты и неподвижности. Прежде ее смѣшили нападки на эту жизнь со стороны воспитанника ея бабушки Саши, неудавшагося художника, работающаго въ Москвѣ въ литографской мастерской. Теперь слова этого больного, добродушнаго и хорошо, какъ свои пять пальцевъ, ей знакомаго человѣка будятъ въ ней смутное раздраженіе: они выражаютъ то, что она сама переживаетъ, но для чего у нея нѣтъ еще выраженія, и что тѣмъ мучительнѣе и неотвязнѣе не даетъ ей покоя и убиваетъ чувство радости. «Когда Надя проснулась, было, должно быть, часа два, начинался разсвѣтъ. Гдѣ-то далеко стучалъ сторожъ. Спать не хотѣлось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, какъ и во всѣ прошлыя майскія ночи, сѣла въ постели и стала думать. А мысли были все тѣже, что въ прошлую ночь, однообразныя, ненужныя, неотвязчивыя, мысли о томъ, какъ Андрей Андреевичъ сталъ ухаживать за ней и сдѣлалъ ей предложеніе, какъ она согласилась и потомъ мало-по-малу оцѣнила этого добраго, умнаго человѣка. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше мѣсяца, она стала испытывать страхъ, безпокойство, какъ будто ожидало ее что-то неопредѣленное, тяжелое.—«Тикъ-токъ, тикъ-токъ... лѣниво стучитъ сторожъ.—Тикъ-токъ»... Въ большое старое окно видѣнъ садъ, большіе кусты густо цвѣтущей сирени, сонной и вялой отъ холода; и туманъ бѣлый, густой тихо подплываетъ къ сирени, хочетъ закрыть ее. На далекихъ деревьяхъ кричатъ сонные грачи. — «Боже мой, отчего мнѣ такъ тяжело!»— Быть можетъ, то же самое испытываетъ передъ свадьбой каждая невѣста. Кто знаетъ! Или тутъ вліяніе Саши? Но вѣдь Саша уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ говоритъ все одно и то же, какъ по писанному, и когда говоритъ, то кажется наивнымъ и страннымъ. Но отчего же все-таки Саша не выходитъ изъ головы? отчего?»

Такъ постепенно невѣста начинаетъ углубляться въ суть окружающей жизни, въ себя, въ свои отношенія къ жениху, къ матери, къ бабушкѣ. Мысль, разъ проснувшаяся подъ вліяніемъ тяжелаго, не отвѣчающаго ожиданіямъ настроенія, уже не даетъ покоя и двигаетъ работу анализа все дальше и глубже. Она замѣчаетъ то, чего не видѣла ранѣе, что мать не понимаетъ ея, что она и сама равнодушна къ ней, къ жениху, ко всей этой постылой, сѣрой, скучной и мертвой, какъ стоячая вода, жизни, — и слова Саши, на которыя она прежде не обращала вниманія, начинаютъ все сильнѣе волновать и овладѣвать ею.

«— Ахъ, милая Надя,—началъ Саша свой обычный послѣобѣденный разговоръ,—если бы вы послушались меня! если бы!

«Она сидѣла глубоко въ старинномъ креслѣ, закрывъ глаза, а онъ тихо ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголъ.

«— Если бы вы поѣхали учиться!—говорилъ онъ.—Только просвѣщенные и святые люди интересны, только они и нужны. Вѣдь чѣмъ больше будетъ такихъ людей, тѣмъ скорѣе настанетъ царствіе Божіе на землѣ. Отъ вашего города тогда мало-по-малу не останется камня на камнѣ,—все полетитъ вверхъ

номъ, все измѣнится, точно по волшебству. И будутъ тогда здѣсь громадные, великолѣпнѣйшіе дома, чудесные сады, фонтаны, необыкновенные, замѣчательные люди... Но главное не это. Главное то, что толпы въ нашемъ смыслѣ, въ какомъ она есть теперь, этого зла тогда не будетъ, потому что каждый человѣкъ будетъ вѣровать и каждый будетъ знать, для чего онъ живетъ, и ни одинъ не будетъ искать опоры въ толпѣ. Милая, голубушка, поѣзжайте! Покажите всѣмъ, что эта неподвижная, сѣрая, грѣшная жизнь надоѣла вамъ. Покажите это хоть себѣ самой!»

Наивныя мечты чудака Саши больше не смѣшатъ ея, напротивъ, волнуютъ, и «почему-то въ его наивности, даже въ этой нелѣпости столько прекраснаго, что едва она только вотъ подумала о томъ, не поѣхать ли учиться, какъ все сердце, всю грудь обдало холодкомъ, залило чувствомъ радости, восторга.—Но лучше не думать, лучше не думать.,. шептала она.—Не надо думать объ этомъ». А въ отвѣтъ на эти думы слышится унылый, однообразный, какъ окружающая жизнь, стукъ сторожа: «Тикъ-токъ... стучалъ онъ гдѣ-то далеко.—Тикъ-токъ... тикъ-токъ»...

Борьба двухъ настроеній—стараго, не дающаго ей думать, требующаго не думать, ибо отъ этихъ думъ все сразу шатается и рушится, какъ карточный домикъ,—и новаго проснувшейся жажды жизни, какой бы то нибыло, лишьбы жизни,—длится долго, напряженно, мучительно. А женихъ, мать, бабушка ничего даже не замѣчаютъ, имъ и невозможно замѣтить, такъ какъ сѣрая, скучная жизнь—вѣдь это они сами. Представить себѣ что либо иное, новое, подумать объ отказѣ отъ такой праздной жизни значило бы для нихъ перестать существовать. Невѣста не выдерживаетъ этого безконечнаго, безвыходнаго томленія и рѣшительно заявляетъ Сашѣ: «Не могу... Какъ я могла жить здѣсь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную безсмысленную жизнь... Эта жизнь опостылѣла мнѣ, я не выживу здѣсь и одного дня. Завтра же я уѣду отсюда. Возьмите меня съ собой, Бога ради!» Саша приходитъ въ восторгъ отъ такого рѣшенія и одобряетъ ея намѣреніе порвать сразу, быстро, безъ колебаній. «Клянусь вамъ, вы не пожалѣете и не раскаетесь. Поѣдете, будете учиться, а тамъ пусть васъ носитъ судьба. Когда перевернете вашу жизнь, то все измѣнится. Главное перевернуть жизнь, а все остальное не важно».

И слова чудака сбываются съ буквальною точностью. Исчезъ страхъ, исчезло томленіе, разсѣялось безпокойство, отравлявшее жизнь, мѣшавшее отдаться радости бытія. «Прощай, городъ! и все ей вдругъ припомнилось: и Андрей, и его отецъ, и новая квартира, и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назадъ и назадъ. А когда сѣли въ вагонъ и поѣздъ тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось въ комочекъ, разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сихъ поръ было такъ мало замѣтно. Дождь стучалъ въ окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволокахъ, и радость вдругъ перехватила ей дыханіе: она вспомнила, что

она ѣдетъ на волю, ѣдетъ учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить въ казачество»...

И черезъ годъ, когда она пріѣзжаетъ навѣстить родныхъ, все уже не наводитъ на нее ни тоски, ни страха, а кажется тѣмъ, чѣмъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: мелкимъ, будничнымъ, скучнымъ и никому ненужнымъ, сѣрымъ и провинціальнымъ. Даже и Саша, энергичному вмѣшательству котораго она все же обязана тѣмъ, что и ее не засосало провинціальное болото, представляется ей въ своемъ настоящемъ видѣ—больного неудачника, въ которомъ и было одно хорошее—неумирающая способность мечтать и относиться къ будничной жизни, какъ она того заслуживаетъ,—безъ страха и томленія, а просто съ презрѣніемъ. Онъ вырвалъ ее изъ этой скучной жизни, «перевернулъ ея жизнь», передалъ ей свою способность вѣрить и мечтать, а это самое главное. «И Надя ходила по саду, по улицѣ, глядѣла на дома, на сѣрые заборы, и ей казалось, что въ городѣ все давно уже состарилось, отжило и все только ждетъ не то конца, не то начала чего-то молодого, свѣжаго. О, еслибы поскорѣе наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будетъ прямо и смѣло смотрѣть въ глаза своей судьбѣ, сознавать себя правымъ, быть веселымъ свободнымъ. А такая жизнь рано или поздно настанетъ! Вѣдь будетъ же время, когда отъ бабушкина дома, гдѣ все такъ устроено, что четыре прислуги иначе жить не могутъ, какъ только въ одной комнатѣ, въ подвальномъ этажѣ, въ нечистотѣ,—будетъ же время, когда отъ этого дома не останется и слѣда, и о немъ забудутъ, никто не будетъ помнить. И Надю развлекали только мальчишки изъ сосѣдняго двора; когда она гуляла по саду, они стучали въ заборъ и дразнили ее со смѣхомъ:—Невѣста, невѣста!» И даже извѣстіе о смерти Саши не внесло диссонанса въ ея умиротворенную, полную радостныхъ надеждъ душу. «Прощай, милый Саша!» думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, «еще неясная, полная тайнъ, увлекала и манила ее»,—и она «живая, веселая, покинула городъ,—какъ полагала, навсегда».

Бодрый сильный аккордъ, заканчивающій эту прелестную вещь, звучитъ въ душѣ читателя, какъ побѣдный кличъ, какъ торжество жизни надъ мертвой скукой и пошлостью сѣрой и однообразной обыденности. Невѣста исчезла, явился человѣкъ, и читателю за него не страшно. Что-бы ни ожидало Надю, она уже не вернется въ старый бабушкинъ домъ, не станетъ вещью, которою Андрей Андреичъ украситъ новый домъ, какъ украсилъ его картиной, изображающей голую даму съ вазой. И легко это въ сущности, и правъ бѣдный Саша, что самое главное—перевернуть жизнь. Не только главное, а и единственный исходъ для тысячи тысячъ невѣстъ, которымъ грозитъ та же участь, та же судьба и то же жалкое назначеніе. Переверните вашу жизнь,—говоритъ авторъ устами своей «невѣсты», и станете людьми, отъ которыхъ зависитъ строить жизнь себѣ самимъ, не подчиняясь обычаямъ стараго бабушкина дома, гдѣ все грязно, скучно и мертво, гдѣ вещи занимаютъ мѣсто живыхъ людей, а живые люди превращены въ вещи. И кто не хочетъ быть вещью, пусть не

колеблясь перевернетъ жизнь. Это гораздо проще и легче, чѣмъ всю жизнь ныть и хныкать, не замѣчая, какъ жизнь уходитъ и человѣкъ превращается въ никому ненужную ветошь.

«Невѣста» г. Чехова—это живой и яркій символъ всего живого, протестующаго, не укладывающагося въ устарѣлыя рамки сѣрой провинціальной жизни. «Въ Москву, въ Москву!»—мечтаютъ три сестры въ знаменитой пьесѣ того же автора, и остаются на мѣстѣ, не въ силахъ порвать съ окружающимъ. «Главное перевернуть жизнь, а все остальное не важно!» отвѣчаетъ имъ «Невѣста»,—и что бы ни случилось потомъ, это будетъ лучше уже потому, что оно будетъ новое, не связанное безконечными страхами, безцѣльной тоской и всякимъ ненужнымъ устарѣлымъ хламомъ. И развѣ это такъ трудно—перевернуть то, что изжито, опустошено и истлѣло, какъ старое дерево съ выѣденной сердцевиной, которое держится только корой? «Это все равно, что когда-то называлось уходить въ казачество», замѣчаетъ про себя Надя, и въ этомъ сравненіи много вѣрнаго. Какъ уходившіе въ казачество порывали съ прошлымъ навсегда, такъ и уходящіе изъ стараго «бабушкина дома» тоже порываютъ со всѣми его традиціями и уже никогда не вернутся къ нимъ. Но есть и большая разница. Уходившіе въ казачество ничего не приносили назадъ, они или оставались на новыхъ вольныхъ мѣстахъ, или гибли въ безконечныхъ бояхъ на окраинахъ. А Надя и ея подруги, всѣ, что рѣшили перевернуть жизнь, несутъ съ собой новую культру, новые устои для «бабушкина дома», куда они вносятъ свѣтлыя надежды, желаніе по иному устроить этотъ домъ и знаніе, какъ это сдѣлать. Это не только уходъ въ казачество, а походъ «за золотымъ руномъ», за новой культурой—работа, свѣтлая, живая и радостная, хотя и трудная, очень тягостная подчасъ борьба, не всѣмъ сулящая побѣду. «Даромъ ничто не дается, судьба жертвъ искупительныхъ проситъ», но русской ли женщинѣ бояться ихъ? Вся жизнь ея—сплошная жертва. Такъ лучше принести себя въ жертву свѣтлому богу новой жизни, чѣмъ медленно исчахнуть подъ гнетомъ невыносимыхъ условій отжившаго, все равно пасть жертвой его, даже безъ надежды отстоять то, что осуждено и должно погибнуть.

Таковы заключенія и выводы, сами собой напрашивающіеся послѣ чтенія новаго произведенія А. П. Чехова. Мажорный конецъ повѣсти снова подчеркиваетъ тотъ внутренній переворотъ, который совершился во взглядахъ писателя на жизнь. Нѣтъ больше тоски и отрицанія, призывомъ къ жизни и радостью проникнуто все произведеніе, хотя оно довольно рѣзко распадается на двѣ части: въ первой томленіе «невѣсты», чувствующей свою отчужденность отъ окружающаго, во второй—чувство свободы и удовлетворенія, что свобода завоевана. Тѣмъ не менѣе, охватывающее читателя съ первыхъ строкъ живительное майское настроеніе «таинственной, прекрасной, богатой и святой, весенней жизни»—не покидаетъ его, все время усиливаясь и переходя подъ конецъ въ бодрое и торжествующее чувство побѣды. Не такъ бы закончилъ авторъ эту повѣсть въ тотъ періодъ своего творчества, когда явились «Скучная исторія» или «Именины». Но то было время иное, когда не чувствовалось и въ

жизни этой бодрящей жизнерадостной ноты, которая теперь все ярче звучитъ въ каждомъ новомъ произведеніи А. П. Чехова.

Въ мажорномъ тонѣ, хотя и совершенно иного рода, написана и новая драма кн. Сумбатова «Измѣна», напечатанная въ «Рус. Мысли». Какъ художественное произведеніе, пьесу кн. Сумбатова нельзя, конечно, сопостовлять съ такимъ выдержаннымъ и высоко-художественнымъ произведеніемъ, какъ «Невѣста» г. Чехова, и при чтеніи его надо отрѣшиться отъ той мѣрки, къ которой насъ пріучилъ этотъ огромный художникъ. Пьеса принадлежитъ къ циклу такъ называемыхъ героическихъ драмъ и на сценѣ, благодаря большому знанію авторомъ условій сценичности, должна производить впечатлѣніе. Въ драмѣ много движенія, яркихъ моментовъ, сильныхъ положеній, интересъ дѣйствія все время наростаетъ, что вмѣстѣ съ колоритностью обстановки должно производить извѣстное впечатлѣніе на зрителей.

Въ чтеніи, однако, драма не захватываетъ, благодаря примитивности сюжета и недостатку поэзіи и яркости въ обрисовкѣ характеровъ, но интересъ, какой возбужденъ съ перваго дѣйствія въ читателѣ борьбой небольшого, героическаго народа съ угнетателями, поддерживается, не ослабѣвая, все время. Борьба ведется за національность и вѣру, элементы примитивные, доступные пониманію самыхъ простыхъ людей и всегда волнующіе скрытой въ нихъ правдой. Героиней пьесы является царица Грузіи, покоренной персами и угнетаемой ими со всею мусульманско-восточною жестокостью и прямолинейностью, не отступающей ни передъ чѣмъ. Бывшая царица Тамара, нынѣ Зейнабъ, вышла замужъ за покорителя Грузіи Солейманъ-хана и въ теченіе двадцати лѣтъ таила въ душѣ надежды на освобожденіе родины и мщеніе угнетателямъ. У нея есть сынъ Георгій, спасенный преданнымъ грузиномъ Ананіемъ Глахою, который для его спасенія пожертвовалъ своимъ роднымъ сыномъ и воспитывалъ царевича, какъ родного, въ глуши Грузіи. Двадцать лѣтъ униженія, муки и безсильнаго страданія закаляютъ царицу, всѣ силы которой сосредоточены на одной надеждѣ—выждать и подготовить мигъ свободы и мести. Сильный, страстный характеръ Зейнабъ не вполнѣ выдержанъ въ драмѣ, и лучше удался автору типъ стараго и пылкаго воителя Отаръ-бега, тоже грузина, измѣнившаго въ свое время родинѣ, въ которомъ просыпается старый левъ, когда Зейнабъ, наконецъ, видитъ приближеніе давно жданнаго момента и открываетъ ему свой планъ. Измѣна, обдуманная въ долгіе годы униженія, взлелѣянная въ душѣ Зейнабъ въ тиши долгихъ ночей, находитъ опору въ народѣ, гдѣ угнетатели, несмотря на всѣ насилія и жестокости, не смогли вытравить ни религіозной вѣры, ни мечты о свободѣ родины. Отаръ-бегъ становится во главѣ возстающихъ, а сынъ Зейнабъ вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ Ананіемъ берутся взорвать Метехскій замокъ, твердыню Солейманъ-хана. Хорошо подготовленный планъ чуть не рушится, благодаря слабости царевича Георгія, который увлеченный красотою одной изъ невольницъ хана, передается на сторону враговъ и измѣняетъ дѣлу родины въ главный моментъ. Зейнабъ, при видѣ гибели такъ долго лелѣемой мечты, отказывается признать въ немъ сына, который

только въ эту минуту понимаетъ, что онъ сдѣлалъ, и въ отчаяніи бросается на персовъ, ища не побѣды, а смерти. Но старый Ананія спасаетъ дѣло Грузіи, онъ одинъ пробирается въ пороховые склады Метехскаго замка и взрываетъ ихъ. Персы побѣждены, Солейманъ-ханъ взятъ въ плѣнъ и Грузія свободна, но Зейнабъ не въ силахъ вынести удара, нанесеннаго ея материнской гордости сыномъ, и убиваетъ себя въ моментъ полнаго торжества.

Пьеса хорошо задумана и, при всей простотѣ и несложности мотивовъ драмы, можетъ захватить зрителя, для котораго въ лицѣ Зейнабъ выступаетъ мать-героиня, готовящая борца и жертвующая имъ для родины. «Грузинки,— говоритъ авторъ въ краткомъ предисловіи,—готовили сыновей къ подвигу освобожденія. Онѣ пѣли имъ пѣсни ихъ родины, разсказывали имъ подвиги и геройскую гибель отцовъ, осѣняли ихъ крестомъ,—и все это оглядываясь и прислушиваясь, подъ страхомъ смерти и мученичества, не только своего, а главное—своихъ дѣтей, близкихъ не только уже по крови, но по духу, по всему будущему. Эти женщины готовили *людей*. Другія женщины готовили *событія* также долго, также осторожно, подъ тѣмъ же ежеминутнымъ страхомъ, что всѣ ихъ многолѣтніе труды будутъ истреблены однимъ грубымъ прикосновеніемъ, какъ паутина. Ихъ роль была гораздо труднѣе и сложнѣе. Это были женщины, попавшія въ гаремъ, предназначенныя къ существованію на чужую потребу, какъ откармливаемая птица... Для достиженія своей цѣли имъ приходилось мириться съ униженіемъ, поруганіемъ своей чести и своего человѣческаго достоинства. Третій типъ женщинъ были мученицы. Ихъ было неисчислимое количество. Эти готовили *духъ* народа, какъ первыя готовили людей, а вторыя—событія». И въ минуту, казалось, полнаго униженія родины и торжества угнетателей «женщина начинаетъ свою созидательную работу и вынашиваетъ въ себѣ будущее какъ ребенка, долго, заботливо, съ любовью, считая себя только сосудомъ, хранящимъ въ себѣ высшее благо».

Благодаря именно женщинѣ маленькая Грузія сохранила свою вѣру и національность среди самыхъ тяжкихъ условій, и этотъ примѣръ героической борьбы дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ на читателя. Въ каждой борьбѣ есть нѣчто чарующее и возвышающее, такъ какъ въ ней, и только въ ней, заключается весь смыслъ жизни, которая безъ борьбы теряетъ окраску, становится сѣрой и скучной. И потому пьеса, ярко и сильно изображающая такую борьбу, не можетъ не вліять благотворно на зрителя, какъ бы ни казался далекъ самый объектъ борьбы. Мы думаемъ, что на народной сценѣ въ особенности «Измѣна» должна имѣть успѣхъ, и лицамъ, озабоченнымъ составленіемъ репертуара для народной сцены, слѣдуетъ обратить на нее особое вниманіе.

Отъ «Измѣны» съ ея героическимъ подъемомъ, съ величіемъ борьбы и гибели во имя идеи, нѣсколько страненъ переходъ къ появившейся въ декабрьской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» пьесѣ г. Юшкевича «Чужая», которая представляетъ ей полную противоположность. Но намъ хочется остановить на ней вниманіе читателя, какъ на произведенія молодого

автора, до сихъ поръ извѣстнаго своими художественными очерками изъ жизни еврейской массы и рабочаго люда большихъ городовъ. «Чужая»—это своеобразная попытка творчества въ совершенно иномъ родѣ, отчасти и то очень отдаленно напоминающая другой опытъ въ томъ же родѣ и того же автора—«Студентъ Павловъ» (напечатанный у насъ въ 1900 г.). «Студентъ Павловъ»—это психологическій очеркъ, рисующій типъ истерика, постепенно доходящаго до полнаго безумія. Въ «Чужой» его напоминаетъ героиня пьесы Ирина, тоже типъ ненормальный, изломанный жизнью, до извѣстной степени и продуктъ, и жертва этой жизни. Она всю жизнь прожила въ прислугахъ, она еще молода, она красива, и она—вся чужая. «Все за работой да за работой... А жить-то когда? Жить когда будешь, спрашиваю?» говоритъ она.—«Не знаешь? Вчера построчила, пригладила, убрала, сегодня построчила, пригладила, убрала, и ничего новаго не будетъ ни завтра, ни чрезъ десять лѣтъ... До самой могилы сиди и пикнуть не смѣй». Правда, другія («вонъ Пашка, Грушка»), тѣ «выбились», пошли по извѣстной дорогѣ, но въ Иринѣ есть что-то, что не позволяетъ идти по той же дорогѣ, хотя все толкаетъ ее на этотъ путь: и баринъ, дѣлающій ей весьма недвусмысленныя предложенія, и его гости, на потѣху которыхъ онъ заставляетъ Ирину танцовать канканъ, и подруги, соблазняющія ее легкостью житья, и особый сортъ богобоязненныхъ старушекъ, устраивающихъ эти дѣла. Словомъ, Ирина, «гдѣ была, гдѣ жила, гдѣ служила, только и слышала о тѣлѣ да о тѣлѣ. И молодые, и старые, и богатые, и бѣдные—всѣ на одно били и цѣлили. Я бы уже вонъ гдѣ была, коли бы захотѣла. Но не хотѣла захотѣть. Я своего все ждала, да не дождалась. Тутъ и вся жизнь моя». Ибо у нея «свой Богъ въ душѣ есть», глубоко скрытая надежда на лучшую участь женщины, вѣра въ судьбу женщины, какъ ни доказательны обратные примѣры. Ирина придавлена, она лежитъ на днѣ жизни, но въ ней бьется что-то, чего не можетъ задавить вся тяжесть, на ней лежащая. Когда ей становится не подъ силу эта борьба изъ-за ея тѣла, она въ истерическомъ припадкѣ бѣжитъ на улицу, готовая отдаться первому встрѣчному, лишь бы отъ нея отвязались, оставили ее въ покоѣ. Но и истерика не можетъ заглушить въ ней голосъ «моего Бога», и съ улицы она возвращается назадъ и кончаетъ съ собой обычнымъ способомъ—петлей на шею.

Такою намъ представляется схема типа, задуманнаго авторомъ. Но тутъ остается еще много неяснаго, во второмъ и третьемъ дѣйствіи, и мы отнюдь не стоимъ за свое пониманіе пьесы г. Юшкевича, въ которой реализмъ и фантазія удивительно перепутаны. Все второе дѣйствіе, происходящее на улицѣ, мало понятно. Разговоры, разговоры и разговоры встрѣчающихся Иринѣ лицъ, гоняющихся за нею охотниковъ за уличными интрижками и собственныя ея истерическіе вопли—ничего не выясняютъ ни въ характерѣ Ирины, ни въ ситуаціи. А третій актъ—сплошной бредъ Ирины, которой представляются и разныя лица, встрѣченныя ею только что на улицѣ, и ея подруги, и баринъ, и «Неизвѣстный», странное лицо, въ которомъ Ирина чувствуетъ какъ бы отображеніе своего «бога», что не позволялъ ей «захотѣть». Весь третій актъ напоминаетъ «Ганеле» Гауптмана и потому мало оригиналенъ и въ сущности

ничего не прибавляетъ къ двумъ первымъ. Это—томительная агонія Ирины, борющейся съ жаждой смерти, пока, наконецъ, Неизвѣстный властно не приказываетъ ей—вбить гвоздь въ стѣну и повѣситься.

Такая подражательность вмѣстѣ съ недостаточной опредѣленностью всего замысла лишаютъ пьесу цѣльности и оригинальности. Мѣстами это уже не типъ загнанной женщины, это какъ бы общій протестъ всего забитаго, угнетеннаго и затравленнаго жизнью. Напр., вотъ разговоръ Ирины съ однимъ прохожимъ. Ирина съ испугомъ спрашиваетъ его: «Чего смотрите? По своей охотѣ стою, и никому дѣла нѣтъ», — на это прохожій разражается страстной репликой по поводу общественной несправедливости и общественныхъ противорѣчій. Онъ бѣднякъ, потерявшій работу, а дома жена, дѣти и ни откуда помощи.

Ирина. *(Слушая внимательно).* Вотъ и меня довели. Спросите меня, зачѣмъ я теперь на улицѣ, по какому дѣлу? Полюбопытствуйте и спросите. Вѣдь стыдно сказать. Камнями бы меня забросали.

«Второй прохожій. *(Продолжая волноваться).* Потому что чепуха все. Почему, напримѣръ, я голодать долженъ? Скажите, почему? Есть человѣчество, общество, группы и чортъ тамъ знаетъ, какъ васъ еще называютъ,—дай отвѣтъ! Почему я голодать долженъ? Дѣвочки мои, которыхъ я безумно люблю и жалѣю, почему голодать должны? Не въ лѣсу же я живу и вѣдь наконецъ это вредно, слышите? вредно человѣку больному, измученному жизнью, по три дня шляться на холодѣ по улицамъ, и имѣя больную грудь, спать въ ночлежкѣ. Но вы спросите, почему я, больной, надорвавшійся человѣкъ, не имѣю права на мѣсто въ больницѣ какой-нибудь, чтобы хоть немного, немного поправить свое здоровье! Сколько разъ пробовалъ!.. Но прогоняли, ибо на ногахъ еще держусь. Вѣдь непремѣнно, непремѣнно чумой какой-нибудь заболѣй, чтобы подобрали тебя. *(Вдругъ свирѣпо и жестикулируя).* Не о чемъ толковать... Между прочимъ и лобъ разбей отъ поклоновъ во всѣ стороны—не поможетъ. Ну, такъ, коли вы жестокіе, безжалостные, равнодушные, и я такимъ же буду... Разрѣшите слѣдующее, полюбуйтесь, позлитесь и разрѣшите. Вотъ заверните въ эту улицу. Сколько тамъ, напр., свѣта и простого, и искусственнаго, и всяческаго волшебнаго свѣта! Вѣдь на тѣ деньги, что стоитъ онъ, я высчиталъ, можно сотню семей ежедневно прокормить. Ну-съ, такъ нѣтъ. Вы извольте голодать съ вашими дѣвочками, издыхайте тутъ подлѣ него, а онъ будетъ сіять и освѣщать грязныя улицы, и окна магазиновъ. А прежде обходились керосиновымъ освѣщеніемъ. *(Повторяетъ).* А прежде обходились керосиновымъ освѣщеніемъ, да. Посмотрите, что въ витринахъ дѣлается. Вѣдь страшно подумать, какъ они тамъ изо всѣхъ силъ старались все это живописнѣе и заманчивѣе разложить,—молъ, пожалуйте, ради Бога, какъ-нибудь загляните къ намъ! Сколько богатствъ въ каждомъ окнѣ подумайте, сколько богатствъ! Бриллiанты, золото, одежда, бѣлье,—а я тутъ стой, чуть что не босой, и всѣ дома у меня оборванные. И не обозлиться, и не кричать послѣ этого?».

И въ такомъ тонѣ ведется вся сцена, ничѣмъ не связанная съ предыду-

щей и послѣдующей, какъ, впрочемъ и всѣ остальныя сцены, въ которыхъ нѣтъ ни развитія характеровъ, ни страсти, ни дѣйствія. Повидимому, авторъ задумалъ нѣчто и очень большое, и очень глубокое, хотѣлъ создать въ лицѣ Ирины какое-то символическое изображеніе человѣческой жизни со всѣми ея противорѣчіями, несообразностями, муками и зломъ. Но въ результатѣ не получилось ни цѣльнаго образа, такъ какъ Ирина—безплотное существо, которое лишено индивидуальности, и мы ее не можемъ себѣ представить,—ни драмы въ принятомъ смыслѣ, а рядъ отрывочныхъ и подражательныхъ сценъ, написанныхъ подъ сильнымъ вліяніемъ «Ганеле» Гауптмана.

Въ отвѣтъ на статьи, посвященныя у насъ и въ «Русскомъ Богатствѣ» г. Меньшикову, онъ разразился въ «Новомъ Времени» такимъ фельетономъ, отъ котораго должны были придти въ восторгъ всѣ враги г. Меньшикова и смутиться всѣ его друзья. Не принадлежа ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ, ибо къ особѣ этого писателя и судьбѣ его мы болѣе чѣмъ равнодушны,—не можемъ, тѣмъ не менѣе, обойти молчаніемъ это замѣчательное его произведеніе, какъ такое, которое рѣшаетъ навсегда судьбу писателя. Если еще у кого-нибудь были сомнѣнія относительно литературной физіономіи этого «мудро-кроткаго» словоточиваго проповѣдника бывшей «Недѣли», то теперь г. Меньшиковъ уничтожилъ ихъ, продѣлавъ быструю и окончательную эволюцію во вкусѣ самаго заядлаго, патентованнаго нововременскаго «аристократа духа».

Началъ онъ свой фельетонъ съ того, что раскрылъ псевдонимъ одного изъ своихъ противниковъ,—фактъ, даже и на страницахъ «Новаго Времени» не часто встрѣчающійся. Затѣмъ онъ счелъ нужнымъ «сочинить», будто этотъ противникъ—«семитъ» и состоитъ секретаремъ редакціи «Русскаго Богатства» и что у него-то Н. К. Михайловскій позаимствовалъ (!) свои аргументы. И то, и другое чистѣйшая выдумка: и не семитъ (сынъ православнаго священника), и никогда секретаремъ редакціи «Русск. Богатства», этотъ авторъ не былъ. Далѣе, забывъвсю «мудрость кроткихъ», г. Меньшиковъ, впадая въ неистовый ражъ, возражаетъ, что онъ не Іуда и никогда не измѣнялъ «Недѣлѣ», а ушелъ изъ этого органа, когда тотъ закрылся. Но, во-первыхъ, никто г. Меньшикова и не называлъ Іудой, а только его многословныя писанья сравнивали съ рѣчами Іудушки Головлева, что по существу составляетъ огромную разницу. Въ измѣнѣ «Недѣлѣ» никто г. Меньшикова и не укорялъ, ибо для всѣхъ ясное дѣло, если «Недѣля» закрылась, то и оставаться въ ней нечего было. Выражали не то что удивленіе, а скорѣе недоумѣніе, по поводу перехода въ «Новое Время», казалось бы, г. Меньшикову, какъ старому публицисту, органъ достаточно извѣстный. Отвѣчая на этотъ полу-скрытый упрекъ, «мудро-кроткій» философъ «Недѣли» заявляетъ, что онъ, прежде чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, обратился къ г. Суворину съ запросомъ, какого тотъ мнѣнія о своей газетѣ. И когда оказалось, что г. Суворинъ прекраснаго мнѣнія, то г. Меньшиковъ счелъ для себя вполнѣ умѣстнымъ писать въ этомъ «парламентѣ мнѣній», какъ онъ называетъ «Новое Время». Г. Суворинъ разрѣшилъ ему писать о чемъ угодно и какъ угодно, и это показалось г. Меньшикову «либеральнымъ». «Скажите, многія ли

редакціи настолько либеральны?» восторгается онъ дальше по поводу «свободы мнѣній», допускаемой въ «Новомъ Времени», гдѣ подчасъ на одной и той же страницѣ одно и то же событіе передается самымъ противорѣчивымъ образомъ (напр., во время суда надъ Дрейфусомъ). «Нельзя выше всего ставить постоянство убѣжденій, иначе какой же былъ бы возможенъ прогрессъ?»—спрашиваетъ г. Меньшиковъ. Для писателя вообще, а для публициста въ особенности задавать подобный вопросъ значитъ поставить крестъ надъ собой. Ибо какую же вѣру можно имѣть къ человѣку, который самъ открыто заявляетъ, что не считаетъ нужнымъ «постоянство убѣжденій?» Г. Меньшиковъ съ «кроткой» наивностью смѣшиваетъ мнѣнія съ убѣжденіями, подкрѣпляя себя ссылкой на примѣръ Бѣлинскаго. Но это—клевета на знаменитаго критика, который дѣйствительно мѣнялъ мнѣнія и, напр., изъ поклонника Гегеля превратился въ яраго его противника. Пусть бы, однако, указалъ г. Меньшиковъ, когда Бѣлинскій измѣнилъ убѣжденію, напр., въ томъ, что крѣпостное право надо уничтожить, что просвѣщеніе великое благо для народа, что литература должна быть святымъ служеніемъ народу, а не пустословіемъ, и т. п.

Самъ г. Меньшиковъ тутъ же торопится не только поставить крестъ надъ собой, какъ надъ мертвымъ отнынѣ писателемъ, но и подкрѣпить этотъ актъ доказательствами. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы быть убитымъ «г.г. радикалами», которые въ свое время «не оставили ни одной славы русской безъ попытки утопить ее въ помояхъ». Сопричисливъ себя къ «славѣ русской» и поставивъ себѣ такимъ образомъ еще при жизни «монументъ», какъ Ѳома Опискинъ у Достоевскаго, г. Меньшиковъ тутъ же себѣ и «прообразъ» для монумента сочинилъ. Сравнивъ радикаловъ съ Хамомъ, сыномъ Ноя, который насмѣялся надъ наготой отца своего, увидѣвъ его пьянымъ, г. Меньшиковъ уподобляетъ себя Симу и Іафету, которые «взяли одежду и, положивъ ее на плечи свои, пошли задомъ и покрыли наготу отца своего». Такъ поступаетъ нынѣ и онъ, г. Меньшиковъ, который, пятясь задомъ, прикрываетъ «наготу старика»... «Россія безобразна и обнажена,—пишетъ г. Меньшиковъ,—она нуждается, чтобы не скрыли, а покрыли это безобразіе», что и взялся исполнять г. Меньшиковъ въ пику радикаламъ, которыхъ тутъ же уже совсѣмъ не прикровенно обвиняетъ въ томъ, что они два раза въ одно столѣтіе остановили русское возрожденіе—14-го декабря и 1-го марта»...

Дальше г. Меньшикову «пятиться задомъ» некуда: онъ дошелъ до той точки, гдѣ попытка всякой полемики прекращается. Даже если въ своемъ «задопятномъ» направленіи онъ допятится и до «Гражданина», то новаго въ немъ онъ уже ничего не скажетъ.

А. Б.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЗИБЕРЪ.

(По поводу пятнадцатилѣтія со дня смерти).

Въ настоящее время чувствуется замѣтный упадокъ въ области *экономическихъ* вопросовъ. Насколько это такъ, объ этомъ можно судить, сравнивъ нынѣшнюю русскую литературу съ литературой девяностыхъ годовъ. Тѣ сомнѣнія, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ напрягали мысль людей, даже не привыкшихъ къ экономическимъ абстракціямъ, въ настоящее время не выдвигаются даже спеціалистами. Удивительно ли, если такая оригинальная фигура въ исторіи *нашей* экономической мысли, какъ Н. И. Зиберъ, до сихъ поръ остается полузабытой? Правда, его имя трепалось не мало. Но и за всѣмъ тѣмъ, если не считать два-три некролога, двѣ-три статьи о немъ являются, можетъ быть, единственнымъ изъ всего того, что было посвящено ему. Въ 1900 году одна фирма затѣяла изданіе полнаго собранія сочиненій Зибера. И что же? Вышло два тома статей: томъ I. «Вопросы землевладѣнія и промышленности» и т. II. «Право и политическая экономія», но ни опытной редакторской руки, которая познакомила бы насъ съ программой изданія, ни указаній на то, къ какому году относится та или иная статья, гдѣ она была напечатана, почему статьи автора располагаются въ такомъ порядкѣ, въ какомъ расположены первые два тома.. Попытка эта не снабжена даже самыми краткими біографическими свѣдѣніями объ авторѣ...

Вотъ почему—думается намъ—умѣстно воспользоваться хотя бы недавно минувшимъ пятнадцатилѣтіемъ со дня смерти покойнаго экономиста, чтобы возобновить въ нѣсколькихъ словахъ память о томъ, кто, можетъ быть, первый пріобщилъ русскую экономическую науку къ общеевропейской научной традиціи, знакомство съ которымъ было бы сущимъ благодѣяніемъ не для одного интеллигента нашего смутнаго времени.

Не богата была фактами жизнь этого въ высшей степени симпатичнаго труженика родной литературы.

Отецъ покойнаго былъ швейцарецъ, переселившійся въ Россію, здѣсь же женившійся на русской, отъ брака съ которой и родился Николай Ивановичъ. Уроженецъ Таврической губерніи, онъ кончилъ симферопольскую гимназію, затѣмъ поступилъ въ университетъ св. Владиміра, который и кончилъ въ 1867 или 1868 году. Уже въ университетѣ онъ обращалъ на себя вниманіе своею талантливостью и серіозной начитанностью: ему предложили остаться при университетѣ, подготовиться къ каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Николай Ивановичъ принялъ это предложеніе, но осуществленіе его, тѣмъ не менѣе, на время отложилъ. Дѣло въ томъ, что Зиберъ—подобно всей кіевской молодежи—тогда увлеченъ былъ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Тогда практически осуществлялся законъ о пересмотрѣ надѣловъ и платежей. Зиберъ и взялъ мѣсто мирового посредника въ Волынской губерніи, предполагая поработать на «народной нивѣ». Но генералъ-губернаторъ Безакъ умеръ, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ отношеніе мѣстной власти къ крестьянскому вопросу измѣнилось и Зиберъ оставилъ мѣсто посредника.

Онъ вернулся въ университетъ. Выдержавъ магистерскій экзаменъ, онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ «Теорія цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими разъясненіями», появившуюся впервые въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1871 г., №№ 1—2, 3—11. Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ скрывался трудъ, обнаружившій въ молодомъ авторѣ—Зиберу тогда было около 25 лѣтъ—и значительнуы силу мысли, и выдающуюся эрудицію, трудъ, впослѣдствіи значительно переработанный, о которомъ Карлъ Марксъ писалъ: «еще въ 1871 году Н. Зиберъ, профессоръ политической экономіи въ кіевскомъ университетѣ, доказалъ, что моя теорія цѣнности, денегъ и капитала въ основныхъ началахъ является необходимымъ развитіемъ ученій Смита и Рикардо. Что является неожиданнымъ для западнаго европейца при чтеніи его цѣннаго труда—это послѣдовательная выдержанность чисто теоретической точки зрѣнія». Естественно, Зиберъ получилъ степень магистра, былъ командированъ за границу. Въ 1873 г. университетъ предоставилъ ему и каѳедру. Но новый доцентъ не долго занималъ ее. Кіевскій университетъ въ то время являлся ареной постоянныхъ раздоровъ между профессорами. Въ одну изъ такихъ исторій, лично стоявшій въ сторонѣ отъ этихъ интригъ, но все же являвшійся ихъ невольнымъ свидѣтелемъ, Н. И. Зиберъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Швейцарію. Къ этому времени относится его женитьба на женщинѣ, съ которой онъ жилъ до самаго своего трагическаго конца, докторѣ медицины и ассистентѣ при бернской клиникѣ.

Съ этого времени Зиберъ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Сюда относится рядъ его статей въ «Знаніи» о теоріи Карла Маркса, въ то время совершенно неизвѣстной въ Россіи. Послѣ того какъ прекратилось «Знаніе», онъ одно время сотрудничалъ въ «Словѣ», гдѣ напечаталъ рядъ очерковъ о тогдашнемъ экономическомъ положеніи западной Европы. Когда же прекратилось «Слово», Зиберъ работалъ почти во всѣхъ прогрессивныхъ журналахъ того времени—«Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Русской Мысли», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и пр. Статьи были и текущія, касавшіяся экономической злобы дня, и теоретическія, представлявшія большою частью анализъ новыхъ экономическихъ ученій и трактатовъ. Къ общему удивленію, статьи его—еще за нѣсколько лѣтъ до смерти—стали поражать неясностью и сбивчивостью, качествами, которыя менѣе всего характеризуютъ покойнаго; недоумѣніе это, однако, въ скоромъ времени разъяснилось самымъ грустнымъ образомъ: Николая Ивановича привезли къ роднымъ въ Ялту въ состояніи психическаго разстройства. Читателю, привыкшему къ экономисту-публицисту—къ его неизмѣнной преданности взглядамъ молодости, къ широкой терпимости къ чужимъ, если они не шли въ разрѣзъ съ основными началами общественности—не хотѣлось вѣрить, что разбилась эта интеллектуальная сила, что весь колоссальный запасъ знанія, скопившійся въ головѣ этого труженника, жившаго, казалось, исключительно своею умственною жизнью, становится не-

нужнымъ, безполезнымъ... Такъ или иначе, пришлось убѣдиться въ истинѣ— Николай Ивановичъ, безвозвратно потерянный для литературы, вскорѣ сталъ потерянъ и для жизни. Жестокій недугъ, обнаружившійся лѣтомъ 1884 года, когда ему было всего 38 лѣтъ, былъ признанъ психіатрами неизлѣчимымъ. Скончался онъ 42 лѣтъ, въ апрѣлѣ 1888 года...

Такова была эта жизнь, бѣдная внѣшними фактами. Зато сколько энергіи, сколько внутренней работы!

«Наша научная производительность,—писалъ пять лѣтъ тому назадъ одинъ русскій публицистъ,—характеризуется тѣми же чертами, что и вся культурно-общественная жизнь. У насъ нѣтъ или очень мало научныхъ традицій, но зато очень много quasi—научныхъ предразсудковъ и противо-научныхъ переживаній» *). Если эти слова прежде всего справедливы къ той эпохѣ, въ которую жилъ и писалъ покойный экономистъ, то тѣмъ выгоднѣе, тѣмъ ярче выдѣляется на ея фонѣ рѣдкая по своей цѣльности фигура Н. И. Зибера. Ясность мысли, сила доводовъ, чисто европейская эрудиція,—благодаря всему этому, онъ не только безъ труда защищалъ основные принципы классической экономіи, но поистинѣ пріобщалъ русскую экономическую науку къ общеевропейской.

Какъ теоретикъ, Зиберъ явился у насъ самымъ раннимъ «правовѣрнымъ» послѣдователемъ системы Маркса. Его работы въ этомъ направленіи, вызвавшія, какъ мы видѣли, одобреніе самого Маркса, далеко еще не использованы надлежащимъ образомъ ни русской экономической литературой, ни европейской, для которой онѣ прошли безслѣдно. Работы эти замѣчательны по основному стремленію, проникающему ихъ, стремленію установить необходимую связь между теоріями англійской классической школы и теоріей Маркса, какъ прямымъ ихъ продолженіемъ. Въ настоящее время трудно спорить противъ нея, но во времена Зибера нужно было не мало ума и таланта для ея обоснованія. Наибольшую извѣстность въ этой области доставила Зиберу упомянутая книга о теоріи цѣнности и капитала, самое полное не только на русскомъ языкѣ, но и въ иностранной литературѣ, сведеніе теорій и опредѣленій цѣнности и капитала. Д. Рикардо, имя котораго выдвинуто въ заглавіи этой книги, является, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ, около котораго группируются всѣ другіе экономисты. Чрезвычайно высоко цѣня заслуги этого изслѣдователя—полное собраніе сочиненій Рикардо, въ переводѣ на русскій языкъ, Зиберъ издалъ особой книгой въ 1882 году,—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ рѣдкою научною ясностью изображаетъ естественную эволюцію теоріи Рикардо въ ученіе Маркса, раскрывая при этомъ весь процессъ развитія капиталистическаго производства, всѣ три основные фазиса этого развитія—ремесло, мануфактуру, фабрику. И дальнѣйшая его работа значительною частью лежитъ въ области абстрактной теоріи. Въ русской литературѣ—и не въ одной русской—Родбертусу, какъ извѣстно, удѣлено весьма мало вниманіе, и о его трудахъ читающая публика

---

*) Струве. „Научная исторія русской крупной промышлености". „Научное Обозрѣніе" 1898 г.

имѣетъ скудное представленіе. Статья Зибера «Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ и его экономическія изслѣдованія» даетъ полное представленіе о важнѣйшихъ сторонахъ ученія нѣмецкаго экономиста. Мысль Зибера обращалась и къ вопросамъ юридическаго характера. Таковы, напр., статьи «Сравнительное изученіе первобытнаго права», «Одна изъ попытокъ въ области соціологіи» (по поводу книги Летурно «Соціологія, какъ этнографія»), «Общественная экономія и право», «Мысли объ отношеніи между общественной экономіей и правомъ» и пр. Изъ двухъ послѣднихъ очерковъ, представляющихъ особый интересъ,—они трактуютъ вопросъ, такъ еще недавно волновавшій умы,—позиція Зибера выясняется съ особою ясностью. «Относительно Маркса,—пишетъ онъ,—мы замѣтимъ, что именно ему принадлежитъ совершенно опредѣленное и исключающее всякія недоразумѣнія рѣшеніе вопроса объ отношеніи экономіи къ праву, которое, по его мнѣнію, представляетъ нечто иное, какъ надстройку надъ зданіемъ общественной продукціи» *). Пробѣгая статьи и изслѣдованія этого рода, прямо поражаешься разносторонностью этого человѣка, такъ безпощадно отнятаго у науки. Развѣ не благодаря только трудамъ Зибера теорія Рикардо-Маркса—марксова схема экономическаго развитія—получила впервые твердую и прочную постановку въ русской экономической наукѣ? Первый большой трудъ Маркса, напечатанный еще въ 1859 году—«Критика политической экономіи» (Zur Kritic» etc.), остался въ Россіи совершенно неизвѣстнымъ. Въ іюлѣ 1867 года вышелъ первый томъ «Капитала». Конечно, при той связи, которая всегда существовала и существуетъ до сихъ поръ между русско-германскою общественною мыслью, книга Маркса не могла долго оставаться незамѣченной: однако, потребовалось четыре года, прежде чѣмъ явился трудъ Зибера, еще недавно переизданный,—и это лучшее доказательство его крупнаго значенія,—чтобы впервые вызвать интересъ къ Марксу, возбудить то, что тщетно пытались замолчать представители буржуазныхъ теченій. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году появляется первый русскій переводъ «Капитала», вышедшій въ 3.000 экземплярахъ, имѣвшій такой успѣхъ, что книга стала въ скоромъ времени библіографическою рѣдкостью. И Марксъ, и Лассаль, памфлеты котораго содержали въ себѣ развитіе идей Маркса, привлекаютъ общее вниманіе къ себѣ, конечно, не только со стороны политико-экономической. И вотъ—свыше ста страницъ—двѣ статьи подъ заглавіемъ «Нѣмецкіе экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина»,—это отвѣтъ на двѣ же статіи г. Чичерина о Лассалѣ и Марксѣ, помѣщенныя въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» Безобразова, статьи противъ Ю. Жуковскаго и пр. Въ свое время эта полемика имѣла не столько научное, сколько крупное общественное значеніе.

Помимо чистой теоріи,—большинство статей, какъ любятъ это подчеркивать современные экономисты, носили характеръ изложенія и истолкованія Маркса, Зиберъ не мало сдѣлалъ для выясненія исторіи экономическаго быта. Живя впродолженіи многихъ лѣтъ въ Швейцаріи, покойный ученый усердно знакомилъ русскую публику не только съ новѣйшими произведеніями экономической литературы,

---

*) „Собраніе сочиненій“, т. I, стр. 342.

що и съ условіями соціально-политическаго быта западно-европейскихъ народовъ на страницахъ «Слова», «Знанія», «Отечественныхъ Записокъ» и пр. Онъ писалъ объ общинномъ владѣніи въ нидерландской Индіи, о состояніи землевладѣнія и земледѣлія въ Англіи, Ирландіи, Бельгіи и Голландіи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америкѣ, о фабричномъ законодательствѣ въ Швейцаріи, о фабричномъ законодательствѣ въ Великобританіи, о берлинскихъ грюндерахъ и пр. Конечно, степень интереса, представляемаго этими статьями, различна. Если статьи, посвященныя индустріи, носятъ большей частью, текущій характеръ, то, наоборотъ, статьи, касающіяся аграрнаго вопроса, большей частью выходятъ за предѣлы даннаго момента, вполнѣ сохранивъ интересъ и для современнаго читателя. Эти послѣднія представляютъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что изъ нихъ мы знакомимся со взглядомъ на столь жгучій въ настоящее время вопросъ стараго русскаго марксиста. «Мелкая крестьянская собственность,—читаемъ мы,—уже отживаетъ свое существованіе вмѣстѣ со своимъ основаніемъ, мелкимъ хозяйствомъ» *). «Мелкое хозяйство, подобно мелкому ремеслу, должно быть сочтено достояніемъ исторіи». **). Очевидно, передъ нами то, что на принятомъ у насъ языкѣ называется «ортодоксіей». Излюбленной идеей Зибера было доказательство универсальности общинныхъ формъ, пережитыхъ разными народами въ опредѣленныя эпохи ихъ развитія. Зиберъ обогатилъ русскую литературу мало до сихъ поръ оцѣненнымъ трудомъ—«Очерки первобытной экономической культуры». Имѣя подъ рукой богатый литературно-этнографическій матеріалъ, касающійся какъ дикихъ народовъ, такъ и первобытнаго состоянія культурно-историческихъ народовъ, онъ пытается обобществить первобытныя формы общественной жизни. Конечно, центральное мѣсто отведено явленіямъ экономическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нами проходятъ и всѣ другіе виды жизни первобытнаго общества. Основная идея книги—общинныя формы хозяйства, въ ихъ постепенномъ развитіи, представляютъ универсальныя формы экономической дѣятельности на разныхъ ступеняхъ развитія—иллюстрируется анализомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ этой хозяйственной дѣятельности—охоты, рыбной ловли, пастушества, земледѣлія, работъ по выжиганію лѣсовъ, орошенію, постройкѣ жилищъ. Первобытные виды и понятія собственности, первобытныя формы обмѣна, формы брачныхъ и семейныхъ отношеній, процессъ развитія общественно-должностной дѣятельности общинъ, кастъ, корпорацій—все это находитъ въ книгѣ всестороннее освѣщеніе. Въ области теоріи Зиберъ обнаруживаетъ изумительное знаніе предмета,—онъ, по всей справедливости, можетъ быть названъ лучшимъ знатокомъ классической англійской экономіи, ея предшественниковъ и продолжателей; такъ же и въ области исторіи. Кто внимательно вчитывался въ эти работы, не можетъ не замѣтить и здѣсь слѣдовъ самаго тщательнаго, самаго детальнаго изученія, массы тонкихъ замѣчаній, являющихся результатомъ долгаго размышленія. Какъ ни цѣнны теоретическія изслѣдованія покойнаго, крупный

---

*) Собраніе сочиненій т., II стр. 366

**) Ibidem, стр. 429.

памятникъ въ русской экономической литературѣ онъ воздвигъ себѣ прежде всего сейчасъ изложеннымъ трактатомъ по первобытной культурѣ, являющимся въ своемъ родѣ единственнымъ не только въ русской, но и въ европейской литературѣ.

Итакъ, и какъ теоретикъ, и какъ историкъ Зиберъ выступалъ, вооруженный обширной эрудиціей. И тамъ, и здѣсь, какъ послѣдователь Маркса, какъ бытописатель первобытныхъ и современныхъ формъ экономическаго развитія, Зиберъ такъ ставилъ свои вопросы, такъ ихъ рѣшалъ, что и ихъ постановка, и ихъ рѣшеніе имѣло не только научное, но и общественное значеніе. Но историкъ русской научно-общественной мысли не пройдетъ мимо Зибера прежде всего потому, что за нимъ остается честь перваго указанія на значеніе соціально-экономической системы Маркса, системы, кореннымъ образомъ измѣнившей физіономію русскаго интеллигента. Какъ извѣстно, буржуазность англійской политической экономіи была вскрыта въ Россіи не только задолго до появленія Зибера, но даже до появленія «Капитала». Но могла ли критика Чернышевскаго проникнуть въ самую глубь капиталистическихъ отношеній? Безъ сомнѣнія, это была крупная умственная сила: его примѣчанія къ русскому переводу «Основаній политической экономіи Милля» дали *отчасти* матеріалъ для критики капиталистическихъ отношеній. Но лишь отчасти. Да и могло ли быть иначе? Вспомнимъ натуральныя отношенія того времени, примитивные пути сообщенія, отсутствіе капиталистической промышленности и общественныхъ классовъ, ее выражающихъ, тѣхъ противорѣчій, которыя стояли передъ лицомъ европейскаго экономиста, экономическая жизнь Россіи того времени была такъ примитивна, что едва ли доставила бы и Марксу какой-либо матеріалъ для его обобщеній и построеній. Послѣ же Чернышевскаго—до самаго появленія диссертаціи Зибера—въ русской литературѣ не появилось ни одного сколько-нибудь значительнаго труда. Къ числу лучшихъ работъ того времени, справедливо замѣтилъ М. М. Филипповъ, принадлежали такія изслѣдованія, какъ статья Ю. Жуковскаго «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» (Современникъ 1864 года) *).

Значеніе Зибера очевидно.

Онъ былъ первымъ по времени русскимъ марксистомъ; наслѣдство, имъ оставленное, весьма значительно, и мѣсто его въ исторіи русской научно-общественной мысли вполнѣ опредѣленное.

Л. Клейнбортъ.

*) М. Филипповъ. Современные экономисты. Научное Обозрѣніе, 1899 г. № 8.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Двадцати-пятилѣтній юбилей Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ. 21-го ноября состоялось свѣтло и торжественно празднованіе двадцати-пятилѣтія съ основанія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Петербургѣ. Въ актовомъ залѣ зданія Курсовъ собралось въ 2 ч. дня масса публики самаго разнообразнаго состава: высшія лица учебной администраціи (министръ народнаго просвѣщенія, его товарищъ, попечитель и другіе), академики, профессора, видные представители литературы и общественные дѣятели, курсистки, бывшія и учащіяся теперь, студенты—представители депутацій отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, депутаты отъ рабочихъ, отъ всѣхъ ученыхъ обществъ, многіе изъ провинціи, и пр. и пр. Въ виду тѣснаго помѣщенія входъ былъ по билетамъ, и присутствовало до 2.000 чел. Послѣ рѣчей А. П. Философовой, В. П. Тарновской,—старѣйшихъ членовъ Комитета Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ,—директора Курсовъ и проф. Боргмана,—начался пріемъ депутацій и чтеніе адресовъ, что продолжалось до 7 ч. вечера. Всѣхъ адресовъ было получено 76. Въ нихъ, а также въ устныхъ привѣтствіяхъ, отмѣчалось общественное значеніе высшаго женскаго образованія и выражались пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія Курсамъ.

Общественное значеніе этого торжества было уже выяснено на страницахъ нашего журнала (см. декабрь 1903 г., статья Ѳ. Батюшкова «Женскій Свободный Университетъ»). Поэтому приведемъ только нѣкоторыя поучительныя цифровыя данныя, лучше словъ свидѣтельствующія о томъ огромномъ культурно-общественномъ значеніи, какое имѣютъ въ настоящее время Высшіе Женскіе Курсы.

За 25-лѣтіе окончило курсъ 2.229 курсистокъ. Изъ нихъ живутъ въ Петербургѣ 959, въ Москвѣ 43, въ провинціи 817, за границей—58 (объ остальныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, нѣтъ, почему число живущихъ въ столицѣ выше, чѣмъ въ провинціи; вѣроятно, не откликнувшіяся 352 проживаютъ именно въ самой глухой провинціи). По роду занятій—995 занимаются педагогической дѣятельностью; изъ нихъ—35 состоятъ асистентками, преподавательницами и руководительницами практическихъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 20—начальницы гимназій и прогимназій; учительницъ гимназій,

прогимназій, инспектрисъ, помощницъ и т. д.—375; сельскія, городскія и низшихъ школъ учительницы—390; остальныя—разнаго рода частная педагогическая дѣятельность. Врачебной дѣятельностью (врачи—54)—86. Литературной дѣятельностью—123. Работаютъ въ лабораторіяхъ, въ ученыхъ учрежденіяхъ, при обсерваторіяхъ—39; завѣдуютъ библіотеками, книжными складами и читальнями—25 и т. д., и т. д Вышло замужъ 840 (и здѣсь приходится отмѣтить, что свѣдѣнія далеко не полныя, такъ какъ относительно многихъ нѣтъ, вообще, никакихъ свѣдѣній). Сравнительно немногія занимаются частной и казенной службой въ желѣзнодорожныхъ бюро, банкахъ или конторахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, дѣятельность женщинъ съ высшимъ образованіемъ захватываетъ преимущественно области умственнаго, интеллигентнаго труда, гдѣ женщина теперь идетъ рука объ руку съ мужчиной—въ педагогической, литературной и научной.

Чествованіе В. Г. Короленко. 14-го ноября состоялось чествованіе В. Г. Короленко по случаю 25-ти-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Выработанная юбилейнымъ комитетомъ программа празднества должна была состоять изъ двухъ частей: въ часъ дня предполагался въ залѣ Тенишевскаго училища пріемъ (не состоявшійся затѣмъ) депутацій и чтеніе привѣтственныхъ адресовъ, а въ 7 часовъ долженъ былъ состояться обѣдъ въ ресторанѣ Контана.

На обѣдѣ была прочитана масса адресовъ и говорились устныя привѣтствія гг. П. И. Вейнбергомъ, Ѳ. Д. Батюшковымъ, І. В. Гессеномъ, В. М. Гессеномъ, М. И. Кулищеромъ, Ѳ. И. Родичевымъ, П. Якубовичемъ, О. А. Вольценштейномъ, Е. И. Аничковымъ, Я. Г. Гуревичемъ, В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ, М. К. Бларамбергъ-Черновой и др... Наиболѣе сочувственно были встрѣчены привѣтствія, въ которыхъ особенно ярко было подчеркнуто общественное значеніе литературной дѣятельности... В. Г. Шумные аплодисменты вызвало своеобразное по формѣ привѣтствіе Ф. И. Родичева, воспользовавшагося стихотвореніемъ М. Ю. Лермонтова «Я зналъ его», посвященнымъ А. И. Одоевскому. Очень сочувственно были встрѣчены также привѣтствія пом. прис. пов. О. А. Вольценштейна говорившаго отъ имени молодой русской интеллигенціи, адресы отъ учащихся въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. д. Но едва ли не съ наибольшимъ сочувствіемъ было принято небольшое стихотвореніе П. Ф. Якубовича...

Обширное помѣщеніе въ ресторанѣ Контана было совершенно переполнено обѣдъ былъ разсчитанъ на 450 человѣкъ, но явилось гораздо больше, такъ что въ залѣ почти не было возможности двигаться. Среди присутствующихъ были представители различныхъ интеллигентныхъ профессій, а также учащейся молодежи. Кромѣ постоянныхъ жителей Петербурга, было много лицъ, спеціально пріѣхавшихъ ради юбилея изъ Москвы и изъ далекой провинціи.

Объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Елецкій предводитель дворянства А. А. Стаховичъ, членъ орловской земской коммиссіи «о цензовыхъ нормахъ», внесъ «особое мнѣніе» по вопросу объ избирательныхъ

правахъ женщинъ, полагая, что вопросъ этотъ самъ собою вытекаетъ изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 10-го октября 1902 г., которымъ, какъ извѣстно, было предложено земствамъ высказаться объ измѣненіи цензовыхъ нормъ.

«Мы поступили бы неправильно,—говоритъ г. Стаховичъ въ своемъ докладѣ,—если бы, толкуя циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, не сочли нужнымъ, на ряду съ пересмотромъ цензовыхъ нормъ, подвергнуть тщательному анализу и всю дѣйствующую организацію избирательной системы, которая вслѣдствіе крупныхъ измѣненій въ экономической и культурной жизни страны перестала выражать собой основные принципы представительства мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя также игнорировать вопросъ объ избирательныхъ правахъ лицъ женскаго пола, такъ какъ женщины-землевладѣлицы, заинтересованныя въ силу своего положенія въ томъ или иномъ направленіи земской дѣятельности и платящія вмѣстѣ съ тѣмъ на равныхъ условіяхъ съ землевладѣльцами-мужчинами суммы земскаго сбора, не фикція или малозначущее явленіе, а фактъ, вполнѣ реальный, и къ тому же весьма замѣтный по своему объему. Въ Елецкомъ уѣздѣ по избирательнымъ спискамъ на 1903 г. числилось 288 лицъ съ 95.020 десятинами, изъ коихъ 208 мужчинъ (72%) съ 62 т. десятинъ (65 проц.) и 80 женщинъ (28%) съ 32.760 десятинами (35%). На сколько мнѣ извѣстно, въ Дмитровскомъ уѣздѣ % женщинъ-землевладѣлицъ значительно больше; мнѣ думается, что въ среднемъ по Орловской губерніи % этотъ будетъ весьма близокъ къ 33, т.-е. женщинъ 1/3 часть всѣхъ землевладѣльцевъ,—это, очевидно, составляетъ весьма замѣтную величину, съ которой нельзя не считаться. Между тѣмъ, земское положеніе 1890 г. предоставляетъ лицамъ женскаго пола только право уполномочивать на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ своихъ родственниковъ и то ближайшихъ. Въ этомъ отношеніи нынѣ дѣйствующая въ земствѣ выборная система сдѣлала большой шагъ назадъ по сравненію съ земскимъ положеніемъ 1864 г., ст. 18, въ силу которой лица женскаго пола имѣли право уполномачивать на участіе въ выборахъ помимо ближайшихъ родственниковъ, всякихъ лицъ вообще, снабженныхъ надлежащими довѣренностями и отвѣчающихъ имущественнымъ условіямъ, предъявляемымъ закономъ къ избирателямъ. При этомъ родственники могли участвовать, даже если они лично не подходили подъ послѣднее требованіе закона. Такое ограниченіе правъ лицъ женскаго пола, сокращая и безъ того уже слишкомъ незначительное число голосовъ на выборахъ, создало, разумѣется, весьма ненормальное положеніе Значительная по своимъ размѣрамъ часть земли, обложенной земскимъ сборомъ, оказалась фактически исключенной изъ сферы земскаго представительства».

Указавъ затѣмъ на общеизвѣстные успѣхи русской женщины на всѣхъ доступныхъ ей хотя сколько-нибудь поприщахъ, А. А. Стаховичъ заключаетъ свой докладъ опроверженіемъ доводовъ противниковъ равноправности женщинъ и предоставленія имъ избирательныхъ правъ.

«Они обыкновенно и не даютъ себѣ труда подробно мотивировать свое отри-

цательное отношеніе къ этому вопросу. Можно ли говорить о такомъ безразсудномъ «новшествѣ»? Слыханное ли это дѣло, чтобы женщинамъ предоставить тѣ же права, что ихъ повелителямъ-мужчинамъ, чтобы и онѣ выбирали гласныхъ. Да это невозможно; можно ли это допустить... и только: доводовъ основательныхъ не выставляютъ, критическаго отношенія къ вопросу не высказываютъ. Говорятъ развѣ о легкомысленности женщинъ, объ ихъ неподготовленности къ серьезной работѣ (а мы, гласные-мужчины, всегда ли серьезно относимся къ нашему дѣлу? Не многіе ли изъ насъ весьма грѣшны въ этомъ отношеніи?), что допущеніе ихъ въ избирательныя собранія внесетъ множество интригъ. Послѣднее положеніе совершенно голословно. Неизвѣстно, у кого болѣе склонности къ интригамъ—у мужчинъ или у женщинъ. Забывается при этомъ, что въ избирательныхъ собраніяхъ большинство будетъ все-таки изъ мужчинъ; что если и выберутъ женщину въ гласные, то потому, что найдутъ ее вполнѣ способною къ тому. Относиться къ нимъ будутъ, особенно въ первое время, очень сурово. Попадать въ гласные будутъ лишь самыя дѣловитыя и работоспособныя. Пристрастнаго, въ положительномъ смыслѣ, со стороны мужчинъ-избирателей къ нимъ отношенія никакъ нельзя будетъ ожидать. Нѣтъ, главный доводъ противъ женскихъ правъ все-таки лишь таковъ: что «такъ нельзя», и «никогда этого не было», «это слишкомъ радикальное новаторство», во имя «здоровыхъ охранительныхъ началъ» этому слѣдуетъ воспротивиться.

«Я очень уважаю истинный, здравый консерватизмъ. Но консерваторы и «охранители» бываютъ разные. Одни берегутъ лучшія культурныя завоеванія человѣческаго духа и любовно передаютъ этотъ драгоцѣнный кладъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Такой консерватизмъ понятенъ, достоенъ уваженія. Другіе же мечтаютъ остановить поступательное движеніе жизни, сознательно или безсознательно закрывая глаза на послѣдствія такой остановки. Съ такимъ консерватизмомъ я согласиться не могу. Не могу признать правильнымъ только во имя его не предоставлять женщинамъ правъ, которыхъ онѣ безусловно достойны. Не слѣдуетъ забывать, что со времени «Домостроя» и «Русской Правды» и ихъ порядковъ прошло много вѣковъ и ихъ не вернуть. Если ссылаться лишь на прошедшее и отказываться отъ формы только изъ за отсутствія смѣлости порвать съ этимъ отжившимъ прошлымъ—это будетъ не консерватизмъ, а лишь слабость и предразсудокъ. Съ предразсудками же надо бороться, а не поддерживать ихъ.

«На основаніи всего вышесказаннаго я убѣжденно полагаю, что слѣдуетъ предоставить женщинамъ-землевладѣлицамъ избирательныя права, какъ активныя (быть избирателями), такъ и пассивныя (быть избираемыми) на одинаковыхъ основаніяхъ съ мужчинами.»

Жестокій проектъ. «Восточное Обозрѣніе» приводитъ ходатайство владивостокской думы, которое лишній разъ подчеркиваетъ наши «жестокіе нравы». «16-го октября въ засѣданіи владивостокской думы обсуждался проектъ докладной записки намѣстнику. Изъ всѣхъ ходатайствъ больше

всего насъ заинтересовалъ проектъ воспрещенія ссыльному элементу водворяться въ городѣ Владивостокѣ. «Ссыльный элементъ, поселяющійся во Владивостокѣ послѣ отбытія наказанія на Сахалинѣ,—говорится въ проектѣ деморализующе дѣйствуетъ на городскую жизнь, усиливая въ ней порочные элементы. Никакое благоустроенное общество не можетъ помириться съ этимъ явленіемъ, и вредное вліяніе ссылки въ этомъ отношеніи безповоротно признано самимъ правительствомъ. Помимо всего, допускъ порочныхъ сахалинскихъ элементовъ во Владивостокъ ненормаленъ уже потому, что городъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпостью и военнымъ портомъ, которые въ особенности должны быть свободны отъ нихъ». По этому поводу «Восточное Обозрѣніе» говоритъ:

«Кажется, о безопасности и благонадежности въ крѣпости и военномъ портѣ призваны заботиться не городскіе гласные, а соотвѣтствующія военныя власти, которыя не нуждаются въ указаніяхъ городской управы, какимъ образомъ блюсти крѣпость и военный портъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, какимъ безсердечнымъ эгоизмомъ вѣетъ отъ этого проекта «воспрещенія». Затаеннымъ сокровеннымъ желаніемъ всякаго сахалинца является—выбраться съ ужаснаго острова на материкъ. Тутъ каждый изъ нихъ мечтаетъ возродиться къ новой жизни, честной, трудовой. И мы видимъ, что очень многіе изъ нихъ осуществляютъ свои мечты въ дѣйствительности и становятся дѣльными трудящимися членами общества. Чувство гуманности подсказываетъ, что должно по мѣрѣ силъ облегчить сахалинцу возможность стать на честный путь. И вотъ, городская дума Владивостока хочетъ закрыть сахалинцамъ доступъ въ самый богатый въ краѣ городъ, гдѣ до сихъ поръ легче, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, найдти заработокъ и кусокъ хлѣба.

«Если Владивостоку удастся оградить себя отъ сахалинцевъ, то его примѣру не замедлятъ послѣдовать и другіе города. Напримѣръ, маленькій Николаевскъ-на-Амурѣ ежегодно лѣтомъ подвергается нашествію тысячъ людей, временныхъ пришельцевъ съ о. Сахалина, отпускаемыхъ на материкъ, на лѣтніе заработки. Непріятности отъ водворенія преступнаго элемента выражаются въ Николаевскѣ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ во Владивостокѣ. Значитъ, и Николаевскъ имѣетъ право воспрещать водвореніе несчастныхъ каторжанъ въ чертѣ города. Сельскія общества порочныхъ членовъ могутъ не принимать въ свою среду. Что же тогда остается дѣлать тѣмъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые, отбывши каторгу, захотятъ выбраться въ люди? Имъ остается одна тайга, гдѣ они и будутъ жить по образу звѣриному, гонимые своими братьями изъ городовъ и селъ. Хотя проектъ управы не былъ подкрѣпленъ никакими статистическими данными, которыя доказывали бы тѣсную связь между преступностью и проц. отношеніемъ сахалинцевъ къ остальному населенію, онъ встрѣтилъ сочувствіе у малокультурной части нашихъ гласныхъ—богатыхъ мѣщанъ. Большинствомъ голосовъ дума рѣшила ходатайствовать о «воспрещеніи». Конечно, вмѣсто головоломнаго исканія истинныхъ причинъ сложныхъ соціальныхъ недуговъ гораздо проще и легче сваливать все на безотвѣтную голову сахалинца».

Коммиссія домашняго чтенія. При московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія уже нѣсколько лѣтъ существуетъ особое лекціонное бюро, которое поставило себѣ цѣлью содѣйствовать осуществленію въ нашихъ провинціальныхъ городахъ публичныхъ лекцій по разнымъ вопросамъ науки и литературы. Являясь посредникомъ между лекторами и всякаго рода обществами и учрежденіями, организующими съ просвѣтительной и благотворительцѣлью публичныя лекція, бюро устроило въ послѣднее время не только рядъ отдѣльныхъ чтеній, но и цѣлые курсы, посвященные систематическому обзору основаній той или другой научной дисциплины. Такъ, при его участіи и помощи въ нѣсколькихъ городахъ были и скоро будутъ прочитаны состоящіе изъ 6—10-ти лекцій курсы по психологіи, юриспруденціи, исторіи литературы, политической экономіи, ботаникѣ, химіи, физіологіи, зоологіи, исторіи музыки и т. д. Къ услугамъ бюро прибѣгаютъ нѣкоторыя земства, которыя, организуя общеобразовательные курсы для своихъ учителей, обращаются къ нему съ просьбой рекомендовать соотвѣтственныхъ лекторовъ. Общій духовный ростъ провинціи, съ каждымъ годомъ усиливая ея потребность въ образованіи, приводитъ въ связи съ этимъ и къ тому, что возрастаютъ ея запросы на живое слово лектора. Стараясь идти навстрѣчу этому просвѣщенному стремленію провинціальнаго общества, лекціонное бюро встрѣчаетъ, однако, невольныя затрудненія именно въ самомъ возрастаніи предъявляемыхъ къ нему требованій. Дѣло въ томъ, что оно располагаетъ услугами только ограниченнаго числа лекторовъ, большей частью связанныхъ съ московскимъ университетомъ, занятыхъ своими учеными и учебными трудами и потому не имѣющихъ возможности въ теченіе академическаго года отлучаться на болѣе или менѣе продолжительное время изъ Москвы; между тѣмъ запросы на лекторовъ бюро получаетъ изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ угловъ провинціи, не только изъ губернскихъ, но и уѣздныхъ городовъ, со всѣхъ концовъ Россіи, отъ Керчи и Симферополя до Уфы и Перми, отъ Самары до Новочеркаска и Армавира, отъ Каменецъ-Подольска, Витебска, Минска до Твери, Нижняго, Воронежа и Вологды. Обслуживая по преимуществу центральную русскую провинцію, бюро, къ своему глубокому сожалѣнію, нерѣдко отвѣчаетъ вынужденнымъ отказомъ на идущія изъ болѣе далекихъ городовъ симпатичныя и заслуживающія всяческаго одобренія просьбы о научно-популяризаторской и образовательной помощи. Вотъ почему бюро въ послѣднее время озабочено тѣмъ, чтобы привлечь къ своей дѣятельности провинціальныхъ лекторовъ, которые могли бы читать въ районѣ, примыкающемъ къ данному своему университету, такимъ образомъ для многихъ городовъ исчезла бы необходимость обращаться къ лекторамъ отдаленной Москвы, и это между прочимъ значительно уменьшило бы тѣ расходы по устройству лекцій, которые несутъ теперь провинціальныя Общества и учрежденія.

Въ наиболѣе отдаленные провинціальные города, куда поѣздки самихъ лекторовъ были бы во всѣхъ отношеніяхъ очень затруднительны, бюро посылаетъ имѣющіеся въ его распоряженіи готовые тексты нигдѣ еще не напечатанныхъ лекцій—для прочтенія ихъ въ данномъ городѣ кѣмъ-нибудь изъ представителей

мѣстной интеллигенціи. Къ сожалѣнію, лишь немногіе лекторы пишутъ свои лекціи, и потому бюро располагаетъ очень небольшимъ количествомъ готовыхъ текстовъ. Вотъ ихъ перечисленіе. Алферовъ, А. Д.: 3—4—«Лермонтовъ и его поэзія». Н. Мировичъ: 1—«Женщина во французскомъ обществѣ въ XVIII вѣкѣ», 1—«Женщина и семья въ соч. гр. Л. Н. Толстого». Ремезовъ, Ѳ. Н.: 1—«О питаніи», 1—«О кровообращеніи», 1—«О дыханіи» 1—«Каково должно быть жилище, чтобы не вредить здоровью», 1—«Невидимые друзья и враги человѣка», 1—«Кровь и ея великое значеніе въ борьбѣ съ болѣзнями у человѣка», 1—«Жизнь и труды Пастёра». Рожковъ, Н. А., прив.-доц. московскаго университета: 2—«Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи». 2—«Реформы Петра Великаго», 1—«Происхожденіе и устройство государственнаго совѣта и министерствъ при Александрѣ I (къ юбилею этихъ учрежденій)», 1—«Психологія общества и хозяйственный строй въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ». Рыбаковъ, Ѳ Е.: 1—«Психическая зараза и ея роль въ общественной жизни». Тарасовъ, Н. Г.: 1—«О катакомбахъ. Тексты оплачиваются, независимо отъ разстоянія, однообразнымъ гонораромъ въ 15 рублей за двухчасовую лекцію (изъ нихъ 10 рублей поступаютъ въ пользу автора, а 5 рублей идутъ на возмѣщеніе расходовъ лекціоннаго бюро). Списки лекторовъ и правила лекціоннаго бюро, содержащія въ себѣ указанія относительно порядка устройства лекцій, а также условія гонорара, разсылаются въ провинціальныя общества и организаціи и всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя интересуются лекціоннымъ дѣломъ.

Въ Тверскомъ земствѣ. Все образованное русское общество было поражено осенью газетнымъ сообщеніемъ, что тверское уѣздное земское собраніе постановило передать свои школы въ вѣдѣніе духовенства. Вполнѣ естественно поэтому, что въ первый же день тверскаго губернскаго земскаго собранія былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какія мѣры можетъ принять губернское земство для противодѣйствія такому вполнѣ неземскому рѣшенію.

По принятому обычаю, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства М. В. Всеволожскій, при открытіи засѣданія предложилъ почтить память усопшихъ губернскихъ гласныхъ А. А. Головачева, Сназина и др. и затѣмъ хотѣлъ приступить къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ докладовъ губернской управы. Но гласный С. В. де-Роберти просилъ позволенія указать еще одного покойника—тверское уѣздное земство, постановленіе котораго о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство равносильно самоубійству.

Губернское земское собраніе не можетъ пройти молчаніемъ фактъ такого громаднаго общественнаго значенія и должно выразить свою полную несолидарность съ рѣшеніемъ тверского уѣзднаго земства. Чтобы отнестись къ этому вопросу съ должною серьезностью и разсмотрѣть его всесторонне, гласный де-Роберти предложилъ передать его на предварительное обсужденіе редакціонной коммиссіи и просить ее представить докладъ земскому собранію. Гласный В. Н. Трубниковъ, одинъ изъ участниковъ знаменитаго рѣшенія, старался доказать, что губернскому земскому собранію нѣтъ основанія заниматься

этимъ вопросомъ, такъ какъ окончательнаго постановленія о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство не было, а было только дано порученіе управѣ собрать свѣдѣнія, на какихъ условіяхъ духовное вѣдомство могло бы принять школы въ свое завѣдываніе, и представить по этому вопросу докладъ къ земскому собранію будущаго года,

Послѣ горячихъ преній, въ которыхъ сторонники рѣшенія тверского уѣзднаго земскаго собранія старались доказать, что губернское земское собраніе не имѣетъ даже права вмѣшиваться въ это дѣло, что такое вмѣшательство нарушаетъ автономныя права уѣздныхъ земствъ, громаднымъ большинствомъ собранія было рѣшено передать этотъ вопросъ на обсужденіе редакціонной коммиссіи.

Наконецъ, въ засѣданіи 2-го декабря редакціонная коммиссія представила свой докладъ земскому собранію. Все засѣданіе этого дня было посвящена докладу коммиссіи; пришлось дѣлать два перерыва засѣданія. Публики набралось масса: многіе пріѣхали изъ уѣздовъ и даже изъ Петербурга, чтобы послушать, какъ отнесется губернское земское собраніе къ рѣшенію, взволновавшему все образованное русское общество.

Редакціонная коммиссія, прежде всего, занялась вопросомъ, имѣетъ-ли губернское земское собраніе юридическое право разсматривать постановленія уѣзднаго земскаго собранія, и нашла, что пунктъ 10-й ст. 63 положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ предоставляетъ это право, т. к. въ этой статьѣ, при перечисленіи дѣлъ, представленныхъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, въ указанномъ пунктѣ сказано: «разсмотрѣніе постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній, вносимыхъ по свойству дѣлъ въ губернское земское собраніе». Затѣмъ комиссія подробно указала на тѣсную связь мѣропріятій губернскаго земства по народному образованію съ дѣятельностью уѣздныхъ земствъ. На средства губернскаго земства содержится женская учительская школа, поставляющая главный контингентъ учащихъ въ уѣздныя земства. Для всѣхъ учащихъ, по очереди, губернское земство устраиваетъ лѣтніе общеобразовательные курсы. Учащіе въ земскихъ школахъ состоятъ участниками эмеритальной кассы для служащихъ въ земствѣ. Губернское земство выдаетъ ссуды крестьянскимъ обществамъ, подъ поручительствомъ уѣздныхъ земствъ, на постройку школьныхъ зданій, содержитъ въ Твери книжный складъ, снабжающій уѣздныя земства учебниками и книгами для внѣкласснаго чтенія, оказываетъ денежныя пособія при устройствѣ школьныхъ и народныхъ библіотекъ, наконецъ, при губернскомъ земствѣ была организована особая коммиссія по вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ губерніи и составлены карты уѣздовъ съ показаніемъ желательной сѣти школъ. Передачею своихъ школъ въ духовное вѣдомство тверское уѣздное земство нарушило бы единство дѣятельности по народному образованію во всей губерніи, а потому, если бы оно не отмѣнило своего рѣшенія, то коммиссія признала возможнымъ принять противъ тверскаго уѣзднаго земства съ 1-го января 1905 года рядъ репрессивныхъ мѣръ: лишить его кредита изъ капиталовъ губернскаго земства, какъ на постройку школьныхъ зданій, такъ и на другія нужды. Кромѣ того, потребовать немедленнаго возвращенія полученныхъ ссудъ (около 64 тыс. рублей) и эме-

ритурныхъ взносовъ учащихъ, которые должны будутъ уйти со службы тверскаго уѣзднаго земства въ случаѣ перехода школъ въ духовное вѣдомство. Необходимо еще указать тверскому уѣздному земству, что оно не имѣетъ права передавать школы, принадлежащія губернскому земству, каковыхъ двѣ въ Тверскомъ уѣздѣ: въ память Императора Александра II-го и въ память А. М. Унковскаго. Нельзя также передавать и школьныя зданія, построенныя на средства крестьянъ безъ ихъ согласія.

Докладъ редакціонной коммиссіи вызвалъ цѣлую бурю у сторонниковъ пресловутаго рѣшенія тверского уѣзднаго земства. Они настаивали на томъ, что никакого окончательнаго рѣшенія еще не принято, а высказано было только предположеніе о другомъ направленіи въ дѣлѣ народнаго образованія, что уѣздное земское собраніе имѣетъ право давать порученія своему исполнительному органу, управѣ, собрать и представить тѣ или другія свѣдѣнія къ будущему земскому собранію, что, наконецъ, не подобаетъ губернскому земскому собранію принимать предлагаемыя коммиссіею репрессивныя мѣры, подъ угрозою которыхъ предлагается тверскому уѣздному земству отказаться отъ мысли передавать свои школы въ духовное вѣдомство.

Въ защиту доклада редакціонной коммиссіи были сказаны прекрасныя рѣчи гласными И. И. Петрункевичемъ и В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ. Первый изъ нихъ, прежде всего, остановился на справкѣ губернской управы, что до сихъ поръ было 7 случаевъ, когда уѣздныя земства передали свои школы въ духовное вѣдомство, но эти земства или вовсе не открывали своихъ школъ, или постоянно субсидировали значительными суммами церковно-приходскія школы, или, наконецъ, тратили на земскія школы незначительныя суммы. Тверское же уѣздное земство находится въ совершенно иномъ положеніи: въ 1903—1904 учебномъ году содержалось на счетъ земства 113 начальныхъ школъ; кромѣ того, земство имѣетъ 35 народныхъ библіотекъ и ведетъ чтенія въ 36 пунктахъ уѣзда. Для завершенія полной сѣти школъ оставалось открыть еще только 19 училищъ. На 1904 годъ ассигновка на народное образованіе утверждена въ суммѣ 110.338 рублей, что составляетъ 42% всей смѣты уѣздныхъ расходовъ. Результаты усилія земства привели къ тому, что въ начальныхъ училищахъ уѣзда обучается 100% мальчиковъ (изъ нихъ 86% въ земскихъ школахъ) и 56% дѣвочекъ школьнаго возраста; число неграмотныхъ новобранцевъ сократилось до ничтожной цифры, составляющей 6% всего числа принятыхъ на военную службу въ 1902 году. Что же могло заставить тверское уѣздное земство отказаться отъ самостоятельнаго управленія школами при такомъ прекрасномъ положеніи дѣла? Необходимость экономіи? Но почему же тогда уѣздное земство не обратилось въ губернское земское собраніе? Можетъ быть, послѣднее взяло бы на свой счетъ расходы на народное образованіе въ Тверскомъ уѣздѣ! Кромѣ того, тверское уѣздное земство совершенно забыло о своихъ 178-ми учащихъ, которые добросовѣстно работали въ школахъ, отдавая имъ не только свой трудъ и время, но и вкладывая въ дѣло свою душу. Всѣ эти труженики выбрасываются, какъ ненужная ветошь! Далѣе г. Петрункевичъ указалъ, что благодаря печати, постановленіе Тверского уѣзда облетѣло

всю Россію, и теперь губернское земство обязано передъ лицомъ своей родины высказать осужденіе такому постановленію.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ, что рѣшеніе Тверского уѣзда вноситъ элементъ внутренняго разложенія въ земскую среду. Это обстоятельство обязываетъ губернское земство принять энергичныя мѣры, чтобы въ зародышѣ уничтожить появившуюся смуту.

Обѣ рѣчи вызвали громъ рукоплесканій собравшейся публики, и звонокъ предсѣдателя тщетно старался прекратить выраженіе всеобщей радости по поводу блестящей оцѣнки «предположенія» тверского уѣзднаго земства.

При послѣдовавшемъ затѣмъ голосованіи большинствомъ всѣхъ противъ 8-ми были приняты предложенія редакціонной коммиссіи.

Некрологъ С. М. Переяславцевой. 1-го декабря въ Одессѣ скончалась одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, Софья Михайловна Переяславцева. Пользуемся біографическимъ очеркомъ, составленнымъ г. Кожевниковымъ и напечатаннымъ въ «Русск. Вѣд.», чтобы привести слѣдующія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности покойной.

С. М. Переяславцева происходила изъ дворянской семьи и родилась въ 1851 г. Отецъ ея былъ полковникъ. Окончивъ курсъ въ курской женской гимназіи, покойная провела одну зиму въ Петербургѣ, посвящая свое время самообразованію. Съ 1870 до 1872 г. С. М. прожила въ Харьковѣ, зарабатывая деньги переводами и въ то же время занимаясь изученіемъ инфузорій, результатомъ чего явилась ея первая работа «Нѣкоторыя свѣдѣнія объ инфузоріяхъ, встрѣчающихся въ окрестностяхъ Харькова», напечатанная въ «Трудахъ харьковскаго Общества естествоиспытателей». Тамъ же и въ томъ же году появилась и вторая ея работа по фаунѣ бабочекъ Воронежской губерніи.

Въ томъ же 1872 году она—уже въ цюрихскомъ университетѣ на естественномъ факультетѣ, который окончила черезъ три года, защитивъ диссертацію на степень «доктора философіи» на тему «Строеніе органа обонянія у рыбъ». Работа эта, напечатанная сперва отдѣльнымъ изданіемъ въ Цюрихѣ, появилась затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ въ 1878 г. въ «Трудахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей».

1878 годъ принесъ крупную перемѣну въ судьбѣ Софьи Михайловны: по предложенію новороссійскаго Общества естествоиспытателей она была назначена временно завѣдующей недавно передъ тѣмъ основанной севастопольской біологической станціей, которая находилась тогда въ весьма стѣсненномъ положеніи, такъ какъ, не имѣя собственнаго помѣщенія, имѣла на *всѣ* расходы, въ томъ числѣ и на наемъ квартиры и на вознагражденіе завѣдующаго, всего 1.500 руб. Временное завѣдываніе перешло затѣмъ въ постоянное, и всего на этомъ посту покойная С. М. провела 12 лѣтъ, до 1890 г., когда завѣдующимъ былъ назначенъ А. А. Остроумовъ (нынѣ профессоръ казанскаго университета). За время завѣдыванія севастопольской біологической станціей С. М. наглядно и убѣдительно доказала, къ какой высокой и интенсивной научно-общественной дѣятельности способна русская женщина. Избалованные хорошей

лабораторной обстановкой изслѣдователи съ трудомъ могутъ себѣ представить, насколько трудно было работать въ убогихъ условіяхъ старой севастопольской станціи, а между тѣмъ за время завѣдыванія С. М. станція выпустила цѣлый рядъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, и смѣло можно сказать, что бо̀льшаго отъ станціи нельзя было тогда и требовать. Съ 1889 года бюджетъ станціи былъ увеличенъ до 2.500 р., съ 1892 года она перешла въ вѣдѣніе Императорской академіи наукъ, въ 1897 году перешла въ собственное роскошное помѣщеніе и, конечно, теперь, въ новую эпоху своего существованія, можетъ гораздо шире, чѣмъ раньше, развить свою дѣятельность, но въ исторіи науки и Общества надо съ особой благодарностью вспоминать труды тѣхъ піонеровъ, которые работали при тяжелыхъ условіяхъ, при неблагопріятной обстановкѣ.

За время своего пребыванія на станціи Софья Михайловна напечатала рядъ работъ о развитіе коловратокъ, о простѣйшихъ Чернаго моря, о пищевареніи турбелларій, дополненія къ фаунѣ Чернаго моря, исторію развитія Gammarus poecilurus, исторію развитія Caprella ferox (оба названныя животныя принадлежатъ къ ракообразнымъ) и написала обширную монографію рѣсничатыхъ червей Чернаго моря, которая появилась въ печати уже послѣ ухода Софьи Михайловны со станціи въ 1892 году и была на слѣдующій годъ удостоена кесслеровской преміи на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ.

Послѣ ухода со станціи вся жизнь Софьи Михайловны попрежнему проходила въ научной работѣ. Въ 1892 году она получила командировку отъ московскаго общества испытателей природы для занятій на неаполитанской зоологической станціи и, кромѣ этой поѣздки, пробыла еще за границей 2—3 года, преимущественно въ Парижѣ, работая по зоологіи въ ботанической лабораторіи Фанъ Тигема. За этотъ періодъ вышли ея работы: анатомія червя Nerilla antennata и исторія развитія паукообразныхъ Phrynus (обѣ на французскомъ языкѣ), и была представлена въ рукописи на конкурсъ въ общество любителей естествознанія и удостоена преміи имени Е. К. Кандинской работа по исторіи развитія скорпіоновъ.

Нужда въ деньгахъ заставляла Софью Михайловну заниматься и переводами, и даже сейчасъ готовится къ выходу въ свѣтъ ея переводъ англійской ботаники Гукера. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она получала небольшую пенсію отъ коммиссіи для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, состоящей при академіи наукъ, и не имѣла никакихъ иныхъ средствъ къ существованію. До назначенія ей пенсіи у нея бывали періоды острой нужды, которую она переносила съ рѣдкимъ стоицизмомъ.

Софья Михайловна представляла собою крайне рѣдкій типъ человѣка, всецѣло и беззавѣтно преданнаго наукѣ. Среди женщинъ такіе типы рѣдки прежде всего потому, что лишь ничтожный процентъ ихъ занимается вообще наукой, среди мужчинъ—потому, что у нихъ служебная и общественная дѣятельность почти всегда совмѣщается съ занятіями наукой и часто заслоняетъ интересы послѣдней. Для Софьи Михайловны въ жизни была одна цѣль: производить научныя изслѣдованія, и она отдавалась съ самозабвеніемъ работѣ,

бывшей для нея родной стихіей. Работала она часто до изнеможенія силъ, въ буквальномъ смыслѣ слова забывая о пищѣ и снѣ, что не могло не отозваться вредно на ея здоровьѣ.

Напряженная умственная работа не убила, однако, въ Софьѣ Михайловнѣ способности наслаждаться искусствомъ. Она любила музыку, особенно классическую, сама играла на рояли и въ эстетическихъ эмоціяхъ находила лучшее отдохновеніе отъ научной мысли.

Представляя рѣдкій типъ человѣка, для котораго интересы чистой науки стояли на первомъ планѣ, Софья Михайловна являла также рѣдкій среди женщинъ примѣръ замѣчательной твердости и непреклонности характера. Для лицъ, мало ее знавшихъ, эти качества казались даже непривлекательными, рѣзкими. Неспособная ни на какіе компромиссы и сдѣлки съ совѣстью, Софья Михайловна не проявляла той уступчивости, которая, къ сожалѣнію, часто считается почти обязательной въ современномъ обществѣ. Характеру ея были совершенно чужды подражательность, признаніе общепринятыхъ взглядовъ, увлеченіе модными идеями. Это была совершенно самобытная, своеобразная натура, рѣзко выдѣлявшаяся изъ нивеллированной толпы современной интеллигенціи.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НИЖЕГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ УЧАЩИМЪ.

Лѣтъ 11 тому назадъ въ кружкѣ нижегородскихъ учительницъ воскресныхъ и городскихъ школъ возникла мысль о необходимости образованія учительскаго общества. Энергичный молодой кружокъ немедленно принялся за осуществленіе своей идеи, ознакомился съ имѣвшимися уставами существовавшихъ тогда обществъ;—Казанскаго, Петербургскаго и Рязанскаго и выработалъ свой Уставъ, подвергшійся сначала мѣстной критикѣ, которая отрицательно отнеслась къ названію «взаимопомощи», замѣняя его вспомоществованіемъ, и къ составу общества изъ педагоговъ всѣхъ типовъ, настаивая, чтобы это было общество учащихъ начальныхъ школъ, а члены сотрудники не имѣли бы право быть членами правленія.

Инціаторши Общества твердо отстаивали свои положеніяи на утвержденіе былъ посланъ Уставъ, подписанный 64 лицами, съ губернаторомъ во главѣ, въ желательной для кружка редакціи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Уставъ былъ возвращенъ, къ счастью, для мелкихъ несущественныхъ исправленій, и къ январю 1894 года полученъ уже оффиціально утвержденнымъ.

Это было большое торжество: удалось провести принципъ взаимопомощи между лицами, занимающимися педагогическою дѣятельностью всѣхъ категорій, хотя бы и частною, прошелъ параграфъ о духовной взаимопомощи, общество имѣло право на открытіе филіальныхъ отдѣленій по уѣздамъ и на выдачу, кромѣ пособій, безпроцентныхъ ссудъ.

Тотъ же кружокъ лицъ предложилъ учредительному собранію 23-го января 1894 г. изъ 153 лицъ, пожелавшихъ быть членами, избрать правленіе общества

Предсѣдателемъ его выбрали всѣми уважаемаго присяжнаго повѣреннаго С. С. Баршева, который сразу поставилъ общество на извѣстную высоту, соотвѣтствующую его задачамъ и благородной, независимой личности самого предсѣдателя, до конца своей жизни дѣятельно работавшаго въ немъ. Секретаремъ согласилась быть извѣстная писательница, живущая теперь въ Петербургѣ, А. Н. Анненская. Товарищемъ предсѣдателя членъ Губернской Земской Управы Г. Р. Килевейнъ, состоящій имъ и понынѣ. Также удачно были выбраны и остальные члены правленія изъ мѣстныхъ учительницъ и учителей.

За 10 лѣтъ Общество имѣетъ третьяго предсѣдателя, нѣкоторые члены правленія работаютъ съ основанія, но большинство мѣняется; несмотря на эту смѣну лицъ, направленіе дѣятельности Общества то же, что и вначалѣ. Общесгво объединило учащихъ Нижегородской губерніи и, разумѣется, оно особенно цѣнно и важно для сельскихъ учителей.

Къ 1-му января 1903 г. въ Обществѣ было три почетныхъ члена (въ числѣ ихъ Ѳ. И. Шаляпинъ), 4 пожизненныхъ, 923 дѣйствительныхъ и 323 сотрудника, а всего 1.262 чел. 56% числа дѣйствительныхъ членовъ, т.-е. около 500, проживаютъ въ уѣздахъ. Капиталъ Общества къ 1-му января 1903 г. считая суммы, находящіяся въ долгу за членами, равнялся 12.761 руб. 76 коп.

Самые крупные расходы Общества: 1) по содержанію общежитія для дѣтей сельскихъ учителей, 2) на выдачу пособій, 3) на выдачу ссудъ и 4) по содержанію библіотеки и ея филіальныхъ отдѣленій.

Приводимъ изъ отчета за 1902 г. нѣкоторыя данныя, характеризующія дѣятельность Общества и источники его средствъ.

Въ видѣ безвозвратныхъ пособій на воспитаніе дѣтей Обществомъ выдано 1.992 р.; въ видѣ бозпроцентныхъ ссудъ—5.432 р.; отъ земства Общество получило на общія нужды 3.675 р. и на общежитіе для дѣтей учащихъ—4.400 р.

Спеціально на постройку общежитія поступило отъ губернскаго земства 1.500 руб. и отъ Арзамасскаго 100 руб. По смѣтамъ, утвержденымъ очередными губернскимъ и уѣзднымъ земскими собраніями, на пособіе Обществу на 1903 г. назначено 1.980 р.

Дѣятельность общества развивалась постепенно и въ началѣ выражалась, главнымъ образомъ, въ заботахъ о пополненіи средствъ, въ выдачѣ пособій, безпроцентныхъ ссудъ и устройствѣ центральной библіотеки въ Нижнемъ, дѣлившейся на части и постепенно пересылавшейся по уѣзднымъ пунктамъ; завѣдывали ею и въ Нижнемъ, и въ уѣздахъ сами учителя, а по составленію ея первоначальнаго каталога работала спеціальная коммиссія воглавѣ съ покойнымъ теперь М. А. Плотниковымъ и Правленіе общества. Въ настоящее время библіотека, обладая 1.617 томами въ 840 названіяхъ, находится въ 16 пунктахъ въ уѣздахъ; въ Нижнемъ же открытъ для членовъ общества кабинетъ для чтенія газетъ и журналовъ.

Стремясь обезпечить матеріальныя условія жизни членовъ, Правленіе исхлопотало льготы для дѣйствительныхъ членовъ общества при проѣздѣ на

пароходахъ, простирающіяся до 50%; льготы при пользованіи врачебною помощью и аптеками; устроило безплатныя квартиры для пріѣзжающихъ на каникулярное время въ Нижній уѣздныхъ дѣйствительныхъ членовъ; льготное пользованіе газетами; учредило бюро для пріисканія занятій дѣйствительнымъ членамъ на лѣтнее время. При устройствѣ лекцій давало право безплатнаго или льготнаго ихъ посѣщенія учителямъ и заботилось, чтобы они происходили въ свободное отъ занятій время.

Несмотря на большія затрудненія при устройствѣ лекцій въ провинціи, Общество въ 1895 г. обратилось въ московское лекціонное бюро и пригласило проф. И. И. Иванова и П. Н. Милюкова, прочитавшихъ рядъ выдающихся лекцій: первый—«Просвѣтительное движеніе прошлаго вѣка», П. Н. Милюковъ—«Русскія общественныя настроенія XVIII и XIX вѣка» и «Распространеніе университетскаго образованія въ Англіи и Америкѣ».

Также удачна была лекція В. А. Гольцева: «Литературная характеристика В. Г. Короленко». Затѣмъ послѣдовали лекціи проф. А. А. Кизеветтера по исторіи русскаго общества прошлаго вѣка, З. С. Ивановой-Мировичъ — «Объ Ибсенѣ», П. И. Вейнберга: «О поэтахъ міровой скорби—Байронѣ, Гейне, Леопарди», доктора философіи М. В. Безобразовой 4 лекціи: 1) «Что такое психофизіологія», 2) «Что такое психологія», 3) «Изъ области метафизики» и 4) «О злѣ».

Всѣ эти лекціи вмѣстѣ съ духовной пользой принесли обществу и матеріальный успѣхъ. Въ 1899, 1900 и 1901 г.г., несмотря на сдѣланныя попытки, не удалось организовать ни одной лекціи. Въ 1902 г. состоялись лекціи Н. А. Рожкова: «Городъ и деревня въ русской исторіи» и г. Крубера: «Очерки географіи и культуры Китая». О результатахъ дѣятельности правленія въ 1903 г. автору очерка извѣстно, что изъ числа приглашенныхъ, 3 лектора дали согласіе и предложили 5 темъ для лекцій. Правленіе въ своемъ отчетѣ за 1902 г. указываетъ на трудность получить разрѣшеніе отъ Учебнаго Округа и на позднія разрѣшенія, когда уже всѣ сроки, назначенные лекторомъ, прошли. По этому поводу Общество намѣрено возбудить ходатайство передъ надлежащимъ вѣдомствомъ совмѣстно съ другими учительскими обществами.

Во время выставки 1896 г. Общество организовало дешевыя квартиры для учащихъ, посѣщавшихъ Нижній, съ платою по 1 р. 50 к. за десять дней. Квартирами воспользовались, кромѣ 262 учащихъ Ниже-городской губ.,—учащіе 80 губерній и областей всей Россіи, включая Кавказъ, Сибирь и проч. (изъ Забайкальской области было 5 человѣкъ). Общее количество лицъ, воспользовавшихся квартирами, 4.518 чел.: учителей 1.843, учительницъ 2.266. Въ распоряженіе особой коммиссіи, организованной при обществѣ для устройства этихъ квартиръ, поступило всего съ пособіями 9.199 р. 48 к., израсходовано-же было 7.684 р. 83 к., остатокъ 1.514 р. 65 к. наличными и на 150 р. имуществомъ. Остатокъ и имущество составили первоначальный фондъ устроеннаго общежитія для дѣтей. Организовать дешевыя квартиры возможно было потому, что Нижегородское Городское Общество Управленіе предоста-

вило для нихъ безплатно 18 училищъ, вмѣщавшихъ одновременно до 700 человѣкъ. Несмотря на нѣкоторыя шероховатости и ошибки при организаціи этого труднаго дѣла, ревизіонный отчетъ заканчиваетъ свой отзывъ о дѣятельности выставочной коммиссіи словами одной изъ посѣтительницъ выставки—черниговской учительницы: «Всякій, вносящій что-нибудь новое въ умственный и нравственный багажъ народныхъ просвѣтителей, тѣмъ, самымъ служитъ на благо и пользу народа».

Въ 1895 году 2-ое очередное Собраніе, желая возбудить ходатайство передъ правительствомъ и губернскимъ земствомъ объ улучшеніи положенія учителей, постановило просить Правленіе собрать свѣдѣнія о положеніи всѣхъ учащихъ и особенно семейныхъ и разработать вопросъ о формѣ, въ какой общество можетъ придти имъ на помощь. Правленіемъ былъ составленъ вопросникъ при участіи земскихъ статистиковъ, разосланный, съ помощью Губернской земской управы, учителямъ. По полученіи на него отвѣтовъ, Правленіе представило общему Собранію 1896 г. докладъ о семейномъ составѣ учащихъ Нижегородской губ. и формахъ помощи общества своимъ дѣйствительнымъ членамъ при воспитаніи дѣтей. Результатомъ этой работы явилось устройство общежитія для дѣтей уѣздныхъ членовъ, учащихся въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ настоящее время помощь семейнымъ учащимъ распадается на 5 видовъ: а) пользованіе общежитіемъ (помѣщается по послѣднимъ свѣдѣніямъ 31 мальчикъ и 18 дѣвочекъ), б) пособія единовременныя, в) пособія періодическія, г) земскія стипендіи, д) освобожденіе отъ платы за ученіе.

Считая пріобрѣтеніе собственнаго благоустроеннаго зданія для общежитія и помѣщенія въ немъ другихъ учрежденій существенно необходимымъ, общество достигло слѣдующихъ результатовъ: къ 1-му января 1903 года имѣло на постройку 7.256 руб. 91 коп. денегъ, дарованные Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 700 деревьевъ Керженскаго лѣса, предоставило Правленію пріобрѣсти у города, отказавшаго въ безплатномъ отводѣ земли, участокъ въ 400 кв. сажень, съ платою по 5 р. за саж. Планъ постройки общежитія составленъ на 72 чел.; къ веснѣ 1904 г. Правленіе надѣется возвести стѣны и кровлю, внутреннюю же отдѣлку зданія произвести весною 1905 г. Живущія въ общежитіи дѣти пользуются безплатно медицинскою помощью врачей-сотрудниковъ общества; занятіями ихъ руководятъ нѣсколько дѣйствительныхъ членовъ общества, по очереди посѣщающихъ въ учебные часы дѣтей ежедневно.

По постановленію общаго Собранія, въ пользу строящагося общежитія, предполагается Правленіемъ издать литературный сборникъ съ 2-мя отдѣлами: Отдѣлъ I. Общелитературный: а) беллетристика и критика; в) статьи историческаго и этнографическаго содержанія. Отдѣлъ II. Народное образованіе: а) современная начальная школа въ Россіи; в) начальная школа заграницей.

Участвовать въ сборникѣ дали свое согласіе: А. М. Пѣшковъ (Горькій), Н. Ѳ. и А. Н. Анненскіе, Д. Н. Жбанковъ, проф. С. Ф. Платоновъ, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, Л. Андреевъ, И. Бунинъ, Ан. П. Чеховъ и другія лица.

*

Въ 1902 г. открылось два новыхъ учрежденія Общества: Справочное бюро по юридическимъ вопросамъ, имѣющее своимъ юрисконсультомъ присяжнаго повѣреннаго, и учрежденная по особому Уставу касса взаимопомощи.

Для періодическаго ознакомленія своихъ членовъ съ дѣятельностью общества, Правленіе издаетъ, кромѣ отчетовъ, бюллетени нѣсколько разъ въ годъ.

Наконецъ, дѣятельность общества въ уѣздахъ дополняется 4-го мая уѣздными отдѣленіями: Арзамасскимъ, Макарьевскимъ, Нижегородскимъ и Горбатовскимъ, дающими возможность уѣзднымъ членамъ тѣсно объединиться и проявить свою иниціативу въ дѣлѣ улучшенія жизни учащихъ, а слѣдовательно улучшенія дѣла народнаго образованія.

Въ 1899 году общество содержало (неурожайный годъ) столовую на 60 школьниковъ въ 2-хъ селахъ Сергачскаго уѣзда. Въ 1903 г. Общество приняло дѣятельное участіе въ Московскомъ Съѣздѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ и отчеты, и его бюллетени.

Представленный краткій очеркъ достаточно рисуетъ дѣятельность Нижегородскаго общества, ставящую его въ ряду наиболѣе выдающихся послѣ Московскаго учительскаго общества. Единственная слабая сторона его: малое объединеніе имъ учащихъ средне-учебныхъ заведеній.

Самостоятельность учащихъ, проявившаяся въ учительскихъ обществахъ, подобныхъ Нижегородскому, много способствовала выработкѣ взаимныхъ отношеній учителей и русскаго общества и завоевала учителямъ общественное вниманіе, какого не было 10 лѣтъ тому назадъ.

Н. Румянцева.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина"—декабрь. „Вѣстникъ Европы"—декабрь.)

Въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» началось, а въ декабрьской продолжается печатаніе весма интересной статьи г. Дубровина, посвященной изложенію нѣкоторыхъ событій въ Россіи въ началѣ XIX вѣка и носящей названіе «Послѣ отечественной войны». Историческій моментъ, выбранный г. Дубровинымъ для изслѣдованія, полонъ самого живого интереса и детальное ознакомленіе съ нимъ представляется много поучительнаго. Громадное напряженіе всѣхъ силъ русскаго государства въ войнѣ съ Наполеономъ привело въ концѣ концовъ къ разгрому Франціи и вступленію нашихъ войскъ въ самое ея сердце, но эти же событія вскрыли до полной наглядности черты внутренняго устройства Россіи и настойчиво указывали всѣмъ сознательнымъ элементамъ земли русской на необходимость широкихъ реформъ. И реформъ этихъ ждала съ довѣріемъ къ власти вся мыслящая часть русскаго общества.

На основаніи строго провѣренныхъ и извлеченныхъ изъ официіальныхъ источниковъ данныхъ, г. Дубровинъ рисуетъ яркую картину безграничныхъзлоупотребленій, которыя практиковались почти сто лѣтъ тому назадъ въ Россіи. Губернаторы,—говоритъ г. Дубровинъ,извлекая нижеслѣдующія строки изъ архива собствен-

ной Его Императорскаго Величества канцеляріи, «мало-по-малу присвоили себѣ всю мѣстную власть и едва не сравнялись съ бывшими воеводами. Самое высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами и не смѣло ни въ чемъ имъ противорѣчить». Когда же злоупотребленія администраціи стали выходить изъ всякихъ границъ, то сенатъ призналъ, наконецъ, необходимымъ напомнить губернаторамъ, что Высочайшимъ указомъ, даннымъ сенату 16-го августа 1802 года повелѣно: 1) губернаторамъ управлять губерніями именемъ императора посредствомъ губернскихъ правленій, а не своимъ однимъ лицомъ; 2) не простирать власти своей за предѣлы законовъ; 3) не вмѣшиваться въ судныя дѣла, а дожидаться представленія ихъ имъ на утвержденіе и 4) не заводить никакихъ переписокъ съ частными лицами, а только съ учрежденіями. Сенатъ считаетъ долгомъ подтверждать, чтобы губернаторы, подъ страхомъ строгаго взысканія, исполняли указъ 1802 года.

«Угроза эта не дѣйствовала,—пишетъ г. Дубровинъ,—губернаторы самовольничали и злоупотребляли своею властью». Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Костромской губернаторъ Пасынковъ, при содѣйствіи губернскаго предводителя дворянства князя Козловскаго, взялъ 13.000 рублей изъ дворянской кассы, а затѣмъ разложилъ платежъ этой суммы на всѣ состоянія въ губерніи въ видѣ земскихъ повинностей.

Тульскій губернаторъ Богдановъ продавалъ въ свою пользу порохъ и снаряды, доставленные для тульскаго ополченія и отличался многими другими столь же патріотическими подвигами.

«Надобно быть въ Тулѣ, — писалъ посланный туда на ревизію сенаторъ Мясоѣдовъ,—чтобы слышать ропотъ народный на бывшихъ правителей и теперешнюю ихъ радость (губернаторъ Богдановъ и нѣсколько высшихъ чиновниковъ были отрѣшены отъ должностей по постановленію комитета министровъ). Одинъ совѣтникъ казенной палаты Поповъ дѣлалъ здѣсь чудеса: всѣ казенные крестьяне были какъ бы его собственные. Сіи послѣдніе въ самомъ жалкомъ положеніи: всѣ и за все, и за дѣло и безъ дѣла, брали съ нихъ деньги съ крайнимъ вынужденіемъ; жаловаться было некому, все было на откупу».

Въ другихъ губерніяхъ дѣло обстояло еще хуже.

Псковскій губернаторъ князь Шаховской «сѣкъ дворянъ, утверждалъ постановленія уголовной палаты 1811 года только въ 1815 году, а обвиняемые все это время сидѣли въ тюрьмахъ» и т. д.

Казанскій губернаторъ графъ Толстой «вмѣстѣ съ губернскимъ правленіемъ бралъ взятки, забиралъ и удерживалъ у себя казенныя суммы, самопроизвольно продалъ домъ мѣщанина Крашенинникова» и пр., и пр.

Тамбовскій губернаторъ Безобразовъ «требовалъ увѣковѣченія своего имени и памяти въ Тамбовѣ поднесеніемъ ему отъ дворянства портрета его во весь ростъ и выбитія медали. Онъ желалъ помѣстить ихъ въ залѣ дворянскаго собранія съ надписью: «Избавителю города Тамбова отъ злодѣевъ, съ изображеніемъ его тушащимъ злодѣйственный пожаръ губернскаго города».

Подольскій губернаторъ требовалъ, чтобы «таможня пропускала для него безпошлинно вино, портеръ и другія заграничныя вещи».

Назначенный въ Казань вмѣсто графа Толстого, губернаторъ Николаевъ «распоряжался въ губерніи, какъ въ своемъ имѣніи. Онъ смотрѣлъ на чиновниковъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ и даже рабовъ, которымъ давалъ чины, отставлялъ по своему произволу отъ должностей и предавалъ суду, когда хотѣлъ. При такихъ условіяхъ чиновники были слѣпыми исполнителями воли начальника и участниками во всѣхъ его нарушеніяхъ закона и власти».

«Казанская губернія,—пишетъ г. Дубровинъ,—стонала подъ игомъ трехъ губернаторовъ и подвѣдомственныхъ имъ управленій. Въ губернскомъ правленіи, въ палатахъ уголовной и гражданской не заносились въ реестръ указы сената и никто не слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Въ этихъ учрежденіяхъ не было никакого наблюденія за подчиненными имъ мѣстами. Жалобы на разнаго рода притѣсненія оставлялись безъ вниманія и нарушители закона не преслѣдовались».

Относительно Тульской губерніи сенаторъ Мясоѣдовъ писалъ и такія строки: «небреженіе начальства къ страждущему человѣчеству раздираетъ сердце». Въ полицейскомъ управленіи онъ нашелъ «полный хаосъ: не только не сообщалось никакихъ свѣдѣній губернскому правленію, но безъ его вѣдома полиція опредѣляла къ себѣ чиновниковъ. Въ губернскомъ правленіи было не лучше докладнаго и настельнаго реестровъ не было, а резолюціи писались на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги и никѣмъ не подписывались. Журналы составлялись не во время рѣшенія дѣлъ, а гораздо позже и часто безъ чиселъ. Уѣздные и земскіе суды, а въ особенности городская полиція, не слушали указовъ губернскаго правленія и по два года не отвѣчали на запросы. Полицеймейстеръ Кашинцевъ въ буквальномъ смыслѣ грабилъ народъ, не платилъ никому денегъ и назначалъ даромъ рабочихъ для постройки своего дома».

Въ особенно стонавшія подъ игомъ гнета губерніи иногда посылались для ревизіи сенаторы, но это мало помогало горю. Такъ, когда въ Вятскую губернію были посланы для этой цѣли сенаторы князь Алексѣй Долгоруковъ и Дурасовъ, то они встрѣтились съ чрезвычайными препятствіями на пути къ выясненію истины: «полиція застращивала жителей, удаляла даже изъ предѣловъ губерніи лицъ, могущихъ быть свидѣтелями». Но даже и при такихъ условіяхъ сенаторы «открыли полный безпорядокъ въ правленіи и громаднѣйшіе поборы. Съ казенныхъ крестьянъ брали отъ 2 до 6 рублей незаконныхъ поборовъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ составило нѣсколько милліоновъ».

А вотъ что писалъ Аракчееву Магницкій, знаменитый Магницкій, человѣкъ, котораго уже окончательно трудно заподозрить въ сгущеніи красокъ (письмо относится къ тому времени, когда Магницкій занималъ должность воронежскаго вице-губернатора):

«Я надорвался внутренно, видя пять лѣтъ сряду и особливо теперь здѣсь (въ Воронежѣ), что у насъ дѣлается въ губерніяхъ. Ежели бы иностранецъ могъ найтиться (письмо воспроизводится буквально), не зная, что онъ въ Россіи, въ одной изъ губерній нашихъ, повѣрилъ ли бы онъ, что это Россія, въ благословеннѣйшее изъ всѣхъ земныхъ царствованій? Повѣрилъ ли бы онъ, что это та самая Россія, за спасеніе и славу которой столько разъ самъ боготво-

римый ею государь несъ и великодушно подвергалъ безцѣнную жизнь свою величайшимъ опасностямъ? Сія Россія въ тысячѣ верстахъ отъ столицы его угнетена и раззоряется, какъ *турецкая провинція* (курсивъ подлинника). Горестная истина сія столь положительна и зло такъ глубоко укоренилось, что никто изъ здравомыслящихъ мѣстныхъ начальниковъ не можетъ надѣяться ее исправить и никто изъ искренно преданныхъ государю и славѣ его царствованія не можетъ согласиться имѣть ежедневно предъ глазами плачевную сію картину, иначе какъ въ видѣ самаго тяжкаго наказанія».

Спустя три недѣли тотъ же Магницкій писалъ графу Аракчееву и такое письмо: «Ваше сіятельство изволите, можетъ быть, припомнить, что въ первомъ письмѣ моемъ назвалъ я здѣшній край *турецкою провинціею*. Положительная истина. Начальникъ здѣшней губерніи велъ себя точно какъ паша. Окруженъ будучи славою прежняго безкорыстія и увѣренъ, что онъ пользуется за сіе добрымъ мнѣніемъ государя, смѣло и открыто попиралъ онъ всякій порядокъ и самые законы. Одинъ духъ неограниченнаго самовластія руководствовалъ имъ. Всѣ самыя важныя просьбы и доносы на чиновниковъ и дворянъ, часто въ преступленіяхъ ихъ обличающіе, собиралъ онъ не для преслѣдованія, но для совершеннаго господства надъ виновниками. При малѣйшемъ сопротиленіи его власти или желанію, многимъ изъ нихъ показывалъ онъ просьбы на нихъ, у него хранящіяся, и тѣмъ покарялъ ихъ себѣ навсегда. Такимъ образомъ все его управленіе было не что иное, какъ продолжительная и непрерывная интрига. Всѣ мѣста, ему подчиненныя, загромождены дѣлами, по личностямъ, пристрастіямъ или мщенію заведенными».

Въ Воронежской губерніи, — пишетъ по этому поводу г. Дубровинъ,—наборы превысили всякую мѣру. Въ сентябрѣ 1816 года казенные крестьяне Нижнедѣвичскаго уѣзда Воронежской губерніи жаловались Д. П. Трощинскому, что земскіе исправники Кологривовъ, Уткинъ и Харневичъ грабятъ ихъ, а земскій стряпчій прикрываетъ грабителей. Крестьяне просили прислать ревизора изъ сената и не довѣрять никому изъ чиновниковъ Воронежской губерніи столь важное изслѣдованіе, которые «насъ не только обвинятъ, но и въ тюрьмѣ невинно заморятъ, и мы на нихъ никому не осмѣлимся ни единаго слова правды сказать». Произведенное слѣдствіе вполнѣ подтвердило слова крестьянъ, причемъ оказалось, что Харневичъ своими поборами дѣлился съ губернаторомъ.

Суды были въ то время, поистинѣ, «полны неправдой черной», а для улучшенія ихъ рѣшительно ничего не предпринимались. Тутъ царило самое безпощадное и до цинизма откровенное лихоимство. Этому,—пишетъ г. Дубровинъ,— «помогла канцелярская тайна. Законъ повелѣвалъ содержать въ секретѣ производство и теченіе тяжебныхъ дѣлъ и тѣмъ прикрывалъ лихоимство, предоставляя дѣльцамъ возможность запутывалъ дѣла какъ угодно и сколько угодно. Кто подкупалъ, для того не было тайны; онъ всегда имѣлъ копіи со всѣхъ бумагъ и документовъ соперника, со всего, что ему нужно знать, и даже самое рѣшеніе суда проходило часто черезъ его цензуру прежде, чѣмъ оно было написано». Отсюда вытекала, разумѣется, масса самыхъ вопіющихъ беззаконій

несправедливостей и правонарушеній. Чѣмъ можно было остановить подобное зло? Разумѣется, только гласностью судопроизводства, но объ этой мѣрѣ не смѣли и заикаться. Слабая попытка бросить мысль въ этомъ направленіи, сдѣланная сенаторомъ барономъ Искскулемъ, встрѣтила рѣшительное несочувствіе самого императора Александра. Искскуль подалъ императору Александру 9-го іюня 1816 года слѣдующую любопытную записку:

«Всѣмъ извѣстно, что высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества есть, дабы сильному и богатому ни въ чемъ не было потворствуемо, и чтобы бѣдный и беззащитный не былъ стѣсняемъ и лишаемъ своихъ правъ и даже, чтобы жалобы его могли достигнуть и до престола Вашего Величества.

«Но для исполненія такой Высочайшей воли нужно было бы, чтобы каждый судья, каждый служащій дѣйствовалъ согласно намѣренію своего государя— вещь невозможная по общественнымъ сношеніямъ. Разстояніе, отдѣляющее государя отъ притѣсняемаго, и невозможность, дабы каждая жалоба могла быть подвергнута Высочайшему рѣшенію, позволяютъ пристрастію и несправедливости возвышаться и угнетать неимѣющаго защиту.

«Не можно ли было бы въ прегражденіе сего прибѣгнуть къ способу, употребляемому въ чужихъ краяхъ и весьма дѣйствительному по вліянію своему на свойства человѣческихъ соотношеній? Способъ сей состоитъ въ томъ, дабы каждый, почитающій себя по суду обиженнымъ, имѣлъ право рѣшеніе онаго публиковать на свой счетъ, со всѣмъ производствомъ дѣла, но безъ всякихъ, однако-жъ, отъ себя примѣчаній, и такимъ образомъ черезъ напечатаніе подвергнуть общему сужденію дѣло, съ указаніемъ подписи всѣхъ судей. Быть можетъ, что одно уже опасеніе безпристрастнаго строгаго разбора достаточно къ тому, чтобы правосудіе получило надлежащее направленіе и достигло, той степени совершенства, какую только допускаетъ общественное образованіе людей.

«Публика судитъ строго; она не потворствуетъ. Нѣкоторая часть оной, конечно, можетъ быть увлечена пристрастіемъ, но всеобщій голосъ всегда будетъ слышенъ.

«Сужденія публики заключаютъ въ себѣ безпристрастное разсмотрѣніе, посредствомъ коего можно дознать какъ всѣ тайныя причины, подавшія поводъ къ судебному рѣшенію и превратному толкованію закона, такъ равно обнаружить всякое неправильное рѣшеніе, съ намѣреніемъ сдѣланное. Съ другой стороны, каждый будетъ страшиться, чтобы всеобщее порицаніе не достигло до Вашего Величества, чтобы не возникло новаго строжайшаго разсмотрѣнія и чтобы съ судьями, оказавшимися виновными въ пристрастіи, не было поступлено по всей строгости законовъ. Сужденіе публики придаетъ всеобщему осужденію каждаго, кто бы, хотя и втайнѣ, употребилъ себя на неправильное дѣло. Оно заставляетъ каждаго судью со вниманіемъ разсматривать всякое дѣло и не полагаться изъ лѣности на другихъ».

На письмѣ этомъ рукою Аракчеева сдѣлана такая надпись: «Высочайше повелѣно оставить безъ движенія. 27-го іюня 1819 года».

Въ своей интересной статьѣ г. Дубровинъ цитируетъ извлеченныя имъ изъ государственнаго архива показанія нѣкоторыхъ декабристовъ, т.-е., соб-

ственно говоря, даже не показанія, а изложенія ими своихъ взглядовъ на современное имъ положеніе Россіи. Такіе документы имѣютъ огромную историческую цѣнность, а между тѣмъ они-то всего менѣе и извѣстны. Опубликованіе ихъ полностью пролило бы много свѣта на разсматриваемую эпоху, но и за частичное ихъ воспроизведеніе нельзя не быть благодарнымъ г. Дубровину.

«Законы не ясны,—писалъ П. А. Каховскій,—не полны и указъ указу противорѣчитъ. Мы не только терпимъ физически (т.-е. отъ налоговъ, бѣдности и пр.), но пусть вникнутъ сильные, какой моральный вредъ націи отъ неимѣнія законовъ».

«Проѣхавъ отъ сѣвера на югъ Россіи, старался я вникнуть въ положеніе различныхъ классовъ людей. Отовсюду слышалъ ропотъ на правительство и правителей, имъ поставленныхъ».

«У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли; у насъ внутренніе враги терзаютъ государство; у насъ тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность».

«Покойный императоръ (Александръ), объѣзжая области, встрѣчалъ повсюду радость и привѣтствіе; но были ли они искренны? Клянусь Богомъ, нѣтъ».

А вотъ, приводимый г. Дубровинымъ, совершенно новый отрывокъ изъ показаній А. А. Бестужева:

«Словомъ, во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица; на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили: къ чему это приведетъ? Всѣ элементы были въ броженіи. Одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ дошло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики получали деревни, и только возвышеніе цѣнъ взятокъ отличало высшія мѣста. Въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Центральность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу кверху, способствовала апелляціямъ, справкамъ, переѣздамъ, и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т.-е. раззаренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ казнѣ, въ судахъ, въ коммиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ—вездѣ, гдѣ замѣшивался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ—тотъ кралъ. Всюду честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались».

Въ этомъ же духѣ показывали Кюхельбекеръ, баронъ Штейнгель и другіе.

Статья г. Дубровина еще не окончена и мы надѣемся имѣть случай къ ней вернуться.

Помѣщенное въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» окончаніе статьи А. Н. Пыпина «Н. А. Некрасовъ» даетъ важные документы, хотя и мало новаго для біографіи какъ самого поэта, такъ и другихъ лицъ, находившихся съ нимъ въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи. Изъ большого количества помѣщенныхъ въ статьѣ г. Пыпина писемъ Некрасова къ

Тургеневу лишь немногія содержатъ сколько нибудь новыя данныя для характеристики лицъ и событій второй половины пятидесятыхъ и первой шестидесятыхъ годовъ. Къ таковымъ относится письмо Некрасова къ Тургеневу, датированное въ 1857 годахъ и проливающее нѣкоторый свѣтъ на неразъясненную исторію, касающуюся денежныхъ дѣлъ Огарева. Нашлись люди, которые не постѣснялись швырять камнями въ память Некрасова за эту «исторію» и во время недавнихъ «некрасовскихъ дней», но камни эти, какъ и слѣдовало ожидать, не достигали своей цѣли. Вотъ что писалъ Некрасовъ Тургеневу:

«Вчера получилъ твое письмо. Въ Лондонъ едва ли поѣду, хотя все еще окончательно не рѣшился не ѣхать. Правду сказать, въ числѣ причинъ, по которымъ мнѣ хотѣлось поѣхать, главная была удивить Герцена, но, какъ кажется, онъ противъ меня возстановленъ,—чѣмъ, не знаю, подозрѣваю, что извѣстной исторіей огаревскаго дѣла. Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ столько же виноватъ и причастенъ, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде всего надо бы знать, имѣлъ ли я его—особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мнѣ просто больно, что человѣкъ, котораго я столько уважаю, который, кромѣ того, когда то оказалъ мнѣ личную помощь который былъ первымъ послѣ Бѣлинскаго, привѣтствовавшимъ добрымъ словомъ мои стихи (его записочку ко мнѣ по выходѣ «Петербургскаго сборника» до сей поры берегу), что этотъ человѣкъ нехорошо обо мнѣ думаетъ. Скажи ему это (если найдешь удобнымъ и нужнымъ—ты лучше знаешь нынѣшняго Герцена) и прибавь къ этому, что если онъ на десять минутъ обѣщается зайти ко мнѣ въ гостинницу (къ нему мнѣ неловко, потому что я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мнѣ), то я, ни минуты не колеблясь, пріѣду къ одиннадцатому числу, чтобы шестнадцатаго вмѣстѣ съ тобою уѣхать обратно».

Врядъ ли возможно допустить, чтобы Некрасовъ могъ написать подобное письмо, если бы онъ могъ чувствовать себя виновнымъ хотя бы въ небольшой долѣ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ господъ, составляютъ несомнѣнный фактъ его жизни.

Въ томъ же письмѣ Некрасовъ сообщаетъ Тургеневу нѣкоторыя подробности освобожденія изъ Шлиссельбурга извѣстнаго М. А. Бакунина. «Сначала, — пишетъ онъ, — о прощеніи его (Бакунина) докладывалъ Долгорукій, по просьбѣ родныхъ. Государь наотрѣзъ отказалъ, послѣ многихъ совѣщаній и раздумья. Прошло мѣсяца три. Ковалевскій тѣмъ временемъ дѣйствовалъ на Горчакова, выписалъ сестру Бакунина (бывшую сестрой милосердія при Севастополѣ), повелъ ее къ Горчакову, общими силами они разжалобили его, и онъ рѣшился вновь доложить государю, опираясь на то, что поступокъ Бакунина имѣлъ отношеніе къ иностранному министерству. Государь и тутъ отказалъ, сказавъ, что не видитъ со стороны Бакунина раскаянія. Тогда убѣдили Бакунина написать письмо къ Горчакову. Горчаковъ это письмо показалъ государю—и государь простилъ. Резолюція: Бакунина освободить,

жить ему въ Омскѣ, съ дозволеніемъ проживать до излеченія въ деревнѣ у матери въ Тамбовской губерніи и съ правомъ поступить на службу».

Послѣднее не совсѣмъ точно: Бакунинъ, какъ извѣстно, былъ сосланъ не въ Омскъ, а въ Томскъ, откуда переѣхалъ въ Восточную Сибирь и затѣмъ, отправившись въ Амурскій край, бѣжалъ черезъ Америку въ Европу.

Изъ другихъ писемъ Некрасова къ Тургеневу нельзя не обратить вниманіе на тѣ, въ которыхъ Некрасовъ сообщаетъ о появленіи на литературной аренѣ новаго выдающагося таланта. Этимъ Некрасовъ обнаружилъ огромное чутье, ибо никому не вѣдомый тогда писатель, о которомъ шла рѣчь, былъ никто иной, какъ Л. Н. Толстой. Заслуживаетъ также большого вниманія несомнѣнная *убѣжденность* Некрасова въ правильности взятаго передовой журналистикой того времени тона. «Какого *новаго* (курсивъ Некрасова) направленія они хотятъ?—писалъ онъ по этому поводу Тургеневу. Есть ли другое—живое и честное—кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, отчего оно пережило Бѣлинскаго»...

Это очень характерное для уясненія взглядовъ Некрасова мѣсто изъ его переписки съ Тургеневымъ.

Въ той же книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщена статья г. Кони «Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ». Статья г. Кони подъ такимъ же названіемъ уже появлялась на страницахъ «Вѣстника Европы» еще въ 1897 году и потому на статью настоящую надо смотрѣть лишь какъ на дополненіе къ прежней. Но и дополненіе—яркое и талантливое—читается съ захватывающимъ интересомъ. Отъ этого дополненія, содержащаго не столько изложеніе отдѣльныхъ фактовъ изъ жизни Гааза (этому посвящена была по преимуществу статья первая), сколько обрисовку обстановки, среди которой ему пришлось жить и дѣйствовать, личность «святого доктора» выступаетъ предъ нами еще ярче еще выпуклѣе.

Чѣмъ были у насъ мѣста заключенія въ то время, когда въ качествѣ тюремнаго врача посвятилъ имъ всѣ свои силы докторъ Гаазъ, про то мы знаемъ изъ свидѣтельствъ многихъ современниковъ той эпохи.

Мы приводили уже изъ статьи г. Дубровина изображенія положенія вещей въ Россіи въ двадцатыхъ годахъ нѣсколькихъ декабристовъ и въ томъ числѣ П. А. Каховскаго. Этотъ же Каховскій написалъ въ своемъ показаніи слѣдственной коммиссіи и такія по занимающему насъ въ данную минуту вопросу строки.

«Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты, гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ зараженъ смрадомъ, гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются лишь мірскимъ подаяніемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками сами еще большіе преступники,—въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно».

Но это показаніе декабриста, и стало быть склоннаго «чернить» дѣйствительность. Допустимъ ли однако, на самомъ дѣлѣ, подобный «отводъ» показаній Каховскаго, на это можно найти точный отвѣтъ если сравнить ихъ съ слѣдующими строками изъ статьи г. Кони:

«Положеніе тюремныхъ лазаретовъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго (XIX) столѣтія было у насъ совершенно невозможное. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ Венингъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать шесть человѣкъ, помѣщенныхъ «за тѣснотою» съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ «торговой казни» и приготовляющихся идти въ сылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій замокъ, нашелъ больныхъ «горячками и сыпью» по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лечили арестантовъ, можно себѣ представить, хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 г. въ больницѣ московскаго губернскаго замка, для «утишенія» крика сошедшей съ ума арестанки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку... Содержаніе больныхъ въ тюремныхъ лазаретахъ того времени достаточно характеризуется донесеніемъ доктора Стринявскаго, вступившаго въ 1815 году въ завѣдываніе лечебною частью тамбовскаго—рабочаго и смирительнаго—домовъ и нашедшаго, что въ больницѣ нѣтъ необходимѣйшихъ медакаментовъ, бѣлье *не мыто* (курсовъ подлинники) съ открытія больницы, т.-е. *съ прошлаго столѣтія* и т. д.»

Вышеупомянутый Венингъ нашелъ «въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею, и женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, устроенныхъ такъ, что, благодаря острымъ спицамъ въ восемь дюймовъ длины, нельзя было лечь, а въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ—пять тяжелыхъ стульевъ, прикованныхъ къ арестантамъ цѣпью съ ошейникомъ»....

Вотъ съ какими условіями содержанія арестантовъ пришлось бороться знаменитому филантропу. Отдавая всѣ силы своей души на облегченіе положенія этихъ воистину «несчастныхъ», какъ зоветъ русскій народъ арестантовъ, Гаазъ, конечно, былъ безсиленъ сдѣлать что-либо существенное въ этой области, ибо корень всѣхъ частичныхъ безобразій русской жизни лежалъ въ самомъ ея фундаментѣ, въ крѣпостническомъ принципѣ, на которомъ она покоилась.

«Чѣмъ и какъ только могъ—старался Гаазъ смягчить роковое осуществленіе почти безграничныхъ правъ помѣщика на измѣненіе всего существованія, на расторженіе всѣхъ естественныхъ узъ и привязанностей своихъ крѣпостныхъ. Онъ былъ неутомимъ въ ходатайствахъ—личныхъ и черезъ тюремный комитетъ—объ «утишеніи гнѣва» господъ, ссылавшихъ въ Сибирь своихъ «рабовъ», отнимая у нихъ достигнувшихъ работоспособности дѣтей. Когда его настойчивыя попытки смягчить тяжкое крѣпостное иго путемъ измѣненія закона, по

ходатайству тюремнаго комитета, оказались совершенно тщетными и на его исполненныя сдержаннаго негодованія и душевной боли представленія было отвѣчено лишь отмѣткой «читано»—онъ обратился къ отысканію возможности подавать помощь въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Тогда, спасая крѣпостныя души, онъ выдвинулъ на сцену «одно благотворительное лицо», широкая щедрость котораго въ денежныхъ сдѣлкахъ съ помѣщиками, у которыхъ выкупались дѣти ссылаемыхъ за «продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе» крестьянъ, странными образомъ развивались въ тѣсной связи съ окончательнымъ исчезновеніемъ личнаго имущества самого Гааза. Нельзя безъ чувства скорби читать многочисленныя представленія Гааза комитету съ мольбами поднять свой голосъ въ отмѣну или смягченіе мрачныхъ законовъ, отдававшихъ совершенно безправныхъ людей и ихъ семейства въ жертву холодному бездушію, ослѣпленію гнѣва или—иногда—мстительной ревности ихъ господъ».

Увы, все это оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Лишь тамъ, на самыхъ низахъ общества, среди его отверженныхъ членовъ, знали Гааза и по своему очень его цѣнили. Изъ достовѣрнаго источника сообщаетъ г. Кони о такомъ, имѣвшемъ мѣсто въ жизни Гааза, эпизодѣ:

«Въ морозную зимнюю ночь онъ долженъ былъ отправиться къ бѣдняку—больному. Не имѣвъ терпѣнія дождаться своего стараго и кропотливаго кучера Егора и не встрѣтивъ извозчика, онъ шелъ торопливо, когда былъ остановленъ въ глухомъ и темномъ переулкѣ нѣсколькими грабителями, взявшимися за его старую волчью шубу, надѣтую, по обычаю, «въ накидку». Ссылаясь на холодъ и старость, Гаазъ просилъ оставить ему шубу, говоря, что онъ можетъ простудиться и умереть, а у него на рукахъ много больныхъ и притомъ бѣдныхъ, которымъ нужна его помощь. Отвѣтъ грабителей и ихъ дальнѣйшія внушительныя угрозы понятны. «Если вамъ такъ плохо, что вы пошли на такое дѣло,—сказалъ имъ тогда старикъ,—то придите за шубой ко мнѣ, я велю вамъ ее отдать или прислать, если скажете—куда, и не бойтесь меня, я васъ не выдамъ; зовутъ меня докторомъ Гаазомъ, а живу я въ Маломъ Казенномъ переулкѣ.... а теперь пустите меня, мнѣ надо къ больному»....—«Батюшка, Ѳедоръ Петровичъ!—отвѣчали ему неожиданные собесѣдники.—Да ты бы такъ и сказалъ кто ты! Да кто же тебя тронетъ! Да иди себѣ съ Богомъ! Если позволишь, мы тебя проводимъ!..»

Зато среди другихъ элементовъ общества было и другое къ Гаазу отношеніе.

«Въ 1839 году Ѳедоръ Петровичъ былъ, вслѣдствіе жалобъ мѣстнаго московскаго начальства и нареканій главнаго начальника пересыльной тюрьмы генерала Капцевича, послѣ дознанія о его «утрированной филантропіи», удаленъ, къ великой для себя обидѣ, отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ ссыльныхъ»... Иначе, конечно, и быть не могло, пока корень зла оставался неприкосновеннымъ. А что касается корня, то на этотъ счетъ считалось весьма авторитетнымъ мнѣніе адмирала Шишкова, противопоставлявшаго «спокойствіе» Россію «смятенію» Европы и писавшаго по этому поводу такія строки:

«Внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина не показываетъ ли, что благословенное отечество наше больше благоденствуетъ и больше благополучно, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что же перемѣны въ законахъ, въ обычаяхъ, въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны? Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума, разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ!.»

Какія знакомыя и понынѣ, какія «истинно-русскія» мысли, слова, рѣчи... Такъ какъ же было терпѣть «на службѣ» во времена еще болѣе мрачныя, такую, совсѣмъ ужъ «не къ двору» приходившуюся личность, какъ докторъ Гаазъ?..

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Продолженіе чэмберленовской кампаніи.—Смерть Герберта Спенсера. Съ октября 1899 года по май 1902 г. каждый, кто только не раздѣлялъ взгляда Чэмберлена на африканскій вопросъ, заклейменъ былъ его приверженцами именемъ «про-бура» (pro-boer), а теперь тотъ, кто не раздѣляетъ его взгляда на фискальный вопросъ, именуется «ничтожнымъ англичаниномъ» («litle Englander»). Органы Чэмберлена постоянно открываютъ новыхъ лицъ, заслуживающихъ такой эпитетъ, и въ послѣднее время они занесли въ свой списокъ «Little Englanders» герцога Девоншайрскаго и лорда Розберри. Герцогъ Девоншайрскій, пользующійся въ Англіи очень почтенною репутаціей, какъ политическій и государственный дѣятель и человѣкъ, никогда не мѣнявшій своихъ убѣжденій, патріотизмъ котораго не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію, навлекъ на себя страшный гнѣвъ чэмберленовской печати своею рѣчью, сказанною на митингѣ «Free Food League». Семидесятилѣтній герцогъ, вышедшій три мѣсяца тому назадъ изъ состава британскаго кабинета, продолжаетъ занимать выдающееся положеніе въ англійскомъ политическомъ мірѣ и поэтому Квинсголлъ, гдѣ происходилъ митингъ, былъ переполненъ, причемъ приверженцы Чэмберлена составляли далеко немалую часть слушателей. Неудивительно поэтому, что упоминаніе въ рѣчи имени Чэмберлена сопровождалось одновременно и аплодисментами, и свистками. Но ораторъ не обращалъ ровно никакого вниманія ни на свистки, ни на аплодисменты, ни на какія бы то ни было восклицанія одобренія или порицанія и продолжалъ говорить, развивая далѣе свои взгляды. О Чэмберленѣ онъ отозвался съ самаго начала, какъ о врагѣ, съ которымъ надо бороться до конца. Что же касается Бальфура, то онъ довольно ѣдко посмѣялся надъ его брошюрой, выразилъ подозрѣніе насчетъ искренности его рѣчей и затѣмъ довольно ясно далъ понять, что Бальфуръ выпустилъ возжи изъ своихъ рукъ, т.-е. передалъ ихъ Чэмберлену, и государственная колесница, управляемая имъ, катится теперь подъ гору съ ужасающею быстротою.

Эти слова герцога вызвали шумное одобреніе не только со стороны оппозиціи; въ министерской партіи тоже находятся люди, съ неудовольствіемъ взирающіе на то, что министръ-президентъ въ сущности является лишь простою игрушкою въ рукахъ эксъ-министра колоній Чэмберлена. Но дальнѣйшая аргументація герцога, утверждавшаго, что всѣ, представленныя Чэмберленомъ, доказательства промышленнаго упадка Англіи невѣрны и основаны на ложномъ толкованіи и освѣщеніи фактовъ, вызвала шумныя заявленія протеста со стороны приверженцевъ фискальной политики Чэмберлена. Однако герцогъ справедливо указалъ на то, какъ трудно спорить съ Чэмберленомъ, который отличается необычайною перемѣнчивостью и въ каждой своей новой рѣчи становится на новую точку зрѣнія. Въ брошюрѣ, которую онъ недавно издалъ и въ которой собралъ всѣ свои рѣчи по фискальному вопросу, онъ, напр., исключилъ тѣ, гдѣ говорилось о пенсіяхъ рабочимъ, которыя можно будетъ уплачивать, благодаря прибыли, доставляемой фискальными реформами и т. д. Но зато онъ всячески старается соблазнить колоніи разными заманчивыми обѣщаніями и краснорѣчиво распространяется о неизбѣжномъ упадкѣ англійской торговли и промышленности, если страна не откажется отъ своихъ заблужденій и отъ своей приверженности къ отжившимъ принципамъ свободы торговли.

Несмотря на свои годы, Чэмберленъ обнаруживаетъ чисто юношескую пылкость въ преслѣдованіи своей цѣли; какъ агитаторъ, онъ не имѣетъ себѣ подобнаго въ Англіи и обладаетъ способностью увлекать за собою толпу. Тѣ ветераны и доктринеры старой школы, хладнокровные и благоразумные, которые выступаютъ противъ него со своими аргументами, не могутъ производить такого впечатлѣнія, какое производитъ Чэмберленъ, хотя его доказательства часто не выдерживаютъ компетентной критики. Чэмберленовская печать особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что ни одинъ изъ представителей торговли и промышленности, которыхъ должны ближе всего касаться фискальныя реформы, проектируемыя Чэмберленомъ, не высказался окончательно и категорически противъ нея. Но зато, съ другой стороны, это вѣрно—какъ замѣчаютъ англійскія газеты,—что лишь очень немногіе изъ перворазрядныхъ англійскихъ политиковъ рѣшались открыто поддерживать и защищать идеи Чэмберлена въ публичныхъ собраніяхъ. Этотъ фактъ тоже не мѣшаетъ отмѣтить.

Въ послѣднее время нѣкоторое впечатлѣніе произвела статистика, опубликованная центральнымъ кооперативнымъ обществомъ («Cooperative wholesale Society»),—очень вліятельною федераціей, объединяющей 1.168 мѣстныхъ обществъ и насчитывающей полтора милліона членовъ. Эта статистика направлена противъ Чэмберлена и его проектовъ, такъ какъ она доказываетъ, что торжество его политики должно будетъ на 15% увеличить расходы общества и на половину уменьшить его барыши. Но Чэмберленъ не обращаетъ ровно никакого вниманія на такія статистики и даже не пытается ихъ опровергать, стараясь подѣйствовать на англійскимъ избирателей другими доводами и блескомъ своей аргументаціи, то рисующей Англію на краю пропасти, то изображающей тѣ блага, которыя должны посыпаться на страну, когда будетъ вве-

дена фискальная реформа. И до сихъ поръ еще не существуетъ ни одного положительнаго признака, на основаніи котораго можно было бы предсказывать побѣду или пораженіе Чэмберлена.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Брайтонѣ умеръ Гербертъ Спенсеръ. Онъ умеръ 83-хъ лѣтъ отъ роду, сохранивъ до конца ясность ума и спасобность трудиться, что онъ доказалъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи «Faets and Comments», вышедшемъ въ прошломъ году, въ которомъ онъ, точно угадывая свою скорую кончину, прощается со своими читателями и заявляетъ, что «это его послѣдняя книга» и что онъ «навсегда кладетъ свое перо».

Гербертъ Спенсеръ въ полномъ смыслѣ этого слова «Self made man», но только не въ области практической дѣятельности, какъ многіе изъ его соотечественниковъ а въ области мысли. Онъ родился въ Дерби въ Апрѣлѣ 1820 года. Отецъ его былъ школьный учитель и самъ занимался съ нимъ. Но такъ какъ маленькій Гербертъ росъ очень слабымъ ребенкомъ, то отецъ не неволилъ его ученіемъ и обучалъ его лишь самому необходимому и тому, что могло заинтересовать ребенка. Память у Герберта была очень плоха и ему давалось съ трудомъ обученіе языкамъ, исторіи и всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые требуютъ главнымъ образомъ заучиванія наизусть, но зато у юнаго Спенсера рано обнаружились способности къ математикѣ и естественнымъ наукамъ. Онъ скоро и хорошо научился чертить и охотно занимался математикой. Когда ему минуло 13 лѣтъ, его отправили къ дядюшкѣ Томасу Спенсеру, священнику англиканской церкви, который долженъ былъ приготовить его въ университетъ. Бѣднаго мальчика посадили за латынь и греческій языкъ, но, просидѣвъ надъ этими предметами три года, Гербертъ наконецъ категорически заявилъ своему дядюшкѣ, что онъ не питаетъ ни малѣйшей склонности къ университетской наукѣ и не хочетъ поступать въ Оксфордъ. Вернувшись къ отцу, онъ сначала помогалъ ему въ школѣ и оказался очень искусснымъ преподавателемъ, но затѣмъ поступилъ на службу при постройкѣ желѣзной дороги, гдѣ его познанія въ механикѣ и строительномъ искусствѣ нашли широкое примѣненіе. Желѣзнодорожный кризисъ, наступившій въ 1846 году, вынудилъ его бросить эту профессію и искать работы въ журналѣ «Economist», гдѣ онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ. Вскорѣ послѣ этого Спенсеръ уже окончательно посвятилъ себя писательской дѣятельности. Однако еще раньше, работая въ качествѣ гражданскаго инженера и архитектора, Спенсеръ писалъ философскія статьи. Ему было 22 года, когда онъ написалъ свою статью «On the proper Sphere of government», которая впослѣдствіи была издана въ видѣ отдѣльной брошюрки. Его первый большой трудъ «Social Statics» появился послѣ того, какъ онъ сдѣлался помощникомъ редактора Журнала «Economist». Вслѣдъ за «Соціальною статикой» появился въ 1855 году другой большой трудъ Спенсера «Основанія Психологіи» (principles of psychology), гдѣ онъ развиваетъ свою идею эволюціи, положенную имъ въ основаніе всей своей философской системы.

Сдѣлавшись сотрудникомъ выдающихся англійскихъ журналовъ, «North British» «British, Quaterli» и «Westminster Review», гдѣ появился цѣлый рядъ

его блестящихъ очерковъ, Спенсеръ занялъ видное мѣсто въ избранномъ литературномъ кругу и сблизился съ Гексли, Джорджъ Элліотъ и Льюисомъ. Къ величайшему труду всей своей жизни, «Синтетической философіи» онъ приступилъ въ 1860 году, и закончилъ его въ 1896 году. Вначалѣ, въ особенности, ему пришлось преодолѣвать большія трудности, зависящія главнымъ образомъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ и равнодушія публики, съ которыми Спенсеру приходилось бороться. Онъ работалъ до нервнаго переутомленія и въ 1865 году даже вынужденъ былъ публично заявить, что пріостанавливаетъ свою работу и откладываетъ выполненіе своего великаго замысла до болѣе благопріятнаго времени. Къ счастью для всего читающаго и образованнаго человѣчества, это благопріятное время скоро наступило, такъ какъ Спенсеръ получилъ небольшое наслѣдство, которое дало ему возможность полечиться и отдохнуть. Впрочемъ, это наслѣдство было все таки слишкомъ незначительно и не могло бы обезпечить Спенсера, и еслибъ не матеріальная поддержка со стороны одного американца,—приверженца научныхъ взглядовъ Спенсера, много содѣйствовавшаго также распространенію его взглядовъ въ Америкѣ,—то врядъ ли Спенсеръ могъ бы продолжать работать. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, могучій умъ котораго оказалъ такое громадное вліяніе на современное мышленіе и который создалъ цѣлое философское направленіе, всю жизнь свою былъ боленъ. Сильный духомъ, не взирая на свою физическую немощь, онъ закончилъ въ 1896 году свой огромный трудъ, объединившій всѣ явленія неорганическаго и органическаго міра въ одно стройное цѣлое и представившій синтезъ философскаго пониманія мірозданія.

Вслѣдствіе своего крайне слабаго здоровья, а также и по причинѣ стѣсненныхъ матеріальныхъ средствъ, Спенсеръ велъ очень уединенный образъ жизни. Въ теченіи долгихъ лѣтъ онъ жилъ въ одномъ дешевенькомъ пансіонѣ въ предмѣстьи Бейсуотеръ и только, когда его матеріальное положеніе нѣсколько улучшилось, онъ завелся собственнымъ хозяйствомъ, а самые послѣдніе годы жилъ въ Брайтонѣ, гдѣ и умеръ. Онъ работалъ постоянно, когда его слабое здоровье позволяло ему это. Обыкновенно съ 10 часовъ утра онъ садился у камина и принимался диктовать. Если онъ чувствовалъ себя хорошо, то диктовалъ безъ перерыва до часу, и рѣчь такъ и лилась у него, повидимому, безъ всякаго напряженія и лишь съ короткими паузами. Никогда онъ не пропускалъ ни одного слова, не измѣнялъ начатаго періода или фразы и диктовалъ такъ, какъ будто передъ его глазами находился совершенно готовый текстъ его собственныхъ мыслей. Продиктовавъ такъ двѣ недѣли безъ перерыва, онъ посвящалъ день на просмотръ написаннаго. Обыкновенно онъ измѣнялъ очень мало, и рукопись могла быть тотчасъ же отдана въ печать. Въ хорошіе дни, когда онъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ, онъ могъ продиктовать 1000 словъ, но это бывало рѣдко. Очень часто ему приходилось прерывать свою работу вслѣдствіе приступа головной боли, и онъ тогда уже цѣлый день не принимался за нее.

Несмотря на свои крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, Спенсеръ упорно отказывался отъ какихъ бы то ни было пособій отъ госу-

дарства и пенсіи, точно также онъ низачто не хотѣлъ принимать никакихъ почетныхъ званій и вообще былъ врагъ всякихъ почестей. Когда онъ узнавалъ, что какой нибудь заграничный университетъ или академія хотятъ преподнести ему почетный титулъ, то онъ начиналъ сильно волноваться и успокаивался только тогда, когда получалъ увѣдомленіе, что это желаніе не будетъ приведено въ исполненіе, принимая во вниманіе его нелюбовь къ отличіямъ. Такимъ образомъ этотъ великій англійскій философъ, имя котораго извѣстно всему образованному міру и сочиненія котораго переведены на всѣ европейскіе языки, до конца дней своихъ оставался просто Гербертомъ Спенсеромъ, безъ всякаго прибавленія, безъ единаго знака отличія, медали или ордена, безъ всякаго диплома и академическаго званія и притомъ даже безъ значительнаго матеріальнаго обезпеченія, такъ какъ того, что онъ имѣлъ, ему хватало только на жизнь въ очень скромной обстановкѣ. Такъ умеръ величайшій мыслитель нашего вѣка, строго проводившій и въ частную жизнь свою идею индивидуализма, свой взглядъ на свободу личности.

Возобновленіе дѣла Дрейфуса и націоналисты. Знаменитыя слова Золя: «La vérité est en marche», вызвавшія шесть лѣтъ тому назадъ такую бурю во Франціи и навлекшія на него столько преслѣдованій, начинаютъ подтверждаться. Правительство офиціально заявило, что министръ юстиціи, по изслѣдованіи нѣкоторыхъ представленныхъ ему военнымъ министромъ документовъ по дѣлу Дрейфуса, передалъ ихъ для разсмотрѣнія кассаціонному суду и предсѣдателю комиссіи пересмотра въ министерствѣ юстиціи, Дюрану. Такимъ образомъ начинается третій и послѣдній актъ драмы, волновавшей Францію столько лѣтъ подрядъ. Никто уже не сомнѣвается въ окончательномъ торжествѣ справедливости, и вопросъ заключается лишь въ томъ, передастъ ли кассаціонный судъ это дѣло снова въ военный совѣтъ, для того чтобы дать возможность самимъ военнымъ возстановить попранную справедливость, или же, въ виду того, что теперь уже ничего не остается отъ прежняго обвиненія, кассаціонный судъ ограничится простою отмѣною приговора Ренскаго суда? Противъ послѣдняго сильно возстаютъ многіе изъ видныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей во Франціи. Между прочимъ Анатоль Франсъ недавно открыто высказался противъ отмѣны, сказавъ, что «эта шекспировская трагедія не должна окончиться буржуазною комедіей» и дѣло должно быть передано военному суду. Такъ или иначе, но теперь общественное мнѣніе Франціи снова волнуется, хотя и не такъ какъ прежде, по поводу предстоящаго пересмотра.

Между тѣмъ сообщеніе министра юстиціи ни для кого не могло быть сюрпризомъ во Франціи. Еще въ апрѣлѣ этого года Жоресомъ былъ снова выдвинутъ на сцену въ палатѣ депутатовъ вопросъ о пересмотрѣ. Правда, палата отклонила тогда его требованіе назначенія парламентской слѣдственной комиссіи для пересмотра документовъ, но военный министръ заявилъ, что по долгу службы онъ подвергнетъ тщательному пересмотру съ помощью судебныхъ чиновниковъ всѣ документы по дѣлу Дрейфуса, не вдаваясь въ обсуж-

деніе вопроса о его виновности, но желая лишь установить истину относительно преступныхъ махинацій въ реннскомъ судѣ. Результаты своего изслѣдованія военный министръ представилъ въ совѣтъ министерства, а это послѣднее уполномочило министра юстиціи передать документы въ комиссію пересмотра. Ужъ это одно доказываетъ, что въ представленныхъ документахъ заключаются новые факты, на основаніи которыхъ можно приступить къ пересмотру дѣла. Безъ важныхъ основаній кабинетъ, конечно, никогда бы не рѣшился на такой шагъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, возобновленіе дѣла Дрейфуса заключаетъ въ себѣ опасные элементы новой политической борьбы и новаго взрыва партійныхъ страстей. Серьезные органы печати, вродѣ «Temps» и «Debats», предостерегаютъ французскую публику отъ новаго увлеченія партійными раздорами. Въ сущности вѣдь этотъ послѣдній актъ, который долженъ закончиться реабилитаціей справедливости, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Уже въ первомъ приговорѣ кассаціоннаго суда невинность Дрейфуса была установлена, такъ что въ настоящее время никто не можетъ сомнѣваться въ исходѣ пересмотра и можно спокойно ожидать осуществленія пророчества Золя, предоставляя высказаться суду. Таково по крайней мѣрѣ рѣшеніе всѣхъ друзей пересмотра; въ такомъ духѣ высказываются Жоресъ въ «Petite République» и Клемансо въ «Aurore». Очевидно, этой части французской публики не желательно возобновленіе той агитаціи, которая такъ сильно волновала Францію раньше. Для цѣлей справедливости теперь это не нужно. Націоналистская печать, очевидно ошеломленная неожиданнымъ рѣшеніемъ, въ первый моментъ какъ будто растерялась и въ сущности напечатанный ею протестъ заключаетъ въ себѣ не что иное, какъ плохо замаскированную покорность судьбѣ, и отказъ націоналистовъ отъ парламентскаго запроса по этому поводу отчасти является сознаніемъ собственнаго безсилія. Въ другихъ лагеряхъ царитъ полное спокойствіе и поэтому можно надѣяться, что на этотъ разъ пересмотръ процесса не вызоветъ никакихъ особенныхъ волненій во Франціи.

Матеріалы, давшіе поводъ къ новому пересмотру, будутъ обнародованы позднѣе, но нѣкоторыя указанія на нихъ можно найти въ рѣчи Жореса, въ воспоминаніяхъ Бриссона, напечатанныхъ въ «Siècle», и въ новыхъ томахъ изданной Жозефомъ Рейнакомъ исторіи дѣла Дрейфуса. Одинъ изъ редакторовъ газеты «Siècle», Рауль Аллье, издалъ въ видѣ брошюры критическое изслѣдованіе новыхъ матеріаловъ по дѣлу Дрейфуса. Жоресъ доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что главное оружіе, которымъ Мерсье воспользовался противъ Дрейфуса, былъ оригиналъ бордеро съ поддѣланными помѣтками императора Вильгельма, въ которыхъ упоминается имя Дрейфуса. Рауль Аллье приводитъ въ своей брошюрѣ выдержки изъ статей газетъ генеральнаго штаба отъ 1894 года, изъ которыхъ видно, что эта поддѣлка существовала уже тогда, до ареста Дрейфуса, и, очевидно, было сдѣлана съ цѣлью служить противъ него оружіемъ. Подъ предлогомъ, что обнародованіе императорской помѣтки можетъ повести къ войнѣ съ Германіей, къ судебнымъ актамъ присоединили только копію съ этого бордеро, а оригиналъ остался въ карманѣ

Мерсье, который тотчасъ же вытаскивалъ его оттуда, какъ только замѣчалъ, что судьи начинають колебаться или же обнаруживается желаніе подвергнуть дѣло пересмотру. Такимъ образомъ, онъ по очереди оказывалъ давленіе въ 1894 г. на предсѣдателя военнаго суда, на генерала Билльо, и на всѣхъ другихъ военныхъ министровъ, и въ особенности на Кавеньяка, и, наконецъ, на реннскихъ судей. Рядомъ съ этимъ кардинальнымъ преступленіемъ генерала Мерсье имѣетъ значеніе роль генерала Буадефра и полковника Анри. Генералъ Пеллье также жалуется въ своемъ прошеніи объ отставкѣ, которое было опубликовано Жоресомъ, что его начальники заставляли его работать съ подложными документами. Рауль Алльё приводитъ, кромѣ того, показаніе офицеровъ въ Монъ Валерьенъ, куда былъ привезенъ Анри, разсказывавшихъ, что онъ исписалъ нѣсколько листовъ бумаги, однако этихъ листовъ потомъ не нашли и полагаютъ, что они были унесены офицеромъ, который приходилъ изъ военнаго министерства къ арестованному Анри и принесъ ему бритву съ благимъ совѣтомъ перерѣзать себѣ горло. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ думать, что Анри былъ только орудіемъ Мерсье и Буадефра и что эти два генерала организовали дѣло Дрейфуса. Кассаціонный судъ теперь уже окончательно распутаетъ всѣ эти нити, и хотя послѣдній актъ этой драмы и не представляетъ уже такого жгучаго, какъ прежде, политическаго и юридическаго интереса, но тѣмъ не менѣе въ психологическомъ и общественномъ отношеніи новый пересмотръ дѣла Дрейфуса имѣетъ общечеловѣческое значеніе, онъ указываетъ, прежде всего, на силу общественнаго мнѣнія и слова въ свободной странѣ, заставившихъ, въ концѣ концовъ, восторжествовать истину и справедливость, несмотря на всѣ препятствія и трудность борьбы съ лицами, занимавшими такое положеніе, какъ Мерсье, Буадефръ и др.

Македонское движеніе и его вожди. Новая програма реформъ для Македоніи не возбуждаетъ, повидимому, особенныхъ надеждъ въ Европѣ, и европейская печать интересуется ею не столько съ точки зрѣнія пользы, которую эти реформы должны принести провинціи, сколько въ связи съ вопросами внѣшней политики отдѣльныхъ европейскихъ государствъ и той выгоды, которую имъ можетъ принести паденіе турецкаго господства въ Европѣ. Въ этихъ толкахъ европейской печати о нарушеніи равновѣсія силъ въ восточной части Средиземнаго моря, въ случаѣ появленія новыхъ государственныхъ образованій на Балканскомъ полуостровѣ, или разсужденіяхъ о раздѣлѣ европейскихъ владѣній Турціи, ясно проглядываетъ все-таки соперничество интересовъ различныхъ державъ. Въ Софіи и Аѳинахъ, поэтому, не очень-то довольны предлагаемыми реформами, а въ Англіи къ нимъ относятся весьма скептически. Въ Италіи же не вполнѣ сочувствуютъ русско-австрійской дѣятельности, такъ какъ тамъ давно уже имѣются виды на Албанію, которая нужна Италіи, чтобы укрѣпить свое господство на берегахъ Адріатики. Однимъ словомъ въ этой борьбѣ интересовъ судьба собственно Македоніи отодвигается, въ сущности, совершенно на задній планъ. Между тѣмъ, по всѣмъ признакамъ, весною надо ожидать возобновленія македонскаго движенія. Во-

жди его, Сарафовъ и Цончевъ, совершили поѣздку по Европѣ и побывали въ Англіи, какъ говорятъ, съ цѣлью раздобыть средства для поддержанія македонскаго возстанія. Генералъ Цончевъ руководилъ возстаніемъ въ одной части македоніи въ теченіе полгода, и въ то время, какъ Сарафовъ оперировалъ на западѣ, въ области Монастыря, Цончевъ оперировалъ на востокѣ, въ долинѣ Струмы, въ Салоникскомъ вилайетѣ. Сколько разъ уже появлялось въ газетахъ извѣстіе о смерти того или другого македонскаго вождя и не проходило нѣсколькихъ дней, какъ уже снова распространялись слухи о ихъ подвигахъ, и благодаря такимъ разсказамъ всѣ македонскіе вожди, Сарафовъ, Цончевъ, Груевъ и Дельчевъ окружены въ глазахъ народа ореоломъ легендарныхъ героевъ.

Проѣздомъ черезъ Парижъ генерелъ Цончевъ бесѣдовалъ съ нѣсколькими французскими журналистами. Каждому изъ нихъ онъ сказалъ, что не надѣется на какую-либо перемѣну въ положеніи вещей. «Нашъ образъ дѣйствій также не измѣнится, сказалъ онъ. Возстаніе возобновится весной съ еще большею силой и будетъ всеобщимъ, такъ какъ число борцовъ должно возрасти. Изъ 40.000 македонскихъ бѣглецовъ, которые собираются провести зиму въ Болгаріи, нѣсколько тысячъ, конечно, присоединятся къ намъ. Терять имъ больше нечего, деревни ихъ разграблены, дома разрушены; турки сами постарались сдѣлать изъ нихъ добрыхъ революціонеровъ! Болгарское же правительство можетъ принимать какія угодно мѣры, чтобы помѣшать имъ переходить границу,—все будетъ тщетно! Если бы даже вся болгарская армія выстроилась вдоль границы, то и тогда я берусь все-таки провести черезъ нея сколько угодно македонскихъ бандъ. Никто и ничто не можетъ насъ остановить. Мы добиваемся свободы для нашихъ македонскихъ братьевъ и добьемся ея... или сами погибнемъ. Македонскій крестьянинъ не смѣетъ послать свою дочь за триста метровъ отъ своего дома, не смѣетъ пустить свою жену въ сосѣднюю деревню, а самъ, когда выѣзжаетъ въ поле съ плугомъ, то постоянно осматривается по сторонамъ, опасаясь нападенія; чуть только появится вдали какая-нибудь человѣческая фигура, какъ онъ уже бросаетъ работу и со всѣхъ ногъ удираетъ».

Цончевъ, какъ и Сарафовъ, заявляетъ, что главная цѣль путешествія— привлечь симпатіи Европы на сторону Македоніи. «Очень сомнительно, знаютъ ли македонцы что-нибудь вообще о реформахъ,—сказалъ Сарафовъ бесѣдовавшему съ нимъ англійскому журналисту.—Впрочемъ, вообще никто, не думаетъ, чтобы эти реформы могли кому нибудь угодить, Портѣ или македонскому населенію. Но если, противъ ожиданія, македонское населеніе окажется довольнымъ тѣми реформами, которыя предлагаютъ обѣ договорившіяся державы, то тогда причины продолжать возстаніе прекратятся и все будетъ спокойно, однако на это никто не разсчитываетъ и поэтому македонцы приготовляются къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ».

По поводу организаціи македонскаго движенія Сарафовъ разсказалъ слѣдующее: «Организація эта началась еще при Паницѣ, слѣдовательно въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Тогда по странѣ разъѣзжали проповѣдники и всюду

находили послѣдователей. Эти проповѣдники организовали подвозъ оружія и раздѣлили мѣстность на повстанческіе округи. Затѣмъ были избраны воеводы, которые за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія должны были заниматься военными упражненіями. Собирались обыкновенно въ какихъ-нибудь малодоступныхъ мѣстахъ въ горахъ, среди непроходимаго лѣса, куда ни одинъ турокъ обыкновеннно не заглядывалъ. Тамъ устраивалось настоящее военное ученіе, стрѣляли въ цѣль, обучались развѣдочной службѣ, обращенію съ динамитомъ и т. д. Упражненія продолжались два мѣсяца, послѣ чего пятьдесятъ собравшихся воеводъ, обсудивъ дальнѣйшія подробности возстанія и выработавъ законы, которымъ должны были подчиняться инсургенты, возвращались въ свои деревни и тамъ уже организовали банды. Основными правилами для всѣхъ воеводъ были слѣдующія: 1) никогда не давать себя окружать; 2) при численномъ превосходствѣ непріятеля стараться во-время ускользнуть; 3) стараться всегда нападать врасплохъ; 4) никогда не сдаваться и не класть оружія. Эти правила выполнялись македонцами съ величайшею добросовѣстностью. Македонскіе инсургенты всегда и вездѣ выказывали величайшую рѣшительность и энергію и неудача никогда не лишала ихъ мужества. Правда, особенные геройскіе подвиги составляли рѣдкое явленіе, но зато въ мужествѣ и выносливости никогда не было недостатка».

О поведеніи турецкихъ войскъ Сарафовъ отозвался слѣдующимъ образомъ: «Только арнаутскіе отряды, да македонскіе илаве дѣйствовали по собственному побужденію и грабили и разоряли всегда и вездѣ, гдѣ только имъ представлялся случай, но низамы и редифы никогда не дѣлали этого, а македонскіе редифы очень рѣдко. Анатолійскіе же редифы иногда даже выказывали большое добродушіе. Однажды, въ одну деревню пришелъ батальонъ редифовъ и начальникъ его потребовалъ, чтобы крестьяне выдали ему мѣстопребываніе одной македонской банды. Крестьяне, какъ всегда, увѣряли, что они ничего объ этомъ не знаютъ. Тогда, возмущенный ихъ упрямствомъ, турецкій командиръ приказалъ перестрѣлять всѣхъ мужчинъ въ деревнѣ. Разумѣется женщины и дѣти тотчасъ же подняли вой и ихъ слезы и мольбы такъ подѣйствовали на редифовъ, что ни у одного изъ нихъ не поднялась рука, чтобы застрѣлить крестьянина; а нѣкоторые даже украдкой вытирали слезы. Въ концѣ концовъ отрядъ такъ и ушелъ изъ деревни, не причинивъ зла ни одному человѣку. Но разумѣется, бывали и другіе случаи, когда удалявшійся турецкій отрядъ оставлялъ послѣ себя только дымящіяся развалины...»

По словамъ Сарафова, македонское движеніе вовсе не имѣло въ виду побѣду надъ турецкою арміей. Македонцы только хотѣли показать міру, что они готова умереть за свое дѣло и побудить Европу вступиться за Македонію и въ интересахъ человѣчества ввести въ ней либеральныя учрежденія. Нѣкотораго успѣха они все-таки добились, и не будь возстанія, то македонцы ничего бы ровно не достигли. Зима пріостановила движеніе, но не уничтожила его. Въ Македоніи, въ каждомъ округѣ, остались вожди и возстаніе снова возобновится, какъ только наступитъ для этого благопріятный моментъ.

Сарафовъ самымъ категорическимъ образомъ отрицаетъ свое участіе въ

динамитномъ покушеніи въ Салоникахъ. Онъ не одобряетъ этого покушенія и находитъ его необдуманнымъ поступкомъ, сгубившимъ и силы и много жизней. Онъ отрицаетъ также и всѣ разсказы о какихъ либо насиліяхъ и жестокостяхъ со стороны македонскихъ повстанцевъ. Конечно, война уже сама по себѣ представляетъ жестокость и легко вызываетъ наружу звѣрскіе инстинкты человѣка, но такіе факты и проявленія жестокости составляютъ все-таки исключенія. Въ сущности македонцы ничего не имѣютъ противъ турокъ, а только противъ ихъ администраціи, съ которою они намѣрены бороться до послѣдней капли крови.

О боевыхъ способностяхъ турецкой арміи и Сарафовъ, и Цончевъ даютъ одинаковый отзывъ. Турецкое войско очень мало подвижно и маневрируетъ всегда плохо и медленно. Стрѣляетъ также плохо и часто безъ всякаго толку. Турки рѣдко прямо атакуютъ македонскую банду; они всегда предпочитаютъ произвести нападеніе на деревню, такъ какъ это безопаснѣе и большею частью турецкіе солдаты идутъ одни, подъ командою унтеръ-офицеровъ, или даже безъ нихъ; офицеры же предпочитаютъ въ отдаленіи наблюдать ихъ подвиги. Вообще, по мнѣнію обоихъ македонскихъ вождей, партизанская война въ Македоніи можетъ затянуться надолго, и она не прекратится, пока цѣль освобожденія не будетъ достигнута.

Открытіе рейхстага и др. германскія дѣла. Въ этомъ году открытіе парламентской сессіи новаго рейстага совершилось при необычныхъ условіяхъ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ II вступилъ на престолъ, онъ не присутствовалъ самъ на этомъ открытіи и не читалъ самъ своей тронной рѣчи. Осужденный на молчаніе вслѣдствіе болѣзни голосовыхъ связокъ, бѣдный ораторъ, такъ любящій произносить рѣчи, долженъ былъ конечно испытывать настоящія муки Тантала, воздерживаясь отъ нихъ. Вслѣдствіе отсутствія императора Вильгельма оффиціальное торжество открытія, по словамъ консервативныхъ газетъ, уже не носило прежняго блестящаго характера. Впрочемъ, по мнѣнію другихъ органовъ берлинской печати, отпечатокъ меланхоліи, который лежалъ на этомъ торжествѣ, отчасти вызывался смутнымъ предчувствіемъ тѣхъ трудностей, которыя теперь наступаютъ для германской имперіи. Въ коментаріяхъ національ-либеральныхъ газетъ явно сквозитъ нѣкоторая разочарованность. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить тѣ блестящія надежды, которыя возбудило въ сердцахъ національ-либераловъ возрожденіе германской имперіи, то станетъ понятно разочарованіе, которое они должны теперь испытывать, видя съ одной стороны полновластное господство католическаго центра въ протестантскомъ государствѣ, а съ другой возростаніе соціалъ-демократіи. Политическое ультрамонтанство и соціализмъ—вотъ двѣ силы, которыя руководятъ судьбами имперіи въ данный моментъ. Германское правительство занято теперь разрѣшеніемъ необычайно трудной задачи. Надо отыскать способъ удовлетворить претензіи прусскихъ дворянъ землевладѣльцевъ и въ то же время заключить торговое соглашеніе съ Россіей. Такая задача, по мнѣнію одной изъ германскихъ газетъ, представляетъ нѣчто вродѣ

знаменитой квадратуры круга, и канцлеру Бюлову придется таки ни мало поломать голову, чтобы отыскать способъ, какъ выйти изъ этого затрудненія. Затѣмъ бюджетъ также представляетъ не мало камней преткновенія. Дефицитъ повидимому окончательно укрѣпился въ финансахъ имперіи, и новый бюджетъ уже представляетъ огромный излишекъ расходовъ сравнительно съ прежнимъ (около 5 милліоновъ). Разумѣется, придется прибѣгнуть къ кредитамъ, и это обстоятельство, конечно, много содѣйствуетъ пессимистическому настроенію германской печати, съ грустью констатирующей, что процвѣтаніе германской имперіи какъ будто приближается къ концу и наступаетъ періодъ всевозможныхъ затрудненій. Очень понятно, поэтому, что въ германскомъ обществѣ и печати съ большимъ интересомъ ожидали рѣчи новаго министра финансовъ Штенгеля, въ первый разъ выступавшаго въ рейхстагѣ. Правда, финансовое положеніе Германіи далеко не таково въ настоящее время, чтобы оно могло облегчить министру, отвѣтственному за бюджетъ, его задачу. Но Штенгель, даже какъ ораторъ, успѣха не имѣлъ, такъ какъ рѣчь у него была написана на клочкахъ бумаги, которые онъ перепуталъ, посредственность же формы въ этой рѣчи не могла, конечно, искупиться пессимистической сухости. Во всякомъ случаѣ всѣ германскія газеты признаютъ, что нельзя уже больше обманывать себя никакими иллюзіями, и никто не видитъ способа облегчить бюджетъ, который долженъ одновременно удовлетворить все возрастающимъ требованіямъ на содержаніе огромнаго флота и огромной арміи и нуждамъ соціальнаго законодательства. Такимъ образомъ дебютъ новаго министра нельзя назвать особенно удачнымъ и въ результатѣ получилась какая то всеобщая неудовлетворенность. Столь же неудачной оказалась и рѣчь новаго военнаго министра генерала Эйнема, хотя по формѣ ее и можно было назвать блестящей, особенно въ сравненіи съ рѣчью Штенгеля. Генералу Эйнему пришлось говорить о разоблаченіяхъ гарнизонной жизни, сдѣланныхъ поручикомъ Бильзе въ его книгѣ, и о жестокомъ обращеніи унтеръ-офицеровъ съ солдатами. Военный министръ пожелалъ смягчить впечатлѣніе, произведенное книгою Бильзе, и до нѣкоторой степени оправдать поступки унтеръ-офицеровъ, доказывая, что иногда побои даже приносятъ пользу въ дѣлѣ воспитанія рекрутъ и внушенія имъ понятія о дисциплинѣ. Разумѣется, эти слова произвели какъ разъ обратное впечатлѣніе чѣмъ то, на которое, вѣроятно, разчитывалъ новый министръ. Протесты послышались со всѣхъ скамей Рейхстага, со всѣхъ сторонъ раздались негодующія восклицанія, и министръ долженъ былъ понять, что при первомъ же дебютѣ въ парламентѣ онъ сдѣлалъ промахъ.

Гораздо большій интересъ, даже съ точки зрѣнія ораторскаго искуства, представилъ словесный поединокъ—«Rededuell» какъ говорятъ нѣмецкія газеты—между Бебелемъ и Бюловымъ. Бебель говорилъ два раза и оба раза рѣчь его продолжалась около двухъ съ половиною часовъ, Бюловъ также не отставалъ отъ него, и противники обмѣнялись многими язвительными замѣчаніями и насмѣшками. Благодаря ораторскому таланту Бебеля, его длинная рѣчь не вызвала утомленія слушателей, хотя его прерывали нѣсколько разъ

восклицаніями и даже предсѣдатель сдѣлалъ ему выговоръ за нѣкоторыя его «неосторожныя выраженія». Бюловъ же старался высмѣять соціалъ-демократію съ ея идеаломъ будущаго государства. «Напрасно г. имперскій канцлеръ такъ озабоченъ вопросомъ, кого изберутъ соціалъ-демократы министромъ иностранныхъ дѣлъ въ своемъ «государствѣ будущаго» (Zukunftsstaat)», замѣтилъ ему Бебель и прибавилъ, что безъ сомнѣнія, даже многіе изъ теперешнихъ тайныхъ совѣтниковъ г. Бюлова не откажутся поступить на службу «государства будущаго», конечно, за хорошее вознагражденіе! Бюловъ не остался въ долгу и въ свою очередь выдвинулъ на сцену разногласія дрезденскаго конгресса соціалистовъ и партійные раздоры. Затѣмъ онъ, по обыкновенію, началъ упрекать соціалъ-демократовъ въ томъ, что у нихъ не хватаетъ «добрыхъ нѣмецкихъ качествъ» патріотизма, чувствительности, нѣжности, чувства собственнаго достоинства и т. д. и т. д. Онъ закончилъ воззваніемъ ко всѣмъ бюргерскимъ партіямъ, приглашая ихъ не давать соціалъ-демократіи превзойти себя въ отношеніи дисциплины, единенія и самоотверженія.

Этими словесными турнирами закончилась предрождественская парламентская сессія. Настоящая работа начнется уже только послѣ новаго года и, судя по настроенію печати, парламентскимъ дѣятелямъ предстоятъ трудныя времена

Кураторъ боннскаго университета фонъ Роттенбургъ возбудилъ противъ себя сильнѣйшее негодованіе консервативной печати. На ректорскомъ обѣдѣ онъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу «прусской школьной политики».—«Какъ! Онъ осмѣлился критиковать эту политику, да еще въ присутствіи молодого принца! восклицаетъ съ паѳосомъ «Kreuzzeitung».—Ту самую политику, которая съ давнихъ поръ ведется въ Пруссіи и въ которой, какъ заявляетъ отвѣтственный министръ, не предполагается вводить никакихъ измѣненій». Другія газеты упрекаютъ фонъ Роттенбурга въ безтактности, такъ какъ онъ въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ порицалъ школьную политику отвѣтственнаго лица состоящаго совѣтникомъ германскаго монарха въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ консервативная печать и всѣ «старопрусскія сердца», какъ замѣчаетъ франкфуртская газета, утѣшаютъ себя тѣмъ, что вѣдь кураторъ университета не занимаетъ никакой политической должности, связанной съ отвѣтственною дѣятельностью! Однако, хотя консервативная печать и требуетъ воздержанія отъ всякой критики дѣйствій отвѣтственныхъ министровъ и въ особенности беретъ подъ свою защиту министра просвѣщенія, тѣмъ не менѣе вопросъ о школьной реформѣ постоянно выдвигается либеральною печатью, требующею введенія болѣе раціональной системы воспитанія германскаго юношества для того, чтобы всѣ, силы заключающіяся въ народѣ, могли бы приносить посильную пользу странѣ. Между прочимъ, на предстоящемъ международномъ конгрессѣ школьной гигіены, который соберется на Пасху въ Нюрнбергѣ, учреждается отдѣльная секція для обсужденія вопроса объ устройствѣ при школахъ одѣльныхъ классовъ для слабыхъ и отсталыхъ дѣтей. Школьная статистика указываетъ, что въ сущности лишь небольшой процентъ дѣтей проходитъ безпрепятственно черезъ всѣ классы; обыкновенно очень многіе застреваютъ въ какомъ нибудь классѣ

и лишь съ большимъ трудомъ достигаютъ старшихъ классовъ. Германскія газеты особенно обращаютъ вниманіе на это прискорбное обстоятельство и вопросъ о выработкѣ болѣе раціональной системы преподаванія въ народныхъ школахъ поставленъ теперь на очередь, также какъ и вопросъ объ увеличеніи числа этихъ школъ, въ виду ихъ постояннаго переполненія.

Ученое супружество. Назначеніе преміи Нобеля супругамъ Кюри, которые уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ открыли радій и его изумительныя свойства, было въ то же время открытіемъ и для парижской публики, не подозрѣвавшей, какъ оказывается, что эти скромные супруги — французскіе ученые. По словамъ французской газеты «Temps», лишь тѣ, кто близко соприкасается съ лабораторнымъ міромъ, знали, кто такіе Кюри; большая же публика, прочтя ихъ фамиліи въ спискѣ ученыхъ, получившихъ премію, подумали, что это были англичане. «Еслибъ это были французскіе ученые, то мы бы, конечно, о нихъ знали», говорили разныя лица французскому журналисту, такъ что еслибъ шведская академія не выдала нобелевской преміи этимъ необычайно скромнымъ ученымъ, которые даже не имѣли хорошей лабораторіи и должны были работать урывками, потому что имъ приходилось учительствомъ зарабатывать средства къ жизни, то, пожалуй, парижане такъ и остались бы въ неизвѣстности, что супруги Кюри — французскіе ученые, и что Парижъ можетъ гордиться ими.

Теперь, разумѣется, благодаря нобелевской преміи, супруги Кюри сразу сдѣлались знаменитостью. Уже французское правительство внесло въ палату законопроектъ объ учрежденіи при факультетѣ естественныхъ наукъ спеціальной каѳедры по общей физики для г. Кюри. Въ скромную же квартиру супруговъ Кюри стали являться журналисты, чтобы познакомиться съ ними и интервьюировать ихъ. Сотрудникъ газеты «Temps», Гастонъ Рувье, также сдѣлалъ имъ визитъ. Онъ съ трудомъ дозвонился у дверей маленькаго домика на бульварѣ Келлерманнъ. Служанка, пріотворившая двери, отвѣтила, что г. Кюри въ лабораторіи, а г-жа Кюри на урокѣ. Она впустила посѣтителя въ комнату, главнымъ убранствомъ которой была лампа, стоявшая на каминѣ, да два очень старыхъ, но огромныхъ дивана. Въ сосѣдней комнатѣ служанка упрашивала маленькую дѣвочку, которую она называла «m-elle Irène», сѣсть са столъ: «Начинайте свой завтракъ,—говорила она.—Вѣдь когда ваша мамаша придетъ, то у нея не будетъ времени васъ дожидаться!»

«M-elle Irène должна была завтракать одна, для того, чтобы ея мать имѣла возможность получать преміи Нобеля!» замѣчаетъ французскій журналистъ. Больше онъ ничего не прибавляетъ, предоставляя читателю самому догадываться, что должно означать это замѣчаніе.

Пришелъ г. Кюри, и французскій журналистъ могъ удовлетворить своему любопытству, но онъ замѣчаетъ, что скромный ученый не имѣетъ привычки быть интервьюированнымъ и не умѣетъ разсказывать о себѣ, такъ что журналисту пришлось запастись терпѣніемъ и самому задавать ему вопросы, на которые Кюри отвѣчалъ большею частью односложно. Но журналистъ узналъ

въ концѣ концовъ, что г-жа Кюри полька, уроженка Варшавы. Фамилія ея Склодовская. Она пріѣхала въ Парижъ учиться и обратила на себя вниманіе своими способностями. Ея мужъ познакомился съ нею въ лабораторіи муниципальной школы физики и химіи, гдѣ онъ завѣдывалъ практическими работами. Молодая студентка постоянно помогала ему въ его работахъ, и вскорѣ онъ такъ привыкъ къ ея сотрудничеству, что уже не могъ безъ него обходиться. Это все, что могъ добиться журналистъ отъ интервьюированнаго ученаго, прихода же г-жи Кюри онъ такъ и не дождался.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Журнальный пролетаріатъ во Франціи.—Соціальныя внушенія и государственное вмѣшательство.—Характеръ корейскаго народа.—Русско-японскія отношенія.—Феминизмъ и германскій императоръ.—Бирманскія женщины.

«Во Франціи существуетъ цѣлая категорія людей, которые говорятъ обо всемъ, но никогда не говорятъ о себѣ, это—журналисты. Они то защищаютъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ капиталомъ, то вступаются за дѣтей, подвергающихся истязаніямъ, за вдовъ и сиротъ, обобранныхъ недобросовѣстными опекунами, за несправедливо осужденныхъ, отправляемыхъ на каторгу и т. п.; среди массы дѣлъ подобнаго рода имъ конечно не хватаетъ времени подумать о себѣ, а между тѣмъ ихъ профессіональное положеніе весьма плачевное.»

Такими словами начинаетъ свою статью о журнальномъ пролетаріатѣ во Франціи Поль Помье въ «La Revue». Онъ говоритъ о нелѣпой легендѣ, изображающей профессію журналиста въ привлекательномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего многіе юноши уже на школьной скамьѣ мечтаютъ о томъ, чтобы сдѣлаться журналистами. Помье старается разрушить эти иллюзіи. Было время, когда газета служила трибуной, но теперь, во Франціи, она представляетъ коммерческое предпріятіе. Современная французская пресса уже не заботится ни о качествѣ своихъ статей, ни о качествѣ своихъ читателей, а только о количествѣ. Такая перемѣна отразилась и на судьбѣ журналистовъ; они превратились въ интеллигентныхъ пролетаріевъ, такъ какъ спросъ въ журнальной профессіи тотчасъ же превысилъ предложеніе, какъ только на первый планъ была выдвинута репортерская часть и интервью, а литературныя статьи перестали цѣниться издателями. Въ послѣдніе годы, по словамъ автора, заработокъ журналиста сильно понизился и огромное большинство едва можетъ заработать столько, чтобы вести болѣе или менѣе приличное существованіе. Гонораръ огромнаго большинства пролетаріевъ печати не превышаетъ 150—200 франковъ въ мѣсяцъ. Авторъ устанавливаетъ бюджетъ такого пролетарія печати. Зарабатывая 5 фр. въ день, онъ долженъ истратить не менѣе 2 фр. 70 сант. на свое пропитаніе, завтракъ и обѣдъ, включая и пурбуары. Затѣмъ, не имѣя ни времени, ни денегъ, чтобы посѣщать театры, журналистъ обыкновенно послѣ обѣда отправляется въ кафе на бульваръ, такъ какъ видъ освѣщенной залы, наполненной посѣтителями, доставляетъ ему необходимое развлеченіе. На это онъ тратитъ еще франкъ, такъ что у него остается всего лишь 1 ф. 30 на всѣ остальные расходы,

квартиру, освѣщеніе и т. п. Притомъ же онъ долженъ быть всегда прилично одѣтъ и поэтому, чтобы хоть что нибудь съэкономить на одежду, онъ помѣщается въ мансардѣ, хуже чѣмъ какой нибудь рабочій. Вообще онъ вѣчно терпитъ нужду и, описывая всевозможныя прелести парижской жизни, роскошные праздники, развлеченія и т. п., онъ самъ влачитъ печальное существованіе впроголодь, съ вѣчною заботою о кускѣ хлѣба. Разумѣется, тѣ, которые получаютъ 200—250 фр. находятся въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, хотя, получая больше, журналистъ вынужденъ и больше работать и больше расходовать на свой обѣдъ, такъ какъ его обязанности не дозволяютъ ему обѣдать въ опредѣленный часъ и онъ не можетъ поэтому ходить въ дешевые рестораны, очень часто онъ можетъ идти обѣдать только тогда, когда эти рестораны бываютъ заперты. Такой неправильный образъ жизни конечно отзывается и на его бюджетѣ, и на его здоровьѣ. Но тѣ, которые состоятъ постоянными сотрудниками какой нибудь большой газеты, должны все таки почитать себя счастливыми въ сравненіи съ настоящими пролетаріями печати, пробивающимися работой въ разныхъ газетахъ, имѣющихъ крайне эѳемерное существованіе, и никогда не платящихъ аккуратно своимъ сотрудникамъ. Этимъ послѣднимъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось сполна получить свой гонораръ и обыкновенно они получали его по сантимамъ, да и то порою съ помощью судебнаго пристава.

Однако самую многочисленную фракцію пролетаріевъ печати составляютъ журналисты, не имѣющіе постоянныхъ занятій. Въ Парижѣ, по словамъ Помье существуетъ не болѣе шестисотъ постоянныхъ мѣстъ при различныхъ редакціяхъ на 2500—3000 журналистовъ, да и то мѣста эти плохо оплачиваются. Журналистъ, не имѣющій постоянныхъ занятій, находится въ самомъ безвыходномъ положеніи. Ему труднѣе чѣмъ какому бы то нибыло другому профессіональному рабочему найти себѣ заработокъ. Большинство изъ тѣхъ, которымъ надоѣло прозябать въ Парижѣ, отправляются въ провинцію и тамъ иногда имъ удается создать себѣ болѣе или менѣе прочное положеніе, т. е. не голодать.

Такими мрачными красками рисуетъ авторъ положеніе французскихъ журналистовъ. Онъ объясняетъ это печальное явленіе тѣмъ, что французская пресса страдаетъ отъ безденежья. Положеніе большинства органовъ печати весьма непрочное. Измѣнивъ свой прежній характеръ и отведя хроникѣ самое большое мѣсто, газеты увеличили свои расходы. Между тѣмъ увеличилась также и конкурренція, такъ какъ вслѣдствіе развитіи мѣстной провинціальной печати, парижскія газеты, мало по малу, начали терять своихъ провинціальныхъ абонентовъ.

Весьма подробно разобравъ всѣ темныя и свѣтлыя стороны журнальной профессіи во Франціи, авторъ приходитъ къ заключенію, что у французскихъ журналистовъ не достаетъ профессіональной солидарности. Только такая солидарность могла бы помочь имъ выбиться изъ своего подневольнаго положенія. Вѣдь ихъ «патроны»—издатели образовали уже могущественный синдикатъ печати—«Syndicat de la Presse», который можетъ оказывать давленіе на обще-

твенныя власти и бойкотировать журналистовъ, высказывающихъ духъ неповиновенія деспотизму патроновъ. Этому синдикату журналисты должны были бы противопоставить свой собственный «синдикатъ журналистовъ», который, соединившись съ синдикатомъ типографскихъ рабочихъ, могъ бы положить конецъ эксплуатаціи и нѣсколько упрочить положеніе журнальныхъ работниковъ.

Въ томъ же номерѣ «Revue» докторъ Реньо помѣщаетъ статью о вредномъ соціальномъ внушеніи и пользѣ общественнаго вмѣшательства для противодѣйствія ему. Во всякомъ человѣческомъ обществѣ, говоритъ онъ, внушеніе играетъ далеко не послѣднюю роль. Индивиды дѣйствуютъ другъ на друга, внушаютъ другъ другъ другу и могутъ имѣть общія мысли и работать сообща. Эта способность внушенія, столь необходимая для образованія и сохраненія общества, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ сдѣлаться вредной и тогда именно человѣческая община должна вступаться для защиты своихъ членовъ. Авторъ разсматриваетъ въ своей статьѣ нѣкоторые случаи соціальныхъ внушеній, являющихся настоящимъ бѣдствіемъ, угрожающимъ нашей цивилизаціи. Къ числу такихъ бѣдствій онъ причисляетъ, между прочимъ, страсть къ игрѣ, которая достигаетъ высшаго развитія подъ дѣйствіемъ вліянія среды и обстановки. Многіе, входя въ игорный залъ, начинаютъ играть часто изъ подражанія другимъ и постепенно поддаются внушенію, которое, заставляя добиваться во что бы то ни стало выигрыша, лишаетъ ихъ всякой воли и дѣлаетъ жертвою страсти, внезапно развившейся подъ вліяніемъ соотвѣтствующей обстановки. Это взаимное безсознательное внушеніе, которое оказываютъ другъ на друга игроки вокругъ игорнаго стола, подтверждается наблюденіями надъ ними. Стоитъ взглянуть на людей въ игорномъ залѣ, тамъ, гдѣ идетъ игра въ рулетку, или въ «trente et quarante», чтобы убѣдиться въ этомъ. Тутъ вредное взаимное вліяніе аггломераціи индивидовъ, обуреваемыхъ одною и тою же страстью, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, поэтому то въ законодательствахъ всѣхъ государствъ существуютъ законы, направленные противъ игорныхъ притоновъ, и д-ръ Реньо настаиваетъ на мѣропріятіяхъ противъ всякаго рода азартныхъ игръ, на скачкахъ и въ другихъ мѣстахъ и на закрытіи казино, гдѣ процвѣтаетъ рулетка. Тутъ общество обязано вмѣшаться, чтобы оградить своихъ членовъ отъ вреднаго соціальнаго внушенія.

Такимъ же вреднымъ свойствомъ оказывать внушеніе обладаетъ, по мнѣнію Реньо, и всякаго рода безнравствственная литература, которая теперь свободно распространяется вездѣ и т. д. Реньо думаетъ, что разумное вмѣшательство общества могло бы принести пользу, ограничивъ распространеніе этой вредной литературы и преслѣдуя уличный развратъ, который также можетъ дѣйствовать путемъ внушенія. Расмотрѣвъ далѣе другіе виды соціальнаго внушенія, къ которымъ онъ причисляетъ и алкоголизмъ, авторъ переходитъ къ роли періодической печати.

Эта роль очень велика. Книгъ читаютъ мало, еще меньше читаются журналы, но нѣтъ ни одного буржуа, ни одного рабочаго, ни даже крестьянина, который бы не читалъ аккуратно свою газету. Конечно, при такихъ условіяхъ,

печать должна обладать огромною силою внушенія. Она можетъ принести громадное зло распространеніямъ лжи, вредныхъ идей, неправильныхъ взглядовъ и даже простымъ печатаніемъ подробныхъ отчетовъ о разныхъ преступленіяхъ и т. д. Но, по мнѣнію автора, внушеніе тутъ ограничивается. При обиліи и разнообразіи мнѣній, внушеніе теряетъ свою силу и легко исчезаетъ при свободѣ обмѣна мысли. Поэтому роль общества въ этомъ случаѣ заключается въ невмѣшательствѣ.

Роль внушенія на выборахъ также не подлежитъ сомнѣнію. Реньо разсказываетъ слѣдующій случай: одинъ изъ его друзей побился объ закладъ, что онъ самымъ кореннымъ образомъ измѣнитъ взгляды бонапартистскихъ избирателей своего округа, не прибѣгая ни къ собраніямъ, ни къ увѣщаніямъ, а дѣйствуя только путемъ афишъ, причемъ на афишѣ будетъ всегда находиться только одна фраза, заключающая въ себѣ или совѣтъ, или утвержденіе. Въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ онъ приказалъ расклеивать на всѣхъ стѣнахъ афиши со слѣдующими изреченіями: «Да здравствуетъ республика!» «Вотируйте за республиканскаго кандидата!» «Республика обогащаетъ земледѣльца» и т. д. И за недѣлю передъ выборами онъ поставилъ свою кандидатуру и ограничился только тѣмъ, что напечаталъ на афишѣ свое имя, съ прибавленіемъ словъ: «Республиканскій кандидатъ». И этого оказалось вполнѣ достаточно—онъ выигралъ пари.

Всѣ эти факты и наблюденія заставляютъ доктора Реньо придти къ выводу, что теорія «laisser faire, laisser passer» не годится, и общество, не могущее существовать безъ здоровыхъ и сильныхъ индивидуальностей, должно оградить ихъ отъ вредныхъ внушеній, сохраняя въ то же время у нихъ способность подчиняться внушенію, такъ какъ безъ этого не можетъ образоваться соціальной души. Это — трудная задача, которую надо выполнить обществу, не переступая границъ и не нарушая свободы личности, потому что средство можетъ, пожалуй, оказаться даже хуже болѣзни.

Интересъ, возбужденный въ послѣднее время событіями на Дальнемъ Востокѣ, особенно сильно отразился на англійскихъ журналахъ. Почти въ каждомъ изъ нихъ можно найти статью, относящуюся къ восточно-азіатскому вопросу. Въ «Niniteenth Century» напр., напечатана статья о Кореѣ, авторъ которой говоритъ о ненависти корейцевъ къ японцамъ и заявляетъ, что японцы могутъ только насильственнымъ путемъ, т. е. путемъ завоеванія, связать Корею съ Японіей, такъ какъ никакой другой связи между обоими народами существовать не можетъ. По словамъ автора, корейцы самый глупый, но въ тоже время и самый счастливый народъ на свѣтѣ. Характеръ корейцевъ представляетъ загадку. Эта раса, повидимому, вполнѣ индифферентная ко всякимъ перемѣнамъ своей земной жизни. Они относятся къ жизни и смерти съ одинаковымъ равнодушіемъ и никогда не выказываютъ ни малѣйшаго признака возмущенія. Что жъ удивительнаго, что націи востока всегда обращались съ корейцами, какъ со скотомъ. Несмотря на то, что кореецъ ста-

тенъ и силенъ, онъ безпрекословно позволяетъ себя бить и связать маленькому японцу, который едва достаетъ до его уха. Ни любовь, ни ненависть не могутъ заставить корейца выйти изъ его пассивнаго состоянія. Единственное его удовольствіе въ жизни—это сидѣть съ трубкою въ зубахъ гдѣ нибудь на вершинѣ холма цѣлый день, не проронивъ ни слова.

Корейскій императоръ промѣнялъ свое подданство Китаю на болѣе сложное рабство, въ которомъ теперь находится у большинства европейскихъ представителей на Дальнемъ Востокѣ. Его окружаетъ толпа совѣтниковъ, назначаемыхъ почти каждою европейскою державою и происходящихъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Корейское правительство представляетъ деспотизмъ въ чистѣйшей формѣ. Хищничество и взяточничество распространены среди министровъ, не гнушающихся никакими подачками. Пытки и наказанія носятъ чрезвычайно варварскій характеръ. Литература и искусство никогда не существовали въ Кореѣ въ болѣе или менѣе развитой формѣ, и единственныя художественныя произведенія представляютъ бѣлыя фарфоровыя издѣлія, удивительно тонкой работы, которыя были находимы въ гробницахъ королей. Однимъ словомъ, корейскій народъ остается такимъ, какимъ онъ былъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и съ точно такимъ же равнодушіемъ относится къ жизни, къ благосостоянію и ко всѣмъ источникамъ богатства и рессурсамъ страны, которыми онъ не стремится пользоваться, даже имѣя на это полную возможность.

Русскояпонскія отношенія также служатъ предметомъ обсужденія въ статьяхъ англійскихъ журналовъ. Политическое обозрѣніе въ «Contemporary Review» исключительно занимается вопросомъ, будетъ ли война между Россіей и Японіей? Авторъ этого обозрѣнія Диллонъ не вѣритъ, однако, въ неизбѣжность вооруженнаго конфликта. Онъ называетъ теперешнее положеніе дѣлъ лишь «новымъ обостреніемъ хронической ссоры» и полагаетъ, что она будетъ улажена. Японія не такъ безумна, чтобы рисковать своимъ положеніемъ. Въ настоящее время это имперія въ миніатюрѣ, но лѣтъ черезъ пятьдесятъ Японія въ состояніи будетъ потягаться съ цѣлымъ міромъ. Трудное экономическое положеніе страны является въ данный моментъ главнымъ, если не единственнымъ, препятствіемъ къ войнѣ.

Въ «Strand Magazine» печатаются воспоминанія Елены Вакареску, бывшей статсъ-дамы румынской королевы. Воспоминанія эти касаются разныхъ коронованныхъ лицъ, съ которыми г-жѣ Вакареску приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, она передаетъ свой разговоръ съ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II, высказавшимъ слѣдующій взглядъ на феминизмъ:

«Для меня женщина-писательница — это смѣшное существо, — сказалъ онъ.—Умныя женщины, вообще, опасны; на нихъ надо надѣвать намордники раньше, чѣмъ онѣ начнутъ кусаться. Но скажите мнѣ, неужели вы думаете, что женщина должна быть непремѣнно умна, чтобы сдѣлаться писательницей? По моему наоборотъ, умная женщина всегда избѣгаетъ всего, что дѣлаетъ ее смѣшной, и очень заботится о своей наружности. А развѣ

женщина, которая пишетъ, можетъ оставаться хорошенькой? Положеніе пишущей женщины, всѣ ея тѣлодвиженія, когда она усердно занимается бумагомараніемъ, уничтожаютъ въ ней всякое эстетическое стремленіе. Развѣ можетъ женщина казаться хорошенькой, когда лобъ у нея наморщенъ, и она, съ серьезнымъ видомъ, свойственнымъ каждому, занятому какою-нибудь важною умственною работою, обдумываетъ какую-нибудь идею или сюжетъ своего произведенія? Однако, я готовъ уступить вамъ въ одномъ или двухъ пунктахъ, хотя и вижу, что вы не придаете особеннаго значенія моимъ взглядамъ на женскій вопросъ. Музыка и живопись могутъ сдѣлать счастливымъ существованіе женщины и даже принести пользу ея семьѣ, и, наконецъ, я готовъ даже допустить, что занятіе поэзій не лишаетъ женщину ея женственности. Женщины вообще не отличаются благоразуміемъ, также какъ и поэты, и, какъ поэты, онѣ также существуютъ только для того, чтобы украшать жизнь и придавать ей блескъ и веселье».

Припомнимъ читателямъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ своихъ безчисленныхъ рѣчей, Вильгельмъ II сказалъ, что жизнь и дѣятельность женщины должны исчерпываться «тремя К»—«Küche, Kinder, Kirche». То, что онъ говорилъ г-жѣ Вакареску, только подтверждаетъ высказанный имъ публично взглядъ на женскій вопросъ. Такой взглядъ вообще преобладаетъ въ высшихъ германскихъ сферахъ и въ бюргерскихъ кругахъ, и тамъ передовыя женщины не могутъ разсчитывать на сочувствіе.

«Review of Reviews» приводитъ выдержки изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ «Buddhism» и написанной одною бирманскою дамой. По ея словамъ, положенію бирманской женщины можетъ позавидовать любая европейская женщина. «Я много путешествовала по различнымъ странамъ Востока и Запада,—говоритъ бирманская писательница — и видѣла жизнь женщинъ въ другихъ странахъ, познакомилась я съ ихъ стремленіями, съ ихъ желаніями и огорченіями. И я пришла къ убѣжденію, что лучше быть бирманскою деревенскою дѣвушкой, нежели принадлежать къ одной изъ самыхъ гордыхъ націй Запада!» Далѣе бирманская леди изображаетъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ положеніе бирманской женщины и приписываетъ это исключительно вліянію буддизма: «Лишь очень мало найдется бирманскихъ женщинъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ, которыя бы не умѣли читать и писать. Впрочемъ, грамотность необходима женщинамъ, такъ какъ почти вся мелочная торговля въ странѣ находится въ ихъ рукахъ. Буддизмъ и только буддизмъ способствовалъ образованію характера женщины и сдѣлалъ ея жизнь счастливой, дѣятельной и придалъ ей умственный интересъ, такъ какъ научилъ ее вникать въ сложныя проблемы буддійской философіи и находить наслажденіе въ обдумываніи этихъ проблемъ. Женщина въ Бирмѣ свободна. Бракъ въ Бирмѣ не имѣетъ религіознаго характера, это—свѣтское учрежденіе. Мужъ и жена заключаютъ договоръ въ присутствіи старшинъ деревни, и договоръ этотъ всегда можетъ быть нарушенъ по желанію. Несходство характера, пьянство, куреніе оппіума и вообще какіе-нибудь предосудительные

поступки одного изъ супруговъ служатъ достаточною причиною для развода, который и произносится старшинами деревни. Впрочемъ, надо прибавить, что, несмотря на такую легкость развода, на господствующую въ Бирмѣ свободу мужчинъ и женщинъ, процентъ разведенныхъ супруговъ очень невеликъ, и семейная жизнь бирманцевъ большею частью могла бы служить примѣромъ для другихъ націй.»

Дѣйствительно, если вѣрить безпристрастію бирманской писательницы, то въ Бирмѣ живется недурно какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ. Впрочемъ, такіе же восторженные отзывы о Бирмѣ даетъ англійскій писатель Фильдингъ въ своей книгѣ «Душа народа» (есть на русскомъ языкѣ), гдѣ онъ также восхваляетъ бирманцевъ и рисуетъ положеніе бирманской женщины очень радужными красками.

ПРУССКІЕ ВЫБОРЫ.

(Письмо изъ Берлина).

Какъ извѣстно, компетенціи общегерманскаго законодательнаго института, рейхстага, подлежатъ далеко не всѣ важные вопросы гражданской и публичной жизни нѣмецкаго народа. Цѣлый рядъ законодательныхъ проблемъ до сихъ поръ изъятъ изъ его вѣдѣнія и подлежитъ регулированію парламентовъ отдѣльныхъ государствъ германскаго союза, такъ называемыхъ ландтаговъ. Вѣдѣнію послѣднихъ подлежатъ: народное образованіе, прямые налоги, фабричная инспекція, желѣзныя дороги, городское самоуправленіе и т. д. Все это вопросы кардинальной важности, и потому составъ того или другого ландтага имѣетъ для нѣмецкихъ государствъ далеко не послѣднее значеніе. Но если составъ гессенскаго или саксонскаго или какого либо другого ландтага имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для Гессена, Саксоніи и т. д., мало касаясь остальной Германіи, то того нельзя сказать о ландтагѣ прусскаго королевства. Изъ 475.087 квадратныхъ верстъ, которыя заняты въ Европѣ германскимъ союзомъ, 306.087 падаютъ на Пруссію, а изъ 52 милліоновъ жителей, населяющихъ германскую имперію, 32 находятся подъ защитой прусскаго орла. Пруссія занимаетъ, такимъ образомъ, около $^2/_3$ всей территоріи и имѣетъ много болѣе половины всего населенія Германіи. Уже по одному этому можно представить себѣ, какое значеніе имѣетъ для всей Германіи одно изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій Пруссіи. Для всей имперіи не можетъ быть безразлично, какъ живетъ и управляется большая половина ея гражданъ, ибо отъ этого зависитъ въ той или другой мѣрѣ существованіе другой ея половины. Значеніе Пруссіи и прусскаго ландтага, однако, еще усиливается, если припомнить, что Пруссія есть руководящее королевство всего германскаго союза, что прусскій король въ то же время и германскій императоръ, а имперскій канцлеръ—министръ-президентъ Пруссіи.

Отсюда понятно, какой интересъ представляетъ для всѣхъ интересующихся духовной политической и соціальной жизнью нѣмецкаго народа недавно состояв-

шіеся выборы въ прусскій ландтагъ. Этотъ интересъ еще усиливается благодаря тому, что въ первый разъ за все время существованія прусскаго ландтага въ выборахъ принимала участіе самая многочисленная изъ германскихъ политическихъ партій—соціалъ-демократическая. До сихъ поръ она воздерживалась отъ такого участія, считая его съ одной стороны для себя безплоднымъ, а съ другой—несовмѣстимымъ съ принципами демократической партіи. Демократія признаетъ лишь парламенты съ равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, въ то время, какъ прусское избирательное право основано на привиллегіяхъ имущихъ классовъ. Толстая мошна при прусскихъ выборахъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ образованіе и служебный постъ. Невѣжественный милліонеръ имѣетъ большее вліяніе, чѣмъ ученый профессоръ или даже имперскій канцлеръ. Вообще, изъ всѣхъ избирательныхъ правъ, которыя различны въ различныхъ государствахъ германскаго союза, прусское даже по мнѣнію покойнаго Бисмарка является самымъ жалкимъ и отвратительнымъ. Какъ я уже замѣтилъ, прусская конституція не знаетъ прямыхъ выборовъ, какъ общегерманская. Избиратели выбираютъ не депутатовъ, а выборщиковъ (Wahlmänner'овъ). Послѣдніе выбираютъ уже потомъ депутатовъ.

Помимо того, что прусское избирательное право не прямое, оно еще, кромѣ того, и *неравное*: въ зависимости отъ богатства, или вѣрнѣе, въ зависимости отъ количества *прямыхъ* налоговъ, взимаемыхъ съ даннаго лица, лицо это пользуется большимъ или меньшимъ избирательнымъ правомъ, его голосъ имѣетъ при выборѣ большій или меньшій вѣсъ и значеніе. Впрочемъ, прусская система настолько нелѣпа, что и послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Въ двухъ разныхъ избирательныхъ участкахъ два лица, уплачивающія одинъ и тотъ же налогъ, могутъ пользоваться, однако, различными избирательными правами. Чтобы вы могли понять эту нелѣпую систему, вамъ придется набраться немного терпѣнія и прослѣдить внимательно слѣдующее ниже описаніе ея. Въ общихъ чертахъ она представляется въ такомъ видѣ.

Активнымъ избирательнымъ правомъ пользуется каждый прусскій гражданинъ въ возрастѣ отъ 24 лѣтъ и болѣе, если онъ не получаетъ никакихъ пособій изъ общественныхъ суммъ и ничѣмъ не опороченъ. Пассивнымъ же пользуется онъ по достиженніи 30-лѣтняго возраста. Выборы происходятъ, какъ я уже отмѣтилъ, не прямымъ голосованіемъ, а посредствомъ выборщиковъ (Wahlmänner). Послѣдніе избираются избирателями (Urwähler) по одному на каждые 250 человѣкъ населенія. Для избранія выборщиковъ избирательный округъ дѣлится на участки такимъ образомъ, чтобы число избираемыхъ въ немъ выборщиковъ могло дѣлиться на 3. Это необходимо въ виду того, что избиратели даннаго участка выбираютъ выборщиковъ не вмѣстѣ, а по «классамъ»; каждый «классъ» особо по одному выборщику. Раздѣленіе на «классы» производится по слѣдующему принципу. Берутъ сумму *прямыхъ* налоговъ, уплачиваемыхъ всѣми избирателями даннаго участка, и дѣлятъ на 3. Тогда самые крупные налогоплательщики, уплачивающіе вмѣстѣ первую треть налоговъ, попадаютъ въ первый классъ, средніе—во второй, а самые мелкіе въ третій. Такъ, напр., предположимъ, что въ участкѣ находятся 111 изби-

рателей, уплачивающихъ вмѣстѣ 3.000 марокъ годовыхъ налоговъ. Предположимъ, что 1 изъ нашихъ избирателей единолично уплачиваетъ 1.000 марокъ, 10 платятъ по 100 и 100 избирателей по 10 марокъ. Такъ какъ 3.000, раздѣленныя на три, дадутъ 1.000, то, значитъ, каждый классъ долженъ уплачивать по 1.000 марокъ. Но одинъ изъ нашихъ 111 избирателей самъ уплачиваетъ сполна эту сумму, слѣдовательно, онъ одинъ и будетъ избирателемъ въ первомъ «классѣ». Слѣдующіе затѣмъ десять плательщиковъ, уплачивающихъ каждый по 100, а вмѣстѣ 1.000 марокъ, составятъ второй классъ, а остальные 100 человѣкъ избирателей третій. Такъ какъ каждый изъ этихъ трехъ классовъ выбираетъ по одному выборщику, то получается, что 1=10=100, т.-е. что одинъ голосъ крупнаго налогоплательщика равняется 10 среднимъ и 100 мелкимъ. Но это еще не все. Съ извѣстной точки зрѣнія еще допустимо, что человѣкъ, обладающій большимъ состояніемъ, можетъ считаться въ то же время и болѣе зрѣлымъ политически, чѣмъ бѣднякъ, а потому ему или его голосу приличествуетъ дать большій вѣсъ и значеніе при выборахъ. Но прусское право настолько нелѣпо, что даже и эта точка зрѣнія не примѣнима къ нему. Чтобы понять это, перенесемся въ какой-нибудь сосѣдній съ нашимъ участокъ, гдѣ избиратели побогаче и вмѣстѣ уплачиваютъ въ годъ налоговъ не 3.000, а 30.000 марокъ. Предположимъ дальше, что избирателей столько же, сколько въ первомъ участкѣ и что одинъ изъ нихъ выплачиваетъ 10.000, десять по 1.000 и сто по 100 марокъ въ годъ прямыхъ налоговъ. Тогда получится, что въ то время, какъ въ первомъ участкѣ господинъ Шульце, уплативъ 1.000 марокъ, считается настолько политически зрѣлымъ, что удостоенъ единолично господствовать надъ всѣмъ первымъ «классомъ», во второмъ онъ попадаетъ въ среднюю группу и его голосъ ослабляется въ десять разъ. То же самое можетъ произойти съ господиномъ Мейеромъ, живущимъ сегодня въ первомъ участкѣ и голосующимъ во второй группѣ, если онъ завтра переѣдетъ во второй участокъ, гдѣ онъ попадаетъ въ третій «классъ». Такимъ образомъ одинъ и тотъ же налогъ даетъ различныя права, и въ зависимости отъ случая я попадаю то въ первый, то во второй, то въ третій классъ.

Но и это еще не все. Прусское избирательное право имѣетъ еще цѣлый рядъ другихъ прелестей, которыя для малосостоятельныхъ лицъ дѣлаетъ участіе въ выборахъ почти невозможнымъ. Такъ, оно содержитъ предписаніе, что голосованіе должно быть открытымъ и обставлено такими формальностями, что нерѣдко избиратель принужденъ терять день, а иногда и два, если онъ желаетъ принимать участіе въ выборахъ.

Понятно, что всѣ эти избирательные крючки и заковычки не остаются безъ вліянія на составъ прусскаго парламента, что собственно и имѣлось въ виду составителями прусской конституціи. Для того, чтобы ясно представить себѣ, какое громадное вліяніе имѣетъ на составъ ландтага очерченная выше система, достаточно сопоставить результаты выборовъ въ ландтагъ съ результатами выборовъ въ рейхстагъ, которые совершаются посредствомъ прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

*

При послѣднихъ выборахъ въ лантагъ въ 1898 г. изъ 433 депутатовъ было:

Нѣмецкихъ консерваторовъ (Deutschkonservativ).	145	или	35,5	проц.
Вольныхъ консерваторовъ (Freikonservativ) . .	59	»	13,6	»
Націоналъ-либераловъ	71	»	15,4	»
Свободомыслящихъ обѣихъ фракцій	35	»	8,1	»
Поляковъ	13	»	3,0	»
Членовъ центра	100	»	23,1	»
«Дикихъ»	10	»	2,3	»

Въ томъ же 1898 году состоялись выборы въ рейхстагъ—и изъ 236 депутатовъ, падающихъ на Пруссію было:

Нѣмецкихъ консерваторовъ.	47	или	19,9	проц.
Вольныхъ консерваторовъ	18	»	7,6	»
Націоналъ-либераловъ	24	»	10,2	»
Свободомыслящихъ обѣихъ фракцій	31	»	13,1	»
Членовъ центра	60	»	25,4	»
Поляковъ	14	»	5,9	»
Соціалъ-демократовъ.	22	»	9,3	»
Остальныхъ.	20	»	8,5	»

Въ первомъ случаѣ народная воля стоитъ за консерваторовъ, имѣющихъ въ ландтагѣ почти абсолютное большинство; въ другомъ та же воля, но выраженная болѣе естественнымъ обрѳзомъ, даетъ совершенно другіе результаты.

Пока рабочая партія въ Германіи была слаба и обладала небольшимъ количествомъ сторонниковъ, участіе ея въ каррикатурныхъ прусскихъ выборахъ было бы совершенно безплоднымъ. Рекрутируясь, главнымъ образомъ, изъ лицъ, попадающихъ при выборахъ въ третій классъ, партія не могла надѣяться провести въ ландтагъ одного изъ своихъ кандидатовъ. Поэтому всѣ въ партіи согласны, что противъ прусской избирательной системы нужно тѣмъ или инымъ способомъ протестовать, но отъ участія въ избирательной кампаніи слѣдуетъ совершенно отказаться. Придти къ такому заключенію было тѣмъ легче, что нѣкоторымъ противовѣсомъ феодально-капиталистическому прусскому ландтагу могъ служить демократическій рейхстагъ, въ который доступъ не былъ особенно затрудненъ. Но партія росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла потребность въ расширеніи круга ея вліянія. Постепенно стала пробиваться мысль, что необходимо оставить старую тактику воздержанія и попытаться завоевать хоть нѣсколько мѣстъ въ ландтагѣ. Въ 1893 году, когда партія насчитывала при выборахъ 1.787.000 голосовъ и 44 мѣста въ рейхстагѣ были заняты ея избранниками, извѣстный теперь писатель и депутатъ рейхстага, Эдуардъ Бернштейнъ, поставилъ этотъ вопросъ передъ партіей ребромъ. Состоявшійся въ томъ же году партійный съѣздъ не проявилъ, однако, большого сочувствія къ мысли завоевать ландтагъ и почти безъ дебатовъ единогласно принялъ резолюцію, которою рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ прусскихъ выборахъ. Взамѣнъ этого съѣздъ рекомендовалъ предпри-

нять энергичную агитацію въ пользу отмѣны несправедливой выборной системы и замѣны ея прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ.

Резолюція, однако, такъ и осталась резолюціей, и въ слѣдующіе годы объ «энергичной агитаціи» не было ни слуху, ни духу. Такъ дѣло тянулось бы вѣроятно, еще очень долго, если бы обсужденіе въ 1897 году въ прусскомъ ландтагѣ одного проекта, который грозилъ уничтоженіемъ свободы союзовъ и собраній, не показало партіи, какое большое значеніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть для нея и для всей Германіи прусская палата депутатовъ. Когда помянутый проектъ не прошелъ лишь благодаря ничтожному большинству въ 3 или 4 голоса, тогда для многихъ стало ясно, что̀ можетъ сдѣлать ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемая буржуазно-феодальная клика засѣдающая въ ландтагѣ. Началась быстрая и радикальная переоцѣнка цѣнностей. Тѣ самыя лица, которыя еще въ 1893 году энергично возставали противъ участія въ прусскомъ ландтагѣ, теперь, четыре года спустя, такъ же яро выступили за участіе. Послѣ жаркихъ схватокъ очередной партійный съѣздъ большинствомъ 145 голосовъ противъ 64 рѣшилъ старое постановленіе отмѣнить и рекомендовать всѣмъ товарищамъ по возможности принять участіе въ въ предстоящихъ выборахъ въ прусскую законодательную палату. Такъ какъ новое постановленіе не было обязательнымъ, то произошедшіе въ слѣдующемъ, 1898 году выборы прошли въ общемъ безъ участія рабочей партіи, въ которой большинство оказалось все-таки противъ участія. Потребовались еще съѣздъ и еще одно постановленіе, обязавшее всѣхъ членовъ партіи отправиться къ избирательной урнѣ, чтобы ихъ участіе сдѣлалось замѣтнымъ и важнымъ факторомъ, съ которымъ остальнымъ партіямъ приходится считаться.

Хотя толчкомъ къ рѣшенію принять участіе въ выборахъ послужило сознаніе грозящей отъ господства въ ландтагѣ реакціонной клики, однако, вскорѣ сознаніе это притупилось. Если бы партія имѣла въ виду только эту опасность и всѣми силами стремилась сломить реакціонное большинство прусской палаты, она тогда должна была бы не считаться съ поведеніемъ либераловъ и ихъ тактикой по отношенію къ ней и всюду заботиться лишь о томъ, чтобы выбить изъ ландтага консерваторовъ и центръ. Кѣмъ будутъ замѣнены ихъ мѣста—это должно было стоять на второмъ планѣ. Если можно соціалъ-демократомъ, если нѣтъ то членомъ либеральной партіи. Интересы страны должны были стоять выше интересовъ партіи, а для страны безусловно лучше, если десятокъ другой консерваторовъ уступили бы мѣсто членамъ лѣвыхъ партій: эти все таки прогрессивнѣе. Но, какъ я уже сказалъ, сознаніе опасности притупилось и ея мѣсто заняло стремленіе занять нѣсколько мѣстъ въ прусской палатѣ депутатовъ.

Вслѣдствіе этого было принято рѣшеніе, по которому члены партіи лишь тогда обязывались содѣйствовать выбору того или другого изъ кандидатовъ либеральныхъ партій, если послѣднія, въ свою очередь, обязуются голосовать за нѣкоторыхъ, имѣющихъ шансы быть выбранными, соціалъ-демократовъ. Въ томъ же случаѣ, если либеральныя партіи откажутся войти въ какое-либо соглашеніе съ соціалъ-демократами, послѣдніе должны воздерживаться отъ всякаго содѣйствія либераламъ, хотя бы это грозило усиленіемъ реакціоннаго большин-

ства ландтага. Такимъ образомъ, партійное самолюбіе и интересы партіи были поставлены на первомъ планѣ, а ужъ на второмъ интересы страны.

Несмотря на энергичную агитацію нѣсколькихъ видныхъ либеральныхъ дѣятелей въ пользу соглашенія съ соціалъ-демократіей, большинство избирателей либераловъ было противъ него. Въ виду этого соціалъ-демократы, вѣрные принятому рѣшенію, отказались отъ всякой поддержки либеральныхъ кандидатовъ, и выбранный снова ландтагъ оказался почти неизмѣнившимся.

По офиціальнымъ даннымъ было выбрано:

Нѣмецкихъ консерваторовъ	148	202
Вольныхъ консерваторовъ.	54	
Націоналъ-либераловъ.	79	
Свободомыслящихъ рихтеровскаго толка (Freisinnige Volkspartei).	23	31
Свободомыслящихъ бартовскаго направленія (Freisinnige Vereinnigung).	8	
Поляковъ.	13	
Членовъ центра.	27	
Датчанъ.	2	
Членовъ Союза сельскихъ хозяевъ (Bund der Ladwirte) .	2	
Партіи реформъ.	2	
Безпартійныхъ.	5	

Все остается такимъ образомъ по старому и прусская реакція вновь на 5 лѣтъ утвердила свое господство. Хорошо ли поступили соціалъ-демократы, придерживаясь своей описанной выше тактики? Не лучше ли, не благоразумнѣе ли было не считаться съ заносчивостью либераловъ и все-таки содѣйствовать ихъ выбору въ интересахъ ослабленія реакціонной партіи? Не пострадаютъ ли, благодаря такой тактикѣ, самыя насущные интересы трудящихся массъ?

На эти вопросы пока трудно отвѣтить. Возможно, что реакціонная клика заставитъ соціалъ-демократовъ пожалѣть о принятой ими тактикѣ; но, во всякомъ случаѣ, вина въ господствѣ прусской реакціи падаетъ не только на ихъ счетъ, а и даже, главнымъ образомъ, на счетъ узкосердечнаго и неумнаго поведенія либеральныхъ массъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ вожаковъ, въ особенности Евгенія Рихтера. Отказываясь отъ всякаго соглашенія съ соціалъ-демократами, они тѣмъ самымъ признали, что имъ милѣе дюжина реакціонеровъ, губящихъ Пруссію, чѣмъ одинъ представитель рабочей партіи.

Теперь передъ послѣдней опять всталъ вопросъ: стòитъ ли принимать еще разъ участіе въ такихъ каррикатурныхъ выборахъ, или же какимъ-нибудь другимъ путемъ постараться добиться лучшихъ нормъ избирательнаго права? Каутскій и главный органъ партіи высказались за дальнѣйшую выборную агитацію, кое-кто изъ второстепенныхъ членовъ партіи противъ. Нужно думать, что верхъ возьмутъ сторонники участія, и при слѣдующихъ выборахъ мы опять увидимъ соціалъ-демократовъ за агитаціонной работой. Увѣнчается ли она большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ этотъ разъ,—покажетъ будущее

S.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Леченіе растеній.

(Объ одномъ русскомъ открытіи).

Всѣмъ извѣстно, что растенія, какъ и животныя, подвержены разнымъ заболѣваніямъ, нерѣдко угрожающимъ ихъ существованію. Причины этихъ заболѣваній могутъ быть также, какъ и у животныхъ, сведены къ двумъ основнымъ категоріямъ: — болѣзни причиняются или неблагопріятными внѣшними вліяніями (холодомъ, отсутствіемъ влаги и т. п.), или паразитами изъ растительнаго или животнаго царства. Для животныхъ и человѣка особенно опасны самые незначительные по размѣрамъ паразиты—болѣзнетворные микроорганизмы: они забираются въ организмъ невидимкой, размножаются въ безчисленномъ множествѣ, разрушаютъ различные органы и, если съ ними не справятся спеціально предназначенныя для борьбы съ ними клѣтки—«фагоциты», то организмъ ничего уже съ ними не можетъ подѣлать и погибаетъ, даже не отдавая себѣ отчета въ томъ, кто его губитъ. Съ паразитами крупными, видимыми глазами, животныя въ большинствѣ случаевъ успѣшно справляются, и такіе паразиты въ относительно рѣдкихъ случаяхъ бываютъ опасны для жизни.

Не то мы находимъ у растеній: болѣзнетворные микроорганизмы играютъ у нихъ второстепенную роль, и если наблюдается иногда загниваніе той или другой части растенія, то обыкновенно такое болѣзненное явленіе можетъ быть скорѣе сведено къ вліянію какого либо неблагопріятнаго внѣшняго обстоятельства, которое заставляетъ отмирать данную часть растенія, послѣ чего уже въ ней и разводятся гнилостные микроорганизмы. Бактеріальныя заболѣванія растеній въ той формѣ, какъ у животныхъ, если и наблюдаются, то развѣ въ какихъ либо исключительныхъ случаяхъ. Трудно сказать—почему, быть можетъ, причина тому бо́льшая изолированность клѣтокъ растеній: каждая клѣтка у нихъ представляетъ изъ себя мѣшочекъ, плотно замкнутый со всѣхъ сторонъ стѣнками изъ клѣтчатки, чрезъ которыя не проникнуть микроорганизмамъ; послѣдніе могутъ найти для себя пристанище развѣ лишь въ межклѣточныхъ промежуткахъ, гдѣ для нихъ недостаточно пищи.

Какъ бы то ни было, но гораздо болѣе фатальное значеніе имѣютъ для растеній крупные паразитическіе организмы—многоклѣточные грибки и плѣсени, мелкія насѣкомыя и паукообразныя, круглые черви и т. п. Не обладая актив-

ными органами защиты, растеніе не въ силахъ бороться съ нападающими на него паразитами, волей-неволей оно принуждено терпѣть ихъ присутствіе и оказывать гостепріимство непрошеннымъ гостямъ, нерѣдко губящимъ окончательно пріютившаго ихъ хозяина. Правда, нѣкоторыя растенія умудряются (если можно такъ сказать про растенія) защититься отъ незваныхъ гостей—они вырабатываютъ ядовитые соки, вредные для послѣднихъ, но такой способъ защиты все же не можетъ быть универсальнымъ: то, что вредно для одного паразита, не производитъ часто никакого впечатлѣнія на другого.

Насколько великъ вредъ, причиняемый паразитами растеніямъ, а черезъ нихъ и человѣку, видно хотя бы изъ того, какіе громадныя опустошенія среди виноградниковъ производитъ филлоксера. Этотъ едва замѣтный врагъ виноградной лозы появился во Франціи въ 1860 году и въ какіе нибудь 30 лѣтъ уничтожилъ болѣе чѣмъ милліонъ гектаровъ виноградниковъ, причинивъ убытковъ болѣе чѣмъ на 8 милліардовъ франковъ и разоривъ въ конецъ населеніе цѣлыхъ обширныхъ областей. У насъ на югѣ Россіи филлоксера появилась всего лишь лѣтъ 20 тому назадъ и съ тѣхъ поръ также успѣла произвести страшныя опустошенія въ Крыму, въ Бессарабіи и на Кавказѣ, причинивъ винодѣламъ и населенію многомилліонные убытки.

Правда, филлоксера считается однимъ изъ наиболѣе ужасныхъ опустошителей, другіе паразиты не такъ страшны, но за то они берутъ численностью,—ихъ безконечное множество. Нѣтъ растенія, въ особенности среди воздѣлываемыхъ человѣкомъ, которое не подвергалось бы нападенію какого либо паразита—въ большинствѣ случаевъ ихъ не одинъ, а нѣсколько, иногда даже много.

Между насѣкомыми всѣ отряды содержатъ такихъ вредителей, нападающихъ съ особымъ рвеніемъ на наши хлѣбныя и огородныя растенія, на наши плодовые сады и лѣса. Вполнѣ естественно, что культурныя растенія подвергаются болѣе ожесточенному нападенію паразитовъ, чѣмъ растенія, находящіяся въ естественныхъ условіяхъ: разводя въ большомъ количествѣ на ограниченномъ пространствѣ одно какое нибудь растеніе, человѣкъ тѣмъ самымъ создаетъ и особенно благопріятныя условія для развитія и размноженія живущихъ на немъ паразитовъ—они получаютъ гораздо большую возможность переходить съ одного растенія на другое, легче находятъ себѣ пріютъ и пищу, а потому и могутъ сильнѣе увеличиваться въ численности. Нерѣдко человѣкъ помогаетъ еще развитію паразитовъ, уничтожая ихъ естественныхъ враговъ, напр. насѣкомоядныхъ птицъ, или создавая безсознательно различными другими способами благопріятныя условія для ихъ существованія.

Съ того времени, какъ хозяйство вышло изъ первобытнаго состоянія, человѣкъ позналъ на горькомъ опытѣ, какихъ страшныхъ враговъ онъ имѣетъ въ лицѣ этихъ мелкихъ вредителей изъ животнаго и растительнаго царства, и направилъ свои силы, свой умъ и знанія на борьбу съ ними. Борьба съ паразитами растеній и до сихъ поръ ведется ожесточенная, и если, съ одной стороны, миріады вредителей уничтожаютъ все же часто посѣвъ на корню, оголяютъ лѣса, истребляютъ огородныя овощи и уже наливающіеся плоды, то

съ другой—милліоны рублей затрачиваются на уничтоженіе всѣми способами такихъ враговъ, какъ саранча, жукъ-кузька, шелкопрядъ-монашенка, филлоксера и грибокъ-мильдіу; сотни ученыхъ и практиковъ занимаются изысканіями лучшихъ средствъ борьбы, устраиваются опытныя станціи, предпринимаются дорогіе опыты.

Разумѣется, самое важное при борьбѣ съ паразитами—это хорошо знать ихъ самихъ, познакомиться во всѣхъ деталяхъ съ ихъ образомъ жизни и привычками, чтобы такимъ путемъ подмѣтить ихъ слабыя стороны. Въ этомъ отношеніи ужъ много сдѣлано и еще болѣе—дѣлается. Жизнь многихъ паразитовъ мы знаемъ теперь съ большою точностью и во всѣхъ подробностяхъ, литература по вреднымъ насѣкомымъ громадна, и если бы собрать, напримѣръ, въ одно мѣсто все, что написано, положимъ, о филлоксерѣ, то получилась бы обширнѣйшая библіотека.

Однако, знаніе жизни паразита далеко не всегда даетъ въ руки пригодный способъ борьбы съ нимъ, и, напр., съ той же самой филлоксерой, которую мы такъ хорошо знаемъ, мы до сихъ поръ не можемъ справиться. Приходится примѣнять методы борьбы грубые, можно сказать варварскіе—истреблять зараженные виноградники, вырубать лѣса, выжигать поля. Иногда человѣкъ бываетъ даже вынужденъ совсѣмъ бросить культуру даннаго сорта растенія и замѣнить его другимъ,—такъ это произошло, напр., съ виноградомъ: наиболѣе раціональнымъ способомъ борьбы оказалась замѣна европейской виноградной лозы американскою, которая хотя и даетъ виноградъ нѣсколько низшаго достоинства, но зато совсѣмъ не страдаетъ отъ филлоксеры. Такая борьба граничитъ, однако, съ безсиліемъ—человѣку приходится разрушать плоды своихъ собственныхъ трудовъ, длившихся въ теченіе многихъ вѣковъ, когда выводились драгоцѣнныя породы винограда; къ тому же и эти способы борьбы не всегда примѣнимы: американская лоза, напр., погибаетъ на известковой почвѣ.

Вполнѣ естественно, что при такомъ положеніи вещей нерѣдко приходила людямъ въ голову мысль: нельзя ли *лечить* растеніе отъ паразитовъ такъ, какъ мы лечимъ животныхъ? Леченіе животныхъ, ветеринарія, сдѣлало за истекшій вѣкъ такіе же успѣхи, какъ и медицина, въ то время какъ *фитотерапіи*, какъ можно назвать науку о леченіи растеній, до послѣдняго времени совершенно не существовало. Нельзя сказать, чтобы не дѣлалось попытокъ лечить растенія,—однако, всѣ онѣ, коль скоро дѣло касалось *внутренняго* леченія, были безуспѣшны, и лишь наружные способы леченія, въ родѣ опрыскиванія растенія какими-либо вредными для паразитовъ растворами, приносили нѣкоторую пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось бороться съ паразитами легко доступными, напр., сидящими на листьяхъ. Самые страшные враги, однако, сидятъ въ трудно доступныхъ мѣстахъ: филлоксера на корняхъ лозы, короѣды—подъ корой и въ древесинѣ и т. п. Какъ добраться до нихъ съ лекарствами? До сихъ поръ это не удавалось, такъ какъ не было достаточно удобнаго и надежнаго способа введенія лекарствъ въ растеніе.

Дѣйствительно, животнымъ можно ввести въ организмъ лекарство тремя способами: чрезъ кожу—путемъ втиранія, чрезъ кишечникъ и путемъ подкожнаго впрыскиванія. У растеній первый способъ не примѣнимъ, такъ какъ кожа ихъ не проускаетъ лекарственныхъ веществъ и послѣднія не проникають чрезъ нее; не помогаетъ и впрыскиваніе. Попытки вводить лекарственныя вещества съ пищею, т.-е. въ растворенномъ состояніи черезъ корни, дѣлались неоднократно, но первое время не удавались, и предполагалось, что корень принимаетъ изъ почвы лишь то, чего естественно требуетъ растеніе, а вреднаго или даже безразличнаго не принимаетъ вовсе. Позднѣе Пфефферъ доказалъ опытами, что это не такъ и что если взять растворъ достаточно разжиженный, то онъ будетъ хотя и въ очень маломъ количествѣ всасываться въ растеніе. Это наблюденіе не измѣнило, однако, положенія вещей,—лечить растеніе такимъ способомъ отъ паразитовъ все же на практикѣ очень трудно и даже невозможно: чтобы ввести въ растеніе какое-либо вещество, необходимо пропитать землю на нѣсколько аршинъ кругомъ растворомъ этого вещества и поддерживать этотъ разжиженный растворъ вокругъ корней, что, разумѣется, практически трудно осуществимо.

Попытки лечить растенія отъ паразитовъ введеніемъ чрезъ корни ихъ ядовитыхъ веществъ дѣлались неоднократно. Итальянскій ученый Пики насыщалъ почву слабымъ растворомъ мѣднаго купороса; другой итальянскій ученый, Пирозино, вводилъ въ растеніе сухой ціанистый кали, наконецъ, проф. Берлезе пытался ввести разныя вещества чрезъ надрѣзы въ корѣ и чрезъ отрѣзанныя вѣтви, а позднѣе обнажалъ въ почвѣ корень растенія, перерѣзывалъ его и надѣвалъ на корень гуттаперчевую трубку, соединенную съ изогнутой стеклянной трубкой, которая выходила на поверхность почвы. Въ трубку наливалась жидкость, которая послѣ того всасывалась корнемъ и распространялась по растенію,—однако, и этотъ способъ, какъ и оба предыдущіе, не привелъ къ удовлетворительнымъ результатамъ—по всей вѣроятности, жидкость слишкомъ мало распространялась по растенію.

И вотъ, за самое послѣднее время одинъ изъ русскихъ ученыхъ сдѣлалъ замѣчательное открытіе—открытіе, все значеніе котораго даже едва ли еще можетъ быть въ настоящее время правильно оцѣнено—онъ открылъ очень легкій способъ вводить въ растеніе какое угодно вещество, пользуясь естественнымъ движеніемъ соковъ въ растеніи. Какъ это ни странно, но открытіе это было сдѣлано не ботаникомъ, какъ бы этого можно было ожидать, а зоологомъ *И. Я. Шевыревымъ*, спеціалистомъ по вреднымъ лѣснымъ насѣкомымъ.

Изучая короѣдовъ, сильно вредящихъ лѣсу, И. Я. Шевыревъ сталъ изыскивать средство, при помощи котораго можно было бы добраться до опасныхъ вредителей, прячущихся подъ корою и въ древесинѣ стволовъ и совершенно недоступныхъ никакимъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Наиболѣе простымъ, казалось бы, способомъ должно было бы быть введеніе въ стволъ дерева растворовъ различныхъ вредныхъ веществъ путемъ надрѣзовъ или чрезъ высверленныя отверстія. Извѣстно, что если поставить свѣже-срѣзанную вѣтвь въ воду или въ какой бы то ни было растворъ, то растворъ этотъ будетъ подниматься

по вѣтви, вслѣдствіе возникающаго въ ней восходящаго тока, обусловливаемаго испареніемъ жидкости въ листьяхъ. Можно было бы предполагать, что то же самое произойдетъ и въ цѣломъ деревѣ, если, напр., просверлить въ стволѣ его отверстіе и налить въ него какой-либо жидкости.

Оказалось, однако, что такіе опыты давно уже производились Гартигомъ, но безъ особаго успѣха. Гартигъ просверливалъ стволъ дерева двумя каналами крестообразно и затѣмъ вводилъ въ эти каналы какую либо красящую жидкость. Она, дѣйствительно, всасывалась сосудами дерева, но въ очень ограниченномъ количествѣ. На разрѣзахъ, проведенныхъ черезъ стволъ, ясно вырисовывалась выше каналовъ фигура креста, соотвѣтствующаго каналамъ,—это указывало на то, что красящая жидкость на всемъ протяженіи ствола шла только по тѣмъ перерѣзаннымъ при сверленіи сосудамъ, въ которые вошла первоначально, а въ сосѣдніе, прилежащіе къ нимъ сосуды не вошла вовсе; отсюда былъ сдѣланъ выводъ: поперечнаго сообщенія между сосудами древесины нѣтъ. На разрѣзахъ ствола, сдѣланныхъ ниже каналовъ, окрашенной фигуры нигдѣ не оказалось и отсюда вытекалъ второй выводъ, что сила, поднимающая жидкость по сосудамъ древесины, обусловливается испареніемъ влаги листьевъ, а потому введенная жидкость не можетъ идти въ корни, такъ какъ въ нихъ не дѣйствуетъ эта сила.

Еще ранѣе французскій ученый Бушери также пытался пропитывать древесину дерева различными растворами, предупреждающими гніеніе, «par aspiration vitale». Онъ дѣлалъ неглубокую вырѣзку въ корѣ и отчасти въ древесинѣ дерева кольцомъ по всей окружности ствола, обвязывалъ ее непромокаемымъ полотномъ и въ образовавшуюся между полотномъ и вырѣзкой полость проводилъ жидкость при помощи трубки, идущей изъ бочки, — наблюдалось, дѣйствительно, при извѣстныхъ условіяхъ, во время сильнаго поднятія соковъ въ стволѣ, всасываніе жидкости. Однако, жидкость распространялась лишь надъ вырѣзкой, мѣстами не пропитывала древесины вовсе, къ тому же пользоваться этимъ способомъ можно было лишь весной или осенью, въ зависимости отъ породы дерева, когда движеніе соковъ было особенно интенсивно. Вообще, способъ Бушери не давалъ вполнѣ надежныхъ результатовъ.

И. Я. Шевыревъ первоначально пытался пропитать дерево различными жидкостями также чрезъ надрѣзы и получилъ такіе же отрицательные результаты. Тогда ему пришла мысль, можно сказать, геніальная по своей простотѣ и никому ранѣе въ голову не приходившая: именно, онъ подумалъ, не виноватъ ли въ неуспѣхѣ всасыванія жидкости растеніемъ *воздухъ*, который входитъ въ перерѣзанные сосуды дерева ранѣе жидкости, образуетъ тамъ пробки и препятствуетъ движенію жидкости.

Дѣйствительно, токъ соковъ въ стволѣ обусловливается испареніемъ воды въ листьяхъ; благодаря испаренію, въ сосудахъ развивается отрицательное давленіе, и какъ только перерѣзать такой сосудъ на воздухѣ, онъ сейчасъ же наполняется воздухомъ. Представьте себѣ, что вы всасываете ртомъ воду изъ стакана чрезъ каучуковую трубочку,—образуется восходящій токъ жидкости. Перерѣжьте теперь трубочку ножницами,—тотчасъ же въ нее войдетъ воз-

духъ, и если вы даже моментально опустите оставшуюся часть трубочки въ воду, все же внутри ея образуется большій или меньшій по размѣрамъ воздушный пузырь. При достаточно сильной тягѣ ртомъ, этотъ пузырь не помѣшаетъ жидкости подниматься, но при слабой тягѣ и очень тонкой трубочкѣ (какою является сосудъ дерева) воздушный пузырь можетъ образовать пробку, совершенно не пускающую жидкость вверхъ.

Придя къ такому заключенію, Шевыревъ рѣшилъ, что должно попробовать, не будетъ ли всасываніе сильнѣе, если произвести разрѣзъ или высверлить отверстіе *безъ доступа воздуха*, т.-е. проще всего, разумѣется, подъ водою или подъ тою жидкостью, которую желаютъ ввести въ растеніе. Ему удалось осуществить это очень простымъ способомъ, или, вѣрнѣе, двумя способами. Онъ или бралъ металлическую полуванночку, примазывалъ ее къ стволу дерева замазкой и прикрѣплялъ кнопками, наливалъ жидкостью (для наглядности опыта—какимъ-либо растворомъ краски, напримѣръ, эозина) и стамеской дѣлалъ въ корѣ насѣчки подъ поверхностью жидкости, такъ чтобы воздухъ совсѣмъ не могъ проникнуть въ насѣчку; или же пользовался стальною трубкой со сверломъ; этотъ инструментъ оказался особенно удобнымъ и полезнымъ и потому стоитъ описать его подробнѣе. Стальная трубка, возможно болѣе твердой стали, имѣетъ на одномъ концѣ острый край, которымъ онъ вбивается въ кору и древесину. Противоположный конецъ ея закупоривается каучуковой пробкой съ отверстіемъ, въ которое плотно вставлено стальное сверло, находящееся внутри трубки. Кромѣ того, съ двухъ сторонъ въ трубку вставлены двѣ трубочки—приводящая и отводящая жидкость, на нихъ надѣваются каучуковыя трубочки съ зажимами. Приводящая каучуковая трубка проведена въ бутыль съ жидкостью, такъ что послѣдняя идетъ по ней при всасываніи, какъ по сифону, въ стальную трубку.

При началѣ опыта вбиваютъ стальную трубку колотушкой въ дерево, закупориваютъ ее пробкой со вставленнымъ сверломъ, наполняютъ чрезъ проводящую трубочку жидкостью, такъ чтобы былъ вытѣсненъ весь воздухъ, и тогда начинаютъ сверлить. Послѣ того, какъ сверло проникло достаточно глубоко, начинаютъ вертѣть его въ обратномъ направленіи и слегка тянуть за ручку,—сверло выходитъ изъ отверстія и въ то же время туда входитъ жидкость, воздуха же не попадаетъ ни одного пузырька! Когда такимъ образомъ отверстіе готово, пробку со сверломъ осторожно замѣняютъ обыкновенной и жидкость безпрепятственно продолжаетъ поступать изъ бутыли чрезъ каучуковую и стальную трубочки въ сдѣланное отверстіе въ стволѣ.

Результаты ряда опытовъ, предпринятыхъ Шевыревымъ при такой простой постановкѣ, превзошли всѣ ожиданія. Оказалось, что не только деревья всасываютъ любую жидкость такимъ путемъ въ большомъ количествѣ, но что и распространяется эта жидкость по стволу замѣчательно легко. Удивительнѣе всего, что, какъ это показали первые же опыты, окрашенная жидкость распространяется не только вверхъ по стволу, въ вѣтви и листья, но и внизъ—въ корни, хотя ботаники и отрицаютъ существованіе обратнаго тока жидкости

въ стволѣ. Далѣе было найдено, что жидкость движется и по боковымъ лучамъ, и въ случаѣ, напримѣръ, введенія красящей жидкости чрезъ перекрещивающіеся ходы, какъ въ вышеприведенныхъ опытахъ Гартига, получался надъ этими ходами не крестъ, а сплошное окрашиваніе ствола—жидкость, слѣдовательно, безпрепятственно распространялась во всѣ стороны.

Какъ значительно количество всасываемой деревомъ жидкости, показываютъ слѣдующія цифры. Береза 4 вершковъ діаметромъ всасывала днемъ въ среднемъ 33 куб. сантиметра раствора эозина въ часъ и ночью—11 куб. сант. въ часъ. Другая береза всосала въ 2½ сутки 7 фунтовъ раствора. Еще сильнѣе было всасываніе на югѣ, напр., въ Крыму, яблоня всасывала изъ 2 полуванночекъ 1200 куб. сант. раствора эозина въ часъ, а дубъ 7 верш. въ діаметрѣ, въ Бессарабской губерніи, всосалъ черезъ 14 насѣчекъ съ ванночками въ сутки 2½ ведра раствора.

Красящая жидкость въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только проникала въ корки и окрашивала ихъ, но и поднималась въ вѣтви и окрашивала даже листья. Были сдѣланы также многочисленные опыты съ виноградными лозами,—въ одномъ изъ нихъ красная краска окрасила не только жилки листьевъ, но и образовала красныя сѣточки на ягодахъ. Въ другомъ опытѣ были взяты три лозы, соединенныя между собою корнями—онѣ представляли изъ себя отводки отъ одного общаго корня: въ двѣ лозы была введена черезъ насѣчки синяя краска (метиленблау), всасывавшаяся растеніемъ въ теченіе трехъ сутокъ въ большомъ количествѣ. Когда затѣмъ лозы были выкопаны, оказалось, что краска по корнямъ проникла и въ третью лозу и окрасила также сильно ея стволъ, вѣтви и жилки въ листьяхъ. «Главные корни этихъ лозъ, разсказываетъ Шевыревъ, лежали на глубинѣ аршина. Имеретинъ, хозяинъ виноградника, помогавшій мнѣ въ раскапываніи корней постепенно вскрывалъ для меня ножомъ корни, чтобы видѣть и говорить мнѣ, есть ли въ нихъ краска. Когда онъ дошелъ такимъ образомъ до третьей лозы и увидѣлъ краску во всѣхъ ея корняхъ, онъ снялъ шапку, перекрестился и поцѣловалъ вскрытые имъ корни, сказавъ: Это чудо, отъ котораго погибнетъ филлоксера! Но, увы! пришлось объяснить ему, что это лишь простая, безвредная краска, а «чудо еще впереди».

Такимъ образомъ способъ вводить въ растенія, по крайней мѣрѣ въ деревянистыя или обладающія толстымъ стеблемъ, постороннія вещества въ растворенномъ видѣ открытъ. Явилась возможность напитывать растенія любымъ растворомъ помимо корней, притомъ оказалось, что растворъ этотъ проникаетъ во всѣ части растенія, не исключая даже корней и плодовъ. Само собою ясно, что это открытіе можетъ имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ леченія растеній: мы можемъ теперь добраться до самыхъ укромныхъ уголковъ, въ которыхъ прячутся вредоносные паразиты—до мелкихъ корней, на которыхъ обитаетъ филлоксера, до древесины и луба, гдѣ гнѣздятся короѣды, до листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ, гдѣ поселяются губительные грибки, червецы и т. п. Вся задача сводится теперь къ тому, чтобы найти такія вещества и такія про-

порціи ихъ, чтобы при введеніи ихъ черезъ стебель они были безвредны для растенія, но убивали бы паразитовъ, вредящихъ ему. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ Шевыревъ,—что найдется цѣлый рядъ веществъ, которыя въ большей или меньшей степени будутъ удовлетворять поставленному требованію. Для отравленія насѣкомыхъ, грызущихъ листья снаружи, мы примѣняемъ теперь съ успѣхомъ цѣлый рядъ внѣшнихъ инсектисидовъ, болѣе или менѣе высокаго достоинства; точно также мы будемъ имѣть и для отравы сосущихъ насѣкомыхъ, для короѣдовъ и прочихъ внутреннихъ паразитовъ цѣлый рядъ внутреннихъ инсектисидовъ, одинаково губительно дѣйствующихъ на всѣхъ, вкусившихъ даннаго яда. Мнѣ кажется, что эти внутренніе инсектисиды, которые будутъ пригодны для уничтоженія надземныхъ тлей, будутъ пригодны и для уничтоженія филлоксеры и прочихъ корневыхъ тлей. Едва ли для послѣднихъ придется искать спеціальнаго инсектисида. По отношенію къ грибнымъ паразитамъ отвѣтъ уже теперь напрашивается самъ собою; многіе грибки не могутъ развиваться въ присутствіи самыхъ ничтожныхъ количествъ солей мѣди и замираютъ даже при слѣдахъ ея, а другіе обнаруживаютъ такое же отношеніе къ желѣзному купоросу. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе ничтожныхъ количествъ этихъ солей въ организмъ растенія не повредитъ ему, но грибнымъ паразитамъ придется тогда плохо, ибо они въ этомъ случаѣ несравненно чувствительнѣе своего хозяина».

Самою собою разумѣется, что для различныхъ растеній придется брать и различныя вещества, въ зависимости отъ природы растенія и свойствъ его соковъ. Нельзя, напримѣръ, вводить въ растеніе съ кислыми соками такое вещество, которое отъ кислоты осаждается, такъ какъ въ такомъ случаѣ можетъ произойти закупорка сосудовъ. Выборъ веществъ для борьбы съ различными паразитами у различныхъ растеній—дѣло будущихъ опытовъ и изслѣдованій. Этой стороны вопроса Шевыревъ совершенно не касается. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такія вещества будутъ найдены и вопросъ о нихъ имѣетъ уже второстепенное значеніе. Важно то уже, что мы располагаемъ теперь такимъ методомъ введенія ихъ въ организмъ растенія, какого не имѣли ранѣе.

Методъ этотъ важенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ можетъ быть превращенъ въ методъ *внѣкорневого питанія*. Если, напр., дерево по какимъ-либо причинамъ чахнетъ отъ недостаточнаго питанія, его можно оживить, вливая ему чрезъ насѣчки жидкость, подходящую по составу къ его питательнымъ сокамъ.

Теперь открывается также и обширное поле для научныхъ изысканій: мы получили возможность вліять различными веществами на всевозможные органы растенія, начиная съ корней его и кончая плодами и сѣменами. Является чрезвычайно интересными выяснить, какъ отнесется растеніе къ различнымъ воздѣйствіямъ со стороны состава соковъ, нельзя ли путемъ введенія различныхъ веществъ замедлять или ускорять развитіе, деформировать различныя части, не отразятся ли нѣкоторыя вещества на органахъ размноженія рас-

тенія, не повліятъ ли они на передачу наслѣдственныхъ свойствъ и т. д. Новый методъ порождаетъ, какъ всегда, цѣлую вереницу новыхъ вопросовъ, за которыми, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ и еще и еще новые!

Намъ приходитъ въ голову также слѣдующее соображеніе: не поведетъ ли это открытіе ко введенію въ ботаническую практику еще одного новаго метода, оказавшагося столь плодотворнымъ по отношенію къ животному царству,— именно, метода прививки соковъ. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что между соками животнаго и соками растительнаго организма нѣтъ коренного различія—и тѣ и другіе являются результатами дѣятельности живой плазмы, имѣющей много общихъ свойствъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что у животныхъ при введеніи въ одинъ организмъ соковъ другого организма, подвергавшагося извѣстнымъ измѣненіямъ, этотъ первый организмъ нерѣдко пріобрѣтаетъ нѣкоторыя свойства второго. Если взять лимфу животнаго, которое путемъ постепенныхъ прививокъ сдѣлано невоспріимчивымъ къ какому-нибудь бактеріальному яду, и привить ее другому животному, то и это послѣднее дѣлается невоспріимчивымъ къ данному яду. Не удается ли то же самое и по отношенію къ растеніямъ? Мы знаемъ, напримѣръ, что американская виноградная лоза невоспріимчива къ филлоксерѣ,—вѣроятно, въ сокахъ ея содержится какое-либо вещество, непріятное или вредное для этого паразита. Если бы теперь попробовать ввести въ обыкновенную лозу черезъ насѣчку, вмѣсто раствора краски вышеописанныхъ опытовъ, сокъ американской лозы,— не пріобрѣла ли бы онъ той же невоспріимчивости, сохранивъ всѣ свои остальныя свойства? Нельзя ли вообще передавать такой прививкой соковъ (какъ бы «переливаніемъ крови») нѣкоторыя качества, которыя передаются обычной прививкой растеній?

Всѣ подобные вопросы, нарождающіеся теперь у каждаго, кто вдумается въ значеніе описаннаго, на первый взглядъ маленькаго, открытія, ждутъ своего разрѣшенія путемъ опыта и наблюденія. Трудно предвидѣть теперь, каковы будутъ результаты этихъ опытовъ, но думается, что они будутъ имѣть не маловажное значеніе и, быть можетъ, дадутъ намъ въ руки новое мощное орудіе для борьбы съ мало замѣтными, но подчасъ опаснѣйшими врагами земледѣлія, а слѣдовательно, и всего благосостоянія человѣчества.

П. Ю. Шмидтъ.

---

† ЕГОРЪ ЕГОРОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

(Некрологъ).

14-го ноября скончался деканъ химическаго отдѣленія варшавскаго политехническаго института, профессоръ *Егоръ Егоровичъ Вагнеръ*. Смерть ученаго съ европейскимъ именемъ, человѣка, занимавшаго видное положеніе въ академическомъ мірѣ, разумѣется, не могла остаться незамѣченной: съ разныхъ

концовъ Россіи и изъ-за границы полетѣли въ Варшаву сочувственныя телеграммы, множество лицъ и учрежденій возложило на его гробъ вѣнки, говорились рѣчи, печатали некрологи.

Но среди этого хора голосовъ, обычнаго въ такихъ случаяхъ, часто слышались нотки, заставлявшія даже не причастныхъ къ ученой корпораціи людей прислушаться къ нимъ и ближе вдуматься въ смыслъ совершившагося факта. Получалось впечатлѣніе дѣйствительно крупной, невознаградимой потери: большого человѣка не стало!

Е. Е. Вагнеръ родился въ Казанской губерніи въ 1849 году. Высшее образованіе онъ получилъ въ казанскомъ университетѣ, гдѣ началъ работать подъ руководствомъ проф. А. М. Зайцева. Блестящія способности молодого химика обратили на себя вниманіе: по окончаніи курса Вагнеръ былъ избранъ университетскимъ стипендіатомъ. Оставалось позаботиться о его дальнѣйшемъ научномъ усовершенствованіи, для чего въ 1875 году молодой ученый получаетъ командировку въ петербургскій университетъ.

Въ тѣ счастливыя времена такая поѣздка стоила заграничной. Благодаря обаятельной личности Александра Михайловича Бутлерова, совмѣщавшей въ себѣ качества выдающагося ученаго съ рѣдкимъ педагогическимъ талантомъ, химическая лабораторія петербургскаго университета пріобрѣла значеніе научнаго центра. Оттуда, изъ убогаго, плохо обставленнаго помѣщенія старой лабораторіи выходили работы, ложившіяся въ основу науки; туда многочисленные ученики Бутлерова слали своихъ учениковъ. Въ школѣ ихъ былъ и Е. Е. Вагнеръ.

Въ петербургской лабораторіи Е. Е. скоро занялъ мѣсто лаборанта при одномъ изъ отдѣленій; черезъ нѣсколько лѣтъ мы уже видимъ его занимающимъ самостоятельную каѳедру въ Ново-Александровскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

Въ скоромъ времени онъ блестяще защитилъ магистерскую диссертацію и получилъ профессуру въ Варшавскомъ университетѣ. Черезъ три года послѣ магистерской появилась столь же блестящая докторская диссертація Е. Е. Вагнера. Наконецъ, въ послѣдніе годы, онъ покинулъ университетъ и перенесъ свою дѣятельность въ варшавскій политехническій институтъ.

Таковы внѣшніе факты жизни Е. Е. Ватнера. Они, какъ видно, немногочисленны и, если хотите, шаблонны. Но какое богатое внутреннее содержаніе скрывается за этой внѣшностью! Е. Е. Вагнеръ—натура стихійная, не знающая препятствій, страстная, прямолинейная. Во всѣхъ лабораторіяхъ, гдѣ онъ появлялся, начиналась неугомонная научная дѣятельность, движимая тою не поддающейся опредѣленію внутренней силой, которая сразу выдвигаетъ впередъ ея носителя и которой названіе—талантъ.

Въ выборѣ темъ Е. Е. Вагнеръ не стѣснялся авторитетомъ прежнихъ изслѣдователей. Разъ вопросъ его интересовалъ и разъ онъ, по его мнѣнію, былъ рѣшенъ неправильно или не вполнѣ, онъ перерѣшалъ его по своему, не считаясь ни съ временемъ, ни съ трудностью эксперимента. И учитель, и уче-

ники,—а ихъ было у Вагнера не мало,—всѣ засаживались за работу. Тутъ Е. Е. Вагнеръ былъ безпощадно требователенъ, «давилъ», какъ про него говорили. Но за то съ какою благодарностью вспоминали потомъ этотъ нелегкій искусъ тѣ, которые выдерживали его до конца! И было что вспомнить: постоянное общеніе съ профессоромъ, отсутствіе другихъ интересовъ, кромѣ научныхъ, постоянный обмѣнъ мыслей, постоянное совершенствованіе въ техникѣ эксперимента... Лабораторія въ полномъ смыслѣ слова жила.

Что касается собственныхъ работъ Е. Е. Вагнера, то ихъ не стоитъ здѣсь перечислять въ виду малой доступности для неспеціалистовъ. Достаточно лишь указать, что даже въ самыхъ элементарныхъ учебникахъ органической химіи постоянно приводятся его методы, его реакціи. Много ли найдется такихъ работъ?

Съ Вагнеромъ-ученымъ вполнѣ гармонировалъ Вагнеръ-человѣкъ. Чуткій и зоркій, безпощадно прямолинейный въ личныхъ отношеніяхъ, онъ тщательно выискивалъ въ своихъ ученикахъ проблески таланта, старался помочь, направить, развить индивидуальность. Въ широкомъ размахѣ его натуры уживалась необычайная сердечность съ почти жестокой рѣзкостью.

Достойнымъ памятникомъ общественной дѣятельности Е. Е. Вагнера остается прекрасная новая лабораторія варшавскаго политехникума—настоящій дворецъ химіи, устройство которой всецѣло принадлежитъ ему. Отмѣтимъ еще одну черту: Е. Е. Вагнеръ все время профессорствовалъ на окраинѣ и не измѣнилъ своимъ исключительно научнымъ идеаламъ. Въ его лабораторіи не было дѣленія на эллиновъ и іудеевъ: предъ алтаремъ науки національный вопросъ отсутствовалъ. Это понимали и цѣнили...

Умеръ Вагнеръ, живы его идеи, его ученики Но осталась ли его бодрость и мощь? Хватитъ ли силы уберечь зажженное имъ чистое пламя науки отъ тлетворныхъ вѣяній нашего безвременья? Отвѣтъ принадлежитъ будущему...

Д. М.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МIРЪ БОЖIЙ“.

Январь. 1904 г.

Содержанiе:—Беллетристика.—Публицистика.—Исторiя всеобщая и русская.—Политическая экономiя и соцiологiя.—Философiя.—Естествознанiе. Географiя. Этнографiя.—Новыя книги, поступившiя для отзыва въ редакцiю.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

З. Гиппiусъ. „Собранiе стиховъ“.—*Д. Мережковскiй.* „Собранiе стиховъ“.—*Ѳ. Сологубъ.* „Собранiе стиховъ“.—„Къ правдѣ“, сборникъ.—*А. Луговой.* „Безумная“, драма.

З. Н. Гиппiусъ. Собранiе стиховъ. Изд. «Скорпiонъ». 1904 г. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Д. С. Мережковскiй. Собранiе стиховъ. Изд. «Скорпiонъ». 1904 г. М. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ. Сологубъ. Собранiе стиховъ. Изд. «Скорпiонъ». 1904 г. М. Ц. 1 р. 50 к.

Отдѣльное изданiе своихъ стихотворенiй, появлявшихся прежде на страницахъ журналовъ или изданныхъ раньше вмѣстѣ съ сборникомъ разсказовъ, г-жа Гиппiусъ нашла необходимымъ снабдить предисловiемъ, въ которомъ излагаетъ свой взглядъ на стихотворенiя вообще. Она находитъ, что «собранiе, книга стиховъ въ данное время есть самая безцѣльная, ненужная вещь». Это не значитъ, что стихи сами по себѣ не нужны. Они необходимы, но только для самого поэта, для котораго они являются формой его молитвы, а потребность молитвы есть необходимѣйшая потребность человѣческой природы вообще. Но поэты, какъ и другiе ихъ современники, въ наши дни стали утонченно субъективны, обособились, и потому стали не понятны, чужды читателю. Насколько дорога и понятна своя молитва каждому, настолько она чужда и не понятна другому. Прежде было иначе. Поэтъ пѣлъ, или молился, общему всѣмъ Богу и объ общемъ, всѣхъ касавшемся, живо трогавшемъ. Теперь «исчезла возможность общенiя именно въ молитвѣ, общность молитвеннаго порыва»! Отсюда отчужденность поэта и ненужность его стихотворенiй для другихъ. «Молитвенны стихи и прежнихъ стихотворцевъ, тѣхъ, въ свое время принятыхъ, понятныхъ. Былъ и будетъ Пушкинъ; онъ принятъ навсегда, онъ былъ и будетъ нуженъ; его пѣсни, онъ самъ — какъ солнце; онъ вѣченъ, всепроникающъ, но, какъ солнце, неподвиженъ. То, что есть молитвы Пушкина, не утоляетъ нашего порыва, не уничтожаетъ нашего исканiя». Пѣсни Некрасова, тоже въ свое время нужныя, теперь отзвучали, «замолкли и не воскреснутъ, какъ молитвословiя. Но они звучали широко и были нужны, были—общими». Есть и изъ прежнихъ одинъ поэтъ, «ненужный всѣмъ», Тютчевъ, «намъ (т.-е. современнымъ г-жѣ Гиппiусъ) поэтамъ подобный», съ которымъ они чувствуютъ общее, но и то лишь до извѣстнаго предѣла, ибо «и его Богъ не всегда, не всей полностью — нашъ Богъ». И «пока мы не найдемъ общаго Бога, или хоть не поймемъ, что стремимся всѣ къ Нему,

Единственному, до тѣхъ поръ наши молитвы, наши стихи,—живые для каждаго изъ насъ,—будутъ непонятны и ненужны ни для кого».

Всѣ эти мысли далеко не новы, — ново развѣ сравненіе стихотворенія съ молитвой, да и то оно не разъ употреблялось самими поэтами, — и тѣмъ не менѣе въ объясненіи г-жи Гиппіусъ есть невѣрная посылка, приводящая къ невѣрному выводу. Индивидуальность поэзіи—это необходимое условіе, безъ чего нѣтъ поэта, который постольку и поэтъ, поскольку онъ вѣренъ себѣ, не подражаетъ, а поетъ «какъ птица межъ вѣтвей». И у каждаго настоящаго поэта есть этотъ основной фонъ, свое неотъемлемое, что рѣзко выдѣляетъ его изъ ряда другихъ. Но отсюда очень далеко до «обособленности» отъ прочаго человѣчества. Такая обособленность, всѣмъ чуждая и непонятная, уже перестаетъ быть поэзіей, а является тѣмъ, что она и есть по существу — чудачествомъ, ломаніемъ, манерничаніемъ и даже въ худшемъ случаѣ фиглярничаніемъ и гаерствомъ. И видѣть въ каждомъ такомъ чудачествѣ — молитву, не значитъ ли это слишкомъ своеобразно, тоже «обособленно», понимать самую молитву? Когда (въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ) г-жа Гиппіусъ заявляетъ: «Я люблю себя какъ Бога», или — въ одномъ изъ послѣднихъ (посвященномъ Д. В. Философову), что «сердце у насъ острое, какъ алмазъ», то это—все, что угодно, только не молитва и ничего общаго съ молитвеннымъ настроеніемъ не имѣетъ. Или такіе ея стихи, какъ «Числа», «13» (тринадцать)—просто вздоръ, шутка, дѣйствительно никому не понятная и не нужная. И всѣ «обособленные» до полной вздорности стихи г-жи Гиппіусъ не имѣютъ въ себѣ ничего поэтичнаго, молитвеннаго или оригинальнаго: это просто фиглярство, доведенное иногда до неприличнаго издѣвательства надъ читателемъ. Таковы, напр., кромѣ указанныхъ: «Зеленое, желтое, голубое», или «Что есть грѣхъ», въ которомъ простая, обыденная мысль облечена въ смѣшную и уродливо-шутовскую форму. Вотъ для образчика начало: «Грѣхъ — маломысліе и малодѣяніе, самонелюбіе—самовлюбленность, и равнодушное саморазсѣянье, и успокоенная упоенность» и т. д., все въ томъ же «молитвенномъ» родѣ.

Разница между прежними поэтами и современными заключается, между прочимъ, въ томъ, что первые отличались строгостью къ себѣ, иной разъ поистинѣ безпощадной. Лучшимъ образцомъ такого отношенія къ себѣ служатъ черновики Пушкина, въ которыхъ можно видѣть, какъ работалъ поэтъ, вычеркивая цѣлыя строфы и стихотворенія, бросая иной разъ, казалось бы, вполнѣ законченную вещь, но не удовлетворявшую его формой или недостаточною ясностью мысли. Нѣчто иное замѣчается у современныхъ декадентствующихъ представителей поэзіи: они спѣшатъ выбросить на рынокъ каждое малѣйшее проявленіе своего «я», какъ бы опасаясь, чтобы не остылъ ихъ «молитвенный» жаръ и человѣчество не утратило возможности полюбоваться новымъ великимъ творцомъ. Никто такъ много, велерѣчиво и многообразно не кричитъ о презрѣніи къ толпѣ, какъ они, о надзвѣздныхъ высяхъ и прочихъ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ только и могутъ чувствовать себя хорошо гг. Гиппіусы, Сологубы и Мережковскіе, и никто въ то же время такъ усиленно не старается, чтобы привлечь вниманіе толпы къ себѣ. Самовлюбленность и полное отсутствіе самокритики доводятъ ихъ до шутовства, лишь бы не пройти, незамѣченнымъ, лишь бы занять своей особой толпу хоть на мигъ. Развѣ не шутовство самыя названія ихъ издательствъ, эти «Скорпіоны», «Грифы» «Вѣсы», заглавія ихъ сборниковъ, въ родѣ «Urbi et orbi», и тому подобныя кричащія и малопонятныя названія? Это не мѣшаетъ имъ, не замѣчая глубокаго внутренняго противорѣчія, уподоблять себя Тютчеву, который свои «странные лунные гимны записывалъ на клочкахъ, стыдился говорить о нихъ». Сами же дѣлаютъ игрушку изъ слова и не только не стыдятся своихъ глупостей, но носятся съ ними и, кривляясь и ломаясь, не

знаютъ, какъ блеснуть другъ передъ другомъ «еще страннѣй, еще чуднѣй». И при этомъ какая заботливость: каждый стишокъ помѣченъ, когда, гдѣ и при какихъ условіяхъ былъ онъ сотворенъ. Точно Иванъ Ивановичъ Перерепенко, отмѣчаютъ они: «дыня сія была съѣдена тогда-то», а если кто присутствовалъ, то и «присутствовалъ такой-то». Напримѣръ, у г-жи Гиппіусъ—«Алмазъ. Д. В. Философову 29. 3. 02», дабы читатель ни на минуту не усомнился, что 29-го марта 1902 г. авторша въ «молитвенномъ» порывѣ изволила скушать «дыню сію» купно съ такимъ-то.

Не молитвенное настроеніе диктуетъ все это, а скорѣе своеобразное фарисейство. Какъ фарисеи на перекресткахъ и людныхъ мѣстахъ старались отправлять всѣ обряды, дабы мимоидущіе видѣли ихъ святость и приверженность—не духу, а формѣ, такъ и наши поэтики и поэтессы, съ рѣдкой, близкой къ цинизму, откровенностью выносятъ на торжища малѣйшія движенія своей души и томно любуются собой и тщательно изучаютъ свои позы и то впечатлѣніе, какое они производятъ на окружающихъ. Они кричатъ: «Я томлюсь, я сгораю, и чего желаю, сама не знаю», а сами холодны, какъ камень. Они взываютъ къ невидимому Богу, а сами эгоисты до мозга костей и откровенны развѣ въ одномъ—въ чудовищной любви къ себѣ. Они дѣлаютъ грозный видъ, то и дѣло клянутся дьяволомъ, а сами поминутно дрожатъ отъ холода и трусливой похоти.

Возвращаясь къ сборникамъ г-жи Гиппіусъ, Мережковскаго и Сологуба, что сказать въ отдѣльности о каждомъ? Выбросивъ добрыхъ девять десятыхъ твореній г-жи Гиппіусъ, какъ жалкій хламъ, можно отобрать въ остальной десятой два-три недурныхъ стихотворенія, въ родѣ «Гризельды», два-три стиха, удачныхъ по формѣ, двѣ-три мысли, не банальныхъ и не шаблонныхъ. Остальные—одно манерничанье и жеманство.

Не лучшее впечатлѣніе производитъ и сборникъ г. Мережковскаго, это не столько поэзія, сколько размышленія на разныя темы, облеченныя въ форму стиха. Разсудочность, холодная и разсчетливая, преобладаетъ въ сборникѣ г. Мережковскаго. Егопоэмы—это холодные очерки чисто историческаго содержанія. Лучшая изъ нихъ «Аввакумъ», но кто читалъ дневникъ самого Аввакума, тотъ не найдетъ здѣсь ни силы духа, ни страсти, которыми проникнуто это знаменитое произведеніе русскаго творчества. Аввакумъ г. Мережковскаго скорѣе богобоязненный старецъ, ничѣмъ не напоминающій великаго борца раскола съ его потрясающимъ: «сице азъ вѣрую, сице исповѣдую, съ симъ живу и умираю». Таковъ Францискъ Ассизскій г. Мережковскаго: слащавость и приторное наивничаніе вмѣсто дѣтски-чистой вѣры и простоты великаго западнаго подвижника, возлюбившаго жизнь и нищету, свободу и царство духа, радость и веселье души, ничего не ищущей, не борющейся, не стремящейся, не вожделѣющей, а все возлюбившей, все принимающей, всему сорадующейся, ибо такова истинная любовь. Нѣтъ, не г-ну Мережковскому вмѣстить въ себѣ двѣ такія противоположности, какъ страстный и непримиримый борецъ Аввакумъ и олицетвореніе кроткой любви—Францискъ. Именно страсти нѣтъ въ душѣ г-на Мережковскаго, какъ нѣтъ и кротости, ибо эта душа не холодная и не горячая, а тепловатая, душа лаодикійскаго ангела, и напрасно онъ силится убѣдить себя въ противномъ.

Вотъ любовную страсть ему удается иногда изобразить, почему изъ всѣхъ образовъ ему удалась только Леда, изображенію которой онъ не мало посвятилъ труда (напр., въ «Воскресшихъ богахъ»).

„Крикъ и шумъ пронзительный,
Словно плескъ могучихъ рукъ:
Это—Лебедь ослѣпительный,
Бѣлый Лебедь—мой супругъ!

Съ грозной нѣжностью змѣиною,
Онъ обвивъ меня, ласкалъ,
Тонкой шеей лебединою
Влажныхъ устъ моихъ искалъ...
Крылья воду бьютъ,
Грозенъ темный прудъ,—
На спинѣ его щетиною
Перья блѣдныя встаютъ,—
Такъ онъ гордъ своей побѣдою.
Гдѣ я, что со мной—не вѣдаю:
Это—смерть, но не боюсь,
Вся блѣднѣя,
Страстно млѣя,
Какъ въ ночной грозѣ лилея,
Ласкамъ бога предаюсь"...

Если г-жа Гиппіусъ—декадентъ кокетливый, манерный и игривый, г. Мережковскій—холодный и разсудочный, то г. Сологубъ—унылый декадентъ. Лучше всего онъ самъ себя охарактеризовалъ въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое могло бы служить эпиграфомъ къ его сборнику:

На сѣрой кучѣ сора
У пыльнаго забора
По улицѣ глухой
Цвѣтетъ въ исходѣ мая,
Красою не прельщая,
Унылый звѣробой.
Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золъ,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ.

«Печальный», «грустный», «больной», «слабый», «безвольный» и т. п.— вотъ преобладающіе эпитеты, которыми пестрятъ стихи г. Сологуба. «Я шелъ безнадежной дорогой», «Я здѣсь одинъ—жестокъ мой рокъ», «Я душой умирающей жизни радъ и не радъ»—и такъ до утомительности скрипитъ г. Сологубъ. Вѣрный обѣту декадентства, г. Сологубъ, конечно, не можетъ обойтись безъ чорта, но и тотъ у него какой-то унылый, съ поджатымъ хвостомъ, словно побитая дворняга. Въ минуту жизни трудную къ нему взываетъ скорбящій поэтъ:

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ:—Отецъ мой, Дьяволъ!
Спаси, помилуй,—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.

И дьяволъ выслушалъ молитву и спасъ погибающаго, за что г. Сологубъ поклялся ему:

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю,
И соблазняя соблазню.

Но не такъ страшенъ чортъ г. Сологуба, какъ онъ ни старается, и вмѣсто соблазна со всей его устрашающей прелестью у него получается... «недотыкомка сѣрая», «лающіе лѣшіи», «опьянѣлыя блудницы» и среди нихъ «унылый звѣробой». Врядъ ли кого можно соблазнить такими средствами.

Столько о г. Сологубѣ. Что же касается декадентовъ, скорпіоновъ, грифовъ и прочей нечисти, забравшейся на Парнасъ, то не нужно быть пророкомъ,

что предвидѣть, что дни ихъ сочтены. Все, что было у нихъ болѣе или менѣе талантливаго, уже мѣняется, бросаетъ уродливости и смѣшныя побрякушки, и очень возможно, что кое-что и выработается серьезное и достойное, что и останется въ литературѣ. Остальное, обычная накипь и соръ, выброшенная на берегъ волной, догниваетъ на солнцѣ, пока его не замететъ морскимъ пескомъ и не развѣетъ вѣтромъ. Новая общественная волна, идущая на смѣну, живая и сильная, несетъ и новыхъ пѣвцовъ, и скоро, быть можетъ, мы ихъ услышимъ. *А. Б.*

«Къ правдѣ». Литературно-публицистическій сборникъ. Изд. магаз. «Книжное дѣло». Москва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Бѣлая обложка съ символическимъ рисункомъ, изображающимъ гору, на которую по узкой, извивающейся тропѣ шествуютъ съ посохами «искатели правды», какъ надо думать, авторы произведеній, вошедшихъ въ «литературно-публицистическій сборникъ», гг. Бѣлоусовъ, Залетный, Вентцель, Ковальскій, Мандельштамъ, Гославскій, и др. Самъ по себѣ сборникъ, какъ сборникъ: всего понемножку,—и стихи, и разсказы, и разсужденія на разныя темы. Что же, однако, объединило всѣхъ этихъ «искателей правды?» Въ чемъ видятъ они таковую и гдѣ найти ее, какъ думаютъ почтенные авторы? Къ сожалѣнію, отвѣта на эти вопроса мы не находимъ въ сборникѣ, содержаніе котораго ничѣмъ не оправдываетъ столь громкаго и претенціознаго заглавія. Въ стихотвореніи г. Бѣлоусова, открывающемъ сборникъ, говорится о какомъ-то лозунгѣ и взывается къ подвигу, но лозунгъ такъ и остается не открытымъ, а въ заключеніе поэтъ лишь обѣщаетъ, что «когда-нибудь кто-нибудь вспомнитъ за истину смѣлыхъ борцовъ». Дай Богъ! Всегда утѣшительно думать, что правда восторжествуетъ и служители ея будутъ достойно вспомянуты. Тѣмъ не менѣе, мы, скромные читатели, все же въ правѣ знать, въ чемъ и гдѣ обѣщаютъ намъ правду гг. авторы, ибо «назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ», назвавшись искателемъ правды, указуй дорогу,—или не берись за гужъ.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ общей тенденціи сборника, которой нѣтъ, приходится довольствоваться разборомъ каждаго изъ произведеній. Но такая мелочная и кропотливая работа не окупается результатомъ. Среди этихъ разсказовъ, статей и переводовъ нѣтъ ни одного произведенія, которое выдѣлялось бы особымъ интересомъ, формой или глубиной мысли. Все прилично, и какъ это часто бываетъ въ приличномъ обществѣ—сѣро и скучно, потому что безталанно. Лучшая вещь по беллетристикѣ—переводъ разсказа Жеромскаго «Сильная». увы!—вещь далеко не новая, напечатанная на страницахъ нашего журнала еще въ 96 г. подъ заглавіемъ «Подвижница». Среди серьезныхъ статей заслуживаетъ вниманія историко-литературный этюдъ г. Тухомицкаго «Прототипы Базарова», въ которой авторъ не дѣлаетъ открытій, но даетъ добросовѣстную сводку матеріала. Нѣсколько крикливая статья г. Мандельштама «Этическіе идеалы Ницше» не даетъ ни одной новой черты въ характеристикѣ этого философа, а лишь храбро повторяетъ то, что уже достаточно навязло въ зубахъ читателя отъ всѣхъ комментаторовъ Ницше.

Перебирать остальное содержаніе сборника не будемъ. Повторяемъ—все прилично, сѣро, безталанно и скучно. И къ чему оно—неизвѣстно. До сихъ поръ мы были глубоко убѣждены, что время альманаховъ 40-хъ годовъ прошло безвозвратно, думаемъ и теперь также и потому совершенно не понимаемъ, какакое значеніе могутъ имѣть подобные сборники. Развѣ какъ прибѣжище для авторовъ, произведенія которыхъ не нашли себѣ мѣста, по тѣмъ или инымъ причинамъ, въ ежемѣсячныхъ журналахъ. Пожалуй. этотъ поводъ, достаточно вѣскій для авторовъ. Но есть еще читатели. А такъ какъ подобный сборникъ ничего не говоритъ ихъ уму и сердцу, то—выводъ ясенъ: сборники статей,

отвергнутыхъ или устарѣлыхъ, тѣмъ самымъ уже осуждены на равнодушіе публики, подъ какимъ бы соусомъ ни преподносить ихъ. *А. Б.*

«Безумная», пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Луговего. Изд. тов-ва «Общественная Польза». Пьеса г. А. Луговего появилась въ печати уже послѣ постановки ея на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ, гдѣ, увы, она не имѣла успѣха. Однако, сама по себѣ, какъ литературное произведеніе, она далеко не заслуживаетъ того плоскаго вышучиванія, которымъ нѣкоторые театральные рецензенты думаютъ замѣнить пріемы серьезной оцѣнки даннаго произведенія. Авторъ какъ то заявилъ въ повѣсти, появившейся года два тому назадъ («Умеръ талантъ»), со словъ одного своего пріятеля-драматурга, будто бы «въ нашихъ театральныхъ кружкахъ сложилась поговорка, что для того, чтобы написать пьесу, нуженъ талантъ,—для того, чтобы поставить ее на Императорской сценѣ, нужна геніальность». Кажется, г-ну Луговому не пришлось прибѣгнуть къ исполненію такого непосильнаго требованія, чтобы достичь желаемой имъ постановки своей пьесы именно на Императорской сценѣ, но въ то же время оказалось недостаточнымъ и того повѣствовательнаго та ланта, которымъ авторъ несомнѣнно обладаетъ, чтобы обезпечить не тольк сценическій успѣхъ, но и художественную законченность задуманной имъ драмы Фабула ея очень проста: у богатой купеческой вдовы, тяготѣющей къ свѣтской жизни и желающей создать у себя «салонъ», куда съѣзжались бы постоянно гости, въ шумной и безсодержательной обстановкѣ великосвѣтскаго обихода, единственная дочь, которая отнюдь не раздѣляетъ вкусовъ матери.

Это дѣвушка съ серьезными наклонностями, уже на возрастѣ (26—27 лѣтъ), увлекавшаяся однимъ изъ своихъ преподавателей, который сталъ извѣстнымъ писателемъ и лекторомъ (онъ какъ разъ во время хода пьесы пріѣзжаетъ въ Петербургъ читать публичную лекцію въ частномъ домѣ), неудовлетворенная въ личномъ чувствѣ и не находящая удовлетворенія въ интересахъ окружающихъ ее людей; она относится критически къ окружающему ее, и въ особенности тяготится тѣмъ, что ее постоянно заставляютъ разыгрывать какую-то роль для представительства «фирмы дома» (Таптыгиныхъ), исполнять свѣтскія обязанности и т. д. въ то время, когда ее влечетъ къ живымъ людямъ, къ живымъ интересамъ, къ осмысленной и разумной жизни. Софья Алексѣевна,—такъ зовутъ героиню пьесы,—рѣшается уйти изъ дому, чтобы заодно отдѣлаться и отъ непріятнаго для нея сватовства человѣка, который ищетъ только ея состоянія и даже не интересуется ея личными чувствами. Но мать, по уговору съ докторомъ-психіатромъ, человѣкомъ откровенно-циничнымъ и своекорыстнымъ, объявляетъ ее «ненормальной» и Софью Алексѣевну запираютъ подъ присмотромъ двухъ сидѣлокъ изъ больницы, какъ настоящую «безумную». Въ своемъ заключеніи Софья Алексѣевна проявляетъ припадки буйнаго характера, за что ее сажаютъ въ нарочно устроенный въ ея аппартаментахъ «изоляторъ», но въ концѣ концовъ выпускаютъ, когда въ дѣло вмѣшивается молодой врачъ, пригрозившій судомъ психіатру за то, что, подкупленный матерью, онъ призналъ сумасшедшимъ вполнѣ здороваго человѣка. Развязка и все послѣднее дѣйствіе, вообще, весьма неудачны, какъ неудачно было со стороны автора избрать типъ дѣвушки, хотя и съ возвышеннымъ и благороднымъ характеромъ, но не умной, и это отсутствіе настоящаго ума въ Софьѣ Алексѣевнѣ значительно расхолаживаетъ симпатіи къ ней не только зрителей, но и читателей. Характеръ взятъ ниже средняго, не возбуждающій самостоятельнаго интереса и вся суть лишь въ столкновеніи съ обстановкой. Очень можетъ быть, что у болѣе рѣшительной натуры, ясно сознающей, чего она хочетъ,—сразу явственнѣе представились бы и способы, какъ добиться искомаго, и тогда не было бы никакой пьесы. Между тѣмъ, Софья Алексѣевна,—переживъ не-

опредѣленно-мечтательный романъ со своимъ учителемъ, пассивно-протестующая противъ всякихъ выѣздовъ и train свѣтской жизни, въ которой она все же до 26 лѣтъ постоянно участвовала, рѣшительная только въ отказахъ женихамъ, въ общемъ—натура, склонная скорѣе разсуждать и говорить, чѣмъ дѣйствовать,—помогаетъ оттѣнить вліяніе «среды». А все-таки разыгрывать настоящее безуміе потому лишь, что васъ хотѣли представить ненормальной, точно въ оправданіе тѣмъ, кто оказалъ насиліе надъ вашей волей,—это доводить пассивность слишкомъ далеко. И весь интересъ пьесы не въ самой Софьѣ Алексѣевнѣ, а въ возбужденномъ по поводу ея вопросѣ. Дѣйствительно, въ нивеллирующей средѣ свѣтской обстановки, усвоенной высшей буржуазіей, первымъ правиломъ является требованіе «быть какъ всѣ». Будьте, если угодно, даже безнравственны, порочны, лишенными всякаго духовнаго содержанія, но съ внѣшней стороны не выдѣляйтесь отъ другихъ, вторьте тому, что кругомъ говорятъ. «Чужія мнѣнія, — чужія слова, — чужія правила!.. восклицаетъ Софья Алексѣевна—своего только и есть, что жадность и тщеславіе. Да вотъ еще эгоизмъ свой, это желаніе подчинить всѣхъ какому-то призраку чести фирмы Таптыгиныхъ!» Героиня,—или вѣрнѣе, въ данномъ случаѣ, авторъ ея устами—сравниваетъ изображаемый буржуазный міръ съ зеркальными шарами, какіе бываютъ «на глупыхъ петербургскихъ дачахъ: въ нихъ все отражается, а сами—пустота... хорошій щелчекъ и отъ нихъ останутся одни черепки». И вотъ, когда возникаетъ стремленіе къ личной жизни, къ заявленію требованій индивидальности, въ которой пробуждается сознаніе, выступаетъ на сцену вопросъ о пресловутыхъ «нормахъ», переступивъ которыя человѣкъ признается близкимъ къ помѣшательству, если не вполнѣ уже помѣшаннымъ. «Геній и безуміе—рядышкомъ ходятъ»—напоминаетъ докторъ Качка, который не прочь зачислить и всѣхъ идеалистовъ въ кругъ своихъ паціентовъ. Однако, тотъ же Качка, въ III д., когда Таптыгина съ точки зрѣнія свѣтскаго кодекса пытается доказать, что ея дочь «дѣйствительно» ненормальна, не безъ ехидности напоминаетъ молодящейся старухѣ, что вѣдь и ее самою можно подвести подъ категорію «ненормальныхъ». «Вамъ пятьдесятъ лѣтъ, а какъ вы сохранились?.. Ни единаго сѣдого волоса, румянецъ, зубы—прелесть что такое!—какъ у отроковицы». Таптыгина: «Изъ Берлина, докторъ, все изъ Берлина!»—Качка: «Вотъ я и говорю—развѣ это нормально?» Этотъ разговоръ указываетъ лишь, что самъ Качка ни на минуту не сомнѣвается въ полной «нормальности» Софьи Алексѣевны и только изъ корыстныхъ видовъ вступаетъ въ гнусную сдѣлку. А мать—вѣритъ ли она своимъ подозрѣніямъ? Въ томъ и дѣло, что наполовину сама вѣритъ и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить все ея дальнѣйшее обращеніе съ дочерью. Вообще, обличительные черты быта довольно удачно изображены авторомъ, и въ другой обстановкѣ, въ средѣ писателей и учащихся, но тоже съ нѣкоторыми обличительными штрихами недурно очерчена имъ сцена II дѣйствія (у Рябинина, управляющаго конторой журнала). Три акта читаются съ интересомъ, но въ нихъ нѣтъ элементовъ настоящаго драматическаго произведенія, а избранная авторомъ форма точно помѣшала ему съ достаточной полнотой вырисовать намѣченные имъ характеры и лица. Пьеса г. Лугового есть какъ бы повѣсть въ разговорахъ, къ которой, къ сожалѣнію, придѣланъ четвертый актъ, для завершенія интриги, но безъ пользы для сценической полноты впечатлѣнія и въ ущербъ художественной правдѣ повѣсти.

Ѳ. Бат—овъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Мелкая земская единица". Вып. I, изд. второе—„Мелкая земская единица". Вып. II.—*Толмачевъ.* „Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей".

Мелкая земская единица. Сборникъ статей. Второе изданіе, переработанное и дополненное. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховскаго при участіи редакціи газеты «Право». Ц. 2 р. 50 к.

Мелкая земская единица въ 1902—1903 гг. Сборникъ статей. Выпускъ второй. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховскаго при участіи редакціи газеты «Право». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. Два сборника статей, посвященныхъ мелкой земской единицѣ, представляютъ итоги серьезной общественной работы, вызванной необходимостью коренныхъ преобразованій въ современномъ строѣ земской жизни. О первомъ выпускѣ, который разошелся менѣе чѣмъ въ годъ, мы уже писали при его выходѣ (Міръ Божій, январь 1903 г.). Это освобождаетъ насъ отъ обязанности снова разсматривать его содержаніе. Мы должны только отмѣтить, что составители сдѣлали дополненія, которыя, несомнѣнно, увеличиваютъ цѣнность сборника. Статьи г. Солнердаля о мѣстномъ самоуправленіи въ Норвегіи и г. Кудрина о французской коммунѣ даютъ новый и поучительный матеріалъ для ознакомленія съ опытомъ западноевропейскаго государства въ сферѣ областныхъ учрежденій. Статья же г. В. Гессена о сельскомъ обществѣ и волости въ трудахъ коммиссіи статсъ-секретаря Каханова возобновляетъ въ памяти читателей одну изъ неудачныхъ попытокъ привести наше мѣстное управленіе въ стройную систему, согласованную съ жизненными потребностями пореформенной Россіи. Кромѣ того, составители перепечатали замѣчательную статью покойнаго профессора Градовскаго о «всесословной мелкой единицѣ», появившуюся впервые въ половинѣ 1882 г., но до настоящаго момента полную самаго живого интереса. Эти добавленія, какъ и первоначальныя статьи перваго выпуска, распространяютъ значеніе сборника далеко за предѣлы исключительно земской среды. Первый выпускъ будетъ полезною книгою не только для земцевъ практиковъ; онъ займетъ почетное мѣсто и среди пособій для изученія соотвѣтствующихъ вопросовъ государственнаго права.

Второй выпускъ носитъ болѣе спеціальный характеръ и отвѣчаетъ, главнымъ образомъ, на потребности текущаго момента русской земской жизни. Наиболѣе общій интересъ представляетъ въ немъ обширная статья г. Шрейдера: «Мелкая земская единица въ условіяхъ русской жизни». Какъ извѣстно, вопросъ о мелкой земской единицѣ вызвалъ разногласія даже между людьми, вообще, принципіально единомыслящими. Въ то время какъ одни видѣли въ самоуправляющейся и близкой къ народу земской организаціи почти единственное средство вывести многомилліонную крестьянскую массу изъ ея нынѣшняго положенія «на границѣ человѣчества», другіе указывали, что, наоборотъ, при современныхъ условіяхъ русской жизни, вообще, и правовой ограниченности крестьянства, въ частности,—мелкая земская единица не только не внесетъ ничего свѣтлаго въ крестьянскую массу, но создастъ возможность еще новыхъ и неблагопріятныхъ воздѣйствій на обремененную всякими бѣдами деревню. «Какъ можно въ безправное или съ крайне ограниченными правами положеніе вдвинуть учрежденіе, обладающее правами самоопредѣленія и самоуправленія?» говорилъ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный г. Кузьминъ-Караваевъ. Съ этой же точки зрѣнія другой гласный тверского собранія г. С. де-Роберти, утверждалъ, что для него гораздо важнѣе «не раздробленіе обще-

ственныхъ функцій, а ихъ суммированіе». Поэтому, многіе земскіе дѣятели высказывали мнѣніе, что мелкая земская единица только тогда принесетъ дѣйствительную пользу населенію, когда уже существующія земскія учрежденія будутъ поставлены въ болѣе благопріятныя условія работы. Но такая точка зрѣнія, очевидно, заключаетъ вопросъ въ роковой кругъ. Благопріятныя условія земской работы ставятся въ зависимость отъ правового подъема крестьянства; правовой подъемъ обусловливается благопріятнымъ положеніемъ земства. Выхода, очевидно, нѣтъ, если не считать таковымъ траги-комическія упованія, опровергнутыя уже достаточно долгой земской исторіей. Совершенно иная картина, какъ видно изъ статьи г. Шрейдера, рисуется сторонникамъ мелкой земской единицы. Авторъ подходитъ къ вопросу съ точки зрѣнія объективной необходимости и пытается доказать, что деревня сама «рвется вонъ изъ тисковъ своего сословно-бюрократическаго строя». На основаніи многочисленныхъ свидѣтельствъ, г. Шрейдеръ отмѣчаетъ, что въ деревнѣ на смѣну старому крѣпостному поколѣнію, съ его идеалами и традиціями, явилось новое, выросшее при существенно измѣнившейся обстановкѣ, «поколѣніе прошедшее уже черезъ земство, чрезъ судъ присяжныхъ, чрезъ всеобщую воинскую повинность, наконецъ, частью «выварившееся въ фабричномъ котлѣ». Цѣлый рядъ проявленій крестьянской самодѣятельности, внимательно собранныхъ авторомъ, убѣждаетъ, что за деревенской околицей накопилось замѣтное количество работоспособныхъ силъ, что тамъ уже начинается борьба за право, уже опредѣлились потребности, удовлетворить которыя наиболѣе доступно при помощи мелкой земской единицы. Эта форма элементарной самодѣятельности, отвѣчая запросамъ момента, вмѣстѣ съ тѣмъ является и залогомъ будущаго. Тотъ зародышъ дальнѣйшаго развитія, который заключается въ каждой общественной организаціи, устоитъ предъ временными неблагопріятными вліяніями; раздробленіе общественныхъ функцій, такимъ образомъ, послужитъ средствомъ къ ихъ суммированію. Г. Шрейдеръ съ сочувствіемъ цитируетъ слова Мориса Вотье о томъ, что изъ англійскихъ общинныхъ сходовъ «безъ всякаго потрясенія, нѣкоторымъ образомъ силою правильнаго и постояннаго роста возникло наиболѣе славное изъ представительныхъ собраній міра». Во всякомъ случаѣ, и въ данный моментъ участіе крестьянства въ мелкой земской единицѣ, по справедливому замѣчанію автора, формально превратитъ сельскихъ обывателей въ крупную общественную силу, съ которою уже нельзя будетъ не считаться.

Мы не станемъ разбирать намѣчаемыя г. Шрейдеромъ функціи мелкой земской единицы: онѣ уже достаточно выяснены. Но проектъ избирательной системы, выработанный г. Шрейдеромъ въ сотрудничествѣ съ І. В. Гессеномъ и нѣкоторыми земскими людьми, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться, такъ какъ онъ вноситъ новое и цѣнное теченіе въ земскую среду. Авторы проекта не раздѣляютъ постоянно высказываемаго недовѣрія къ общественной работоспособности крестьянства; они полагаютъ, что коллективный умъ деревни съумѣетъ справиться съ дѣлами мѣстнаго хозяйства; также отрицательно относятся они и къ стремленіямъ нѣкоторыхъ группъ перенести въ мелкую единицу сословныя и имущественныя привилегіи. Право участія въ выборахъ, равно какъ и право быть избираемымъ, должно принадлежать всѣмъ лицамъ обоего пола, въ какомъ-либо размѣрѣ и по какому-либо основанію въ теченіе не менѣе одного года платящимъ земскій налогъ. Выборы должны происходить подъ предсѣдательствомъ избраннаго уѣзднымъ земствомъ лица въ одномъ избирательномъ сходѣ, въ которомъ совмѣстно участвуютъ и голосуютъ всѣ избиратели, независимо отъ ихъ сословной и классовой разнородности; никто не имѣетъ никакихъ преимуществъ; всѣ голоса равны другъ другу, имѣютъ одинаковый вѣсъ и одинаковое значеніе. Что касается возможности нарушенія интересовъ отдѣльныхъ группъ населенія, о которой такъ много говорили на

земскихъ собраніяхъ крупные землевладѣльцы, то авторы проекта совершенно устраняютъ эту опасность очень широкою и принципіально правильною постановкою вопроса. Они указываютъ, что на вниманіе и защиту отъ деспотизма большинства въ правѣ претендовать не только одна какая-либо категорія избирателей, но и всякое вообще меньшинство, по какому бы признаку оно ни складывалось. Такая защита достигается только однимъ путемъ—системою пропорціональныхъ выборовъ, которая имѣетъ цѣлью дать представительство всѣмъ, даже мельчайшимъ группамъ интересовъ. Для этого система пропорціональныхъ выборовъ отказывается отъ абсолютнаго большинства голосовъ и требуетъ для избранія полученія только такого количества голосовъ, которое не менѣе избирательнаго знаменателя, т.-е. числа, опредѣляющаго отношеніе избирающихъ къ избираемымъ. Согласно проекту, количество волостныхъ гласныхъ опредѣляется minimum въ 25 человѣкъ на первыя пять тысячъ населенія, затѣмъ на каждую тысячу душъ населенія прибавляется по три гласныхъ, пока количество ихъ не достигнетъ maximum'а въ 60 человѣкъ. Такимъ образомъ, для избранія достаточно будетъ получить 150—200 голосовъ. Эта избирательная система представляется намъ наиболѣе удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ вопроса, такъ какъ проектированныя до сихъ поръ земскими собраніями ограниченія однихъ группъ избирателей и преимущества другихъ явно недопустимы въ учрежденіи, вызванномъ къ жизни неотложною необходимостью покончить съ разнаго рода привилегіями и правовымъ неравенствомъ. Отношенія между уѣзднымъ земствомъ и мелкою единицею, право исполнительнаго органа волостнаго земства, основанія обложенія и проч. проэктированы въ статьѣ г. Шрейдера съ тою же заботливостью объ интересахъ крестьянской массы, какъ и изложенная избирательная система. Статья г. Шрейдера и приложенный ко второму выпуску сводный проэктъ организаціи мелкой земской единицы даютъ всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ вполнѣ конкретный образъ предполагаемаго учрежденія, законченный законопроектъ, который нуждается только въ осуществленіи.

Остальныя статьи сборника: «Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земствахъ, комитетахъ о сельскохозяйственной промышленности и общественныхъ собраніяхъ за 1902 г. и начало 1903 г.» г. Блеклова и «Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ литературѣ» г. Ипполитова представляютъ очень живые, продуманные обзоры литературныхъ и общественныхъ мнѣній, высказанныхъ въ послѣднее время, но такъ какъ и земскія собранія и печать не внесли ничего новаго сравнительно съ тѣми взглядами, которые мы разсматривали въ отзывѣ о первомъ выпускѣ, то мы на нихъ останавливаться не будемъ. И земская, и литературная мысль продолжала работать надъ вопросомъ о мелкой единицѣ съ большою энергіею, но преимущественно въ области конкретныхъ подробностей предполагаемой организаціи, стараясь воплотить общую идею въ опредѣленныя практическія указанія. Цѣль эта въ настоящее время достигнута. Громадная общественная работа закончена. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, быть можетъ, печатались послѣдніе листы второго тома «Мелкой земской единицы», выяснилось съ полною опредѣленностью, что произведенный трудъ не принесетъ непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Въ сущности говоря, этотъ исходъ не является неожиданнымъ, хотя на многихъ онъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, работа общественной мысли по вопросу о мелкой земской единицѣ не останется безплодной: она способствовала выясненію одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ программы, усвоеніе которой необходимо для каждаго земскаго дѣятеля въ переживаемое нами время. *Ник. Іорданскій.*

Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. Предлагаемый читателямъ трудъ г. Тол-

мачева содержитъ краткій обзоръ мнѣній мѣстныхъ людей и земства по крестьянскому вопросу, начиная съ 1864 года. Въ немъ перечислены существенныя ходатайства земскихъ собраній, упомянуто о работахъ кахановской коммиссіи, изложены отвѣты губернскихъ совѣщаній министерству внутреннихъ дѣлъ въ 94 г. и земскихъ собраній министерству земледѣлія въ 94—98 гг., отмѣчены мнѣнія кустарнаго и агрономическаго съѣзда и подведены, наконецъ, итоги постановленіямъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Авторъ указываетъ, что побудительною причиною появленія его труда явилась ясно сознанная имъ во время работъ въ сельскохозяйственномъ комитетѣ потребность имѣть подъ руками исторію правительственныхъ и общественныхъ начинаніи въ области крестьянскаго вопроса. Такимъ образомъ, предъ нами—рядъ простыхъ историческихъ справокъ, сырой матеріалъ, приведенный въ сжатый конспективный видъ, но не слитый въ органическое цѣлое планомѣрною разработкою. Сухая дѣловитость изложенія еще болѣе усиливаетъ этотъ основной недостатокъ труда г. Толмачева.

Тѣмъ не менѣе, авторъ, какъ онъ нѣсколько высокопарно и наивно выражается въ предисловіи, можетъ «считать себя удовлетвореннымъ въ томъ, что имѣлъ счастіе внести свою лепту въ сокровищницу всѣхъ творческихъ духовныхъ силъ страны, на содѣйствіе которыхъ разсчитываетъ правительство». Практическое значеніе труда г. Толмачева несомнѣнно. Онъ обстоятельно и безпристрастно напоминаетъ исторію крестьянскаго вопроса всѣмъ, кто за минутнымъ миражемъ забываетъ опытъ вчерашняго дня, и даетъ фактическую опору тѣмъ, кто способенъ сдѣлать выводы изъ прошлаго. Въ настоящее время, когда крестьянскій вопросъ снова стоитъ во весь ростъ предъ русскимъ обществомъ, когда снова слышатся старыя пѣсни,—трудъ г. Толмачева является вполнѣ своевременныхъ и умѣстнымъ. Уже съ первыхъ страницъ матеріалъ, собранный г. Толмачевымъ, наводитъ на поучительныя и плодотворныя размышленія. Мы привыкли говорить, что за сороколѣтіе, протекшее со времени паденія крѣпостного права, законодательство ю крестьянахъ переживало періодъ полнаго затишья. Фразы о томъ, что «деревня забыта», что «для народа ничего не дѣлается», стали шаблонными и повторяются всѣми и повсюду. Въ дѣйствительности оказывается, что только перечисленіе узаконеній, относящихся къ устройству крестьянъ, изданныхъ въ добавленіе положеній 1861 г., и новыхъ, занимаетъ въ указателѣ министерства внутреннихъ дѣлъ цѣлый томъ. По подсчету г. Толмачева, за 40 лѣтъ было издано 1.589 узаконеній, такъ или иначе касающихся устройства сельскаго состоянія. Въ тотъ же періодъ послѣдовало 1.474 рѣшеній и толкованій правительствующаго сената по различнымъ вопросамъ крестьянскаго землепользованія и управленія. Трудно требовать болѣе интенсивнаго законодательнаго творчества...

Однако, обычное представленіе о заброшенности деревни подтверждается положительными фактами. Какъ извѣстно, возъ и нынѣ тамъ, гдѣ его оставили въ шестидесятыхъ годахъ, и даже, пожалуй, нѣсколько отодвинулся назадъ. Разгадку этого явленія надо искать въ отзывахъ мѣстныхъ людей, тщательно сгруппированныхъ г. Толмачевымъ. Несмотря на отсутствіе необходимыхъ формъ для выраженія общественнаго мнѣнія, земская среда и въ отдѣльныхъ ходатайствахъ, и въ общихъ отвѣтахъ на запросы правительства успѣла нарисовать полную картину крестьянскихъ нуждъ и намѣтить опредѣленный путь для ихъ удовлетворенія. При этомъ невольно обращаетъ на себя вниманіе то единодушіе и постоянство, съ которымъ мѣстные люди въ теченіе сорока съ лишнимъ лѣтъ отмѣчаютъ одни и тѣ же неустройства нашей жизни. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, къ сожалѣнію, не затронутыхъ г. Толмачевымъ, въ дворянскихъ собраніяхъ и губернскихъ комитетахъ неоднократно возбуждались ходатайства о томъ, чтобы дореформенное законодательство было согласо-

вано съ потребностями новой жизни при дѣятельномъ участіи представителей всѣхъ сословій, такъ какъ бюрократическій порядокъ разрѣшенія основныхъ вопросовъ народной жизни не можетъ принести удовлетворительныхъ результатовъ. Въ 1881 г., послѣ извѣстнаго циркуляра графа Игнатьева, гдѣ было сказано, что «правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній», земскія желанія выразились съ новою силою, хотя, по существу, они ничѣмъ не отличались отъ ходатайствъ шестидесятыхъ годовъ. «Упадокъ экономическаго благосостоянія всѣхъ классовъ общества; неравномѣрная податная тягость, препятствующая накопленію какихъ бы то ни было сбереженій недостаточными классами: неопредѣленность правъ и обязанностей управляющихъ и управляемыхъ; формально канцелярскіе порядки, тормозящіе всякое дѣло; низкій уровень образованія массы; шаткость понятій о долгѣ и собственности, усиливающаяся безнаказанность преуспѣвающаго на всѣхъ путяхъ хищенія и затруднительность свободнаго обсужденія мнѣній...» Въ такихъ выраженіяхъ характеризуетъ положеніе вещей херсонское губернское земское собраніе 1881 года. «Новыя начала,—продолжаетъ оно,—введенныя въ русскую жизнь великою работою прошлаго царствованія, видимо, оказываютъ свое дѣйствіе: ненормированному обществу становится тѣсно въ экономическихъ и духовныхъ путахъ, составляющихъ наслѣдіе дореформеннаго времени. Общественная мысль требуетъ самодѣятельность, а здравыя народныя силы, сдерживаемыя неблагопріятными условіями, свободнаго ихъ приложенія. Общество ожидаетъ, что именно въ такомъ направленіи проведены будутъ возвѣщенныя правительствомъ преобразованія; что оно не ограничится поверхностнымъ исправленіемъ частностей, а представитъ собою измѣненіе системы, въ основѣ которой лежало недовѣріе къ обществу и, какъ слѣдствіе такого недовѣрія, подозрительная опека всѣхъ отраслей общественной жизни и тщательное устраненіе всякаго проявленія самодѣятельности» (стр. 88). Мы сдѣлали эту длинную выписку потому, что она можетъ служить формулой, въ которую отливаются общественныя пожеланія съ шестидесятыхъ годовъ и вплоть до настоящаго времени. Сознаніе, что «въ попечительномъ вниманіи къ нуждамъ населенія недостаетъ самой существенной части—голоса самого народа, устраняемаго системою недовѣрія», что частичныя поправки безсильны исцѣлить язвы русской жизни, проникаетъ всѣ земскіе отзывы. «Единственнымъ способомъ... къ успѣшному разрѣшенію крестьянскаго и связанныхъ съ нимъ вопросовъ,—заявляло новоторжское земское собраніе въ 1880 г.,—представляется участіе въ обсужденіи разрѣшенія этихъ вопросовъ представителей самихъ заинтересованныхъ лицъ и въ особенности крестьянъ, какъ огромнаго большинства населенія» (стр. 86). Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ сдѣлалъ попытку создать общеніе правительства и земства въ формѣ особыхъ коммисій такъ называемыхъ «свѣдущихъ людей»,—земская мысль отнеслась къ этому начинанію отрицательно, какъ къ частичной мѣрѣ. Двѣнадцать губернскихъ земскихъ собраній въ той или другой формѣ высказались за необходимость установленія такого порядка приглашенія свѣдущихъ людей, при которомъ они являлись бы дѣйствительными представителями общества (стр. 87). Тѣ же мысли и почти тѣ же слова услышало русское общество отъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ 1902 г. Курскій губернскій комитетъ, отмѣчая, что работы правительственныхъ коммиссій, земскихъ собраній и мѣстныхъ комитетовъ, предпринимаемыя въ области крестьянскаго вопроса за послѣднія 15—20 лѣтъ, или прерывались безъ всякаго положительнаго результата, или, въ лучшемъ случаѣ, заканчивались частичными заключе-

ніями и приводили къ частичнымъ мѣропріятіямъ, указываетъ на необходимость широкаго участія общественныхъ силъ для обезпеченія дѣйствительной успѣшности работъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства (стр. 89). «Нельзя себѣ представить ни одной глубокой коренной реформы безъ дѣятельнаго участія всѣхъ живыхъ силъ народа въ ея начертаніи и проведеніи, и это возможно только черезъ общественныя учрежденія», пишетъ нижегородскій уѣздный комитетъ (стр. 91). Наряду съ расширеніемъ общественной самодѣятельности, мѣстные люди постоянно подчеркивали неотложную необходимость точнаго опредѣленія правъ личности на незыблемыхъ и ясныхъ основаніяхъ. Г. Толмачевъ весьма умѣстно вспоминаетъ слова Сперанскаго: «къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія», и тщательно прослѣживаетъ развитіе этой мысли въ общественномъ сознаніи за послѣднее сорокалѣтіе. Развитіе это, однако, заключается почти исключительно въ расширеніи сферы вліянія гуманныхъ правовыхъ идей. Желанія и стремленія, свойственныя въ шестидесятые годы немногочисленнымъ верхамъ общества, въ настоящее время мощно охватываютъ самые широкіе слои русскаго народа. Это новое и чреватое послѣдствіями явленіе русской жизни не входило въ задачу г. Толмачева, но оно чувствуется, какъ почва тѣхъ стремленій, внѣшнему выраженію которыхъ авторъ посвятилъ свой трудъ. Такимъ образомъ, работа г. Толмачева является полезнымъ пособіемъ не только для земцевъ практиковъ, но и для всѣхъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ общественными настроеніями послѣднихъ десятилѣтій, поскольку эти движенія отражались въ земской средѣ. *Ник. Іорданскій.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

„Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“.—*В. О. Икономовъ.* „Наканунѣ реформы Петра Великаго“.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1903. Цѣна 2 р. Первый выпускъ «Галлереи русскихъ дѣятелей», издаваемой въ качествѣ преміи къ «Вѣстнику и Библіотекѣ самообразованія», посвященъ дѣятелемъ, принимавшимъ болѣе или менѣе видное участіе въ величайшемъ изъ событій русской исторіи XIX вѣка—въ освобожденіи крестьянъ, положившемъ начало новой эпохѣ нашего политическаго и общественнаго развитія. Въ этомъ выпускѣ помѣщены частью фотогравюры, частью фототипіи, частью литографированные портреты, какъ ближайшихъ участниковъ въ разрѣшеніи вѣковой неправды русской исторіи: императора Александра II, великаго князя Константина Николаевича, великой княгини Елены Павловны, Николая Милютина, Ростовцева, кн. Черкасскаго, Юрія Самарина, Кавелина, такъ и тѣхъ лицъ, которыя могли послужить великому дѣлу освобожденія путемъ печатнаго слова: Радищева, Николая Тургенева, Герцена, Некрасова, Григоровича, И. С. Тургенева. Конечно, этими четырнадцатью лицами далеко не исчерпываются главные дѣятели освобожденія крестьянъ, но передъ нами пока только первый выпускъ, посвященный этимъ дѣятелямъ. Къ прекрасно воспроизведеннымъ портретамъ указанныхъ дѣятелей приложены небольшіе очерки, составленные такими лицами, какъ К. К. Арсеньевъ (о Некрасовѣ), А. К. Бороздинъ (о Герценѣ), А. И. Браудо (о Милютинѣ), С. А. Венгеровъ (о Григоровичѣ и И. С. Тургеневѣ), А. А. Кизеветтеръ (объ Александрѣ II) А. Ѳ. Кони (о В. К. Еленѣ Павловнѣ и Кн. Черкасскомъ), Н. П. Павловъ-Сильванскій (о В. К. Константинѣ Николаевичѣ), В. И. Семевскій (о Н. И. Тургеневѣ), Л. З. Слонимскій (о Кавелинѣ), В. Е. Якушкинъ (о Ра-

дищевѣ) и др. Очерки эти разной величины и неодинаковаго достоинства и характера. Одни изъ нихъ представляютъ краткія біографіи, другіе—характеристики, третьи говорятъ только объ участіи даннаго лица въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, наконецъ послѣдній очеркъ, посвященный И. С. Тургеневу, говоритъ о немъ, только какъ объ авторѣ «Записокъ охотника». Но главное вниманіе во всѣхъ этихъ очеркахъ обращено на степень участія того или другого дѣятеля въ освобожденіи крестьянъ или въ подготовкѣ этого великаго дѣла.

Недостатокъ мѣста не позволилъ составителямъ отдѣльныхъ очерковъ использовать весь тотъ матеріалъ, который могъ бы быть въ ихъ распоряженіи. Но все-таки нѣкоторые пропуски и умолчанія нельзя признать умѣстными даже и въ короткихъ очеркахъ. Такъ, напримѣръ въ очеркѣ г. Павлова-Сильванскаго ни единымъ словомъ не упоминается о вліяніи на юнаго великаго князя Константина Николаевича переписки съ Жуковскимъ, о которой Джаншіевъ вполнѣ справедливо замѣтилъ: «эта переписка можетъ дать будущему біографу великаго князя очень интересныя данныя для уясненія характера его и его политической дѣятельности». Въ очеркѣ, посвященномъ Ростовцеву, слѣдовало бы упомянуть о его поведеніи въ дѣлѣ 14-го декабря, тѣмъ болѣе, что онъ характеризуется въ этомъ очеркѣ, какъ «энтузіастъ лоялизма». Слѣдовало бы также отмѣтить и враждебное его отношеніе къ розгѣ, сторонниками которой въ редакціонныхъ коммиссіяхъ оказались даже Милютинъ, Самаринъ и Кн. Черкасскій. Говоря о Юріи Самаринѣ нельзя не вспомнить письма полученнаго, имъ отъ Н. Милютина; гдѣ, между прочимъ было сказано: «идя въ комиссію (редакціонную), я *болѣе всего* разсчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла». Письмо это, правда, цитируется въ очеркѣ, посвященномъ Милютину, но приведенныхъ словъ и тамъ нѣтъ. Авторъ очерка о Кавелинѣ не воспользовался крайне характерными письмами его къ Погодину. Особенно кратокъ очеркъ, посвященный Герцену. Изъ беллетристическихъ его произведеній, задѣвающихъ крѣпостное право, упомянута одна только «Сорока воровка»; изъ заграничныхъ его статей о крѣпостномъ правѣ, написанныхъ до изданія «Колокола», говорится только о «Крещеной собственности». Не воспользовался авторъ этого очерка и дневникомъ Герцена, гдѣ встрѣчаются цѣлыя страницы, изображающія безотрадное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

Наиболѣе подробнымъ и интереснымъ очеркомъ является, безспорно, очеркъ А. Ѳ. Кони, посвященный великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ поддерживала императора Александра II въ его рѣшеніи освободить крестьянъ и покровительствовала главнѣйшимъ дѣятелямъ освобожденія, напримѣръ: Милютину, Самарину, кн. Черкасскому, Кавелину и др. Въ особенную заслугу должна быть поставлена великой княгинѣ поддержка, оказанная ею Н. Милютину, къ которому императоръ Александръ II относился крайне недовѣрчиво. «Напрасно заступаетесь,—сказалъ государь Горчакову, единственному человѣку, рѣшившемуся въ комитетѣ министровъ сказать свое слово въ защиту Милютина,—онъ уже давно имѣетъ репутацію краснаго и вреднаго человѣка». «Мнѣнія по поводу Милютина,—говорилъ государь Ростовцеву,—очень разнорѣчивы и очень дурны; хотя нѣкоторые считаютъ его человѣкомъ весьма даровитымъ, но большинство признаетъ самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи». «Одни говорятъ,—сказалъ государь Ланскому,—что онъ ненавидитъ дворянство, другіе, что онъ хочетъ конституцію» (стр. 25—26).

Если Милютинъ при такомъ отношеніи къ нему государя все же могъ столь благотворно послужить великому дѣлу, то этимъ мы обязаны, по всей вѣроятности, не столько отзыву Ланского, который сказалъ императору Але-

ксандру II, что онъ ручается за Милютина, какъ за самого себя, сколько вліянію великой княгини Елены Павловны, всегда защищавшей и ободрявшей «кузнеца-гражданина».

Встрѣчаются въ очеркахъ неточности и противорѣчія. Такъ, напримѣръ, о Бѣлинскомъ сказано, что онъ редактировалъ «Современникъ», чего на самомъ дѣлѣ не было. О Меркелѣ совершенно невѣрно сказано, что онъ *впервые* поднялъ въ литературѣ вопросъ о злоупотребленіяхъ прибалтійскихъ бароновъ крѣпостнымъ правомъ (стр. 51). Объ этихъ злоупотребленіяхъ говорилось еще въ XVI вѣкѣ, въ «Космографіи» Себастіана Мюнстера, вышедшей въ 1544 г., и въ хроникѣ Балтазара Рюссова, напечатанной въ 1584 году. И въ XVIII вѣкѣ о безотрадномъ положеніи латышей и эстовъ пасторъ Эйзенъ писалъ болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ до появленія знаменитой книги Меркеля «Латыши въ исходѣ философскаго столѣтія». Напрасно также авторъ очерка о Юріи Самаринѣ называетъ Меркеля пасторомъ, онъ былъ только сыномъ пастора.— Относительно личнаго знакомства Милютина и Самарина въ одномъ очеркѣ сказано, что оно произошло только въ 1857 году, а въ другомъ очеркѣ они оказываются не только знакомыми, но даже друзьями, еще въ сороковыхъ годахъ (стр. 25, 56).

Нельзя пройти молчаніемъ и мнѣніе г. Венгерова объ исторической роли «Антона Горемыки» и «Записокъ охотника». «Слезы, пролитыя надъ «Антономъ Горемыкой»—говорится, въ предисловіи,—фактически сыграли самую рѣшающую роль въ подготовленіи реформы, а умиленіе, охватившее всѣхъ при созерцаніи трогательныхъ фигуръ, нарисованныхъ Тургеневымъ, были убѣдительнѣе всякихъ цифръ и государственныхъ соображеній».

Въ очеркахъ, посвященныхъ Григоровичу и Тургеневу, это мнѣніе повторено еще въ болѣе категорической формѣ. Не можетъ быть никакого спора о томъ, что заслуги русской литературы въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ были очень велики, но отводить ей «первенствующую» роль въ разрѣшеніи этого вопроса едва ли возможно. Освобожденіе крестьянъ было подготовлено всею исторіею русскаго общества, а не одной только литературой. Необходимость уничтожить крѣпостное право была сознана еще императоромъ Николаемъ, который, какъ извѣстно, былъ мало доступенъ литературнымъ вліяніямъ. Да и главные дѣятели освобожденія крестьянъ вдохновлялись не столько «слезами», пролитыми надъ «Антономъ Горемыкой, и гуманными чувствами, возбужденными чтеніемъ «Записокъ охотника», сколько реальными нуждами государства. «Въ моихъ глазахъ,—писалъ Кавелинъ,—рѣшить умно и основательно и честно... этотъ (крестьянскій) вопросъ—значитъ спасти насъ отъ безсмысленной рѣзни и на пятьсотъ лѣтъ дать Россіи внутренній миръ и возможность правильнаго, спокойнаго преуспѣянія безъ скачковъ и прыжковъ. Ибо только въ этомъ горестномъ крѣпостномъ правѣ я и вижу возможность возстаній и насильственныхъ переворотовъ. Не будетъ перваго, не будетъ и послѣднихъ». Не слѣдуетъ забывать, что и самъ императоръ Александръ II сказалъ московскому дворянству 30-го марта 1856 года: «лучше отмѣнить крѣпостное право *сверху*, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться *снизу*». Существуетъ, правда, мнѣніе, что именно главный виновникъ освободительнаго акта 19-го февраля находился подъ вліяніемъ «Записокъ охотника». «Есть прямыя свидѣтельства,—говоритъ Венгеровъ,—о сильномъ впечатлѣніи, которое «Записки охотника» произвели на наслѣдника престола, будущаго освободителя крестьянъ» (стр. 74). Но всѣ эти «прямыя свидѣтельства» идутъ отъ самого Тургенева, и наиболѣе достовѣрное изъ нихъ—запись въ дневникѣ Гонкуровъ—приписываетъ автору «Записокъ охотника» такія слова: «Императоръ Александръ приказалъ мнѣ сказать (m'a fait dire), что чтеніе моей книги было *однимъ изъ главныхъ мотивовъ* его рѣшимости». Есть показаніе дру-

гого рода. Въ варшавской первой гимназіи на панихидѣ по Тургеневѣ законоучитель протоіерей Ливчакъ, между прочимъ, упомянулъ, что онъ слышалъ отъ хорватскаго публициста Лукшича заявленіе самого Тургенева въ 1867 году о томъ, что императоръ Александръ II сказалъ ему *лично*: «съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ «Записки охотника», меня ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ» [1]). Но этому свидѣтельству, дошедшему до насъ такимъ кружнымъ путемъ, очень трудно повѣрить, особенно при сравненіи съ указанной записью въ дневникѣ Гонкуровъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, отводить «Запискамъ охотника» «первое мѣсто въ ряду подготовительныхъ теченій эпохи реформъ» нѣсколько рискованно.

С. Ашевскій.

В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта московской Руси XVII вѣка. М. 1903. 8-in. 8-vo. Стр. XXIV+304. Ц. 1 руб. 25 коп. Книжка г. Икономова составляетъ XXVII-ой томикъ «Библіотеки для самообразованія», издаваемой т-вомъ И. Д. Сытина и преслѣдующей опредѣленную цѣль «дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія». Я очень затрудняюсь высказаться относительно названной книжки, ибо редакція «Библіотеки для самообразованія» въ сущности подвела г. Икономова, который много потрудился надъ своею книжкой. Затѣмъ я сильно сомнѣваюсь въ томъ, что редакція «Библіотеки для самообразованія» справедливо утверждаетъ въ своемъ предисловіи, что книжка г. Икономова принадлежитъ къ разряду тѣхъ пособій, которыя признаны московскою коммиссіей по организаціи домашняго чтенія необходимыми для усвоенія ея систематическихъ программъ. Ни по тону изложенія, ни по пріемамъ обработки историческаго матеріала, ни по глубинѣ анализа, книжка г. Икономова не подходитъ подъ типъ основнаго пособія въ строго выдержанномъ стилѣ научно-популярной работы; въ ней отсутствуетъ живость стройнаго и проработаннаго до сути вещей историческаго разсказа, и на читателя, знакомаго съ обычными томиками «Библіотеки для самообразованіе», книга производитъ непріятное впечатлѣніе манерностью автора въ пріемахъ выражаться популярно. Излагая очень ужъ доступно, авторъ проигрываетъ въ ясности и точности: строго выдержанный стиль научно-популярной работы дается, по моему мнѣнію, только при одномъ условіи,—при условіи самостоятельной научной переработки прочитаннаго; однихъ добрыхъ желаній и стремленія выполнить получше здѣсь далеко не достаточно. Вредитъ книжкѣ также мѣстами диѳирамбическій, мѣстами нѣсколько морализирующій характеръ разсказа. Авторъ обо всемъ говоритъ слегка, его не всегда можно попрекнуть невѣрнымъ представленіемъ, и, быть можетъ, по той причинѣ, что часто не знаешь, какое онъ хочетъ дать представленіе. Авторъ пишетъ введеніе къ своей основной темѣ, т.-е. къ исторіи московской Руси XVII вѣка: въ этомъ введеніи изложена на протяженіи 59 страницъ *вся* русская исторія до времени царя Михаила, изложена такъ, какъ нельзя говорить въ научно-популярной книжкѣ. Каковъ былъ порядокъ княжескаго владѣнія въ южной Руси XI—XII вѣковъ—это изложено на 9-й стр. Я, конечно, не могу приводить многихъ выписокъ, но позволяю себѣ утверждать въ данномъ случаѣ, что это изложеніе лишено опредѣленнаго содержанія. Ярославъ, оказывается, *подѣлилъ* русскую землю между своими сыновьями, но послѣдніе «владѣли не постоянно, не по праву частнаго неотъемлемаго владѣнія: смерть великаго князя сопровождалась *передвижкой* (sic!) князей изъ одной области въ другую», а дальше совершенно неожиданное заключеніе: «такъ сообща владѣли русской землей Рюриковичи». Идея порядка у автора пропала: свой источникъ онъ до конца не использовалъ, а самъ изло-

---

*) „Историческій Вѣстникъ“, т. XIV, ст. 457.

жить не съумѣлъ. Позволю себѣ дать добрый совѣтъ: при компиляціи вовсе нѣтъ нужды церемониться съ литературными источниками, лишь были бы только эти источники указаны въ предисловіи. Характерно изложеніе политическаго строя Новгорода; все какъ будто на мѣстѣ: есть и вѣче, и князь, и другія учрежденія... Но что же это былъ за политическій порядокъ, читатель такъ и не усняетъ себѣ изъ разсказа г. Икономова. «Новгородъ отстраняетъ вліяніе князей на внутреннія дѣла... законодательная власть принадлежитъ вѣчу, а исполнительная—избранникамъ народа... съ теченіемъ времени въ новгородской самоуправляющейся общинѣ вся власть перешла въ руки немногочисленнаго класса богатыхъ... Новгородъ не въ состояніи былъ сохранить своей самобытности» и т. д. Какъ много словъ и какъ мало дѣла! Читатель такъ и не представляетъ себѣ ясно по изложенію г. Икономова, что это за государство Новгородъ.

Я особенно подчеркиваю эту недопустимую въ популярной книжкѣ игру словами, не соединяя съ ними никакого опредѣленнаго содержанія: новгородская *«самоуправляющаяся община»*—что означаетъ такое выраженіе въ устахъ г. Икономова, мы не знаемъ; какъ претворится это выраженіе въ сознаніи неопытнаго читателя, тоже не знаемъ. При попыткѣ автора изобразить удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія, читатель совершенно неожиданно узнаетъ, что въ южной Руси существовалъ порядокъ *«родового старшинства»*: ранѣе это выраженіе и не встрѣчалось, да и плохо вяжется со всѣмъ предыдущимъ разсказомъ. Мы такъ привыкли къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ терминамъ, что прямо рѣжетъ глазъ, когда читаешь, напр., у г. Икономова, что «удѣльное княжество московское» превратилось «въ огромное Великороссійское государство» (стр. 29), что «отъ *вотчинническихъ* порядковъ» переходили къ «взглядамъ *чисто* государственнымъ». Можно попрекнуть автора большимъ неряшествомъ изложенія: описывая политическій бытъ Новгорода, онъ не называетъ его по имени, а при описаніи московскаго великаго княженія у него вдругъ прорывается новгородская *«республика»*; описывая бытъ славянъ на восточно-европейской равнинѣ,онъ говоритъ, что они «селились отдѣльными поселками, состаявшими изъотдѣльныхъ семей»; перебравшись въ московское княжество, авторъ вдругъ вспоминаетъ давно покинутый сюжетъ и говоритъ о «патріархальной общинѣ», разложившейся «на зарѣ русской исторіи». Надо замѣтить, что злоупотребленіе автора терминомъ община очень чувствительно во многихъ другихъ случаяхъ. Судебникъ у г Икономова безъ всякихъ поясненій превращается въ сводъ законовъ. Но скучно все это перечислять. Авторъ, несомнѣнно, много перечиталъ, но въ передачѣ его какъ-то все утратило жизнь и превратилось въ какую-то чисто механическую связь предложеній и словъ.

Излагая затѣмъ въ рядѣ очерковъ бытъ московскаго государства XVII вѣка, г. Икономовъ любитъ впадать въ простыя перечисленія: стр. 60—70 особенно любопытны въ этомъ отношеніи. Все изложеніе г. Икономовымъ основной темы отрывочно и лишено внутренняго единства: очеркъ за очеркомъ слѣдуетъ вполнѣ произвольно. Авторъ описываетъ границы московскаго государства XVII вѣка, «классы и сословія русскаго общества» (?), устройство управленія и народной обороны, государственное и народное хозяйство, сношенія съ иностранными государствами, образованность русскаго общества, домашній бытъ и нравы. По неизвѣстнымъ намъ основаніямъ авторъ происхожденіе русскаго раскола изображаетъ въ четвертой, а вопросъ о московской образованности въ восьмой главѣ. Но развѣ можно описать расколъ, минуя культурный фонъ московскаго государства XVII вѣка? Или: развѣ можно представить московскую образованность XVII вѣка, не связавъ ее съ расколомъ? Авторъ обнаружилъ здѣсь нѣкоторое пристрастіе къ старому шаблону: расколъ непремѣнно долженъ былъ попасть у него въ главу «устройство церковнаго управленія, религіозный бытъ народа и расколъ въ русской церкви». Происхожденіе раскола, частью

вслѣдствіе нескладнаго плана всей книги, частью вслѣдствіе игнорированія новѣйшихъ изображеній этого вопроса, извѣстныхъ нашему автору, описано одностороние, и роль Стоглава, а равно исторія всего процесса такъ называемаго исправленія богослужебныхъ книгъ у г. Икономова пропали. О расколѣ мы узнаемъ изъ его книги ровно столько, сколько можно узнать изъ учебника по русской исторіи.

О дикости, отсталости, непросвѣщенности русскихъ людей XVII вѣка, объ ихъ изолированности отъ западной культуры говорится г. Икономовымъ не мало, словно его книга писалась въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Но съ какой стати на тысячу ладовъ надо пересказывать одинъ и тотъ же трюизмъ? Ужъ если пересказывать, такъ надо и объяснять. Въ современной научно-популярной книгѣ надо не старье пересказывать и описывать, не мудрствуя лукаво,—нѣтъ, надо объяснять и анализировать. Говоря о пересказѣ старья, я вовсе не имѣю въ виду попрекать автора незнакомствомъ съ новой исторической литературой, отнюдь нѣтъ. Чѣмъ же объясняется и откуда проистекаетъ эта отсталость и эта дикость?—на этотъ вопросъ не ищите у нашего автора отвѣта. Въ главѣ, посвященной образованности московскаго общества XVII вѣка, вы найдете у г. Икономова простой каталогъ фактовъ изъ исторіи культуры въ узкомъ смыслѣ этого слова. Мнѣ думается, что г. Икономовъ, приступая къ составленію своей книжки, руководился самыми благими намѣреніями, но онъ совершенно не подумалъ о томъ, какимъ основнымъ требованіямъ должна удовлетворять научно-популярная книжка по русской исторіи въ началѣ XX вѣка. «Библіотека для самообразованія», приступая къ изданію этой книжки, забыла, въ свою очередь, для чего она существуетъ, и по старой привычкѣ сослалась на несуществующее пока одобреніе Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія. Можетъ быть, произошло это съ отчаянія: по русской исторіи такъ много пишутъ и такъ мало дѣльнаго. Даже программа систематическаго чтенія по русской исторіи въ изданіи названной Комиссіи поневолѣ хромаетъ на одну ногу, ибо нѣтъ подходящей литературы предмета, которую еще предстоитъ создать. Когда г. Икономовъ компоновалъ свою работу, неужели онъ думалъ, что ея главная цѣль должна заключаться въ томъ, чтобы заполнить головы его читателей возможно большимъ количествомъ историческихъ данныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ? Выше отмѣчено, что г. Икономова нельзя попрекнуть незнакомствомъ съ работами новѣйшаго типа по русской исторіи. Можно признать еще больше: г. Икономову хорошо извѣстно, какіе факты и какія данныя подлежатъ теперь преимущественному научному изученію, а стало быть и популяризаціи среди русскаго общества. Зато идея единства историческаго процесса представляется автору въ слишкомъ туманныхъ очертаніяхъ, точнѣе говоря, вовсе не представляется. Книжка «Наканунѣ реформъ Петра Великаго» представляется любопытной въ томъ смыслѣ, что наша литература рѣшительно начинаетъ переходить отъ историческаго анекдота къ историческому факту. Зачѣмъ только продолжается это старое и довольно безсодержательное противопоставленіе восточной Европы западной,—зачѣмъ эти кислыя гримасы при изображеніи древне-русской темноты,—зачѣмъ, наконецъ, эти восторженные вздохи передъ реформами и кажущимся своеобразіемъ русскаго историческаго процесса? Выписки изъ первоисточниковъ заимствуются г. Икономовымъ обыкновенно изъ тѣхъ литературныхъ пособій, которыми онъ пользовался. Я позволю себѣ утверждать, что для компиляціи по древней русской исторіи необходимо непосредственное знакомство съ нѣкоторыми первоисточниками, что придаетъ извѣстный колоритъ разсказу и способствуетъ конкретности изображенія. Пусть авторъ не сѣтуетъ на сдѣланныя выше замѣчанія, такъ какъ они исходятъ также изъ области добрыхъ пожеланій, которыми вдохновлялся г. Икономовъ при составленіи своей книги. *В. Сторожевъ.*

*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

Орженцкій. „Ученіе объ экономическомъ явленіи“.—*Уго Раббено.* „Аграрный вопросъ въ Австралійскихъ колоніяхъ“.—*А. Метенъ.* „Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи“.

Орженцкій. Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. Одесса, 1903, Цѣна 2 руб. Есть книги, которыя на первый взглядъ представляютъ видъ ученыхъ трактатовъ, излагающихъ предметъ въ систематическомъ видѣ, съ массой цитатъ и ссылокъ, даже съ оригинальными положеніями, но при ближайшемъ ознакомленіи оказываются лишенными всѣхъ требованій, предъявляемыхъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и трудъ г. Орженцкаго «объ экономическомъ явленіи». Въ предисловіи авторъ ставитъ своей задачей «правильное рѣшеніе вопроса о природѣ экономическаго явленія, которое сразу дало бы критерій для оцѣнки прилагаемыхъ методовъ и получаемыхъ результатовъ и подвело бы прочный фундаментъ подъ теорію экономической науки». Посмотримъ же, какое «правильное» рѣшеніе даетъ авторъ и какъ онъ подводитъ прочный фундаментъ для экономической науки.

Книга распадается на 3 части. Въ первой излагаются взгляды экономистовъ на предметъ политической экономіи съ критическими на нихъ замѣчаніями, во второй подробно излагается рядъ психологическихъ проблемъ—о человѣкѣ, какъ субъектѣ, о причинности или цѣлесообразности, о волѣ и ея причинахъ, объ оцѣнкѣ, о чувствѣ, какъ элементѣ оцѣнки, о качествѣ и измѣримости чувства; въ третьей части дается опредѣленіе экономическаго явленія.

Въ первой части авторъ прямо приступаетъ къ разсмотрѣнію взглядовъ на предметъ изученія политической экономіи, отожествляя это съ обозрѣніемъ существующихъ взглядовъ на экономическое явленіе (феноменъ), что едва ли можно признать правильнымъ. Авторъ подошелъ бы ближе къ цѣли, если бы, не перебирая разныхъ опредѣленій экономической науки, проанализировалъ рядъ экономическихъ трактатовъ по ихъ содержанію и изъ этого анализа выяснилъ взгляды экономистовъ на сущность экономическихъ явленій. Уже въ этой части труда мы встрѣчаемся съ болѣе, чѣмъ странными взглядами. По мнѣнію автора, въ этической сферѣ всегда имѣетъ мѣсто обмѣнъ услугъ, воздаяніе за оказанную услугу, отличное отъ экономическаго воздаянія только степенью. Это доказывается тѣмъ, что обида, составляющая нравственный ущербъ, можетъ быть возмѣщена денежнымъ штрафомъ. «Если обиженный заслуживаетъ особаго почтенія, вознагражденіе должно быть больше; такимъ образомъ неэкономическое воздаяніе за услуги искуственно таксируется.» (стр. 22—23). Хороша услуга въ формѣ пощечины или иного обиднаго дѣйствія! Особенно поразительны для экономиста разсужденія о томъ, что сотрудничество есть техническій процессъ, а не общественно-экономическое отношеніе: «Представимъ себѣ машину, состоящую изъ многихъ частей; связь ихъ техническая и процессъ работы машинъ есть процессъ техническій. Онъ остается таковымъ, когда функціи какой-либо части машины исполняетъ человѣкъ; связь человѣка съ остальными частями машины исполняетъ человѣкъ; связь человѣка съ остальными частями машины есть та же связь техническая. Если всѣ части машины замѣнены людьми, общая ихъ работа есть та же техническая работа; связь между ихъ функціями такая же, какъ прежде между частями машины, т.-е. техническая; но это не части машины, а люди, отношенія которыхъ суть отношенія общественныя. Тотъ фактъ, что отношенія между частями общаго техническаго процесса суть отношенія между

людьми, дѣлаетъ эти отношенія общественными, но не можетъ дѣлать ихъ не техническими. Или представимъ себѣ, что человѣкъ поднимаетъ тяжесть (техническій процессъ): если тяжесть удвоится, для поднятія ея нужна двойная сила, техническій процессъ останется техническимъ, хотя и исполняется двумя людьми; ничего не прибавилось къ явленію, что могло бы измѣнить его техническій характеръ, сдѣлать его экономическимъ; единственно въ области техники возникло отношеніе между людьми, т.-е. общественное отношеніе». И этой-то логической эквилибристикой авторъ хочетъ опровергнуть мысль, что экономика составляетъ совокупность общественныхъ отношеній на почвѣ производства. Онъ говоритъ: «На почвѣ производства, на почвѣ опредѣленной технической организаціи производственныхъ пріемовъ существуютъ общественныя отношенія, которыя будутъ исключительно техническими (?!)... Опредѣленіе экономики, какъ общественной стороны производства, невѣрно, такъ какъ общественная сторона существуетъ и въ области техники». Авторъ, очевидно, совершенно не понимаетъ соотношенія техники и экономики, того именно, что эти двѣ стороны сосуществуютъ во всякомъ производственномъ дѣйствіи людей, что поднятіе тяжести двумя людьми есть со стороны опредѣленныхъ усилій, извѣстнаго воздѣйствія на внѣшнюю природу, техника, а съ точки зрѣнія отношеній между людьми есть экономика, есть простое сотрудничество. Такая путаница прямо непозволительна для ученаго экономиста.

Разсмотрѣвъ опредѣленія предмета политической экономіи посредствомъ понятія богатства, понятія обмѣна, экономической дѣятельности, общественности, авторъ признаетъ ихъ всѣ неудовлетворительными и приступаетъ къ обоснованію собственнаго опредѣленія.

Для этого введена вторая часть психологическаго характера. Подробно на ней нѣтъ надобности останавливатся прежде всего потому, что она представляетъ собой сплошную компиляцію изъ разныхъ сочиненій, по психологіи и философіи. Можно только задать себѣ вопросъ, зачѣмъ понадобилось занимать 180 страницъ психологическими изысканіями о томъ, что такое воля, чувство, разбирать мнѣніе Штаммлера о принципѣ цѣлесообразности и причинности и пр., тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ далѣе, всѣ эти вопросы совершенно не нужны для конечнаго вывода автора о сущности экономическаго явленія.

Послѣдняя часть начинается краткимъ изложеніемъ теоріи предѣльной полезности. Въ концѣ главы авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Что измѣримость посредствомъ денегъ является характерной особенностью экономическихъ цѣнностей и явленій, хорошо извѣстно на практикѣ; это вѣрный симптомъ того, что вещь по природѣ своей относится къ категоріи экономическихъ явленій, либо стала таковой, въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ. Всѣ товары, всякое удовольствіе, всякій убытокъ, если ихъ можно точно оцѣнить на деньги, безспорно относятся всегда и всѣми къ экономическимъ объектамъ. Въ особенности характерно выступаетъ безошибочность этого критерія въ тѣхъ случаяхъ, когда деньгами начинаютъ измѣрять цѣнность объектовъ, которые обыкновенно нельзя считать экономическими. Такъ случается, что продаютъ за деньги совѣсть, честь и очень часто любовь; какъ только подобная оцѣнка имѣетъ мѣсто, соотвѣтствующія блага теряютъ свой этическій характеръ и становятся экономическими товарами. Такимъ образомъ въ современныхъ условіяхъ жизни мы можемъ опредѣлить понятіе экономическаго явленія посредствомъ понятія экономической цѣнности, какъ цѣнности, подчиняющейся волѣ субъекта и точно измѣримой посредствомъ конечной цѣнности, матеріальнымъ выраженіемъ которой являются деньги» (стр. 337).

Таковъ итогъ всей работы г. Орженцкаго. Поистинѣ, гора родила мышь. Впервые мы слышимъ, что честь и совѣсть могутъ быть экономическимъ яв-

леніемъ, что въ современныхъ условіяхъ жизни экономическое явленіе составляетъ одно, а въ прошломъ и будущемъ человѣчества—другое, что экономическое явленіе все равно, что экономическая цѣнность, да еще къ тому же измѣряется деньгами. Какъ будто синдикаты, кризисы, сотрудничество, рабочіе союзы, будучи несомнѣнно, экономическими явленіями, могутъ измѣряться деньгами и имѣть цѣнность?! Интересно отмѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ смѣшиваетъ въ одно и экономическое благо, и экономическое явленіе, и экономическія цѣнности, такъ какъ употребляетъ ихъ безъ всякаго различія (стр. 387). Совершенно неудачно вводитъ авторъ терминъ «конечная цѣнность»—невозможное съ точки зрѣнія теоріи предѣльной полезности понятіе.

Заключительная глава сочиненія посвящена вопросу объ общественномъ характерѣ экономическихъ явленій, хотя въ первой части авторъ въ § 5 подробно уже разсматривалъ тотъ же вопросъ. Здѣсь авторъ излагаетъ взгляды Лацаруса, Вундта, Спенсера, Штаммлера и др. и приходитъ къ слѣдующему выводу о сущности общественныхъ явленій: «Соціальное и индивидуальное явленія представляютъ собой психическія состоянія и дѣйствія того же индивида; разграничивающій ихъ признакъ заключается въ общепризнанной объективности, внѣ и сверхъ-индивидуальности соціальнаго въ противоположность индивидуальному... Конкретно взятое дѣйствіе индивида всегда остается дѣйствіемъ индивида; но въ однихъ случаяхъ оно и не можетъ быть разсматриваемо никакъ иначе, какъ только въ видѣ дѣйствія индивида, и остается индивидуальнымъ; въ другомъ случаѣ оно въ то же время является конкретнымъ осуществленіемъ болѣе, чѣмъ индивидуальнаго поведенія, частнымъ случаемъ объективно существующаго способа поведенія... Такимъ образомъ соціальнымъ явленіемъ будетъ дѣйствіе индивида, осуществляющимъ собой объективно существующую форму или норму поведенія... Объективная типичность формъ поведенія составляетъ какъ бы преддверіе къ переходу индивидуальныхъ дѣйствій въ соціальное поведеніе. Для того, чтобы фактическое однообразіе поведенія превратилось въ соціальное явленіе, необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы отдѣльные поступки проецировали изъ себя въ сознаніи типичную форму поведенія и стали конкретными случаями ея осуществленія. До момента такой проекціи, поведеніе остается либо естественно-индивидуальнымъ, либо находится въ стадіи объективной типичности, непосредственно предшествующей его соціализаціи. Соціальное явленіе представляетъ собой лишь проекціи индивидуальныхъ сознательно-производныхъ дѣйствій и послѣдующее подведеніе конкретнаго дѣйствія подъ эту проекцію». Не будемъ уже говорить о неясности мыслей автора, говорящаго то о поведеніи, то о дѣйствіе, то объ отношеніи, то о явленіи, какъ будто все это одно и то же. Все изложеніе автора настолько оригинально, что граничитъ съ абсурдомъ. Какъ будто бы не можетъ быть общественныхъ явленій, вовсе не повторяющихся въ типичныхъ формахъ? Говоря о соціальныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ, авторъ все время думаетъ объ индивидѣ и разныхъ его «проекціяхъ», но забываетъ одно существенное условіе,—что соціальное отношеніе имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ есть нѣсколько человѣкъ. По автору же выходитъ, что типичная форма поведенія индивида, напримѣръ, въ способахъ жеванія пищи или способахъ гулянья можетъ оказаться соціальнымъ явленіемъ.

Въ результатѣ мы должны признать, что по пріемамъ работа г. Орженцкаго является компиляціей, сдобренной неудачными логическими измышленіями и упражненіями; въ ней обнаруживается неясность взгляда автора на самый предметъ изложенія, ошибочность воззрѣній на многія установившіяся въ наукѣ истины, а въ отношеніи результата книга даетъ такой выводъ, который не имѣетъ никакого научнаго значенія. *М. С—ъ.*

Уго Раббено. Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Переводъ съ итальянскаго А. Ульяновой. Спб. 1903 г. Стр. 267. Ц. 2 р. Издательство О. Н. Поповой.

Альбертъ Метенъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Переводъ Л. П. Никифорова. М. 1904 г. Стр. 439. Ц. 1 р. 50 к. Изд. В. Нѣмчинова. Къ чести нашихъ издателей и писателей можно сказать, что они съ достаточной быстротой и вниманіемъ постарались удовлетворить законному интересу читающей публики къ замѣчательнымъ соціально-политическимъ реформамъ, предпринятымъ въ послѣднее время въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Самыя замѣчательныя изъ этихъ реформъ, возбудившія удивленіе и горячій интересъ общественныхъ дѣятелей всего міра, были проведены только въ 90-хъ годахъ. А между тѣмъ въ настоящее время мы уже имѣемъ на русскомъ языкѣ цѣлый рядъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, посвященныхъ внутренней жизни молодыхъ австралазійскихъ государствъ. Фирмою Л. Ф. Пантелѣева изданы переводныя сочиненія: *Пьеръ Леруа-Болье.* «Новыя англо-саксонскія общества». Спб. 1898 г. Стр. 342. Ц. 2 р. (Около половины книги посвящено Австраліи и Новой Зеландіи, остальное—Южной Африкѣ и «Проектамъ организаціи британской имперіи») и *Генри де-Уокеръ.* «Развитіе австралійской демократіи». Переводъ съ англ., со вступительной статьей и дополненіями *Д. Сатурина.* Спб. 1901 г. Стр. XL+311. Ц. 1 р. 80 к. Русскимъ авторамъ, кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, принадлежатъ отдѣльно изданныя работы: «Австралія и Новая Зеландія». *Л. Купріяновой.* Спб. 1901 г. Стр. 227. Ц. 1 р., и «Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія Новая Зеландія». *П. Г. Мижуева.* Спб. 1902 г. Стр. 209. Ц. 1 р. 50 к. Названныя нами въ заглавіи книги Раббено и Метена являются новымъ полезнымъ вкладомъ въ литературу вопроса.

Живой всеобщій интересъ къ новѣйшей исторіи Австралазіи объясняется тѣмъ, что въ этой странѣ нашли себѣ наиболѣе полное удовлетвореніе общія требованія рабочаго класса. Соціалистическіе проекты нигдѣ и никогда не осуществлялись такъ широко, какъ въ Австраліи и особенно въ Новой Зеландіи. Но это вовсе еще не значитъ, что только соціалисты могутъ съ торжествомъ указывать на Австралазію, какъ на образецъ для подражанія и на прообразъ нашего будущаго. Наоборотъ, именно потому, что Австралазія—страна практическихъ реформъ, а не теоретическихъ программъ, она можетъ служить живымъ источникомъ поученія и ободренія для людей самыхъ различныхъ направленій и настроеній. Какъ всякое жизненное историческое явленіе, своеобразный австралазійскій соціализмъ не можетъ быть только простымъ подтвержденіемъ существовавшихъ до него доктринъ. Онъ одновременно и подтверждаетъ, и опровергаетъ прежнія формы соціализма. Онъ одновременно доставляетъ аргументы и соціалистическимъ, и буржуазнымъ партіямъ. У него могутъ учиться съ пользою для себя и для своихъ программъ и прогрессисты и консерваторы, и противники частной собственности и ея защитники, и «катедеръ-соціалисты», и наши народники, и наши марксисты. Правда, на первый взглядъ кажется, что удобнѣе всего ссылаться на австралійскія колоніи соціалистамъ, и особенно защитникамъ такъ называемаго «государственнаго соціализма». Дѣйствительно, развѣ опытъ нашихъ антиподовъ не оправдалъ блистательно самыхъ смѣлыхъ законодательныхъ мѣръ въ пользу рабочихъ и противъ капиталистовъ? Въ Новой Зеландіи уже нѣсколько лѣтъ благополучно дѣйствуетъ обязательный третейскій судъ, опредѣляющій на долгіе сроки впередъ заработную плату и другія условія то для отдѣльныхъ предпринимателей, то для цѣлыхъ отраслей промышленности; правительство явно помогаетъ рабочимъ союзамъ въ борьбѣ съ капиталистами, и тотъ же третей-

скій судъ заставляетъ предпринимателей оказывать предпочтеніе членамъ союзовъ передъ неорганизованными рабочими. Въ Викторіи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности (по опредѣленію правительства, получившаго эти полномочія по закону 1896 г.) дѣйствуютъ «спеціальные совѣты», съ равнымъ числомъ выборныхъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей, устанавливающіе минимумъ заработной платы и максимальное число учениковъ по отношенію къ взрослымъ рабочимъ. Въ Новой Зеландіи всѣ неимущіе старше 65 л., удовлетворяющіе извѣстнымъ условіямъ, получаютъ пенсіи отъ государства. Въ Южной Австраліи и въ Новой Зеландіи кромѣ прогрессивнаго подоходнаго налога существуетъ прогрессивный поземельный налогъ, отъ котораго освобождены мелкіе собственники, и котораго процентъ повышается вмѣстѣ съ размѣромъ собственности; въ Новой Зеландіи изъ 90 тысячъ земельныхъ собственниковъ уплачивали поземельный налогъ только 13 тысячъ наиболѣе крупныхъ, остальные же совершенно отъ него свободны. Желѣзныя дороги вездѣ въ Австраліи принадлежатъ государству, которое пользуется этимъ для безплатной перевозки безработныхъ и для разныхъ другихъ покровительственныхъ мѣръ. Правительство южной Австраліи организовало на свой счетъ замораживаніе, перевозку въ Европу и сбытъ мясныхъ продуктовъ. Вездѣ правительства организуютъ дешевый кредитъ для мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ. Вездѣ государство является собственникомъ огромныхъ земельныхъ пространствъ. Въ Новой Зеландіи государство имѣетъ столько же рабочихъ, сколько всѣ остальные предприниматели колоніи. И всѣ эти признаки обобществленія и нормированія производства, казавшіеся всегда такими страшными въ Старомъ Свѣтѣ, не только не повлекли за собой никакихъ особыхъ несчастій, но наоборотъ, сопровождались замѣчательными матеріальными и культурными успѣхами. Матеріальное положеніе австралійскихъ рабочихъ, въ общемъ, выше, чѣмъ положеніе западно-европейскихъ рабочихъ. При этомъ, Новая Зеландія, обнаружившая наибольшую смѣлость въ соціальныхъ реформахъ, можетъ похвастаться и наибольшимъ благополучіемъ своихъ жителей. Развѣ все это не живое опроверженіе всѣхъ опроверженій соціализма?

Однако, съ другой стороны, и буржуазныя партіи могутъ радоваться, глядя на Австралію и Новою Зеландію, ибо на этихъ странахъ можно видѣть, что торжество рабочихъ вовсе не означаетъ смерти для буржуазіи. Смѣлыя соціальныя реформы предпринимались здѣсь не во имя далекаго лучшаго будущаго, а ради практическихъ соображеній текущей минуты. По словамъ Метена, австралазійскіе рабочіе союзы «нисколько не интересуются вопросомъ о томъ, ведетъ ли общественная эволюція къ коллективизму или къ коммунизму, и не стараются, какъ наши соціалисты, ускорить ея ходъ» (115). Только очень незначительная часть австралазійскихъ рабочихъ проникласъ враждой къ капиталистическому строю и къ частной собственности. Большинство рабочихъ, посылая своихъ собственныхъ представителей въ парламенты, поддерживаютъ черезъ этихъ представителей правительственную политику и только въ Квинслэндѣ рабочая партія стоитъ въ открытой оппозиціи къ правительству. Замѣчательно, что слабѣе всего рабочая партія въ Новой Зеландіи, гдѣ либеральное правительство проявляетъ наибольшее вниманіе къ нуждамъ рабочаго класса. Метенъ особенно настаиваетъ на трѣзвомъ, дѣловомъ характерѣ соціальныхъ реформъ въ Астралазіи: «политика является дѣломъ точно опредѣленныхъ, но очень ограниченныхъ и узкихъ интересовъ» (70). Во французскомъ подлинникѣ книга Метена носитъ и соотвѣтствующее заглавіе: «Соціализмъ безъ доктрины» («Le Socialism sans doctrines«). Самый терминъ «соціализмъ», по словамъ Метена, не пользуется симпатіей у австралазійскихъ рабочихъ (115). И по духу своему, по желаніямъ, вѣрованіямъ и предразсудкамъ, рабочіе Австраліи и Новой Зеландіи, какъ думаетъ Метенъ, представляютъ лишь повтореніе и продолженіе типа англійскаго буржуа. Все ихъ честолюбіе, повидимому, сводится къ тому, чтобы

сдѣлаться какъ можно болѣе похожими на «вполнѣ приличныхъ» людей, на настоящихъ «джентльменовъ». И эта цѣль мало-по-малу достигается. «Всѣ внѣшнія различія между рабочими и буржуа все болѣе и болѣе стушевываются» (397). Радикальнѣйшія реформы мирно уживаются въ Австраліи съ перенесеннымъ изъ Англіи консерватизмомъ. Австралазійскій рабочій, по словамъ Метена, «проявляетъ самую искреннюю приверженность къ монархіи и самое глубокое уваженіе къ коронованной особѣ царствующаго дома. На банкетахъ трэдъ-юніоновъ первый тостъ всегда за здоровье королевы или короля» (397). Всѣ писатели свидѣтельствуютъ о великой силѣ религіи въ Австраліи и Новой Зеландіи. Правда, во имя вѣротерпимости, Законъ Божій исключенъ изъ числа предметовъ преподаванія въ государственныхъ школахъ; но вотъ что разсказываетъ Пьеръ Леруа-Болье: «мнѣ пришлось быть въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ во время сильной засухи; я былъ пораженъ, услыхавъ, что радикальное министерство съ г. Рейдомъ во главѣ просило священниковъ всѣхъ исповѣданій устроить общественныя молитвы о дарованіи Богомъ дождя. Нельзя, конечно, назвать это министерство реакціоннымъ и обскурантнымъ: вѣдь оно включило въ свою программу прогрессивные подоходные налоги, реформу и уменьшеніе власти верхней палаты, referendum и цѣлую серію демократическихъ мѣръ, оно одержало верхъ на выборахъ благодаря поддержкѣ рабочей партіи, голоса которой были ему нужны въ парламентѣ. Фактъ, о которомъ я говорю, произошелъ во время законодательной сессіи, и ни одинъ изъ депутатовъ не протестовалъ; только одна газета позволила себѣ подсмѣяться... Но эта насмѣшка не нашла отклика въ ежедневной прессѣ». («Новыя англо-саксонскія общества», стр. 133).

Если бы марксисты и народники вздумали ссылаться на Австралію для обоснованія своихъ противоположныхъ программъ, то и они, подобно радикаламъ и консерваторамъ, могли бы одновременно утѣшаться новыми краснорѣчивыми аргументами въ пользу обѣихъ изъ двухъ программъ. Марксисты могутъ указать, что современное торжество и благосостояніе рабочаго класса въ Австралазіи достигнуто путемъ упорной классовой борьбы. Реформы прошли не при содѣйствіи капиталистовъ, а наоборотъ—вопреки ихъ отчаянному противодѣйствію. И до сихъ поръ предприниматели враждебно настроены по отношенію къ политикѣ радикальныхъ министерствъ. Капиталисты вовсе не примирились ни съ третейскими судами, ни съ минимумомъ заработной платы, ни съ привиллегіями рабочихъ союзовъ. Далѣе, марксисты могутъ сослаться на то, что своею смѣлой политикой и блестящимъ прогрессомъ австралійскія колоніи обязаны не мелкимъ собственникамъ, не крестьянамъ, не самостоятельнымъ производителямъ, а именно безземельнымъ пролетаріямъ. Чрезвычайно высокій процентъ городского населенія въ Австралазіи тоже подходитъ подъ программу марксистовъ. Въ 1891 г. въ одномъ только Мельбурнѣ, столицѣ Викторіи, жило 43% всего населенія колоніи, а въ Сиднеѣ, столицѣ Новаго Южнаго Уэльса, 34% населенія.

Но и народники имѣли бы полное основаніе ссылаться на опытъ Австраліи для подтвержденія своей доктрины или своихъ доктринъ. Прежде всего бросается въ глаза огромное значеніе аграрнаго вопроса въ соціальной исторіи австралійскихъ колоній. Метенъ удѣляетъ ему сравнительно немного мѣста (стр. 30—85). Но по его собственнымъ словамъ, аграрный вопросъ, вопросъ о томъ, на какихъ условіяхъ государство предоставляетъ населенію землю, «былъ и по настоящее время останется самымъ главнымъ спорнымъ вопросомъ австралійской колоніи; немыслимо писать исторію колоніи, не выдвигая его на первый планъ» (32). Раббено же спеціально задался цѣлью приложить къ исторіи Австралазіи извѣстную теорію своего соотечественника Лоріа о капиталистическомъ захватѣ земли, какъ основномъ факторѣ соціальной исторіи новаго времени. Раббено доказываетъ, что монополія крупныхъ земельныхъ собственниковъ и арендаторовъ, преградившихъ народу свободный доступъ къ землѣ,

является главнымъ фактомъ, основою всей исторіи австралійскихъ колоній и въ то же время величайшимъ зломъ, источникомъ многихъ бѣдствій въ прошломъ и великихъ опасностей въ будущемъ. Его критика капиталистическаго земледѣлія въ Австраліи во многомъ похожа на критику капиталистическаго земледѣлія въ Россіи, представленную нашей народнической литературой. Онъ говоритъ, что капитализмъ въ области сельскаго хозяйства повелъ не къ повышенію, а къ пониженію производительности труда. Онъ доказываетъ, что исключительное развитіе скотоводства въ ущербъ воздѣлыванію хлѣбовъ объясняется не столько естественными условіями страны, сколько искусственной монополіей собственниковъ. Онъ иногда впадаетъ въ преувеличенія. Но взгляды его во многомъ подтверждаются новѣйшей исторіей аграрнаго законодательства въ Австралазіи: мы видимъ, что колоніальныя правительства давно уже охвачены заботой о насажденіи мелкихъ и среднихъ хозяйствъ въ деревнѣ, о надѣленіи землей безземельнаго пролетаріата. Раббено думаетъ, что эти работы являются слишкомъ запоздалыми: лучшія земли уже давно попали въ цѣпкія руки богачей-монополистовъ и командующіе классы могутъ теперь съ легкимъ сердцемъ предоставить народу самыя либеральныя условія для использованія жалкихъ остатковъ, уцѣлѣвшихъ въ рукахъ государства. Но какъ бы то ни было, серьезное желаніе создать или облегчить созданіе новаго класса независимыхъ крестьянъ и фермеровъ показываетъ, что относительно дальнѣйшаго прогресса австралійскихъ колоній нельзя возлагать всѣхъ надеждъ только на возрастающую силу безземельнаго пролетаріата. По отношенію къ Новой Зеландіи даже мрачный пессимизмъ Раббено долженъ былъ отступить передъ яркостью благопріятныхъ фактовъ новѣйшеей исторіи этихъ «счастливыхъ острововъ». Всюду усматривая только эгоистическую борьбу классовыхъ интересовъ, фатальное торжество богатыхъ надъ бѣдными, лицемѣрность или безплодность всѣхъ благонамѣренныхъ законовъ,—Раббено, однако, слѣдующимъ образомъ выражается о принятой новозеландскимъ правительствомъ системѣ «улушенныхъ фермерскихъ поселеній»: «Надо признаться, что нельзя было сдѣлать больше для того, чтобы дать возможность людямъ лишеннымъ средствъ производства, устроиться независимо на землѣ; вслѣдствіе этой системы трудъ за заработную плату сталъ хорошимъ временнымъ срдествомъ для рабочихъ, чтобы достигнуть самостоятельности, ибо наиболѣе трудолюбивые и счастливые изъ нихъ могли извлечь изъ заработка средства для дальнѣйшей расчистки своей земли и скопить безъ помощи государства небольшой капиталъ на первоначальное обзаведеніе» (214). Въ другомъ мѣстѣ Раббено говоритъ: «Что въ Новой Зеландіи образовался постепенно классъ мелкихъ независимыхъ земледѣльцевъ и скотоводовъ. и что онъ относительно больше, чѣмъ въ другихъ колоніяхъ,— это не подлежитъ сомнѣнію» (242). А Метенъ, болѣе оптимистически настроенный, заканчиваетъ главу объ аграрномъ вопросѣ слѣдующими словами: «Господствующимъ классомъ въ теченіе долгаго времени были крупные овцеводы; теперь же власть находится подъ контролемъ рабочихъ, будущность, можетъ быть, принадлежитъ фермерамъ»... (Метенъ, 85). Итакъ, народники могли бы найти въ Австраліи, во-первыхъ, подтвержденіе своей вѣры въ крестьянство, въ земледѣльцевъ. Во-вторыхъ, въ жизни тѣхъ же австралійскихъ колоній есть живые аргументы и въ пользу артельнаго начала, такъ зло осмѣяннаго нашими марксистами. Австралазійскій «соціализмъ безъ доктринъ» уже организуетъ и артельный трудъ наемныхъ рабочихъ, и осѣдлый: сельскія общины съ круговой порукой и съ широко проведеннымъ коммунизмомъ. Въ Новой Зеландіи почти всѣ общественныя работы (а онѣ тамъ производятся въ большихъ размѣрахъ) производятся при помощи артельнаго труда: добровольно организующіяся артели, съ выборными старостами во главѣ, получаютъ отъ правительственныхъ инженеровъ подряды на отдѣльныя части работъ и свободно распредѣляютъ между собой трудъ и вознагражденіе. Въ Южной Австраліи нѣсколько сотъ безработныхъ

пролетаріевъ получило отъ правительства землю и денежную ссуду, и организовало земледѣльческій трудъ на коммунистическихъ началахъ: каждая деревенская община имѣетъ утвержденный правительствомъ уставъ, опредѣляющій обязанности каждаго члена по отношенію къ общимъ работамъ и къ лично присвоенному участку, а также права каждаго на вознагражденіе изъ общественныхъ средствъ; всѣ члены общины отвѣчаютъ совмѣстно передъ правительствомъ за данную имъ ссуду; переходъ къ полной частной собственности допускается только послѣ уплаты всего долга, полученнаго отъ правительства. Съ этими общинами было много неудачъ, отчасти похожихъ на неудачи южнорусскихъ артелей, организованныхъ г. Левитскимъ. Но правительство южной Австраліи и многіе безпристрастные наблюдатели полагаютъ, что эти неудачи носятъ временный характеръ и, во всякомъ случаѣ, съ лихвой окупаются той пользой, которую извлекли и извлекутъ наиболѣе удачливые и наиболѣе достойные члены новыхъ земельныхъ общинъ.

Если и радикалы, и консерваторы, и марксисты, и народники имѣютъ одинаковое основаніе искать въ Австралазіи, этой «лабораторіи соціальныхъ экспериментовъ», новыхъ аргументовъ для подтвержденія своихъ разнообразныхъ программъ, то какой же общій выводъ, какую общую пользу можно извлечь изъ наблюденія надъ жизнью смѣлыхъ австралійскихъ новаторовъ? Общій выводъ напрашивается самъ собой. Разнообразныя программы и направленія гораздо менѣе мѣшаютъ другъ другу, чѣмъ принято думать въ Старомъ Свѣтѣ и у насъ въ Россіи. Въ непосредственномъ столкновеніи съ природой, освободившись отъ деспотической власти традицій и рутины, люди стали менѣе бояться неизбѣжныхъ общественныхъ разногласій и разномыслій. Соціализмъ оказался не такимъ страшнымъ для буржуазіи, какъ это казалось европейской буржуазіи; буржуазія оказалась не такой страшной для соціализма, какъ это казалось европейскимъ соціалистамъ; и такъ далѣе... Если людямъ Стараго Свѣта можно извлечь изъ этого практически полезный урокъ, то, конечно, прежде всего, урокъ заключается въ необходимости большей вѣротерпимости—вѣротерпимости въ самомъ широкомъ смыслѣ: меньше споровъ, больше дѣла! Меньше злобы къ чужимъ программамъ и страха передъ чужими направленіями, больше работы надъ внутренними задачами своей партіи, своей программы, своего направленія.

Всѣмъ есть достаточно работы, и примиреніе существующихъ противорѣчій, паденіе препятствій для гармонической работы всѣхъ и каждаго наступитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе каждая партія будетъ тратить силъ на уничтоженіе противоположныхъ партій...

Что касается особенностей новыхъ 2 книгъ, сравнительно съ прежними работами, то книги Метена и Раббено нужно признать безусловно полезными уже потому, что до сихъ поръ на русскомъ языкѣ были только общія сочиненія объ Австраліи и Новой Зеландіи, но не было спеціальныхъ книгъ по рабочему и аграрному вопросу. Книга Метена не имѣетъ строго научнаго характера: это безыскусственный разсказъ внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя, лично посѣтившаго описываемыя страны и добросовѣстно изучившаго обширный оффиціальный матеріалъ. Метенъ посѣтилъ Австралію по порученію парижскаго университета на средства особаго «фонда кругосвѣтныхъ путешествій», основаннаго неизвѣстнымъ жертвователемъ. Можно пожалѣть, что Метенъ не очень заботится въ своей книгѣ о точной передачѣ законодательныхъ актовъ, ограничиваясь иногда слишкомъ общими выраженіями. Въ русскомъ изданіи прибавлены краткія извлеченія изъ другихъ авторовъ (Вигуру, Зигфридъ, Пьеръ Леруа-Болье), въ которыхъ сообщаются нѣкоторыя общія свѣдѣнія объ Австралазіи, опущенныя Метеномъ въ виду спеціальнаго характера его книги.

Книга Раббено, какъ показываетъ ея заглавіе, носитъ еще болѣе спе-

ціальный характеръ. Она гораздо научнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ книга Метена. Раббено задумалъ дать подробную исторію и подробную критику аграрныхъ отношеній и аграрнаго законодательства въ Австралазіи съ самаго начала колонизаціи до послѣдняго времени. Ему не удалось довести свой трудъ до конца. Онъ умеръ въ 1897 г., на 34 году жизни, въ самомъ разгарѣ блестящей и плодотворной научной дѣятельности. Краткій, горячо написанный очеркъ его жизни помѣщенъ въ началѣ книги. Кромѣ того, въ особомъ обращеніи къ читателямъ проф. Лоріа даетъ нѣкоторыя объясненія по поводу предлагаемой книги, изданной уже послѣ смерти автора. Проф. Лоріа и проф. Конильяни рѣшили сначала выпустить въ свѣтъ только первую часть труда, окончательно обработанную самимъ Раббено. Эта часть, переведенная теперь на русскій языкъ, содержитъ шесть главъ: въ 3 первыхъ дается общая исторія колонизаціи и аграрныхъ отношеній до 1860 г., а 3 послѣднія (наиболѣе значительныя) посвящены послѣдовательно Викторіи, Новому Южному Уэльсу и Новой Зеландіи и излагаютъ исторію аграрнаго законодательства въ каждой изъ этихъ колоній отъ 1860 г. до нашего времени. До нѣкоторой степени Раббено является тенденціознымъ. Въ немъ все время сказывается обличитель капиталистическаго строя; онъ слишкомъ много приписываетъ значенія хищническому, монопольному характеру землевладѣнія и землепользованія въ Австраліи. Но сколько и правды въ его обличеніяхъ! Трудно придумать болѣе тяжкое обвиненіе противъ цивилизаціи XIX в., чѣмъ популярность среди цивилизаторовъ и культуръ-трегеровъ колонизаціонной теоріи Векфильда, которой Раббено посвящаетъ столько глубоко интересныхъ страницъ. Эта теорія, примѣнявшаяся на практикѣ въ Австраліи, требовала, чтобы правительственная власть въ новыхъ странахъ искусственно затрудняла народнымъ массамъ доступъ къ свободной землѣ и отдавала землю только капиталистамъ, предусмотрительно обезпечивая послѣднихъ дешевымъ трудомъ безземельныхъ пролетаріевъ! Векфильдъ основывался на томъ соображеніи, что свободный доступъ къ землѣ повелъ бы къ разсѣянію населенія, къ системѣ изолированнаго одиночнаго труда, и слѣдовательно къ замедленію прогресса, тогда какъ власть капитала надъ безземельными пролетаріями ведетъ къ концентраціи и организаціи труда и къ повышенію производительности страны. Внѣшній культурно-цивилизаторскій лоскъ этой безчеловѣчной въ сущности доктрины имѣлъ такое обаяніе для фанатиковъ прогресса, что теорію Векфильда защищали даже такіе искренніе радикалы и демократы, какъ Дж. Ст. Милль. Въ данномъ случаѣ мы имѣли примѣръ того, какъ скрытыя внутреннія противорѣчія опредѣленнаго міросозерцанія неожиданно приводятъ, по какому-либо отдѣльному частному поводу, къ явному абсурду, и этотъ абсурдъ, бросая новый свѣтъ на все казавшееся стройнымъ міросозерцаніе, заставляетъ искать болѣе глубокаго пониманія и болѣе критической оцѣнки данной системы идей и идеаловъ. Глубокій интересъ книги Раббено въ томъ и заключается, что авторъ пытается уловить въ аграрной исторіи Австралазіи отраженіе общихъ тенденцій капитализма. И хотя въ этихъ исканіяхъ онъ, какъ намъ кажется, не свободенъ отъ преувеличеній, все же чтеніе его книги ничуть не опровергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ хвалебный отзывъ о немъ проф. Конильяни, какъ о безупречно честномъ искателѣ истины. *А. Рыкачевъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Н. Мальбраншъ. „Разысканіе истины“.

Труды с.-петербургскаго философскаго общества.—Выпускъ II. Розысканія истины Николая Мальбранша. Переводъ съ французскаго Е. Б. Смѣловой, подъ редакціею Э. Л. Радлова. Томъ I. С.-Петербургъ. Изданіе

К. Л. Риккера. Въ настоящее время, когда интересъ къ философіи все болѣе и болѣе овладѣваетъ интеллигентными сферами русскаго общества, систематическое изданіе въ переводахъ твореній великихъ мастеровъ философіи, предпринятое С.-Петербургскимъ философскимъ обществомъ, является вполнѣ своевременнымъ. Оно своевременно уже по одному тому, что основательное изученіе философіи возможно лишь при надлежащемъ знакомствѣ съ исторіею философіи: вѣдь философія тѣснѣе, чѣмъ какая-либо другая наука, связана съ своею исторіею. Едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, что такое основательное изученіе философіи нынче болѣе, чѣмъ когда-либо, желательно. Нашъ вѣкъ—при все возрастающемъ интересѣ къ философіи, — вѣкъ упадка истинной философіи, истиннаго идеализма, вѣкъ возрожденія эмпирической философіи, эмпирической метафизики. Какъ иначе можно бороться съ этой нефилософской философіею, какъ не переводами твореній великихъ умовъ, проникнутыхъ истинно-философскимъ, идеалистическимъ духомъ? Съ этой стороны намъ кажется особенно удачнымъ выборъ философскимъ обществомъ для своихъ первыхъ выпусковъ произведеній главныхъ представителей картезіанской школы. Если философія Платона представляетъ въ исторіи человѣчества рожденіе философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ истинная философія—идеализмъ, рожденіе идеализма, то картезіанская философія есть возрожденіе этого идеализма въ новое время. Выступая, съ одной стороны, противъ теологической догматики средневѣковья, съ другой,—противъ эмпиризма Бэкона, философія въ этой системѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выставляетъ на видъ свое идеалистическое существо. Въ противоположность средневѣковой дагматикѣ здѣсь провозглашается свобода философскаго изслѣдованія, въ противоположность эмпиризму Бэкона—недостовѣрность опытнаго познанія. Такимъ образомъ провозглашается необходимость—въ качествѣ исходнаго пункта—знанія принципа, который былъ бы достовѣренъ самъ по себѣ, непосредственно, могъ бы вынести пробу свободной философской критики и изъ котораго могли бы быть обоснованы всѣ наши познанія. Повергнувъ въ пучину сомнѣнія всѣ церковныя догмы на томъ основаніи, что онѣ не обладаютъ непосредственною достовѣрностью; всѣ эмпирическія познанія на томъ основаніи, что наши чувства и мышленіе очень часто обманываютъ насъ, философская мысль находитъ такой коренной принципъ, обосновывающій все наше познаніе, лишь въ самосознаніи. Съ этимъ ясно выставляется на видъ, что философія необходимо идеалистична, ея задача состоитъ въ открытіи тѣхъ основныхъ принциповъ, которые служатъ предпосылкою научнаго опыта, обосновываютъ его; что эти принципы, конечно, не могутъ быть добыты изъ опыта, и что, слѣдовательно, всякая попытка создать эмпирическую философію заранѣе обречена на неудачу. Наиболѣе яркое выраженіе это возрожденіе идеализма нашло себѣ у перваго представителя картезіанской школы, у Декарта. Заслуга Мальбранша, автора разбираемой нами книги, въ этомъ отношеніи заключается въ дальнѣйшемъ развитіи и разработкѣ этихъ идеалистическихъ ростковъ. Его главное произведеніе «Разысканія истины» главнымъ образомъ посвящено доказательству того, что всякое опытное знаніе, поскольку въ его основѣ не лежатъ основные принципы, гарантирующіе ему достовѣрность, не обладаетъ истиною, и что истинный источникъ всякаго познанія—самосознаніе. Это ясно сказывается какъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ обманахъ нашихъ чувствъ и воображенія (книги 1 и 2, которыя вмѣстѣ съ первою $^1/_2$ третьей книги вошли въ I томъ настоящаго выпуска), такъ и тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ обманахъ нашего чистаго разума, поскольку надъ нимъ господствуютъ наклонности и страсти, (4 и 5 книги), и наконецъ, тамъ, гдѣ онъ устанавливаетъ методъ для отысканія истины (кн. 6). Въ нѣкоторомъ диссонансѣ съ этимъ находятся лишь тѣ мѣста, гдѣ онъ провозглашаетъ ограниченность нашего разума, его неспособность понять истинное безконечное (первая $^1/_2$ книги 3). Но это частью

составляетъ отголосокъ догматико-схоластическихъ воззрѣній, отъ которыхъ священникъ Мальбраншъ не могъ вполнѣ отрѣшиться; частью же коренится въ самой системѣ картезіанской философіи и составляетъ ея собственное внутреннее противорѣчіе, проявившееся съ особенною силою еще разъ въ ученіи Спинозы о безконечности субстанціи и о нашей способности понимать ее только подъ двумя аттрибутами.

Однако, какъ-бы ни велико было значеніе картезіанской философіи въ указанномъ отношеніи, оно превосходитъ значеніе другихъ системъ въ этомъ лишь по степени той яркости, въ которой отражается въ ней идеалистическій духъ, въ существѣ присущій всякой философской системѣ. Но картезіанская философія имѣетъ и другое значеніе для нашего времени; это значеніе какъ разъ совпадаетъ съ ея специфизическимъ значеніемъ въ исторіи философіи вообще. Въ сферѣ этой послѣдней она является носительницею тѣхъ принциповъ, которые составляютъ основу современнаго научнаго зданія и которые въ области науки нынче переживаютъ кризисъ, словомъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ принциповъ субстанціональности и причинности, какъ міровыхъ принциповъ, послѣднихъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ всякаго научнаго опыта. Чисто-механическое пониманіе природы, распространеніе принциповъ причинности и субстанціональности на все мірозданіе, наконецъ, критически-выросшій отсюда психо-физическій параллелизмъ въ концѣ концовъ имѣютъ свой истинный источникъ, свое чисто-философское выраженіе въ картезіанской философіи. Ходъ развитія этой послѣдней и представляетъ собою имманентное развитіе указанныхъ принциповъ: въ философіи Декарта они находятъ свое основаніе, въ философіи Мальбранша—дальнѣйшее проведеніе, и, наконецъ, полное систематическое развитіе—въ философіи Спинозы. «Солнце безконечной субстанціи, восходящее въ Декартѣ, въ сдѣдующихъ системахъ совершаетъ свое дневное теченіе, на это свѣтило слѣдующіе за Декартомъ философы направляютъ свои телескопы. Когда оно достигнетъ зенита, мы будемъ смотрѣть на мірозданіе глазами Спинозы: въ системѣ этого философа субстанція достигнетъ своей кульминаціонной точки». Въ такой поэтической формѣ выражаетъ Куно-Фишеръ высказанную только что мысль. Мы не будемъ прослѣживать имманентный ходъ развитія этихъ принциповъ въ картезіанской школѣ. Это не дѣло короткой журнальной рецензіи. Мы не станемъ поэтому также выяснять обстоятельно значеніе философіи Мальбранша въ ходѣ этого имманентнаго развитія. Укажемъ лишь на то, что философія Мальбранша представляетъ необходимое звено въ развитіи этихъ принциповъ: безъ нея совершенно не понятенъ спинозизмъ—эта философская основа современнаго психо-физическаго параллелизма. Безконечная субстанція, которая мелькала у Декарта на заднемъ планѣ, у Мальбранша выступаетъ впередъ. Передъ ней меркнутъ двѣ другія еще самостоятельныя у Декарта субстанціи. Она становится сосредоточеніемъ, съ одной стороны, духа, ибо только въ ней для него возможно познаніе природы, съ другой,—тѣлесныхъ вещей, ибо въ безжизненной механической природѣ нигдѣ нельзя найти истиннаго источника движенія, такимъ источникомъ во всѣхъ случаяхъ является безконечная субстанція. Съ этимъ мы вступаемъ въ систему Спинозы, гдѣ уже причинность и субстанціональность возводятся въ міровые, абсолютные принципы. Изъ всего сказаннаго ясно вытекаетъ, что, если мы хотимъ надлежащимъ образомъ и критически оцѣнить господствующее механическое міросозерцаніе, подвергающееся въ настоящее время разрушительной критикѣ со стороны представителей динамическаго воззрѣнія, то мы должны погрузиться въ серьезное изученіе картезіанской философіи. Ибо какимъ инымъ путемъ можно выяснить себѣ значеніе этихъ принциповъ, какъ не переживаніемъ ихъ имманентнаго развитія и ихъ внутренней самокритики въ чистомъ видѣ въ великихъ философскихъ системахъ, необдуманно заклеймeнныхъ нынче кличкой «догматическія»? Ка-

кимъ инымъ путемъ мы можемъ критически оцѣнить и взвѣсить споръ, возгорѣвшійся нынче между механическимъ и динамическимъ міропониманіями, если не пожелаемъ спуститься къ его прототипу въ сферѣ философіи—къ спору между лейбницевскимъ динамизмомъ, вызваннымъ имманентнымъ ходомъ развитія самой картезіанской философіи, и этой послѣдней,—къ тому спору, который нашелъ также и свое истинное идеалистическое разрѣшеніе въ самомъ ходѣ философской мысли? Пора оставить то пренебреженіе, съ которымъ мы еще до сихъ поръ не перестаемъ относиться къ до-кантовской, такъ-называемой догматической философіи! Такое пренебреженіе служитъ лишь препятствіемъ для правильнаго пониманія задачи и существа философіи, оно даже донынѣ мѣшаетъ надлежащему пониманію Канта и послѣ-кантовской философіи.

Что касается перевода разбираемой нами книги, то за него ручается имя редактора. Нужно лишь замѣтить, что въ стилистическомъ отношеніи можно бы желать большаго, Изъ корректурныхъ опечатокъ надо обратить вниманіе на вкравшуюся на стр. 133: начиная съ 16 строки снизу: «не поразительна ли...» вплоть до конца главы все надо вычеркнуть, такъ какъ это мѣсто перепечатано совершенно изъ другой главы. *N. N.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. ГЕОГРАФІЯ. ЭТНОГРАФІЯ.

А. Ященко. „Хрупъ. Воспоминанія крысы-натуралиста".—*Д. Кайгородовъ.* „Изъ родной природы". — *К. Носиловъ.* „На Новой Землѣ". — *В. Львовичъ.* „Народы русскаго царства".—*А. Г. Клинге.* „Сборникъ избранныхъ прописей (рецептовъ) по фармацевтическимъ и техническимъ производствамъ".

Хрупъ. Воспоминанія крысы-натуралиста. Сообщилъ А. Л. Ященко. учитель естествовѣдѣнія и географіи въ спб. александровскомъ и ксеніинскомъ институтахъ и въ женской гимназіи Лохвицкой-Скалонъ. Иллюстрировано 305 ориг. рис. перомъ и 6 автотипіями художника И. Ф. Никонова. Въ редактированіи принимали участіе учителя: художникъ А. М. Грушинъ, К. В. Дубровскій, Л. Н. Звериновъ, Я. И. Ковалевскій, П. П. Мироносицкій, д-ръ зоол. А. М. Никольскій, Л. Н. Никоновъ, А. Е. Петровъ, М. И Полянскій, Л. С. Севрюкъ, Ѳ. Е. Туръ и М. В. Усковъ. С. Петербургъ. 1903. Цѣна 2 р.

Книга, заглавіе которой мы выписали, въ формѣ фантастической автобіографіи крысы, повѣствующей о своихъ интересныхъ и поучительныхъ похожденіяхъ, знакомитъ юныхъ читателей съ природой, жизнью и нравами животныхъ, наблюдаемыхъ, главнымъ образомъ, въ условіяхъ ихъ естественной среды и обстановки.

Въ рядѣ живыхъ занимательныхъ сценъ изъ жизни животнаго міра нашихъ лѣсовъ, полей, степей и горъ авторъ сообщаетъ не мало интересныхъ и строго провѣренныхъ наблюденій относительно образа жизни, обычаевъ, борьбы съ врагами и средствъ защиты животныхъ. При этомъ онъ не упускаетъ случая выяснить читателю смыслъ и значеніе сообщаемыхъ имъ фактовъ, навести его мысль на основные законы (вліянье среды, борьба за существованіе, приспособляемость и т. д.), которымъ подчинена жизнь всѣхъ живыхъ существъ вообще. Книга обильно иллюстрирована рисунками перомъ, исполненными настолько удачно, что многіе изъ нихъ могутъ быть названы художественными.

Къ сожалѣнію, языкъ, которымъ написана книга, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ числу ея достоинствъ. Онъ тяжелъ и притомъ даже не всегда правиленъ. Встрѣчаются напр. фразы въ родѣ слѣдующе: «Вся моя снаровка, развившаяся до совершенства наблюдательность нужны были, чтобы постигнуть этотъ языкъ, *казавшійся мнѣ неособенно труднѣе изуче-*

нія такихъ же явленій у людей» (стр. 82). Такія выраженія, казалось бы, не должны встрѣчаться въ книгѣ, которая, по заявленію автора, подвергалась въ рукописи неоднократному коллективному обсужденію и исправленію. Непріятное впечатлѣніе производитъ также неестественность разговорной рѣчи, переходящая иногда въ приторную сентиментальность. Натуралистъ (Николай Сергѣевичъ), собирающій зоологическую коллекцію въ Средней Азіи, говоря о своей добычѣ, выражается напр. въ такомъ родѣ: «Вотъ-съ эта стенолазочка, а по иностранному тиходрома, мнѣ сегодня дороже туго набитой охотничей сумы—онъ поцѣловалъ добычу.—Не такъ-то легко сбить выстрѣломъ эту птицу-бабочку, которая бѣгаетъ по крутымъ бокамъ скалъ, цѣпляясь своими лапками, или порхаетъ, подмахивая своими чудными мотыльковыми крылышками... Ахъ, ты тиходромочка, тиходромочка! Славная ты моя. Набьемъ мы тебя, привеземъ и разберемъ, сколько-то окошечекъ у тебя, сколько перушекъ, чтобы знать, новое ли ты твореніе, или рѣдкая сестрица тѣмъ, что я добывалъ ранѣе въ другихъ мѣстахъ». И закончивъ эту рѣчь, Николай Сергѣевичъ вновь поцѣловалъ свою маленькую добычу (стр. 366),—или: «Ахъ ты моя славная скороцеркочка!—говорилъ онъ иногда, поглаживая обработанную имъ шкурку крошечной птички.—Или вотъ хоть бы эта филоскончка—онъ бралъ другую птичку. Какъ ихъ трудно разглядѣть въ вѣтвяхъ высокой джидды, несмотря на постоянное пи-ю пи-ю, раздающееся въ вѣтвяхъ. Только истинный любитель природы пойметъ насъ съ вами, рѣшающихся четвертными зарядами сбивать этихъ птахъ съ ихъ родныхъ вѣтокъ, ради желанія имѣть нѣсколько экземпляровъ какъ памятку о милой съ ними встрѣчѣ, о ихъ родинѣ и ихъ интересной, таинственной жизни» (стр. 339.). Мы не думаемъ, чтобы такими причитаніями можно было возбудить въ юныхъ читателяхъ «истинную любовь» къ природѣ или даже примирить ихъ съ печальной необходимостью «четвертныхъ зарядовъ».

Указанные недостатки книги г. Ященко не мѣшаютъ все-таки признать ее полезнымъ вкладомъ въ нашу популярную литературу и пожелать распространенія среди молодыхъ читателей. *Г. Б.*

Дм. Кайгородовъ. Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Часть II. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903 г. Цѣна 1 р. Вторая часть «Хрестоматіи», г. Кайгородова имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, что и первая, о которой мы уже говорили на страницахъ нашего журнала въ прошломъ году *). Порядокъ статей, наполовину принадлежащихъ самому составителю, совершенно произвольный, позволяющій читать то, что въ данную минуту наиболѣе интересно. Стихотворенія болѣе или менѣе пріурочены къ статьямъ и принадлежатъ перу самыхъ разнообразныхъ русскихъ поэтовъ—отъ Пушкина до г. Величко включительно. Общій тонъ книги попрежнему слащавый и неестественный. Внѣшность изданія прекрасная, рисунки и виньетки хорошія. *Д. М.*

К. Д. Носиловъ. На Новой Землѣ. Очерки и разсказы. Съ 38 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Изд. А. С. Суворина. Стр. 327, ц. 1 р. 75 к. Эта книга представляетъ собою сводъ избранныхъ очерковъ русскаго дальнаго сѣвера, помѣщенныхъ авторомъ, извѣстнымъ корреспондентомъ-туристомъ, въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ преимущественно на страницахъ «Нов. Вр.». Г. Носиловъ дѣлаетъ описанія явленій внѣшней природы, особенно характерныхъ для сѣвера: полярной пурги, захватившей его въ открытой тундрѣ (9—15), сѣвернаго сіянія (36—38), продолжительной и страшной полярной бури, едва не уничтожившей самый домикъ автора въ Кармакульской колоніи на Новой Землѣ («Полярная буря»), тундры лѣтомъ («Два дня въ полярной тундрѣ»), чудныхъ, задумчивыхъ

*) См. „Міръ Божій" за іюль 1903 г., стр. 106.

«бѣлыхъ» ночей въ тундрѣ («Бѣлыя ночи»), торжественной, трогательной «Встрѣчи солнца» на Новой Землѣ послѣ многомѣсячной ночи... Полярная природа даетъ такъ мало свѣтлыхъ радостныхъ моментовъ, притомъ съ такими необычайными своеобразными оттѣнками, что они сообщаетъ вдумчивому наблюдателю особое настроеніе, хорошо передаваемое г. Носиловымъ. Авторъ сжился съ сѣверной природой, полюбилъ ее, какъ и мѣстнаго аборигена, кроткаго, добродушнаго самоѣда, къ которому относится съ живой и глубокой симпатіей. Самоѣды сохранили много такихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, которыя даются лишь непосредственнымъ общеніемъ съ природой и которыя уже утрачены въ практической жизни почти всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ.

Природа и человѣкъ сѣвера въ ихъ отдѣльныхъ, конкретныхъ проявленіяхъ—центръ тяжести книги г. Носилова. Это не ученый путешественникъ съ широкимъ кругозоромъ, не Нансенъ, не Стэнли, а туристъ, даже иногда не совсѣмъ разборчивый. Въ очеркѣ «Таинственное въ жизни самоѣдовъ» онъ увѣряетъ, напр., что одноглазая «веселая бабушка» самоѣдка вполнѣ успѣшно открываетъ будущее по огню очага; такимъ же ясновидящимъ оказывается и еще одинъ самоѣдъ, Вылка, не разъ удивлявшій автора своимъ искусствомъ. Но изъ другого очерка—«Исторія одного самоѣда», въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ является тотъ же Вылка, со всѣмъ не усматривается его ясновидящихъ свойствъ. Эта несогласованность набрасываетъ тѣнь и на все «таинственное въ жизни самоѣдовъ». Не приняты ли г. Носиловымъ за дѣйствительность легендарные разсказы туземцевъ? Собственно Новой Землѣ изъ всѣхъ 17 очерковъ книги посвящено только 6; остальные касаются вообще береговъ Карскаго моря, полуострова Ялмала, низовьевъ Оби и Обдорска. Тамъ, гдѣ автору приходится касаться болѣе сложныхъ явленій экономическаго характера, онъ становится вялымъ, мало интереснымъ и не сообщаетъ ничего поваго; таковъ очеркъ «На баркѣ рыбака», гдѣ не достаточно ярко обрисованы мелкіе рыбопромышленники и ихъ рабочіе въ низовьяхъ Оби. Помѣщенные въ книгѣ рисунки нельзя назвать удовлетворительными по исполненію: въ большинствѣ случаевъ они блѣдны, подслѣповаты, не даютъ возможности разсмотрѣть мелкія, характерныя подробности. Для нѣкоторыхъ рисунковъ нѣтъ пояснительнаго текста: напр., «князь самоѣдскій Я-мала» и «Абукрская ярмарка» не соотвѣтствуютъ тексту. Видъ самоѣдской церкви въ Обдарскѣ повторенъ почему-то 2 раза, только съ разныхъ сторонъ (стр. 175 и 293) Авторъ очень часто упоминаетъ въ своей книгѣ, что онъ «снималъ на желатинъ» все, что представлялось ему интереснымъ; стало быть, онъ долженъ былъ бы испытывать скорѣе embarras de richesse въ рисункахъ, а не повторять одни и тѣже и не воспроизводить такихъ, которыя не соотвѣтствуютъ тексту. *П. Г—въ.*

В. Львовичъ. Народы русскаго царства. Сборникъ статей по этнографіи. Книга для чтенія дома и въ школѣ. 599 стр. въ 8°. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. Москва (годъ изданія не обозначенъ). Цѣна 2 рубля. Подъ такимъ громкимъ заглавіемъ намъ доставлена книга, которая отличается цѣлымъ рядомъ крупныхъ особенностей, сразу обращающимъ на себя вниманіе читателя. Въ предисловіи къ книгѣ издатель справедливо жалуется на недостатокъ у насъ популярнаго сборника, гдѣ было бы собрано «изложенное простымъ и общедоступнымъ языкомъ описаніе возможно большаго количества населяющихъ наши страну племенъ и народовъ. Объ отдѣльныхъ народахъ существуютъ изображенія, но къ нимъ издатель почему-то относится съ пренебреженіемъ, называя ихъ дешевыми «книжками» «брошюрами». Настоящая «книга» назначена издателемъ для пополненія этого пробѣла. Дѣло, конечно, хорошее но если издатель говоритъ, что въ ней (т.-е. въ изданномъ имъ сборникѣ статей) «собраны *почти всѣ народы* (курсивъ нашъ),

населяющіе территорію Россію, начиная отъ главенствующихъ по численному составу и своей жизнедѣятельности народностей и кончая мелкими инородцами и отживающими уже свою міровую жизнь племенами далекихъ окраинъ», то такое утвержденіе служитъ только свидѣтельствомъ ложнаго представленія о дѣйствительномъ племенномъ составѣ народонаселенія россійской имперіи. Не почти всѣ народы, а лишь часть ихъ, примѣрно одна половина, упоминается въ сборникѣ, и среди отсутствующихъ есть даже нѣкоторыя очень извѣстныя племена. Впрочемъ, дѣло не въ безусловной полности, когда книга назначается для школьнаго и домашняго чтенія. Важнѣе, чтобы то, что излагается въ книгѣ, было безусловно вѣрно и соотвѣтствовало бы фактически установленнымъ даннымъ. Въ научныхъ трактатахъ умѣстны гипотезы и анализъ противорѣчивыхъ взглядовъ; въ популярной книгѣ, предназначенномъ для большого круга читателей, нужно давать лишь одни прочно установленные факты. Нельзя сказать, чтобы издатель всюду руководствовался этимъ естественнымъ требованіемъ при выборѣ своего матеріала. Не вѣрно, напримѣръ, чтобы русскій крестьянинъ былъ «большею частью» блондиномъ, какъ говорится на 5-ой стр. сборника, и даже къ ярославцамъ это не примѣнимо. Мы знаемъ въ настоящее время, что среди русскихъ, значительно преобладаютъ смуглые, темнорусые типы. Если, затѣмъ, на стр. 66-ой, насъ серьезно увѣряютъ что «латыши-мужчины въ Лифляндіи и Курляндіи не носятъ ни усовъ, ни бороды», то это не болѣе, чѣмъ курьезная ошибка: извѣстно, что латыши отличаются большимъ обиліемъ растительности на лицѣ и что они, вообще говоря, рѣдко брѣютъ бороду. Неправда также, чтобы латышъ имѣлъ плоскую спину и грудь, длинную шею и неширокія плечи; фактически среди латышскаго народа, отличающагося прекраснымъ физическимъ развитіемъ, наблюдаются признаки, какъ разъ противоположные тѣмъ, которые имъ приписываются въ «Сборникѣ статей по этнографіи». Тутъ же обращаетъ на себя вниманіе замѣтка по поводу того, что у латышей длинные, большею частью свѣтлые волосы «не закрываютъ ушей». Зачѣмъ же имъ непремѣнно закрывать уши? На стр. 65-ой говорится, что съ латышами слились не только ливы, но и куры и др.; а между тѣмъ племя такъ называемъ куровъ, какъ извѣстно, является продуктомъ смѣшенія латышей съ ливами, а не особеннымъ самостоятельнымъ народомъ. Откуда почерпнуты данныя относительно психологіи латышей (стр. 65), было бы весьма любопытно узнать; между прочимъ указывается, что этому племени недостаетъ только одного—предпріимчивости, «которою въ столь высокой степени одаренъ русскій народъ» (sic!).

Въ отношеніи *происхожденія* народовъ «Сборникъ» даетъ весьма сбивчивое изложеніе. Что я долженъ представить себѣ, читая, напр. (на стр. 103), что латыши происходятъ отъ литовцевъ, когда съ одинаковымъ правомъ я могъ бы сказать, что литовцы происходятъ отъ латышей? А производить эстовъ отъ чуди, которая будто бы подъ названіемъ зырянъ, пермяковъ и проч. населяетъ «весь сѣверозападъ» Россіи, прямо-таки удивительно. Неужели издателю Сборника неизвѣстно, что понятіе «чуди» основано на *сказаніи?* Весьма возможно, что многіе эсты въ настоящее время питаютъ ненависть къ нѣмцамъ; вѣроятно, у нихъ есть на то серьезныя основанія; но исторія трогательной участи эстовъ подъ владычествомъ германцевъ (стр. 104) изложена въ «Сборникѣ» какъ намъ кажется, далеко не безпристрастно и не съ тою объективностью, которая должна имѣть мѣсто въ популярной книгѣ общаго характера. Неточны также данныя по *исторіи и географическому распространенію* народовъ. На 109 стр. говорится напр., что ливы когда-то въ прежнія времена занимали всю Курляндскую губернію, а между тѣмъ доказано, что область ливовъ даже во времена высшаго ихъ процвѣтанія ограничивалась узкою прибрежною полосою на востокѣ Курляндскаго полуострова. Въ статьѣ о евреяхъ, которая написана

умѣлою рукою, авторъ утверждаетъ, будто бы въ другихъ странахъ еврей почти исчезъ и слился съ туземцемъ наружностью, нравами и образомъ жизни. По отношенію къ правамъ это, можетъ быть, и вѣрно; но о сглаживаніи типичной еврейской наружности не можетъ быть и рѣчи ни въ Россіи, ни въ какомъ-либо изъ другихъ государствъ, гдѣ встрѣчаются представители этого народа. Точно также относительно физическаго типа русскихъ евреевъ, изложеннаго на стр. 585, можно, пожалуй, поспорить; правильнѣе было бы приписывать имъ «темные» волосы, вмѣсто черныхъ, которые во многихъ областяхъ Россіи встрѣчаются у евреевъ лишь изрѣдка. Иногда «Сборникъ» не останавливается и передъ наиболѣе трудными вопросами. Вопросъ: видоизмѣнился ли первоначальный славянскій типъ (?) русскаго народа отъ воспринятія имъ «чуждыхъ» элементовъ, рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, причемъ предполагается, что эти инородцы должны были участвовать въ образованіи всѣхъ существующихъ русскихъ типовъ. Но есть, какъ извѣстно, еще другое, болѣе вѣроятное объясненіе: туземцы, о которыхъ идетъ рѣчь, *вымерли*, будучи не въ состояніи вести борьбу за существованіе со славянскими племенами; какихъ-либо прочныхъ слѣдовъ въ возникновеніи великорусскаго народнаго типа они не оставили.

Нельзя также не указать и на рядъ грамматическихъ ошибокъ и неловкихъ выраженій, разбросанныхъ по книгѣ. *Р. Вейнбергъ.*

Сборникъ избранныхъ прописей (рецептовъ) по фармацевтическимъ и техническимъ производствамъ. Составилъ А. Г. Клинге, редакторъ «Фармацевтическаго Журнала». Третье, значительно дополненное изданіе. Выпуски I, II и III, цѣна по 70 к.; выпуски IV и V—1 р. 40 к. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1903 г. Выходъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ книги г. Клинге уже говоритъ въ ея пользу. Дѣйствительно, мы имѣемъ громадное собраніе рецептовъ для изготовленія всякаго рода составовъ, зачастую необходимыхъ во всякомъ обиходѣ. О качествѣ всѣхъ этихъ рецептовъ безъ опытной повѣрки судить, конечно, трудно, но, повидимому, авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ и пользовался лишь заслуживающими довѣрія источниками. Одно неясно; для кого предназначается эта книга, только ли для спеціалистовъ, или и для большой публики? Любитель, напримѣръ, купившій книгу г. Клинге, можетъ быть поставленъ въ затрудненіе отсутствіемъ въ ней латинской номенклатуры, которая ему неизвѣстна, но безъ которой иногда очень трудно бываетъ обойтись при покупкѣ не особенно ходкихъ препаратовъ въ аптекарскомъ складѣ. Съ другой стороны русская номенклатура, вообще мало выработанная, порядочно-таки запутана авторомъ. Напримѣръ, на стр. 27 II выпуска желѣзный купоросъ почему-то названъ сѣрнокислой закисью желѣза: названіе и химически, и коммерчески неправильное. Такихъ примѣровъ можно привести много. Издана книга хорошо. Раздѣленіе ея на выпуски по группамъ производствъ облегчаетъ покупку и пользованіе книгой. *Д. М.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го декабря по 15-е января.

А. Луговой. Безумная. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Онинъ. Морвистъ. Очеркъ. Баку. 1903 г. Ц. 30 к.

Его-же. Филиппъ Степановичъ. Очеркъ. Баку. 1902 г. Ц. 20 к.

В. Величко. Арабески. Новыя стихотворенія. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

В. Илличъ-Свитычъ. Старый молитвенникъ. Повѣсть. Владивостокъ. 1903 г.

Уайзменъ. Фабіола или церковь въ катакомбахъ. Пер. съ англ. А. Каррикъ. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

М. Могилянскій. Тина. Драма въ 3-хъ дѣйст.

Гр. Л. Толстой. Ассирійскій царь Ассархадонъ. Три вопроса. Съ 9-ю рис. Н. И. Живаго. Изд. «Посредника». Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

Бретъ-Гартъ. Степной найденышъ. Пер. Е. Н. Москва, 1902 г. Ц. 60 к.

О. Коржинская. Индійскія сказки. Сборникъ сказокъ для дѣтей средн. возр. Съ предисловіемъ С. Ольденбурга. Изд. Девріена. Спб. 1903 г.

Ѳ. Пріютянинъ. Счастье и горе сѣренькихъ людей на провинціи. Вып. I. Херсонъ. 1903 г. Ц. 8 к.

«Въ поискахъ свѣта». Сборникъ подъ редакціей П. А. Травина. Москва. 1904 г. Ц. 20 к.

Вас. Брусянинъ. Ни живые—ни мертвые (Очерки петербург. жизни). Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

И. Гривскій. Записки рабочаго. Спб. 1904 г. Ц. 80 к.

Лика. Гирлянда розъ и др. разсказы. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

С. Рафаловичъ. Противорѣчія. Спб. 1903 г.

В. Анучинъ. По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть изъ жизни маленькихъ искателей приключеній въ Сибири. Изд. О. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Изабелла Гриневская. Стихотворенія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

С. Минцловъ. Въ грозу. Историч. повѣсть изъ эпохи Петра В. Спб. Изд. О. Поповой. Ц. 1 р.

В. Андреевъ. Шарлатанство въ бухгалтеріи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ахшарумовъ. Измѣненіе климата и ледниковые періоды. Вольскъ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Риттихъ. Зависимость крестьянъ отъ общины и міра. Спб. 1903 г.

И. Катаевъ. Императоръ Александръ I. Очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 30 к.

Его же. Богданъ Хмельницкій. Очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 15 к.

Его же. Царь Алексѣй Михайловичъ и его время. Очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 12 к.

С. Васюковъ. «Край гордой красоты» Кавказское побережье Черномора. Съ рис. Спб. Изд. Девріена. 1903 г. Ц. 2 р.

И. Замотинъ. Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Варшава. 1903 г. Ц. 2 р.

Вл. Львовъ. Русская Лапландія и русскіе лопари. Географ. и этнограф. очеркъ. Москва. 1903 г. Ц. 25 к.

Э. Шульце. Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни.

Ѳ. Булгаковъ. Сто шедевровъ искусства. Лучшія картины первоклас. художествъ. Спб. 1903 г.

Ев. Богрова. Персія и Персы. Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

Ир. Скворцовъ. О воспитаніи и нравственности. Спб. 1903 г.

Г. Коварскій. Какъ защитить себя отъ заразныхъ болѣзней? Вильна. 1903 г. Ц. 25 к.

Э. Танонъ. Эволюція права и общественное сознаніе. Пер. А. Фитингофъ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703 — 1903). Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

В. Гагенъ. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею (соц.-полит. этюдъ). Спб. 1904 г. Ц. 70 к.

А. Іонинъ. По Южной Америкѣ. Въ обр. для юношества. Е. Лазаревской. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

И. Книжникъ. Смыслъ пьесы «На днѣ». Горькаго. Криминальные намеки въ пьесѣ «На днѣ». Одеееса 1903 г. Ц. 20 к.

Ганзенъ. Пьянство излѣчиваемая болѣзнь. Пер. съ нѣм. Коровина. Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

В. Кеннингемъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія (средніе вѣка и новое вр.). Пер. съ анг. П. Канчаловскаго. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 40 к.

П. Стрѣльцовъ. О высшемъ учеб. заведеніи въ сѣв.-зап. краѣ. Витебскъ. 1903 г. Ц. 30 к.

Россія. Полн. геогр. описаніе нашего отечества. Подъ общ. руков. П. П. Семенова. Т. XVIII. Киргизскій край. Изд. Девріена. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Вырубовъ. Задачи обществ. попеченія о душевно-больныхъ. Воронежъ. 1903 г.

Его же. Организація психіатр. помощи въ Воронеж. губ. въ связи съ вопросомъ о децентрализаціи ея. Воронежъ. 1903 г.

С. Гюнтеръ. Вѣкъ великихъ открытій. Пер. П. Ю. Шмидтъ. Изд. А. Девріена. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

И. Алибеговъ. Народное образованіе на Кавказѣ. Тифлисъ. 1903 г.

П. Лощиловъ. О профессіональномъ трудѣ волжскихъ грузчиковъ. Н.-Новгородъ. 1903 г. Ц. 25 к.

Э. Циммерманъ. Путешествіе вокругъ свѣта. 2-ое испр. и дополн. изд. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. Шмидтъ. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обиратели. Изд. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Эд. Страсбургеръ. Краткій практическій курсъ растительной гистологіи. Пер. съ 4-го нѣм. изд. В. Буткевича. Съ пред. К. Тимирязева. Москва. 1903 г. Ц. 3 р.

Г. Риккертъ. Границы естественно-научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историч. науки. Пер. съ нѣм. А. Водена. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

А. И. Даринскій. Семья у кавказскихъ горцевъ. Варшава. 1903 г.

Н. К. Помяловскій и Горькій (Критич. парал.). Спб. 1903 г. Ц. 15 к.

В. Литвиновъ-Фалинскій. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабовъ. Изд. 2-я допол. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Э. Реклю. Исторія горы. Пер. Д. Коропчевскаго. Изд. В. Тихомірова. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

А. Гудванъ. Приказчики въ Одессѣ (Результаты спеціальнаго изслѣдованія). Одесса. 1903 г. Ц. 20 к.

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Глаголева. Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ. Въ 4-хъ т. Редакц. Смирнова. 16 пор. и 4 рис. на отд. листахъ. Т. I. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Подп. цѣна 5 р. на 4 т.

Краинскій. Экономическія и техническія основы для орган. сред. и мелкихъ хозяйствъ. Ч. II. Черниговъ. 1903 г.

Фридманъ. Общество сельскихъ хозяевъ въ деревнѣ. Москва. 1903 г. Ц. 6 к.

Ѳ. Тищенко. Какъ учитъ писать гр. Л. Н. Толстой? Съ 6-ю новыми письмами Л. Н. Толстого о писательствѣ. Москва. 1903 г. Ц. 20 к.

В. Бинштокъ. Какъ охранять себя отъ заразныхъ болѣзней. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

З. Рагозина. Исторія Мидіи. Съ 90 рис. и картой. Спб. Изд. Маркса. 1903 г. 2 р. 50 к.

М. Комаровъ. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903 г. Ц. 75 к.

Треплевъ. Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко. Москва. 1904 г. Ц. 40 к.

Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Пер. съ фр. Д. Горшкова съ пред. проф. А. Фортунатова. Москва. 1904 г. Ц. 1 р.

Ф. Мартинъ. Три царства природы. Научно-популярное руководство по естествовѣдѣнію. Пер. съ нѣм. И. Эйзена, подъ ред. проф. А. Никольскаго. Съ раскраш. табл. и гравюр. въ текстѣ. Спб. 1904 г. Изд. Маркса. Ц. 8 р., въ перепл. 8 р. 75 к. Въ отд. 10 выпускахъ цѣн. по 80 к. за каждый, съ перес. по 1 р.

Э. Шмейль. Человѣкъ. Основы ученія о человѣкѣ и его здоровьи. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Н. и В. В. Половцовыхъ. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Линниченко. Высшее образованіе. Вступит. лекція на Жен. Педаг. Курсахъ въ Одессѣ.

Кабардинъ. Уставъ-образецъ для трудов. артелей. 3-ье изд. Спб. 1903 г. Ц. 20 к.

А. Шейнъ-Фогель. О происхожденіи славянскихъ полугласныхъ. Тифлисъ. 1903 г.

П. Шестаковъ. Образовательныя учрежденія и грамотность рабочихъ на ман-рѣ т-ства «Э. Циндель». Москва. 1904 г. Ц. 15 к.

Отчетъ тифлисской коммиссіи народн. чтеній за 1901—1902 г. и 1899—1900 г.

Отчетъ за 1902—1903 г. комиссіи по учрежденію въ г. Вѣрномъ об-ства ревнителей просвѣщенія.

Отчетъ по устройству народн. чтеній въ г. Тамбовѣ за 1902 г.

Отчетъ о дѣятельности комиссіи по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ за 1902 годъ.

Отчетъ. Варшавское 7-миклассное Коммерческое училище. Варшава. 1903 г.

Очеркъ. Къ 25-ти-лѣтію Глазовской женской гимназіи. 1876—1901 г. Вятка. 1903 г.

Статистическій сборникъ по Ярославской губ. Вып. XII. Яросл. 1903 г.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ за 1901 г. Вып. II. Спб. 1903 г.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VII и вып. X. Спб. 1903 г.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1902 г. Съ 6-ю картограммами. Полтава. 1903 г.

М. Острогорскій. Хронологія всеобщей и русской исторіи съ картами и рис. Пособіе и справочная книга при изученіи исторіи въ средн. учебн. заведеніяхъ. 3 выпуска: Древняя. средняя и новая исторія. 18-ое изд. исправл. и допол. Спб. 1903 г. Цѣна кажд. вып. 25 к.

Сборникъ литературно - художественный. Стихотворенія студентовъ Спб. университета подъ ред. Б. В. Никольскаго, съ иллюстр. студентовъ Имп. акад. худож. подъ ред. И. Е. Рѣпина. Спб. 1903 г.

Атласъ Маркса подъ ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго. 68 глав. и 148 дополн. картъ на 53 больш. двойныхъ таблицахъ in folio. Выход. въ 12 ежемѣс. выпускахъ. Вып. I. Спб. 1903 г.

Атласъ картинъ по русской исторіи. Вып. I. Картины испол. автотипіей по оригиналамъ художника А. Максимова. Изд. журнала «Дѣтскій Отдыхъ».

И. Божеряновъ и Н. Карповъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Вып. I. Т. I. Спб. 1903 г. Подпис. цѣна за 8 вып.—12 р., съ перес. 14 р., 1-й вып. для ознакомленія высыл. за 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Ireland under the English Rule» a Plea for the Plaintiff. By Thomas Addis Emmet. Two vols. 21 s. (Putnam's Sons) (Ирландія подъ англійскимъ управленіемъ). Книга издана въ защиту Ирландіи, но тѣмъ не менѣе авторъ ея старается быть безпристрастнымъ и, какъ указываетъ самое названіе книги, стремится доказать различіе между англійскимъ народомъ и англійскимъ правительствомъ, несправедливо поступающимъ съ Ирландіей. Свои доводы авторъ подкрѣпляетъ документальнымъ образомъ.

(Bookseller).

«Queer things about Japan» by Douglas Sladen. Price 21 s. (Anthony Treherne) (Смѣшныя вещи о Японіи). Чрезвычайно занимательное описаніе различныхъ оригинальныхъ сторонъ японской жизни. Книга иллюстрирована японскими художниками и нѣкоторые изъ рисунковъ представляютъ точное воспроизведеніе красками снимковъ съ натуры.

(Bookseller).

«Asia and Europe» by Meredith Townsend. Price 5 s. (Archibald Constable) (Азія и Европа). Очень подробное изслѣдованіе отношеній между Азіей и Европой, къ которому приложенъ очеркъ, посвященный авторомъ положенію негритянскаго вопроса въ Америкѣ.

(Athaeneum).

«Pompei, as it was and as it is» by Bagot Molesworth (Skeffington). Price 25 s. (Помпея, какова она была и какова она есть). Въ книгѣ заключается много цѣнныхъ свѣдѣній о жизни въ Помпеѣ въ прежнія времена. На основаніи тѣхъ указаній, которыя даютъ развалины, являющіяся безмолвными свидѣтелями былого величія, авторъ пытается представить картину жизни этого города. Не только люди, занимающіеся изученіемъ античнаго міра, но и вообще самый широкій кругъ образованныхъ читателей съ интересомъ прочтетъ эту книгу, снабженную притомъ прекрасными иллюстраціями, а для туристовъ она можетъ даже служить прекраснымъ руководителемъ среди развалинъ древняго города.

(Bookseller).

«The Founder of Mormonism» a psychological study of Joseph Smith, by J. Woodbridge Riley. With Portrait. Price 10 s. (Heinemann) (Основатель мормонизма). Мормонское ученіе давно уже служитъ предметомъ всеобщаго интереса и любопытства. Въ своемъ психологическомъ очеркѣ авторъ изслѣдуетъ жизнь и изучаетъ характеръ основателя этого ученія и тѣ побудительныя причины, которыя руководили его поступками, пытаясь такимъ образомъ представить въ истинномъ свѣтѣ секту христіанскихъ полигамистовъ и ихъ вождей.

(Athaeneum).

«A Social History of ancient Ireland» 2 vols. By P. W. Loyrce (Gongmans and C°) (Соціальная исторія древней Ирландіи). Книга изобилуетъ множествомъ интересныхъ свѣдѣній и фактовъ, при помощи которыхъ авторъ старается доказать, что древняя ирландская цивилизація превосходила ту, которая существовала въ Европѣ вплоть до X столѣтія, и что эта цивилизація была первобытнаго арійскаго происхожденія. Авторъ прекрасно изображаетъ древній соціальный бытъ Ирландіи.

(Bookseller).

«The Responsabilities of the Novelist» by Frank Norris (Grant Bichardy) (Отвѣтственность беллетриста). Въ книгѣ заключаются около тридцати коротенькихъ очерковъ, посвященныхъ разнымъ литературнымъ вопросамъ. Названія этихъ очерковъ, напр., «Истинная награда беллетриста», «Необходимость имѣть литературную совѣсть» и т. п., указываютъ на общую тенденцію автора, разсуждающаго объ отвѣтственности беллетриста, всегда имѣющаго передъ собою самую большую аудиторію, прислушивающуюся къ тому, что онъ говоритъ, и часто вѣрящую ему на слово.

(Athaeneum).

«Légendes de mort et d'amour» par M. Gaston-Routier. 1 vol. (Dujarric) (Легенды смерти и любви). Подъ такимъ заглавіемъ авторъ издалъ описаніе своего путешествія по Испаніи, во время котораго ему удалось собрать много легендъ, разсказанныхъ ему жителями Арагона и Андалузіи. Легенды эти большею часть но-

сятъ очень мрачный характеръ, особенно арагонскія легенды; это преимущественно легенды смерти, легенды же любви происходятъ изъ Андалузіи. Веселую ноту въ эти мрачные разсказы вносятъ очерки городовъ и изображеніе типовъ мѣстнаго населенія. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ носятъ даже юмористическій характеръ.

(Temps).

«Muslim Theology», Semitie Series, by Duncan B. Macdonald (*George Boutledge*) (*Мусульманская теологія*). Безъ знанія ислама трудно составить себѣ истинное понятіе о востокѣ и восточномъ вопросѣ, поэтому прекрасное изслѣдованіе автора исторіи мусульманской мысли и мусульманскаго законодательства, даетъ возможность глубже вникнуть въ душу восточныхъ народовъ и понять восточную проблему. Прежде всего авторъ старается разрушить ложное убѣжденіе, что исламъ пересталъ рости. Онъ доказываетъ, что исламъ представляетъ въ высшей степени живучій организмъ, который можетъ выдержать сравненіе съ христіанствомъ.

(Daily News).

«The Geography of Commerce» by Spenser Trotter. Price 5 s. (*Macmillan*) (*Географія торговли*). Авторъ дѣлаетъ попытку установить связь между физическою наукой и экономикой. Съ этой точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ физическую географію и общественныя организаціи. Книга иллюстрирована.

(Daily News).

«Lebensgeschichte der Erde» von Willy Pastor (*Diederichs*). *Leipzig* (*Біографія земли*). Замѣчательная книга, которую должны прочесть съ огромнымъ интересомъ даже тѣ, кто совершенно не раздѣляетъ взглядовъ автора. Авторъ—послѣдователь идей Фехнера и Прейера, но онъ разсматриваетъ естественно-историческія проблемы, такъ сказать, съ художественной точки зрѣнія и съ большимъ искусствомъ проводитъ свои идеи въ такую область, которая касается великаго вопроса о происхожденіи органической жизни и развитія богатствъ и производительныхъ силъ нашей планеты.

(Francfurt. Zeit.).

«Der rechte Weg ins Leben oder die Neue Ethik» von Otto Spielberg (*Pierson*) (*Правильный путь въ жизни или новая этика*). Въ своей этикѣ авторъ обнаруживаетъ какъ будто нѣкоторую склонность къ философіи Ницше, но тѣмъ не менѣе возвращается все-таки на путь моралистовъ хотя проповѣдь его свободна отъ предразсудковъ и нетерпимости. Онъ говоритъ, что истинная религія должна заключаться въ томъ, чтобы «жить и давать жить другимъ».

(Berliner Tag.).

«Die sociale Frage im Lichte der Philosophie» von prof. Ludwig Stein. Stuttgart. Zweite Auflage (*Ferd. Enke*) (*Соціальный вопросъ въ философскомъ освѣщеніи*). Книга разсчитана на широкій кругъ читателей, такъ какъ философскія и соціальныя идеи изложены авторомъ въ популярной формѣ. Авторъ старается подвести подъ общую точку зрѣнія всѣ главные отдѣлы соціологіи и соціальной науки.

(Francfurt. Zeit).

«Kultur und Presse» von D-r Emil Löbls (*Duncker und Humblat*). *Leipzig* (*Культура и печать*). Книга представляетъ первую попытку систематической обработки богатаго матеріала современнаго журнализма. Авторъ изслѣдуетъ положеніе печати въ современномъ общественномъ организмѣ, причемъ высказываетъ весьма оригинальные взгляды. Въ печати онъ видитъ Habeas Corpus человѣческаго духа, обезпечивающаго полную свободу всѣмъ умственнымъ, политическимъ и соціальнымъ стремленіямъ человѣчества. Въ давно прошедшія времена заблужденія существовали цѣлыя столѣтія, пока, наконецъ, книги не уничтожили ихъ. Но благодаря періодической печати весь эволюціонный процессъ человѣчества совершается гораздо быстрѣе и печать уже отстранила много золъ, хотя и принесла въ то же время нѣкоторый вредъ, вслѣдствіе своей способности все нивеллировать. Самую интересную и самую блестящую часть книги составляетъ та, въ которой авторъ говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ печати и общественнаго мнѣнія.

(Berliner Tag.).

«Vers la paix» par M. E. Duplessix 1 vol (*Guillaumin et C°*) (*Къ миру*). Въ этой маленькой книгѣ авторъ резюмируетъ стремленія народовъ къ миру и излагаетъ программу, которая можетъ способствовать достиженію ими желаемыхъ результатовъ. Въ предисловіи авторъ дѣлаетъ историческій обзоръ развитія идеи третейскаго суда и подвергаетъ подробному анализу тѣ способы, которые могли бы ускорить разоруженіе и содѣйствовать укрѣпленію идеи третейскаго суда.

(Journal des Débats).

«Zur Jüngsten deutschen Vergangenheit» von M. Lamprecht (*Heyfelder*) (*Недавнее прошлое Германіи*). Авторъ этой книги, профессоръ лейпцигскаго университета, написавшій очень пространную исторію Германіи, описываетъ современную эволюцію своего отечества и изслѣдуетъ причины того глубокаго антагонизма, который возникъ между Вильгельмомъ II и Бисмаркомъ. Эти причины онъ отыскиваетъ, главнымъ образомъ въ глубокой разницѣ характеровъ обоихъ лицъ, такъ что изслѣдованіе канфликта между императоромъ и же-

лѣзнымъ канцлеромъ, такъ сильно волновавшаго въ свое время современную Германію, въ сущности является изслѣдованіемъ проблемы политической психологіи. По словамъ автора, Бисмаркъ былъ воплощеніемъ натурализма и реализма, восторжествовавшаго во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка во всѣхъ областяхъ германской жизни. Но въ 1890 г. началась реакція, и Германія вернулась къ идеализму, воплощеніемъ котораго авторъ считаетъ Вильгельма II. Такимъ образомъ императоръ и его канцлеръ «говорили на разныхъ языкахъ» и столкновеніе между ними было неизбѣжно.

(Berlin. Tag.).

«Histoire des classes ouvrières et de l'Industrie en France de 1783 à 1870» (tome I-re) par E. Levasseur, membre de l'Institut (Arthur Rousseau) (Исторія рабочихъ классовъ и промышленности во Франціи съ 1783 по 1870 г.) Это вторая часть чрезвычайно цѣннаго изслѣдованія, представляющаго настоящую исторію промышленнаго труда во Франціи, начиная отъ покоренія Галліи Цезаремъ до нашихъ дней. Первая часть доходитъ до эпохи революціи, которая разсматривается во второмъ только что вышедшемъ томѣ, обнимающемъ сравнительно короткій, но богатый переворотами періодъ французской исторіи.

(Journal des Débats).

«Durch die Urwälder Südamerikas» von Albert Perl. Mit 60 Jllustrationen im Text und einer Karte (Verlag von Dietrich Beimer). Berlin (По дѣвственнымъ лѣсамъ Южной Америки). Авторъ этой книги былъ посланъ по дѣламъ одной торговой фирмы въ Боливію и долгое время проживалъ въ кордильерскихъ горахъ. Затѣмъ онъ отправился въ область Амазонки и часто, съ опасностью для жизни, путешествовалъ по нѣкоторымъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ притокамъ этой рѣки, проѣзжая ихъ на утломъ челнокѣ или же пробираясь по тропинкамъ дѣвственнаго лѣса. Обладая большимъ даромъ наблюдательности и пониманіемъ природы, авторъ даетъ въ своей книгѣ прекрасное описаніе красотъ первобытной дѣвственной природы. Само собою разумѣется, что путешествіе, при такихъ условіяхъ, должно было изобиловать разнаго рода приключеніями и разсказъ объ этихъ приключеніяхъ въ значительной мѣрѣ увеличиваетъ интересъ книги.

(Berliner Tag.).

«Clémbs and Exploration in the Canadian Rockies» by Hugh E. M. Stutfield an I. Norman Collie (Longman) (Восхожденіе на скалистыя горы Канады и изслѣдованіе ихъ). Очень интересная книга, описывающая странствованія по Скалистымъ горамъ и знакомящая читателя съ горною природой и ея красотами, а также съ опасностями, которыя приходится преодолѣвать горнымъ туристамъ.

(Daily News).

«La Conquête du Pôle». Histoire des Missions arctiques depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, par M. Charles Benard, Jllustré de 190 gravure. Prix 20 fr. (Librairie Hachette) (Завоеваніе полюса). Описанія экспедицій къ сѣверному полюсу всегда полны драматизма. Опасности и трудности, съ которыми сопряжены полярныя путешествія, требуютъ отъ изслѣдователей огромнаго мужества, самоотверженія и выносливости, поэтому разсказы о подвигахъ полярныхъ героевъ всегда читаются съ животрепещущимъ интересомъ. Авторъ поставилъ себѣ задачей резюмировать всѣ наиболѣе замѣчательныя экспедиціи къ сѣверному полюсу, вплоть до самыхъ послѣднихъ путешествій и безумно смѣлой попытки безслѣдно исчезнувшаго воздухоплавателя Андре. Читатель можетъ прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ постепенно расширялась область полярныхъ изслѣдованій и совершенствовались ихъ способы. Превосходныя иллюстраціи, изображенія типовъ, сценъ, полярныхъ пейзажей, служатъ очень хорошимъ дополненіемъ къ тексту.

(Journal des Débats).

«La Route de L'Jnde» par E. Gekénin. Prix 8 fr. (Librairie Hachette) (Дорога въ Индію). Прекрасно написанная исторія героическихъ усилій европейцевъ, стремившихся водвориться въ Индіи, соблазнявшей ихъ своими сказочными богатствами.

(Journal des Débats).

«La Renaissance catholique en Angleterre au dix-neuvième siècle» par Thureau Dangin (Plon, Nourrit et C°) (Возрожденіе католицизма въ Англіи въ IX-мъ вѣкѣ). Авторъ изслѣдуетъ то вліяніе, которое имѣютъ религіозныя идеи въ жизни англійскаго народа, что объясняется складомъ и особенностями національнаго характера и темперамента. Ни одно интеллектуальное, литературное, философское или политическое теченіе не могло бы взволновать англійскую націю, если бы ему не предшествовало и не сопровождало его религіозное движеніе. Въ своей книгѣ авторъ изучаетъ современное католическое движеніе въ Англіи, которое находится въ связи съ литературнымъ романтизмомъ.

(Journal des Débats).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

ІЕНА ИЛИ СЕДАНЪ?

РОМАНЪ

АДАМА фонъ-БЕЙЕРЛЕЙНА.

Переводъ съ нѣмецкаго

Т. БОГДАНОВИЧЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1904.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый романъ А. Бейерлейна появился годъ тому назадъ и произвелъ большое впечатлѣніе не только въ Германіи, гдѣ выдержалъ много изданій и вызвалъ цѣлую литературу за и противъ, но и за границей, и былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки. Такому успѣху способствовали какъ тема романа, такъ и ея разработка, оригинальная и художественная.

Содержаніе романа очень интересно. Предъ нами картина быта нѣмецкой арміи въ мирное время, жизнь солдатъ и офицеровъ въ казармахъ, на плацу, въ лагеряхъ. Взятъ спеціальный родъ оружія—артиллерійскій полкъ *), повидимому, не безъ цѣли, такъ какъ этотъ родъ оружія требуетъ лучшихъ солдатъ и офицеровъ, и авторъ хочетъ показать, что и эти, до извѣстной степени, избранные представители арміи далеко не отвѣчаютъ тому идеалу, какой у него сложился объ арміи. Самъ авторъ—бывшій офицеръ и хотя не сторонникъ, но и не противникъ милитаризма въ принципѣ. Онъ признаетъ его жестокою необходимостью пока, и не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ читателей, что современная нѣмецкая армія далеко ниже своей славы. Мало того, онъ съ истиннымъ огорченіемъ усматриваетъ въ ней признаки разложенія того военнаго духа, безъ котораго не мыслима армія вообще. Лучшіе элементы ея—старослуживые, а ихъ очень немного, да и тѣ уходятъ. Молодые солдаты, идущіе имъ на смѣну, или равнодушно отбываютъ службу, какъ повинность, или же относятся къ ней прямо враждебно, безъ всякаго благоговѣнія. То же самое замѣчается и въ средѣ офицеровъ, гдѣ преобладаетъ карьеризмъ или тщеславіе. Нѣсколько идеалистовъ-офицеровъ, выводимыхъ въ романѣ, не удерживаются въ полку и тоже уходятъ, не находя почвы для своего возвышеннаго взгляда на армію и военную службу.

Такое печальное положеніе заставляетъ автора задуматься, что ждетъ эту армію въ случаѣ серьезнаго столкновенія съ сильнымъ противникомъ,—новая Іена или новый Седанъ? Подъ Іеной погибла прусская армія, въ свое время славившаяся, какъ образцовая, созданная геніемъ Фридриха Великаго, взросшая въ традиціяхъ, унаслѣдованныхъ отъ эпохи побѣдоносныхъ войнъ, создавшихъ изъ небольшого Прусскаго королевства—Пруссію, великую державу. Современная нѣмецкая армія тоже имѣетъ традиціи, не менѣе великія—побѣдоносныя войны съ Даніей, Австріей и, въ особенности, съ Франціей, результатомъ которыхъ явилось объединеніе Германіи, какъ мощной міровой державы. Что же, однако, обусловило эту трагическую катастрофу при Іенѣ? Несоотвѣтствіе духа арміи того времени съ новымъ духомъ начала XIX-го вѣка, представителемъ котораго явился Наполеонъ, однимъ ударомъ опрокинувшій всю устарѣлую организацію, сохранившуюся безъ перемѣны со времени Фридриха Великаго. Не находится ли и современная нѣмецкая армія въ такомъ положеніи по отношенію къ современному духу общества, котораго она не знаетъ, не считается съ нимъ и не желаетъ считаться? И не грозитъ ли и ей въ случаѣ столкновенія новое пораженіе, которое затмитъ и самую Іену? Что ждетъ ее—Іена или Седанъ?

Какъ рѣшаетъ авторъ этотъ вопросъ, читатели увидятъ сами. Бытовая сторона романа составляетъ главный интересъ для русскихъ читателей, которые въ романѣ имѣютъ прекрасную иллюстрацію къ общимъ условіямъ военной службы въ Германіи.

*) Въ германской арміи артиллерія сорганизована въ шести батарейные полки, а не въ бригады, какъ у насъ. Въ каждой батареѣ шесть орудій, три батареи составляютъ дивизіонъ; начальникъ—командиръ полка, полковникъ; начальникъ дивизіона—майоръ; командиръ батареи—капитанъ. Другія отличія германской артиллеріи будутъ видны изъ текста романа.

I.

„Не охота мнѣ, не охота мнѣ
Ѣхать изъ дому".
(Швабская народная пѣсня).

Францъ Фохтъ возвращался домой. Въ рукахъ у него былъ свертокъ съ бѣльемъ и сапогами, купленными въ городѣ. По этой самой дорогѣ онъ проходилъ Богъ знаетъ сколько разъ, но теперь, когда ему приходилось разставаться со всѣмъ, старыя привычныя мѣста казались ему иными,—онъ невольно присматривался къ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ сущности и разставался-то онъ не навѣки,—вѣдь не въ Америку онъ собирался. Самое большее ему предстояло два года службы, да и то за это время навѣрно разъ-другой ему дадутъ отпускъ. Изъ деревни ему тоже не первый разъ приходилось уходить, а всетаки теперь у него было какое-то особенное чувство. Первое—то, что онъ обязанъ былъ идти.

Францъ Фохтъ не слишкомъ ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, почему и ради чего существовала эта необходимость. Онъ разсуждалъ такъ: у нѣмцевъ есть враги,—главнымъ образомъ, конечно, французы и русскіе,—и они могутъ изъза чего-нибудь начать войну, ну, значитъ, нѣмцамъ надо быть наготовѣ, а для этого, прежде всего, надо имѣть солдатъ. Потомъ утѣшительна была также мысль, что эта необходимость никому не давала спуску. Вмѣстѣ съ нимъ попали на призывъ сыновья двухъ деревенскихъ богачей,—тѣ пошли въ уланы, а онъ въ полевую артиллерію.

Но потомъ, вслѣдъ за призывомъ, должно было наступить что-то такое новое, такое не похожее на всю предыдущую жизнь, что поневолѣ человѣку дѣлалось немножко жутко. Отпускные, съ которыми ему доводилось иногда бесѣдовать, какъ начнутъ бывало разсказывать про брань да про тычки у нихъ тамъ въ солдатахъ, такъ и конца нѣтъ. Ну, да какъ-никакъ, головы ему все-таки не снимутъ. А силы и ловкости у него не занимать стать, можетъ быть, дѣло окажется вовсе ужъ не такъ плохо.

Юноша сдвинулъ шапку на затылокъ, засвистѣлъ и бодрѣе пошелъ впередъ.

Для конца октября погода стояла удивительно теплая. Широкая пыльная дорога, поднимающаяся въ гору, была вся залита солнцемъ точно въ іюлѣ, когда по обѣимъ сторонамъ колышатся золотистыя нивы. Теперь вокругъ чернѣла земля, вспаханная для новаго посѣва. Дальше направо тянулись еще зеленѣющіе луга, ограниченные на горизонтѣ темной линіей лѣса.

Кое-гдѣ, прорѣзая эту зеленѣющую даль, виднѣлось полотно желѣзной дороги, и отъ времени до времени въ той сторонѣ мелькалъ бѣлый дымокъ паровоза.

Францъ Фохтъ опять поймалъ себя на мысли о завтрашнемъ днѣ и разсердился. По этой дорогѣ ему придется завтра ѣхать въ то мѣсто, къ которому онъ будетъ привязанъ два года.

Ужъ онъ началъ, было, опять думать о томъ, что-то съ нимъ тамъ будетъ?—но нѣтъ, довольно! Онъ встряхнулъ головой, чтобы выкинуть оттуда эту глупую заботу.

Дорога сдѣлала крутой поворотъ, и съ лѣвой стороны открылся живописный видъ. Черезъ неширокую рѣку перекинутъ былъ тяжеловатый мостъ, опиравшійся на солидные столбы. На томъ берегу поднималась гора, у подошвы которой раскинулся маленькій городокъ, а вершину увѣнчивалъ маркграфскій замокъ и древній епископскій дворецъ.

Францъ Фохтъ инстинктивно почувствовалъ всю красоту этого пейзажа. Этотъ городокъ, окруженный зеленѣющими склонами долины, всегда казался ему самымъ красивымъ уголкомъ его родной стороны.

И снова у него мелькнула мысль, что завтра онъ увидитъ все это въ послѣдній разъ передъ долгой разлукой. Когда-то ты опять увидишь это и каково-то у тебя будетъ въ то время на душѣ?

На этотъ разъ ему какъ-то труднѣе стало встряхнуться и бодро поднять голову. Онъ задумчиво шелъ дальше, пока новый поворотъ дороги не вывелъ его къ отцовскому дому. Онъ остановился передъ четырьмя каменными ступеньками, вытоптанными такъ, что они стали похожи на четыре каменныхъ корытца. Весь этотъ домъ, начиная съ верхней черепицы крыши и до самаго темнаго уголка погреба, былъ ему извѣстенъ насквозь. Онъ зналъ въ немъ каждый кирпичъ, помнилъ каждое углубленіе на стѣнахъ, которое онъ самъ сдѣлалъ въ дѣтствѣ неосторожнымъ ударомъ молотка; онъ самъ его бѣлилъ известкой, а теперь онъ стоялъ передъ нимъ, какъ передъ чѣмъ-то незнакомымъ, особеннымъ.

Первый разъ пришло ему въ голову, что одинъ только ихъ домикъ остался неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ вокругъ все измѣнилось. Много лѣтъ назадъ, когда за проѣздъ по шоссе взимались еще дорожные сборы, онъ принадлежалъ казнѣ, и его отецъ—послѣдній сборщикъ—выкупилъ его. Почти два десятка лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ опущенъ былъ вечеромъ желтобѣлый шлабгаумъ, а домъ сборщика оставался все такимъ же. Даже маленькая задвижка въ окнѣ прежней комнаты служанки по старому не задвигалась, и рама такъ и осталась не починеной. Даже старый шлабгаумъ хранился въ заднемъ углу садика, а передъ домомъ торчала старая скворешница, и каждую весну тамъ поселялась пара скворцовъ.

А отецъ?—вѣдь и онъ въ сущности нисколько не измѣнился. Только сѣдина тронула немного волосы,—окружавшіе рѣдѣющимъ вѣнцомъ его голову, и бороду, которую онъ, какъ старый императоръ Вильгельмъ, пробривалъ на подбородкѣ.

А держится онъ,—вотъ и сейчасъ стоя въ дверяхъ,—все такъ же бодро и прямо, какъ и всегда; изъ подъ косматыхъ бровей глаза глядятъ все так же добродушно хоть и сурово, и низкій голосъ звучитъ такъ же по военному, отрывисто и грубовато.

— Что, малый, стоишь носъ повѣся?—крикнулъ онъ.—Небось душа въ пятки уходитъ, какъ про завтрашнее вспомнишь? Это все оттого, что мать твоя была баба. Ну, входи что ли.

Онъ пошелъ впередъ въ комнаты и началъ разсматривать покупки.

— Дорогонько, дорогонько, это тряпье!—ворчалъ онъ. Но въ концѣ концовъ онъ остался доволенъ, такъ какъ Францъ принесъ еще назадъ добрую толику денегъ.

— Это оставь себѣ!—сказалъ отецъ. Отъ меня не жди ничего сначала. Тамъ, потомъ, талеръ, другой, отчего же. Но сперва выкарабкивайся самъ. Это всякому здорово. Я всегда своимъ горбомъ пробивался съ перваго года до послѣдняго, всѣ пятнадцать лѣтъ! Ну, вотъ! А теперь иди укладывайся, чтобъ все было въ порядкѣ.

Францъ поднялся по лѣстницѣ на свой чердакъ, захвативъ бумажку, на которой отецъ записалъ все, что нужно взять съ собой. Прежде всего бѣлье, новые сапоги, все что нужно для починки и чистки и даже нѣкоторые инструменты. Все это онъ сложилъ въ маленькій сундучокъ, и крышка закрылась совершенно свободно. Уложившись, Францъ присѣлъ на край кровати, задумчиво вглядываясь въ темноту наступающаго вечера.

Что-то сулитъ ему будущее?

Ужинъ былъ нисколько не обильнѣе, чѣмъ всегда. Одно только удивило Франца, — отецъ отрѣзалъ сразу двѣ копченыя колбасы.

— Завтра, паренекъ—сказалъ онъ отрѣзая послѣдній ломоть хлѣба,—будетъ ужъ солдатскій хлѣбъ. Славный хлѣбъ, здоровый! Увидишь, какой вкусный!

И потомъ прибавилъ, указывая на двѣ толстыя длинныя колбасы.

— А что, найдется еще мѣсто въ сундукѣ для этихъ колбасокъ? А? Можешь ихъ припрятать.

Они ѣли съ плоскихъ деревянныхъ тарелокъ и рѣзали хлѣбъ и колбасу карманными ножами. Послѣ ужина оставалось только смести со стола крошки и унести тарелки въ кухню.

По утрамъ приходила старушка, исполняла всю женскую работу въ домѣ и готовила обѣдъ. А послѣ полудня старый сборщикъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ждалъ, когда наконецъ за ней закроется дверь. Онъ испытывалъ при этомъ какое-то облегченіе.

Когда Францъ уложилъ колбасы въ сундукъ и снова спустился съ лѣстницы, отецъ стоялъ на порогѣ съ шапкой въ рукѣ.

— Идемъ, мальчикъ,—сказалъ онъ, разомнемъ себѣ немного ноги.

Они прошли деревню и нѣсколько времени шли молча подъ усѣяннымъ звѣздами небомъ.

Потомъ отецъ заговорилъ, но далеко не такимъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, какъ обыкновенно.

— Видишь ли, малый, съ завтрашняго дня ты станешь на свои ноги, будешь самъ за себя отвѣчать. Дѣло стоитъ такъ: до службы ты глупый парень, послѣ службы ты станешъ человѣкомъ. Долженъ стать человѣкомъ! А для этого тебѣ нужно знать, на чемъ стоять. И вотъ я тебѣ говорю: ты долженъ имѣть внутри себя законъ, по которому живешь! А все остальное, что тамъ въ ихъ параграфахъ пишется, это только правила. Спрашивай всегда себя: по правдѣ ли ты дѣлаешь? Если по правдѣ, такъ и валяй!.. А если ты и самъ не будешь знать, такъ или этакъ,—ну тогда подумай только: могъ ли бы ты разсказать объ этомъ отцу, глядя ему въ глаза?

На сердцѣ у него лежалъ цѣлый грузъ заботливыхъ напутствій сыну, единственному любимому существу на свѣтѣ,—но онъ на томъ и кончилъ. Онъ чувствовалъ, что не могъ облечь въ ясную форму всю мудрость своего шестидесятилѣтняго опыта. По правиламъ этой мудрости онъ жилъ, она вошла ему въ плоть и кровь, но подходящія слова, которыми можно было бы передать ее сыну, никакъ не попадались.

Фридрихъ Августъ Фохтъ и сестра его, съ которой они были близнецы, родились въ 1840 году. Они были незаконными дѣтьми одной работницы. Нѣсколько времени спустя послѣ ихъ рожденія мать исчезла безслѣдно. Вѣроятно, она умерла гдѣ нибудь въ канавѣ. Дѣтей отдали въ воспитательный домъ. Тамъ они и росли, немного унылые и молчаливые, угнетенные мыслью о полученномъ благодѣяніи. Оставивъ воспитательный домъ, оба были исполнены однимъ стремленіемъ, всею своею жизнью стереть пятно своего рожденія, которымъ то лицемѣрное и жестокое время не стыдилось упрекать ихъ. Дѣвочка пошла въ прислуги, мальчикъ сдѣлался солдатомъ и съ теченіемъ времени достигъ званія фельдфебеля. Ему пришлось даже участвовать въ нѣсколькихъ битвахъ, и онъ получилъ серебряную медаль за храбрость и желѣзный солдатскій крестъ. Въ качествѣ начальника онъ былъ требовательнѣе и строже всего къ самому себѣ, а къ подчиненнымъ, несмотря на суровую внѣшность, относился почти по отечески. Его единственной заботой въ теченіе долгихъ пятнадцати лѣтъ было—строго исполнять свой долгъ не только передъ начальствомъ, но и передъ самимъ собой.

Товарищи не любили этого вѣчно серьезнаго, сдержаннаго человѣка, и онъ самъ не чувствовалъ никакого тяготѣнія къ ихъ легкомысленной компаніи, не испытывалъ онъ также никакого влеченія къ женщинамъ. Онъ прожилъ все время замкнуто и одиноко. Но въ душѣ у него жила потребность внушить къ себѣ хоть кому нибудь теплое чувство, насколько это достижимо въ строгихъ служебныхъ рамкахъ. Онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ, когда какой нибудь резервистъ, уходя, крѣпче обыкновеннаго жалъ ему руку и неуклюжими словами высказывалъ ему свою сердечную благодарность. Когда онъ снялъ солдатскій мундиръ, ему не въ чемъ было упрекнуть себя, ни въ малѣйшемъ злоупотребленіи, ни въ малѣйшей несправедливости; онъ могъ быть доволенъ собой.

Вскорѣ по выходѣ въ запасъ, онъ получилъ мѣсто сборщика дорожной повинности и могъ осуществить свое завѣтное желаніе—взять сестру къ себѣ въ домъ.

Но не надолго порадовала она его. Едва лишь удалось ей внести немного свѣта въ жизнь своего серьезнаго брата, какъ она почувствовала приближенье смерти. Она видѣла, что онъ замѣчалъ это, и съ каждымъ днемъ становился все грустнѣе и грустнѣе; и чтобъ не оставлять его одного, она посватала ему одну дѣвушку, немного моложе его. Ни тотъ, ни другая не думали раньше объ этомъ союзѣ, но они свято выполнили волю умирающей. Они поженились и, когда у нихъ родился сынъ, почувствовали себя совершенно счастливыми.

Но Августу Фохту суждено было оставаться одинокимъ. Какъ только мальчикъ достигъ школьнаго возраста, жена его умерла.

Вскорѣ послѣ того онъ получилъ въ наслѣдство отъ тестя клочокъ земли и почти одновременно съ этимъ выкупилъ свой домикъ у казны, такъ какъ дорожные сборы были уничтожены.

Онъ сталъ крестьяниномъ.

Теперь его гордость заключалась въ томъ, чтобъ поле его приносило хорошій урожай и скотъ былъ глаже чѣмъ у всѣхъ.

Одиноко, безъ всякой помощи работалъ онъ и въ полѣ, и дома; онъ все еще не поддавался судьбѣ, отнявшей у него двухъ любимыхъ существъ. Съ годами мальчикъ становился его дѣятельнымъ помощникомъ. Какъ два вѣрные товарища, отдавали они всѣ свои силы землѣ и жили только тѣмъ, что она имъ возвращала. При этомъ шестидесятилѣтній старикъ не многимъ уступалъ двадцатилѣтнему юношѣ.

По вечерамъ они сидѣли другъ противъ друга, отдыхая. Иногда сынъ принимался разспрашивать отца о солдатской жизни, о войнѣ, о битвахъ, на которыя указывали хранившіеся на днѣ сундука ордена. Но отецъ отвѣчалъ коротко и неохотно.

О, конечно, онъ все еще гордился своей медалью и крестомъ, но онъ смутно чувствовалъ какое то внутреннее противорѣчіе, когда говорилъ о томъ времени. Между нимъ и его славнымъ прошлымъ легла непроходимая пропасть.

Онъ не могъ побѣдить какой то неловкости, припоминая теперь среди своей мирной трудовой жизни о томъ времени, наполненномъ борьбой и убійствомъ.

Это чувство помѣшало ему пустить сына по той же дорогѣ. Несмотря на льготы, которыми онъ могъ воспользоваться, онъ не отдалъ мальчика въ унтеръ-офицерскую школу. Необходимости вѣдь въ этомъ не было никакой. Можно вѣдь и съ солдата начать службу, коли охота будетъ.

Ну, а сейчасъ, какъ-никакъ, отправлять его въ солдаты было изъ рукъ вонъ скверно. Конечно, ему этого никакъ нельзя дать замѣтить,—но и переварить это трудновато.

Положимъ, старшина объяснялъ ему, что можно малаго совсѣмъ не сдавать, стоитъ только заявить, что безъ него нельзя обойтись въ хозяйствѣ. Но Августъ Фохтъ никогда не пошелъ бы на это,—совѣсть не позволила бы. Положимъ, ему дѣйствительно шестьдесятъ лѣтъ, но хотя бы ему было и девяносто, онъ не станетъ прятать голову подъ крыло. И кромѣ того это былъ бы первый обманъ въ его жизни, а ужъ этакія вещи съ сѣдой головой не слѣдъ начинать. Лучше ужъ прожить два года безъ сына.

Но все-таки, все-таки... тяжело это.

У отца,—пока они молча шагали рядомъ, было, пожалуй, даже тяжелѣе на душѣ, чѣмъ у сына. Но когда они, обойдя большой кругъ, подошли снова къ двери дома, онъ сказалъ только:

— Да, да, мальчикъ, не выпускай этого изъ головы.—Ну, а теперь, спи спокойно послѣднюю ночку!

А когда сынъ поднимался по лѣстницѣ, онъ прибавилъ потише:

— Славный ты мой мальчикъ!

Онъ внимательно прислушивался къ шагамъ сына надъ головой, слышалъ, какъ кровать слегка заскрипѣла, когда Францъ, наконецъ, улегся. Самъ онъ еще

нѣсколько времени сидѣлъ на мѣстѣ, не раздѣваясь, и все думалъ о томъ, что, можетъ быть, не такъ ужъ дурно было бы воспользоваться льготой. Потомъ всталъ, торопливо раздѣлся, потушилъ огонь и бросился на постель...

Рано поутру на слѣдующій день Францъ Фохтъ распрощался съ отцомъ. Долго стоялъ онъ на ступенькѣ, держа въ лѣвой рукѣ сундучокъ. Старикъ не выпускалъ его правую руку.

А слова все не шли съ языка.

— Ну, смотри же, не осрами меня,— проговорилъ онъ, наконецъ, выпустивъ его руку, и махнулъ, чтобы тотъ уходилъ.

Францъ вышелъ на улицу.

На поворотѣ онъ оглянулся назадъ,— отецъ все еще стоялъ на порогѣ.

Снова передъ нимъ открылась знакомая картина,—чернѣющія поля налѣво и городокъ направо. Онъ остановился и послѣдній разъ оглядѣлъ все это, потомъ бодрыми шагами пошелъ по дорогѣ и скоро пришелъ на станцію. Тутъ волей неволей его охватило шумное оживленіе, царившее среди новобранцевъ. Когда поѣздъ тронулся, они затянули обычную рекрутскую пѣсню:

„Не охота мнѣ, не охота мнѣ
Ѣхать изъ дому“.

Хоръ вышелъ не слишкомъ-то стройный, но все-таки головы невольно поднимались вверхъ, и невеселыя мысли отступали назадъ.

Въ главномъ городѣ провинціи большая часть рекрутовъ вышла; лишь немногіе ѣхали дальше въ маленькій гарнизонъ.

Въ вагонахъ стало тише, голоса у всѣхъ охрипли отъ пѣнія, а разговоры не клеились.

Нѣсколько унтерофицеровъ встрѣтили пріѣхавшихъ на конечной станціи. Рекрутовъ разставили попарно и повели на плацъ. Только что передъ тѣмъ на особомъ поѣздѣ пріѣхала главная партія новобранцевъ изъ фабричной области. Всего собралось около четырехсотъ человѣкъ. Среди нихъ суетилось множество унтерофицеровъ и стояло нѣсколько офицеровъ.

Началась безконечная перекличка. Прежде всего вызывали назначенныхъ въ первую батарею, и ее сейчасъ же увели, такъ какъ она оказалась полной. Потомъ пошла вторая батарея, потомъ третья и такъ далѣе.

Рекруты угрюмо глядѣли въ землю; тѣ, кого вызывали, бросались со всѣхъ ногъ изъ рядовъ, за все задѣвая и всѣхъ толкая своими ящиками и мѣшками.

Францъ Фохтъ сначала прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ. Каждый разъ ему казалось, что сейчасъ должны назвать его имя. Но когда и третью батарею увели, а его все не вызывали, вниманіе его ослабѣло, и онъ сталъ понемногу осматриваться кругомъ.

То, что онъ увидѣлъ, было не особенно привлекательно. Большая четыреугольная площадь была покрыта сплошь какимъ то чернымъ пескомъ, должно быть, каменноугольной пылью. Съ трехъ сторонъ ее окружалъ высокій деревянный заборъ, черезъ который виднѣлись пустыя черныя поля и огороды. По четвертой сторонѣ тянулся пестрый рядъ зданій; прежде всего длинный сарай почти безъ оконъ, передъ нимъ стоялъ часовой съ саблей на голо и съ любопытствомъ разглядывалъ новобранцевъ; дальше шла кузница, рыжій кузнецъ съ своимъ помощникомъ стояли въ дверяхъ и смотрѣли, какъ солдатъ въ сѣрой курткѣ уводилъ только что подкованную лошадь. За ней былъ опять сарай съ большими воротами. Одни изъ нихъ были открыты настежъ, и цѣлая толпа людей съ щетками и тряпками суетилась тамъ вокругъ пушки.

Францъ невольно усмѣхнулся. Ему вдругъ вспомнился одинъ случай изъ его школьной жизни. У нихъ въ деревнѣ была разъ расквартирована артилерія, и онъ долго, долго сидѣлъ на корточкахъ передъ пушкой на деревенскомъ лугу и съ робкимъ удивленіемъ заглядывалъ въ то черное отверстіе, откуда вылетаютъ ядра и гранаты. Въ то время его самымъ страстнымъ желаніемъ было когда нибудь подойти совсѣмъ близко къ такой пушкѣ и со всѣхъ сторонъ хорошенечко раз-

смотрѣть ее. Теперь,—подумалъ онъ улыбнувшись,—его завѣтное желаніе скоро можетъ осуществиться. Глядя на возню въ сараѣ, онъ замѣтилъ про себя одно: эта штука требуетъ Богъ знаетъ какихъ церемоній. Вонъ тамъ солдатики трутъ себѣ и трутъ, хотя, кажется, и безъ того все какъ жаръ горитъ.

Началась перекличка послѣдней шестой батареи. Отъ скуки Францъ Фохтъ началъ считать имена,—его вызвали девятнадцатымъ. Онъ громко крикнулъ «Здѣсь» и поспѣшилъ впередъ. Унтерофицеръ разставлялъ солдатъ шеренгами по шести человѣкъ. Это былъ маленькій человѣчекъ съ краснымъ лицомъ, блестящими глазками и густыми черными усами, совсѣмъ закрывавшими ротъ, изъ котораго поминутно вылетали брань и проклятія. Когда Фохтъ, смекнувъ сразу въ чемъ дѣло, сталъ первымъ въ новомъ ряду, тотъ одобрительно кивнулъ головой, и молодой рекрутъ невольно почувствовалъ легкую гордость,—по крайней мѣрѣ, начало хорошее. Рядомъ съ нимъ быстро сталъ другой, видимо, такой же смышленный, какъ и онъ, веселый малый, съ коротенькой черной бородой. Но дальше вышла заминка.

— Инославскій!—вызвали разъ, другой, третій.

Никто не откликался.

Подошелъ офицеръ, заглянулъ въ списокъ и подозвалъ другого унтерофицера. Тотъ сталъ говорить, обращаясь къ толпѣ, на какомъ то незнакомомъ языкѣ.

Наконецъ, какой-то человѣкъ съ шапкой въ рукахъ вышелъ оттуда. На немъ были тяжелые сапоги съ отворотами и ярко желтый шейный платокъ. Онъ кивалъ головой, весело осклабясь, пока унтерофицеръ что-то говорилъ ему, подталкивая его къ мѣсту.

— А-а! благородный полякъ!—проворчалъ усатый человѣкъ. Онъ поставилъ его въ шеренгу и спросилъ.

— Дрекфинскій - Вашлапскій - Инославскій?

Но Инославскій отрицательно замоталъ головой и съ самой дружелюбной улыбкой отчетливо проговорилъ:

— Вацекъ Тадеушъ Инославскій.

Послѣ этого перерыва перекличка продолжалась гладко. Шестая батарея была уже почти въ полномъ составѣ, когда Фохтъ замѣтилъ солдата, шедшаго къ нимъ съ другого конца площади. Онъ показался ему знакомымъ. Тотъ тоже, видимо, узналъ его и остановился передъ нимъ въ своихъ туго натянутыхъ рейтузахъ и тяжелыхъ сапогахъ, съ граблями на плечѣ.

— О!—сказалъ онъ,—Францъ Фохтъ!

Фохтъ обрадовался. Это было, право, недурно,—встрѣтить здѣсь, совершенно нежиданно земляка, стараго товарища, Юнгханса изъ рыбачей хижины на берегу. Сколько разъ они, бывало, мальчишками купались вмѣстѣ или потихоньку ловили пискарей.

Юнгхансъ подалъ ему руку и спросилъ:

— Ты въ которую попалъ?

— Въ шестую,—отвѣтилъ рекрутъ.

Тотъ тихонько свистнулъ и сказалъ:

— Въ шестую? Къ Вегштетену? Ну, ну!

Замѣтивъ издали маленькаго унтерофицера, онъ быстро зашагалъ впередъ и только издали кивнулъ Фохту.

Новобранцы тронулись въ путь; впереди нихъ шли два унтерофицера, по одному съ боковъ и одинъ сзади. Похоже было, что ведутъ преступниковъ и боятся, какъ бы который-нибудь не сбѣжалъ.

Идти пришлось черезъ городъ, впрочемъ, недолго, скоро дорога сдѣлала поворотъ и вывела за городъ. Опять съ обоихъ сторонъ потянулись черныя поля, а за ними начинались лѣсистыя возвышенности, съ торчащими кое гдѣ голыми вершинами.

На одномъ изъ склоновъ виднѣлись залитыя солнцемъ стѣны какихъ то зданій.

Маленькій унтерофицеръ шедшій впереди обернулся къ нимъ и крикнулъ.

— Вонъ тамъ вы будете жить, ребята!

Всѣ повернули головы, чтобы поглядѣть въ ту сторону, только Инославскій въ своихъ сапогахъ съ отво-

ротами тяжело шагалъ впередъ, не поднимая головы.

Фохтъ почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе при мысли, что его будущее жилище находилось не въ узкихъ городскихъ улицахъ, а на просторѣ. Все-таки какъ то ближе къ землѣ-матушкѣ; въ теплое время видно будетъ хоть, какъ трава растетъ. Но зато Юнгхансъ задалъ ему задачу. Чего ради онъ засвисталъ? И что онъ хотѣлъ сказать своимъ «Ну-ну!» И что это за Вегштетенъ? Вѣрно капитанъ шестой батареи, и должно быть не изъ самыхъ ласковыхъ.

Въ воротахъ казармы показалось облачко пыли и стало быстро приближаться къ новобранцамъ. Это ѣхалъ верхомъ офицеръ, и за нимъ солдатъ. Когда всадники поравнялись съ группой, офицеръ осадилъ своего гнѣдого и пропустилъ новобранцевъ мимо себя, окидывая каждаго внимательнымъ взглядомъ. На отданную унтерофицерами честь онъ отвѣтилъ короткимъ кивкомъ. Росту онъ также былъ небольшого, но прекрасно сидѣлъ на лошади, а большіе рыжіе усы и острые глазки, поблескивавшіе изъ-за стеколъ пенсне, придавали ему очень суровый видъ.

Фохтъ подумалъ про себя, что онъ выглядитъ хоть и строгимъ, но не злымъ. Если это и есть тотъ самый Вегштетенъ, то дѣло далеко еще не такъ плохо. Въ эту самую минуту маленькій унтерофицеръ опять обернулся и сказалъ:

— Ребята, это вашъ капитанъ,— фонъ-Вегштетенъ.

Съ самаго выхода шестой батареи съ мѣста ученья у Фохта было такое чувство, точно его ведутъ куда-то подъ конвоемъ. А входъ въ казарму еще усилилъ это чувство. Наступаетъ время заключенья, отъ своей свободы онъ долженъ теперь отказаться. Тяжелыя желѣзныя ворота были утыканы наверху желѣзными гвоздями, такъ что перелѣзть черезъ нихъ не было никакой возможности. Кромѣ того, передъ ними стоялъ часовой.

Ворота вели въ обширный дворъ, окруженный справа строеніями. Незастроенная часть двора была усыпана чернымъ гравіемъ, и производила такое же впечатлѣніе пустоты и безлюдности, какъ и самые дома. Какія-то покинутыя, точно нежилыя, комнаты глядѣли черезъ голыя окна. Только на нѣкоторыхъ бѣлѣли занавѣски, выдавая присутствіе людей. Даже молодые каштаны, посаженные въ другомъ углу, смотрѣли какъ-то уныло, желтые листья осыпали землю кругомъ, тогда какъ на волѣ деревья сохраняли еще весь свой зеленый уборъ.

Казарма шестой батареи находилась прямо противъ воротъ, но, должно быть, по внутреннему четырехугольнику ходить не разрѣшалось, такъ какъ новобранцевъ повели по правому краю двора подъ домами. Маленькій унтерофицеръ съ трудомъ установилъ ихъ въ два ряда и потомъ, обратившись къ какому-то человѣку постарше, въ зеленой курткѣ, стоявшему въ дверяхъ, сказалъ:

— Новобранцы на мѣстѣ.

— Всѣ здѣсь?—спросилъ тотъ, спускаясь съ крыльца.

— Такъ точно, господинъ вахмистръ,— отвѣтилъ маленькій.

Вахмистръ медленно обошелъ ряды новобранцеръ, внимательно вглядываясь въ каждаго. Фохтъ открыто смотрѣлъ ему въ лицо; онъ думалъ при этомъ о своемъ отцѣ; тотъ, навѣрно, смотрѣлъ такъ же внимательно, но у кого совѣсть чиста, тому не для чего опускать глаза.

Потомъ новобранцевъ такъ заторопили, что имъ некогда было и оглядѣться на новомъ мѣстѣ. Ихъ повели въ комнаты, указали каждому шкафикъ, въ которомъ уже стояла приготовленная оловянная чашка и ложка. Они заперли въ шкафики свои вещи и побѣжали бѣгомъ въ столовую. Тамъ они должны были подавать въ форточку свои чашки, получали ихъ оттуда наполненными и, обжигая пальцы, несли ихъ на деревянный столъ. На сегодня были бобы съ саломъ, и всѣ нашли ихъ очень вкусными. Немудрено, вѣдь съ утра никто ничего не ѣлъ!

На скамейкѣ рядомъ съ Фохтомъ очутился опять тотъ же солдатъ съ черной

бородкой; онъ вытеръ себѣ губы и кивнулъ ему.

— Съ этимъ дѣло живо идетъ, а?— сказалъ онъ, быстро дѣйствуя ложкой.

— Это вѣрно,—отвѣтилъ Фохтъ.

А тотъ уже кончилъ и, показывая свою пустую чашку, сказалъ:

— Вотъ если бы и эти два года такъ же скоро кончились!

Они быстро свели знакомство. Новаго товарища звали Вейзе, онъ былъ слесарь изъ каменноугольнаго района. Но не успѣли они разсказать другъ другу самаго необходимаго, какъ уже снова надо было вставать, споласкивать посуду и ложку подъ краномъ и отправляться въ комнату.

Во дворѣ передъ помѣщеніемъ какой то другой батареи все еще стояли новобранцы, раньше ихъ пришедшіе въ казарму, и жадными глазами поглядывали въ сторону кухни.

— Намъ то все-таки лучше ихняго,— замѣтилъ Вейзе,—у насъ все идетъ какъ по маслу.

Потомъ ихъ выстроили передъ казармой и снова началось чтеніе. На этотъ разъ читались приказы о назначеніяхъ. Въ это время во дворъ въѣхалъ капитанъ; онъ сошелъ съ лошади и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ рядами новобранцевъ, иногда онъ дольше останавливался передъ кѣмъ нибудь и внимательно разсматривалъ его.

Почти каждому дѣлалось какъ-то не по себѣ, когда маленькій капитанъ стоялъ передъ нимъ, не сводя глазъ, но отвернуться все-таки никто не рѣшался— это-то ужъ всѣ усвоили.

Прошло не мало времени, пока всѣ приказы были прочитаны и свѣрены съ препроводительными бумагами. Потомъ вахмистръ велѣлъ стать по одну сторону дороги всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ ходить за лошадьми и быть ѣздовыми; на другую сторону должны были отойти всѣ, пожелавшіе быть канонирами.

Значительно бо́льшая часть захотѣла быть ѣздовыми. Больше всего дѣйствовали тутъ высокіе сапоги со шпорами и сабля на боку; кромѣ того вообще верховая служба казалась какъто виднѣе и почетнѣе. Меньшинство, въ томъ числѣ Фохтъ и его новый товарищъ Вейзе, стали къ канонирамъ.

Фохтъ слѣдовалъ совѣту отца.

«Я хочу, чтобъ изъ тебя вышелъ бравый канониръ,—говорилъ онъ не разъ.—Если ты захочешь остаться на службѣ и выйти въ унтерофицеры,— изъ канонировъ тебѣ это будетъ легче. Свою пушку ты будешь уже знать, какъ свои пять пальцевъ, останется только подучиться верхомъ ѣздить».

Одинъ Инославскій продолжалъ стоять по срединѣ. Когда онъ замѣтилъ, что остался одинъ, и всѣ глаза устремлены на него, онъ, видимо, очень испугался.

Наконецъ, маленькій унтерофицеръ доложилъ что-то капитану и подтолкнулъ поляка на сторону ѣздовыхъ.

Но пѣшей прислуги нужно было больше, чѣмъ верховыхъ. Поэтому въ ѣздовыхъ оставили только тѣхъ, кто былъ раньше сельскимъ рабочимъ и имѣлъ нѣкоторый навыкъ обращаться съ лошадьми.

Вахмистръ вызывалъ всѣхъ по именамъ и, наконецъ, крикнулъ:

— Фохтъ!

Рекрутъ выбѣжалъ впередъ и постарался, какъ умѣлъ, стать во фронтъ.

— Вы почему не хотите быть ѣздовымъ?—спросилъ вахмистръ.—Вы были вѣдь сельскимъ рабочимъ.

Фохтъ молчалъ.

Тутъ подошелъ и капитанъ.

— Вѣдь вы же навѣрно имѣли дѣло съ лошадьми?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ, только съ коровами и со свиньями,—отвѣтилъ новобранецъ и прибавилъ,—замѣтивъ, что всѣ кругомъ улыбаются:

— У насъ были только коровы и свиньи, господинъ капитанъ.

— Вотъ какъ?—сказалъ офицеръ.— Ну, когда такъ, стойте, гдѣ стояли—на коровахъ у насъ не ѣздятъ.

Фохтъ покраснѣлъ, какъ кумачъ, должно быть, онъ сказалъ какую нибудь глупость, но все-таки онъ съ легкимъ сердцемъ вернулся на свое мѣсто. Капитанъ смотрѣлъ на него совсѣмъ не сердито.

Какъ бы то ни было, Фохтъ былъ

очень радъ, что съ этимъ дѣло покончено. Во всѣхъ членахъ онъ чувствовалъ порядочную усталость. Никогда бы онъ не повѣрилъ, что это стоянье на одномъ мѣстѣ можетъ такъ утомить человѣка.

Но все это было пустяки въ сравненіи съ важнымъ дѣломъ, которое предстояло имъ теперь,—съ переодѣваньемъ. Ему и тутъ повезло. Штаны нашлись сразу, ихъ выбирали по длинѣ растопыренныхъ рукъ; мундиръ сидѣлъ хорошо,—онъ примѣрилъ его; портупею, на которой висѣла сабля, легко можно было укоротить; фуражка и каска тоже скоро нашлись; только сапоги подобрались не сразу, пришлось перемѣрить нѣсколько паръ. Потомъ унтерофицеръ кинулъ ему суконную тряпку съ такимъ же номеромъ, какой стоялъ на рукавѣ его мундира, и онъ былъ готовъ.

Но были и такіе, на которыхъ какъ-то ничто не приходилось. Одному, самому длинному изъ всѣхъ, какой мундиръ ни надѣнутъ рукава оказываются по локоть, а если взять номеромъ больше, вся грудь виситъ въ складкахъ. У другихъ были какія-то квадратныя головы, и круглыя каски ни за что не хотѣли сидѣть на нихъ; а нѣкоторымъ можно было ударомъ кулака нахлобучить каску до самаго носа. Особенно на одного толстяка съ большимъ животомъ рѣшительно ничто не было впору, все оказывалось слишкомъ узко.

— Чѣмъ это ты былъ на волѣ?—спросилъ его одинъ унтерофицеръ.

— Пивоваромъ,—отвѣтилъ толстякъ.

— Ты, должно быть, самъ все свое пиво выпивалъ? А?—продолжалъ тотъ.

Тотъ, который раздавалъ одежду, принесъ еще мундиръ и штаны, бросилъ ихъ толстяку и крикнулъ:

— Ну, если тебѣ и эти будутъ не впору, будешь ты у меня безъ штановъ маршировать, ей-Богу.

Штаны кое какъ удалось натянуть, и мундиръ тоже застегнулся хоть и съ большимъ трудомъ, но унтерофицеръ похлопалъ его по животу и сказалъ:

— Ну, этотъ будетъ хорошъ, жирокъ-то твой тебѣ здѣсь живо спустятъ.

Когда Фохтъ со своими вещами выходилъ изъ обмундировочной, тамъ все было перевернуто вверхъ дномъ. Не осталось и слѣда отъ того удивительнаго порядка, въ которомъ передъ тѣмъ лежали аккуратно сложенныя груды одежды и расположенное на мѣстахъ оружіе.

«Жалко потерянной работы», подумалъ Францъ.

А эти вещи, которыя ему дали! Вѣдь все это была такая дрянь, что смотрѣть жалко... Зеленое сукно на мундирѣ было до того вытерто, что мѣстами видны были сѣрыя нитки, проймы были окружены темными пятнами, а обшлага, когда-то красные, совершенно вытерлись, зато у штановъ былъ совсѣмъ новый поясъ. Сапоги же были смазаны даже внутри. Съ каски сошелъ весь глянецъ, и мѣдь пошла какими то зелеными и синими разводами. Тряпка была, конечно, ничуть не лучше мундирнаго сукна. Только одна сабля блестѣла, какъ новая.

Онъ съ грустью осмотрѣлъ всѣ эти вещи и покачалъ головой; все это онъ представлялъ себѣ совершенно иначе,—наряднаго тутъ было мало Онъ пододвинулъ къ своему шкафику скамейку и началъ переодѣваться. Свою одежду онъ откладывалъ съ нѣкоторымъ умиленіемъ, въ ней сохранилась еще какъ будто частичка родины. Два года будетъ она теперь лежать въ ящикѣ.

Вейзе возился рядомъ съ нимъ, теперь онъ уже стоялъ почти совсѣмъ готовый—настоящій солдатъ. На этомъ стройномъ маломъ все сидѣло, какъ вылитое. Фуражку онъ сразу сдвинулъ немного на затылокъ.

— А что, ловко?—пошутилъ онъ, принявъ воинственную позу, выставивъ впередъ свою бородку.

Потомъ онъ бережно сложилъ свою вольную одежду, уложилъ ее въ сундучокъ, положилъ сверху воротничокъ, манишку, пестрый галстухъ и громко захлопнулъ крышку.

— До свиданья черезъ два года!—воскликнулъ онъ.—Вотъ то здорово я тогда выпью!

Но въ эту минуту снова послышался рѣзкій голосъ унтерофицера; «кто

одѣлся, выходи на дворъ», и начался вторичный осмотръ.

Опять надзиратели приходили въ отчаяніе; у одного оказалось одна нога короче другой, у этого были неровныя плечи, а про одного крикнули даже:

— Да у этого, кажется, горбъ.

Унтерофицеры перекликались объ этомъ черезъ дворъ со своими товарищами.

— У насъ въ шестой батареѣ оказался горбатый!

А бѣдный малый, — широкоплечій приземистый парень, у котораго отъ тяжелой работы, дѣйствительно, немного скруглилась спина,—стоялъ съ хмурымъ видомъ и пропускалъ мимо ушей всѣ эти замѣчанія. Спины онъ все-таки не выпрямлялъ.

— Это мой землякъ, Финдезенъ,— сказалъ Вейзе,—онъ каменьщикъ.

Фохтъ и онъ вышли съ честью изъ этого осмотра, на нихъ все сидѣло по правиламъ.

— Слава Богу, хоть пара настоящихъ людей, съ прямыми костями!— замѣтилъ унтеръофицеръ и отправилъ ихъ обоихъ назадъ въ казарму.

— Соберите вашъ домашній хламъ,— крикнулъ онъ имъ въ догонку,—и приготовьте къ сдачѣ!

На крыльцѣ Фохтъ остановился.

— Которая же наша казарма спросилъ онъ.

— Девятый номеръ, да, да, какъ же, девятый!—отвѣтилъ Вейзе и съ поклономъ пригласилъ его войти:

— Маршъ впередъ, въ наше великолѣпное помѣщеніе.

Въ эту минуту противоположная дверь отворилась и на порогъ вышелъ высокій худой солдатъ.

Вейзе остановился.

— Ба! Ты, Вильгельмъ?—воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.

— Ну, да, что жъ тутъ удивительнаго?—отвѣтилъ тотъ. Развѣ ты не зналъ? — Во всякомъ случаѣ, здравствуй.

Они подали другъ другу руки и пожатіе длилось нѣсколько дольше, чѣмъ это вообще принято.

Фохту показалось даже, что они при этомъ какъ-то особенно посмотрѣли другъ на друга, какъ будто между ними было что то общее. И онъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Кто это? Онъ, видно, давно служитъ?

Вейзе отвѣтилъ.

— Этотъ? Это мой прежній знакомый, зовутъ его Вольфъ. А служитъ онъ съ прошлой осени.

Все это онъ проговорилъ какимъ то необычно серьезнымъ тономъ; но вслѣдъ за тѣмъ снова принялся дурачиться. Инославскій все еще стоялъ въ комнатѣ. Онъ радостно разсматривалъ свои высокіе сапоги и кожаные рейтузы— Вейзе надѣлъ ему каску задомъ на передъ, подпоясалъ саблю и далъ въ руку стальной клинокъ. Потомъ онъ объяснилъ ему знаками, чтобы онъ спустился во дворъ, а самъ выскочилъ въ корридоръ полюбоваться эффектомъ своей шутки.

На крыльцѣ полякъ запнулся за саблю, но потомъ оправился и съ важнымъ видомъ пошелъ прямо къ унтерофицерамъ. Онъ весь просіялъ при видѣ единодушнаго веселья, которое вызвало его приближеніи; ни мало не смутившись, онъ подошолъ къ барабанщику, переходившему въ это время дворъ, и остановился передъ нимъ. Вѣроятно, онъ его принялъ за старшаго.

Фохтъ между тѣмъ остался одинъ въ комнатѣ номеръ девятый; остальные еще не возвращались со двора. Онъ сложилъ свои вещи въ сундучокъ и заперъ висячій замокъ. Послѣдній мостъ, соединявшій его съ прежнею жизнью, былъ разрушенъ. Съ этой минуты онъ былъ солдатомъ.

Онъ оглядѣлся въ той комнатѣ, которая на два года должна была стать его родиной. Исцарапанный полъ, сѣрыя крашенныя стѣны, почти сплошь заставленыя шкафами. Въ качествѣ единственнаго украшенія портретъ короля и двѣ батальныя картины, повѣшенныя съ умысломъ. Посреди комнаты два большихъ стола, окруженные скамьями и еще небольшой столъ со стуломъ у окна—мѣсто унтерофицера или старшого по комнатѣ.

Онъ подошелъ къ окну и выглянулъ.

Хорошо, что окна выходили не на пустынный казарменный дворъ, а въ чистое поле. У самаго зданія начинались маленькіе садики. Въ одномъ изъ нихъ въ эту минуту какой-то унтерофицеръ вскапывалъ землю. Женщина съ грудным ребенкомъ прохаживалась между грядъ, и солдатъ отъ времени до времени отрывался отъ работы, чтобъ поиграть съ малюткой. За садиками до самаго подножья холмовъ тянулись луга. Широкая дорога пересѣкала лугъ. Въ одну сторона она вела къ городу, а куда въ другую Фохтъ не зналъ. Во всякомъ случаѣ и вправо, и влѣво эта дорога вела на волю, которой теперь онъ былъ лишенъ. Косые лучи осенняго солнца съ трудомъ боролись съ надвигающимися сумеркаки.

Фохтъ со вздохомъ повернулся назадъ къ комнатѣ. Теперь по срединѣ на столѣ сидѣлъ Вейзе и со смѣхомъ разсказывалъ, какъ Инославскій давалъ во дворѣ представленіе.

Постепенно со двора приходили и другіе, и въ концѣ концовъ собралось пятнадцать человѣкъ. Шкафовъ же было шестнадцать, значитъ, не доставало еще одного. Большая часть занималась укладываніемъ своего вольнаго платья. Остальные устало сидѣли на скамьяхъ, не пытаясь даже свести знакомство другъ съ другомъ.

Къ Фохту и Вейзе присосѣдился толстый пивоваръ. Онъ былъ весь въ поту и говорилъ, что лучше повѣситься, чѣмъ цѣлыхъ два года выносить эту каторгу.

Но Вейзе съ своею обычною веселостью поднялъ его на смѣхъ.

— А гдѣ-жъ ты достанешь канатъ, чтобъ повѣситься? Простая-то веревка вѣдь тебя не выдержитъ.

Въ концѣ концовъ и самъ пивоваръ развеселился. Когда онъ немножко отошелъ, онъ пересталъ строить столь трагическіе планы. Онъ только охалъ и вздыхалъ.

— Ахъ, еслибы мнѣ теперь кружку пива! Одну только кружку!

Наконецъ, Вейзе напалъ на мысль зажечь огонь. Двѣ лампы распространяли весьма умѣренный свѣтъ. Но и этого скуднаго освѣщенія было достаточно, чтобы разсѣять печальное настроеніе. Пришелъ унтерофицеръ съ двумя старыми солдатами; они тащили полныя охабки хлѣба. Каждый получилъ по караваю.

Какъ только новобранцы усѣлись вокругъ столовъ и принялись за душистый хлѣбъ, во дворѣ прозвучалъ сигналъ. Въ корридорѣ и на лѣстницѣ поднялся топотъ безчисленныхъ ногъ,—старые солдаты шли на вечернюю уборку въ конюшни. Унтерофицеръ добродушно разсмѣялся, глядя какъ усердно новобранцы уписываютъ хлѣбъ, и успокоительно сказалъ:

— Сегодня-то вамъ лафа, ну, а завтра будетъ другая музыка. А теперь ѣшьте себѣ, только чуръ—не объѣдаться!

И правда этотъ черный хлѣбъ всѣмъ пришелся по вкусу, особенно тѣмъ, у кого были какія-нибудь прикуски изъ дому—кусочекъ масла, сала или колбаса. Только одинъ сидѣлъ понуро съ кускомъ сухого хлѣба; это былъ Клицингъ, блѣдный, худой человѣкъ съ провалившимися щеками. Мундиръ висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, и никто за весь день не слышалъ отъ него ни слова.

Фохтъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ; онъ отрѣзалъ порядочный кусокъ своей колбасы и протянулъ сосѣду со словами:

— Давай-ка, землякъ, подѣлимся.

Клицингъ хотѣлъ было сначала вернуть колбасу, но потомъ раздумалъ, взялъ и робко поблагодарилъ.

— Ты отчего же это ничего съ собой не захватилъ?—спросилъ Фохтъ.

— У меня нѣтъ родителей,—отвѣтилъ тотъ,—и я только въ понедѣльникъ выписался изъ больницы.

— Бѣдняга! Такъ тебѣ надо хорошенько отъѣдаться. Чѣмъ же ты былъ раньше?

— Писцомъ.

— Будемъ держаться вмѣстѣ, авось ничего, справимся!—заключилъ Фохтъ.

Ему понравился блѣдный товарищъ—пожалуй, даже больше, чѣмъ Вейзе. Вейзе былъ, конечно, добрый малый.

только немного пустоватый и, кажется, любилъ носъ по вѣтру держать. А у Клицинга были такіе открытые, честные глаза. Жалко только, что онъ такой блѣдный и слабый. Какъ-то онъ вынесетъ всю эту тяготу?

Инославскій съ блестящими глазами рѣзалъ себѣ ломоть за ломтемъ. Въ небольшомъ мѣшкѣ передъ нимъ лежало сало, и онъ отрѣзалъ отъ него толстые куски. Отправляя ихъ въ ротъ, онъ каждый разъ весело кивалъ головой и радостно твердилъ:

— Маруська! Маруська!

При этомъ онъ дѣлалъ такія плутовскія рожи, что каждому невольно приходило на умъ, что его «Маруська» стащила гдѣ-нибудь это сало.

Во всякомъ случаѣ Инославскому все казалось очень вкусно, и онъ про себя смѣялся надъ поляками рабочими, которые пугали его солдатчиной; Тадеушъ Инославскій находилъ здѣсь все очень пріятнымъ.

Новобранцы сидѣли еще за ужиномъ, когда маленькій унтерофицеръ привелъ въ комнату еще новаго, высокаго юношу, съ такимъ нѣжнымъ бѣлорозовымъ лицомъ, что онъ казался совсѣмъ мальчикомъ. Навѣрно, онъ былъ нѣсколькими годами моложе остальныхъ. Унтерофицеръ говорилъ съ нимъ не такъ грубо, какъ съ остальными, и даже сказалъ ему «вы» и довольно любезно указалъ ему его шкафикъ.

Въ этомъ Фрилингхаузенѣ, какъ онъ его называлъ, было, должно быть, что нибудь особенное; даже и форма его была какъ будто поновѣе и почище. Но самъ онъ казался совсѣмъ не въ духѣ. Онъ присѣлъ къ темному углу стола, подперъ голову руками и не притронулся къ положенному передъ нимъ хлѣбу.

Большинство новобранцевъ поглядывало на него съ нескрываемымъ недовѣріемъ. Что это за выскочка такой,— передъ товарищами носъ задираетъ, смотрѣть на нихъ не хочетъ? Развѣ онъ не такой же солдатъ, какъ они. Только Фохтъ и Клицингъ почувствовали къ нему нѣкоторое состраданіе,—кто знаетъ, что за горе у этого Фрилингхаузена!

Зато Вейзе становился все веселѣе и развязнѣе. За столомъ онъ всѣхъ забавлялъ своими шутками и прибаутками.

Унтерофицеръ нѣкоторое время тоже прислушивался съ видимымъ удовольствіемъ, потомъ онъ подозвалъ къ себѣ балагура:

— Эй, ты, чернобородый! Поди-ка сюда поближе!

Вейзе живо подскочилъ къ нему, и старшой окинулъ его одобрительнымъ взглядомъ.

— Молодчина!—сказалъ онъ.—Носъто вѣшать нечего! Солдатъ долженъ быть веселъ. А какъ же тебя зовутъ?

— Вейзе,—отвѣтилъ новобранецъ.

— Вейзе? Густавъ Вейзе?

— Да, господинъ, унтеръ-офицеръ.

— Такъ, такъ... Густавъ Вейзе. Ну, ладно, ступай на мѣсто.

Вейзе вернулся нѣсколько смущенный. Съ чего это у унтерофицера стало вдругъ такое серьезное лицо, когда онъ назвалъ свое имя? Что же особеннаго въ его имени? Онъ не сталъ ломать надъ этимъ голову, но веселье его какъто стихло.

Въ этотъ день оставалось только сдать вольное платье. Рекруты пересчитывали вещи—пиджаки, штаны, сапоги и шляпы, складывали все въ сундуки и прилагали адресъ, по которому вещи отсылались обратно. Только у Клицинга не было никого, кому отдать на сохраненіе платье, поэтому оно осталось въ батарейномъ складѣ. Потомъ были осмотрѣны всѣ шкафы, надо было убѣдиться, не осталось ли тамъ чего-нибудь, что могло впослѣдствіи помочь кому-нибудь дезертировать.

Нельзя сказать, чтобы эта сдача вещей доставила кому-нибудь удовольствіе. Равнодушнѣе всѣхъ былъ Клицингъ.

— Пусть хоть совсѣмъ выбросятъ мои вещи,—прошепталъ онъ Фохту.—Мнѣ ихъ больше не нужно.

— Почему?—спросилъ Фохтъ.—Развѣ ты думаешь остаться на службѣ, выйти въ унтерофицеры?

— О, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ!

— Ну, такъ какъ же тебѣ не нужно вещей?

Писецъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ

въ пространство своими красивыми, честными глазами.

— Мнѣ онѣ больше не понадобятся. Я знаю,—сказалъ онъ наконецъ.

До сихъ поръ все шло чинъ-чиномъ, но изъ-за Инославскаго опять вышла задержка.

Пиджакъ, штаны и шапку онъ отдалъ охотно,—положимъ, хорошаго въ нихъ оставалось немного, но высокіе сапоги съ отворотами онъ ни за что не хотѣлъ отдавать,—они были почти новые.

Сколько ни кричалъ на него унтерофицеръ, онъ только молча трясъ головой, а когда тотъ вздумалъ было силой вырвать ихъ у него, онъ сталъ отчаянно защищаться.

Маленькій унтерофицеръ остановился въ полномъ недоумѣніи. Что ему дѣлать съ этимъ малымъ, который не понимаетъ ни слова по-человѣчески?

Тутъ Вейзе пришла въ голову счастливая мысль. Онъ подбѣжалъ къ шкафу поляка и вынулъ оттуда казенные сапоги, они оказались еще выше тѣхъ, которые упрямецъ прижималъ къ груди.

Но Инославскій только презрительно улыбнулся, указавъ на красные, расшитые отвороты своихъ сапогъ.

Вейзе и тутъ нашелся. Онъ принесъ шпоры и прикрѣпилъ ихъ къ каблукамъ казенныхъ сапогъ. Онъ вертѣлъ колесики и показывалъ, какъ они блестятъ при свѣтѣ лампы.

Это, наконецъ, побѣдило упрямаго поляка. Онъ безпечно разсмѣялся, протянулъ свои сапоги унтеръ-офицеру и хотѣлъ было пожать ему руку, чтобъ показать, что онъ ничего противъ него не имѣетъ. Но тотъ сурово оттолкнулъ его.

Всѣ облегченно вздохнули, когда это глупое столкновеніе такъ благополучно кончилось. Оно могло бы вызвать очень непріятныя послѣдствія при самомъ началѣ службы. Унтеръ-офицеръ наградилъ Вейзе благосклоннымъ взглядомъ, и тотъ быстро забылъ испытанное передъ тѣмъ непріятное впечатлѣніе.

Между тѣмъ, наступилъ вечеръ. Около десяти часовъ раздалась команда:

— Тушить огонь и ложиться спать

Галстухи и мундиры надо было оставить въ сборной комнатѣ и подняться по лѣстницѣ въ спальню.

Это было большое помѣщеніе, занимавшее весь чердачный этажъ дома. Маленькія окна пропускали туда очень мало воздуха, а дыханіе стольких людей, лежавшихъ на соломенныхъ тюфякахъ, не могло улучшить его. Въ эту осеннюю ночь съ нимъ еще можно было мириться; но лѣтомъ, когда крыша накаляется, тутъ можно было задохнуться.

Такъ, по крайней мѣрѣ думалъ, Фохтъ.

Ему посчастливилось занять мѣсто ближе къ окнамъ, и онъ сдѣлалъ знакъ Клицингу, чтобы тотъ занималъ кроват рядомъ съ нимъ. Съ другой стороны, слѣва отъ него угловое мѣсто унтерофицеръ указалъ Фрилингхаузену.

Новобранцы улеглись очень быстро, старые солдаты устраивались гораздо медленнѣе. Они ворчали на то, что у нихъ была отнята любимая забава, «выучка» новичковъ.

Капитанъ,—«старикъ», какъ его называли, — строго запретилъ это, а съ нимъ шутки были плохи; кто нарушалъ его приказаніе и былъ пойманъ, тотъ самъ потомъ каялся. Подъ арестъ онъ не сажалъ, онъ говорилъ: «они тамъ еще больше излѣнятся»; но зато онъ назначалъ на сверхъурочное дежурство или лишалъ отпуска. Приходилось волей-неволей отступиться отъ добраго стараго обычая. Какъ бы то ни было, пріятнѣе поплясать слѣдующее воскресенье со своей милой, чѣмъ намять бока такому желторотому малому и изъ-за него дежурить потомъ въ конюшнѣ. Всѣ бранились, но подчинялись.

Только лежа на кровати, почувствовалъ Фохтъ, какъ сильно онъ усталъ. Бѣдняга Клицингъ уже спалъ рядомъ съ нимъ, но Фрилингхаузенъ, повидимому, не могъ заснуть.

Фохтъ прислушался. Конечно, онъ не ошибся: длинный малый горько плакалъ.

Одну минуту онъ подумалъ разспросить товарища о его горѣ, но побоялся, что, тотъ оттолкнетъ его, и повернулся

на другой бокъ. Поправдѣ сказать, ему тоже казалось, что мужчинѣ, а тѣмъ болѣе солдату, не годится плакать.

Еще разъ онъ вдругъ очнулся отъ овладѣвшей имъ дремоты; ему послышалось, что коровы въ хлѣву загремѣли цѣпями, но это прозвучалъ рожокъ. Онъ съ удивленіемъ оглянулся кругомъ.

«Ахъ, да,—подумалъ онъ,—это трубятъ зарю. Вѣдь я солдатъ.»

II.

„Каждый день и каждый часъ,
Конониръ, будь здравъ у насъ".
(Старая артиллерійская пѣсня).

Въ батарейной канцеляріи дѣла было по горло. Доставка шестидесяти новобранцевъ вызвала массу новой работы, и браться за нее надо было, не теряя времени, чтобы внести хоть какой нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ бумагъ.

Всѣ трое—и вахмистръ, и унтерофицеръ, и ефрейторъ сидѣли надъ бумагами, не поднимая головы.

Ефрейторъ тупо заполнялъ графы и только изрѣдка взглядывалъ, не уменьшается ли куча формуляровъ.

Кепхенъ, унтерофицеръ, тощій человѣкъ съ лисьими глазками, ругательски ругалъ про себя эту несносную работу и посылалъ ко всѣмъ чертямъ кучу грязныхъ бумагъ, которыя ему надо было разобрать. Конечно, сидѣть въ конторѣ было много пріятнѣе, чѣмъ возиться на дворѣ со всѣми этими балбесами, но не для того же онъ перепросился сюда, чтобы писать, не отрываясь до судороги въ пальцахъ. Сегодня вахмистръ забылъ, кажется, даже сдѣлать перерывъ для завтрака.

Поэтому онъ очень обрадовался, когда капитанъ Вегштетенъ, выслушавъ рапортъ вахмистра.

— Въ ротѣ все благополучно,—сказалъ ему:

— Вахмистръ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Послѣ этого не зачѣмъ было и знакъ другъ другу подавать,—въ одну минуту и Кепхенъ, и ефрейторъ исчезли изъ комнаты.

Вахмистръ Шуманъ стоялъ у стола, сохраняя строго военную выправку. Какъ и всегда въ теченіе восьми лѣтъ, когда Вегштетенъ былъ капитаномъ 6-й батареи, а онъ вахмистромъ, онъ ждалъ, чтобы начальникъ знакомъ, или нѣсколькими словами, разрѣшилъ ему принять болѣе удобную позу. Извѣстная дружеская близость, установившаяся между ними съ теченіемъ времени, ничего не могла измѣнить въ этомъ.

Вегштетенъ дружески кивнулъ ему, что должно было означать «Вольно!», и нагнулся надъ препроводительными бумагами новобранцевъ.

— Ну, Шуманъ,—сказалъ онъ,—что за народъ попалъ къ намъ нынче?

— Кажется, годъ не плохой, господинъ капитанъ. Бумаги почти у всѣхъ чистыя.

— Гм.. —произнесъ офицеръ,—бумаги то чистыя, но...

— Двое только были подъ судомъ, одинъ за воровство, другой за сопротивленіе властямъ. Третій былъ задержанъ за нищенство и бродяжничество.

— Ну, этотъ по крайней мѣрѣ не простудится въ лагеряхъ. Вы только подумайте, вахмистръ, какое счастье для такого молодца спать каждую ночь подъ крышей. Такъ, такъ... Ну, а въ политикѣ никто не замѣшанъ?

— Есть, господинъ капитанъ. Вотъ тутъ одинъ—Густавъ Вейзе.

Вегштетенъ поправилъ пенснэ.

— Прочитайте ка, Шуманъ, что тамъ про него написано.

Вахмистръ взялъ бумагу и прочиталъ:

«...Вейзе принималъ дѣятельное участіе въ соціалъ-демократической пропагандѣ; нѣкоторое время, несмотря на свою молодость, былъ представителемъ общества металлургическихъ рабочихъ; нѣсколько разъ говорилъ на собраніяхъ, но присутствующій полицейскій чинъ ни разу не имѣлъ основанія остановить его, такъ какъ рѣчи его всегда касались внутреннихъ условій производства.»

— Больше ничего?—Должно быть, изрядная каналья! Куда мы его сунули?

— Комната девятая. Унтеръ-офицеръ Вигандъ.

— Знаетъ онъ?

— Такъ точно, я указалъ ему.

— Все таки позовите его сюда, я хочу поговорить съ нимъ, а потомъ этого Фрилингхаузена тоже.

— Слушаю, господинъ капитанъ.

Нѣсколько минутъ спустя маленькій усатый унтеръ-офицеръ стоялъ передъ Вегштетеномъ.

— Господинъ капитанъ изволили приказать?

Командиръ батареи старался подѣйствовать на чувство чести унтерофицера, къ которому онъ питалъ особое довѣріе; въ осторожно подобранныхъ выраженіяхъ онъ постарался объяснить ему, что онъ долженъ не спускать съ глазъ Вейзе, но въ обращеніи не отличать его отъ другихъ.

Вигандъ счелъ своимъ долгомъ разсказать при этомъ случай съ Инославскимъ, похваливъ находчивость Вейзе.

Вегштетенъ слушалъ молча, только разъ у него промелькнула на губахъ сдержанная улыбка. Когда Вигандъ кончилъ, онъ замѣтилъ:

— Лишнее доказательство, что изъ этихъ людей могутъ выходить иногда отличные солдаты... Вы поняли, Вигандъ, чего я хочу. Съ глазъ не спускать, поводьевъ не ослаблять, но въ остальномъ обращаться, какъ со всѣми.

— Точно такъ, господинъ капитанъ.

— Ну, и прекрасно.

Когда Вигандъ вышелъ, капитанъ со вздохомъ сказалъ вахмистру:

— Проклятая обуза—этотъ народецъ. Теперь у насъ ихъ двое—Вольфъ и Вейзе... Надо слѣдить, чтобы они другъ съ другомъ много не болтали. А какъ себя ведетъ теперь этотъ Вольфъ?

— Безупречно, господинъ капитанъ.

— Совѣтовалъ бы ему такъ и продолжать.

Вегштетенъ подошелъ къ окну и молча сталъ глядѣть въ него.

Этотъ обязательный надзоръ за подозрительными элементами среди солдатъ составлялъ далеко не особенно пріятную сторону службы.

— Знаете, Шуманъ,—заговорилъ онъ снова, повернувшись къ вахмистру,—я вздохну свободно только, когда этотъ Вольфъ уйдетъ, наконецъ, отъ насъ. Право, мнѣ какъ-то не по себѣ дѣлается, когда я вспомню о немъ. Да еще этотъ сержантъ Кейзеръ припутался тутъ. Онъ, кажется, человѣкъ злопамятный, мстительный. Не проститъ онъ тому, что попалъ изъ-за него на шесть недѣль подъ арестъ. Пожалуйста, присматривайте, чтобъ они порѣже сталкивались. Конечно, церемониться мы ни съ кѣмъ не будемъ, даже и съ такимъ молодцомъ, но все-таки если чего можно избѣжать, такъ и слава Богу! Не желаю я, чтобы опять у меня въ батареѣ этакій дымъ коромысломъ поднялся,—цѣлыхъ три дня люди потеряли въ судѣ! Кейзеръ тоже долженъ построже слѣдить за собой. Въ концѣ концовъ, армія есть армія, а не исправительное заведеніе для соціалъ-демократовъ!

— Точно такъ, господинъ капитанъ,—отвѣтилъ вахмистръ.—Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ Кейзеръ вернулся, все идетъ хорошо.

Вегштетенъ всякій разъ выходилъ изъ себя, когда что-нибудь напоминало ему этотъ случай съ Кейзеромъ и Вольфомъ. До нѣкоторой степени и онъ самъ сидѣлъ какъ будто на скамьѣ подсудимыхъ, такъ какъ вѣдь вся исторія произошла въ его батареѣ. Въ сущности все это, конечно, чистѣйшій вздоръ. Такія-то бранныя слова, какія этотъ сержантъ крикнулъ Вольфу, произносятся каждый день милліонами по адресу нижнихъ чиновъ, и только

у одного этого Вольфа такое утонченное чувство чести, а между тѣмъ, никакъ нельзя было не принять его жалобы. Эти уподобленія изъ животнаго царства разъ навсегда строжайшимъ образомъ запрещены. Противъ сержанта возбуждено было дѣло, и свидѣтели высыпали передъ судомъ такое неимовѣрное количество «ословъ», «свиней» и «воловъ», что у командира батареи положительно голова пошла кругомъ. А предсѣдатель не преминулъ при этомъ отпустить плохую остроту: «Тѣмъ количествомъ скота, сказалъ онъ, какое выпустилъ обвиняемый, можно было бы въ военное время прокормить въ теченіе мѣсяца всю нѣмецкую армію». Ему, Вегштетену, было въ это время совсѣмъ не до смѣху, особенно, когда послѣ суда его отозвалъ въ сторону майоръ Лишке, замѣнявшій въ то время полкового командира, и сдѣлалъ ему замѣчаніе по поводу грубаго тона, царящаго въ шестой батареѣ. Съ этимъ несноснымъ Лишке онъ и раньше былъ въ самыхъ отвратительныхъ отношеніяхъ. А тутъ еще онъ полѣзъ со своими замѣчаніями! И вѣдь подумать только, какъ его самого на предыдущихъ маневрахъ отчитывалъ дивизіонный командиръ! И за что? Онъ своимъ громовымъ голосомъ пригрозилъ одному вольноопредѣляющемуся сорвать съ него «эти дурацкіе желто-бѣлые шнурки». А вѣдь это оскорбленіе государственныхъ цвѣтовъ! Вегштетенъ въ тотъ разъ молча поклонился, но въ душѣ произнесъ страшную клятву, что больше у него въ батареѣ не случится подобнаго свинства, никогда! Для многихъ фигурировать при подобныхъ обстоятельствахъ означало бы начало конца. Ну, а онъ имѣлъ намѣреніе идти дальше, много дальше, по меньшей мѣрѣ до майора, командующаго дивизіономъ.

Онъ снова повернулся къ вахмистру.

— Но все это еще туда-сюда, пока вы со мной, Шуманъ,—сказалъ онъ.— На васъ я, по крайней мѣрѣ, могу положиться. Видитъ Богъ, какъ только я вспомню, что вы хотите покинуть знамя, я начинаю сердиться на васъ.

Вахмистръ почтительно перебилъ его.

— Простите, господинъ капитанъ, если я уйду къ Пасхѣ, это составитъ полныхъ восемнадцать лѣтъ службы; чувствительно это, знаете. Какъ бы я ни хотѣлъ остаться, а все-таки, господинъ капитанъ, никто самъ себѣ не врагъ. Вонъ Шмитъ, изъ четвертой батареи, ушелъ четыре года назадъ; а теперь ужъ онъ помощникъ начальника станціи,—надо и мнѣ подумать о старости.

Вегштетенъ добродушно остановилъ его:

— Неужели вы думаете, Шуманъ, что я это въ серьезъ сказалъ! Я вѣдь лучше всѣхъ знаю, сколько вы поработали, я самъ вамъ многимъ обязанъ, и отъ всего сердца желаю вамъ устроиться какъ можно лучше. Но лишиться васъ мнѣ все-таки очень тяжело, съ этимъ вы должны согласиться. Если бы еще я зналъ, кого назначить на ваше мѣсто!

Вахмистръ пожалъ плечами.

— Да, да, нечего пожимать плечами! Скажите-ка вотъ сами. Вы вѣдь знаете людей лучше моего.

Шуманъ, видимо, колебался.

— Старшій по службѣ послѣ меня, вы сами знаете, господинъ капитанъ,— Гепнеръ.

— Ну, конечно, это-то я знаю,— возразилъ Вегштетенъ нѣсколько недовольнымъ тономъ.—Но я знаю также, что вы скрываете отъ меня что-то, что говоритъ противъ него! Въ чемъ вы его можете упрекнуть? Развѣ онъ недостаточно исполнителенъ по службѣ? И особенно во всемъ, что касается лошадей.

— О да, что касается фронта и лошадей,—это истинная правда,—отвѣтилъ вахмистръ неувѣреннымъ голосомъ.

— Но?

Шуманъ опять пожалъ плечами.

Капитанъ вышелъ изъ себя.

— Ну, знаете, этакъ мы далеко не уѣдемъ...—вскричалъ онъ, но сейчасъже спохватился и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:—вѣдь я не требую отъ васъ, Шуманъ, чтобы вы передавали мнѣ полковыя сплетни. Я спрашиваю васъ въ интересахъ службы: что вы думаете объ этомъ Гепнерѣ? Вы

имѣете въ виду эту исторію съ женой и свояченицей?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ, это его личное дѣло,—но только для канцеляріи онъ не совсѣмъ годится, да и для внутренняго наблюденія за батареей тоже.

— Ну, почему же?

— Онъ играетъ въ карты, господинъ капитанъ.

Вегштетенъ нѣсколько времени ходилъ молча взадъ и впередъ и наконецъ остановился передъ вахмистромъ.

— Благодарю васъ, Шуманъ,—сказалъ онъ,—наконецъ то вы мнѣ подали неразбавленое вино. И все-таки, видите-ли, иначе поступить нельзя, Гепнеръ насчитываетъ одинадцать лѣтъ службы, полковникъ его одобряетъ, и во фронтовой службѣ онъ, дѣйствительно, молодецъ.

Онъ посмотрѣлъ на часы и продолжалъ.

— Слава Богу, вы пробудете еще полгода. Новобранцевъ мы все-таки вмѣстѣ съ вами выправимъ.—Теперь половина одинадцатаго, я иду въ манежъ, а потомъ,—что такое, надо было потомъ?—Да, въ одиннадцать я вызвалъ сюда Фрилингхаузена.

— Фрилингхаузена, въ одиннадцать часовъ, сюда,—повторилъ вахмистръ,—слушаю, господинъ капитанъ.

Вегштетенъ еще разъ оглянулся, взялъ со стола хлыстъ и, дружески кивнувъ вахмистру, вышелъ изъ комнаты.

Шуманъ остался одинъ.

Онъ снова сѣлъ за столъ, но не взялъ пера. Въ головѣ у него толпилось столько мыслей, что онъ, не обратилъ вниманія, почему это мѣста Кепхена и ефрейтора до сихъ поръ не заняты. Слова капитана про бѣгство изъ-подъ знамени не шли у него изъ головы. Иногда ему самому казалось нехорошимъ оставлять службу. Особенно теперь, когда все пошло какъ-то по новому, теперь-то именно нужны были люди добраго стараго закала.

Онъ медленно, съ трудомъ проходилъ всѣ ступени службы, всякій разъ шли годы, раньше чѣмъ онъ получалъ повышеніе. Изъ канонировъ онъ былъ назначенъ ефрейторомъ, потомъ оберъ-ефрейторомъ,—теперь и чина-то такого не было,—потомъ унтеръ-офицеромъ, сержантомъ, портупей-унтеръ-офицеромъ и, наконецъ, восемь лѣтъ тому назадъ, вахмистромъ,—какъ разъ въ тотъ самый день, когда Вегштетенъ получилъ батарею. Теперь какой нибудь молокососъ черезъ годъ становится уже ефрейторомъ, а черезъ полтора года унтерофицеромъ, тутъ ужъ онъ самъ начальникъ и долженъ распоряжаться другими! Все это были вѣтромъ подбитые молодцы, они и сами не знали, чего ради они пошли на это и въ чемъ заключается ихъ долгъ. Идутъ больше такъ, чтобъ полегче жилось въ казармѣ, а какъ только обязательный срокъ пройдетъ, такъ ихъ и слѣдъ простылъ! Ни о военной чести, ни объ интересахъ службы они и не помышляютъ,—какіе же это унтерофицеры!

Пожалуй, его долгъ, дѣйствительно, оставаться.

Онъ оглянулся. Ну, конечно, Кепхена до сихъ поръ нѣтъ. И куда это дѣвался этотъ лѣнтяй, да и ефрейторъ тоже.

Онъ закрылъ свой ящикъ, пододвинулъ къ мѣсту Кепхена еще порядочную порцію переписки и отправился на поиски.

Ефрейторъ ждалъ у дверей; онъ думалъ, что господинъ капитанъ еще въ канцеляріи.—Пожалуй, это могло статься.—А гдѣ Кепхенъ, онъ не зналъ.

Конечно, бѣглеца нечего было искать въ его комнатѣ; правильнѣе всего было прямо идти въ буфетъ. И дѣйствительно, Кепхенъ какъ разъ закуривалъ сигару, стоя передъ прилавкомъ и обтирая съ бороды пѣну послѣ только что выпитой кружки пива.

Шуманъ не захотѣлъ устраивать сцены при постороннемъ унтерофицерѣ, стоявшемъ тутъ же, онъ сказалъ только:

— Кепхенъ, васъ ждутъ въ канцеляріи. — И унтерофицеръ исчезъ въ туже секунду. Онъ не допилъ даже кружки.

—

Между тѣмъ Вегштетенъ шелъ по песчаной дорогѣ изъ манежа въ казарму. Иногда онъ останавливался и хлыстомъ

смахивалъ съ себя песокъ, которымъ забросали его галопировавшія лошади. Разъ, другой ему пришлось призывать проклятія на головы всадниковъ, но въ общемъ онъ могъ остаться довольнымъ. Безспорно во фронтовой службѣ Гепнеръ исполнялъ свое дѣло на совѣсть. Вообще, батарея была хоть куда, и ужъ онъ, Венитетенъ, позаботится, чтобы такъ и впредь оставалось. Всякій разъ когда командиръ полка въ разговорѣ ставилъ въ примѣръ шестую батарею, онъ радовался, глядя съ какими кислыми минами поздравляли его другіе батарейные командиры.

Конечно, зато на его долю доставались и орѣшки покрѣпче, вродѣ этого Фрилингхаузена. Онъ началъ соображать, что сказать тому.

Этотъ Вальтеръ фонъ Фрилингхаузенъ былъ исключенъ изъ-за какихъ-то гимназическихъ исторій изъ гимназіи. Мать, обѣднѣвшая вдова отставного офицера, не имѣла средствъ подготовить его къ чему нибудь другому, и вотъ на семейномъ совѣтѣ рѣшили отдать его на исправленіе въ солдаты, чтобы онъ, пройдя черезъ военную дисциплину, вышелъ потомъ хоть въ фейерверкеры или въ фейерверкеръ-офицеры.

И вотъ теперь шестая батарея должна была стать ареной для проявленія талантовъ молодого человѣка. Вегштетенъ рѣшилъ прежде всего самымъ опредѣленнымъ образомъ разсѣять у того всякія иллюзіи,—пусть онъ не воображаетъ, что будетъ на какомъ нибудь особомъ положеніи. Но когда передъ нимъ предстала высокая, несложившаяся фигура Фрилингхаузена, казавшаяся еще болѣе дѣтской въ грубой солдатской одежѣ, и пара честныхъ, испуганныхъ юношескихъ глазъ устремилась на него, рѣчь капитана зазвучала значительно мягче.

Ко всему этому присоединилось еще нѣкоторое чувство солидарности,—Фрилингхаузены происходили изъ стариннаго тюрингенскаго дворянскаго рода, также какъ и Вегштетены. И потомъ, конечно, юноша провинился передъ своею матерью, но все-таки платковъ онъ не кралъ и соціалъ-демократической пропагандой не занимался; въ эту минуту Вегштетенъ не сказалъ бы, которое изъ двухъ золъ хуже. Конечно, онъ далекъ отъ того, чтобы проявить чѣмъ-нибудь свое участіе къ судьбѣ простого солдата, да еще такого недостойнаго. Стоило только Фрилингхаузену въ чемъ нибудь провиниться, и онъ пальцемъ не шевельнетъ,—совершенно также какъ въ дѣлѣ этого другого дворянина 6-й батареи, графа Эгона Плетау. Тотъ тоже вѣдь происходилъ изъ старинной вестфальской фамиліи и при этомъ осуществилъ невозможное—восемь лѣтъ отбывалъ свой срокъ, попалъ сначала на полгода, потомъ на два года и, наконецъ, на пять лѣтъ въ арестантскія роты, и все за своеволіе. Теперь онъ скоро кончаетъ свой срокъ и снова вернется въ батарею.

Настолько-то Вегштетенъ понималъ людей, чтобы не смѣшивать воедино эти два случая. Графъ Плетау попалъ въ качествѣ безнадежнаго гуляки и забулдыги, а Фрилингхаузенъ былъ одушевленъ искреннимъ желаніемъ выбиться на дорогу. Это сразу видно было по его открытому взгляду. Поэтому онъ говорилъ съ нимъ почти по отечески; объяснилъ ему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ претендовать на малѣйшее отличіе отъ другихъ, и побуждалъ его приложить всѣ усилія къ тому, чтобы добиться какъ можно скорѣе повышенія,—такимъ образомъ онъ всего скорѣе можетъ выбиться изъ тѣхъ условій, которыя теперь кажутся ему черезчуръ жестокими.

— Итакъ, подымите голову!—закончилъ онъ свою рѣчь, и потомъ у дверей нѣсколько потише, — унтерофицерамъ незачѣмъ было слышать это,—прибавилъ еще:—не забывайте, какое имя вы носите! Я думаю, для васъ достаточно одной этой мысли, чтобы всегда стараться быть впереди.

Фрилингхаузенъ долженъ былъ остановиться и перевести духъ, затворивъ за собой дверь канцеляріи. Ему захотѣлось броситься назадъ, схватить руку капитана и поцѣловать. Его сердце разрывалось отъ благодарности за эти

теплыя дружескія слова, которыя проникли въ его душу, какъ нѣжная ласка, послѣ всѣхъ этихъ служебныхъ наставленій и напоминаній. Но онъ побоялся, что, пожалуй, это неприлично для солдата. Зато онъ честно поклялся самому себѣ на дѣлѣ отблагодарить своего начальника, сдѣлать все возможное, чтобы онъ былъ доволенъ.

Мальчикъ, который за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, никому бы не уступилъ въ легкомысліи, теперь вдругъ серьезно задумался. Давно ли онъ былъ среди товарищей гимназистовъ, съ юношескимъ высокомѣріемъ глядѣлъ на все окружающее, высмѣивалъ учителей,—и вдругъ онъ очутился въ такой обстановкѣ, въ которой самыя несчастныя минуты прошлой жизни казались ему недосягаемымъ блаженствомъ.

Съ высотъ культуры, на которыя онъ готовъ былъ взобраться, не было никакого моста въ ту бездну невѣжества, гдѣ отлично чувствовали себя его новые товарищи. Очень возможно, что многіе изъ нихъ были прекрасные люди, но они тоже избѣгали его, должно быть, боялись, что онъ будетъ смѣяться надъ нами. Они, вѣроятно, считали его гордымъ и въ концѣ концовъ навѣрно возненавидятъ его, и все-таки при всемъ желаніи онъ не могъ найти никакихъ точекъ соприкосновенія съ ними.

А между тѣмъ во многихъ вещахъ онъ зависѣлъ отъ нихъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о всякаго рода чисткѣ и содержаніи въ чистотѣ и порядкѣ своихъ вещей—одежды, обуви. А у нихъ все это дѣлалось само собой.

Только теперь созналъ онъ, съ какою безпечностью пользовался онъ дома во всѣхъ этихъ мелочахъ услугами своей матери. Съ какою радостью взяла бы она на себя и здѣсь всѣ эти заботы. Рядомъ съ этимъ ему вспомнились и другія гораздо болѣе серьезныя провинности его въ отношеніи этой лучшей изъ матерей,—и при мысли объ этомъ судьба его не казалась уже ему несправедливой и незаслуженной. Жестоко было только то, что не предвидѣлось никакого конца его мученіямъ.

Общество унтерофицеровъ, — когда онъ добьется, наконецъ, повышенія,— далеко не казалось ему болѣе привлекательнымъ, чѣмъ солдатская компанія. Они тоже недовѣрчиво сторонились отъ него, кромѣ тѣхъ, которые видѣли въ немъ любимчика капитана, и старались заранѣе подольститься къ нему, что было еще противнѣе.

Жизнь и въ настоящемъ, и въ будущемъ казалась ему лишенной всякой цѣнности. И въ эту безпросвѣтную ночь, какъ лучъ свѣта проникли великодушныя и мужественныя слова капитана. Заслужить одобреніе этого человѣка, показать себя достойнымъ его участія— вотъ и новая цѣль жизни, и Фрилингхаузенъ поклялся всѣми силами стремиться къ этой цѣли.

Погруженный въ свои мысли, онъ стоялъ передъ дверями канцеляріи, утративъ совершенно представленіе о времени. Вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовавъ, что на плечо его опустилась чья-то рука.

— Пропустите - ка меня, голубчикъ,—проговорилъ при этомъ чей-то голосъ.

Фрилингхаузенъ отступилъ въ сторону и увидѣлъ, какъ въ канцелярію вошелъ офицеръ въ полной парадной формѣ,—каска съ султаномъ, эполеты, портупея и шарфъ. Онъ подумалъ съ горечью, что въ дѣтствѣ и онъ мечталъ о такой формѣ, пока его мать не выбрала для него другой карьеры. Теперь онъ съ грустью сравнилъ свой грязный солдатскій мундиръ съ блестящимъ костюмомъ офицера.

Разница была значительная.

Офицеръ вошелъ въ канцелярію и представился капитану.

Вегштетенъ быстро подошелъ къ нему и подалъ ему руку.

— Я искренно радъ, господинъ лейтенантъ,—сказалъ онъ,—что вы вернулись въ мою батарею. Добро пожаловать, дорогой Реймерсъ!

Лейтенантъ поклонился, пробормотавъ обычное:

— Господинъ капитанъ слишкомъ добръ...

— Полноте, Реймерсъ—прервалъ его Вегштетенъ, желая положить конецъ строго оффиціальному тону молодого офицера.—Серьезно,—продолжалъ онъ,—для меня истинная радость имѣть своимъ сотрудникомъ офицера такъ прекрасно изучившаго солдатскую жизнь, какъ вы,—гораздо лучше чѣмъ капитанъ Маделунгъ изъ четвертой батареи могъ изучить ее въ Китаѣ. Хотя вы совершенно незаконно вступились за буровъ,—продолжалъ онъ, шутя погрозивъ лейтенанту пальцемъ.—Ну, а что въ крѣпости сносно было?

— Точно такъ, господинъ капитанъ,—отвѣчалъ Реймерсъ съ улыбкой.—Кажется, нигдѣ еще не принимали меня такъ радушно, какъ въ этомъ заключеніи.

— Ну, еще бы! Вѣдь и его величество не слишкомъ долго заставилъ васъ страдать, не правда ли?

— Конечно, нѣтъ, господинъ капитанъ.

Вегштетенъ посмотрѣлъ на часы; онъ взялъ фуражку и хлыстъ, которые положилъ на столъ при входѣ Реймерса, и попрощался съ нимъ дружескимъ рукопожатіемъ.

— Досадно,—сказалъ онъ,—что у меня нѣтъ больше времени! Долженъ идти давать урокъ верховой ѣзды моимъ унтерофицерамъ, милѣйшій Реймерсъ. Итакъ, до свиданія. Благодарю, что вы явились ко мнѣ. И еще разъ скажу,—очень радъ, что у меня въ шестой батареѣ будетъ человѣкъ, понюхавшій пороха! Такіе люди остались теперь развѣ среди полковниковъ и генераловъ.

Когда капитанъ вышелъ изъ комнаты, Реймерсъ поставилъ каску на столъ и снялъ перчатки.

Онъ окинулъ взглядомъ канцелярію и съ удовольствіемъ кивнулъ головой, увидѣвъ, что все на старомъ мѣстѣ. Потомъ онъ протянулъ руку вахмистру.

— Здравствуйте, Шуманъ,—сказалъ онъ привѣтливо.—Вы все такой же! Ну, какъ живете?

— Покорно благодарю, господинъ лейтенантъ,—отвѣчалъ вахмистръ.—А вы, господинъ лейтенантъ,— извините,—какъ вы себя чувствуете?

Реймерсъ удивленно взглянулъ на него.

— Прекрасно, само собой разумѣется, прекрасно. Какъ же иначе!—спросилъ онъ.

— Годъ назадъ господинъ лейтенантъ были уволены въ отпускъ по болѣзни?

— Ахъ, да! Ну, это все прошло, Шуманъ, совершенно прошло! Никакихъ слѣдовъ!

— Сердечно радуюсь, господинъ лейтенантъ.

И потомъ онъ продолжалъ дальше нѣсколько неувѣренно:

— И еще, господинъ лейтенантъ,—вы меня извините,—я также сердечно радуюсь, что господинъ лейтенантъ снова возвращается въ шестую батарею. Шесть лѣтъ тому назадъ вы вошли въ нее еще фендрикомъ, и теперь опять, господинъ лейтенантъ возвращается къ намъ, принявъ участіе въ войнѣ за буровъ.—Вы не можете представить, господинъ, лейтенантъ, какъ это меня радуетъ; потому что, видите-ли, господинъ лейтенантъ, я самъ всего охотнѣе пошелъ-бы туда.

— Ахъ, нѣтъ, Шуманъ,—возразилъ Реймерсъ,—это лучше оставить! Я не думаю, чтобы вамъ тамъ понравилось. И въ этомъ дѣлѣ есть обратная сторона. Оставайтесь себѣ спокойно дома, здѣсь вы гораздо больше на мѣстѣ. Артиллеріи-то, во всякомъ случаѣ, у этихъ несчастныхъ теперь нѣтъ.

Но вахмистръ не хотѣлъ сразу сдаться.

Англійская жестокость, о которой онъ каждый вечеръ читалъ въ своей газетѣ, взбудоражила всю его кровь. Если императоръ, и русскіе, и французы, Богъ вѣсть, по какимъ причинамъ не хотѣли вступиться, то никто не имѣлъ права мѣшать каждому, кто хотѣлъ, жертвовать своею жизнью за храбрыхъ буровъ. Въ пылу негодованія онъ говорилъ больше и смѣлѣе, чѣмъ могъ позволить себѣ при другихъ обстоятельствахъ съ офицеромъ.

Лейтенантъ добродушно выслушалъ

его. Съ легкой улыбкой думалъ онъ, какъ сильно должно быть благородное чувство справедливости, зовущее всегда на защиту слабыхъ, если даже этотъ еловѣкъ, весь проникнутый суровой дисциплиной, забылся до того, что нѣсколько разъ употребилъ въ разговорѣ просто «вы» вмѣсто требуемаго по правиламъ «вы, господинъ лейтенантъ».

— Нѣтъ, Шуманъ, право это совсѣмъ неподходящее дѣло для васъ,— сказалъ онъ въ заключеніе.—Оставайтесь спокойно съ нами. Будьте увѣрены,—работы довольно и здѣсь! Нужно извлечь пользу изъ всего новаго, чему мы научились тамъ у буровъ, да и у китайцевъ тоже, а для этого намъ самимъ нужны хорошіе люди. Конечно, Шуманъ, и вы тоже нужны намъ! Еслибъ только у насъ было побольше такихъ, какъ вы!

Послѣднія слова офицеръ проговорилъ громкимъ голосомъ и сердечно пожалъ при этомъ руку вахмистру. Потомъ онъ надѣлъ каску и вышелъ изъ комнаты. Вотъ это настоящій человѣкъ, на него радовалось солдатское сердце Шумана. Съ своимъ яснымъ и твердымъ взглядомъ, съ своими непринужденными, но увѣренными движеніями, Реймерсъ невольно внушалъ каждому довѣріе. При этомъ онъ былъ несомнѣнно красивый малый, съ бѣлокурой бородкой и открытымъ лицомъ, немного только худощавый,—ну, это отчасти отъ лагерной жизни,—но ужъ во всякомъ случаѣ онъ не похожъ на этихъ молокососовъ, новоиспеченныхъ офицериковъ. Глядя на нихъ, вахмистръ при всей своей почтительности не могъ удержать неодобрительнаго покачиванія головы.

Шуманъ проводилъ лейтенанта ласковымъ взглядомъ и подумалъ: «Еслибъ добрый старый императоръ могъ дѣлать все, что хочетъ, онъ навѣрно далъ бы орденъ Реймерсу, а не этому капитану, 4-й батареи. Что онъ тамъ сдѣлалъ въ Китаѣ? Разрушилъ какую-то глиняную крѣпость со своей полевой артиллеріей. Больше тамъ ничего не было; это разсказывалъ канониръ шестой батареи, который былъ при томъ, а ужъ онъ, конечно, охотнѣе присочинилъ бы что нибудь.»

Вдругъ Кепхенъ громко двинулъ стуломъ. Онъ все это время посмѣивался про себя; и что спрашивается, этому вахмистру за дѣло до буровъ? Только и не доставало имъ этакой старой крысы! Онъ бы, навѣрно, въ первую же недѣлю схватилъ тамъ ревматизмъ. Онъ злился, что Шуманъ, подсунувъ ему цѣлую груду работы—онъ отлично замѣтилъ это—стоялъ теперь сколько времени, сложа руки. Не могъ наглядѣться на этого лейтенанта, который, должно быть, не слишкомъ-то тамъ прославилося, по крайней мѣрѣ, въ газетахъ о немъ ни слова не писали. А работа п обыкновенію на комъ лежала? Все на немъ же!

Онъ громко откашлялся и съ сердцемъ придвинулъ стулъ къ столу.

Вахмистръ очнулся отъ своихъ мыслей и тоже сѣлъ за столъ. Но какъ онъ ни старался, мысли его невольно убѣгали отъ лежавшихъ передъ нимъ бумагъ новобранцевъ. Ему снова и снова думалось о томъ, что вотъ и лейтенантъ Реймерсъ считаетъ его, Шумана, необходимымъ для службы. Второй человѣкъ въ одинъ день говоритъ ему тоже самое. Значитъ, есть тутъ что нибудь важное.

Его стала мучить совѣсть.

Но весь этотъ день у него были полны руки дѣла, такъ что некогда было задумываться надъ этимъ. Только вечеромъ, покончивъ наиболѣе спѣшную работу, онъ могъ наконецъ отдохнуть. Отложивъ остальныя бумаги до завтра, онъ пошелъ въ свою маленькую квартирку, расположенную въ концѣ корридора. Тамъ онъ рѣшилъ еще разъ спокойно обдумать, не остаться ли ему еще на нѣсколько лѣтъ въ своей батареѣ.

—

Въ корридоръ выходили двѣ маленькія квартирки,—вахмистра Шумана и вице-вахмистра Гепнера. Каждая состояла изъ одной чистой комнаты, спальни и кухни, сѣни же въ обѣихъ квартирахъ были общія. Квартира вахмистра выходила въ поле, а вице-вахмистра въ казарменный дворъ.

Проходя черезъ сѣни, Шуманъ слы-

шалъ грубый, крикливый голосъ Гепнера.

Въ этомъ была самая непріятная сторона казенныхъ квартиръ. Тонкія стѣны и двери пропускали всякій громкій звукъ или слово, не говоря уже о брани и крикахъ. У кого дома дѣла шли не совсѣмъ то тихо и мирно, тотъ всегда говорилъ для посторонниxъ слушателей, хотя бы они и не имѣли намѣренія подслушивать.

У Гепнера же дѣла обстояли далеко не тихо.

Между мужемъ и женой вѣчно шли ссоры, и все изъ-за одного и того же. Больная жена, страдавшая катарромъ легкихъ и съ каждымъ днемъ приближавшаяся къ смерти, и грубый, пышущій здоровьемъ мужъ—пара не особенно подходящая.

Гепнеръ женился на своей теперешней женѣ, когда она ждала отъ него ребенка. Онъ и самъ хорошенько не зналъ, какъ состряпался этотъ бракъ. Признаться сказать, эта тощая блѣдная женщина была ему совсѣмъ не по вкусу, но она какъ-то тихонько, шагъ за шагомъ, поставила на своемъ. Она поймала его, представившись такой тихой да покорной, онъ даже, въ концѣ концовъ, самъ подумалъ, что врядъ ли ему найти другую такую удобную жену. Она-то ужъ ни въ чемъ его не стѣснитъ, будетъ на все смотрѣть сквозь пальцы. У него, конечно, не было ни малѣйшаго намѣренія превращаться въ степеннаго мужа. Даже когда онъ стоялъ рука объ руку со своей невѣстой передъ священникомъ,—да, именно въ ту минуту, онъ рѣшалъ про себя не слишкомъ-то въ серьезъ принимать всѣ эти клятвы въ вѣрности, которыя онъ произносилъ. А для этого ему нужно было, именно такую покорную и уступчивую жену, которая не станетъ дѣлать исторіи изъ-за всякаго пустяка.

Еще бы, чортъ возьми! Не даромъ же онъ былъ этакій молодецъ,—веселый, статный, грудь колесомъ, руки и ноги крѣпкія, лицо широкое, краснощекое, лихіе черные усы. Когда онъ шелъ, женщины всѣ шеи себѣ выворачивали, глядя на него. И чтобы этакій-то кладъ достался одной его женѣ? Ну, нѣтъ, дудки! Ея счастье, что она такая тихоня.

Но послѣ свадьбы эта кроткая смиренница измѣнилась, какъ по волшебству. Оказалось, что это какая-то фурія, вѣдьма, настоящая гіена, бѣгавшая по его слѣдамъ и изъ-за всякаго невиннаго вздора устраивавшая ему цѣлые скандалы. Разъ она даже пустила было въ ходъ свои ножницы и иголки, но тутъ ужъ онъ поучилъ ее хорошенько, чтобы навсегда отбить у нея охоту. Зато ужъ словами пилила она его всласть, а когда онъ, выведенный изъ себя, бросался на нее съ кулаками, у нея тоже находилось оружіе: она начинала кричать такъ, что вся казарма сбѣгалась. Тутъ ужъ Гепнеру пришлось отступиться, онъ только скрипѣлъ зубами отъ безсильнаго бѣшенства, но вѣдь нельзя же все-таки мыть свое грязное бѣлье на народѣ, хотя, конечно, всѣ прекрасно знали ихъ дѣла.

Въ концѣ концовъ, Гепнеръ махнулъ на нее рукой. Онъ жилъ себѣ, какъ хотѣлъ, пропадалъ цѣлыми вечерами и развлекался на свой ладъ. Женѣ онъ выдавалъ только самое необходимое на хозяйство. Дома онъ сейчасъ же переходилъ въ наступленіе, а брань жены пропускалъ мимо ушей. Онъ напалъ, наконецъ, на ея слабую струнку—тщеславіе—и безжалостно пользовался ею. Прохаживался насчетъ ея худобы и желтизны, вспоминалъ ея дряблую кожу и жесткіе волосы и доводилъ ее до послѣдней степени бѣшенства, разсказывая про красоту другихъ женщинъ, даривщихъ его своею благосклонностью.

Такъ шли долгіе мѣсяцы. Нельзя сказать, чтобы это было особенно пріятно Гепнеру, но ко всему вѣдь можно привыкнуть. Онъ положительно деньото-дня становился все сильнѣе и здоровѣе, тогда какъ жена его дѣлалась все безобразнѣе и тощѣе.

Въ концѣ концовъ, она-таки сыграла съ нимъ скверную штуку—заболѣла.

Штабный докторъ сразу объявилъ, что дѣло плохо, и пророчилъ, что она не долго протянетъ. Но даже близость смерти не прекратила ихъ вѣчныхъ ссоръ.

Только теперь брань приняла поистинѣ какой-то отвратительно-циничный характеръ. Гепнеру доставляло какое то особое наслажденіе мучить больную. Онъ приходилъ въ ярость, что изъ-за длинныхъ языковъ сосѣдей долженъ еще дѣлать для нея разныя разности—покупать укрѣпляющія средства, дорогое вино, которое онъ гораздо охотнѣе выпилъ бы самъ, и онъ осыпалъ ее за это проклятіями. Задыхаясь, она искала въ грязныхъ уголкахъ своей души самыя оскорбительныя ругательства, чтобы сколько-нибудь досадить своему мучителю. А онъ сидѣлъ передъ ней, красный, пышущій здоровьемъ, и съ торжествомъ кричалъ ей, что все равно она скоро умретъ, старался добить ее въ конецъ, какъ грубое, безжалостное животное, нѣтъ, въ тысячу разъ хуже, чѣмъ всякое животное.

Женщина пыталась сказать еще что-нибудь, но кашель пересиливалъ, и она падала изнеможенная на подушки, безсильно грозя ему кулакомъ.

Разъ она обратилась за помощью къ командиру батареи, Вегштетену, въ смутной потребности найти гдѣ-нибудь защиту. Она не совсѣмъ ясно понимала, чего именно она хотѣла,—конечно, прежде всего, уйти отъ этого человѣка, который мучилъ ее въ тысячу разъ больше, чѣмъ ея болѣзнь. Но только, конечно, онъ долженъ былъ давать ей денегъ, такъ какъ у ней не было ни пфенига. Но тутъ противъ нее возстало прошлое, то время, когда она, Богъ знаетъ изъ-за чего, кидалась на своего мужа, лѣзла изъ-за него въ ссоры съ другими унтерофицерскими женами, когда ни онъ, ни онѣ, ни въ чемъ не были виноваты. Жалоба ея обратилась противъ нея. Капитанъ отказалъ ей.

— Подумайте-ка хорошенько, фрау Гепнеръ,—сказалъ онъ ей,—нѣтъ-ли тутъ немного и вашей вины. Потому что, видите ли, трудно предположить, чтобы человѣкъ, который во время службы такъ прекрасно исполняетъ свое дѣло, не допускаетъ никогда,—слышите ли, никогда,—ни малѣйшаго злоупотребленія,—и вдругъ дома велъ бы себя такъ невѣроятно грубо, какъ вы разсказываете. Вы, должно быть, немножко преувеличиваете, милая моя фрау Гепнеръ.

Послѣ этого она съ отчаяніемъ отдалась своей участи.

И Вегштетенъ не былъ, въ сущности, неправъ въ своихъ похвалахъ. Какъ только Гепнеръ переступалъ порогъ своей квартиры, онъ превращался въ безукоризненнаго унтерофицера. Онъ никогда не забывалъ тѣхъ границъ, которыя ставятъ правила всякому начальнику. Онъ отлично умѣлъ обходиться съ солдатами. Его громовый голосъ такъ и перекатывался по плацу, но онъ никогда не забывался до того, чтобы поднять руку. Въ общемъ, онъ даже былъ расположенъ къ солдатамъ, особенно, когда они старались,—ну, а объ этомъ-то онъ умѣлъ позаботиться. Ему нравилось командовать хорошо вымуштрованнымъ взводомъ, а когда солдаты особенно лихо исполняли команду, у него появлялся даже своеобразно добродушный тонъ въ обращеніи съ ними.

Изрѣдка только онъ выходилъ изъ себя и начиналъ пробирать того или другого солдатика съ какою-то особенною, свойственною ему, холодною жестокостью, но всегда въ границахъ дозволеннаго. По большей части онъ обрушивался такимъ образомъ на какого нибудь слабосильнаго парня, съ блѣднымъ, вялымъ лицомъ и медлительными движеніями. Такихъ онъ положительно не выносилъ.

Были и еще случаи, когда проявлялась животная грубость его натуры. Стоило кому нибудь поранить себя, какъ Гепнеръ первый прибѣгалъ къ мѣсту происшествія. Онъ никогда не пытался помогать, но съ какимъ-то сладострастіемъ смотрѣлъ, не отрываясь, какъ течетъ кровь.

По большей части ему поручалось обученіе новобранцевъ верховой ѣздѣ.

Тутъ, особенно зимой, когда ученье производилось въ закрытомъ манежѣ, среди горячихъ и острыхъ лошадиныхъ испареній, въ тускломъ красноватомъ свѣтѣ лампъ, онъ чувствовалъ себя въ своей стихіи.

Съ видомъ настоящаго побѣдителя

вскакивалъ онъ на какую нибудь лошаденку, отказывавшуюся у другого всадника брать какое нибудь препятствіе. Кулакъ у него былъ мягкій и круглый, точно шелковый, но упругій и тяжелый, какъ сталь. Сначала онъ пробовалъ дѣйствовать лаской. Онъ откидывался назадъ, чтобы его тяжесть давила на самое чувствительное мѣсто лошадиной спины и непроизвольно подталкивала ее впередъ. Подскакавъ къ препятствію, онъ сразу давалъ ей шенкеля и по большей части заставлялъ ее перескакивать. Если упрямая лошадь спотыкалась и падала, онъ въ одну секунду соскакивалъ съ сѣдла и, не выпуская поводьевъ, съ спокойной усмѣшкой ждалъ, пока та, отфыркиваясь, поднималась на ноги. Четыре, пять разъ заставлялъ онъ такую упрямицу взять все тоже препятствіе и только тогда оставлялъ ее въ покоѣ.

Въ манежѣ случалось даже, что голосъ Гепнера смягчался, и онъ допускалъ маленькія послабленія по службѣ. Онъ зналъ, что его ѣздовые будутъ ѣздить хорошо,—за это онъ порукой,—и что въ шестой батареѣ всегда будутъ самые лучшіе ѣздовые.

Такимъ образомъ жестокость, составлявшая внутреннюю сущность Гепнера, оставалась обыкновенно скрытой и только дома проявлялась наружу.

Но всего удивительнѣе было видѣть, какъ этотъ человѣкъ, жестоко истязавшій свою жену и, конечно, не признававшій за людей своихъ подчиненныхъ,—какъ онъ измѣнялся, когда дѣло шло о лошадяхъ. Къ этимъ красивымъ животнымъ онъ относился иногда съ истинно материнскою нѣжностью. Всѣ онѣ его знали, и онъ любилъ всѣхъ, но, конечно, у него были среди нихъ свои любимицы. Прежде всего «Удо», свѣтло-гнѣдой меринъ съ густой гривой и челкой, спускавшейся до самого носа, который умѣлъ становиться на колѣни; еще былъ «Зулусъ», почти совсѣмъ вороной жеребецъ; онъ качалъ головой, когда его спрашивали: «Ты французъ?» и утвердительно кивалъ, когда говорили: «Ты вѣдь нѣмецкій артиллеристъ, не правда-ли?». Но лучше всѣхъ былъ «Улкъ», маленькая стройная лошадка съ красивой гривой, всегда хватавшая переднюю лошадь сзади за ногу.

Изо дня въ день вице-вахмистръ приносилъ лошадямъ куски сахара, моркови и корки хлѣба и съ пунктуальной справедливостью дѣлилъ между ними гостинцы. Онъ изучалъ ихъ особенности, и съ наибольшимъ вниманіемъ относился вовсе не къ тѣмъ лошадямъ, которыя сразу и безъ хлопотъ опредѣлялись, какъ хорошія упряжныя, или какъ верховыя лошади. Среди нихъ попадались такія шельмы,—въ родѣ красавицы «Деборы» напримѣръ,—которыя ни подъ какимъ видомъ не терпѣли у себя на спинѣ сѣдла, не говоря уже о всадникѣ. Но онъ приручилъ ее, хотя она все еще немножко приплясывала. Вышколилъ онъ также и толстаго лѣнтяя «Карла», который всегда путался въ постромкахъ и предпочиталъ, чтобы передняя лошадь стянула ему хомутъ черезъ голову, а ужъ самъ ни за что не хотѣлъ везти. Гепнеръ такъ притянулъ хомутъ веревками, что тому некуда было податься, и волей-неволей приходилось везти свою шестую часть тяжести. Толстякъ покорился, но не забылъ выучки; по крайней мѣрѣ, Гепнеръ увѣрялъ, что «Карлъ» всегда посматривалъ на него съ глубокимъ укоромъ.

Когда которая нибудь изъ лошадей заболѣвала, Гепнеръ доходилъ до самопожертвованія, ухаживая за ней. Съ изумительною понятливостію шелъ онъ навстрѣчу всѣмъ предписаніямъ ветеринара и исполнялъ ихъ въ точности. Разъ ему случилось даже забыться до того, что онъ ударилъ одного солдата и притомъ ѣздового, пользовавшагося до тѣхъ поръ его особою благосклонностью. Онъ далъ ему пощечину, такъ что у того изъ носа брызнула кровь, за то, что тотъ лишнюю минуту продержалъ «Розу» поднятой на цѣпяхъ,—«Розу», эту вороную красавицу, которую Гепнеръ любилъ и берегъ, какъ зеницу ока.

Страннымъ образомъ ѣздовой не сталъ даже жаловаться, а «Роза», благодаря умѣлому уходу Гепнера, скоро оправилась.

Только среди этихъ умныхъ животныхъ Гепнеръ дѣлался человѣкомъ. Изъ любви къ нимъ онъ становился даже суевѣрнымъ, хотя во всемъ остальномъ не признавалъ рѣшительно ничего, что выходило за предѣлы доступныхъ ему удовольствій—ѣды, питья и красивыхъ женщинъ. Въ конюшнѣ всегда долженъ былъ жить козелъ,— по старинной примѣтѣ, онъ своимъ запахомъ предохранялъ лошадей отъ болѣзней,—и длиннобородый находился подъ особой защитой Гепнера. А между тѣмъ отвѣтственность за это неразумное животное бывала порой очень неудобна. Разъ козелъ не посовѣстился сбить съ ногъ самого майора, да еще передъ всѣмъ фронтомъ. Только отчаянныя мольбы Гепнера спасли въ тотъ разъ отъ смертной казни блеявшаго преступника. Окончательному помилованію помогъ благопріятный случай. Въ первую же ночь, какъ козелъ былъ удаленъ изъ конюшни, двѣ лошади какъ на грѣхъ дѣйствительно закашляли. Правда, ветеринаръ бормоталъ что-то объ какой-то повальной грудной болѣзни на скотъ—это за четыре то недѣли до маневровъ!—но во всякомъ случаѣ козла торжественно водворили на мѣсто, и больныя благополучно выздоровѣли.

Если бы вице-вахмистра спросили, гдѣ ему больше нравится, вечеромъ въ въ пивной за картами, рядомъ съ полногрудой кельнершей или въ конюшнѣ среди топанья, фырканья и звона цѣпей,—онъ не сразу могъ бы отвѣтить. И то и другое было хорошо но, пожалуй, все таки пріятнѣе всего ходить по конюшнѣ рядомъ съ козломъ и смотрѣть, какъ лошади поворачиваютъ къ нему свои умныя морды.

Едва онъ выходилъ изъ конюшни, глаза его утрачивали свой мягкій блескъ, а какъ только онъ открывалъ дверь своей квартиры, откуда-то изъ глубины въ немъ поднималась ярость, точно онъ сейчасъ готовъ былъ бросится и растерзать свою беззащитную жену.

Та, несчастная, въ концѣ концовъ и отъ болѣзни, и отъ вѣчныхъ мученій не могла больше вести даже ихъ несложное хозяйство. Она стала думать о помощницѣ 'и, наконецъ, остановилась мысленно на своей сестрѣ, которая служила сельской работницей въ Лузаціи:

Ида, эта сестра, охотно отказалась отъ мѣста, пріѣхала къ зятю и забрала въ свои привычныя къ работѣ руки и все ихъ маленькое хозяйство, и уходъ за больной. На время, казалось, дыханіе свѣжаго воздуха полей, которымъ было проникнуто все существо высокой, стройной дѣвушки, разсѣяло атмосферу злобы и низости, отравлявшую жизнь Гепнеровъ. Вице-вахмистръ нѣсколько стѣснялся въ присутствіи свояченицы, а измученная женщина отводила душу съ сестрой, находя въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе. Но очень скоро присутствіе третьей окончательно превратило въ адъ ихъ жизнь.

Глаза ненависти такъ же проницательны, какъ и глаза любви, и Юлія Гепнеръ скоро замѣтила, что ея мужъ влюбился въ сестру совершенно такъ же грубо чувственно, какъ онъ влюблялся передъ тѣмъ во многихъ, многихъ другихъ. Она прекрасно знала эти круглые, подернутые влагой глаза, неотступно слѣдившіе за всякимъ движеніемъ дѣвушки.—Такъ вотъ она, эта послѣдняя степень горя и ужаса, которую ей суждено было пройти,—измѣна въ собственномъ домѣ, прямо на глазахъ!

По счастью сначала Ида, видимо, не замѣчала молчаливаго ухаживанья зятя: она изрѣдка шутила съ нимъ, но по большей части дѣлала свое дѣло, не обращая на него вниманія.

Это безпечное, холодное непониманье еще усиливало страсть Гепнера. Онъ былъ избалованъ легкими побѣдами надъ излюбленнымъ имъ сортомъ женщинъ, и эта сдержанность составляла для него нѣчто новое, тѣмъ болѣе привлекательное. Онъ началъ ревновать. Самъ изнемогая отъ страсти, онъ сталъ оберегать невинность свояченицы, какъ порученный ему цѣнный кладъ. Онъ запрещалъ ей даже невинное кокетничанье съ лейтенантомъ Ландсбергомъ, который посылалъ ей въ окно пылкіе взгляды, производя ученіе на дворѣ.

Во время этихъ стычекъ больная

женщина съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за поведеніемъ сестры. Сперва Ида въ серьезъ сердилась на замѣчанія зятя, но понемногу она стала тише; порой по ея лицу разливался легкій румянецъ смущенія, и во взглядахъ, которые она украдкой бросала на зятя, больная начинала подмѣчать то, чего она такъ боялась.

Даже самъ Гепнеръ, не отличавшійся такою проницательностью и привыкшій къ болѣе грубымъ любезностямъ со стороны своихъ дамъ,—не зналъ, какъ далеко подвинулись его дѣла. Онъ былъ твердо увѣренъ въ одномъ: раньше или позже это красивая дѣвушка будетъ принадлежать ему, про себя онъ рѣшился даже на насиліе, если на то пойдетъ. Конечно, тутъ нужно будетъ дѣйствовать съ большою осторожностью. Если жена пронюхаетъ и подниметъ крикъ, изъ за этого можетъ выйти скверная исторія, пожалуй, она можетъ даже стоить ему мѣста.

Но вышло совсѣмъ по другому.

Вечеромъ Гепнеръ цѣлый часъ вываживалъ «Валкирію», — которую онъ выѣзжалъ для Вегштетена,—и наконецъ насухо обтеръ ее въ стойлѣ соломой. Покрывъ лошадь войлокомъ, онъ пошелъ въ буфетъ промочить горло послѣ ѣзды. Выпивъ въ два, три глотка кружку, онъ вспомнилъ, что дома въ кухнѣ стоитъ еще бутылка пива и медленно направился домой. На дворѣ въ это время читались служебные приказы, и первый разъ при этомъ присутствовали новобранцы,—ну, отъ этого онъ могъ себя избавить.

Въ кухнѣ Ида что-то стирала. Онъ пробормоталъ «здравствуй», взялъ бутылку, налилъ кружку и залпомъ выпилъ ее. Потомъ онъ вылилъ туда остатки и посмотрѣлъ на свояченицу. У нея были такія упругія бѣлыя руки и такія широкія бедра, когда она наклонялась надъ лоханкой.

Изъ комнаты послышался рѣзкій, хриплый голосъ больной:

— Кто это пришелъ, Ида?

— Кому же быть, кромѣ Отто?— отвѣчала дѣвушка, продолжая стирать.

— Что же онъ не входитъ, — продолжалъ тотъ же голосъ еще рѣзче.

Гепнеръ допилъ кружку, поставилъ на столъ и отвѣтилъ:

— Оттого, что не хочу. Оттого, что мнѣ здѣсь больше нравится, чѣмъ у тебя. Оттого, что Ида хорошенькая дѣвочка, а ты старая кляча!

При этомъ онъ шутя обнялъ дѣвушку и привлекъ ее къ себѣ.

На секунду Ида притихла; потомъ она оттолкнула зятя и крикнула:

— Ну, ты, отвяжись! Иди-ка лучше къ своей женѣ.

Гепнеръ отпустилъ ее. Эта секунда, когда дѣвушка была въ его объятіяхъ, показала ему, что онъ и здѣсь будетъ побѣдителемъ. Какъ она вздрогнула! Все это онъ прекрасно изучилъ!

Гордо выпрямившись, съ торжествующимъ блескомъ въ глазахъ вошелъ онъ въ комнату, и несчастная женщина сейчасъ же поняла, что дурной колосъ созрѣлъ.

Этотъ ударъ придавилъ ее; молча лежала она на кровати, обдумывая планы мести. Она бы разорвала въ клочки, растоптала ногами этого негодяя и ту, другую также... свою сестру.

—

Въ это время въ сосѣдней квартирѣ, отдѣленной отъ Гепнеровъ только сѣнями, за круглымъ передиваннымъ столомъ сидѣлъ вахмистръ Шуманъ съ женой.

Вся эта уютная комната съ мягкой мебелью, цвѣточными горшками, канарейками и швейнымъ столикомъ у окна, больше напоминала комнату какой нибудь старой дѣвушки, чѣмъ пріемную вахмистра. Но сама маленькая, хрупкая вахмистрша, кутавшаяся даже лѣтомъ въ вязаный платокъ, подходила какъ нельзя лучше къ этой чистенькой, опрятной обстановкѣ.

У нея были тысячи мелкихъ огорченій, и одно большое горе,—бракъ ихъ, видимо, долженъ былъ остаться бездѣтнымъ. Но со всѣми этими большими и малыми горестями она никогда не приставала къ мужу. Она сама себѣ удивлялась, что такъ геройски переноситъ одна свои огорченія. Довольно у него

было непріятностей на службѣ,—какъ часто его голосъ гремѣлъ въ корридорѣ!—дома онъ долженъ былъ отдыхать. На одно только она не въ силахъ была не жаловаться,—на эти вѣчныя ссоры у сосѣдей. Она всегда дрожала, когда тамъ начиналась брань. Изъ этого непобѣдимаго отвращенія къ ихъ ссорамъ выросло отвращеніе ко всей этой тревожной шумной жизни, въ центрѣ которой ее закинула судьба. Она всѣми силами поддерживала мужа въ его планахъ будущаго устройства и буквально не могла дождаться того дня, когда онъ сниметъ наконецъ свой нарядный мундиръ. А вѣдь было время, когда она съ большой охотой появлялась на гуляньяхъ рядомъ съ этимъ мундиромъ! Въ сущности военное ремесло мужа всегда не очень то ей нравилось. Когда она брала отъ мужа его саблю, она держала ее всегда съ такимъ выраженіемъ, точно съ нея уже струилась кровь. А когда онъ приносилъ въ комнату свой револьверъ, она чувствовала себя все время немножко неспокойно.

Ничего этого не будетъ, когда онъ перемѣнитъ свой солдатскій мундиръ на красивую темную форму желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Вахмистръ сдѣлалъ уже маленькую пробу, онъ прослужилъ на станціи нѣсколько времени и теперь у него было въ виду мѣсто помощника начальника станціи на одной изъ боковыхъ вѣтокъ.

Она не могла превозмочь своего любопытства и, когда Шуманъ былъ на стрѣльбѣ на батарейномъ плацу, съѣздила на эту станцію. Это была маленькая боковая вѣточка, уходившая въ горы. Станціонный домъ стоялъ среди рощицы въ сторонѣ отъ деревни. Вся квартира состояла изъ одной чистой комнаты, спальни и кухни,—кухня была, пожалуй, даже меньше теперешней,—но зато тишина кругомъ въ долинѣ стояла такая, что она съ тѣхъ поръ дни и ночи мечтала объ этомъ мирномъ пріютѣ.

И вдругъ Шуманъ опять сталъ заговаривать о томъ, чтобы остаться на службѣ.

Она дала ему договорить и внимательно выслушала до конца. При этомъ она накрыла на столъ и какъ всегда озабоченно и аккуратно поставила передъ нимъ ужинъ. Точно будто онъ говорилъ о чемъ нибудь совершенно постороннемъ. Но когда онъ кончилъ, она не скрыла отъ него своего мнѣнія. Она считала себя за такую жену, которая никогда не вмѣшивается въ дѣла мужа, но это-то дѣло касалось ея столько же, какъ и его.

Все, что онъ выдумываетъ—будто онъ поступитъ нехорошо, вродѣ какъ дезертиръ,—все это совершенные пустяки, и кромѣ того глупо и непрактично. Изъ-за чистѣйшей фантазіи онъ хочетъ пожертвовать нѣсколькими годами жизни, и вѣдь никто даже и спасибо ему не скажетъ. Ну развѣ теперь онъ можетъ разсчитывать на большій окладъ, чѣмъ послѣ двѣнадцати лѣтъ службы? Точь въ точь тѣмъ же самымъ испытаніямъ подвергаютъ его теперь, послѣ восемнадцати лѣтъ, какъ и тѣхъ, кто прослужилъ всего двѣнадцать. И развѣ онъ получитъ теперь больше, чѣмъ Шмитъ изъ четвертой батареи, который ушелъ ровно въ день, когда отслужилъ двѣнадцать лѣтъ?

Наконецъ, она пустила въ ходъ свой послѣдній аргументъ. Она знала, какъ эта маленькая тихая станційка понравилась мужу во время пробной службы,—теперь она призналась въ своей тайной поѣздкѣ туда.

Этимъ она побѣдила.

Они стали перечислять другъ другу всѣ безчисленныя привлекательныя стороны того мѣста. Чего не замѣтилъ одинъ, то напоминалъ другой.

При этомъ передъ глазами вахмистра воскресали полузабытыя картины далекаго прошлаго. Старыя воспоминанія пріобрѣтали новую силу и властно притягивали его къ себѣ. И въ такой же степени ослабѣвала сила упрековъ, которыми онъ самъ себя мучилъ.

Онъ видѣлъ передъ собой спокойное, ясное будущее въ маленькой лѣсистой долинѣ, и ему казалось, что только тамъ въ тиши онъ найдетъ самого себя и начнетъ жить настоящею жизнью, близкою къ землѣ.

III.

„Тебѣ моя родная,
Любимая страна,
Несу свои я силы,
Несу всего себя".
(Масманъ).

Лейтенантъ Реймерсъ представлялся своему дивизіонному командиру и полковому командиру.

Оба встрѣтили его чрезвычайно радушно,—каждый по своему.

Маіоръ Шредеръ, никогда не упускавшій случая пошутить, принялъ его сначала по начальнически и сухо заявилъ, что очень не любитъ имѣть у себя подъ начальствомъ штрафованныхъ офицеровъ, но сейчасъ же заключилъ его въ объятія и началъ разспрашивать, правда-ли, что кафрскія женщины распространяютъ вокругъ себя отвратительный запахъ.

Полковникъ Фалькенгеймъ только долго жалъ ему руку.

Но Реймерсъ прочелъ у него въ глазахъ сердечную радость.

Полковникъ былъ привязанъ къ молодому человѣку, какъ къ сыну. Годъ назадъ, когда врачи послали того въ Египетъ, находя у него подозрительные легочные признаки, онъ отпустилъ его съ тяжелымъ сердцемъ, и теперь при видѣ его онъ испытывалъ двойную радость. Реймерсъ не превратился, конечно, въ краснощекаго, пышущаго здоровьемъ человѣка, но въ чертахъ его лица, покрытаго темнымъ слоемъ загара, не чувствовалось болѣе ни малѣйшихъ слѣдовъ болѣзни; а его крѣпкій, немного худощавый станъ обличалъ ту жизнеспособную выносливость, которая цѣннѣе всякой бьющей въ глаза упитаности.

— Ну, слава Богу, Реймерсъ, вы, кажется, раздѣлались съ тѣми страхами,—сказалъ онъ, еще разъ пожимая руку лейтенанта.—И, повидимому, это ужъ прочно,—по крайней мѣрѣ, вы выдержали потомъ хорошее испытаніе.

— Конечно, это было немножко рискованно, господинъ полковникъ. Или такъ, или этакъ!

— Ну, во всякомъ случаѣ, «такъ» безконечно пріятнѣе для меня.

Это было сказано такимъ искреннимъ задушевнымъ тономъ, что лейтенантъ никакъ не могъ остаться въ рамкахъ строгой дисциплины. Совершенно непроизвольно онъ нагнулся и прижалъ къ губамъ руку старика. Въ глазахъ у него были радостныя слезы. Только теперь, стоя передъ полковникомъ, онъ почувствовалъ себя окончательно на родинѣ.

Какъ онъ стремился сюда въ теченіе этого долгаго года отпуска!

Сначала, когда въ Каирѣ, измученный путешествіемъ, онъ слегъ въ постель, онъ думалъ о родинѣ съ тоскующею грустью. Потомъ, когда силы его окрѣпли, грусть превратилась въ страстное стремленіе домой. Онъ страдалъ отъ этого неудовлетвореннаго желанія больше, чѣмъ отъ приступовъ возвращавшейся болѣзни, а обязательное бездѣлье курортной жизни еще увеличивало его мученія. Онъ бы положительно не въ состояніи былъ просидѣть безъ дѣла всѣ эти долгіе мѣсяцы. Онъ принялъ, наконецъ, партизанское участіе въ бурской войнѣ въ значительной степени изъ боязни снова заболѣть отъ тоски по родинѣ.

Онъ любилъ свою родину какой-то могучею дикою страстью. Онъ приносилъ ей въ дань, какъ возлюбленной, робкіе восторги и пламенное преклоненіе, и, какъ влюбленный, онъ надѣлялъ предметъ своей страсти невѣроятными, невиданными достоинствами, онъ окружалъ ее какимъ-то романтическимъ ореоломъ и не допускалъ ни малѣйшей темной тѣни въ окружавшемъ ее сіяніи. Съ именемъ Германіи для него были неразрывно связаны понятія силы, могущества и величія. Но больше всего восхищала его упорная, незамѣтная, но

такая цѣлесообразная работа, начатая еще Штейномъ, Шарнхорстомъ и Бойеномъ и несмотря на всѣ препятствія, доведенная до прекраснаго конца. Онъ смотрѣлъ на исторію глазами солдата, и эта эпоха, начиная съ пораженія при Іенѣ и до послѣдней великой войны, представлялась ему въ видѣ постоянно поднимающейся линія. Даже временное политическое паденіе Пруссіи не нарушало этого неизмѣннаго могучаго роста. Въ безпримѣрной побѣдѣ при Седанѣ она достигла вершины своего военнаго могущества,—дальше некуда было идти. На всемъ свѣтѣ не могло быть ничего болѣе почетнаго, какъ принадлежать къ побѣдоносной седанской арміи; и онъ носилъ свою офицерскую шпагу съ чуствомъ глубочайшей гордости, совсѣмъ не тщеславной, а наоборотъ, благоговѣйной.

Еще мальчикомъ онъ съ трепетомъ восторга взиралъ на тѣ великія событія, которыя теперь наполняли его сознательнымъ одушевленіемъ. Сильнѣйшее горе въ его дѣтской жизни было рѣшеніе матери не отдавать его въ военную школу. Онъ мечталъ стать офицеромъ, какъ отецъ, участвовавшій въ славной кампаніи и умершій десять лѣтъ спустя вслѣдствіе паденія съ лошади.

Но мать и врачъ находили, что онъ слишкомъ слабъ для этой карьеры.

Чтобы устранить это препятствіе, мальчикъ принялся героически закалять себя. Цѣлой системой упражненій онъ достигъ удивительной тѣлесной ловкости и выносливости, и, въ концѣ концовъ, врачъ долженъ былъ признать его вполнѣ годнымъ для службы. Даже мать, побѣжденная такой выдержкой сына, должна была дать согласіе на его желаніе. Но не долго полюбовалась она на немъ знакомой формой мужа. Она умерла, едва достигнувъ сорока лѣтъ.

Послѣ этого Бернгардъ Реймерсъ остался круглымъ сиротой; хороня ее, онъ оплакивалъ больше, чѣмъ мать. Онъ лишился въ ней единственнаго человѣка, любившаго его и котораго отъ тоже любилъ всей душой.

Ранняя смерть горячо любимаго мужа набросила навсегда тѣнь на жизнь его матери. Одинокая женщина слишкомъ сильно страдала, вспоминая яркое счастье своего недолгаго супружества,—она не могла больше радоваться. Вѣчная грусть налагала особый отпечатокъ и на ея любовь къ сыну. Это была безмолвная, но пламенная нѣжность, вѣчное любовное проникновеніе въ дѣтскую душу.

Любовь матери буквально со всѣхъ сторонъ окружала мальчика, такъ что онъ не чувствовалъ даже обычнаго среди школьниковъ стремленія сходиться съ товарищами. Когда онъ испытывалъ желаніе узнать что нибудь, разрѣшить какое-нибудь сомнѣніе, довѣрить какую-нибудь тайну, онъ всегда встрѣчалъ передъ собой нѣжность матери, готовой понять, объяснить, успокоить, принять участіе во всѣхъ радостяхъ и страданіяхъ подрастающаго юноши. Такія отношенія съ матерью паложили на него нѣкоторый отпечатокъ женственности, сохранившійся и послѣ того, какъ онъ вступилъ въ полкъ, и постоянное общеніе съ матерью прекратилось. Онъ всегда испытывалъ инстинктивное отвращеніе ко всякой грубости и нѣкоторую неловкость при видѣ всякаго безобразія. Это невольное чувство, если и не могло предохранить его всегда отъ искушенія, то всякомъ случаѣ мѣшало отдаться ему цѣликомъ. Онъ принималъ участіе въ разныхъ кутежахъ и любовныхъ глупостяхъ молоденькихъ офицеровъ скорѣе изъ нѣкотораго чувства товарищества чѣмъ по собственной охотѣ. Самъ по себѣ онъ, вѣроятно, не сталъ бы этимъ заниматься.

Въ полку его жизнь сложилась такъ же, какъ въ школѣ: у него было много товарищей и ни одного друга. Онъ не думалъ объ этомъ и не испытывалъ лишенія, пока не умерла его мать. Тутъ только онъ почувствовалъ, какъ онъ одинокъ. Когда онъ утромъ выходилъ на батарейный плацъ и здоровался съ офицерами, среди нихъ не было ни одного, котораго ему особенно пріятно было увидѣть, и ни у одного не загорались радостно глаза, когда онъ

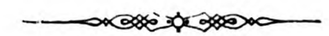
ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.

СОСТАВЛЕНО ПО ЛЕКОРНЮ, ЛИНКЕ, ПОМОРЦЕВУ, ТИСАНДЬЕ И ДР.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. К. АГАФОНОВА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга имѣетъ въ виду познакомить читателя главнымъ образомъ съ современнымъ состояніемъ воздухоплавательной техники и тѣми направленіями, въ которыхъ разрабатываются задачи практическаго осуществленія воздушной навигаціи въ настоящее время. Но въ виду высокаго интереса и поучительности, которыми полна исторія человѣческихъ усилій, направленныхъ на завоеваніе атмосферы, мы считали нужнымъ удѣлить извѣстное мѣсто также и исторической сторонѣ вопроса. Ей посвященъ первый отдѣлъ книги, заключающій краткій очеркъ развитія воздухоплаванія съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XIX вѣка, т.-е. до того времени, когда господствовавшее съ начала прошлаго столѣтія аэростатическое направленіе въ воздухоплаваніи начинаетъ понемногу смѣняться направленіемъ динамическимъ и аэронавтика вступаетъ на путь, по которому она слѣдуетъ и въ наши дни.

При составленіи книги мы пользовались слѣдующими источниками: *Поморцевъ* — «Воздухоплаваніе и изслѣдованіе атмосферы». С.-Петербургъ. 1897—1898 гг. *Lecornu*—«La navigation aèrienne». Paris. 1903. *Tissandier* — «Histoire des ballons et des aeronautes célèbres». Paris. 1887—1890. *Linke*—«Moderne Lutschiffahrt». Berlin. 1903. *Lecornu*— «Les cerfs-volants». Paris. 1902, а также нѣкоторыми періодическими изданіями, посвященными вопросамъ воздухоплаванія. При составленіи историческаго очерка мы руководствовались, главнымъ образомъ, книгой Lecornu—«La Navigation aèrienne», изъ которой, между прочимъ, заимствованы и рисунки. По ней же сдѣлано большинство, относящихся къ исторической части, цитатъ и ссылокъ.

ОТДѢЛЪ I.

Краткій историческій очеркъ развитія воздухоплаванія съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XIX вѣка.

Глава I.

Глубокая древность идеи авіаціи.—Миѳологическія указанія.—Голубь Архита *Средніе вѣка.*—Мальмсбери, Роджэръ Беконъ.—Данте изъ Перуджи. Орелъ Регіомонтана.—Леонардо да Винчи.—*XVII вѣкъ:* книга Фауста Веранчіо.—Проэкты Лана.—Крылья Бенье.—Борелли. Романы Сирано де-Бержерака.—*XVIII вѣкъ:* Легенда о Лоренцо Гузмао.—Популярность идеи воздухоплаванія во Франціи. Крылья маркиза де-Баквиля.—Бланшаръ.—Мнѣніе Лаланда.

Мысль, или, скорѣе, мечта о возможности подражать птицамъ въ свободномъ подъемѣ и передвиженіи въ воздушной средѣ была не чужда людямъ въ наиболѣе отдаленныя отъ насъ времена, о чемъ свидѣтельствуютъ древніе миѳы многихъ какъ европейскихъ, такъ и неевропейскихъ народовъ. Но наиболѣе яркое выраженіе мысль эта получила въ нѣкоторыхъ преданіяхъ и легендахъ классической древности. Здѣсь, какъ, напр., въ знаменитой легендѣ о Дедалѣ и его сынѣ Икарѣ, столь поэтически переданной Овидіемъ въ его «Метаморфозахъ», можно видѣть уже намеки на попытки практическаго осуществленія этой мечты *).

Къ болѣе опредѣленнымъ указаніямъ на то, что попытки этого рода были извѣстны классической древности, должно быть отнесено изобрѣтеніе греческаго философа и математика Архита Тарентскаго, жившаго въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Ему удалось построить механическаго голубя, который могъ подыматься и держаться на воздухѣ. Вотъ единственный, дошедшій до насъ отрывокъ, упоминающій объ этомъ изобрѣтеніи, заимствованный изъ сочиненія римскаго историка II-го вѣка Авла Геллія: «Наиболѣе знаменитые изъ греческихъ писателей и между прочимъ философъ Фаворинъ, столь старательно собравшій воспоми-

---

*) Напомнимъ читателю миѳъ о Дедалѣ. Дедалъ, аѳинскій скульпторъ, убилъ своего племянника и ученика изъ боязни встрѣтить въ немъ опаснаго соперника въ своемъ искусствѣ, за что былъ осужденъ на изгнаніе аѳинскимъ ареопагомъ. Поселившись на о. Критѣ, владѣніи царя Миноса, онъ выстроилъ для послѣдняго знаменитый лабиринтъ, но навлекъ на себя гнѣвъ Миноса за то, что сдѣлалъ деревяннаго быка для его жены Пасифаи. Миносъ заключилъ Дедала, вмѣстѣ съ его сыномъ Икаромъ, въ лабиринтъ. Желая бѣжать изъ лабиринта, Дедалъ изъ перьевъ и воска приготовилъ крылья для себя и для Икара, прикрѣпилъ ихъ при помощи полотна и улетѣлъ вмѣстѣ съ сыномъ. Но послѣдній при своемъ полетѣ слишкомъ приблизился къ солнцу, отчего воскъ его крыльевъ растаялъ, крылья разсыпались, и Икаръ упалъ въ море, которое съ тѣхъ поръ стало называться его именемъ. Дедалъ же благополучно прибылъ въ Италію.

нанія о старинѣ, утверждали самымъ положительнымъ образомъ, что деревянный голубь, сдѣланный Архитомъ, могъ подниматься на воздухъ при помощи механизма: безъ сомнѣнія онъ держался на воздухѣ, благодаря равновѣсію и приводился въ движеніе посредствомъ скрытаго внутри его воздуха» *). Свѣдѣнія относительно положенія вопроса объ авіаціи въ средніе вѣка, хотя и не могутъ претендовать на полноту и достовѣрность, указываютъ, однако, на то, что возможность летанія не только допускалась выдающимися людьми той эпохи, но что даже многіе изъ нихъ пытались добиться ея осуществленія. Такъ извѣстно, что въ XI-мъ вѣкѣ англійскій бенедиктинецъ Оливьеръ Мальмсбери совершилъ полетъ съ высоты одной башни при помощи крыльевъ, устроенныхъ по образцу крыльевъ Дедала, на основаніи описанія Овидія. Попытка была, конечно, неудачна: монаху удалось избѣжать участи Икара, но пришлось все-таки остаться на всю жизнь безъ ногъ.

Въ XIII вѣкѣ знаменитый Рожеръ Беконъ высказываетъ мысль о возможности построить летательную машину. Въ одномъ изъ своихъ наиболѣе любопытныхъ произведеній: «О секретныхъ произведеніяхъ искусства и природы» («De secretis operibus artis et naturae»), онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Можно построить лодку, плавающую безъ гребцовъ, большой корабль, ведомый однимъ лишь человѣкомъ и двигающійся съ большею скоростью, нежели корабли со множествомъ матросовъ; наконецъ, можно построить летательную машину, сидя въ центрѣ которой, человѣкъ будетъ вертѣть лишь одну ручку (revolvens aliquod ingenium), и она приведетъ въ движеніе бьющіе по воздуху крылья «подобно крыльямъ птицъ». Немного дальше, чтобы подкрѣпить высказанную имъ мысль, онъ описываетъ летательную машину, нѣсколько напоминающую надѣлавшую столько шума въ 1782 г. машину Бланшара.

Вѣкъ спустя послѣ Бекона итальянскій математикъ Данте изъ Перуджи, если вѣрить современнымъ ему хроникерамъ, изобрѣлъ родъ крыльевъ, строго пропорціональныхъ съ вѣсомъ его собственнаго тѣла, и успѣшно пользовался ими при своихъ полетахъ надъ Тразименскимъ озеромъ. Опыты его окончились впрочемъ неудачно, такъ какъ при одномъ изъ его публичныхъ полетовъ, по случаю какого-то торжества въ Венеціи, у него сломалось одно изъ крыльевъ, и онъ упалъ на крышу церкви, причемъ сломалъ себѣ бедро.

Въ серединѣ XV вѣка знаменитый нѣмецкій математикъ Іоганнъ Мюллеръ, прозванный Регіомонтаномъ, если вѣрить довольно смутнымъ преданіямъ, изобрѣлъ будто бы желѣзнаго орла, который не только свободно леталъ по воздуху, но, пролетѣвъ разстояніе въ 500 шаговъ, могъ возвращаться къ мѣсту отправленія. За отсутствіемъ болѣе точныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ, трудно составить сколько-нибудь опредѣленное представленіе объ изобрѣтеніи Регіомонтана, но что оно не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, за это говоритъ существованіе аналогичныхъ и даже тожественныхъ механизмовъ въ наше время, каковы, напр., искусственныя птицы доктора Гюро де-Вильнева.

Въ концѣ XV вѣка идея авіаціи изъ области сомнительныхъ опытовъ и болѣе или менѣе смутныхъ теоретическихъ претставленій, благодаря трудамъ геніальнаго Леонардо да Винчи, переносится сразу на строго научную почву. Изъ многочисленныхъ работъ этого всеобъ-

---

*) Aulus Gellius „Noctes atticae“ (цитировано по французскому переводу Nisard'a „Nuits attiques“ X, 12).

емлющаго генія, касающихся авіаціи, до насъ дошелъ, къ сожалѣнію, лишь одинъ отрывокъ изъ его мемуара, да нѣсколько набросковъ, изображающихъ проектъ летательной машины. Но и то немногое, что сохранилось изъ работъ Леонардо, даетъ намъ ясное понятіе какъ о раціональности и строгой научности метода, которымъ онъ пользовался для рѣшенія этого вопроса, такъ и о глубинѣ и смѣлости его мысли. Леонардо исходилъ прежде всего изъ наблюденія и изученія законовъ, управляющихъ полетомъ птицъ, причемъ онъ первый установилъ, что, при полетѣ, птица находитъ точку опоры въ воздухѣ же, «*дѣлая эту жидкость (воздухъ) болѣе густою тамъ, гдѣ она не летитъ, нежели тамъ гдѣ она летитъ*». Установивъ, такимъ образомъ принципъ вліянія скорости на способность держаться въ воздухѣ, Леонардо на нѣсколько столѣтій упредилъ идеи современныхъ намъ теоретиковъ, которые всѣ (сэръ Келэ, Марей, Пено, Венгамъ) единогласно полагаютъ этотъ принципъ въ основу теоріи полета. Изъ набросковъ *), сдѣланныхъ Леонардо (см. рис. 1, 2 и 3), видно, что онъ построилъ или думалъ построить летательную машину, приводимую въ дѣйствіе силою человѣка. Въ виду интереса и важности этого документа для исторіи воздухоплаванія, мы приведемъ объясненіе этихъ набросковъ, сдѣланное докторомъ Гюро де Вильневомъ **).

«Допуская a priori, въ виду многочисленныхъ опытовъ, что человѣкъ не обладаетъ достаточной силой, чтобы подняться съ земли на воздухъ, посмотримъ, какими средствами хотѣлъ воспользоваться Леонардо да-Винчи, считавшій силу человѣка достаточной для подъема. Изучивъ полетъ птицъ съ тою тонкостью наблюденія, которая послѣ него была достигнута, можетъ быть, однимъ лишь сэромъ Келэ, онъ нашелъ, что подражаніе крыльямъ птицъ было бы черезчуръ затруднительно, и потому нужно стараться подражать крыльямъ летучихъ мышей. По рисункамъ мы можемъ слѣдить за ходомъ мысли ихъ автора, который исходя изъ мистической идеи, приходитъ къ чисто механическимъ примѣненіямъ: и дѣйствительно, мы видимъ въ углу съ лѣвой стороны 1-го рисунка фигуру, похожую на демона или генія съ огненнымъ языкомъ на головѣ и латинскимъ крестомъ рядомъ съ этимъ языкомъ. Фигура изображена въ стоячемъ положеніи: она ничуть не напоминаетъ ангеловъ, снабженныхъ антифизіологическими крыльями, лишенными двигательныхъ мышцъ. Напротивъ, руки ея оканчиваются пальцами летучей мыши. Не успѣвъ еще закончить эту фигуру, Леонардо уже чувствуетъ недостаточность мышечной силы рукъ и хочетъ воспользоваться мышцами ногъ; поэтому, немного ниже первой фигуры, вправо отъ нея, мы видимъ вторую фигуру человѣка, лежащаго на животѣ и готоваго сдѣлать сильный толчекъ ногами. Въ небрежно сдѣланномъ набросках чувствуется карандашъ великаго художника и знатока анатоміи. Въ этомъ наброскѣ Леонардо не придумалъ еще, повидимому, способа прикрѣпленія крыльевъ, но въ слѣдующемъ онъ начинаетъ уже разработку деталей конструкціи. Загнутый въ форму вьючнаго сѣдла стержень долженъ покоиться на спинѣ, руки же должны опираться на его концы. Наверху сѣдла сдѣланы два кольца, къ которымъ при помощи двухъ другихъ колецъ прикрѣпляются основанія крыльевъ. Этотъ способъ артикуляціи крыльевъ очень простъ и позволяетъ крылу совершать ограниченныя вращательныя движенія около его оси. При

*) Наброски эти хранятся въ валансьенскомъ музеѣ.
**) Журналъ „l'Aéronaute", сентябрь 1874 г.

помощи двухъ стержней сѣдло соединено съ полупоясомъ, помѣщающимся позади таліи. На обоихъ концахъ сѣдла находится по блоку, черезъ которые пропущены веревки, оканчивающіяся стременами для ногъ; стремена служатъ для опусканія крыльевъ. Крылья поднимаются при помощи двухъ деревянныхъ стержней, приводимыхъ въ движеніе руками. Хвостъ прикрѣпленъ къ стержню, помѣщенному между ногъ. Но здѣсь, повидимому, умъ изобрѣтателя былъ смущенъ слѣдующею мыслью: при опусканіи крыльевъ они будутъ находить достаточную

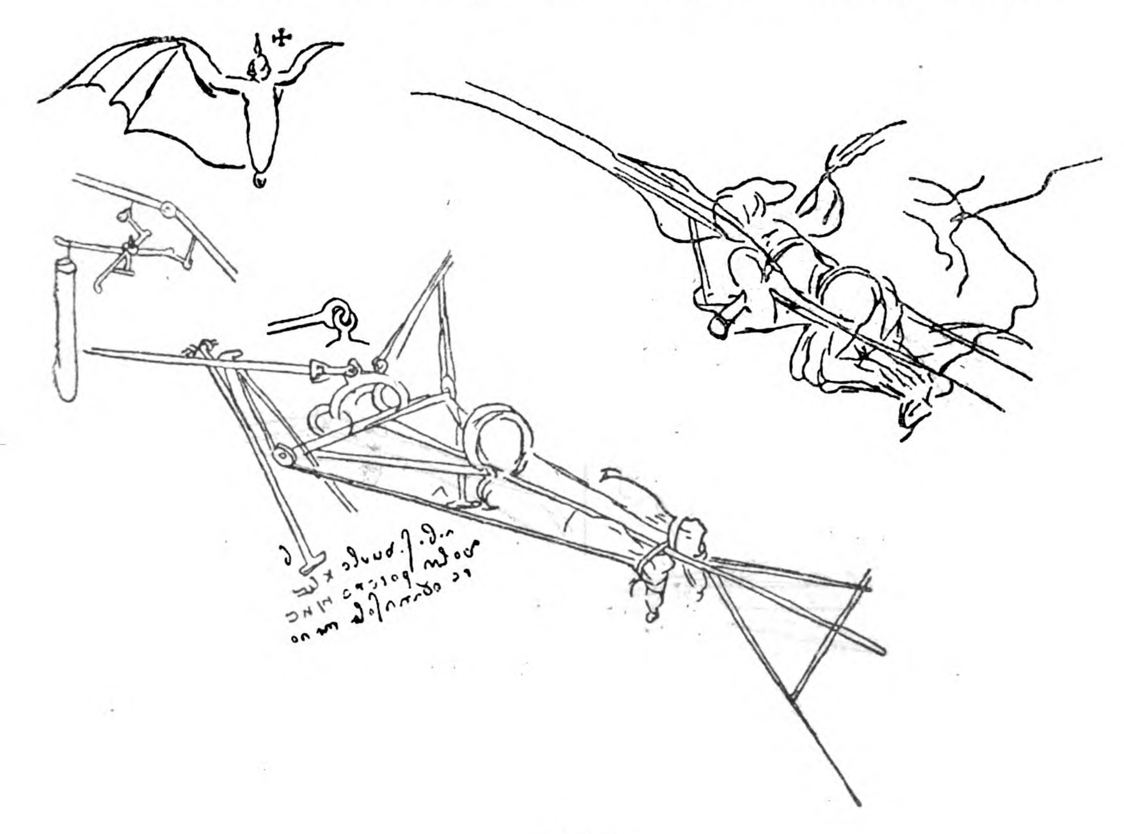


Рис. 1.

опору въ воздухѣ, при поднятіи же эффектъ, достигаемый опусканіемъ, будетъ уничтожаться. Леонардо старается устранить это неудобство. Съ этою цѣлью пальцы своей летучей мыши онъ артикулируетъ такимъ образомъ, чтобы они могли сгибаться ниже горизонтальной плоскости и не могли подниматься надъ нею. На рисункѣ 2-мъ изображены различные способы артикуляціи: при помощи возвратныхъ блоковъ, рычаговъ и шарньеръ. Наконецъ, послѣ этого ряда идей Леонардо задается вопросомъ, не лучше ли пользоваться одной ногой для опусканія крыльевъ, а другой для поднятія ихъ. Эта идея иллюстрируется на 3-мъ рисункѣ. Здѣсь мы видимъ, какъ правая нога въ одно и то же время поднимаетъ крыло и сгибаетъ суставы при помощи возвратнаго блока, тогда какъ лѣвая нога приготовляется опустить оба крыла, освобождая суставы. Немного повыше находятся детали крыла и его суставовъ.

Но эта идея, какъ менѣе удачная, скоро оставляется, и Леонардо стремится конструировать нѣчто въ родѣ летающей лодки, въ которой нѣсколько человѣкъ, работая рычагами, приводятъ въ движеніе огромныя крылья (рис. 4). Этотъ же проектъ, съ небольшими измѣненіями, повторенъ въ уменьшенномъ масштабѣ на правой сторонѣ рисунка».

Но роль Леонардо да-Винчи въ исторіи воздухоплаванія не ограничивается только этими работами. Ему принадлежитъ также честь изобрѣтенія геликоптера и парашюта. На одномъ изъ его манускриптовъ, найденныхъ въ аброзіанской библіотекѣ въ Миланѣ, фигурируетъ рисунокъ геликоптера, состоящаго изъ винта съ широкими лопастями, вращающагося на вертикальной оси. Внизу и по бокамъ рисунка находятся слѣдующія замѣтки, написанныя по-итальянски обратнымъ почеркомъ *):

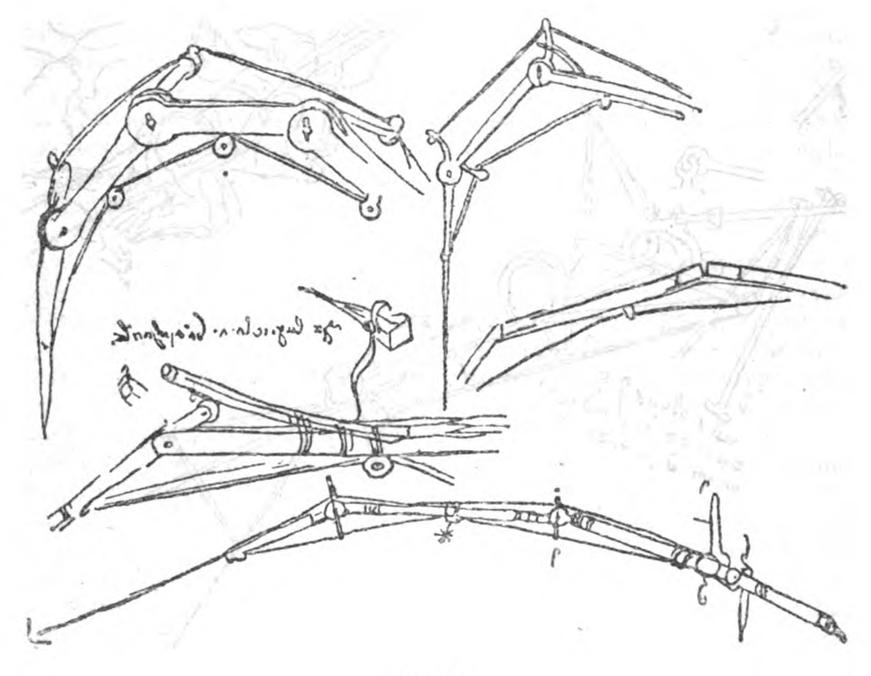


Рис. 2.

«Скелетъ винта долженъ быть сдѣланъ изъ желѣзной проволоки толщиною въ веревку, разстояніе окружности отъ центра должно равняться 12-ти метрамъ. Если приборъ этотъ сдѣланъ хорошо, т.-е. изъ полотна, поры котораго тщательно замазаны крахмаломъ, то я думаю, что при вращеніи его съ извѣстной скоростью, такой винтъ опишетъ въ воздухѣ свою гайку и поднимется вверхъ. Въ этомъ ты легко можешь убѣдиться, разсѣкая воздухъ широкою, тонкою линейкою: тогда твоя рука будетъ вынуждена слѣдовать направленію ребра линейки. Остовъ для полотна долженъ быть сдѣланъ изъ длиннаго толстаго камыша. Можно сдѣлать небольшую модель изъ бумаги съ осью изъ

*) Леонардо да-Винчи, какъ извѣстно, былъ лѣвша и писалъ такъ называемымъ зеркальнымъ письмомъ, т.-е. справа налѣво.

туго скрученной металлической пластинки. Если пластинку предоставить самой себѣ, то она заставитъ винтъ вращаться».

Изъ этого текста слѣдуетъ, что Леонардо да Винчи не только разработалъ проектъ большого геликоптера, но что онъ построилъ и дѣлалъ опыты съ небольшими моделями, аналогичными съ тѣми маленькими приборами съ резиновой пружиной, которые въ наше время изобрѣтены А. Пэно.

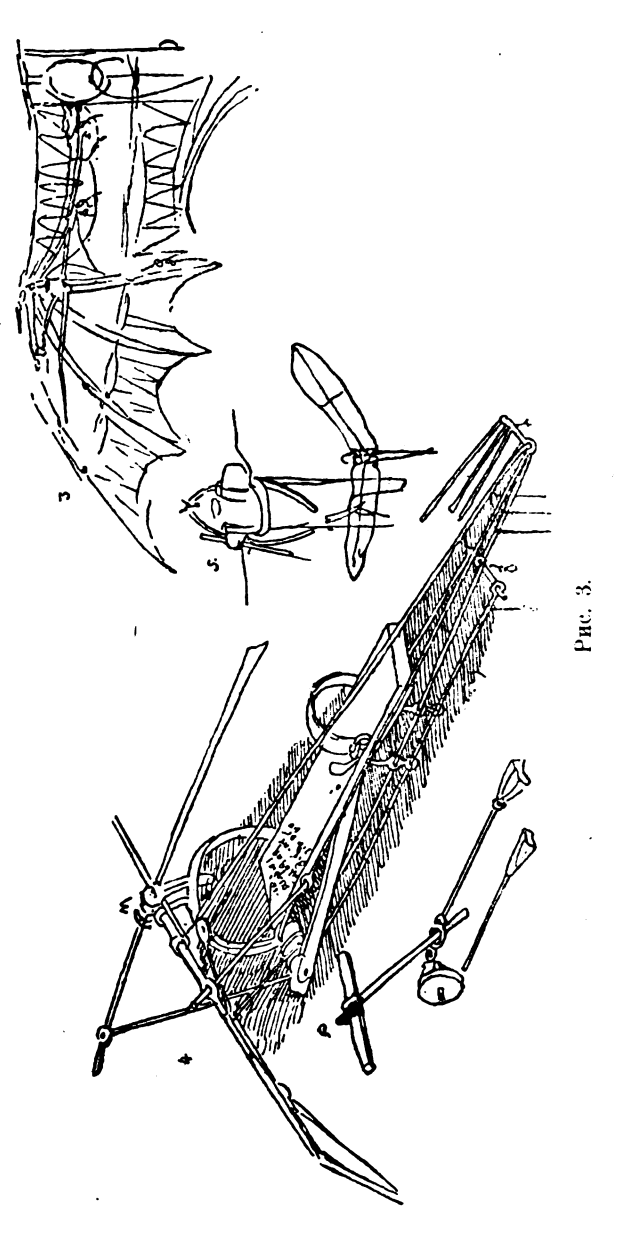


Рис. 3.

Что касается парашюта, то рисунокъ и описаніе его находится въ собраніи произведеній Леонардо да Винчи, изданномъ въ 1872 г. въ Миланѣ подъ заглавіемъ «Saggio delle Opere di Leonardo da Vinci въ главѣ—Leonardo letterato e scienziato».

«Если, — говоритъ Леонардо по этому поводу, — у человѣка имѣется парусинная палатка, каждая сторона которой имѣетъ по 20 метровъ въ ширину и высота которой равна также 20 метрамъ, то онъ можетъ броситься съ какой угодно высоты, не рискуя подвергнуть себя ни малѣйшей опасности».

Сказаннымъ достаточно опредѣляется роль и значеніе Леонардо въ исторіи воздухоплаванія. Онъ по праву можетъ считаться творцомъ научныхъ основъ динамическаго воздухоплаванія, а многія изъ высказанныхъ имъ мыслей являются геніальнымъ провидѣніемъ научныхъ открытій и завоеваній, совершенныхъ спустя лишь нѣсколько вѣковъ послѣ его смерти.

Изъ всѣхъ идей Леонардо, касающихся воздухоплаванія, лишь идеѣ парашюта посчастливилось возбудить интересъ, если не въ современ-

никахъ Леонардо, то въ ихъ ближайшихъ потомкахъ. Идея парашюта, несомнѣнно, была уже подвергнута опытной повѣркѣ до 1617 г., когда нѣкій Фаустъ Веранчіо издалъ въ Венеціи сборникъ машинъ. Въ сборникѣ этомъ фигурируетъ между прочимъ рисунокъ

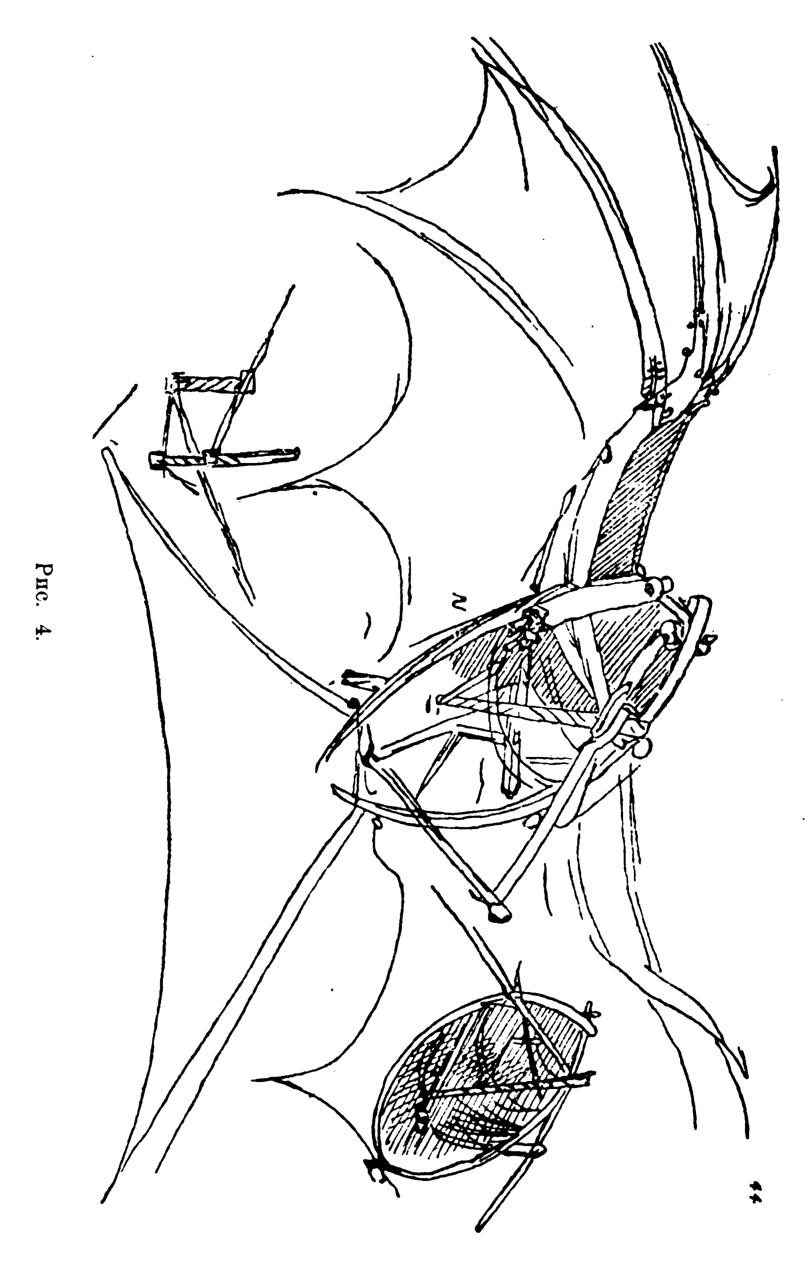


Рис. 4.

парашюта (см. рис. 5), снабженный слѣдующимъ описаніемъ. «Если квадратный парусъ прикрѣпить къ четыремъ равнымъ палкамъ, а къ угламъ ихъ привязать четыре веревки, то держась за нихъ человѣкъ смѣло можетъ броситься съ высоты какой-угодно башни или другого

возвышеннаго пункта: потому что если даже нѣтъ вѣтра, то тяжесть падающаго вызоветъ вѣтеръ, который, удерживая его, не дастъ ему упасть и позволитъ спуститься постепенно. Человѣкъ долженъ сообразоваться съ величиной паруса».

Точность и ясность этого описанія, равно какъ и сопровождающій его рисунокъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что опытъ дѣйствительно былъ произведенъ, если не самимъ Веранчіо, на что нѣтъ положительныхъ указаній въ его книгѣ, то кѣмъ-нибудь изъ его современниковъ.

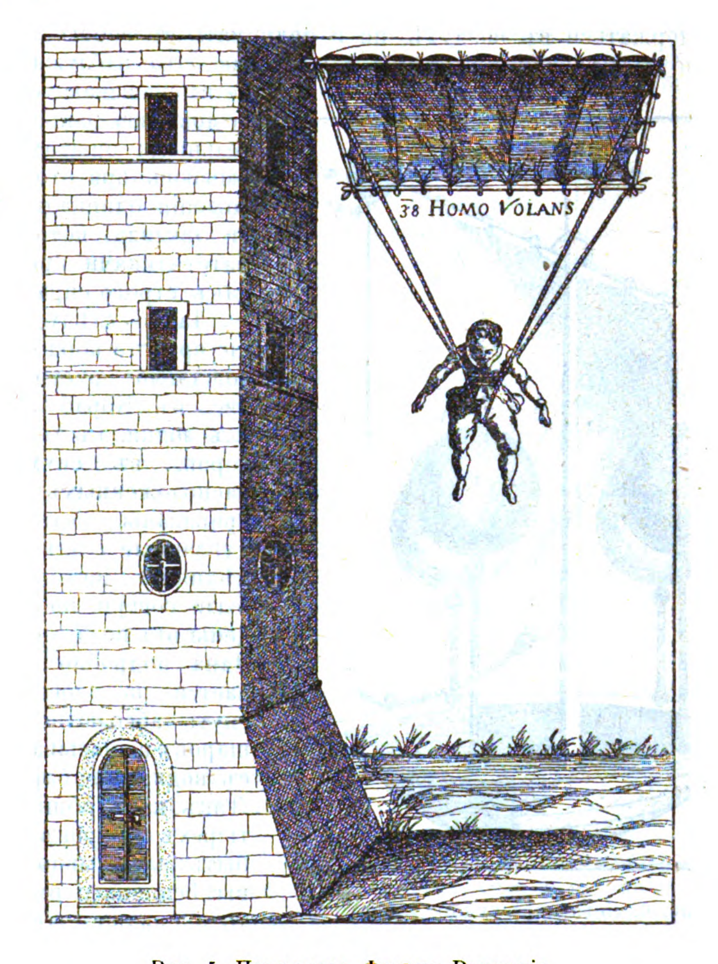


Рис. 5. Парашютъ Фауста Веранчіо.

Во второй половинѣ XVII-го вѣка впервые появляется мысль о возможности примѣненія къ воздухоплаванію принциповъ аэростатики. Мысль эта была высказана итальянскимъ физикомъ іезуитомъ Лана въ его книгѣ, появившейся въ 1670 г. подъ заглавіемъ: «Prodromo onero saggio di alcune inventioni nuove premesso all arte maestra opera che prepara il P. Francesco Lana Bresciano—della compagnia di Giesu». Въ одной изъ главъ этой книги объ «устройствѣ корабля, который удерживается и плаваетъ въ воздухѣ при помощи веселъ и парусовъ

и о доказательствахъ возможности практическаго осуществленія этого проекта», Лана между прочимъ говоритъ: «Мысль, что возможно построить корабль, двигающійся по воздуху, подобно кораблю плавающему по водѣ, никогда не приходила людямъ въ голову, потому что до сихъ поръ считалось немыслимымъ осуществленіе такой машины, которая могла бы быть легче воздуха: условіе необходимое для полученія желательнаго эффекта. Изощряясь всегда надъ изобрѣтеніями наиболѣе трудныхъ вещей, послѣ долговременнаго изученія предмета, я думаю, что нашелъ средство построить машину, по существу болѣе легкую, чѣмъ воздухъ, которая, благодаря своей легкости, не только можетъ держаться въ воздухѣ, но и поднимать съ собою людей или какую-нибудь другую тяжесть; и я не думаю, что заблуждаюсь, ибо не высказываю того, чего я не доказалъ раньше положительными опытами, и основываюсь при этомъ на положеніи одиннадцатой книги Эвклида, которое всѣми математиками принимается, какъ строго справедливое».

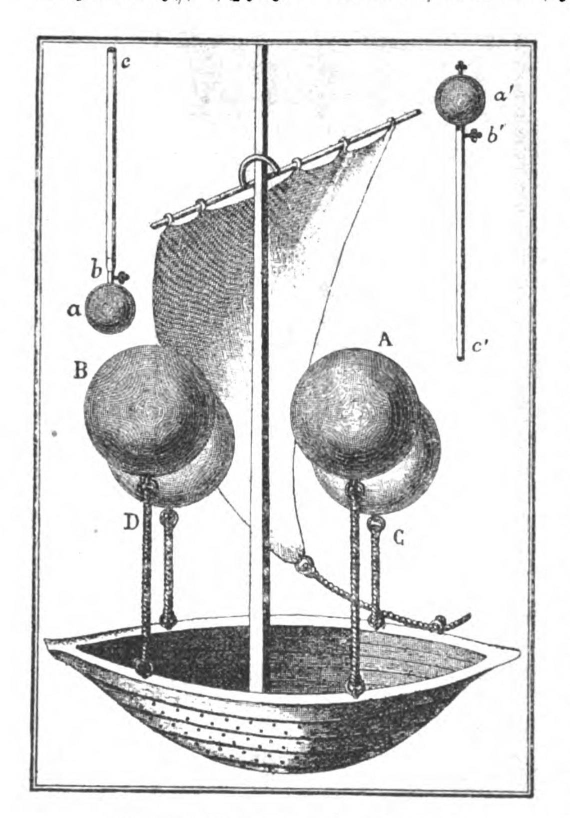


Рис. 6. Летающее судно Лана.

Далѣе слѣдуетъ описаніе проекта корабля, сопровождаемое русункомъ (см. рис. 6). Корабль состоитъ изъ лодки, къ бортамъ которой, въ симметрически расположенныхъ пунктахъ, привязаны четыре шара, сдѣланные изъ тонкихъ мѣдныхъ листовъ. Шары были совершенно освобождены отъ воздуха, при чемъ Лана подробно останавливается на способѣ достигнуть абсолютной пустоты шаровъ и описываетъ опытъ съ водянымъ барометромъ. Такъ какъ общій вѣсъ четырехъ шаровъ долженъ быть значительно легче вѣса вытѣсняемаго ими воздуха, то очевидно, что разность между этими двумя вѣсами будетъ составлять подъемную силу корабля, которая при извѣстномъ благопріятномъ отношеніи къ ней вѣса корабля и его груза, подниметъ корабль на воздухъ. Направленіе корабля будетъ сообщаться парусомъ. Разумѣется, проектъ Лана осуществленъ быть не могъ, такъ какъ при той тонкости стѣнокъ мѣдныхъ шаровъ *), при которой они могли бы обладать достаточной подъемной силой, пустота достигнута быть не можетъ: шары тотчасъ же будутъ сплющены атмосфернымъ давленіемъ. Но въ проектѣ Лана важна идея

*) Лана предполагалъ толщину стѣнокъ въ $1/9$ мм. при діаметрѣ шаровъ въ $7\frac{1}{2}$ метровъ!

примѣненія къ воздухоплаванію аэростатичтскаго принципа, идея возможности шара болѣе легкаго, нежели воздухъ, и съ этой стороны Лана справедливо можетъ считаться предшественникомъ изобрѣтателей аэростатовъ.

Характерно, между прочимъ, заключеніе, которымъ Лана заканчиваетъ изложеніе своего проекта. «Я не вижу,—говоритъ онъ,—возраженій, которыя могли бы бытѣ сдѣланы противъ этой идеи, кромѣ одного, которое я считаю самымъ важнымъ: а именно, что Богъ не пожелаетъ допустить практическаго осуществленія ея, въ виду тѣхъ послѣдствій, какія она можетъ имѣть для гражданскаго и политическаго правленія народовъ, такъ какъ для всякаго ясно, что тогда не будетъ государства, которое было бы застраховано отъ непріятныхъ неожиданностей, ибо такой корабль, спустившись по прямой линіи на одно изъ укрѣпленій этого государства, можетъ высадить тамъ своихъ солдатъ».

Восемь лѣтъ спустя послѣ опубликованія проекта Лана, во французскомъ «Журналѣ ученыхъ» (Journal des sçavans du lundi 12 décembre, MDLXXVIII) появилось возбудившее всеобщее вниманіе извѣстіе о летательномъ снарядѣ нѣкоего Бенье, механика-слесаря изъ французскаго города Сабля. Снарядъ этотъ (см. рис. 7) состоялъ изъ двухъ длинныхъ палокъ, которыя укрѣплялись параллельно на плечахъ и къ обоимъ концамъ которыхъ были придѣланы по двѣ складныхъ лопасти, состоящихъ изъ рамки, обтянутой парусиной. Лопасти складывались сверху внизъ и приводились въ движеніе — переднія руками, а заднія ногами при посредствѣ двухъ веревокъ, причемъ, въ то время какъ правыя переднія и лѣвыя заднія лопасти поднимались, противоположныя имъ другія двѣ пары опускались. «Онъ не утверждаетъ, — говорится о Бенье въ вышеупомянутомъ журналѣ,—что при помощи своей машины можетъ подниматься съ земли на воздухъ или очень долго удерживаться въ воздухѣ, въ виду недостаточности силы и быстроты, необходимыхъ для частаго и сильнаго удара этого рода крыльевъ, но утверждаетъ, что, отправляясь съ умѣренно возвышеннаго пункта, онъ свободно перелетитъ черезъ рѣку значительной ширины и что онъ уже пролеталъ значительныя разстоянія съ различныхъ высотъ.

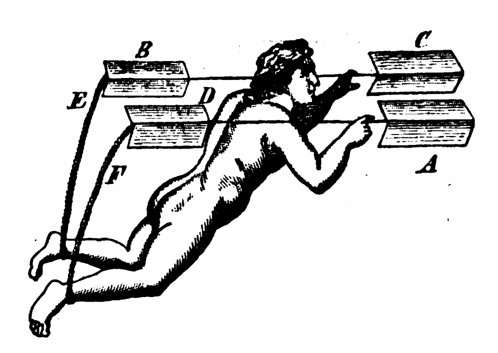


Рис. 7. Крылья Бенье.

Сперва онъ началъ спускаться со скамьи, затѣмъ со стола, далѣе изъ окна перваго, изъ окна второго этажа и, наконецъ, съ высоты чердака одного дома, причемъ ему пришлось перелетѣть черезъ крыши сосѣднихъ домовъ, и упражняясь такимъ образомъ исподволь, онъ довелъ свою машину до степени совершенства, на которой она находится въ настоящее время».

По мнѣнію Лекорню *), рисунокъ, сопровождающій описаніе снаряда Бенье, неточенъ и даетъ лишь схему этого снаряда, опыты съ которымъ несомнѣнно производились и были до извѣстной степени успѣшны.

*) Lecornu. „La navigation aerienne", p. 21.

Интересно отмѣтить, что авторъ только что цитированной статьи изъ «Журнала ученыхъ» совѣтовалъ придѣлать къ крыльямъ снаряда Бенье «что-нибудь очень легкое, а въ то же время объемистое, чтобы уравновѣсить въ воздухѣ тяжесть человѣка». Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ идеей примѣненія къ воздухоплаванію принципа Архимеда.

Къ концу XVII-го столѣтія относятся и теоретическія работы по воздухоплаванію знаменитаго итальянскаго ученаго Борелли. Выдающійся физіологъ и математикъ въ одно и то же время, Борелли много занимался теоріей полета птицъ, и въ 1680 году опубликовалъ мемуаръ «О движеніи животныхъ» («De motu animalium»), въ которомъ даетъ чисто механическую теорію дѣйствія крыльевъ птицъ.

Вотъ что говоритъ о его работахъ извѣстный современный теоретикъ авіаціи Петигревъ *):

«Онъ былъ хорошо знакомъ съ свойствами клина въ приложеніи къ полету птицъ, зналъ свойства гибкости и упругости крыльевъ... Онъ изобразилъ птицу съ искусственными крыльями, состоящими изъ неупругой палочки, къ которой прикрѣплены гибкія крылья. Я считаю умѣстнымъ воспроизвести этотъ рисунокъ Борелли, какъ въ виду его историческаго интереса, такъ и потому, что онъ удивительно ясно поясняетъ мысль автора. Крылья b, c, f и a (см. рис. 8) представлены двигающимися вертикально внизъ по направленію gh. Они замѣчательно совпадаютъ съ крыльями, описанными Штраусомъ-Дюркгеймомъ, Жираромъ и недавно профессоромъ Мареемъ. Борелли полагаетъ, что полетъ обусловливается приложеніемъ наклонной плоскости, ударяющей по воздуху и играющей роль клина. И дѣйствительно онъ усиливается доказать, что птица двигается въ воздухѣ, благодаря перпендикулярнымъ колебаніямъ своихъ крыльевъ, которыя во время ихъ дѣйствія образуютъ клинъ съ съ основаніемъ, помѣщающимся близъ головы птицы, и вершиною—у ея хвоста».

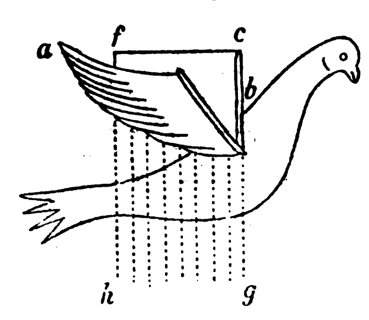


Рис. 8. Птица Борелли.

Клинъ этотъ, входя въ воздухъ, разсѣкаетъ его, но, на основаніи закона дѣйствія и противодѣйствія, самъ испытываетъ давленіе воздуха на свои боковыя плоскости, которое стремится оттолкнуть клинъ въ сторону его основанія.

«Если,—говоритъ Борелли **),—воздухъ, находящійся подъ крыльями, ударяется гибкими частями послѣднихъ, движущимися въ вертикальной плоскости, то эти гибкія части подадутся вверхъ, образуя клинъ, вершина котораго будетъ обращена къ хвосту птицы. Такимъ образомъ, будетъ ли крыло ударять въ воздухъ сверху или, наоборотъ, воздухъ напирать на крыло снизу, результатъ получится одинъ и тотъ же: заднія гибкія части крыла будутъ устремляться вверхъ, и птица будетъ получать толчки въ горизонтальномъ направленіи».

Далѣе Борелли подвергаетъ разбору и опровергаетъ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, сравнивавшихъ движенія крыльевъ птицы съ движеніемъ

*) „La locomotion chez les animaux ou marche, natation et vol“ par Bell Petigrew. Paris.

**) „De motu animalium“.

лодочныхъ веселъ, отталкивающихъ воду назадъ, чѣмъ и обусловливается будто бы поступательное движеніе лодки. «Это, — говоритъ онъ, — находится въ противорѣчіи со свидѣтельствомъ нашего ума и нашихъ глазъ: ибо мы видимъ, что породы крупныхъ птицъ, каковы, напр., лебеди, гуси и пр., при полетѣ никогда не производятъ горизонтальныхъ движеній крыльями, подобно весламъ, но сгибаютъ ихъ книзу и такимъ образомъ описываютъ ими окружности, перпендикулярныя къ горизонту».

Говоря о развитіи и успѣхахъ идеи воздухоплаванія въ XVII-мъ вѣкѣ, нельзя не отмѣтить того интереснаго факта, что идея эта изъ узкой сферы ученыхъ изслѣдованій начинаетъ понемногу проникать въ болѣе широкіе круги образованныхъ людей того времени. Этому способствуетъ отчасти появленіе въ эту эпоху фантастическихъ романовъ, въ которыхъ описываются путешествія и полеты въ надзвѣздныя сферы при помощи разнаго рода летательныхъ машинъ и приспособленій. Однимъ изъ первыхъ произведеній этого рода былъ романъ англичанина Френсиса Годвина, появившійся въ 1648 году. Романъ этотъ носилъ заглавіе: «Человѣкъ на лунѣ, или химерическое путешествіе, совершенное въ лунный міръ, открытый недавно испанскимъ авантюристомъ Доминикомъ Гонзалесомъ, прозваннымъ летающимъ гонцомъ», и описывалъ приключенія героя, который при помощи прирученныхъ гусей былъ перенесенъ въ ѳеирныя сферы. Наибольшимъ же успѣхомъ въ эту эпоху пользовались романы извѣстнаго Сирано де-Бержерака, поэта, ученаго и авантюриста, всесторонне и высоко одареннаго человѣка, бурная жизнь котораго послужила сюжетомъ для извѣстной драматической поэмы Ростана. Въ своихъ романахъ (одинъ изъ нихъ называется «Путешествіе на луну» и написанъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ книги Годвина, другой, наиболѣе замѣчательный — «Комическая исторія государствъ и имперій солнца») онъ подробно останавливается на описаніи способовъ совершать воздушныя путешествія, обнаруживая при этомъ недюжинный талантъ изобрѣтателя и обширныя познанія въ физикѣ и механикѣ. Между прочимъ, въ одномъ изъ такихъ описаній Сирано близко подходитъ къ идеѣ воздушнаго шара съ нагрѣтымъ воздухомъ.

Обыкновенно ближайшимъ предшественникомъ Монгольфьеровъ считаютъ бразильскаго патера дона Бартоломео-Лоранцо Гузмао Ему приписываютъ первый хотя и не совсѣмъ удачный, опытъ съ воздушнымъ шаромъ, наполненнымъ нагрѣтымъ воздухомъ, — опытъ, который былъ произведенъ имъ при дворѣ португальскаго короля Іоанна V въ 1709 году. Однако въ послѣднее время путемъ сопоставленія различныхъ документовъ, относящихся сюда, удалось выяснить слѣдующее: 1) имя донъ Бартоломео-Лоренцо Гузмао принадлежитъ двумъ совершенно различнымъ лицамъ, изъ которыхъ одно—Бартоломео-Лоренцо—былъ бразильскій монахъ, другое—Гузмао или Гусманъ— ученый физикъ; 2) оба они, дѣйствительно, занимались вопросами воздухоплаванія и дѣлали опыты, но опыты эти не имѣютъ ничего общаго между собою, и опытъ Гузмао былъ произведенъ 25 лѣтъ спустя послѣ опыта Лоренцо; 3) въ 1709 г. Лоренцо, дѣйствительно, демонстрировалъ въ присутствіи португальскаго короля въ Лиссабонѣ летательную машину, рисунокъ которой сохранился въ отдѣленіи эстамповъ національной библіотеки въ Парижѣ (см. рис. 9), но машина Лоренцо не имѣла ничего общаго съ воздушнымъ шаромъ, какъ это видно и изъ прилагаемаго рисунка, и судя по нѣкоторымъ даннымъ, подъемъ ея про-

изводился при помощи взрывовъ ракетъ: «При помощи нѣкоторыхъ горючихъ матеріаловъ, которые были подожжены самимъ изобрѣтателемъ», какъ выражается одинъ изъ присутствовавшихъ при опытѣ; 4) ни опытъ Лоренцо, ни опытъ Гузмао успѣха, во всякомъ случаѣ, не имѣли. Таковы, повидимому, факты изъ которыхъ создалась легенда о Гузмао, какъ о предшественникѣ Монгольфьеровъ. Въ серединѣ XVIII-го вѣка идея воздухоплаванія становится особенно популярною во Франціи. Изъ газетъ и журналовъ того времени можно видѣть, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ образованная часть французскаго общества слѣдитъ за появленіемъ различныхъ проектовъ и опытовъ, касающихся воздухоплаванія. Насколько близкимъ считалось окончательное рѣшеніе проблемы и насколько ясными представлялись въ то время измѣненія въ условіяхъ общественной и частной жизни, которыя будутъ вызваны воздухоплаваніемъ,—показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ курьезнаго мемуара извѣстнаго начальника маркиза д'Аржансона.

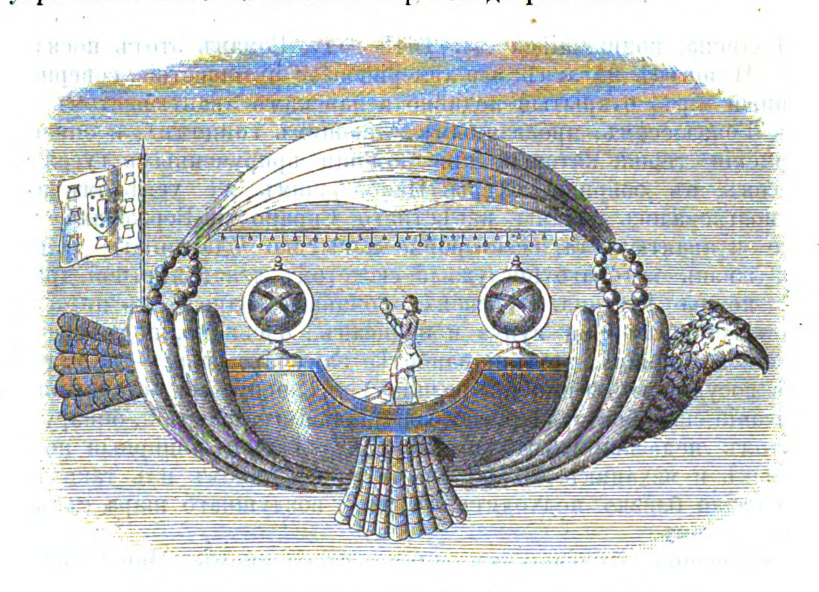


Рис. 9. Летательная машина Бартоломео Лоренцо.

«Я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что одно изъ первыхъ открытій, которое будетъ сдѣлано, можетъ быть, въ нашемъ вѣкѣ—это искусство летать по воздуху. Этимъ способомъ люди будутъ путешествовать быстро и съ удобствами, будутъ даже перевозить товары на большихъ летающихъ корабляхъ.

«Будутъ воздушныя арміи. Наши теперешнія фортификаціи сдѣлаются безполезными. Охрана имущества, честь женщинъ и дѣвушекъ подвергнутся большой опасности, если не будутъ учреждены воздушные патрули, которые обрѣжутъ крылья нахаламъ и разбойникамъ. Артиллеристы научатся, однако, стрѣлять въ летъ. Для королевства потребуется новая должность государственнаго секретаря воздушныхъ силъ **)». Видимо, образованный полицейскій боялся оказаться не на высотѣ положенія.

*) Lecornu. „La navigation aerienne“, стр. 23 и слѣд.
**) Lecornu „La navigation aerienne“, стр. 32.

Въ проектахъ разнаго рода летательныхъ машинъ и опытахъ съ ними, какъ мы уже упомянули, недостатка въ то время не было и характерно то обстоятельство, что большинство этихъ проектовъ принадлежитъ уже не спеціалистамъ ученымъ, а диллетантамъ изъ различныхъ слоевъ образованнаго общества, начиная съ третьяго сословія и кончая высшей аристократіей.

Мы остановимся лишь на проектахъ и опытахъ маркиза Баквиля и Бланшара, который впослѣдствіи, съ изобрѣтеніемъ воздушныхъ шаровъ, пріобрѣлъ всемірную извѣстность своими многочисленными и смѣлыми полетами.

Въ 1742 г. маркизъ Баквиль, которому въ то время было уже шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, объявилъ, что въ извѣстный день онъ произведетъ при помощи изобрѣтенныхъ имъ крыльевъ воздушный полетъ изъ окна своего отеля, расположеннаго на лѣвомъ берегу Сены, причемъ онъ обѣщалъ перелетѣть черезъ Сену и спуститься въ Тюльерійскомъ саду. Въ назначенный день огромныя толпы народа, жаждущія взглянуть на столь необычайное зрѣлище, запрудили оба берега Сены и ближайшіе къ саду мосты. Полетъ состоялся; маркизъ бросился изъ окна и, работая крыльями, направился къ Тюльерійскому саду, пересѣкая наискось Сену. Онъ уже успѣлъ пролетѣть около 300 метровъ, какъ вдругъ его движенія становятся неувѣренными. Затѣмъ полетъ останавливается и маркизъ съ грохотомъ валится на крышу рѣчной бѣльемойки. Благодаря тому, что при паденіи крылья сыграли роль парашюта и значительно ослабили силу паденія, Баквиль отдѣлался лишь переломомъ бедренной кости. Что касается устройства крыльевъ маркиза Баквиля, то извѣстно лишь, что они походили на крылья, съ какими изображаютъ ангеловъ и что величина ихъ была пропорціональна массѣ, которую они поддерживали. Опытъ Баквиля, почти удачный, доказалъ лишній разъ возможность для человѣка парящаго полета.

Бланшаръ былъ механикъ и еще прежде чѣмъ заняться разработкой своей воздушной летательной машины, изобрѣлъ парусную карету, которая имѣла огромный успѣхъ у парижанъ того времени. Удачный дебютъ ободрилъ Бланшара и онъ энергично принялся за осуществленіе своей завѣтной мечты. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу въ «Парижской Газетѣ» отъ 18-го августа 1781 г.

«Идея летающаго экипажа была внушена мнѣ разсказами объ опытахъ маркиза де-Баквиля; если бы этотъ любитель, располагавшій большими средствами зашелъ въ своихъ планахъ такъ же далеко, какъ я, то онъ, навѣрное, создалъ бы шедевръ; къ несчастію первые опыты иногда дѣйствуютъ обезкураживающимъ образомъ, вслѣдствіе чего самыя великолѣпныя вещи погибаютъ въ неизвѣстности.

«Многіе воображаютъ, что во мнѣ говоритъ увлеченіе прожектера и возражаютъ мнѣ, что летаніе не свойственно человѣческой природѣ, а лишь природѣ имѣющихъ опереніе птицъ. Я отвѣчу, что перья вовсе не необходимы для летанія и что для этой цѣли пригодны и другіе покровы. Мухи, бабочки, летучія мыши летаютъ безъ перьевъ и снабжены вѣерообразными крыльями изъ роговиднаго вещества. Значитъ полетъ обусловливается не веществомъ и не формой крыльевъ, а пропорціональностью объема и скоростью движенія ихъ, каковая скорость должна быть весьма значительной.

«Мнѣ возражаютъ также, что даже человѣкъ слишкомъ грузенъ для того, чтобы быть въ состояніи подняться вмѣстѣ съ крыльями,

не говоря уже о кораблѣ, одно названіе котораго вызываетъ мысль о необычайной тяжести. На это я могу сказать, что корабль мой будетъ очень легокъ; что же касается тяжеловѣсности человѣка, то я попрошу обратить вниманіе на то, что говоритъ Бюффонъ въ своей «Естественной исторіи по поводу кондора: «Эта птица, несмотря на огромность собственнаго вѣса, можетъ безъ труда уносить двухлѣтняго теленка, вѣсящаго по меньшей мѣрѣ 100 фунтовъ, причемъ размахъ крыльевъ кондора не превышаетъ 36 футовъ».

«Подъемъ моей машины вмѣстѣ съ проводникомъ зависитъ, такимъ образомъ отъ величины силы которая будетъ дѣйствовать на воздухъ, и которая должна быть пропорціональна тяжести.

«Вотъ въ краткихъ чертахъ объясненіе моей машины, которую черезъ нѣсколько дней я буду имѣть честь описывать болѣе подробно: на крестообразной подставкѣ покоится небольшое судно въ 4 фута длиной и 2 шириной, очень прочное, несмотря на то что оно построено изъ тоненькихъ палочекъ; съ обѣихъ сторонъ судна возвышаются двѣ подставки отъ 6 до 7 футовъ вышины, каждая изъ которыхъ поддерживаетъ по 4 крыла въ 10 футовъ длины; всѣ эти крылья образуютъ зонтъ, имѣющій 20 футовъ въ діаметрѣ и, слѣдовательно, болѣе 60 футовъ въ окружности. Крылья движутся съ поразительной легкостью. Вся машина, несмотря на объемъ, легко можетъ быть поднята двумя людьми».

Вскорѣ послѣ опубликованія этого письма Бланшаръ дѣйствительно демонстрировалъ летательную машину, но это не былъ корабль, о которомъ говорилось въ письмѣ и который на самомъ дѣлѣ былъ построенъ имъ, а приборъ нѣсколько иного типа. Онъ состоялъ изъ двухъ большихъ крыльевъ, напоминающихъ парашютъ, прикрѣпленныхъ къ деревянной рамѣ на которую становился изобрѣтатель. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ Бланшару удалось, наконецъ, подняться на высоту 80 футовъ при помощи скользящаго противовѣса въ 20 фунтовъ. Отсюда слѣдуетъ, что если бы Бланшаръ уменьшилъ вѣсъ прибора всего лишь на 20 фунтовъ или увеличилъ на эквивалентное количество его подъемную силу, то онъ могъ бы воспроизвести подъемъ съ мѣста, т.-е. рѣшить наиболѣе трудную задачу динамическаго воздухоплаванія. Опыты Бланшара сильно разожгли страсти публики, которая раздѣлилась на двѣ противныя партіи: защитниковъ и хулителей Бланшара. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, между прочимъ, знаменитый астрономъ и математикъ Лаландъ, который помѣстилъ по поводу опытовъ Бланшара слѣдующее письмо въ упомянутой выше «Парижской Газетѣ» («Journal de Paris» 23 Mai 1782):

Авторамъ газеты.

«Господи! Вы уже такъ много говорите о летающихъ лодкахъ и вертящихся палочкахъ, что, наконецъ, можно подумать, что вы сами вѣрите во всѣ эти глупости и что ученые, сотрудничающіе въ вашей газетѣ, ничего не имѣютъ сказать, чтобы разсѣять эти абсурды. Позвольте же мнѣ, господа, за ихъ отсутствіемъ, занять нѣсколько строкъ вашей газеты, чтобы увѣрить вашихъ читателей, что если ученые молчатъ, то лишь только изъ презрѣнія.

«Доказана полнѣйшая невозможность для человѣка подняться или даже держаться въ воздухѣ: членъ академіи наукъ Г. Кулонъ (Coulomb) уже болѣе года тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ засѣданій прочелъ мемуаръ, въ которомъ онъ показалъ путемъ разсчета силъ чело-

вѣка, выведенныхъ изъ опыта, что для этого нужны крылья въ 12—15 тысячъ футовъ, которыя двигались бы со скоростью трехъ футовъ въ секунду; и значитъ только невѣжда можетъ заниматься такого рода попытками...»

Лаландъ, конечно, ошибался, полагая, что престижъ науки нуждается именно въ защитѣ такого тона, но въ пылу полемики онъ зашелъ слишкомъ далеко и торжественно заявилъ, что «невозможность удержаться въ воздухѣ, ударяя по нему, также несомнѣнна, какъ и невозможность подняться, благодаря удѣльному вѣсу освобожденныхъ отъ воздуха тѣлъ» (l'impossibilité de se soutenir en frappant l'air est aussi certaine que l'impossibilite de s'élever par la pesanteur spécifique des corps vidés d'air) Интересно, какъ чувствовалъ себя Лаландъ годъ спустя послѣ написанія этого письма, когда изобрѣтеніе Монгольфьеровъ обсуждалось въ той же академіи наукъ, «но въ 1782 г. мнѣнія столь ученаго математика имѣло силу закона, и Бланшаръ былъ безжалостно осмѣянъ».

Бланшаръ все-таки не падалъ духомъ, и продолжалъ упорно работать надъ своимъ изобрѣтеніемъ. Говорятъ, онъ былъ уже настолько близокъ къ цѣли, что его машина могла подниматься только при 6-ти-фунтахъ противовѣса, когда сдѣлалось извѣстнымъ изобрѣтеніе Монгольфьеровъ и Бланшаръ сразу бросилъ всѣ свои работы.

По случаю своего перваго подъема на аэростатѣ 2-го марта 1784 года Бланшаръ помѣстилъ въ «Парижской Газетѣ» слѣдующее письмо, свидѣтельствующее о его неподдѣльной скромности и благородствѣ:

«Я воздаю глубокую и искреннюю хвалу безсмертному Монгольфьеру, безъ котораго, признаюсь, мои крылья годились бы, можетъ быть, лишь для того, чтобы безпомощно потрясать ими стихію, упорно отталкивавшую меня на землю, какъ тяжеловѣснаго страуса, меня, который думалъ оспаривать у орловъ дорогу къ облакамъ».

Глава II.

Біографія Монгольфьеровъ.—Изобрѣтеніе воздушнаго шара.—Опыты въ Аннонэ.—Опыты Шарля и братьевъ Роберъ въ Парижѣ.—Монгольфьеры въ Парижѣ и торжественный опытъ въ Версали.—Первое воздушное путешествіе: Пилатръ де-Розье и маркизъ д'Арландъ.—Подъемъ Шарля и Робера въ Тюльери.

Братья Жозефъ и Этьенъ Монгольфьеры (Montgolfier) родились въ небольшомъ французскомъ городкѣ Аннонэ, въ семьѣ зажиточнаго писчебумажнаго фабриканта Пьера Монгольфьера. Одинъ изъ отдаленныхъ предковъ Монгольфьеровъ, Жакъ Монгольфьеръ, участвовалъ во второмъ крестовомъ походѣ, былъ захваченъ въ плѣнъ въ Дамаскѣ, выучился тамъ искусству фабриковать писчую бумагу и, когда ему удалось бѣжать изъ плѣна, сталъ заниматься этимъ дѣломъ у себя на родинѣ. Съ тѣхъ поръ это занятіе передавалось Монгольфьерами изъ рода въ родъ и сдѣлалось у нихъ какъ бы наслѣдственнымъ.

Жозефъ-Мишель былъ по счету двѣнадцатымъ ребенкомъ Пьера Монгольфьера и родился 26-го августа 1740 г. Живой, наблюдательный и умный ребенокъ, Жозефъ плохо подчинялся суровой дисциплинѣ отца,

---

*) Lecornu. „La navigation aerienne".

который былъ очень недоволенъ своимъ сыномъ, считая его большимъ лѣнтяемъ. И на самомъ дѣлѣ школьная наука шла у него плохо, и настолько мало привлекала его, что однажды онъ рѣшился даже навсегда избавиться отъ нея, бѣжавъ изъ Турнонскаго коллежа, съ тѣмъ, чтобы

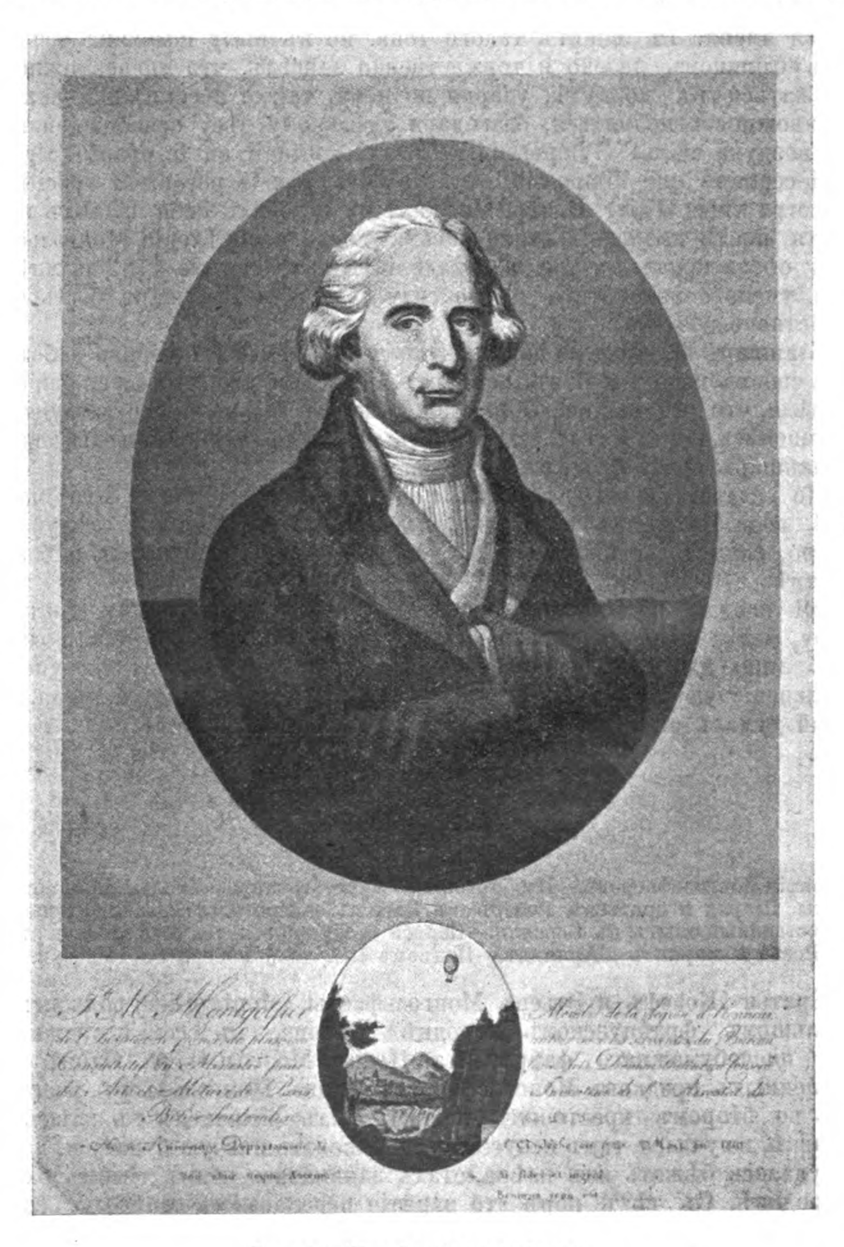


Рис. 10. Жозефъ Монгольфьеръ.

поселиться на берегу Средиземнаго моря, и питаться тамъ раковинами. 12-ти лѣтній бѣглецъ былъ, однако, пойманъ и снова водворенъ въ коллежъ въ Аннонэ. Здѣсь, случайно заинтересовавшись есте-

ственными науками, Жозефъ съ жаромъ принимается за ихъ изученіе, слѣдуя своему собственному методу. Тотчасъ же, по окончаніи коллежа, Жозефъ покидаетъ семью, поселяется въ Сентъ-Этьенѣ на Форезѣ, гдѣ занимается приготовленіемъ солей и красокъ, обезпечивая

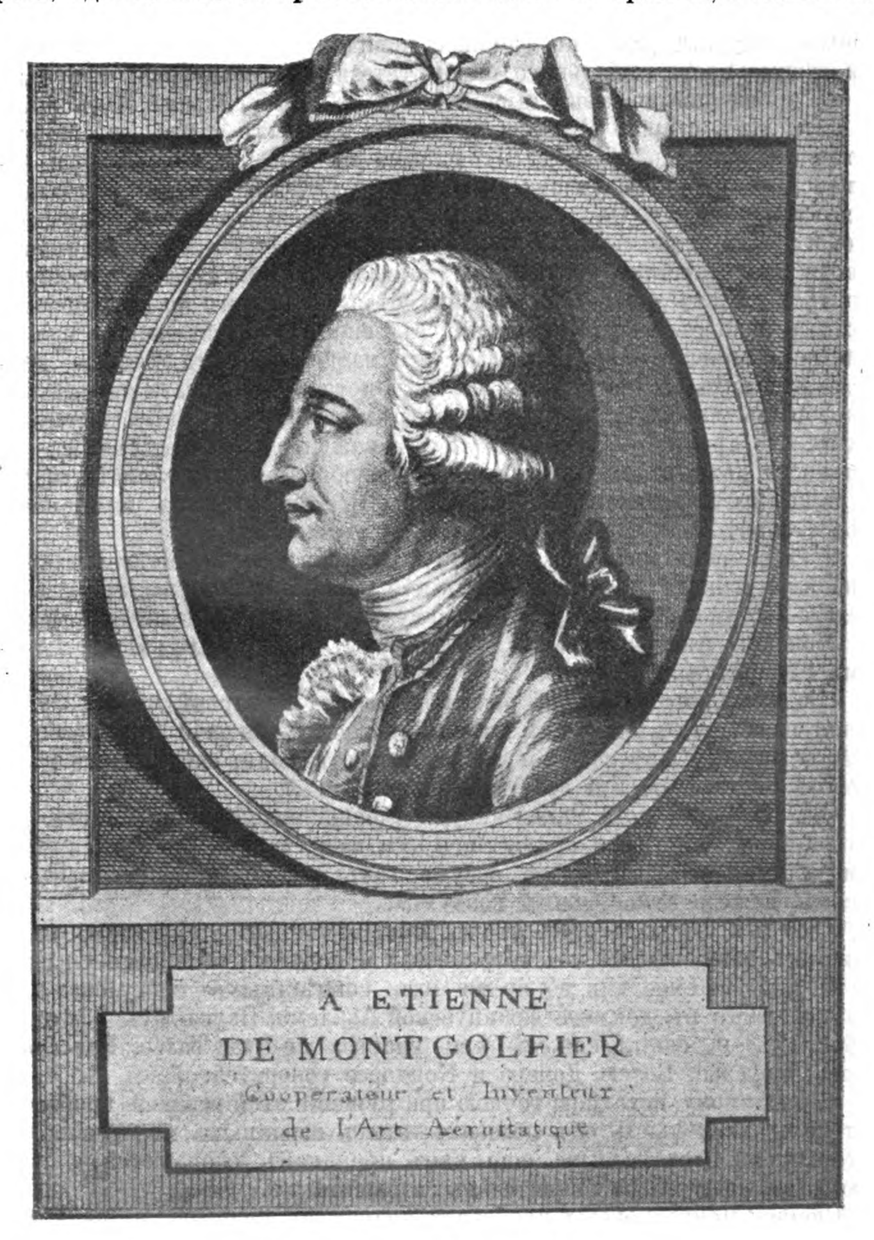


Рис. 11. Этьенъ Монгольфьеръ.

этимъ свое скудное существованіе. Вскорѣ затѣмъ онъ попадаетъ въ Парижъ, слушаетъ тамъ публичныя лекціи, посѣщаетъ физическіе кабинеты и заводитъ знакомства съ нѣкоторыми учеными. Но Жозефу

не пришлось долго оставаться въ Парижѣ. Нуждаясь въ помощникѣ, отецъ потребовалъ его на родину. Здѣсь вскорѣ (въ 1771 г.) Жозефъ женился на своей двоюродной сестрѣ и устроилъ двѣ новыхъ писчебумажныхъ мануфактуры. Въ это время его усиленно занимали проекты утилизаціи силъ природы. Жозефъ стремится примѣнить ихъ на своихъ мануфактурахъ, но фабрика, повидимому, даетъ мало простора для дѣятельности геніальнаго изобрѣтателя. Мануфактурой его отца въ то время завѣдывалъ старшій братъ Жозефа, Этьенъ. Онъ былъ на пять лѣтъ старше Жозефа, блестяще окончилъ курсъ въ парижскомъ коллежѣ Сенъ-Барбъ и готовился къ карьерѣ архитектора, занимаясь подъ руководствомъ знаменитаго Суффло. Этьену улыбалась блестящая карьера. Онъ уже сдѣлалъ нѣсколько архитектурныхъ работъ и между прочимъ планъ для церкви въ Фаремутьерѣ, когда смерть одного изъ старшихъ братьевъ заставила его вернуться на родину и заняться дѣломъ отца. Онъ всецѣло отдался своимъ новымъ обязанностямъ и внесъ много улучшеній въ способы писчебужнаго производства. Узнавши о проектахъ своего младшаго брата, Этьенъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ, и съ тѣхъ поръ братья стали заниматься разработкой своихъ идей сообща. Сотрудничество ихъ было настолько тѣсно, что трудно опредѣлить участіе каждаго изъ братьевъ въ отдѣльности даже въ такомъ дѣлѣ, какъ изобрѣтеніе воздушнаго шара. И сами братья никогда не говорили объ этомъ, считая излишнимъ удовлетворять чье-либо любопытство на этотъ счетъ.

Прежде чѣмъ придти къ идеѣ воздушнаго шара, Монгольфьеры, повидимому, пытались рѣшить проблему динамическаго воздухоплаванія. На это указываетъ отчасти и мемуаръ, представленный Жозефомъ въ Ліонскую Академію Наукъ, въ которомъ онъ писалъ между прочимъ слѣдующее:

«Подъемъ артиллерійской ракеты и работа пожарной машины, указывая на то, что въ природѣ имѣются источники энергіи гораздо большей, нежели та, которою могутъ располагать люди, побуждаютъ насъ воспользоваться ею для воздухоплаванія.

«Въ ожиданіи, пока какой-нибудь ученый механикъ пожелаетъ заняться этимъ важнымъ предметомъ, *мы*, мой старшій братъ и я, придумали заключить въ легкій сосудъ газъ съ меньшимъ удѣльнымъ вѣсомъ, нежели атмосферный воздухъ».

Идея эта зародилась въ умахъ Монгольфьеровъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ размышленій объ образованіи и подъемѣ облаковъ—явленіе часто наблюдаемое ими во время ихъ совмѣстныхъ прогулокъ. По крайней мѣрѣ въ докладѣ французской Академіи Наукъ отъ 23-го декабря 1783 г., составленномъ при участіи Ле-Руа, Тилье, Бриссона, Каде, Лавуазье, Боссю, Демарэ и Кондорсэ говорится:

«Повидимому, исходною точкою при рѣшеніи этой великой проблемы для нихъ была мысль объ облакахъ, этихъ огромныхъ массахъ воды, которыя, по неизвѣстнымъ еще намъ причинамъ, скопляются и плаваютъ въ воздухѣ на значительныхъ высотахъ».

Сперва Монгольфьеры пробовали подражать природѣ и надували легкую оболочку парами воды, но пары быстро сгущались, и оболочка, не успѣвъ подняться, быстро падала на землю.

Въ то время во Франціи только что появился переводъ труда Пристлея: «О различныхъ видахъ воздуха», въ которомъ говорилось, между прочимъ о физическихъ свойствахъ водорода, удѣльный вѣсъ котораго въ 14 разъ меньше вѣса воздуха. Этьенъ Монгольфьеръ на-

ходился въ Монпелье, когда ему попался въ руки переводъ книги Пристлея. На обратномъ пути въ Аннонэ, размышляя о свойствахъ водорода, Этьенъ приходитъ къ мысли воспользоваться этимъ газомъ для своихъ опытовъ. Онъ поспѣшилъ сообщить эту идею своему брату и они устраиваютъ опытъ. Опытъ имъ не удался, вслѣдствіе того что бумажная оболочка, которую они хотѣли наполнить водородомъ, была слишкомъ пориста для того, чтобы въ ней могъ удержаться столь легкій газъ.

Спустя нѣкоторое время, когда Жозефъ Монгольфьеръ находился въ Авиньонѣ, его внезапно осѣняетъ мысль при видѣ поднимающагося вверхъ дыма. Онъ покупаетъ матерію, выкраиваетъ изъ нея шесть равныхъ квадратовъ, сшиваетъ ихъ и получившійся такимъ образомъ кубъ черезъ отверстіе въ одной изъ его сторонъ наполняетъ дымомъ горящей бумаги. Кубъ надувается и поднимается къ потолку. Тогда, обезумѣвшій отъ радости Жозефъ пишетъ своему брату: «Приготовь скорѣе побольше матеріи, веревокъ и ты увидишь одну изъ самыхъ удивительныхъ вещей въ мірѣ». Это было въ ноябрѣ 1782 г. Послѣ этого онъ быстро возвращается въ Аннонэ и вмѣстѣ съ братомъ воспроизводитъ авиньонскій опытъ. Небольшой аэростатъ на этотъ разъ наполняется дымомъ отъ горящей смѣси шерсти и сырыхъ древесныхъ опилокъ. Такая смѣсь потребовалась затѣмъ, чтобы получить дымъ «съ электрическими свойствами», такъ какъ, повидимому, Монгольфьеры приписывали подъемъ облаковъ въ атмосферѣ ихъ электричеству. Первый аэростатъ поднялся на очень незначительную высоту и загорѣлся въ воздухѣ. Второй, вмѣстимостью въ 20 куб. метровъ, поднялся на высоту 300 метровъ, оборвавъ удерживавшія его привязи и опустился на одинъ изъ окрестныхъ холмовъ. Какъ ни старались Монгольфьеры скрывать свои опыты, послѣдніе не могли не сдѣлаться предметомъ самаго страстнаго любопытства со стороны ихъ согражданъ. Къ нимъ стали приставать съ просьбами произвести опытъ публично. Монгольфьеры согласились, и опытъ состоялся 5-го іюня 1783 г. при торжественномъ присутствіи мѣстныхъ властей и многочисленной публики. Вотъ какъ описываетъ Фожа де Сенъ-Фонъ этотъ историческій опытъ, которымъ оффиціально датируется изобрѣтеніе аэростатовъ.

«Велико было удивленіе депутатовъ и публики, когда они увидѣли на площади шаръ въ сто десять футовъ въ окружности, къ нижнему полюсу котораго была прикрѣплена большая деревянная рама. Его оболочка, вмѣстѣ съ рамой вѣсила 500 фунтовъ и могла вмѣстить 22 тысячи куб. футовъ пара. Когда изобрѣтатели этой машины объявили, что машина поднимается до облаковъ, лишь только она будетъ наполнена газомъ, который они приготовятъ самымъ простымъ способомъ то, несмотря на уваженіе къ просвѣщенности и уму Монгольфьеровъ, это показалось присутствующимъ настолько невѣроятнымъ, что даже лица наиболѣе образованныя и наименѣе предубѣжденныя, рѣшительно усумнились въ успѣхѣ опыта.

Наконецъ Монгольфьеры приступаютъ къ дѣлу. Они начинаютъ съ приготовленія паровъ, благодаря которымъ должно произойти явленіе; тогда машина, которая представляла собою лишь полотняную оболочку подклеенную бумагой и имѣла видъ гигантскаго мѣшка въ 35 футовъ вышины, начинаетъ надуваться и увеличиваться на глазахъ присутствующихъ, принимаетъ красивую форму, натягивается со всѣхъ сторонъ и стремится подняться вверхъ. Сильныя руки удерживаютъ

ее, въ ожиданіи сигнала, и когда послѣдній былъ поданъ, она съ быстротой поднимается на воздухъ, гдѣ ускоренное движеніе уноситъ ее на высоту тысячи туазъ *) впродолженіи не болѣе десяти минутъ. Затѣмъ она проходитъ 7.200 футовъ въ горизонтальномъ направленіи и, потерявъ значительное количество газа, медленно спускается именно на вышеозначенномъ разстояніи отъ мѣста отправленія; безъ сомнѣнія, она продержалась бы въ воздухѣ значительно дольше, если бы было возможно въ ея изготовленіе внести больше точности и прочности. Но цѣль была достигнута и этою первою попыткою, увѣнчавшеюся столь счастливымъ успѣхомъ, Монгольфьеры навсегда закрѣпили за собою славу одного изъ самыхъ удивительныхъ открытій...

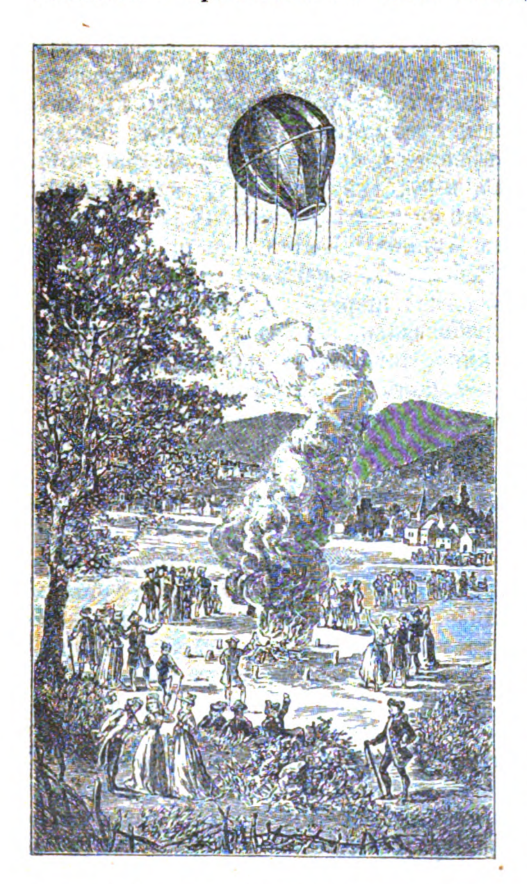


Рис. 12. Первый публичный опытъ съ воздушнымъ шаромъ, произведенный въ Аннопэ 5-го іюня 1783 г.

Принимая въ соображеніе безчисленныя трудности, которыя представлялъ этотъ смѣлый опытъ, рискъ подвергнуться обидной критикѣ въ случаѣ малѣйшей неудачи, а также значительные расходы съ какими сопряженъ былъ опытъ, нельзя не испытывать восхищенія передъ авторами аэростатической машины».

По окончаніи опыта Генеральнымъ Контролеромъ д'Ормессономъ былъ составленъ протоколъ, подписанный мѣстными властями, и былъ посланъ въ Парижскую Академію Наукъ.

Въ первыхъ числахъ іюля это событіе уже сдѣлалось извѣстнымъ въ Парижѣ и вызвало большое волненіе во всѣхъ классахъ общества. Академія Наукъ въ засѣданіи отъ 10 декабря 1783 г. даетъ Монгольфьерамъ званіе членовъ-корреспондентовъ, а двѣ недѣли спустя, присуждаетъ имъ премію, предназначенную для поощренія наукъ и искусствъ.

Людовикъ XVI наградилъ Этьена орденомъ Св. Михаила, Жозефу была назначена пожизненная пенсія въ тысячу ливровъ ежегодно, а ихъ престарѣлому отцу пожалована дворянская грамота. При послѣдующемъ изложеніи исторіи воздушнато шара, намъ еще придется возвращаться къ карьерѣ братьевъ-изобрѣтателей. а теперь пока закончимъ нашъ біографическій очеркъ краткими указаніями на дальнѣйшую судьбу ихъ семьи.

*) Туаза=1,949 метра.

Старикъ отецъ умеръ въ 1793 году, доживъ до 93 лѣтъ. Большая часть его дѣтей вскорѣ послѣдовала за нимъ.

Этьенъ Монгольфьеръ во время террора, по доносу, попалъ въ число заподозрѣнныхъ и избѣжалъ эшафота лишь благодаря заступничеству своихъ рабочихъ, которые обожали его. Семейныя несчастія и политическія событія того времени сильно пошатнули его здоровье, и у него развилась болѣзнь сердца. Чувствуя приближеніе конца и чтобы не заставить страдать близкихъ, онъ уѣхалъ, подъ предлогомъ спѣшныхъ дѣлъ, на родину и тамъ умеръ 2 августа 1799 года.

Смерть брата страшно подѣйствовала на Жозефа Монгольфьера. Онъ бросилъ промышленныя дѣла, переселился въ Парижъ и отдался всецѣло научнымъ занятіямъ. За свои ученые труды въ 1807 г. онъ былъ избранъ въ члены Академіи Наукъ. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ его работъ относится изобрѣтеніе гидравлическаго тарана—изобрѣтеніе, которое онъ цѣнилъ выше аэростата. Это былъ продуктъ его многолѣтнихъ размышленій надъ вопросомъ утилизаціи силъ природы, который какъ мы видѣли, занималъ его еще въ молодости. За это изобрѣтеніе Жозефу Монгольфьеру была присуждена высшая награда (grand prix), предназначенная, декретомъ Наполеона для «изобрѣтателя машины, имѣющей наибольшее значеніе для искусствъ и ремеселъ». Это была послѣдняя дань этого замѣчательнаго человѣка труду и знанію. Онъ умеръ 28 іюня 1810 года.

Въ 1883 году, въ Аннонэ, родинѣ Монгольфьеровъ, былъ воздвигнутъ памятникъ работы скульптора Кордье. На торжественномъ открытіи его присутствовали представители всѣхъ ученыхъ обществъ Франціи, чтобы почтить память великихъ братьевъ, «которые, сливъ свои таланты съ своими сердцами, скромно завоевали, столѣтіе тому назадъ, блестящее мѣсто въ исторіи человѣческаго прогресса и неувядаемую славу» (надпись на памятникѣ).

Какъ мы сказали уже, извѣстіе объ опытахъ Монгольфьера произвело большой переполохъ почти во всѣхъ сферахъ парижскаго общества. Всѣмъ казалось, что воздухоплаваніе отнынѣ можетъ считаться совершившимся фактомъ и что управленіе воздушнымъ шаромъ уже пустяки, по сравненію съ трудностью той проблемы, которую удалось разрѣшить Монгольфьерамъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали повторенія опыта въ Парижѣ. По требованію министра королевскаго двора, графа Бретейля, академія назначила коммиссію, которая рѣшила вызвать Монгольферовъ въ Парижъ, для повторенія аннонэйскаго опыта на счетъ академіи. Но коммиссія очень медленно исполняла свое рѣшеніе, а между тѣмъ, нетерпѣніе публики возрастало. Тогда профессоръ ботаническаго сада (jardrin des plantes) Фожа де-Сенъ-Фонъ (Faujas de-Saint-Fond), чтобы ускорить дѣло, открылъ подписку для сбора средствъ на устройство опыта. Въ теченіе лишь нѣсколькихъ дней подписка дала около 10-ти тысячъ франковъ. За устройствомъ опыта Фожа обратился къ довольно уже извѣстному въ то время физику Шарлю и двумъ опытнымъ техникамъ, братьямъ Роберъ (Robert). Шарль скоро понялъ истинную причину поднятія шара Монгольфьеровъ и рѣшилъ достичь той же цѣли не при помощи нагрѣтаго воздуха, а водорода, тѣмъ болѣе, что братьямъ Роберъ былъ извѣстенъ способъ приготовленія ткани, непроницаемой для воды и воздуха, а это значительно облегчало задачу Шарля. Роберы энергично принялись за приготовленіе оболочки шара и въ теченіе 25-ти дней блестяще выполнили свою задачу. Оболочка эта, сдѣланная изъ шелка, покры-

таго какимъ-то составомъ, была надута воздухомъ и находилась во дворѣ дома, въ которомъ жили братья Роберъ. Получился правильный шаръ въ $3^1/_2$ метра въ діаметрѣ и 25 куб. метровъ въ объемѣ. Оставалось наполнить его водородомъ, и здѣсь Шарлю пришлось натолкнуться на очень серьезныя препятствія. Дѣло въ томъ, что газъ этотъ *) былъ тогда еще мало изученъ, способы приготовленія его были несовершенны и годились лишь для лабораторнаго приготовленія небольшихъ количествъ водорода, здѣсь же требовалось сразу огромное количество газа. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, Шарль остановился на слѣдующемъ способѣ: онъ взялъ крѣпкій деревянный боченокъ, всыпалъ въ него 500 килограмовъ желѣзныхъ опилокъ, поверхъ которыхъ налилъ воды, а въ противоположное дно вставилъ двѣ трубки: одну для вливанія сѣрной кислоты, другую, покороче, для выхода газа (см. рис. 13). Соединивъ послѣднюю съ трубкой, вставленной въ нижній полюсъ шара, снабженной краномъ, Шарль въ другую трубку вливалъ по немногу разбавленную водой сѣрную кислоту. Образовавшійся при этомъ водородъ поступалъ въ шаръ. Операція эта, помимо длительности ея, была сопряжена съ громадными трудностями. Во-первыхъ, происходило сильное нагрѣваніе газа, и шаръ приходилось то и дѣло окачивать водой изъ пожарнаго насоса; затѣмъ, вслѣдствіе того же нагрѣванія, вмѣстѣ съ водородомъ въ шаръ попадали водяные пары, которые сгущались при охлажденіи въ воду; чтобы избавиться отъ нея, нужно было открывать кранъ, причемъ вмѣстѣ съ водой выходила, конечно, и часть газа. Наконецъ, послѣ четырехдневной безостановочной работы, шаръ былъ наполненъ на двѣ трети водородомъ. Во все время операціи публика буквально осаждала дворъ Роберовъ; чтобы сдерживать толпу, пришлось обратиться даже къ военной силѣ. По окончаніи операціи, шаръ для испытанія былъ оставленъ на ночь во дворѣ Роберовъ; потеря газа была незначительна и слѣдующею ночью его рѣшено было перенести на Марсово поле.

«Онъ былъ положенъ,—разсказываетъ объ этомъ извѣстный уже намъ Фожа де-Сенъ-Фонъ **),—на спеціально сдѣланныя для него носилки и неподвижно укрѣпленъ на нихъ тѣми самыми привязями, которыя удерживали его во дворѣ. Шаръ, несомый на носилкахъ, окруженный отрядомъ пѣшей и конной стражи и освѣщенный факелами — это было единственное въ своемъ родѣ зрѣлище! Ночное шествіе, форма и объемъ тѣла, переносимаго съ такой помпой и съ такими предосторожностями, безмолвіе процессіи и совершенно необычное время (2 часа ночи)—все способствовало исключительности и таинственности этого зрѣлища, которое должно было особенно дѣйствовать на воображеніе тѣхъ, кто не былъ предупрежденъ заранѣе. Встрѣчные извозчики были настолько поражены процессіей, что слѣзали съ фіакровъ, снимали шляпы и падали ницъ, оставаясь въ такомъ положеніи все время, пока процессія двигалась мимо нихъ...

«Съ разсвѣтомъ занялись приготовленіемъ газа; въ полдень шаръ уже былъ почти полонъ, окончательное же наполненіе его рѣшили произвести передъ публикой, чтобы дать ей понятіе о способѣ приготовленія газа.

---

*) Водородъ былъ открытъ лишь въ 1766 г. англійскимъ физикомъ Кавендишемъ.

**) Онъ, между прочимъ, оставилъ описанія почти всѣхъ первыхъ подъемовъ и опытовъ съ воздушными шарами, начиная съ опыта въ Анноне.

«Марсово поле было установлено войсками, прилегающіе авеню охранялись со всѣхъ сторонъ, въ видахъ облегченія движенія экипажей и предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Къ тремъ часамъ дня площадь покрылась народомъ, кареты подъѣзжали со всѣхъ сторонъ

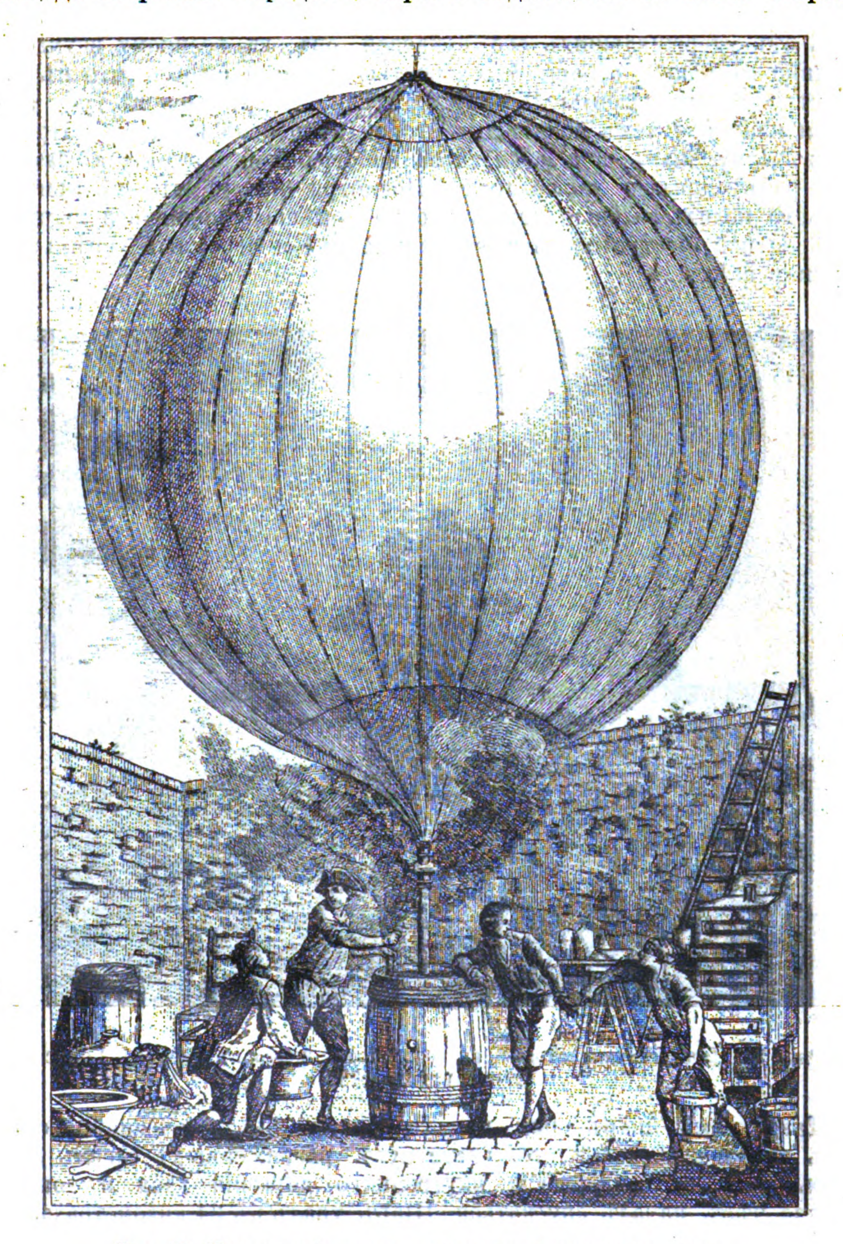


Рис. 13. Наполненіе газомъ перваго водороднаго шара.

и вскорѣ могли двигаться лишь гусемъ. Берега рѣки, дорога въ Версаль, амфитеатръ Пасси были покрыты сплошной массой зрителей. Въ зданіи Военной Школы и на Марсовомъ полѣ собралась наиболѣе блестящая и многочисленная публика.

«Въ пять часовъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о началѣ опыта; въ то же время это должно было служить сигналомъ для ученыхъ, находившихся на террасѣ Кладовой Королевской Мебели, на башняхъ собора Парижской Богоматери и въ Военной Школѣ для наблюденій за полетомъ шара и различныхъ вычисленій. Когда шаръ былъ освобожденъ отъ удерживавшихъ его привязей, онъ, къ великому изумленію публики съ такой страшной скоростью взвился вверхъ, что въ двѣ минуты достигъ высоты 488 туазъ; здѣсь онъ врѣзался въ тучу и на время исчезъ, о чемъ возвѣстилъ второй пушечный выстрѣлъ. Пройдя черезъ тучу, шаръ показался снова на страшной высотѣ, а затѣмъ еще разъ скрылся въ облакахъ. Несмотря на то, что въ моментъ подъема полилъ сильный дождь, это не помѣшало подняться шару съ невѣроятной быстротой, такъ что опытъ имѣлъ огромный успѣхъ: онъ изумилъ всѣхъ...»

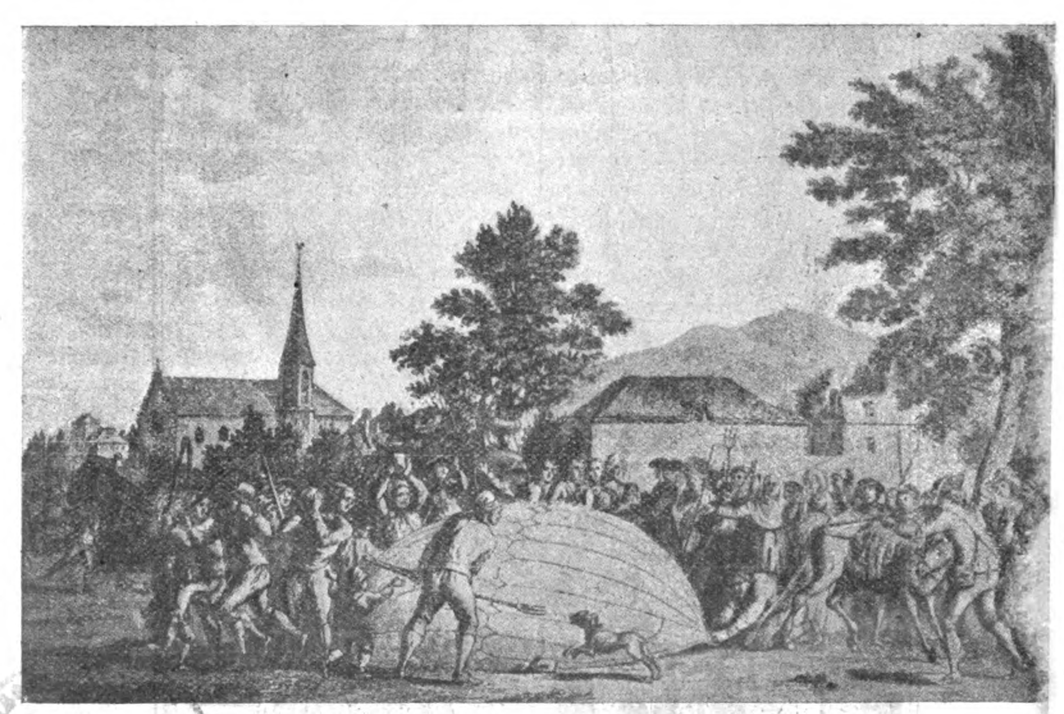


Рис. 14. Нападеніе крестьянъ на воздушный шаръ въ деревнѣ Гонессъ 27-го августа 1783.

Такъ какъ шаръ при началѣ опыта былъ, очевидно, слишкомъ наполненъ газомъ, то, достигнувъ разряженныхъ слоевъ атмосферы, онъ не выдержалъ внутренняго давленія газа и лопнулъ прежде чѣмъ началъ спускаться. Шаръ упалъ въ 24 километрахъ отъ Парижа, въ деревнѣ Гонессъ. Ничего не ожидавшіе жители ея были до такой степени перепуганы видомъ свалившагося чудовища, испускавшаго (происходящій отъ неочищеннаго водорода) сѣрнистый запахъ, что нисколько не усумнились въ его дьявольскомъ происхожденіи, и тотчасъ же побѣжали за мѣстнымъ кюрэ, прося его прочитать заклинаніе, но явившійся кюрэ не осмѣлился приблизиться къ чудо-

---

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.